

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

Научный диалог

2021. № 1

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none"> • WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Архангельск	Махачкала
	Будапешт	Москва
	Владивосток	Нижний Новгород
	Владикавказ	Самара
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Елец	Тобольск
	Иркутск	Улан-Удэ
	Кемерово	Хабаровск
	Калининград	Чита
	Липецк	Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	90 %	

Дата выхода в свет 28.01.2021

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 1

Impact factor RSCI 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	<ul style="list-style-type: none">• WoS <Emerging Sources Citation Index>• ERIH PLUS• Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)• Science Index (Rus)• Index Copernicus• CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none">• EBSCO• RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library• CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет**10.02.00 Языкознание**

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Билиана Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоскина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Алчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
 Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
 Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
 Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
 Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
 Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
 Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD**LINGUISTICS**

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
 Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
 Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
 Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
 Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
 Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
 Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
 Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
 Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
 Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
 Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
 Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
 Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
 Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
 Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
 Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
 Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
 Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
 Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
 Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
 Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
 Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
 Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
 Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
 Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Золотарева Л. А., Окатова Н. Т.</i> Текстовые реализации фразеосхемы «N ₁₋₆ + так + N ₁₋₆ » в публицистическом и художественном дискурсах.....	9
<i>Михалева О. Л., Чекмез У. Э.</i> Организация устного диалогического дискурса: обратная связь и способы её экспликации.....	29
<i>Позднякова Е. М., Блинова О. А.</i> Пандемия Covid-19 в политических карикатурах американской прессы: опыт мультимодального анализа.....	48
<i>Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Палоши И. В.</i> Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект.....	63
<i>Семёнова И. В.</i> Семантико-синтаксические особенности конструкций со значением меры и степени в русском языке.....	80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Александрова-Осокина О. Н.</i> Тема «человек и природа» в поэзии Петра Комарова.....	96
<i>Дугаров Б. С.</i> Мотив партеногенеза: уранический фактор и фольклорная традиция.....	110
<i>Ильченко Н. М., Маринина Ю. А.</i> «Жизнь как страдание»: мотив мести в новелле Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер» и романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина».....	121
<i>Корякина А. Ф.</i> Сходства и отличия якутского олонхо и бурятского улигера: сюжетный состав и мотивы.....	135
<i>Осипова О. И.</i> Константы малой прозы Ф. Сологуба.....	152
<i>Подоксенов А. М., Телкова В. А.</i> Пришвин и Троцкий: человек, «похожий на фармацевта», в повести «Мирская чаша», публицистике и «Дневнике» писателя.....	164
<i>Шарытина Т. А.</i> Типологические схождения и «странные сближения» в романах В. Каверина «Два капитана» и Б. Шлинка «Ольга».....	178

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Васильева О. В., Кузьмина А. А., Федорова А. Р.</i> Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов.....	194
<i>Гомбожатов А. Д.</i> Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей.....	211
<i>Горбатов А. В., Мальцев М. А.</i> Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году.....	224
<i>Дарчиева С. В., Дарчиев, А. В.</i> Вопросы начального и среднего образования в деятельности Государственной думы Российской империи (1906—1917 годы).....	241
<i>Жиров А. А.</i> Политика реполонизации и автохтонное польское население западных и северных земель Польши в 1944—1950 годах.....	256
<i>Захаровский Л. В., Разинков С. Л.</i> Учебные заведения системы Государственных трудовых резервов СССР в 1941—1954 годах: адаптация к миграционному воздействию (по материалам Свердловской области).....	267

<i>Иванов А. А.</i> Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы)	286
<i>Ларионова М. Б.</i> Уральские чиновники в пространстве уездного города первой половины 1870-х годов (по материалам дневника слуги уральских помещиков Голубцовых).....	306
<i>Магомедова З. А., Ибрагимова З. Б.</i> Дагестанские арабоязычные эпистолярные материалы XIX — начала XX веков.....	320
<i>Макаров А. В., Гусевская Н. Ю., Петров А. С.</i> Противодействие государственной измене в российском законодательстве второй половины XIX — начала XX веков	337
<i>Мамедов Р. Ш., Сапронова М. А.</i> Особенности политического развития Ирака в 2003—2020 годах: формирование новой элиты	357
<i>Попов И. Д.</i> Конференции премьер-министров германских земель в 1948—1949 годах и их политическое значение.....	371
<i>Семенова Е. Ю.</i> Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья)	392
<i>Тычинских З. А.</i> Татарское население Западной Сибири во второй половине XIX — первой трети XX веков: историко-демографическая характеристика	411
<i>Шевченко И. А., Черных Е. В.</i> Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона».....	426
<i>Юнина Е. А.</i> Процесс распространения и условия открытия стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии в начале XX века.....	451
АВТОРАМ.....	472
CONTENTS.....	477

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Елена Михайловна Позднякова, д-р филол. наук (Москва)
Ильдико Вероника Палоши, канд. филол. наук (Будапешт)
Инна Владимировна Семенова, канд. филол. наук (Хабаровск)
Лариса Викторовна Рацибурская, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Любовь Александровна Золотарева, канд. пед. наук (Владивосток)
Наталья Тимофеевна Окатова, канд. филол. наук (Владивосток)
Ольга Александровна Блинова, канд. филол. наук (Москва)
Ольга Леонидовна Михалева, канд. филол. наук (Иркутск)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ульяна Эдуардовна Чекмез (Иркутск)

Золотарева Л. А. Текстовые реализации фразеосхемы «N1-6 + так + N1-6» в публицистическом и художественном дискурсах / Л. А. Золотарева, Н. Т. Окатова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28.

Zolotareva, L. A., Okatova, N. T. (2021). Textual Manifestation of the Phraseological Scheme “N1-6 + so + N1-6” in Publicistic and Artistic Discourses. *Nauchnyi dialog, 1*: 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28

ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОСХЕМЫ «N₁₋₆ + ТАК + N₁₋₆» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

© **Золотарева Любовь Александровна (2021)**, orcid.org/0000-0001-8067-8185, Scopus Author ID 57191892992, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), l100569@yandex.ru.

© **Окатова Наталья Тимофеевна (2021)**, orcid.org/0000-0002-0822-1380, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), oknt@gambler.ru.

Статья посвящена выявлению функциональных особенностей фразеосхемы «N₁₋₆ + так + N₁₋₆» в текстах публицистического и художественного стилей русского языка. Рассмотрены структурные, семантические и прагматические характеристики языковых единиц этого структурного типа. Комментируются различные подходы к описанию фразеосхем русского языка, но основным для данного исследования авторы предлагают считать объединение структурно-семантического и функционально-коммуникативного подходов. Отмечается, что в русском языке исследуемая фразеосхема представлена в двух омонимичных вариантах, которые имеют значение высшей степени проявления признака и значение согласия / принятия. Приводятся аргументы для выделения этих вариантов, которые подтверждаются различием семантики, компонентного состава и грамматической вариативности каждой фразеосхемы. Особое внимание авторы уделяют выявлению контекстуальных значений данного синтаксического построения. Рассматриваются такие виды значения согласия и принятия, как вынужденное / неконтролируемое, безразличное согласие / принятие, осознанное / контролируемое и др. Актуальность исследования обусловлена появлением новых фактов фразеологизации синтаксических единиц в речи и применением комплексного анализа к рассматриваемым фразеологизмам. Материалом послужили тексты Национального корпуса русского языка, а также картотека авторов.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; предложения фразеологизированной структуры; фразеосхема; семантика фразеосхемы; структурные характеристики; прагматические особенности.

1. Основные направления исследования синтаксической фразеологии

Рассматриваемая в данной статье фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » относится к числу фразеологизированных предложений русского языка, которые отличаются от предложений свободной структуры тем, что воспроизводятся в речи в готовом виде, состоят из постоянных и переменных лексических компонентов, которые не сочетаются по принятым в языке правилам; их значение характеризуется идиоматичностью, то есть невыводимостью из значений компонентов, и, самое главное, как отмечает автор термина *фразеосхема* Д. Н. Шмелев, «фразеологической является самая схема предложения» [Шмелев, 1960].

Активное исследование синтаксического уровня языка на предмет наличия в нем фразеологических единиц началось в 60-е годы прошлого века, и связано оно прежде всего с изучением синтаксиса разговорной речи. Описание устойчивых конструкций Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1958] и Д. Н. Шмелёвым [Шмелев, 1958] открыло новое направление в лингвистике, в котором было заявлено изучение синтаксических фразеологических единиц (далее — СФЕ). Фразеологизированные конструкции привлекли внимание таких ученых, как В. И. Кодухов [Кодухов, 1967], Н. А. Янко-Триницкая [Янко-Триницкая, 1967], Г. Я. Солганик [Солганик, 1976] и др.

К настоящему времени в русистике сложились определенные подходы к описанию этих языковых единиц: структурно-семантический, «идиоматический», прагматический, конструкционный, лингвометодический и лексикографический (подробнее об этом см.: [Золотарева и др., 2018]). В рамках первого направления считаем необходимым выделить исследования в области синтаксической фразеологии научной школы М. Ю. Меликяна, в трудах которого определены единицы синтаксического уровня фразеологии, описаны нечленимые предложения русского языка, получили комплексное рассмотрение такие построения, как коммуникемы [Меликян, 2013]. Описание СФЕ нашло отражение не только в теоретических исследованиях ученого и его последователей, но и в лексикографической практике — в различных словарях синтаксических фразеологизмов [Меликян, 2016] и др.

Второе направление предполагало изучение синтаксической идиоматики: работы И. Н. Кайгородовой [Кайгородова, 1999] и ее последователей, в частности И. Н. Крутовой [Крутова, 2010], ставят целью определение коммуникативно-прагматического потенциала синтаксических идиом. Близки этому направлению и труды таких исследователей, как Л. А. Пио-

тровская [Пиотровская, 2019], С. С. Сафонова [Сафонова, 2013], Н. А. Пузов [Пузов, 2011] и др.

Описанию синтаксических фразем с вопросительным словом посвящены работы Л. Л. Иомдина, объектом анализа которых служат конструкции малого синтаксиса [Иомдин, 2013].

Исследованием самого процесса фразеологизации в области синтаксиса активно занимается М. В. Копотев [Копотев и др., 2016], изучение отдельных фразеологических конструкций представлено в работах Е. Л. Вилинбаховой [Вилинбахова, 2013], Н. Р. Добрушиной [Добрушина, 2013].

Среди работ лингводидактического направления следует отметить труды А. В. Величко [Величко, 2016]. Заслуживает внимания семантическая классификация синтаксических фразеологизмов, описание предложений фразеологизированной структуры с позиции функционально-коммуникативной грамматики, включающее не только прагматический, но и когнитивный, социокультурный аспекты. В рамках данного подхода можно отметить исследования М. В. Всеволодовой, Ли Су Ен, Л. А. Балобановой [Всеволодова и др., 2002; Балобанова, 2004], а также наши работы по синтаксической фразеологии [Золотарева и др., 2018; Золотарева, 2019].

Одним из новейших исследований является также работа Ван Жучжэнь, написанная в соавторстве с Е. А. Стародумовой [Ван Жучжэнь и др., 2019], в основу которой легли наблюдения над функционированием частиц в составе фразеосхем русского языка.

Предметом нашего исследования служит фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ », выражающая различные оттенки значения согласия / принятия.

2. Фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » в исследованиях по синтаксическим фразеологизмам

В русском языке существуют две омонимичные конструкции, имеющие одну структурную схему « $N_1 + \text{так} + N_1$ », но выражающие разные значения: высокую степень проявления признака и согласие / принятие.

В качестве омонимичных рассматриваются фразеосхемы «<Ну> N [V finit, inf, Adj, Adv, Pron](,) + так + <и> + N [V finit, inf, Adj, Adv, Pron]!» и «<Вот [уж]> N_1 [V inf, finit (н.вр., пр.в.), Adj, Adv](,) + так + N_1 [V inf, finit (н.вр., пр.в.), Adj, Adv]!» в диссертации В. В. Посиделовой. Значение первой фразеосхемы трактуется как «согласие, примирение с оттенком безразличия, равнодушия, нейтрального отношения к предмету речи» [Посиделова, 2008, с. 91], а вторая выражает «высокую степень интенсивности проявления предмета речи, его оценку как во всём соответствующего называемому, обнаруживающегося во всей полноте, во всех своих возмож-

ных проявлениях, в сочетании с одобрением / неодобрением, возмущением / восхищением, порицанием, огорчением и т. п.» [Там же, с. 97].

В словаре В. Ю. Меликяна данные фразеосхемы различаются аналогичным образом [Меликян, 2016, с. 217].

А. В. Величко в своей монографии описывает рассматриваемые фразеосхемы (далее также — ФС) как принадлежащие к разным семантическим группам. ФС «вот + сущ. / глаг. / прил. / нареч. + сущ. / глаг. / прил. / нареч.» относится к группе недифференцированной оценки, а ФС «инф. / сущ. / прил. / нареч. + так + инф. / сущ. / прил. / нареч.» входит в группу предложений, выражающих принятие. По мнению исследователя, употребление слов разных частей речи в качестве варьируемого компонента последней фразеосхемы «обеспечивает широкие семантические возможности структуры», то есть инфинитив выражает «согласие говорящего принять, осуществить действие, а следовательно, всю ситуацию», а слова других частей речи акцентируют внимание на согласии с определенным аспектом ситуации [Величко, 2016, с. 184—185]. Автор также отмечает, что общее семантическое значение принятия реализуется в согласии, принятии и утверждении.

Включение фразеосхемы « $N_1 + \text{так} + N_1$ » в состав «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » М. Копотев обосновывает общей этимологией предложений, построенных по этим схемам. Он утверждает, что оба фразеологизма имеют общую историю: «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » восходит к условной конструкции *Если X, так X magn.*, в которой условие максимального проявления ситуации или признака может задаваться эксплицитно, а вторая фразема восходит к условному предложению *Если X, так X*, которое имело модальную лексику в качестве первого компонента конструкции: *Если надо X, так Ø X (Если надо в школу, так Ø в школу)* [Копотев и др., 2016, с. 72].

В данной работе мы придерживаемся мнения о том, что исследуемые конструкции представляют собой две различные фразеосхемы. Можно рассматривать « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » как самостоятельную фразеосхему, так как, во-первых, в современном языке отсутствует семантическая связь между «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » и « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ », во-вторых, конструкции принимают в свою структуру совершенно разные по семантике и выражению факультивные компоненты, в-третьих, данные построения имеют отличающиеся грамматические варианты переменных лексических компонентов.

3. Структурный состав фразеосхемы « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ »

Характерные черты фразеосхемы, а именно ее клишированность и воспроизводимость, проявляются в повторяемости типовой схемы синтак-

сической конструкции, состоящей из постоянного / неизменяемого компонента — частицы *так* и переменных / изменяемых, выраженных одним именем существительным.

Определение семантики постоянного структурообразующего компонента в значительной степени затруднено, так как в составе фразеосхемы его значение меняется.

Как отмечает в своей диссертации В. В. Посиделова, «данная фразеосхема производна и образована на основе сложноподчиненного предложения с придаточным условия или бессоюзного предложения нефразеологизированного типа с условным значением» [Посиделова, 2008, с. 92]. В. В. Посиделова считает *так* усилительной частицей, сохранившей особенности семантики, обусловленные ее ролью в сложном предложении.

В словаре В. Ю. Меликяна также отмечается, что *так* употребляется для усиления и подчеркивания слова или группы слов, к которым относится [Меликян, 2016, с. 238]. Это же значение указывается для частицы *так* в составе омонимичной конструкции со значением высшей степени проявления признака. Таким образом, значение частицы и ее функция в различных фразеосхемах не дифференцируются.

В «Словаре русских частиц» Э. Г. Шимчук и М. Г. Щур частица *так* рассматривается как выделительная, в словарной статье упоминаются «следующие синтаксически и лексически обусловленные употребления *так*:

В сочетании двух совпадающих форм имени существительного с безударной частицей *так* между ними, выражающем сообщение о том, что соответствующий предмет достоин внимания, удивления, восхищения. *Вот конюх, так конюх, — говорит мать. — И лошади чисты, и кормушки все починены. Он и конюх, и плотник (Пришвин) ...*

В сочетании двух одинаковых форм инфинитива, существительного или местоимения с безударной частицей *так* между ними, выражающем сообщение о согласии с чем-нибудь или на что-нибудь, о допущении какого-нибудь действия, состояния или о готовности приступить к осуществлению чего-нибудь. *Ехать так ехать. Новый так новый, я не спорю. Ну что ж, за работу так за работу ...»* [Шимчук и др., 1999, с. 114—115].

Нерешенным является также вопрос о факультативных и постоянных членах омонимичных конструкций. Сравним две схемы, в которых мы отражаем факультативные компоненты разной степени сложности:

Схема **N1 + так + N1!**

Значение высокой степени проявления свойств предмета

Вот
Уж
Во
Во-о
Вот это
Вот уж
Вот что
Вот где
Вот это уж
Вот уж это
Вот уж где

Схема **N1 + так + N1**

Значение принятия, согласия

Ну
Ладно
Хорошо
Ну, ладно
Ладно...но / а / хотя
Что же
Что ж
Ну, хорошо
Ну и что
Ну и ладно
Ну что ж
Ну что ж, ладно
Да это то ладно

Нетрудно заметить присутствие частиц *вот* во всех вариантах состава в первой схеме (значение высокой степени проявления свойств предмета) и частицы *ну* во второй схеме (значение принятия, согласия). Из этого заключаем, что значение факультативного компонента влияет на значение фразеосхемы. Участие частицы *вот* в формировании семантики фразеосхемы позволило А. В. Величко рассматривать ее в качестве постоянного структурообразующего компонента фразеосхемы *вот + суц. + так + суц.* Этого же мнения придерживаются М. В. Всеволодова и Лим Су Ен [Всеволодова и др., 2002].

Ещё одним доказательством в пользу рассмотрения двух вышеупомянутых конструкций как отдельных фразеосхем являются следующие факты:

— употребление в составе « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » имен собственных и невозможность их использования в « $\text{Вот } N_1 + \text{так} + N_1!$ »;

— падежная вариативность имени существительного в первой конструкции;

— возможность употребления инфинитива, наречия, прилагательного в качестве вариативного компонента вместо существительного в « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ ».

Включение в конструкцию имен собственных связано, на наш взгляд, с семантикой конструкции: в качестве объекта принятия или согласия может выступать любое явление действительности; именно поэтому для выражения различных обстоятельственных отношений используются топонимы либо антропонимы:

В Павловск — так в Павловск. *Пока еще все было вполне мирно, и у меня оставался шанс сбежать* (Ю. И. Андреева. Многоточие сборки, 2009) [НКРЯ];

*Но скворчата, уже привыкшие к ежегодным весенним перелетам, ничего не имеют против почти недельного путешествия по водяным и сухопутным путям сообщения, ведущим в царство Сидорыча и ему подобных... **К Сидорычу так к Сидорычу!** (Н. Н. Златовратский. Сироты 305-й версты, 1893—1900) [Там же]; **Хорошо. У Пушкина, так у Пушкина. Поехали. И мы поехали** (С. Алешин. Встречи на грешной земле, 2001) [Там же].*

Падежная вариативность существительного в данной конструкции имеет свою специфику. Именительный падеж существительного можно рассматривать как инвариант данной фразеосхемы, так как он в условиях лексического повтора может заменять любой падеж, а также обладает высокой частотностью (на его долю приходится около 50 % всех употреблений фразеосхемы): *Однажды Дмитрий Павлович позвонил мне и сообщил, что я приглашен **на ужин**. **Ужин так ужин** — я редко отказываюсь от подобных приглашений* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [Там же]. Далее в порядке убывания следуют падежи:

— предложный (20 %) (преимущественно в значениях места и времени): *«Тут, — говорят нам, — коляску оставить нужно, а придется вам ехать на ослах!» **Что ж, на ослах так на ослах!** — сели, поехали* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872—1876) [Там же]; *— Как-нибудь на этой неделе, — отвечал протяжно князь. — Можно на этой неделе? — счел он, однако, нужным спросить и Елену. — Мне все равно! — отвечала та, не повертываясь к ним лицом. — **На неделе, так на неделе!** — сказал Миклаков и взялся за шляпу* (А. Ф. Писемский. В водвороте, 1871) [Там же];

— винительный (15 %) (доминирует значение места): *Вот и придется соглашаться на все, что скажут, **в партию так в партию**, лишь бы не конфликтовать с руководством», — пишет одна из воспитательниц* (А. Александрова. В Златоусте сотрудники детских садов принуждают вступать в «Единую Россию» // Новый регион 2, 2011.03.28) [Там же]; *Опять сматывать удочки. **В Бирзулу, так в Бирзулу**. К чорту на рога, куда угодно* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути, 1954) [Там же];

— дательный (10 %) (частотны значения временного предела и адресата): *— Ты с этим пришла? — Нет, конечно. **К зиме так к зиме**. Дружка твоего Кичуя Второв отправляет в Самару* (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004) [Там же]; *Федор понял это, и на той волне, которая сейчас несла его, готов был идти куда угодно. — **К казакам так к казакам*** (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2, 1988) [Там же];

— творительный (3 %): *— Вот она хочет, чтобы я съездил за её матерью. — **Ну, что же, за матерью, так за матерью**. Мы и одни пока что*

уравимся ... (А. М. Федоров. Феномен, 1910) [Там же]; — *По мне, что ж? Я здесь, так здесь, за Волгой, так за Волгой, — не совсем довольным голосом ответила Дарья Сергеевна* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая, 1875—1881) [Там же];

— родительный (2 %): *Разве только у Перелыгина еще кой-что...* — *Ну, у Перелыгина, так у Перелыгина. Только скорей распорядитесь, чтоб привезли сюда. Момент такой, что, понимаете...* (Е. И. Замятин. Икс, 1919) [Там же].

В целом следует отметить превалирование обстоятельственных падежных значений над объектными. Отметим также, что для данной конструкции характерно выстраивание цепочек (назовем их *фразеологизированные* — ФЦ). ФЦ образуют самостоятельную семантико-синтаксическую единицу с устойчивой структурой: *к кому куда / куда к кому и где когда*. Представим примеры некоторых из них: *Нельзя управлять событиями. К отцу, так к отцу!.. В Париж, так в Париж!.. Стряпать на кухне, чинить белье стареющему отцу, ходить за ним ...* (П. Н. Краснов. Ложь, 1938—1939) [Там же]; *В Кисловодск — так в Кисловодск! К красным — так к красным! К белым — так к белым! Или даже к своей маме, которую она почти не помнила ...* (А. Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003) [Там же].

Употребление фразеологизированных цепочек стало классическим стилистическим приемом:

Лишь бы жизнь шла непрерывным вертячим круговоротом, лишь бы быстрая смена впечатлений, а то — к Семирадскому так к Семирадскому, на курсы так на курсы, в кафешантан так в кафешантан, под дружеские распеки Корецкой — так под распеки (А. В. Амфитеатров. Нелли Раинцева (из сборника «Бабы и дамы»), 1895) [Там же].

Одной из важных синтаксических особенностей рассматриваемой фразеосхемы является способность ФС образовывать ряды. При этом предтекст может содержать обобщающее слово, обычно иной природы, чем остальные члены сочинительного ряда: *Другие певцы поют только в концертах, на эстраде: боятся голос надорвать. Нина была не такая. Она везде пела: в ванной так в ванной, в кухне так в кухне. Иной раз даже на улице запоёт, милиционера оразнит* (И. Грекова. Хозяева жизни, 1960) [Там же]; *Перед младшими Женька не задается, как Васька, — охотно играет с ними во что угодно: в войну так в войну, в милиционеров так в милиционеров, в лото так в лото* (В. Ф. Панова. Сережа, 1955) [Там же];

Эта особенность проявляется также в сочетании глагольной и именной конструкций: *Жениться, так жениться, на кикиморе так на кикиморе*.

И, в конце концов, чем та же самая кикимора хуже любой другой девицы? (А что сделаешь ты, если тебе предложат фиктивный брак с кикиморой? // «Пятое измерение», 2003) [Там же].

В состав фразеосхемы могут входить устойчивые синтаксемы типа *к столу, в путь, к делу*: — **К столу так к столу**, — *Второв приготовился передвинуть кресло, но Онлиевский, опередив, сам быстренько ухватился за витые ручки и перетащил на два метра* (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004) [Там же]; *Пел хор, слышимость была плохая, но слова «В путь-дорогу дальнюю» Вера легко различила. «Что ж, в путь так в путь!»* (А. Чаковский. Блокада, 1968) [Там же]; — *Но пора бы уже и к делу. — К делу так к делу!* — *Сыров утер губы салфеткой. Взгляд его ожил и загорелся* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [Там же].

4. Семантические свойства и прагматические особенности фразеосхемы

Русская грамматика описывает значение данной фразеосхемы как согласие, принятие действия, состояния, упоминается также преимущественное употребление СФЕ с глаголами. Предложения, созданные таким образом, считаются нечленимыми, то есть вычленив из них или ввести в них член предложения, по форме и значению совпадающий с подлежащим, невозможно [РГ, 1980, с. 383].

Фраземой «неконтролируемого выбора» считает конструкцию «...X так X» М. Копотев: «Говорящий не может полностью контролировать ситуацию X, не способен или не хочет ничего в ней изменить, однако соглашается с ней» [Копотев и др., 2016, с. 65]. Факультативными элементами конструкции являются, по мнению М. Копотева, предшествующие частицы *ну что ж, ну, что*. Представленные выше факультативные элементы, по нашему мнению, не являются конечным списком.

Общее значение фразеосхемы — *принятие / согласие* — в контексте осложняется дополнительными смыслами. Анализ собранного материала с учетом контекста и значения факультативного компонента позволяет выделить следующие виды семантики согласия.

1. Вынужденное (неконтролируемое) согласие.

1.1. В силу общепринятых норм поведения.

Нормой считается узаконенное установление, признанный обязательным в обществе порядок, строй чего-нибудь:

<...> *Лизавета надела бутылочного цвета льняной брючный костюм, заявив, что зеленое, как считают психиатры, успокаивает даже парано-*

иков. *Сергей против зеленого не возражал и еще раз настоятельно посоветовал быть вежливой. Что же, вежливость так вежливость* (Е. Козырева. Дамская охота, 2001) [НКРЯ].

Фразеологизированная структура предваряется напоминанием о соблюдении норм поведения: *настоятельно посоветовал быть вежливой*. Вежливость как общепринятая категория этики соблюдения внешних приличий не нуждается в дополнительных объяснениях. Выражение согласия поддерживается в составе ФС разговорной частицей *что же*.

«**Что же (ж)** (ср. частица, разг. То же что *ну что же*; употребляется при выражении одобрения чего-либо, согласия с чем-либо, соответствия по значению словам: *хорошо, ладно* и т. д.)» [Рогожникова, 2003, с. 389].

Значение принятия / согласия фразеосхемы, таким образом, выражается дважды: структурообразующей частицей *так* и идиоматической двух-элементной частицей *что же* [Стародумова, 1997, с. 61].

1.2. В силу исключительных внешних обстоятельств.

Что ж, Комиссия так Комиссия. *Внешне я и глазом не сморгнула, только пальцы ног поджались, словно змея проползла* (И. Грекова. Без улыбок, 1975) [НКРЯ].

Вынужденное согласие подтверждается словом *что ж*. Одновременно говорящий выражает недовольство сложившимся положением дел, что поддерживается в тексте противопоставлением *внешне ... только (= но)*.

1.3. Согласие / принятие вопреки ожидаемой ситуации.

Во второй половине 1950-х я встретил Федора в коридоре Лениздата. Мы поздоровались, он сказал, что вот, мол, принес свой роман. Я довольно вяло откликнулся. Роман так роман. Я ждал от него тогда статей, вроде той, что запомнилась (А. Рубашкин. Двадцать лет спустя // «Звезда», 2002) [Там же].

Реакция говорящего на нежелательную (вопреки ожиданиям) ситуацию выражена невербально, в его действиях: *вяло откликнулся*.

1.4. Вследствие конфликта с моралью, нравственностью.

Теперь ему поручают казнить двух крестьян, но на этот раз Махоркин решительно отказывается, хотя начальник тюрьмы грозит наказать его плетью, на что Махоркин отвечает: «Что ж, плети — так плети, а убивать закона нет» (В. Микушевич «Каждый за всех виноват» или «нет в мире виноватых»? (2007) // «Наука и религия», 2010) [Там же].

Вынужденное (*что ж*) согласие на наказание в виде плетей обусловлено нравственными мотивами его принятия — нежеланием исполнять обязанности палача (*что ж ... а ...*).

1.5. Под влиянием весомых доказательств.

— *Туда все наши уезжают, — сказал Грым. — Кто добился успеха в жизни. — Ну хорошо, — согласился Дамиллола. — Лондон так Лондон. Мне не нравится, как там кормят. Хотя одно хорошее место я знаю ...* (В. Пелевин. S.N.U.F.F., 2011) [Там же].

В диалогической речи значение принятия часто выступает как вынужденное согласие, согласие под давлением: собеседник приводит ряд аргументов, заставляющих принять его точку зрения, согласиться с ним.

Значение согласия с оппонентом обусловлено аргументирующим контекстом (*так делают все, их статус — успешные люди*) и выражено эксплицитно: лексемой *согласился* и частицей *ну хорошо*. Частица *ну хорошо* синонимична частице *ну ладно*, «используемой для подтверждения согласия с чем-либо» [Рогожникова, 2003, с. 281].

2. Безразличное согласие / принятие.

Может быть связано с наличием более важных моментов в жизни человека, его внутренним состоянием.

Баглаев, продолжал записывать под диктовку. — По фигурному катанию. Вот удостоверение тренера. Ну, тренер так тренер ... Какая разница? По мнению Тимура Ахмедовича Баглаева, в этой жизни существуют только два вида настоящего спорта — футбол и бокс. Все остальное — фантики. Тем более фигурное катание (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1, 2014) [НКРЯ]. Значение безразличия поддерживается разговорным фразеологизмом *Какая разница?*, употребленным в значении ‘не все ли равно, не имеет никакого значения’ [БУСРЯ, 2016, с. 985].

Как повелось в семье Приходьков, у всех — кроме имен и отчеств — еще были удобные и понятные прозвища. Николай Андреевич был Пушкой; его старший сын Юра был Куркой, Курицей; младший Николай — Никуськой, Куськой; я был Тюркой, Тюриком — именно так, по общему мнению, я в беззубом детстве произносил свое имя Шурик. Ну, Тюрка так Тюрка, мне было всё равно (А. Е. Рекемчук. Мамонты, 2006) [НКРЯ].

Следующее за СФЕ выражение *все равно* определяется в коллективной монографии «Дискурсивные слова» под рубрикой «Грань С1 Всеравенство. С1.1. Это роли не играет» [Дискурсивные слова ..., 1998, с. 245].

Значение согласия / принятия в обоих случаях поддерживается частицей *ну*, которая употребляется ‘для введения завершающего суждения, а также как обобщение происшедшего’ [БУСРЯ, 2016, с. 636].

3. Молчаливое согласие.

Молчание воспринимается в русской культуре как согласие. Поговорка «Молчание — знак согласия» означает ‘молчать, не говорить «нет»

в ответ на какое-либо предложение — значит соглашаться на него' [Там же, с. 548].

*Послала я всех подальше. И тогда обо мне некоторые стали говорить: дура. Я молчу. Дура так дура. А вот пришла ко мне Маня и говорит мне с порога: «Прости, если можешь, меня, дуру ...» Я ей отвечаю: «Дуру поймет и простит только дура». Заплакали мы с ней, засмеялись и вот теперь вместе (Г. Щербакова. Ах, Маня ..., 2002) [НКРЯ]. Притворное, неискреннее согласие сводится на нет выражением *а вот*, употребленном для того, чтобы 'отвести сомнения собеседника, для выражения собственной уверенности в благополучном исходе обсуждаемого дела' [БУСРЯ, 2016, с. 22].*

4. ОСОЗНАННОЕ (КОНТРОЛИРУЕМОЕ) СОГЛАСИЕ / ПРИНЯТИЕ.

Часто используется в диалогической речи в качестве итога беседы, в монологической речи также чаще выступает в заключительной части внутреннего диалога героя.

4.1. Запланированное согласие.

А сегодня у нас запланирован цирк ... оказывается, очень хочется. Ну что ж, ладно, цирк так цирк ... (Ф. Кнорре. Родная кровь, 1962) [НКРЯ].

4.2. Согласие как итоговый элемент договоренности.

— *А когда вечером?* — *спросила Луша и снова покраснела.* — *Часов эдак в семь.* — *Давай в семь,* — *быстро согласилась она, со смятением чувствуя, что деловой разговор, помимо ее воли, превращается в назначение свидания...* — *А то давай так: выходи на развилку и жди. Я пойду из Вознесенского прямо в Поповку. На развилке и встретимся. Чего мне попусту сюда заходить?* — *Что за развилка?* — *Не знаешь, что ли? Где лес горел.* — *Ладно. На развилке так на развилке,* — *сказал Саша и, уходя, добавил: — Только без опоздания. В семь так в семь. У Луши пылали щеки (С. Антонов. Тетя Луша, 1956) [Там же].*

4.3. Резюмирующее (как результат размышлений, с доводами).

— *Прожектор? Это звучит,* — *сказал Алик.* — *«Прожектор» — это хорошо,* — *сказал Юрка.* — *Прожектор так прожектор,* — *сказал Димка (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961) [Там же].* Доводы собеседников служат для говорящего достаточным основанием для согласия.

4.4. Аргументирующее согласие (самоаргументация).

В субботу мне позвонил Игорь Апельсинов из Би-би-си. <...> В Лондон приехал Генеральный директор энергокомплекса Города, у которого было необходимо срочно взять интервью, <...> Так не могу ли я сделать это вместо него, тем более что я по крайней мере знаю хоть что-то о Городе

(за несколько лет до того я слегка ознакомился с его необычным языком). **Ладно, интервью так интервью, выручу друга в беде** (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001) [Там же]. Перечисленные выше аргументы (самоаргументация) говорят о принятии положительного решения. Значение согласия поддерживает и частица *ладно*, употребленная ‘для выражения согласия говорящего осуществить какое-либо действие’ [БУСРЯ, 2016, с. 482].

4.5. Согласие с оговорками (*да ... но*).

*«А мы бы тебя в кандалах привели». И опять полшутки-полуугрозы: скажи спасибо, что мы полы не вскрываем и обои не отдираем, а ведь могли бы Прошло ещё какое-то время, и Анне предъявили еще один ордер на обыск. **Обыск так обыск, но что искать в крошечной квартирке-хрущобе, где недавно уже все перерыли** (А. Политковская. Дело Холодова принимает неожиданный оборот // «Общая газета», 1998) [НКРЯ].*

Значение согласия, выраженное фразеосхемой, представляющей первую часть ССП, вступает в противоречие со второй его частью, вносит ограничение в содержание предыдущей части, то есть, по сути, сводит на нет выраженное согласие.

Значение согласия может быть выражено дважды: фразеосхемой и первой частью модально-союзной двухместной скрепы [Черемисина и др., 1987, с. 175]. Синтаксически связанное двухместное соединение [РГ, т. 1, с. 710] состоит из первого компонента — слова модально-оценочной семантики (*ладно (бы), хорошо (бы)*), в позиции второго компонента — сочинительный союз *а, а то, но*. Первая часть этого построения выражает согласие, вторая — противительный компонент скрепы [Черемисина, и др., 1987, с. 175] — несоответствие действительного положения дел указанному условию. Например, как в следующем случае: *На вопрос о профессии Боря отвечал: «Спасатель». И те, кто не понимал шутки, оставались в уверенности, что этот человек спасает кого-то, видно, утопающих. ... **Ладно, спасатель так спасатель, даже прикольно, но как же любовь? Разве ты его любишь? А он тебя? Так и подмывало Тетю спросить у Тишки** (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012) [НКРЯ]. Двухместная скрепа *ладно ... но*, помимо указанного значения, вносит дополнительный прагматический эффект недоумения [Окатова, 2016, с. 135].*

5. УСЛОВНОЕ СОГЛАСИЕ.

5.1. Допущение.

*Когда стало ясно, что она всерьез намерена меня шантажировать, захлопывая перед моим носом дверцу в только что показанный мне рай, я понял — мне нужно ответное оружие. **Шантаж так шантаж. Думаю,***

в этой области ни один алгоритм еще долго не сможет сравниться с обиженным и обозленным человеком. В первые дни, как бы в шутку, я пугал ее тем, что объясню Грыму, кто она такая на самом деле (В. Пелевин. S.N.U.F.F, 2011) [НКРЯ].

Значение условного согласия — допущения — выводится из контекста и мыслится как сопоставление «**если** она ... **то** и я ...»: сопоставляются предметные компоненты: *она* — *я*; глагольные: *захлопывает дверь* — *пугаю*. Основание сопоставления – шантаж. Это принятие / согласие / допущение тех же правил игры (шантажа).

5.2. Уступка.

Ладно. Толстой так Толстой, хотя из «Крейцеровой» скорей о ревности кровавые цитаты с мясом выдирать надо, это тебе не «Ася» и не первая, а последняя смертная любовь (М. Гиголашвили. Типун в зипуне, 2007 // «Зарубежные записки», 2008) [Там же].

Значение принятия, согласия (*ладно*) с романтическими представлениями студента о любви предстает как условное: автор говорит *хотя* ..., имея в виду цитаты из «Крейцеровой сонаты» о любви, которые «с мясом выдирать надо, это тебе не “Ася” и не первая, а последняя смертная любовь».

6. Безвыходное согласие-принятие.

Ну, а рыбку заморыша моим волеизъявлением нарекли Витьком. Виктор не стал возражать. Кто же может возражать в день рождения?! Витьк так Витьк (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес // «Наука и жизнь», 2008) [Там же].

Значение принятия подтверждается контекстом: *Кто же может возражать в день рождения?*

7. Принятие (как готовность к ...) нежелательной ситуации.

Сахаров знал, на какой упрек он нарывается в своем свободомыслящем, но просоциалистическом окружении. Ну, что ж, спор так спор! К тому времени Сахаров уже около двух лет общался со средой диссидентов. Читал самиздат, участвовал в дискуссиях, неизбежных среди свободомыслящих интеллектуалов (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода, 2004) [Там же].

СФЕ *спор так спор* выражает значение принятия такого типа общения, как спор. Значение согласия подтверждается контекстом: «*К тому времени Сахаров уже около двух лет общался со средой диссидентов*», из которого понятно, что говорящий готов к спору, так как у него есть приобретенный для этого опыт. Разговорная частица **ну что ж**: употребляется для выражения согласия с чем-либо, и это согласие с нежелательной для говорящего ситуацией.

5. Заключение

В результате исследования особенностей функционирования конструкции « N_{1-6} + так + N_{1-6} » в русском языке, мы пришли к следующим выводам.

Фразеосхема « N_{1-6} + так + N_{1-6} » со значением согласия / принятия представляет собой отдельную фразеологизированную конструкцию, отличную от фразеосхемы «Вот N_1 + так + N_1 », что отражается не только в ее семантике, но и в грамматических вариантах переменных лексических компонентов, возможности употребления в их составе имен собственных, а также в функционировании различных по семантике факультативных членов.

Особенностью грамматической парадигмы конструкции является превалирование обстоятельственных падежных значений над объектными.

Специфика функционирования фразеосхемы проявляется в способности образования фразеологизированных цепочек, а в составе простого предложения — в построении сочинительного ряда.

На формирование семантики конструкции оказывают большое влияние факультативные компоненты и контекст, что позволяет выделить дополнительные смыслы (в работе мы говорим о шестнадцати реализациях значения согласия / принятия).

Источники и принятые сокращения

1. БУСРЯ, 2016 — Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. — Москва : Словари XXI века ; АСТ — ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с. ISBN 978-5-9907385-0-8.

2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.09.2020).

3. РГ, 1980 — Русская грамматика : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — 714 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балобанова Л. А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Л. А. Балобанова. — Москва, 2004. — 318 с.

2. Ван Жучжэнь. Синтаксический фразеологизм «Что бы я (мы) делал (-ла, -ли) без тебя (вас)?(!) / Ван Жучжэнь, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 9—20. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-6-9-20.

3. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование / А. В. Величко. — Москва : Макс Пресс, 2016. — 416 с. — ISBN 978-5-317-05229-4.

4. Вилинбахова Е. Л. Доклад, значит доклад : метаязыковые тавтологические конструкции в русском языке / Е. Л. Вилинбахова // Русский язык : конструкционные и

лексико-семантические подходы : сборник тезисов докладов на конференции. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 9—10.

5. *Всеволодова М. В.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов : на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки / М. В. Всеволодова, Лим Су Ен. — Москва : Макс Пресс, 2002. — 161 с. — ISBN 5-317-00395-4.

6. *Дискурсивные слова русского языка ; опыт контекстно-семантического описания* / Под редакцией К. Киселевой и Д. Пайяра. — Москва : Метатекст, 1998. — 447 с.

7. *Добрушина Н. Р.* Конструкции с частицей *бы* без финитного глагола / Н. Р. Добрушина // Русский язык : конструкционные и лексико-семантические подходы : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 15—17.

8. *Золотарева Л. А.* Подходы к описанию фразеологических синтаксических конструкций русского языка / Л. А. Золотарева, Нгуен Ань Нам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 1, Ч. 2. — С. 305—308.

9. *Золотарева Л. А.* Функциональный подход к лексикографическому описанию фразеосхем русского языка / Л. А. Золотарева // Филология и культура. — 2019. — № 4 (58). — С. 23—29. — DOI : 10.26907/2074-0239-2019-58-4-23-29.

10. *Иомдин Л. Л.* Несколько русских микросинтаксических конструкций, содержащих слово *что* / Л. Л. Иомдин // Русский язык : конструкционные и лексико-семантические подходы : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 21—22.

11. *Кайгородова И. Н.* Проблема синтаксической идиоматики (на материале русского языка) / И. Н. Кайгородова. — Астрахань : Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. — 249 с. — ISBN 5-88200-451-9.

12. *Кодухов В. И.* Синтаксическая фразеологизация / В. И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда : Северо-западное книжное изд-во, 1967. — С. 123—136.

13. *Коптев М. В.* Исключение как правило : переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Коптев, Т. И. Стеклова. — Москва : Языки славянской культуры : Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 166 с. — ISBN 978-5-94457-253-0.

14. *Крутова И. Н.* Эмотивные синтаксические идиомы как объект исследования лингвопрагматики / И. Н. Крутова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2010. — № 1, Ч. 2. — С. 107—109.

15. *Меликян В. Ю.* Синтаксический фразеологический словарь русского языка / В. Ю. Меликян. — Москва : Флинта, 2013. — 400 с. — ISBN 978-5-9765-1719-6.

16. *Меликян В. Ю.* Словарь устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели / В. Ю. Меликян. — Москва : Флинта-Наука, 2016. — 336 с. — ISBN 978-5-9765-2550-4.

17. *Окатова Н. Т.* Союз как обнаружение коммуникативных намерений говорящего / Н. Т. Окатова // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». — Москва : Военный университет : Международные отношения, 2016. — Выпуск № 1, Том 1. — С. 132—141.

18. *Пиотровская Л. А.* Эмотивный синтаксис : типология фразеологизированных синтаксических моделей / Л. А. Пиотровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 1. — С. 138—143.

19. *Пузов Н. А.* Особенности функционирования предложений-идиом в русской прозе / Н. А. Пузов // Функциональная семантика. — Москва : РУДН, 2011. — С. 330—338.

20. *Рогожникова П. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / П. П. Рогожникова. — Москва : АСТ, 2003. — 416 с.
21. *Сафонова С. С.* Синтаксические фразеологизмы как объект автономного исследования / С. С. Сафонова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — Выпуск 2—2. — С. 34—36.
22. *Солганик Г. Я.* Фразеологические модели в современном русском языке / Г. Я. Солганик // Русский язык в школе. — 1976. — № 5. — С. 73—78.
23. *Стародумова Е. А.* Русские частицы / Е. А. Стародумова. — Владивосток : Дальневост. ун-т, 1997. — 68 с.
24. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск : Наука, 1987. — 197 с.
25. *Шведова Н. Ю.* О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1958. — № 2. — С. 95—100.
26. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1960. — 378 с.
27. *Шимчук Э. Г.* Словарь русских частиц / Э. Г. Шимчук, М. Г. Щур. — Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien : Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. — 147 с.
28. *Шмелев Д. Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1958. — № 6. — С. 63—75.
29. *Шмелев Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 47—60.
30. *Янко-Триницкая Н. А.* Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами / Н. А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. — 1967. — № 2. — С. 87—92.

TEXTUAL MANIFESTATION OF THE PHRASEOLOGICAL SCHEME “N1-6 + so + N1-6” IN PUBLICISTIC AND ARTISTIC DISCOURSES

© **Lyubov A. Zolotareva (2021)**, orcid.org/0000-0001-8067-8185, Scopus AuthorID 57191892992, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), l100569@yandex.ru.

© **Natalia T. Okatova (2021)**, orcid.org/0000-0002-0822-1380, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), oknt@rambler.ru.

The article is devoted to identifying the functional features of the phrase scheme “N1-6 + so + N1-6” in the texts of the journalistic and artistic styles of the Russian language. Structural, semantic and pragmatic characteristics of linguistic units of this structural type are considered. Various approaches to the description of phraseological schemes of the Russian language are commented, but the authors propose to consider the combination of structural-semantic and functional-communicative approaches as the main one for this study. It is noted that in the Russian language the studied phraseological scheme is presented in two homonymous variants, which have the meaning of the highest degree of manifestation of the feature and

the meaning of consent / acceptance. Arguments for highlighting these options, which are confirmed by the difference in semantics, component composition and grammatical variability of each phraseological scheme, are given. The authors pay special attention to identifying the contextual meanings of this syntactic structure. Such types of meaning of consent and acceptance are considered, such as forced / uncontrolled, indifferent consent / acceptance, conscious / controlled, etc. The relevance of the study is due to the emergence of new facts of phraseologization of syntactic units in speech and the application of complex analysis to the phraseological units under consideration. The material was the texts of the National Corpus of the Russian language, as well as the authors' card index.

Key words: syntactic phraseology; sentences of phraseological structure; phraseological scheme; phraseological scheme semantics; structural characteristics; pragmatic features.

MATERIAL RESOURCES

- BUSRYa, 2016 — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2016). *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka* [Bolshoy universal dictionary of the Russian language]. Moskva: Slovare XXI veka; AST — PRESS ShKOLA. 1456 p. ISBN 978-5-9907385-0-8. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 20.09.2020). (In Russ.).
- RG, 1980 — *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], 2 (2). (1980). Moskva: Nauka. 714 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Balobanova, L. A. (2004). *Semantiko-pragmaticheskiy potentsial sintaksicheskikh frazeologizmov i ikh leksikograficheskoye predstavleniye v slovare uchebnogo tipa*. PhD. Diss. [Semantic and pragmatic potential of syntactic phraseological units and their lexicographic representation in the dictionary of educational type. PhD. Diss.]. Moskva. 318 p. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., Kolosov, T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Diskursivnyye slova russkogo yazyka; opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language; experience of contextual and semantic description]. (1998). Moskva: Metatekst. 447 p. (In Russ.).
- Dobrushina, N. R. (2013). Konstruktsii s chastitsey by bez finitnogo glagola [Constructions with a particle of a would without a finite verb]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody: tezisy dokladov* [Russian language: constructional and lexical-semantic approaches: abstracts of reports]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 15—17. (In Russ.).
- Iomdin, L. L. (2013). Neskolko russkikh mikrosintaksicheskikh konstruktivnykh slovo chto [Several Russian microsyntactic constructions containing the word what]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody: tezisy dokladov* [Russian language: constructional and lexical-semantic approaches: abstracts]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 21—22. (In Russ.).
- Kaygorodova, I. N. (1999). *Problema sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo yazyka)* [The problem of syntactic idiom (in Russian language)]. Astrakhan': Izdvo Astrakhanskogo gos. ped. un-ta. 249 p. (In Russ.).

- Kodukhov, V. I. (1967). Sintaksicheskaya frazeologizatsiya [Syntactic phraseologization]. In: *Problemy frazeologii i zadachi yeye izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of phraseology and tasks of its study in higher and secondary schools]. Vologda: Severo-zapadnoye knizhnoye izd-vo. 123—136. (In Russ.).
- Kopotev, M. V., Steksova, T. I. (2016). *Isklyucheniye kak pravilo: Perekhodnyye yedinityy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: Transitional units in grammar and dictionary]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. 166 p. ISBN 978-5-94457-253-0. (In Russ.).
- Krutova, I. N. (2010). Emotivnyye sintaksicheskiye idiomyy kak obyekt issledovaniya lingvo-pragmatiki [Emotive syntactic idioms as an object of linguopragmatics research]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 1 (2): 107—109. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2013). *Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Syntactic phraseological dictionary of the Russian language]. Moskva: Flinta. 400 p. ISBN 978-5-9765-1719-6. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2016). *Slovar' ustoychivyykh fraz russkogo yazyka. Frazeoskhemy i ustoychivyye modeli* [Dictionary of stable phrases of the Russian language. Phraseodima and sustainable model]. Moskva: Flinta-Nauka. 336 p. ISBN 978-5-9765-2550-4. (In Russ.).
- Okatova, N. T. (2016). Soyuz kak obnaruzheniye kommunikativnykh namereniy govoryashchego [Union as detection of communicative intentions of the speaker]. *Voyenno-gumanitarnyy almanakh. Seriya «Lingvistika»* [Military-humanitarian almanac. Series «Linguistics»], 1 (1): 132—141. (In Russ.).
- Piotrovskaya, L. A. (2019). Emotivnyy sintaksis: tipologiya frazeologizirovannykh sintaksicheskikh modeley [Emotive syntax: typology of phraseological syntactic models]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta], 1: 138—143. (In Russ.).
- Puzov, N. A. (2011). Osobennosti funkcionirovaniya predlozheniy-idiom v russkoy proze [Features of functioning of sentences-idioms in Russian prose]. In: *Funktsionalnaya semantika* [Functional semantics]. Moskva: RUDN. 330—338. (In Russ.).
- Rogozhnikova, R. P. (2003). *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word]. Moskva: AST. 416 p. (In Russ.).
- Safonova, S. S. (2010). Sintaksicheskiye frazeologizmy kak obyekt avtonomnogo issledovaniya [Syntactic phraseological units as an object of autonomous research]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2—2: 34—36. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1958). O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruksiy v stroye russkoy razgovornoy rechi [On some types of phraseological constructions in the structure of Russian colloquial speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2: 95—100. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moskva: Nauka. 378 p. (In Russ.).
- Shimchuk, E. G., Shchur, M. G. (1999). *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien : Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften. 147 p. (In Russ.).

- Shmelev, D. N. (1958). Ekspressivno-ironicheskoye vyrazheniye otritsaniya i otritsatelnoy otsenki v sovremennom russkom yazyke [Expressive-ironic expression of the negation and negative assessment in modern Russian]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 6: 63—75. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (1960). O «svyazannykh» sintaksicheskikh konstruktivnykh v russkom yazyke [O “svyazannykh” syntactical constructions in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 5: 47—60. (In Russ.).
- Solganik, G. Ya. (1976). Frazeologicheskiye modeli v sovremennom russkom yazyke [Phraseological models in the modern Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 5: 73—78. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (1997). *Russkiye chastitsy* [Russian particles]. Vladivostok: Dalnevost. un-t. 68 p. (In Russ.).
- Velichko, A. V. (2016). *Predlozheniya frazeologizirovannoy struktury v russkom yazyke: strukturno-semanticheskoye i funktsionalno-kommunikativnoye issledovaniye* [Sentences of phraseological structure in the Russian language: structural-semantic and functional-communicative research]. Moskva: Maks Press. 416 p. ISBN 978-5-317-05229-4. (In Russ.).
- Vilinbakhova, E. L. (2013). Doklad, znachit doklad: metazykovyye tautologicheskiye konstruktivii v russkom yazyke [Report, means report: metalinguistic tautological constructions in the Russian language]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskkiye podkhody: sbornik tezisev dokladov na konferentsii* [Russian language: constructional and lexical semantic approaches: abstracts of reports at the conference]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 9—10. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Lim Soo Yeon. (2002). *Printsipy lingvisticheskogo opisaniya sintaksicheskikh frazeologizmov: na materiale sintaksicheskikh frazeologizmov so znacheniym otsenki* [Principles of linguistic description of syntactic phraseological units: on the material of syntactic phraseological units with the meaning of evaluation]. Moskva: Maks Press. 161 p. ISBN 5-317-00395-4. (In Russ.).
- Wang Ruzhen, Starodumova, E. A. (2019). Syntactic Phraseological Unit “What Would I (We) Do without You?(!)”. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 6: 9—20. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-9-20. (In Russ.).
- Yanko-Trinititskaya, N. A. (1967). Sintaksicheskkiye frazeologizmy s leksicheskimi povtorami [Syntactic phraseological units with lexical repetitions]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 2: 87—92. (In Russ.).
- Zolotareva, L. A. (2019). Funktsionalnyy podkhod k leksikograficheskomu opisaniyu frazeoskhem russkogo yazyka [Functional approach to lexicographic description of phraseoschem of the Russian language]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 4 (58): 23—29. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-23-29. (In Russ.).
- Zolotareva, L. A., Nguen An’ Nam. (2018). Podkhody k opisaniyu frazeologicheskikh sintaksicheskikh konstruktivnykh russkogo yazyka [Approaches to the description of phraseological syntactic constructions of the Russian language]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 1 (2): 305—308. (In Russ.).

Михалева О. Л. Организация устного диалогического дискурса: обратная связь и способы её экспликации / О. Л. Михалева, У. Э. Чекмез // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 29—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47.

Mikhaleva, O. L., Chekmez, U. E. (2021). Organization of Oral Dialogical Discourse: Feedback and Ways of Its Explication. *Nauchnyi dialog, 1*: 29-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47. (In Russ.).

УДК 808.56+811.161.1'42+81-114.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47

ОРГАНИЗАЦИЯ УСТНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ЭКСПЛИКАЦИИ¹

© **Михалева Ольга Леонидовна (2021)**, orcid.org/0000-0003-3313-0605, ResearcherID ABE-4794-2020, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), pikutskaja@gmail.com.

© **Чекмез Ульяна Эдуардовна (2021)**, orcid.org/0000-0002-0571-741X, ResearcherID AAZ-7430-2020, преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), chekmezu@gmail.com.

В статье изложены результаты исследования обратной связи в русском устном диалогическом дискурсе. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, дискуссионным является вопрос, касающийся квалификации фрагментов устного дискурса с точки зрения их отнесенности к жанру монолога, диалога, полилога. Во-вторых, есть ряд теоретических проблем, являющихся следствием такой квалификации, в частности, в научном описании маркеров обратной связи (на материале русского языка) обнаруживается довольно большое количество лакун. В статье даны определения терминов *обратная связь* и *маркеры обратной связи*. Авторы отмечают, что представляется целесообразным рассматривать маркеры обратной связи несколько расширенно, включая в эту группу не только единицы, используемые для выражения позитивного внимания, но и единицы, способные сигнализировать о затруднениях при восприятии высказывания собеседника, а также иллокутивно вынуждаемые единицы, являющиеся реакцией на инициальную реплику собеседника. Предлагаются критерии для включения единиц, функционирующих в рамках вокальной модальности, в группу маркеров обратной связи. Предложена классификация маркеров обратной связи, основанная на способности единиц сворачивать пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника. Представлены количественные характеристики описываемых подгрупп.

Ключевые слова: устный дискурс; диалогичность; обратная связь; маркеры обратной связи.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ИГУ, проект «Способы экспликации обратной связи в диалоге» (091-20-326).

1. Введение в проблематику

Объектом описания в данной статье выступает форма дискурса, признанная многими учеными первичной, исходной, основной [Шведова, 1956; Девкин, 1981; Земская, 1983; Баранов, Крейдлин, 1992; Михайлов, 2003; Федотова, 2005; Ширяев, 2003; Борисова, 2009; Кибрик, 2016]. «Устное общение лицом к лицу является в первую очередь диалогическим, интерактивным. Взаимодействие между коммуникантами и постоянное чередование ролей говорящего и слушающего, в общем случае между несколькими индивидами, — это прототипическая ситуация использования языка» [Кибрик, 2016, с. 38]. Такая ситуация априори предполагает взаимодействие нескольких участников и обязательное наличие обратной связи.

Несмотря на то, что в последние десятилетия появилось большое количество исследований, посвящённых устной речи, перечень явлений, составляющих специфику устного дискурса в целом и диалогического дискурса, в частности, находится в стадии обсуждения. Сейчас исследователи могут использовать различные программы для более детального анализа звучащей речи (Elan, Speech Analyser, Praat), с их помощью оказывается возможным более точно фиксировать явления, специфические для устной речи, что позволяет, с одной стороны, максимально подробно описать интересующий исследователя феномен, например, дискурсивные слова, с другой — данный инструментарий позволяет рассматривать явления устной речи в их взаимодействии, уделять большее внимание окружению тех или иных единиц.

Проблемными являются вопросы, касающиеся аннотирования устного дискурса (с какой степенью подробности аннотировать устную речь, какими письменными средствами передавать феномены устной речи), членения устного дискурса (какие единицы считать минимальными), отнесения устного дискурса к той или иной форме речи (к монологу, диалогу, полилогу) и др.

Перечисленные выше проблемы являются взаимосвязанными и актуальными, от их решения напрямую зависят выводы, получаемые исследователями в результате аннотирования и последующего анализа устного дискурса.

Так, к одной из базовых следует отнести проблему разграничения монолога, диалога, полилога в рамках устного дискурса. Основой для такого разграничения служит единственный критерий — число участников общения. На первый взгляд, опора на данный критерий не предполагает каких-либо разночтений: исследователю устного дискурса достаточно выбрать некоторый текст, сосчитать количество участников и отнести речевое произведение к той или иной форме.

Однако часто в распоряжении исследователя находится многочасовая аудиозапись, из которой — в зависимости от цели исследования — выбирается некоторый фрагмент. Длительность последнего может быть различной (от нескольких секунд до нескольких часов). Однако от продолжительности фрагмента может зависеть количество речевых партий, представленных в нем. Так, например, если двухчасовую запись интервью последовательно разделить на трехсекундные фрагменты, высока вероятность того, что в них будет представлена речевая партия только одного собеседника. В то же время, как показало проведенное исследование, при расширении диапазона до 1,5 минут обнаруживаются фрагменты интервью, в которых зафиксированы речевые партии 6 собеседников. Но в то же время частотны и фрагменты такой же продолжительности, в которых преимущественно представлена речевая партия только одного из участников.

Таким образом, чем короче продолжительность выбранного фрагмента, тем более высока вероятность представленности в нём случайного набора речевых партий собеседников. В результате фрагменты одного интервью могут быть охарактеризованы по-разному. Это, в свою очередь, может привести к тому, что ряд факторов, влияющих на развитие дискурса в целом и на отдельные его фрагменты, окажется неучтенным.

Помимо этого, существует точка зрения, в соответствии с которой некоторый фрагмент устного дискурса признается монологом несмотря на то, что исследователю известно, что в разговоре принимают участие несколько человек. В этом случае в качестве исследуемой выступает речевая партия одного из участников взаимодействия. В процессе анализа такая речевая партия рассматривается как изолированная, а речевая партия собеседника(ов) признается побочной.

Такой подход представлен, в частности, в монографии «Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание»: «В диалоге существует направленность двух участников коммуникации — в отличие от монолога, в котором направленность характеризует только говорящего при относительно пассивном участии слушающего. Последний выражает своё участие в монологе либо невербально (мимикой, жестами), либо вербально (так называемыми “сигналами адресата речи”: *м-м, угу, ага, а-а, эмм, ну-ну, мда* и т. д.). <...> Монолог характеризуется преобладанием одного говорящего над другим при той же мере роли» [Богданова-Бегларян и др., 2012, с. 66].

Исходя из данного утверждения, следующий фрагмент устного дискурса должен быть рассмотрен как монологический.

[Хадижа, жен., студентка] *Ну / ну как бы они же читают под традицию св ...*

[Надя, жен., студентка] *Ну-ну' - ну-ну' - ну.*

[Хадижа, жен., студентка] *... хип-хопера свою / вот / я говорю / «До ... возможно / фанкса какого-нибудь»* (Беседа двух приятельниц, 2016) [НКРЯ].

Признавая фрагменты, аналогичные тому, что представлен выше, монологическими, исследователь исключает из сферы своего внимания речевую партию одного из участников устного дискурса, а следовательно, отрицает значимость феномена обратной связи как такового для устного дискурса, что, с одной стороны, представляется в корне неверным, а с другой — объясняет отсутствие удовлетворительного описания единиц, перечисленных выше (*м-м, угу, ага, а-а, эмм, ну-ну, мда* и подобных им), частотных для русского устного спонтанного дискурса.

Очевидно, есть все основания считать такую постановку вопроса дискуссионной: если исследователь воспринимает «сигналы адресата речи» как нечто побочное, высока вероятность того, что он не будет отражать их в аннотации, что может в значительной мере повлиять на результаты анализа устного дискурса и даже исказить их.

В силу изложенного мы придерживаемся другой исследовательской позиции, в рамках которой устный дискурс рассматривается как сложно устроенный феномен, развитие которого зависит от целого ряда экстралингвистических факторов: от количества и состава участников дискурса, от пространства, в котором осуществляется коммуникация, от канала(-ов) связи и т. п. Чем более естественны (не заданы исследователем) условия, в которых функционирует дискурс, тем сложнее оказывается расчленить его на фрагменты и однозначно отнести к монологу, диалогу или полилогу.

Принципиальный учёт влияния любого из участников взаимодействия на развертывание устного дискурса, на формирование его строения и фактуры обуславливает использование термина *диалогичность* как более корректного в данных условиях, чем термин *диалог*.

2. Феномен обратной связи

Обратная связь при непосредственном взаимодействии может осуществляться как невербальными средствами (например, кивок в знак согласия с тезисом собеседника или совершение некоторого действия, названного в стимульном высказывании собеседника; если собеседник попросил закрыть окно, то обратная связь может реализоваться актом закры-

тия окна и т. п.), так и вербальными знаками (например, собеседник может выразить согласие с произнесенным с помощью высказывания «*Действительно, закрою*»).

Вербальная реакция на просьбу может состояться множеством других способов: например, участник диалога, к которому была обращена просьба, мог сказать: «*Ага*», «*Хорошо*» или «*Ладно*»; или вербализовать свое отношение к ситуации в высказывании: «*Встань и закрой окно сам*». Как отмечал Л. Блумфилд, «возможности практической реакции возрастают бесконечно, поскольку разные слушающие могут быть способны на самые разнообразные действия» [Блумфилд, 1968, с. 40].

Стоит отметить, что отдельной проблемой при описании устного диалогического дискурса является выбор термина для обозначения коммуниканта, вербально эксплицирующего обратную связь, например, в высказывании Л. Блумфилда он обозначен как *слушающий*, но — с формальной точки зрения — в момент экспликации обратной связи происходит мена ролей собеседников. Поскольку в данной статье исследуется феномен обратной связи, проблема терминологического обозначения коммуникантов в аспекте мены коммуникативных ролей при диалогическом взаимодействии не обсуждается.

В данной статье под **обратной связью** понимается коммуникативный феномен, имманентно присущий устному диалогическому взаимодействию, сопровождающий процесс восприятия речи и проявляющийся в виде ответной реакции. Мы намеренно не ограничиваемся в определении только вербальной составляющей, так как описание невербальных ответных реакций не может быть исключено из сферы внимания лингвистов, поскольку представляет собой отдельную проблему, которая должна быть решена в рамках мультимодальной лингвистики.

3. Маркеры обратной связи

Обратная связь как феномен, имманентно присущий диалогическому дискурсу, имеет почти бесконечное множество вербальных способов реализации, которые зависят от ситуации, условий общения, языковых средств: «Речевой акт (и его воплощение в слове), а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего» [Блумфилд, 1968, с. 37].

Безусловно, целью данного исследования не является описание всего набора имеющихся в распоряжении собеседников средств экспликации обратной связи, в противном случае было бы необходимо описать все вербальные и невербальные средства, когда-либо использовавшиеся носите-

лами русского языка в диалогическом взаимодействии. В большей степени нас интересуют короткие вербальные единицы, которые позволяют организовывать диалогическое взаимодействие [АА]. Поскольку «целенаправленный характер речи ориентирован на собеседника и на понимание с его стороны» [Плотников, 1983, с. 143], можно предположить, что должен существовать набор довольно разнообразных единиц, основной функцией которых является экспликация понимания собеседника.

Рассмотрим несколько фрагментов диалогов (табл. 1, 2), чтобы более точно обозначить круг интересующих нас явлений.

Таблица 1

Фрагмент интервью 1

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	Е.В.
32	00:21.50	00:23.44		Нынче зато у вас /тыквы вон какие...
33	00:23.85	00:26.18	О это ещё /маленькие ны= нынче.	

В данном фрагменте есть стимульная и ответная элементарная дискурсивная единица (далее — ЭДЕ), что свидетельствует о наличии обратной связи в диалоге. Как видим, ответная реакция абсолютно адекватна заданному стимулу: в ней содержится анафорическая единица *это*, а также прилагательное *маленькие*, которое согласуется в категориях числа и падежа с существительным *тыквы*, это подтверждает тот факт, что высказывания собеседников касаются одного и того же объекта. Следовательно, можно утверждать, что Л. С. понимает содержание ЭДЕ, заложенное Е. В., чего нельзя было бы сказать, если бы ответная ЭДЕ Л. С. включала в себя одно слово, никак не соотносящееся с содержанием ЭДЕ Е. В., например, слово *мяч*. При этом невозможно утверждать, что основной функцией ЭДЕ Л. С. является экспликация понимания собеседника. К основной функции ЭДЕ Л. С. следует отнести продвижение дискурса, связанное с обсуждением этого объекта, или корректировку оценок, вербализованных Е. В., но не экспликацию понимания. Понимание в таком случае является имманентным свойством кооперативности общения и, являясь неотъемлемым условием возможности функционирования устного диалогического дискурса, остается за пределами внимания участников диалога, а следовательно, и их осознанных целевых установок. Каждый из участников диалога, порождая некоторое высказывание, заранее рассчитывает на понимание собеседника, на его способность извлечь план содержания, вкладываемый говорящим. Подобные случаи останутся за пределами нашего внимания, в том числе потому, что именно они предполагают существование беско-

нечного множества возможных способов выражения как стимульной, так и ответной ЭДЕ участников диалога.

По этим же причинам в круг рассматриваемых нами явлений не входят фрагменты дискурса следующего типа.

Таблица 2

Фрагмент интервью 2

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	В.И.	Е.В.
212	03:12.73	03:13.97		А /ондатру как ловили?
213	03:14.12	03:15.33	Ну /тоже так же капканом,	

В данном фрагменте ЭДЕ Е. В. иллюкативно вынуждает появление ЭДЕ В. И. Сам факт иллюкативного вынуждения уже ограничивает круг возможных вербальных реакций В. И., однако, несмотря на сужение спектра вербальных реакций, ответное высказывание В. И. может быть оформлено с помощью довольно обширного арсенала языковых единиц, способных описать способ или даже способы поимки ондатры. Смоделировать все вероятные вербальные реакции не представляется возможным, так как в них может варьировать как степень подробности, с которой описывается данный процесс, так и набор языковых единиц, которые говорящий почитает необходимым избрать в качестве тех, что, по его мнению, позволяют наиболее удачно «упаковать» имеющийся в сознании говорящего план содержания.

Таким образом, стимульные и реактивные ЭДЕ, представляющие собой развернутые высказывания, находятся за пределами нашего внимания.

В первую очередь нас интересуют короткие вербальные единицы, позволяющие организовывать коммуникативное взаимодействие и, как выяснилось в ходе исследования, составляющие специфику диалогического дискурса. К единицам такого типа мы относим маркеры обратной связи /аа, /мм, -а!, /а?, /м?, ауа, мцм, да, как?, конечно, нет, не, но, ну, понятно, ясно и т. п., а также редуцированные варианты ряда из них (да-да, как-как?, нет-нет и т. п.), варианты, в которых осуществлена множественная итерация их сегментов (да-да-да-да-да, не-не-не, но-но-но и т. п.), и варианты, в которых представлена комбинация перечисленных выше единиц (да конечно, ясно понятно и т. п.). Обратим внимание на избранный в статье способ аннотирования элементов устного дискурса: все маркеры обратной связи, при произнесении которых регулярно реализуются явления неканонической фонетики, зафиксированы при помощи символов МФА (Международного Фонетического Алфавита), остальные же маркеры об-

ратной связи переданы в соответствии с требованиями орфографии русского языка. Знаки слева от маркера обратной связи призваны обозначить характер движения тона (восходящий, ровный, нисходящий) при произнесении данных единиц, а знаки справа — их иллокутивно-фазовое значение.

Мы отдаем себе отчет в том, что на данном этапе исследования нами выявлена лишь малая часть того набора единиц, благодаря которым организовывается диалогическое взаимодействие, однако, как кажется, единицы, встретившиеся в нашей выборке более одного раза, являются наиболее частотными, то есть такими, которые возможно обнаружить в устном диалогическом дискурсе любого типа.

Стоит отметить, что наше понимание маркеров обратной связи является расширенным по сравнению с общепринятым. Обычно маркерами обратной связи называют «короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются Слушающим для выражения позитивного внимания к Говорящему без каких-либо попыток поменяться с Говорящим ролями» [Кобозева и др., 2019, с. 291]. Однако с таким узким пониманием не позволяет согласиться следующее обстоятельство. Во-первых, маркеры обратной связи могут сигнализировать не только о позитивном внимании, но и о затруднениях, возникших у собеседника при восприятии высказывания (*а? м? что?*), во-вторых, функционирование большинства из вышеперечисленных единиц не ограничивается только функцией выражения позитивного внимания. Степень семантической наполненности таких единиц в значительной мере зависит от контекста, который их окружает. Так, единица *мцм* может сигнализировать о восприятии (= позитивное внимание) активным слушающим части высказывания собеседника (— *Берём три яйца ... — Мцм.*), а может выступать в качестве ответной реакции на предыдущее высказывание собеседника (— *Ты идешь в столовую? — Мцм.*). В данном случае задача собеседника не просто выразить позитивное внимание, а подтвердить истинность запрошенной информации. На данный момент мы не имеем достаточно оснований для того, чтобы квалифицировать парадигматические отношения, в которых состоят контекстные употребления *мцм* (разные значения одного слова / омонимы), поскольку употребления первого типа (позитивное внимание) на материале русского языка описаны недостаточно, что же касается употреблений второго типа, то они описаны преимущественно на материале письменной речи или устной речи, содержащейся в Мультимедийном корпусе русского языка, «включающем фрагменты кинофильмов 1930—2000-х годов» [НКРЯ], которые также сложно признать естественной средой для функционирования единиц данного типа.

Таким образом, представляется целесообразным рассматривать маркеры обратной связи несколько расширенно, то есть в рамках одной группы, которую возможно разделить на несколько подгрупп, опираясь, в частности, на характеристики окружающего их контекста.

4. Классификация маркеров обратной связи

Далее продемонстрируем специфику функционирования маркеров обратной связи на материале имеющегося в нашем распоряжении корпуса текстов.

Таблица 3

Фрагмент интервью 3

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	В.И.	М.Б.
332	04:49.23	04:49.87		А это вы уже /где ==
333	04:49.87	04:50.77		это в /лесу делали уже,
334	04:50.77			или /домой когда приносили уже ?
335	04:51.72	04:51.92	Это /дома.	
336		04:51.97		
337	04:52.14	04:52.72		//Домашка уже да?
338	04:52.73	04:53.273	Да /конечно.	

Обратим внимание на маркер обратной связи *да конечно* (табл. 3) и его языковое окружение. Как видим, в предыдущем контексте содержится иллокутивное вынуждение, причем иллокутивно зависимыми являются обе ЭДЕ В. И. В данном фрагменте речь идет о том месте, в котором выдвигались шкурки соболя. М. Б. в первоначальном высказывании, представленном в строках 332—335 (см. табл. 3), формулирует запрос на получение информации, касающейся места, в котором выдвигались шкурки, а после получения ответной реакции уточняет имеющуюся информацию. В вопросах М. Б. содержится пропозиция, которая в свернутом виде представлена и в ответных ЭДЕ В. И., фактически маркер обратной связи *да конечно* имеет пропозициональное содержание ‘да, конечно, мы это делали, когда домой приносили’.

Обратимся к следующему примеру (табл. 4).

В данном фрагменте маркер обратной связи, представленный в строке 20, также является иллокутивно вынуждаемым, так как в высказывании Е. В. содержится запрос на уточнение пропозиции, которая в свернутом

Таблица 4

Фрагмент интервью 4

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	Е.В.
18	00:24.22	00:24.41		/Нет?
19	00:24.57			/таркой не \называли.
20	00:25.22	00:25.48	–Нет.	
21		00:25.49		

виде входит в пропозициональное содержание маркера обратной связи *нет* — ‘нет, таркой не называли’.

Таблица 5

Фрагмент интервью 5

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	О.Л.
136	02:13.53	02:14.43		А тельно /готовите?
137	02:14.86	02:15.14	/Как?	
138	02:15.23	02:15.58		/Тельно,
139	02:15.74	02:16.14		из \рыбы.
140	02:16.14	02:16.73	\Обязательно.	

В данном примере (табл. 5) рассмотрим ЭДЕ Н. И., содержащую маркер обратной связи *обязательно*. Как видим, эта ответная реакция снова является иллокутивно вынуждаемой, несмотря на то что вынуждающая ЭДЕ непосредственно не предшествует маркеру обратной связи. В этом примере после повтора части ЭДЕ, вызвавшей затруднения (*тельно*), а также небольшого уточнения (*из рыбы*), позволяющего Н. И. ограничить круг явлений, способных именоваться таким образом, Н. И. порождает ЭДЕ *обязательно*, которая позволяет в свернутой форме подтвердить информацию, запрашиваемую в ЭДЕ О. Л. (строка 136). В развернутом виде эта вербальная реакция могла бы принять следующий вид: *Да, конечно, я готовлю тельно из рыбы*.

Анализ данных примеров позволяет выделить подгруппу маркеров обратной связи, которые являются иллокутивно вынуждаемыми ответными реакциями на высказывание собеседника, представляющее собой конструкцию, содержащую пропозицию.

Другой, хотя и сходный, случай можем наблюдать в следующих контекстах (табл. 6, 7).

Таблица 6

Фрагмент интервью 6

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	М.Б.
2	00:01.18		Вот даже /лилии сфотографированы вот цветы.	
3	00:04.65	00:04.68		/Да-да-да.
4		00:05.30		

Вокальная составляющая данного фрагмента интервью, очевидно, сопровождает рассматривание фотографий. В ЭДЕ Л. С., несомненно, содержится пропозиция, которая в свернутом виде отражается и в пропозициональном содержании маркера обратной связи 'да, я вижу, вот они лилии'. Однако в данном случае в высказывании Л. С. уже не содержится иллокутивного вынуждения, как в предшествующих примерах. Помимо «верификации» пропозиции (этот термин использован Е. Р. Добрушиной в работе «Верификация в современной русской диалогической речи» [Добрушина, 1993] и И. М. Кобозевой, О. О. Ивановой, Л. М. Захаровым в статье «К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге» [Кобозева и др., 2019]), представленной в ЭДЕ собеседника, данный маркер обратной связи призван сигнализировать о восприятии информации, полученной по визуальному каналу, следовательно, его использование детерминировано коммуникативной ситуацией.

Таблица 7

Фрагмент интервью 7

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	О.Л.
200	02:38.68		Ну/ что там на балконе-то цветы /восадивш...	
201	02:40.51	02:41.29		/Конечно.
202		02:41.29		
203	02:41.29		Ну оно не /очень-то,	
204	02:41.30	02:41.59		/Но.
205		02:42.48		
206	02:42.52	02:44.50		Да эти ваши дома-то на /трассе же еще стоят,
207	02:44.50	02:46.44	а там же /машины-то везд-вперёд-то.	
208	02:47.51	02:46.90	/Да-да.	

В данном фрагменте дискурса мы видим три маркера обратной связи: *конечно, но, да-да*. Каждый из них представляет собой реакцию на пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника, но ни один из них не

является иллокутивно вынуждаемым, о чем, в частности, свидетельствует наложение ЭДЕ собеседников друг на друга. Маркер обратной связи *конечно* в своем пропозициональном содержании полностью отражает пропозицию ЭДЕ Л. С., пропозициональное содержание маркера обратной связи *но* может быть развернуто следующим образом ‘да, действительно, оно не очень-то’, а маркера обратной связи *да-да* — как ‘да, наши дома на трассе стоят и машины там взад-вперед’. Стоит отметить, что маркеры обратной связи, использованные О. Л., с прагматической точки зрения обусловлены коммуникативной ситуацией и свидетельствуют о некоторой степени солидаризации О. Л. с мнением, высказываемым Л. С., что подтверждает дополнительная аргументация мнения Л. С., представленная в строках 206—207 (табл. 7).

Анализ данных примеров позволяет выделить ещё одну подгруппу маркеров обратной связи, которые являются реакциями на высказывание собеседника, представляющее собой конструкцию, содержащую пропозицию, однако их использование детерминировано коммуникативной ситуацией, следовательно, оно не иллокутивно вынуждаемо, а коммуникативно зависимо (и эта зависимость облигаторна).

В следующих примерах представлены контекстные употребления маркеров обратной связи совсем другого рода (табл. 8, 9, 10).

Таблица 8

Фрагмент интервью 8

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	О.Л.
189	03:08.08		А потом воду /наливаешь,	
190	03:09.31	03:09.38		–Мцм.
191		03:09.50		

Как видим, в данном случае (табл. 8) не приходится говорить об ответной реакции на пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника. Пропозициональное содержание маркера обратной связи *мцм* в данном случае в принципе не может быть развернуто, так как он используется активным слушающим — О. Л. — для того, чтобы сигнализировать Н. И. о восприятии информации, вербализованной в ЭДЕ основного говорящего, и побудить Н. И. к продолжению развития этой линии дискурса.

Использование маркера обратной связи *-/aa*. — по сравнению с использованием маркера *мцм* в предыдущем контексте — имеет тонкие прагматические отличия: конечно, он также призван сигнализировать о вос-

Таблица 9

Фрагмент интервью 9

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	Е.В.
83	01:23.82	01:24.88	/ну как тебе \сказать,	
84	01:25.52		чѐ-то-о вроде как /рыбу с= солишь,	
85	01:28.18	01:28.32		–/Аа.
86		01:28.68		

приятии информации, вербализованной в ЭДЕ основного говорящего, и он также не может быть развернут до полнозначного высказывания, однако он может быть заменен синонимичным с функциональной точки зрения выражением *вот оно как*. Стоит отметить, что и маркер обратной связи *–/аа.*, и выражение *вот оно как* будут иметь одинаковое просодическое оформление, которое представлено в удлинённой реализации первого гласного и общем движении тона (тональный контур имеет нисходяще-восходящую форму, реализованную как небольшое падение со среднего уровня и возврат к нему с небольшим повышением тона). Возможно, именно за счет просодических характеристик формируется семантика данных языковых единиц: они призваны сигнализировать о том, что некоторое высказывание основного говорящего по какой-то причине стало неожиданным для слушающего либо его содержание по каким-то причинам не согласуется с внутренними установками слушающего.

В следующем примере слушающий, наоборот, сигнализирует о затруднениях при восприятии информации.

Таблица 10

Фрагмент интервью 10

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Т.	М.Б.
214	03:15.34	03:16.04	/Жить охота.	
215	03:16.67	03:16.86		/А?
216	03:17.27	03:18.12	Жить /охота!	

Если в предыдущих случаях (табл. 8, 9) пропозицию основного говорящего нельзя было признать завершённой, то в этом случае (табл. 10) очевидно, что пропозиция говорящего завершена. В первый раз Т. произносит свою ЭДЕ очень тихо, поэтому у М. Б. возникают затруднения при

восприятию плана выражения ЭДЕ основного говорящего, о чем она незамедлительно сигнализирует, используя единицу /a?. Отметим, что повтор основным говорящим его предыдущей ЭДЕ свидетельствует о том, что с точки зрения языкового коллектива функционирование единиц, маркирующих переспрос, также является конвенциональным и потому считается основным говорящим.

Из анализа примеров следует, что необходимо выделить ещё одну группу маркеров обратной связи, которые соотносятся не с пропозицией, заключенной в высказывании собеседника, а, скорее, с самим актом говорения и восприятия / невосприятия ЭДЕ (не высказывания!) собеседника. Именно эта группа маркеров обратной связи, не имеющих координации с пропозицией инициальной реплики, оказывается — на материале русского языка — описанной в наименьшей степени.

5. Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что маркеры обратной связи необходимо классифицировать следующим образом (рис. 1):

- маркеры обратной связи, скоординированные с пропозицией инициальной реплики;
- маркеры обратной связи, не имеющие координации с пропозицией инициальной реплики.

Группа маркеров, имеющих координацию с пропозицией инициальной реплики, делится на две подгруппы:

- иллокутивно вынуждаемые маркеры обратной связи;
- коммуникативно облигаторные маркеры обратной связи.

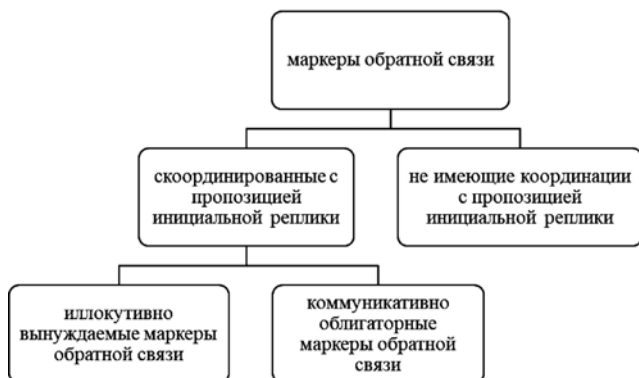

Рис. 1. Классификация маркеров обратной связи

Количественное соотношение маркеров обратной связи (рис. 2) также представляет интерес. В рамках имеющегося корпуса (≈ 2300 словоупотреблений) в нотациях устного диалогического дискурса было зафиксировано 232 случая употребления маркеров обратной связи, из них 157 (68 %) случаев употребления пришлось на маркеры обратной связи, не имеющие координации с пропозицией инициальной реплики, и 75 (32 %) — маркеры обратной связи, скоординированные с пропозицией инициальной реплики, из них 50 (21 % от общего числа употреблений) случаев употребления составляют коммуникативно облигаторные маркеры обратной связи, и 25 (11 % от общего числа употреблений) случаев употребления составляют иллокутивно вынуждаемые маркеры обратной связи.

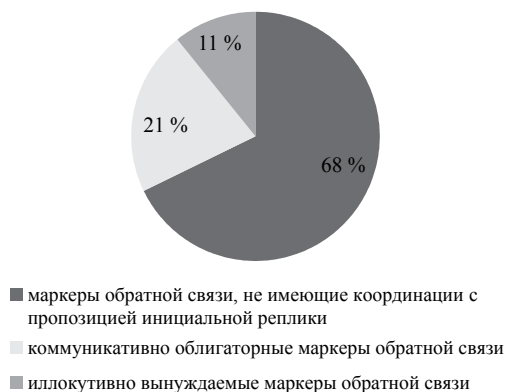

Рис. 2. Количественное соотношение маркеров обратной связи

Стоит отметить, что именно маркеры обратной связи, которые не имеют координации с пропозицией инициальной реплики и сигнализируют о восприятии / невосприятии ЭДЕ собеседника, являясь самыми частотными, оказываются практически неисследованными на материале русского устного дискурса. Это может быть обусловлено многими причинами: от отказа фиксировать в аннотации данные единицы до отсутствия адекватных семантических методов, которые могли бы быть применены для описания единиц такого типа.

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив авторов.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 29.06.20).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Языкознание : От Аристотеля до компьютерной лингвистики / В. М. Алпатов. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. — 253 с. — ISBN 978-5-91671-804-1.
2. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 84—99.
3. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. — Москва : УРСС, 2002. — 606 с. — ISBN 5-354-00164-1.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 320 с. — ISBN 978-5-397-00069-7.
5. Гловинская М. Я. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Е. В. Красильникова, Н. Н. Розанова ; отв. ред. Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1983. — 239 с.
6. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В. Д. Девкин. — Москва : Высшая школа, 1981. — 160 с.
7. Добрушина Е. Р. Верификация в современной русской диалогической речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. / Е. Р. Добрушина. — Москва, 1993. — 305 с.
8. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт, В. В. Куканова [и др.] // отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 421 с. — ISBN 978-5-8465-1312-9.
9. Кибрик А. А. На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0». — Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 36—40.
10. Кобозева И. М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге / И. М. Кобозева, О. О. Иванова, Л. М. Захаров // Национальный корпус русского языка : исследования и разработки. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2019. — Выпуск 21. — С. 284—299. — DOI : 10.31912/pvrl-2019.21.16.
11. Кортаев Н. А. «Рассказы и разговоры о грушах» : принципы вокальной аннотации [Электронный ресурс] / Н. А. Кортаев. — Режим доступа : <http://multidiscourse.ru> (дата обращения 29.06.20).
12. Михайлов Л. М. Грамматика устной речи / Л. М. Михайлов. — Москва : Издательство Астрель-Аст, 2003. — 348 с. — ISBN 5-17-014558-6.
13. Мечковская Н. Б. Общее языкознание / Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман, Б. А. Плотников, А. Е. Супрун ; под общ. ред. А. Е. Супруна. — Минск : Вышэйш. шк., 1983. — 456 с.
14. Рассказы о сновидениях : Корпусное исследование устного русского / под редакцией А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с. — ISBN 978-5-9551-0303-7.
15. Федотова Л. В. Принципы диалогической коммуникации / Л. В. Федотова. — Ростов на Дону : Изд-во РГПУ, 2005. — 212 с. — ISBN 978-5-9916-8299-2.
16. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1956. — № 2. — С. 67—83.

17. *Ширяев Е. Н.* Диалог / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — С. 155.

18. *Шпомер Е. А.* Диалог как основная форма речевой коммуникации : системное описание специфических черт диалогической речи / Е. А. Шпомер // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2014. — № 7. — С. 92—98.

19. *Grice H. P.* Logic and conversation / H. P. Grice // Cole P., Morgan J. L. (eds). Syntax and semantics. Speech acts. — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 41—58.

20. *Heylen D.* Generating Listening Behaviour / D. Heylen, E. Bevacqua, C. Pelachaud, I. Poggi, J. Gratch, M. Schröder // Cognitive Technologies. — Springer, 2011. — Pp. 321—347.

21. *Yngve V.* On getting a word in edgewise / V. Yngve // Chicago Linguistic Society. — 1970. — Pp. 567—578.

ORGANIZATION OF ORAL DIALOGICAL DISCOURSE: FEEDBACK AND WAYS OF ITS EXPLICATION¹

© **Olga L. Mikhaleva (2021)**, orcid.org/0000-0003-3313-0605, ResearcherID ABE-4794-2020, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University” (Irkutsk, Russia), pikutskaja@gmail.com.

© **Ulyana E. Chekmez (2021)**, orcid.org/0000-0002-0571-741X, ResearcherID AAZ-7430-2020, Lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University” (Irkutsk, Russia), chekmezu@gmail.com.

The results of the study of feedback in the Russian oral dialogical discourse are presented in the article. The relevance of this study is due to several factors. First, the debatable issue is related to the qualification of fragments of oral discourse from the point of view of their relevance to the genre of monologue, dialogue, polylogue. Secondly, there is a number of theoretical problems arising from such qualifications, in particular, in the scientific description of feedback markers (based on the material of the Russian language), a rather large number of gaps are found. The definitions of the terms *feedback* and *feedback markers* are provided in the article. The authors note that it seems advisable to consider feedback markers in a somewhat expanded way, including in this group not only units used to express positive attention, but also units that can signal difficulties in perceiving the interlocutor's utterance, as well as illocutionary forced units that are a reaction to the initial a replica of the interlocutor. Criteria for the inclusion of units functioning within the vocal modality in the group of feedback markers are proposed. A classification of feedback markers based on the ability of units to collapse the proposition contained in the statement of the interlocutor is proposed. The quantitative characteristics of the described subgroups are presented.

Key words: oral discourse; dialogicalness; feedback; feedback markers.

¹ The research was carried out with the financial support of the ISU grant, the project “Ways of explicating feedback in dialogue” (091-20-326).

MATERIAL RESOURCES

AA — *Arkhiv avtorov*. (In Russ.).

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 29.06.20). (In Russ.).

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2018). *Yazykoznanije: Ot Aristotelya do kompyuternoy lingvistiki* [Linguistics: From Aristotle to computational linguistics]. Moskva: Alpina non-fikshn. 253 p. ISBN 978-5-91671-804-1. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Kreydlin, G. E. (1992). Illokutivnoye vyznuzhdeniye v strukture dialoga [Illocutionary compulsion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 2: 84—99. (In Russ.).
- Blumfeld, L. (2002). *Yazyk* [Yazyk]. Moskva: URSS. 606 p. ISBN 5-354-00164-1. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (2009). *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. Moskva: LIBROKOM. 320 p. ISBN 978-5-397-00069-7. (In Russ.).
- Devkin, V. D. (1981). *Dialog. Nemetskaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy* [Dialog. German colloquial speech in comparison with Russian]. Moskva: Vysshaya shkola. 160 p. (In Russ.).
- Dobrushina, E. R. (1993). *Verifikatsiya v sovremennoy russkoy dialogicheskoy rechi*. PhD. Diss. [Verification in modern Russian dialogic speech. PhD. Diss.]. Moskva. 305 p. (In Russ.).
- Fedotova, L. V. (2005). *Printsipy dialogicheskoy kommunikatsii* [Principles of dialogical communication]. Rostov na Donu: Izd-vo RGPU. 212 p. ISBN 978-5-9916-8299-2. (In Russ.).
- Glovinskaya, M. Ya., Zemskaia, E. A., Kapanadze, L. A., Kitaygorodskaya, M. V., Krasilnikova, E. V., Rozanova, N. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moskva: Nauka, 1983. — 239 p. (In Russ.).
- Grice, H. P., Cole, P., Morgan, J. L. (eds). (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and semantics. Speech acts*. New York: Academic Press. 41—58.
- Heylen, D., Bevacqua, E., Pelachaud, C., Poggi, I., Gratch, J., Schröder, M. (2011). Generating Listening Behaviour. In: *Cognitive Technologies*. Springer. 321—347.
- Kibrik, A. A. (2016). Na puti k yestestvennoy grammatike russkogo yazyka [On the way to the natural grammar of the Russian language]. In: *Sbornik tezisev Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Russkaya grammatika 4.0»* [Collection of theses of the International Scientific Symposium “Russian Grammar 4.0”]. Moskva: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. 36—40. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M., Ivanova, O. O., Zakharov, L. M. (2019). K multimodalnomu modelirovaniyu verifikativnykh diskursivnykh markerov v russkom dialoge [Multi-modal modeling verification discourse markers in Russian dialogue]. In: *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [National corpus of Russian language research and development], 21. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 284—299. DOI: 10.31912/pvri-2019.21.16. (In Russ.).

- Korotayev, N. A. «*Rasskazy i razgovory o grushakh*»: *printsipy vokalnoy annotatsii* [“Stories and conversations about pears”: principles of verbal annotation]. Available at: <http://multidiscourse.ru> (accessed 29.06.20). (In Russ.).
- Mechkovskaya, N. B., Norman, B. Yu., Plotnikov, B. A., Suprun, A. E. (1983). *Obshcheye yazykoznaniye* [General linguistics]. Minsk: Vysheysh. shk. 456 p. (In Russ.).
- Mikhaylov, L. M. (2003). *Grammatika ustnoy rechi* [Grammar of oral speech]. Moskva: Izdatelstvo Astrel'-Ast. 348 p. ISBN 5-17-014558-6. (In Russ.).
- Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoye issledovaniye ustnogo russkogo* [Stories about Dreams: A Corpus Study of Oral Russian]. (2009). Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 736 p. ISBN 978-5-9551-0303-7. (In Russ.).
- Shiryayev, E. N. (2003). Dialog [Dialogue]. *Kultura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: Encyclopedic dictionary]. Moskva: Flinta: Nauka. 155. (In Russ.).
- Shpomer, E. A. (2014). Dialog kak osnovnaya forma rechevoy kommunikatsii: sistemnoye opisaniye spetsificheskikh chert dialogicheskoy rechi [Dialog as the main form of speech communication: system description of specific features of dialogic speech]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov], 7: 92—98. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1956). K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory [To the study of Russian dialogic speech. Replicas-repetitions]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2: 67—83. (In Russ.).
- Yngve, V. (1970). On getting a word in edgewise. *Chicago Linguistic Society*. 567—578.
- Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye* [Sound corpus as a material for analyzing Russian speech Part 1. Reading. The retelling. Description]. (2012). Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. 421 p. ISBN 978-5-8465-1312-9. (In Russ.).

Позднякова Е. М. Пандемия Covid-19 в политических карикатурах американской прессы: опыт мультимодального анализа / Е. М. Позднякова, О. А. Блинова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 48—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-48-62.

Pozdnyakova E. M., Blinova O. A. (2021). Covid-19 Pandemic in Political Cartoons of the American Press: An Experience of Multimodal Analysis. *Nauchnyi dialog*, 1: 48-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-48-62. (In Russ.).

УДК 811.111'42:070.423.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-48-62

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРИКАТУРАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ: ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

© Позднякова Елена Михайловна (2021), orcid.org/0000-0003-0496-5224, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка № 3, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), HelenPozdnyakova@yandex.ru.

© Блинова Ольга Александровна (2021), orcid.org/0000-0002-7456-4998, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), o.blinova@my.mgimo.ru.

Предпринята попытка проанализировать место политической карикатуры в актуальном общественно-политическом медиадискурсе США. Материалом послужили опубликованные весной 2020 года карикатуры из изданий «USA Today» и «Philadelphia Inquirer», информационным поводом для создания которых послужила пандемия Covid-19. Рассматриваются определения политической карикатуры как мультимодального текста со сложной системой кодирования. Отмечается, что в данном типе текста феноменологические когнитивные структуры актуализируются как через языковую проекцию, так и через визуально-пространственные образы. Уделяется внимание интертекстуальности как основе политической карикатуры: авторы исходят из положения, что декодирование смысла реципиентом зависит от наличия у него и автора общих фоновых знаний. Показано, что пандемия Covid-19 в тематическом отношении встроена в более широкую общественно-политическую повестку, в силу чего успешная интерпретация требует от реципиента фоновых знаний о стоящих перед США актуальных общественно-политических вызовах, а именно внутривнутриполитической повестке. Утверждается, что изучаемые карикатуры отличает опора на прецедентность, причем актуализация фоновых знаний

1 Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук.

происходит за счет сочетания визуального и вербального компонентов текста. Делается вывод, что среди языковых средств создания сатирического эффекта выделяется игра слов на основе буквального и переносного значения отдельных лексических единиц.

Ключевые слова: карикатура; коронавирус; медиадискурс; мультимодальный текст; пандемия; Covid-19.

1. Политическая карикатура как жанр медиадискурса

Политическая карикатура представляет собой популярный жанр современного медиадискурса. Она призвана не только развлекать читательскую аудиторию ведущих СМИ, но и давать комментарий и оценку ключевым политическим событиям в мире. Таким образом, политическая карикатура — важный элемент информационного пространства, обладающий потенциалом формирования общественно-политической коммуникации и влияния на нее, расширения среди аудитории понимания информационной повестки, реконцептуализирования ее и даже превращения в оружие политической борьбы [Mateus, 2016]. Пандемия Covid-19, начавшаяся зимой-весной 2020 года, сразу получила отражение в разных сферах бытования языка, а потому привлекла и внимание лингвистов, см. например [Киреева, 2020; Петренко и др., 2020 и др.]. Она не могла не оказаться в фокусе внимания мировой прессы, а значит, в сфере интересов карикатуристов ведущих мировых общественно-политических изданий.

В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать место политических карикатур, информационным поводом для создания которых послужила пандемия коронавируса 2020 года, в общественно-политическом медиадискурсе США.

Политическая карикатура представляет собой разновидность изобразительной сатиры, обращающейся к острым вопросам общественно-политической жизни. Ее определяют как «графическое изображение остроты мысли, зачастую сопровождаемое аллюзивными отсылками» [Ласкова и др., 2016, с. 72], как «любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения; особый жанр изобразительного искусства, обладающий четко выраженной идейной социально-критической направленностью» [Шарапова, 2013, с. 162].

С лингвистической точки зрения карикатура, в том числе политическая, представляет собой мультимодальный (иначе — поликодовый, креолизованный) текст со сложной системой кодирования, где актуализация феноменологических когнитивных структур происходит как через языковую проекцию, так и через визуально-пространственные образы [Артемова, 2002].

Иными словами, в таком тексте одна коммуникативная задача решается объединением нескольких семиотических рядов [Эбзеева, 2018, с. 130].

По количеству изобразительных компонентов карикатуры подразделяются на одно- и многокадровые, по степени наличия и соотношения вербального и визуального компонента — на тексты с нулевой, частичной или полной креолизацией. Текст в данном случае трактуется как «всякий связный знаковый комплекс» [Бахтин, 1976, с. 123], который, по метафорическому определению Р. Барта, создается путем «нескончаемого плетения множества нитей» [Барт, 1994, с. 515]. Среди таких «нитей» — не только соединение вербального и визуального, но и сотворчество, способ коммуникации двух сознаний: коммуникатора и реципиента. В содержательном отношении политическая карикатура — это текст, описывающий те или иные аспекты текущих общественно-политических событий через призму юмора. Данный жанр отличается оперативной реакцией на информационную повестку, злободневностью. О политической карикатуре, являющейся формой ответной коммуникативной реакции на высказывания и действия общественных и политических деятелей, говорят и как о вторичном политическом дискурсе, погруженном в развлекательную культуру [Гуань Шаоян, 2018, с. 141; Ласкова и др., 2016, с. 73;].

Предполагается, что политическая карикатура должна воздействовать на реципиента быстро и недвусмысленно, так как в отличие от автора монокодовых (вербальных) журналистских жанров карикатурист не располагает местом для разъяснения своего посыла. В этом отношении популярность политической карикатуры можно считать одним из проявлений «дайджестового мышления», когда текст «сопровождается расширенным визуальным рядом», что «является своеобразным рычагом медиаиндустрии» [Куницына и др., 2019, с. 137]. Этому есть простое объяснение, ведь «современному человеку важно сконцентрироваться на главной информации, на главном факте или событии и укрепить в своем сознании словесный образ с помощью визуального изображения» [Куницына и др., 2011, с. 22].

При этом степень «общедоступности» политических карикатур, даже на острую тему, варьируется. Интертекстуальность как прием будет успешной только в том случае, если у автора и аудитории есть общие фоновые знания. Однако в условиях глобализации XXI века, когда к англоязычной прессе обращаются не только носители западной англосаксонской культуры, такие знания у автора текста и реципиента есть не всегда. Западные исследователи отмечают, что аудитория политической карикатуры англоязычных СМИ разделяется на «элитную» группу читателей, адекватно декодирующих смысл благодаря общему с карикатуристом «бэкграунду», и «внешнюю» группу, не способную увидеть интертекстуальные связи

в силу нехватки требуемых фоновых знаний из-за иного этнокультурного, поколенческого или социального опыта [Werner, 2004]. Интересно, что к таким же выводам пришли исследователи жанра карикатуры еще в конце XX века [DeSousa et al, 1982, p. 49]. Представители «внешней» группы могут проживать в одном географическом регионе с «элитной» аудиторией: В. Вернер провел эксперимент среди образованных жителей Ванкувера, в ходе эксперимента респонденты должны были определить источник интертекстуальности в карикатурах одной из наиболее популярных газет города. Результаты показали, что правильно декодировать хотя бы половину карикатур смогла лишь четверть респондентов [Werner, 2004].

Декодирование реципиентом заложенного автором смысла в политической карикатуре зависит от способности услышать присутствующий в ней «чужой голос» и определить характер межтекстового взаимодействия. О наличии в любом тексте «чужого голоса», благодаря которому автор вступает в диалог с современной культурой и культурой прошлого, писал М. Бахтин, анализируя литературные пародии [Бахтин, 1986]. Политическая карикатура близка к этому жанру: для обоих характерны карнавальное сознание, отсылки к прецедентным текстам и феноменам. Таким образом, в политической карикатуре задействованы две когнитивные категории — интертекстуальность и прецедентность. Кроме того, о политической карикатуре говорят и как о гибридном жанре, по свойствам близком к художественным, а по сфере употребления — к публицистическим жанрам.

Соотношение частного, личного и универсального в карикатурах также становится предметом обсуждения. Так, в политической карикатуре сочетаются «авторский замысел, отражающий личное мнение о текущих событиях и явлениях в политической среде» и «отпечаток национального коллективного сознания», что делает ее «ценным источником информации об общественном сознании и значимых для него оценках политических взаимодействий» [Култышева и др., 2016, с. 115].

В политических карикатурах варьируется степень связи с национальными особенностями культуры. Это касается как смыслового содержания или объекта сатиры (например, карикатуру может отличать явная идеологическая направленность [Гуань Шаоян, 2018, с. 141—142]), так и характеристик визуального компонента (например, отмечают, что «для арабской политической карикатуры частотным является объемность рисунка», желтый цвет символизирует страх, ревность, зависть, злобу, в то время как во французских карикатурах желтый цвет — символ активности и богатства [Эбзеева и др., 2018, с. 129—130]). Тем не менее исследователи указывают, что, несмотря на национальную специфику, политическая карикатура мо-

жет быть адекватно декодирована носителями иных культур, если в основе ее сюжета лежат элементы, входящие в универсальную когнитивную базу [Артемова, 2002]. Вместе с тем в западной прессе карикатуры часто строятся на исторических, литературных аллюзиях, культурном знании прошлого, которые по природе своей евроцентричны [Werner, 2004, с. 1].

В данной статье мы рассмотрим вопросы, касающиеся аспектов пандемии Covid-19, выбранных для карикатуризации, и фоновых знаний, на основании которых осуществляется декодирование смысла данных карикатур.

2. Мультиmodalный анализ как лингвистический метод исследования жанра политической карикатуры

Для данного исследования были отобраны 4 карикатуры нескольких авторов, посвященные пандемии Covid-19, опубликованные весной 2020 года в изданиях *USA Today* и *Philadelphia Inquirer*.

Каждая отобранная для исследования карикатура представляет собой текст с полной креолизацией (согласно классификации Е. Е. Анисимовой [Анисимова, 1994]), то есть декодирование заложенного в вербальном компоненте смысла зависит от изображения. Сатирический эффект таких политических карикатур создается путем комбинирования автором вербальных и паралингвистических средств и актуализируется затем в результате успешного декодирования их впоследствии реципиентом.

В качестве основного метода исследования мы используем мультиmodalный анализ политической карикатуры, предложенный отечественными лингвистами [Артемова, 2002; Эбзеева и др., 2018].

Первая ступень анализа мультиmodalного текста жанра политической карикатуры предполагает идентификацию информационного повода, изображенных персоналий и других экстралингвистических элементов текста. Затем анализируется иконический компонент, который может включать цветное решение, шрифтовый набор, графическую сегментацию текста, плоскостное размещение надписей и т. д. Далее выполняется анализ вербального компонента, в ходе которого осуществляется обращение к монологической / диалогической / полилогической организации текста, наличию стилистически окрашенной лексики, средств образности и проч. На следующем этапе исследователь сопоставляет иконический и вербальный компоненты: текст может поддерживать изображение, противопоставляться ему, или же два компонента могут быть автономны. На финальной ступени анализируются так называемые «скрытые ресурсы политической карикатуры», под которыми понимают когнитивные механизмы обработки интертекстуального и прецедентного знаков в конкретном мультиmodalном тексте [Там же].

3. Репрезентация пандемии Covid-19 в карикатурах изданий «USA Today» и «Philadelphia Inquirer»

Несмотря на узкую тематическую направленность задействованных в исследовании карикатур, залогом их адекватной интерпретации и полного декодирования заложенного в них смысла является знакомство читательской аудитории как с текущими политическими событиями, так и с более широким общественно-политическим контекстом.

Рис. 1. Walling in the problem

Так, в карикатуре на рисунке 1, которая имеет подпись «*Walling in the problem*» [Wilkinson, 26.04.2020] / «Построить стену вокруг проблемы», сатирический посыл заложен в переосмыслении концепции стены, отгораживающей США от остального мира. Автором создана аллюзивная отсылка к громкому проекту президента Дональда Трампа: как известно, он преследовал цель помешать въезду в страну нелегальных латиноамериканских иммигрантов с помощью строительства стены вдоль мексиканско-американской границы. В период пандемии граница между США и остальным миром предстает ровно в противоположном свете: страна установила антирекорд, возглавив список государств с самым большим количеством инфицированных Covid-19. Стена вдоль американской границы теперь защищает не американцев от остального мира, а весь мир от граждан США. Иронический эффект заключается в смене роли потенциальной жертвы,

защищающейся от вторжения нелегальных мигрантов, на роль того, кто сам представляет опасность для окружающих.

Визуально на рисунке контуры стены представлены как государственные границы США, внутри которых вместо людей «живет» коронавирус (см. надпись *cases* «случаи [заболевания]»), то есть заразившимся гражданам США, по сути, отказано в субъектности и статусе человека). Потенциальные нелегальные иммигранты из стран Карибского бассейна, напротив, изображены как люди.

Вербальный компонент строится на противопоставлении глаголов *enter* (зайти — «у прохода через стену») и *leave* (выйти — «из уст потенциальных нелегалов»). Графически маркировано при этом местоимение *they*. Говоря об американцах в третьем лице и помещая эту реплику в уста иностранцев, карикатурист задает точку зрения рисунка: локус находится вне США. Таким образом, карикатура показывает, какими глазами на США смотрит мир (который в риторике Трампа обычно предстает как угроза): как на опасный контейнер (очаг инфекции), который представляет опасность для других, а потому должен быть изолирован от остальных стран.

Взаимосвязь иконического и вербального компонентов, ведущая к созданию сатирического эффекта, может базироваться на игре слов (каламбурах), причем в текстовой части реализуется прямое значение, а в визуальной — переносное. Так, в карикатуре на рисунке 2 под названием «*Layers of the virus' underlying conditions*» [Wilkinson, 06.05.2020] юмористический эффект создается за счет буквального прочтения свободного словосочетания (и широко употребляемого врачами клише) *underlying conditions* (предшествующие заболевания). Трагтуя причастие через буквальное значение глагола *lie under* (лежать под), карикатурист раздает ярлыки каждому из лежащих под погибшим больным слою матрасов (в роли «предшествующих заболеваний» выступают бедность, раса, пребывание в доме престарелых). Таким образом, замещая типичный для врача смысл этой фразы (жертвами пандемии становятся люди, уже имеющие проблемы со здоровьем, не связанные непосредственного с вирусом Covid-19), вербальный компонент позволяет высветить остросоциальный аспект пандемии и указать на категории населения, пострадавшие от нее в первую очередь.

Внимания заслуживают разница в масштабах изображенных героев карикатуры и графические решения. В центре карикатуры, то есть в сильной позиции, размещена больничная койка, умерший от Covid-19 неизвестный больной (это может быть представитель любой из трех групп риска; отметим отдельно, что здесь, как и в предыдущей карикатуре, жертвы Covid-19

Рис. 2. Layers of the virus' underlying conditions

обезличены), в то время как официальный представитель властей — чиновник от здравоохранения — представлен сбоку, а сама его фигура значительно уступает в размере изображению умершего.

Чтобы интерпретировать сатирический посыл карикатуриста, от аудитории часто требуется знание истории США. Так, в карикатуре на рисунке 3 «Trump invokes Lincoln» [Garland, 04.05.2020] / «Траммп призывает Линкольна» изображены статуя шестнадцатого президента США Авраама Линкольна (это широко известный и узнаваемый памятник в Вашингтоне) и сорок пятый президент Дональд Трамп, который сравнивает себя со знаменитым предшественником. Комический эффект достигается за счет несоразмерности деяний этих двух глав государства. Готовность Д. Трампа сравнивать себя с великим предшественником эксплицируется за счет вербального компонента и высмеивается благодаря пафосу: по двум разным блокам разнесены, с одной стороны, возвышенное утверждение о сходстве между Трампом и Линкольном на основе лидерства в военное время (имеются в виду Гражданская война для Линкольна и метафорическая «война» с пандемией Covid-19 для Трампа), с другой — заявление Трампа, что разница между ним и Линкольном лишь в том, что пресса обращается с ним, Трампом, гораздо хуже. Карикатурист здесь ссылается на растиражированное заявление Д. Трампа, что все великие президенты прошлого, включая даже Томаса Джефферсона, Эндрю Джексона и особенно Авраама Линкольна, сталкивались с враждебным отношением американской

прессе. Важно отметить, что Линкольн действительно известен сложными отношениями с прессой и неоднократно сам становился объектом политических карикатур [Furniss, 2015]. Период Гражданской войны в США ознаменовался успешной борьбой республиканской президентской администрации с про-демократическими изданиями и увенчался закрытием более 300 оппозиционных газет [Bulla, 2009]. Тем не менее анализ рассматриваемого текста показывает, что пандемия Covid-19 на момент публикации карикатуры всё же не расценивается ее автором столь же высоко, как Гражданская война, расколовшая страну, но в итоге приведшая к отмене рабства и во многом определившая дальнейшее развитие государства и общества.

USA TODAY NETWORK

Рис. 3. Trump invokes Lincoln

Что касается иконического компонента, то фигура утирающего платком слезы Д. Трампа уподобляет его обиженному ребенку, на которого статуя Линкольна неодобрительно смотрит сверху вниз. Графически выделенный интенсификатор сравнительной степени *far worse* (гораздо хуже) подчеркивает эффект преувеличения. Подобное расположение двух персонажей демонстрирует иерархию президентов (Линкольн выше Трампа). Отметим и неслучайное цветовое решение: если для современника-Трампа выбрана насыщенная цветовая гамма, в том числе и знаменитый красный галстук, то статуя Линкольна дана в оттенках холодного серовато-зеленого цвета:

это призрак прошлого, взвешивающий на недостойных потомков. В величии действующему президенту, таким образом, отказано.

Поскольку декларируемое ущемление свободы вызывает у Д. Трампа и его сторонников наибольший протест против вводимых на локальном уровне мер по самоизоляции и карантину, оно также становится объектом карикатуризации (рис. 4).

Рис. 4. Freedom

Так, на многокадровой карикатуре «Freedom» [Thompson, 2020] / «Свобода» смысл, как и в примере выше, строится на игре слов. В данном случае речь идет о буквальном и переносном прочтении идиомы *to push smth down one's throat* (совать что-л. в горло / заставлять, навязывать что-л.): отстаивая свою свободу не ограничивать передвижение и сопротивляясь «навязыванию» этих мер со стороны властей (кадр 1), гражданин в итоге оказывается на больничной койке, где ему уже буквально «засовывают в горло» аппарат ИВЛ (кадр 2). Именно многокадровость карикатуры призвана разнести два состояния персонажа во времени.

В кадре 2 (более позднем) пациент изображен в центре композиции, в том числе за счет цветового решения (монохром больничного интерьера, форма врача противопоставлены яркой футболке и кепке персонажа в кадре 1).

Борец за свободу на хронологически более раннем кадре 1 вооружен, что придает карикатуре политическое измерение: Д. Трамп и его сторон-

ники не только выступают за отмену ограничительных мер по борьбе с коронавирусом, но и поддерживают Вторую поправку к Конституции США (то есть право граждан на ношение оружия). Оба вопроса находятся среди основных спорных тем у республиканской президентской администрации и демократической оппозиции. Таким образом, карикатура создает более объемный образ и не только охватывает непосредственно проблему пандемии, но и обращается к более глобальной политической повестке.

4. Заключение

Обобщая анализ четырех приведенных в статье карикатур, подведем итоги. Тема пандемии Covid-19 включается в более широкую общественно-политическую повестку: карикатуристы используют коронавирус как повод, чтобы высветить остросоциальные проблемы страны. Среди таких проблем мы видим социальное неравенство, дебаты о разрешении на ношение оружия, иммиграцию. Для того чтобы интерпретировать смысл карикатур, читатели должны иметь фоновые знания об актуальных общественно-политических вызовах. Отметим, что обе газеты: *USA Today*, и *Philadelphia Inquirer* — занимают антиправительственную позицию, поддерживая оппозиционные политические течения, поэтому действующее руководство США оказывается объектом критики.

Будучи образцом мультимодального текста, политическая карикатура в данном случае становится эффективным средством создания сатирического эффекта. Он может достигаться за счет перемены ролей персонажей: например, традиционное распределение ролей, в котором Америка предстает жертвой иммигрантов, меняется, и США превращается в источник опасности для иностранных граждан.

В карикатурах часто зримо или незримо присутствует лидер США. Его узнаваемая фигура-шарж может быть частью визуального компонента карикатуры. Помимо этого, на президента может указывать отсылка в вербальном компоненте (упоминание известных фраз или проектов, неразрывно связанных в общественном сознании именно с лидером страны). Таким образом, подтверждается в очередной раз тезис о том, что одним из ведущих механизмов, задействованных в политических карикатурах, является опора на прецедентность. В качестве прецедентных феноменов в карикатурах по поводу Covid-19 обнаружены как исторические события или деятели США, так и современные.

Наконец, сатирический эффект создается за счет языковых средств, среди которых игра слов с буквальным и переносным значениями отдельных лексических единиц (идиом и свободных словосочетаний).

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. *Garland D.* Trump invokes Lincoln / D. Garland // USA Today : газета. — 2020. — Vol. 38, № 165. — С. 7А.
2. *Thompson M.* Freedom / M. Thompson // USA Today : газета. — 2020. — Vol. 38, № 166. — С. 7А.
3. *Wilkinson S.* Walling in the problem [Electronic resource] / S. Wilkinson // Philadelphia Inquirer, 26/04/2020. — Access mode : <https://www.inquirer.com/opinion/cartoons/donald-trump-immigration-coronavirus-closing-borders-20200426.html> (accessed 23.08.2020).
4. *Wilkinson S.* Layers of the virus' underlying conditions [Electronic resource] / S. Wilkinson // Philadelphia Inquirer, 06/05/2020. — Access mode : <https://www.inquirer.com/opinion/cartoons/coronavirus-deaths-racial-disparities-nursinghomes-poverty-20200506.html> (accessed 23.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71—79.
2. *Артемова Е. А.* Карикатура как жанр политического дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Артемова. — Волгоград, 2002. — 240 с.
3. *Барт Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. — Москва : Прогресс, 1994. — С. 462—519.
4. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — С. 9—192.
5. *Бахтин М. М.* Проблема текста. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Вопросы литературы. — 1976. — № 10. — С. 122—151.
6. *Гуань Шаоян.* Политическая карикатура, или мультимодальный политический дискурс / Гуань Шаоян // Политическая лингвистика. — 2018. — № 6 (72). — С. 140—143. — DOI : 10.26170/pl18-06-20.
7. *Киреева Е. З.* Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е. З. Киреева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 108—122. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122.
8. *Култышева И. В.* Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры) / И. В. Култышева, О. С. Журавская // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 114—123.
9. *Куницына Н. В.* Журналистское расследование как разновидность поликодового текста / Н. В. Куницына, Е. К. Гурова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сборник статей. — 2019. — № 16. — С. 137—149. — ISBN 978-5-6042902-6-2.
10. *Куницына Н. В.* Факты и мнения в новостном дайджесте / Н. В. Куницына, В. С. Виноградский. — Москва : факультет журналистики МГУ, 2011. — 42 с.
11. *Ласкова М. В.* Политическая карикатура как социально-культурная универсалия в современной политической лингвистике / М. В. Ласкова, Р. С. Зуева // Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 1. — С. 71—75.
12. *Петренко Д. А.* Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) / Д. А. Петренко, Э. В. Лиха-

чѐв, М. В. Чернышова // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 194—209. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209.

13. *Шарапова И. Л.* Роль политической карикатуры во Франции как катализатора политической борьбы / И. Л. Шарапова // Вестник Омского университета. — 2013. — № 3. — С. 162—164.

14. *Эбзеева Ю. Н.* Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках / Ю. Н. Эбзеева, Н. М. Дугалич // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23. — № 1. — С. 127—133. — DOI : 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133.

15. *Bulla D. W.* Abraham Lincoln and Press Suppression Reconsidered / D. W. Bulla // American Journalism. — 2009. — № 26 (4). — Pp. 11—33. — DOI : 10.1080/08821127.2009.10677743.

16. *DeSousa M.* The Editorial Cartoon as Visual Rhetoric: Rethinking Boss Tweed / M. DeSousa, M. Medhurst // Journal of Visual Verbal Linguaging. — 2016 (1982). — № 2 (2). — Pp. 43—52. — DOI : 10.1080/23796529.1982.11674355.

17. *Furniss J.* Review of Lincoln and the Power of the Press : The War for Public Opinion, by Harold Holzer / J. Furniss // Civil War History. — 2015. — Vol. 61. — № 4. — Pp. 447—449. — ISBN 978-1-4391-9272-6.

18. *Mateus S.* Political Cartoons as communicative weapons — the hypothesis of the “Double Standard Thesis” in three Portuguese cartoons / S. Mateus // Estudos em Comunicação. — 2016. — № 23. — Pp. 195—221. — DOI : 10.20287/ec.n23.a09.

19. *Werner W.* On political cartoons and social studies textbooks : visual analogies, intertextuality and cultural memory [Electronic resource] / W. Werner // Canadian Social Studies. — 2004. — Vol. 32. — № 2. — Access mode : <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1073912.pdf> / (accessed 23.08.2020).

COVID-19 PANDEMIC IN POLITICAL CARTOONS OF THE AMERICAN PRESS: AN EXPERIENCE OF MULTIMODAL ANALYSIS¹

© **Elena M. Pozdnyakova (2021)**, orcid.org/0000-0003-0496-5224, Doctor of Philology, Professor, Department of English Language № 3, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), HelenPozdnyakova@yandex.ru.

© **Olga A. Blinova (2021)**, orcid.org/0000-0002-7456-4998, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English № 3, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), o.blinova@my.mgimo.ru.

¹ The article was prepared within the framework of a grant from MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia for the implementation of scientific work by young researchers under the supervision of doctors of science.

An attempt is made to analyze the place of political cartoons in the current socio-political media discourse in the United States. The material was the cartoons published in the spring of 2020 from *USA Today* and *Philadelphia Inquirer*, the informational occasion for the creation of which was the Covid-19 pandemic. The definitions of political cartoons as a multimodal text with a complex coding system is considered in the article. It is noted that in this type of text, phenomenological cognitive structures are actualized both through linguistic projection and through visual-spatial images. Attention is paid to intertextuality as the basis of political cartoon: the authors proceed from the position that the decoding of meaning by the recipient depends on whether he and the author have common background knowledge. It is shown that the Covid-19 pandemic is thematically embedded in the broader socio-political agenda, whereby a successful interpretation requires the recipient to have background knowledge of the current socio-political challenges facing the United States, namely the domestic political agenda. It is stated that the studied cartoons are distinguished by their reliance on precedent, and the actualization of background knowledge occurs through a combination of the visual and verbal components of the text. It is concluded that among the linguistic means of creating a satirical effect, a play on words is distinguished based on the literal and figurative meaning of individual lexical units.

Key words: cartoons; coronavirus; media discourse; multimodal text; pandemic; Covid-19.

MATERIAL RESOURCES

- Garland, D. (2020). Trump invokes Lincoln. *USA Today: gazeta*, 38 (165): 7A.
- Thompson, M. (2020). Freedom. *USA Today: gazeta*, 38 (166) (05/05/2020). 7A.
- Wilkinson, S. (2020). Layers of the virus' underlying conditions. *Philadelphia Inquirer*. 06.05.2020. Available at: <https://www.inquirer.com/opinion/cartoons/coronavirus-deaths-racial-disparities-nursinghomes-poverty-20200506.html> (accessed 23.08.2020).
- Wilkinson, S. Walling in the problem. *Philadelphia Inquirer*. 26.04.2020. Available at: <https://www.inquirer.com/opinion/cartoons/donald-trump-immigration-coronavirus-closing-borders-20200426.html> (accessed 23.08.2020).

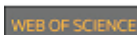
REFERENCES

- Anisimova, E. E. (1992). Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1: 71—79. (In Russ.).
- Artemova, E. A. (2002). *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa*. PhD. Diss. [Caricature as a genre of political discourse: dissertation. PhD. Diss.]. Volgograd. 240 p. (In Russ.).
- Bart, R. (1994). Udovolstviye ot teksta. In: *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. 462—519. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1976). Problema teksta. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text. Experience of philosophical analysis]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 10: 122—151. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1986). *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity]. Moskva: Iskusstvo. 9—192. (In Russ.).
- Bulla, D. W. (2009). Abraham Lincoln and Press Suppression Reconsidered. *American Journalism*, 26 (4): 11—33. DOI: 10.1080/08821127.2009.10677743.
- DeSousa, M., Medhurst, M. (2016 (1982)). The Editorial Cartoon as Visual Rhetoric: Rethinking Boss Tweed. *Journal of Visual Verbal Linguaging*, 2 (2): 43—52. DOI: 10.1080/23796529.1982.11674355.

- Ebzeyeva, Yu. N., Dugalich, N. M. (2018). Metodika analiza kreolizovannogo teksta politicheskoy karikatury na arabskom i frantsuzskom yazykakh [Methodology for analyzing the creolized text of political cartoons in Arabic and French]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Vestnik RUDN. Series: Literary Studies. Journalism], 23 (1): 127—133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133. (In Russ.).
- Furniss, J. (2015). Review of Lincoln and the Power of the Press: The War for Public Opinion, by Harold Holzer. *Civil War History*, 61 (4): 447—449. ISBN 978-1-4391-9272-6.
- Guan Shaoyang. (2018). Politicheskaya karikatura, ili multimodalny politicheskiy diskurs [Political Caricature, or Multimodal Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 6 (72): 140—143. DOI: 10.26170/p118-06-20. (In Russ.).
- Kireeva, E. Z. (2020). Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019). *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 8: 108—122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122. (In Russ.).
- Kultyшева, I. V., Zhuravskaya, O. S. (2016). Kategoriya komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vruga (na primere politicheskoy karikatury) [Category of the comic in the representation of the image of a political enemy (on the example of a political caricature)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 4 (58): 114—123. (In Russ.).
- Kunitsyna, N. V., Gurova, E. K. (2019). Zhurnalisticheskoye rassledovaniye kak raznovidnost' polikodovogo teksta [Journalistic investigation as a variety of polycode text]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: sbornik statey* [Genres and types of text in scientific and media discourse: collection of articles], 16: 137—149. ISBN 978-5-6042902-6-2. (In Russ.).
- Kunitsyna, N. V., Vinogradskiy, V. S. (2011). *Fakty i mneniya v novostnom daydzheste* [Facts and opinions in the news digest]. Moskva: fakultet zhurnalistiki MGU. 42 p. (In Russ.).
- Laskova, M. V., Zuyeva, R. S. (2016). Politicheskaya karikatura kak sotsialno-kulturnaya universal'ya v sovremennoy politicheskoy lingvistike [Political caricature as a socio-cultural universal in modern political linguistics]. *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Humanities and Social Sciences], 1: 71—75. (In Russ.).
- Mateus, S. (2016). Political Cartoons as communicative weapons — the hypothesis of the “Double Standard Thesis” in three Portuguese cartoons. *Estudos em Comunicação*, 23: 195—221. DOI: 10.20287/ec.n23.a09.
- Petrenko, D. A., Likhachev, E. V., Chernyshova, M. V. (2020). Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media). *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 7: 194—209. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-194-209. (In Russ.).
- Sharapova, I. L. (2013). Rol' politicheskoy karikatury vo Frantsii kak katalizatora politicheskoy borby [The role of political cartoons in France as a catalyst for political struggle]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 3: 162—164. (In Russ.).
- Werner, W. (2004). On political cartoons and social studies textbooks: visual analogies, intertextuality and cultural memory. *Canadian Social Studies*, 32 (2). Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1073912.pdf/> (accessed 23.08.2020).

Радбиль Т. Б. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37+81'27

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

© Радбиль Тимур Беньюминович (2021), orcid.org/0000-0002-7516-6705, WoS ResearcherID AAO-6983-2020, Scopus AuthorID 57210390493, РИНЦ AuthorID 417850, SPIN 2835-0370, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), timur@radbil.ru.

© Рацибурская Лариса Викторовна (2021), orcid.org/0000-0002-9332-050X, WoS ResearcherID Q-3621-2019, Scopus AuthorID: 57204359476, РИНЦ AuthorID 179701, SPIN 7032-5608, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), racib@yandex.ru.

© Палоши Ильдико Вероника (2021), orcid.org/0000-0002-8943-8695, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, историко-филологический факультет, Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия), palosiildiko@gmail.com.

Исследуются семантические, лексические и словообразовательные особенности возникновения и распространения новых явлений в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией COVID-19. Предлагается лингвокогнитивная интерпретация активных процессов в русской лексике и русском словообразовании эпохи коронавируса как форматов знания об изменившейся действительности и связанных с этими изменениями новых условий коммуникации. Используются методы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике» (2020—2021).

лингвокогнитивного описания «языка культуры» и методика анализа активных процессов на разных уровнях языковой системы и способов ее речевой реализации. Материалами исследования являются текстовые данные русскоязычного сегмента интернет-коммуникации, современных российских средств массовой информации и Национального корпуса русского языка. Особое внимание уделяется трем группам новых явлений в лексике русского языка, связанной с ментальным и культурным освоением «коронавирусного» концептуального пространства носителями языка: лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации. Показано, что активные процессы семантического типа находят свое выражение в явлениях «новой полисемии» и «новой омонимии», а также неузального семантического сужения. Делаются выводы о том, что новые слова и выражения не только фиксируют появление новых реалий жизни при коронавирусе, но и способствуют осмыслению изменившейся социальной реальности.

Ключевые слова: активные процессы; лексико-семантические инновации; неолексемы; неодериваты; лингвокогнитивный анализ; русский язык; COVID-19.

1. Введение: к постановке проблемы

В статье представлен новый этап многолетнего исследования активных процессов в современном русском языке [Русский язык ..., 2014; Радбиль и др., 2017], который отражает изменения в русской речи новейшего периода, связанные с особенностями речевой практики носителей русского языка в условиях пандемии COVID-19.

Мир, в котором мы внезапно очутились почти год назад, меняется день за днем. И наш язык меняется практически так же быстро. Очевидно, что проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется чрезвычайно актуальной. Особенно своевременным видится изучение этой проблемы в контексте новой реальности, с которой сталкивается мировое сообщество. Лингвистическое осмысление данной реальности уже активно осуществляется в русистике, причем на материале разных языков, например, английского языка [Данкова и др., 2020], белорусского, польского и немецкого [Мюллер, 2020], русского и китайского [Савченко и др., 2020] в сопоставительном освещении и др. Широко представлены работы, посвященные «коронавирусным» явлениям языка в дискурсах разного типа — в политическом дискурсе [Киреева, 2020], в медийном дискурсе [Кронгауз, 2020], в интернет-коммуникации [Лассан и др., 2020]. Начаты исследования этого языкового материала в области лексикографии [Северская, 2020] и социолингвистики [Зайцева, 2020].

Однако при всем значительном объеме и существенном качественном разнообразии языкового материала, который уже успели собрать и проанализировать лингвисты, ряд концептуальных вопросов эвристического характера, на наш взгляд, остался непроясненным. Лингвистическое осмысление новой

реальности в науке о языке будет неполным без учета того, как означенное осмысление новой реальности осуществляет сам язык, точнее, люди, говорящие на языке. В свое время А. Д. Шмелев пронизательно заметил, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [Шмелев, 2011, с. 93]. Сегодня, буквально на наших глазах, русское языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились словами и выражениями, за которыми явно стоят ранее неизвестные форматы знаний об изменившейся реальности, когнитивные модели и концепции, а также психологические паттерны словесных реакций на чреватую опасностями окружающую среду. Все это перемещает проблему фиксации и интерпретации новообразований в русском языке новейшего периода в плоскость лингвокогнитивного описания.

2. Методология и методика изучения активных процессов в русском языке эпохи COVID-19

Настоящее исследование основано на теоретических принципах интегрального описания активных процессов в разных языках мира в целом (в основном в аспекте действия тенденций глобализации и интернационализации [Fairclough, 2006]), в том числе в славянских языках [Коряковцева, 2018], и в русском языке, в частности [Русский язык ..., 2014]. Избранный подход к исследованию представляет собой органическое взаимодействие методологии концептуального анализа «языка культуры» [Радбиль и др., 2019; Радбиль и др., 2019], коммуникативно-прагматического анализа речевых стратегий [Иссерс, 2020] и когнитивно-дискурсивного анализа [Bloor, 2007] (в том числе девиаций в интернет-коммуникации [Негрышев, 2020]).

Цель исследования — лингвокогнитивный анализ семантических, лексических и словообразовательных особенностей активных процессов в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией COVID-19.

Материалами исследования являются динамичный и активно развивающийся русскоязычный сегмент интернет-коммуникации, отечественные медийные тексты и данные Национального корпуса русского языка.

Специфика решаемой в настоящей статье проблемы потребовала использования уже давно разрабатываемого авторами комплексного метода анализа и интерпретации новых явлений в русском языке новейшего периода, который включает: методику лингвокогнитивного анализа языковых инноваций на лексическом и словообразовательном уровнях, апробированную в работе [Радбиль, 2019]; методику структурно-семантического и функционального анализа неолексем и неодериватов русского языка но-

вейшего периода, представленную в работах [Радбиль и др., 2017; Палоши, 2018; Николина и др., 2020 и др.].

Активные процессы в русском языке воплощаются на всех его уровнях (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис). В данной статье авторы подробно рассматривают новые явления только в области лексики и словообразования. Мы условно выделяем следующие группы новых явлений, памятуя о том, что реально процессы, происходящие на разных уровнях языка, взаимосвязаны и представляют собой зону синкретизма. Это лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации.

Под *лексико-семантическими* инновациями понимаются семантические преобразования уже существующих в языке лексем в результате метафоризации и метонимизации, сужения и расширения значения, актуализации новых значений, возникновения «новой омонимии» и т. д. Под *собственно лексическими* процессами понимаются явления прямого заимствования иностранных лексем с их последующей лексической адаптацией и грамматическим оформлением по законам русского языка. Под *лексико-словообразовательными* процессами понимаются явления вхождения неолексем в русские модели узуального или окказионального словообразования, а также использования деривационных механизмов для создания неодериватов. Далее в работе представлены основные результаты исследования.

3. Лексико-семантические инновации в русском языке новейшего периода

Как уже было сказано выше, лексико-семантические инновации заключаются в том, что исконные или заимствованные в предыдущие периоды развития языка лексемы приобретают новые значения и коннотации и / или расширяют сферу употребления за счет контекстов, в которых ранее они были невозможны. В таких случаях мы условно можем говорить о явлениях «новой полисемии» и «новой омонимии».

Явления «новой полисемии» можно показать на примере такой инновации, которой является семантический сдвиг в современном употреблении лексемы *самоизоляция*. Подробный анализ семантических преобразований лексемы *самоизоляция* дан в работе одного из авторов [Радбиль, 2020, с. 759—774]. Здесь мы коснемся лишь интересующего нас в данном исследовании лингвокогнитивного аспекта проблемы.

Итак, лексема *самоизоляция*, пусть и не отражаясь в основных русских толковых словарях, все же присутствовала в русской речи как минимум начиная с 1930—1940-х годов, о чем свидетельствуют данные Националь-

ного корпуса русского языка (далее — НКРЯ): *Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) — пришло мне от скуки в голову испробовать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции* (Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки, 1934—1944) [НКРЯ].

Исходная семантика слова *самоизоляция* опирается на значение префиксоида САМО-, которое в большом академическом словаре определяется как «1. Направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя, например: *самоанализ, самобичевание, самоконтроль, самолюбие* и т. п.» [ССРЛЯ, т. 13, стлб. 79], и на словообразовательное значение самой деривационной модели подчинительного словосложения с этим префиксоидом, которое характеризуется в «Русской грамматике» (1980) как субстантивная номинация действия, направленного на того, кто его производит [Русская грамматика, 1980, с. 242].

С лингвокогнитивной точки зрения мы можем видеть здесь следующую концептуальную схему, или когнитивную модель ситуации, по Г. И. Кустовой [Кустова, 2004], стоящую за данным словом в его первоначальном значении: ‘субъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя’ (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо / кого-либо) [Радбиль, 2020, с. 763]. Указанная концептуальная схема реализуется в трех типах употребления лексемы *самоизоляция*: индивидуально-личностном, в двух разновидностях — физическое самоограничение на передвижения в пространстве и психологическое самоограничение на общение с людьми, самоотстранение личности от внешнего мира; социально-политическом — установка на проведение политики изоляционизма со стороны государства или другого масштабного социального института (партии, общественного движения, этнической группы и пр.). Важно, что все эти три языковых представления когнитивной модели ситуации ‘самоизоляция’ предполагают наличие обязательной импликации добровольности: субъект действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], «по доброй воле».

«Новое рождение» слова *самоизоляция* в эпоху коронавируса (в образе словообразовательной полукальки с английского *self-isolation*), для которого, по данным сетевого проекта о русском языке «Бюро Марины Королевой», мы даже можем зафиксировать точную дату появления в новостных материалах — 8 марта 2020 года [БМК], на уровне декларируемой сверху семантики вроде бы эту импликацию добровольности сохраняет, судя по его толкованию в том же интернет-источнике: ‘добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’ [Там же].

Однако специфика дискурсивной реализации слова *самоизоляция* обнаруживает определенный конфликт с этой навязываемой сверху семантикой — как раз по линии наличия семы ‘добровольность’. Возникает внутренняя противоречивость в рецепции данного слова в дискурсе, проявляющаяся в возникновении коллокаций — устойчивых и воспроизводимых выражений, в которых идея добровольности элиминируется из естественно-языкового значения слова *самоизоляция*. Это такие коллокации, как *отправить на самоизоляцию* — по модели *отправить на карантин*, так как в норме для первоначального употребления слова характерен предлог *в* (*погрузиться в самоизоляцию*); *режим самоизоляции* — с очевидной коннотацией регламентируемой необходимости его соблюдения и другие выражения, в которых, напротив, актуализуется сема ‘принудительность’. Данная сема в ряде контекстов может даже эксплицироваться: *С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать* [АА]. Сема ‘принудительность’ в разных вариантах представлена и в свободных сочетаниях с лексемой *самоизоляция*: *Вынужденная самоизоляция в очередной раз показала, что практически все можно делать онлайн* [Там же].

Внутренняя противоречивость контекстов типа *принудительная / вынужденная самоизоляция* легко обнаруживается посредством простейшего логического анализа — методом подстановки эксплицированного толкования вместо интересующей нас лексемы: ‘принудительная (вынужденная) добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’. Таким образом, мы видим, как в речевых практиках современных носителей языка регулярно воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом. С лингвокогнитивной точки зрения эту ситуацию можно трактовать в духе своего рода «языкового сопротивления», когда язык обнаруживает некую неправильность в новой реальности, фиксирует ненормальное, алогичное сложившееся положение дел в мире.

Явления «новой омонимии» можно проиллюстрировать на образовании в неформальной коммуникации слова *корона* как своего рода неофициального варианта лексемы *коронавирус*. Словоупотребление *корона* образуется в результате усечения сложного слова *коронавирус* (которое и само, впрочем, также является неологизмом нашего времени). В речевой практике носителей языка образование *корона*, несомненно, осознается как неологическое, не до конца освоенное на концептуальном уровне, поэтому в большинстве случаев пишется в кавычках (но со строчной буквы

как признак нарицательности): *Новые ограничительные меры: узнаем, где снова свирепствует «корона»* [Там же].

И для практики употребления этого слова также характерно образование устойчивых моделей сочетаемости, своего рода коллокаций — например, *поймать корону: И на приём попасть и «корону» не поймать* [Там же]; *Тренер Масвидаля поймал «корону». Бой с Усманом под угрозой* [Там же].

В использовании этого семантического неологизма наше внимание привлекает один любопытный когнитивный эффект. В отличие от официального, грозно звучащего *коронавирус*, его неформальный сокращенный вариант *корона* звучит уже не так грозно, потому что не воспринимается отстраненно, но даже приобретает некоторую «свойскость»: *«Корона» ничем. «Партизан» и «Црвена Звезда» в полуфинале Кубка Сербии собрали полные трибуны* [Там же]; *Названа группа людей, которая с рождения защищена от COVID-19. Кому же сегодня не страшна «корона»? [Там же]. Мы видим, что «корона», в силу своей узнаваемости, «знакомости», в меньшей степени воспринимается как непосредственная угроза. Здесь работает когнитивный механизм «магии слова», когда, чтобы отвести беду, люди переименовывают само явление, несущее тревогу, как бы «смягчают» номинацию [Русский язык ..., 2014].*

В наших работах [Радбиль и др., 2017 и др.] подобные эффекты, вслед за А. Вежбицкой, характеризуются как установка на эмпатию (личностную вовлеченность говорящего в номинацию события) [Вежбицкая, 1997] — это важнейшая национально обусловленная черта русского дискурса, которая и в непростых условиях пандемии COVID-19 помогает людям как бы сгладить негативные впечатления от грозящей им опасности, психологически адаптироваться к изменившимся условиям существования.

Явления неузального изменения объема семантики можно продемонстрировать на контекстном, речевом сужении значения слова *вирус*. Подобная модель семантического сужения когда-то, в советскую эпоху, была характерна для употребления, например, слова *партия*, которое означало вовсе не любую партию как нарицательное наименование, а конкретно — КПСС, единственно существующую партию в Советском Союзе. Во многих контекстах точно так же сегодня употребляется слово *вирус* — в значении ‘конкретный вид вируса, коронавирус, COVID-19’. При этом, по законам концептуальной метафоризации мифологического типа, обозначаемое этим словом явление предстает как одушевленное сверхъестественное существо (злой дух): *Вирус не ослабляет «мёртвую хватку»: третья волна свирепствует в Иране* [АА]; *Вирус боится практически всех дезинфекторов — хлорки, спирта, водки, перекиси водорода* [Там же].

С лингвокогнитивной точки зрения подобные смысловые преобразования обычно свидетельствуют о ментальной и ценностной значимости обозначаемого явления для говорящих, его особой когнитивной выделенности в их картине мира. Язык таким употреблением словно утверждает, что есть только один вирус в мире, сегодня заслуживающий внимания и постоянно занимающий мысли его носителей. Такова форма своего рода защитной реакции говорящих по-русски на опасность — точно в таких же целях на трансформаторных будках обычно рисуют что-то вроде черепа с костями, сигнализируя: «Не влезай — убьет!».

4. Собственно лексические и словообразовательные инновации в русском языке новейшего периода

СОБСТВЕННО ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ заключаются в том, что в русскую речь входят иноязычные слова, которые приобретают несвойственные им в языке-источнике свойства — идиоматичность, смысловую многоплановость, специфически русский эмоционально-оценочный фон и под. [Радбилю, 2019]. Примером такой инновации является функционирование неолексемы *ковид*. Рефлексом лексического освоения данной лексемы является ее графическая передача кириллическим шрифтом: *За первую неделю сентября **ковидом** заразилась тысяча школьных учителей, они пренебрегли масками* [АА].

Признаком лексического освоения лексемы является, на наш взгляд, и то, что она активно включается в «игровые» метафорические модели: *У **ковид**а женское лицо? Большая часть заболевших коронавирусом в Челябинской области — женщины* [Там же]; ***Ковид крепчает**: в России выявили более семи тысяч зараженных за сутки* [Там же].

Нетрудно увидеть в этих и многих подобных им случаях языковую игру на основе трансформации фразеологизмов и / или других прецедентных текстов [Лутовинова, 2015], имеющих хождение в современных речевых практиках носителей русского языка. Участие лексемы *ковид*, обозначающей в общем не такое уж подходящее для веселья явление, в игровых моделях использования языка также, на наш взгляд, свидетельствует о реализации в подобных словоупотреблениях функции психологической адаптации.

ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ тесно связаны с рассмотренными выше собственно лексическими инновациями, поскольку основаны на одном и том же языковом материале. Речь идет о вхождении неолексем заимствованного происхождения в модели образования слов, присущие русской словообразовательной системе, о создании новых слов с использованием разнообразных механизмов узуальной и окказиональной деривации.

Так, слово *ковид* включается в модели адъективного словообразования, в результате чего образуется неодериват *ковидный*: *Ковидный день календаря: вирусологи прогнозируют пик заболеваемости 7 ноября* [АА]. Характерно, что и упомянутая выше лексема *коронавирус* имеет одно-модельные с лексемой *ковид* дериваты: *Несмотря на «коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается* [Там же].

Прилагательные на базе лексем *ковид* и *коронавирус* сочетаются с исконными и заимствованными префиксами с семантикой отрицания (*анти-, не-, против-*) и с временной семантикой (*до-, пост-*): *нарушение антиковидных мер* [Там же]; *Динамика по «нековидным» заболеваниям в Нижегородской области и Удмуртии осталась на среднестатистическом уровне* [Там же]; *Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни* [Там же]; *Поведением управляют накопленные в самоизоляции страх и тревога, снижение доверия к людям и миру, обдуманное ослабление ближних и дальних связей, ставшее жестом постковидной культуры ...* [Там же]; *... в шахматном, антикоронавирусном порядке; Как сейчас лечат тех, кто «некоронавирусный»* [Там же]; *Британцы разработали «противокоронавирусный» спрей для носа* [Там же]; *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значитсся; В посткоронавирусном мире все будет по-другому* [Там же].

Слово *ковид* также включается и в модели префиксального образования с размерно-оценочными приставками (исконными и заимствованными): *Ну да, инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали* [Там же]; *Объявится суперковид 2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* [Там же]; *Куда катимся? Люди! В кого нас превращают! Один ковид у нас, недоковид. Здоровья маме и малышу* [Там же].

Аналогичные модели префиксального образования представлены и в неодериватах на базе лексемы *коронавирус*: *В таких условиях вполне реально угроза гибели нашей планеты со всей обитающей на ней жизнью, кроме каких-нибудь сине-зеленых водорослей и бактерий, от оружия массового поражения — будь то ядерное оружие или какой-нибудь суперкоронавирус — или от глобальной техногенной катастрофы* [Там же]; *«Оковы» Роспотребнадзора и бессилие депздрава: как по Смоленской области гуляет «недокоронавирус»* [Там же].

Одним из ярких признаков культурной апроприации заимствований на словообразовательном уровне в нашей концепции является возможность использовать модели диминутивного образования на базе заимствованных корней — *ковидик, коронавирисик*: *И ковидик по степени патогенности очень слабенький. Он показал, насколько мы не готовы к той болезни психического, тотального помешательства, которое крошит экономику,*

психологию, (вызывает) другие болезни ... [Там же]; Об этом неоднократно и давно говорится, что **ковидик** скоро покажется детской болезнью [Там же]; В прямом эфире он предупредил: если такой «слабенький, хиленький **коронавирусик**» смог обставить Собянина, то что будет, если придёт действительно грозная опасность? [Там же].

Образование подобных диминутивов опять же является свидетельством национально-специфичной русской когнитивной модели эмпатии, при которой говорящий становится эмоционально вовлеченным в ситуацию номинации, выражает исполненное добрых чувств отношение к объекту номинации и к ситуации в целом («выражение хороших чувств», согласно формулировке А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997]). **Ковидик, коронавирусик** — это то, что вошло в мир говорящего, это уже что-то родное и близкое, присвоенное им, но уж никак не чужеродное, отстраненно-страшное и угрожающее.

Активно слово *ковид* и в разнообразных моделях осново- и словосложения: *Психологи рассказали о «ковидофобии» москвичек среднего возраста <...> в первую очередь это боязнь выйти на улицу и заразиться. Данный феномен можно назвать «ковидофобией»* [АА]; **Ковидошок**. *С мест приходят одинаковые сообщения: повсюду переполнены больницы, не хватает врачей и средств для лечения коронавирусных пациентов* [Там же].

В последнее время под влиянием тенденции к интернационализации в деривационных процессах современного русского языка активизировалась модель образования сложных слов по агглютинативному типу: *Я не был **ковид-диссидентом**, которые отрицают реальность эпидемии* [Там же]; *Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных* [Там же]; *сорвать маски с **ковид-скептиков*** [Там же]; *И, конечно, никто не хочет повторения и продолжения **ковид-триллера*** [Там же]; ***ковид-сепаратизм** немецкого премьера* [Там же]; **Ковид-сопротивление** *баров Петербурга ставит Беглова в неловкое положение* [Там же]; *На стройплощадке «быстровозводимого» **ковид-госпиталя** в Иванове появился первый каркас* [Там же].

Часто модели словосложения используются в целях языковой игры для создания экспрессии и выражения адгерентной оценочности: *Маразм крепчает: в Красноярске **ковид-диссиденты** и антимаасочники устроили митинг* [Там же]. Кстати, неодериват *корона* также активно включается в деривационные процессы по указанной модели: **Коронаполис**. *Страховые компании готовы финансировать лечение от 2019-нСов* [Там же]; *Вирус как оружие. Кто инициировал **коронаистерию*** [Там же]; **«Коронакризис»** *оказался сложнейшим экзаменом не только для системы здравоохране-*

ния, но и для властных систем [Там же]; Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что отложил традиционное послание парламенту и народу из-за «**коронапсихоза**» [Там же]; **корона-свидания** на карантинорасстоянии [Там же]; Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен [Там же]; Новый альбом певицы признали лучшей **корона-терапией** [Там же]; Учиться не надо: **коронавирус же!** А потом у нас будет **коронапоколение** [Там же]; Наш центр и сейчас — **коронагоспиталь** [Там же].

При этом неодериваты могут быть созданы и с нарушением стандартных словообразовательных моделей, по механизмам аналогического словообразования или с использованием иных способов окказиональной деривации. Так, путем заместительной деривации на базе исходного слова *мракобесие*, в котором заменяется первая часть *мрак(о)-*, созданы окказиональные дериваты *ковидобесие* и *коронабесие*: **Ковидобесие** в РФ стало страшнее любой инфекции [Там же]; **Коронабесие** в этом отношении — идеальный инструмент. Оптимизаторы медицины, превратившие ее почти в здравозащитное, кричат о почти ста несчастных погибших, о десяти тысячах даже не заболевших, а получивших положительный тест [Там же]. В свою очередь данные окказиональные слова могут быть источником для других неодериватов: **Ковидобесие**. Неутихающее **ковидобесное** безумие вынудило меня наконец-то написать подробный разбор происходящего [Там же].

5. Заключение

В целом проанализированный материал показал, что русский язык успешно справляется с вызовами, брошенными ему со стороны изменившейся реальности эпохи коронавируса. Язык, как своего рода выразитель соборного сознания говорящих на нем людей, не просто фиксирует новые реалии и новые смыслы, он подсказывает своим носителям путь в их интерпретации, то есть решает эвристические и прогностические задачи по осмыслению новых условий человеческого существования, обнаруживая при этом значительный креативный и экспрессивный потенциал.

Лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации в каком-то смысле помогают носителям языка справиться с когнитивным диссонансом, пережить трудные обстоятельства, отражая, как в зеркале, все наши страхи и чаяния, боли и радости. Поэтому, поняв, что и почему сегодня происходит в языке, мы поймем многое и в себе — что и почему происходит с нами. И, может быть, благодаря этому, нам станет чуть легче жить в таком непростом сегодняшнем мире, где правит коронавирус.

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив автора (по материалам средств массовой информации).
2. БМК — *Бюро Марины Королевой* : сетевой проект о русском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org> (дата обращения 23.09.2020).
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 23.09.2020).
4. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950—1965. — Т. 13. — 1962. — 757 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; перевод с английского-го ; ответственный редактор и составитель М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.
2. *Данкова Н. С.* Репрезентация пандемии в СМИ : метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н. С. Данкова, Е. В. Крехтунова // Научный диалог. — 2020. — № 1 (8). — С. 69—83. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.
3. *Зайцева И. П.* «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 801—813. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
4. *Иссерс О. С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 243—256. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
5. *Карташова Е. П.* Прецедентные феномены как стилистический прием создания экспрессии в интернет-коммуникации / Е. П. Карташова, А. А. Иерусалимская // Филология и культура. — 2015. — № 2 (40). — С. 53—57.
6. *Киреева Е. З.* Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е. З. Киреева // Научный диалог. — 2020. — № 1 (8). — С. 108—122. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122.
7. *Коряковцева Е. И.* Интернационализация, демократизация и «медиазация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) / Е. И. Коряковцева // Globalizacja a języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages) / Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. — Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. — S. 33—47.
8. *Кронгауз М. А.* Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 735—744. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
9. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с.
10. *Лассан Э.* Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) / Э. Лассан, Л. Кравцова // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 745—758. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758.

11. *Лутовинова О. В.* Языковая игра в интернет-коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (97). — С. 104—111.
12. *Мюллер А.* Об отражении пандемии в разнокультурных лингвистических ландшафтах (на примере элементов публичного пространства Минска, Нюрнберга и Варшавы) / А. Мюллер // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 846—864. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864.
13. *Негрышев А. А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания / А. А. Негрышев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 43—53. — DOI : 10.15688/jvsu2.2020.2.4.
14. *Николина Н. А.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 5—19. — DOI : 10.15688/jvsu2.2020.2.1.
15. *Палоши И. В.* Семантика диминутивности в сфере глаголов / И. В. Палоши // Национальные коды в языке и культуре. Язык и культура : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и культуре». — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 214—223.
16. *Радбиль Т. Б.* Когнитивная интерпретация лексико-словообразовательных инноваций в Рунете / Т. Б. Радбиль // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Выпуск XXXVI : Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. — С. 320—326.
17. *Радбиль Т. Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 759—774. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
18. *Радбиль Т. Б.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке : лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33—39.
19. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019. — № 15. — С. 36—59. — DOI : 10.17223/22274200/15/3.
20. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 127—142. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.
21. *Русская грамматика* : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
22. *Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст* : коллективная монография / под редакцией Л. В. Рацибурской. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.
23. *Савченко А. В.* «Коронавирусные неологизмы» : от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) / А. В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 865—886. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.
24. *Северская О. И.* Ковидиоты на карантинках : коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуника-

тивные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 887—906. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

25. Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи / А. Д. Шмелев // Вопросы культуры речи / ответственный редактор А. Д. Шмелев. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — Выпуск 10. — С. 82—94.

26. Bloor M. The Practice of Critical Discourse Analysis : An Introduction / M. Bloor, Th. Bloor. — London : Hodder Arnold, 2007. — 207 p.

27. Fairclough N. Language and Globalization / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2006. — 188 p.

ACTIVE PROCESSES IN THE VOCABULARY AND WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE ERA OF CORONAVIRUS: LINGUO-COGNITIVE ASPECT¹

© **Timur B. Radbil** (2021), orcid.org/0000-0002-7516-6705, WoS ResearcherID AAO-6983-2020, Scopus AuthorID 57210390493, РИНЦ AuthorID 417850, SPIN 2835-0370, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), timur@radbil.ru.

© **Larisa V. Ratsiburskaya** (2021), orcid.org/0000-0002-9332-050X, WoS ResearcherID Q-3621-2019, Scopus AuthorID: 57204359476, РИНЦ AuthorID 179701, SPIN 7032-5608, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), racib@yandex.ru.

© **Ildiko V. Paloshi** (2021), orcid.org/0000-0002-8943-8695, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Faculty of History and Philology, Eotvos Lorand University (Budapest, Hungary), palosiildiko@gmail.com.

Semantic, lexical and derivational features of the emergence and spread of new phenomena in the speech practice of Russian speakers of the latest period associated with the COVID-19 pandemic are investigated. A linguo-cognitive interpretation of active processes in Russian vocabulary and Russian word formation of the era of coronavirus as formats of knowledge about the changed reality and the new conditions of communication associated with these changes is given. The methods of linguo-cognitive description of the “language of culture” and the method of analyzing active processes at different levels of the language system and methods of its speech implementation are used. The research materials are a dynamic and actively developing Russian-language segment of Internet communication and text data of the Russian National Corpus. Special attention is paid to three groups of new phenomena in the vocabulary of the Russian language associated with the mental and cultural development of the “coronavirus” conceptual space by native speakers: lexical-semantic, lexical and lexical-word-formation innovations. It is shown that active processes of the semantic type find their expression in the phenomena of “new polysemy” and “new homonymy”, as well as non-usual semantic narrowing.

1 The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 “Active processes in Modern Russian and their research in Russian and Hungarian linguistics”.

It is concluded that new words and expressions not only capture the emergence of new realities of life with coronavirus, but also contribute to the understanding of the changed social reality.

Key words: active processes; lexical and semantic innovation; neolexemes; non-derivative; linguo-cognitive analysis; Russian in the era of COVID-19.

MATERIAL RESOURCES

- AA — *Arkhiv avtora (po materialam sredstv massovoy informatsii)* [Archive of the author (based on the materials of the mass media)]. (In Russ.).
- BMK — *Byuro Mariny Korolevoy: setevoy proekt o russkom yazyke* [Marina Koroleva's Bureau: a network project about the Russian language]. Available at: <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols.], 13. (1962). Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR. 757 p.

REFERENCES

- Bloor, M., Bloor, Th. (2007). *The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction*. London: Hodder Arnold. 207 p.
- Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. (2020). Rerezentatsiya pandemii v SMI: metaforicheskiy obraz voyny (na materiale amerikanskikh gazet) [Representation of the pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on the material of American Newspapers)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 1 (8): 69—83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83. (In Russ.).
- Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London, New York: Routledge. 188 p.
- Issers, O. S. (2020). Boleye poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy [More than half a century under the umbrella of communicative strategies]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (2): 243—256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (In Russ.).
- Kartashova, E. P., Iyerusalimskaya, A. A. (2015). *Pretsedentnyye fenomeny kak stilisticheskiy priyem sozdaniya ekspressii v internet-kommunikatsii* [Precedent phenomena as a stylistic method of creating expression in Internet communication]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 2 (40): 53—57. (In Russ.).
- Kireyeva, E. Z. (2020). Faktor adresata v tekste ofitsialnogo dokumenta (na materiale ukazov gubernatora Tulskey oblasti, izdannykh v svyazi s rasprostraneniym Covid-2019) [A Factor of an addressee in the text of the official document (based on the decrees of the Governor of the Tula region issued in connection with the distribution Covid-2019)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 1 (8): 108—122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122 (In Russ.).
- Koryakovtseva, E. I. (2018). Internatsionalizatsiya, demokratizatsiya i «mediatizatsiya» slavyanskikh yazykov v usloviyakh globalizatsii (slovoobrazovatelnyy aspekt) [Internationalization, democratization and “mediatization” of Slavic languages in the context of globalization (word-forming aspect)]. In: *Globalizacja języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages) / Uniwersytet Przyrodniczo-*

- Humanistyczny w Siedlcach. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. 33—47. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2020). Screenlife v epokhu karantina [Screenlife in the era of quarantine]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 735—744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 472 p. (In Russ.).
- Lassan, E., Kravtsova, L. (2020). Strakh kak motiv i motivator elektronnoy kommunikatsii (na materiale internet-tekstov 2020) [Fear as a motive and motivator of electronic communication (based on the material of Internet texts 2020)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 745—758. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2015). Yazykovaya igra v internet-kommunikatsii [Language game in Internet communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta], 2 (97): 104—111. (In Russ.).
- Myuller, A. (2020). Ob otrazhenii pandemii v raznokulturnykh lingvisticheskikh landshaftakh (na primere elementov publichnogo prostranstva Minska, Nyurnberga i Varshavy) [On the reflection of the pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nuremberg and Warsaw)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 846—864. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864. (In Russ.).
- Negryshev, A. A. (2020). Psevdosensatsiya v Internete: opyt lingvisticheskogo opisaniya [Pseudosensation on the Internet: experience of linguistic description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd state University. Series 2, Linguistics], 19 (2): 43—53. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.4. (In Russ.).
- Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V., Fatkhutdinova, V. G. (2020). Novyye yavleniya v sfere derivatsionnykh formantov kak otrazheniye dinamiki slovoobrazovatelnoy sistemy russkogo yazyka [New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd state University. Series 2, Linguistics], 19 (2): 5—19. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1. (In Russ.).
- Paloshi, I. V. (2018). Semantika diminutivnosti v sfere glagolov [Semantics of diminutivity in the sphere of verbs]. In: *Natsionalnyye kody v yazyke i kulture. Yazyk i kultura: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Natsionalnyye kody v yazyke i kulture»* [National codes in language and culture. Language and culture: a Collection of articles based on the materials of the International scientific conference “National codes in language and culture”]. Nizhny Novgorod: DEKOM. 214—223. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2019). Kognitivnaya interpretatsiya leksiko-slovoobrazovatelnykh innovatsiy v Runete [Cognitive interpretation of lexical and word-forming innovations in Ru-net]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], XXXVI. Ponimaniye. Interpretatsiya. Kognitivnoye modelirovaniye. 320—326. (In Russ.).

- Radbil, T. B. (2020). «Samoizolyatsiya» kak noveyshiy russkiy kulturnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-Isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 759—774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). Slovoobrazovatelnyye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokulturologicheskiy aspekt [Word-Forming innovations based on borrowed elements in the modern Russian language: linguoculturological aspect]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2: 33—39. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Saygin, V. V. (2019). Kontsept «grekh» v kontekste leksikograficheskogo opisaniya klyucheovykh kontseptov russkoy kultury [Concept “sin” in the context of lexicographic description of Russian culture]. *Voprosy leksikografii* [Questions of lexicography], 15: 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yuhnova, I. S. (2019). Khudozhestvennoye voploshcheniye russkogo natsionalno-kulturnogo kontsepta REKA v tvorchestve M. Yu. Lermontova [Artistic expression of Russian national-cultural concept RIVER in the works of M. Y. Lermontov]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2: 127—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).
- Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovaniye, grammatika, tekst: kollektivnaya monografiya* [Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: collective monograph]. (2014). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. 325 p. (In Russ.).
- Savchenko, A. V., Lai Yan-Jun. (2020). «Koronavirusnyye neologizmy»: ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [“Coronavirus neologisms”: from lexicon and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese languages)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 865—886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (2020). Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar' kak diagnosticheskoye pole aktualnykh diskursivnykh praktik [Covidioties on quarantines: coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 887—906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2011). Evolyutsiya russkoy yazykovoy kartiny mira v aspekte kultury rechi [Evolution of the Russian language picture of the world in the aspect of speech culture]. *Voprosy kultury rechi* [Questions of speech culture], 10: Moskva: AST-PRESS KNIGA. 82—94. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar], 2 (1). (1980). Moskva: Nauka. 783 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moskva: Russkiye slovari. 416 p. (In Russ.).
- Zaytseva, I. P. (2020). «Koronapsikhoz», «koronaspektiki», «covidism», «covidophobiya» i drugiye sotsiolingvisticheskiye markery 2020 g. [“Coronapsychosis”, “coronasceptics”, “covidism”, “covidophobiya” and other sociolinguistic markers of 2020]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 801—813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813. (In Russ.).

Семенова И. В. Семантико-синтаксические особенности конструкций со значением меры и степени в русском языке / И. В. Семенова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 80—94. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-80-94.

Semenova, I. V. (2021). Semantic and Syntactic Features of Constructions with the Meaning of Measure and Degree in Russian. *Nauchnyi dialog, 1*: 80-94. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-80-94. (In Russ.).

УДК 811.161.1'367.335.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-80-94

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ И СТЕПЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Семенова Инна Владимировна (2021), orcid.org/0000-0002-8376-3243, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (Хабаровск, Россия), inna.semenova2011@yandex.ru.

Рассматриваются синтаксические структуры, которые предназначены в русском языке для выражения значения меры и степени. Актуальность исследования обусловлена проблематикой современного синтаксиса, которая направлена на разноаспектный анализ синтаксических структур и изучение функций служебных слов, участвующих в их организации. Работа выполнена в традициях владивостокской научной школы, применяющей к анализу синтаксических единиц подход «от конструкции». Указывается, что данный термин используется здесь в узком понимании как структура, встроенная в сложное предложение, имеющая определенный набор компонентов и специфическое средство связи данных компонентов. Новизна исследования определяется применением понятия «конструкция» как главного инструмента анализа синтаксических единиц со значением меры и степени в формально-грамматическом аспекте. Представлен анализ особенностей формирования семантики меры и степени в рамках синтаксических структур, детально описана формальная организация этих структур: компонентный состав, «ядро» конструкции — служебные комплексы, использующиеся для связи компонентов, роль уточнителей и возможность фразеологизации конструкции. Отмечается, что данное исследование имеет значение как для решения теоретических вопросов, которые касаются разностороннего описания синтаксических конструкций, так и для преподавания синтаксиса русского языка иностранным студентам.

Ключевые слова: категория меры и степени; интенсификация количественного и качественного признака; синтаксическая конструкция; служебный комплекс; уточнитель.

1. Введение

Данное исследование посвящено анализу синтаксических структур, которые репрезентируют значение меры и степени. В статье анализируются контексты следующего типа: *Мой поступок не одобрила Светлана, а ро-*

дители ее были возмущены до такой степени, что перестали со мной разговаривать (Ю. Азаров. Подозреваемый, 2002) (*до такой степени = так / настолько*); *Ссора была столь эмоциональной, что дело дошло до драки* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый мир», 2000) (*столь = такой / настолько*); *А может, хоть что-то в этом мире в последние годы смогло поразить меня так, чтобы вместе с этим не возникли горечь, подозрения, отвращение, гнев* (Е. Мищерская. Тревога // «Волга», 2015) (*так = настолько*); *Было позднее утро, и так хмуро, так хмуро, как будто в высях решили землю заготовить на зиму припасом и держали под гнетом* (Е. Шевченко. Круги Рыжика // «Волга», 2009) (*как будто = точно / словно*).

Актуальность работы обусловлена тенденциями современной синтаксической науки, ориентированной на всестороннее изучение особенностей различных синтаксических построений и роли служебных слов в их формальной и смысловой организации. Выбор темы мотивирован и профессиональной деятельностью автора статьи, связанной с преподаванием русского языка как иностранного, его грамматической системы.

В статье ставится цель — проанализировать особенности формирования семантики меры и степени в рамках синтаксических структур и описать специфику организации этих структур (их компонентный состав и средства связи компонентов).

Новизна исследования состоит в том, что в работе мы обращаемся к термину *конструкция*, который был введен в лингвистический обиход проф. А. Ф. Прияткиной и применяется учеными владивостокской научной школы как основной инструмент исследования синтаксических образований в формально-грамматическом аспекте. Под конструкцией здесь понимается «некоторое синтаксическое целое (некоторое построение): 1) завершенное, с вполне определенными формальными границами, 2) имеющее внутреннюю формальную организацию (организацию, отвечающую определенному принципу), соответствующую определенным смысловым, — высокой степени абстракции, — отношениям между компонентами и 3) реализующееся в речевых произведениях разного семантического содержания и разного коммуникативного назначения» [Прияткина, 2007б, с. 43].

Методологическую базу исследования составили работы, посвященные анализу конструкций, их типологии, вопросу о морфологических границах союзов [Прияткина, 1977; Завьялов, 2008; Селюнина, 2004; Словарь ..., 2001; Служебные слова ..., 2017], а также работы, в которых описываются предложения со значением меры и степени [Курбанова, 2012; Сальникова, 2010].

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет уточнить некоторые теоретические положения синтаксической теории, а именно теории сложного предложения, и определить последовательность «шагов» при презентации данной темы иностранным студентам, которые сталкиваются с определенными трудностями при изучении русской грамматики.

Материалом для исследования послужили контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, подкорпуса «Художественные тексты».

2. Исследование сложных предложений со значением меры и степени в российской лингвистике

Обзор лингвистической литературы показал, что синтаксические структуры, репрезентирующие значение меры и степени, долгое время не попадали в поле зрения ученых, но в последние годы интерес к ним возрос, они «нашли место» в типологии сложных предложений, представленной в современных учебных пособиях [Иванищева, 2019; Современный ..., 2009 и др.], и стали объектом диссертационных исследований [Курбанова, 2012; Сальникова, 2010; Селюнина, 2004 и др.].

В отечественной науке ранее некоторые контексты со значением меры и степени были включены в класс сложноподчиненных предложений (далее — СПП) нерасчлененной структуры. Общей особенностью таких предложений является присловная позиция придаточной части, которая характеризует определенную словоформу в главной части. Традиция выделения данной синтаксической конструкции восходит к концепции Н. С. Поспелова, который в свое время дифференцировал сложноподчиненные предложения, выделяя два типа: он принимал во внимание признак неприсловной и присловной связи придаточной и главной частей (см. об этом [Иванищева, 2019]).

В современных учебных пособиях СПП со значением меры и степени рассматриваются в группе предложений с «приместоименными» придаточными; придаточные части здесь присоединяются к употребленным в главных частях указательным и определительным местоимениям, местоименным наречиям и раскрывают их содержание [Федосюк, 2013, с. 110]. В другой терминологии такие предложения квалифицируются как «местоименно-соотносительные» или «местоименно-союзные», отличающиеся от других нерасчлененных структур более тесной формальной и семантической связью главной и придаточной частей. Такая тесная связь обуславливается так называемой «скрепой», состоящей из указательного местоименного слова и союзного слова или подчинительного союза. Этот

термин предложен в учебном пособии под редакцией П. А. Леканта [Современный ..., 2009, с. 725].

Терминологическое определение предложений со значением меры и степени как «местоименно-союзных» не охватывает другой тип языковых фактов, где в «контакт» с союзом «вступают» лексемы не местоименно-указательной семантики; в данном типе контекстов употребляются «интенсификаторы» меры или степени *достаточно* и *слишком*, которые функционируют в единстве с союзом *чтобы*: *У меня достаточно связей, чтобы завтра все выяснить у вашего начальства* (Л. Юзефович. Дом свиданий, 2001); *Ирочка тихонько плачет в уголке, а я слишком устала, чтобы ее утешить* (Г. Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002). Подобные примеры приводятся в «Русской грамматике» 1980 года [Русская грамматика, 1980].

Авторы «Русской грамматики» включают предложения со значением меры и степени в класс «союзных определительных предложений». Среди предложений со значением меры и степени они выделяют несколько семантических разновидностей, в каждом из которых функционируют определенные типы сочетаний союзов с «интенсификаторами». Так, в русском языке встречаются предложения, в которых выражается значение высокой степени проявления признака, достаточной или недостаточной степени его интенсивности, например: *Я слишком проста, чтобы понимать вас* (Чех.); *Однако Олеся нашла в себе достаточно силы, чтобы дотянуть до конца обеда* (Купр.); *Не до такой степени я глуп, чтобы не мог разобрать, холодно мне или тепло* (Фет) (см. об этом [Там же]).

Разные выводы делают ученые относительно значения придаточной части в составе подобных предложений. Так, Ю. О. Сальникова отмечает, что в придаточных частях, оформленных союзами *что*, *чтобы*, *как*, *будто*, семантика следствия, цели и сравнения не утрачивается, но придаточные «развивают вторичную синтаксическую функцию», которая состоит в раскрытии качества признака, меры и степени [Сальникова, 2010, с. 8]. Авторы учебного пособия идентифицируют значение придаточной части вопросом «а именно?» и квалифицируют его как пояснительное с оттенком следствия [Современный ..., 2009, с. 726].

Исходя из сказанного выше, можно констатировать, что синтаксические структуры со значением меры и степени не имеют однозначной трактовки в русистике. Они разнородны по своим семантико-синтаксическим свойствам и конструирующим их компонентам и требуют более пристального изучения и глубокого анализа, к которому мы намерены обратиться далее.

3. Особенности формирования семантики меры или степени

Первый вопрос, который возникает при описании предложений со значением меры и степени, связан с типовой семантикой данных предложений.

В диссертационном исследовании А. Ш. Курбановой отмечается, что категория меры и степени принадлежит философской науке и представляет собой «диалектическое единство качества и количества объекта»; если рассматривать этот феномен в лингвокогнитивном аспекте, то его можно соотнести с понятиями «квалитативности» и «квантитативности». Как пишет ученый, «по отношению к категориям квалитативности и квантитативности категория меры и степени занимает особое место. С одной стороны, мерой и степенью обладают только признаки. С другой стороны, каждый признак, оставаясь признаком (находясь в рамках категории квалитативности), может быть квалитативным или квантитативным <...> взаимодействие квалитативности и квантитативности позволяет дифференцировать меру и степень как две составляющие субкатегории» [Курбанова, 2012, с. 48]; далее А. Ш. Курбанова отмечает, что категория меры и степени взаимодействует с категорией интенсивности, проявляющейся в интенсификации признаков, действий, свойств по сравнению с определенным эталоном, который имеет место в картине мира говорящего [Там же, с. 58].

Данное теоретическое положение очень важно для анализа сложноподчиненных предложений, которые служат объектом настоящего описания. В ходе анализа фактического материала можно выделить два типа контекстов: в первом типе вербализуется значение интенсификации количественного признака, во втором — значение интенсификации качества признака. Рассмотрим первый тип примеров:

(1) *А ведь счастья много, так **много**, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видит его ни одна душа* (А. Волос. Недвижимость, 2000 // «Новый мир», 2001); (2) *У Зоси <...> валенки такие **огромные**, что в них еще кто-нибудь может поместиться* (И. Халыпила. Карниз Европы // «Волга», 2015); (3) *Падают снежинки, но они настолько **малочисленные**, что это не снег* (С. Носов. Фигурные скобки, 2015); (4) *Теперь Эдуард Петрович шел еще медленнее, и несколько десятков метров, отделявших их от входа в больничный корпус, они преодолевали так **долго**, словно каждый шаг требовал неимоверных усилий* (А. Маринина. Мужские игры, 1997); (5) *Он умер слишком **рано**, чтобы что-то сказать мне* (Е. Попов. Во времена моей молодости, 1970—2000); (6) *Бублики стоили уже не так **дешево**, как можно было подумать* (Н. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015).

В левом контексте этих предложений сообщается об объеме абстрактного понятия (*счастье*), о размере предмета (*валенки*), о количестве предметов (*снежинок*), о количестве времени, которое было потрачено на преодоление пути, о продолжительности жизни, о стоимости предмета (*бубликов*). Для характеристики количества используются лексемы *много, огромные, малочисленны, долго, рано, дешево*. Количество превышает или занижает (пример 5) предел допустимого.

Второй тип примеров составляют предложения, в которых репрезентируется значение интенсификации качества признака:

(1) *Ситуация вокруг выборов в Калининграде обострилась и накалилась до такой степени, что из-за нее полусонная пресса позабыла даже мэра Владивостока, который весь год развлекал общественность ...* (Т. Устинова. Персональный ангел, 2002); (2) *(Кошка) мяукала таким диким голосом, что это мяуканье стояло в ушах у Татьяны Николаевны все время, пока она ехала на службу* (В. Ярмолинец. Бриллиантовая нога // «Волга», 2013); (3) *Однако конструкция оказалась столь шаткой, что воспользоваться ею было невозможно* (В. Баевский. Центральный поселок // «Звезда», 2008); *Одежда настолько замызанная, точно этот мужик нарочно вывалялся в грязи* (В. Пьецух. Русские анекдоты // «Знамя», 2000).

В левом контексте этих предложений повествуется о состоянии некоего положения дел (*обострилась, накалилась*), о качестве описываемых предметов (*диким, шаткой, замызанная*). Эти состояния или качества превышают предел допустимого.

Во всех приведенных выше контекстах семантика количества и качества эксплицируется определенными лексемами, завышенный (или заниженный) предел подчеркивается специальными «интенсификаторами» (термин авторов «Русской грамматики» 1980 года): *так, таким, до такой степени, настолько, столь, слишком* — и конкретизируется в правом контексте предложений через описание ситуации в придаточной части.

Следующий вопрос, который возникает при анализе семантики предложений подобного типа, связан с интерпретацией значения придаточной части предложений, оформленной определенным подчинительным союзом (*что, чтобы, как, как будто / словно / точно*). Как было отмечено выше, мнения ученых в этом вопросе расходятся. Обратимся к выявленным нами примерам.

Так, в приведенных выше предложениях: *Ситуация вокруг выборов в Калининграде обострилась и накалилась до такой степени, что из-за нее полусонная пресса позабыла даже мэра Владивостока, который весь*

год развлекал общественность¹ ... и Паутины было столько, **что** ее можно было принять за рваные шторы — функционирует союз *что*, и придаточная часть конкретизирует ситуацию в главной части (а именно: превышение предела допустимого) с указанием на следствие, которое имело место в реальной действительности («пресса забыла о мэре Владивостока, который до ситуации с выборами был в поле зрения»; «взору открывались рваные шторы»).

В предложениях *Он умер слишком рано, чтобы что-то сказать мне и Я, знаете ли, не настолько глуп, чтобы всем подряд рассказывать о своей героической эпопее* (А. Белянин. Свирепый ландграф, 1999), где употреблен союз *чтобы*, придаточная часть также указывает на результат того, о чем сообщается в главной части («кто-то не смог сказать какие-то важные слова»; «я не буду рассказывать о героической эпопее»). В других предложениях с союзом *чтобы*: *Напиши слова к песне, такие, чтобы те же, кто сейчас на стадионе будут, потом эту песню твою в парке под гитару ... И слушали, проникались* (А. Белозеров. Люди до востребования // «Волга», 2012); *А одна женщина мечтала сварить такой борщ, чтобы этот сварщик остался рядом с ней до самой смерти* (М. Вишневецкая. Из книги «О природе вещей», 1999) — придаточная часть раскрывает цель действия из главной части («люди должны проникнуться текстом песни, которую должен написать поэт»; «сварщик должен остаться рядом с женщиной, влюбиться в нее, она хорошая хозяйка»).

Там, где придаточная часть вводится союзом *как* или *как будто*: *Жарил он сразу из двух стволов, перезаряжая свое ружье так быстро, как не успевал даже бывалый стрелок* (А. Лукьянов. Артиллеристы // «Октябрь», 2003) и *Медсестра <...> принесла мальчика, который кричал так, как будто его месяц не кормили* (Б. Буянов. Про Аглаю Гусякову // «Волга», 2013) — отклонение от эталона подчеркивается через сравнение с другой реальной или ирреальной ситуацией, которая возникает в сознании говорящего («некто очень быстро перезаряжает ружье — так не может делать самый бывалый стрелок»; «ребенок кричал очень громко — так кричат, когда испытывают сильный голод»).

Таким образом, можно сказать, что значение следствия сохраняется в предложениях, оформленных союзом *что*, и в некоторых предложениях, оформленных союзом *чтобы*, в последнем случае это обусловливается типом предиката, который назван в левом контексте предложения, он называет состояние предмета (*умер*) либо его признак (*глуп*). В предложениях,

1 В случае повторного приведения примера источник не указывается.

где предикат главной части называет активное физическое действие (*написать, сварить*), между частями предложения имеют место смысловые отношения: цель + результат. В предложениях с союзами *как, будто* (его синонимами) имеют место отношения сравнения.

4. Особенности формальной организации синтаксических структур с типовым значением

При описании формальной организации синтаксических структур, в рамках которых репрезентируется значение меры и степени, необходимо ответить на ряд вопросов: какие компоненты создают эту структуру, какие из них являются обязательными, а какие факультативными, как квалифицировать средство связи компонентов конструкции.

Согласно синтаксической теории, разработанной учеными владивостокской школы, конструкции строятся либо из предикативных единиц, либо из непредикативных компонентов, либо посредством и тех, и других. Если исходить из общепринятого положения ученых о том, что семантика меры и степени формируется в рамках предложений, где есть опорный компонент и связанная с ним по смыслу и грамматически предикативная единица, то тогда можно констатировать, что перед нами конструкция «слово + ПЕ (предикативная единица)». Под эту схему из приведенных выше предложений попадают случаи следующего типа: *Ситуация вокруг выборов в Калининграде обострилась и накалилась до такой степени, что из-за нее полусонная пресса позабыла даже мэра Владивостока, который весь год развлекал общественность ...; Я, знаете ли, не настолько глуп, чтобы всем подряд рассказывать о своей героической эпопее; Медсестра <...>принесла мальчика, который кричал так, как будто его месяц не кормили; Ирочка тихонько плачет в уголке, а я слишком устала, чтобы ее утешать; У меня достаточно связей, чтобы завтра все выяснить у вашего начальства. Еще несколько примеров: Звезд столько, что от удивления плакать хочется (О. В. Колпакова. Большое сочинение про бабушку, 2011); Глаза слезились так, словно в них швырнули табак (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000). «Опорный компонент» в этих контекстах выполняет функцию главного члена предложения, в которое он входит или которое он представляет.*

В то же время есть случаи, где «опорный компонент» занимает позицию второстепенного члена главной части предложения: *Одних медалей с международных промышленных выставок было привезено столько, что*

в пору каждому жителю на грудь (повесить) (Б. Бару. Кольчуга из щучьей чешуи // «Волги», 2010); *Ветер летит с такой силой, что забивает дыхание, сердцу нечем работать* (А. Титов. Общежитие писателей // «Волга», 2015); *«Рай-ем» выговаривался у нее с таким почтением, точно указывалось прямо на райское обитание* (В. Распутин. Изба, 1999); *Он умер слишком рано, чтобы что-то сказать мне.*

В приведенных примерах для выражения общего смысла высказывания важна роль члена главной части предложения, с которым связан опорный компонент конструкции (*привезено медалей, летит с силой, умер рано, выговаривался с почтением*), но этот член предложения остается за пределами конструкции.

В собранном нами фактическом материале представлены случаи, когда в конструкцию «встроен» дополнительный компонент, дублирующий значение интенсификатора качества. Обычно в этих структурах функционируют указательные местоимения *так* или *такой*. Например: *Он <...> так страшно бранился, что вызвал у активистов оторопь и даже испуг* (А. Снегирев. Вера, 2015); *Бриллианты издавали такой страшный скрип, что от ужаса старик вспотел* (В. А. Ярмолинец. Бриллиантовая нога // «Волга», 2013); *(Он) осторожно просовывал руку в нору, выкопанную в песке, медленно так, чтобы не засыпаться, вел ее дальше, глубже, там сокровищница ...* (В. Киршин. Дед Пихто в Африке // «Уральская новь», 2003); *Стоя над ней, оставаясь незамеченным, думал Илья и думал так упорно, точно ему обязательно надо было найти ответ, чтобы двигаться дальше* (С. Шикера. Степь, 1998 // «Волга», 2009); *Он так плохо выглядел, как будто уже был при смерти* (В. И. Букур, Н. В. Горланова. Колун // «Волга», 2011); *Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион* (Ф. Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла, 1996).

В приведенных примерах в конструкцию входят дополнительные компоненты: *страшно, страшный, медленно, упорно, плохо, жуткая*. В предикативной единице (или в придаточной части) их значение актуализируется определенными лексемами (*страшно бранился* → *вызывал испуг, страшный скрип* → *от ужаса вспотел, думал упорно* → *обязательно надо было найти ответ, плохо выглядел* → *был при смерти, тишина стояла жуткая* → *директор испуганно распахивал дверь*).

Наряду с этими фактами встречаются случаи, когда при пропуске подобных компонентов понимание точного смысла может быть затруднено: *Евдокия Евгеньевна <...> улыбалась так естественно и легко, словно*

была законной наследницей этого семисотлетнего владения, уткнувшегося своими тесными полями, польдерами и белыми дюнами в холодные воды Балтийского моря (Ю. Буйда. Ева, Ева, 1998); *Режиссер все еще сидел в такой скорбной позе, словно испорчен был именно тот кадр, который мог его прославить* (Г. Полонский. Репетитор, 1997—1995).

Лексемы *естественно* и *легко, скорбной* уточняют характеристику действий, их значение не актуализировано в предикативной единице (придаточной части), при их отсутствии возникают вопросы: «как именно она улыбалась», «в какой точно позе он сидел»?

Описывая особенности конструкции «слово + ПЕ», мы сталкиваемся с необходимостью терминологически определить средство связи первого и второго компонентов. Квалификация «скрепа», которая предлагается в учебном пособии под редакцией П. А. Леканта [Современный ..., 2009], по нашему мнению, не подходит для наименования связующего средства, поскольку предполагает некое контактное расположение элементов. В рассмотренных выше примерах интенсификаторы могут находиться перед опорным компонентом, после него (исключение составляют слова *слишком* и *столь*, позиция которых в конструкции закреплена: «интенсификатор + опорный компонент»), кроме того, интенсификаторы могут быть позиционно «разобщены» с союзом. В данном исследовании мы придерживаемся традиций владивостокской синтаксической школы и используем термин *служебный комплекс* [Селюнина, 2004, с. 4]. Служебный комплекс, функционирующий в рамках рассматриваемых в статье синтаксических построений, имеет особую «морфологическую природу», в отношении которой проф. А. Ф. Прияткиной было сделано интересное замечание: здесь наблюдается своего рода переход от лексического элемента к формализованному элементу, способному стать в один ряд с союзом как его «продолжение» [Прияткина, 2007а, с. 304]. Этим формализованным элементом становится интенсификатор меры и степени, без которого «союз вообще невыносим» и который не отчленим от первого компонента конструкции [Там же, с. 304—305]. Сема ‘мера и степень’, которая составляет семантическую специфику данного служебного образования, наделяет его особым свойством — «экспрессивностью» [Там же].

Продолжая анализировать особенности формальной организации конструкции, отметим роль уточнителей, которые могут входить в состав служебного комплекса, соединяющего опорный компонент и предикативную единицу. В собранном нами фактическом материале встречаются два таких уточнителя:

— первый функционирует в составе служебных комплексов *столько ... чтобы, настолько ... чтобы: Денег он получил **ровно** столько, что-*

бы купить то, что ему понравилось, а оставшуюся их часть положить в банк (С. Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014); *Это позволило Холодцову оправданно напиться, сознания осталось **ровно** настолько, чтобы сказать: «Прости, я не в форме»* (А. Слаповский. Сосед // «Волга», 2013) (уточнитель — наречие *ровно*, подчеркивающее в первом примере значение достаточного количества денег, которые были нужны некоему лицу для покупок вещей, а во втором — достаточной степени ясности сознания некоего субъекта после выпитого);

— второй входит в состав средств связи, формирующихся на базе союза *что*: *Эта мысль поразила меня до такой степени, что мне **даже** не пришлось опереться спиной на дверь ...* (А. Геласимов. Год обмана, 2003); *Помню, однажды я так спешил на свидание, что **даже** порезался во время бритья* (Е. Горац. Сердце Манхэттена // «Сибирские огни», 2012); *Она Стасова, он — Сташис, фамилии настолько похожи, что **даже** подпись после замужества мне менять не придется* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают, т. 1, 2014) (уточнитель — частица *даже*, которая подчеркивает значение высокой степени проявления состояния, действия, признака предмета).

В завершение анализа хотелось бы обратить внимание на один любопытный факт: случай фразеологизации местоимения *такой* и опорного компонента. Подобное явление можно обнаружить в следующих примерах: *Впрочем, двадцать лет прожили в одном доме. — Ну, редакцию, куда я ее дал, — сказал он, кивнув на здание редакции, — не буду от тебя скрывать. Ты же **не такой дурак**, что бы не догадаться* (Ф. Искандер. День писателя // «Новым мир», 1999); *Он-то знал, что Шамарган далеко **не такой дурак**, что бы попытаться выйти к лагерю берегом* (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути, 2003); *К тому же, он **не такой дурак**, что бы сбивать цену так сильно* (М. Милованов. Естественный отбор, 2000). Данное явление имеет место в конструкциях, где второй компонент вводится союзом *чтобы*. В этих примерах в левом контексте дается характеристика субъекта (его способностей мыслить правильно и принимать взвешенные решения).

5. Заключение

В ходе проведенного исследования установлено, что семантика меры и степени формируется в рамках синтаксической структуры «слово + ПЕ (предикативная единица)», которая «встроена» в сложное предложение (в его традиционном понимании), при этом первый компонент конструкции может выполнять функцию подлежащего или сказуемого, а также функ-

цию второстепенного члена главной части сложного предложения. Данная конструкция образуется при участии служебного комплекса, в состав которого входят 1) интенсификатор количества или качества, занимающий пре- или постпозицию по отношению к опорному компоненту конструкции, 2) подчинительный союз, оформляющий зависимую предикативную единицу. В служебный комплекс могут включаться уточнители, например, рассмотренные нами в работе служебные комплексы с уточнителями *ровно столько / настолько, чтобы; так ... что даже*. Отмечена также особенность рассматриваемой конструкции, которая заключается в фразеологизации местоимения *такой* и опорного компонента, в результате чего появляется выражение устойчивого характера *не такой дурак*, к которому присоединяется предикативная единица, вводимая союзом *чтобы*. Такие случаи частотны в современном русском языке, причем выражение имеет не единичную валентность (ср. *Эрколе не такой идиот, чтобы сидеть и ждать, пока его убьют!* И. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито, 1921).

Анализ фактического материала позволил нам сделать некоторые уточнения относительно роли формирующих конструкцию подчинительных союзов, их «вклада» в формирование общей семантики конструкции, в частности, в работе отмечается следующее: союз *что* вводит предикативную единицу, которая указывает на следствие того, что некий предел был превышен; союз *чтобы* в одних контекстах дублирует функцию союза *что*, в других контекстах вносит целевое значение в качестве мотивировки к тому, что предел занижен, завышен либо определен как средний, достаточный; союзы *как* и *как будто / точно / словно* вносят в конструкцию сравнительное значение.

Представленный в статье анализ семантико-синтаксических особенностей конструкции, предназначенной в русском языке для выражения значения меры и степени, позволяет решить некоторые проблемные вопросы, касающиеся трактовки семантической устроенности данной синтаксической единицы, квалификации статуса конструирующего средства, места конструкции в составе сложноподчиненного предложения. Результаты исследования могут быть использованы в методике преподавания русского языка как иностранного при объяснении материала на занятиях с иностранными студентами, которые хотят глубже познакомиться с русским синтаксисом и использовать свои знания в профессиональной деятельности, в частности, в практике перевода русских текстов на родной язык.

Перспективой дальнейшего изучения темы может стать подробное описание конструкций, оформленных при участии каждого из союзов

(что, чтобы, как, как будто и др.), и анализ особенностей перевода этих конструкций на иностранный язык.

Источники

1. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения 20.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванищева О. Н.* Синтаксис современного русского литературного языка : курс лекций / О. Н. Иванищева. — Москва-Берлин : Директ-Медиа, 2019. — 158 с. ISBN: 978-5-4499-0271-9

2. *Завьялов В. Н.* Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов : монография / В. Н. Завьялов. — Хабаровск : ДВГГУ, 2008. — 242 с. ISBN 978-5-87155-272-8

3. *Курбанова А. Ш.* Категория меры и степени в когнитивном и синтаксическом аспектах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Ш. Курбанова. — Ставрополь, 2012. — 185 с.

4. *Прияткина А. Ф.* Союзные конструкции в простом предложении : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / А. Ф. Прияткина. — Владивосток : ДВГУ, 1977. — 402 с.

5. *Прияткина А. Ф.* Об экспрессивности союза / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2007а. — С. 302—321.

6. *Прияткина А. Ф.* О перспективах применения понятия «конструкция» к изучению сложного предложения / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2007б. — С. 41—50.

7. *Русская грамматика.* Т. 2. Синтаксис / Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — 710 с.

8. *Сальникова Ю. О.* Сложноподчиненные предложения с придаточным качества, меры и степени признака : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. О. Сальникова. — Воронеж, 2010. — 22 с.

9. *Селонина О. А.* Служебный комплекс «ТАКОЙ ... КАК» (грамматическая характеристика) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Селонина. — Владивосток, ДВГУ, 2004. — 18 с.

10. *Словарь служебных слов русского языка* / А. Ф. Прияткина [и др.]. — Владивосток, 2001. — 363 с.

11. *Служебные слова в лексикографическом аспекте* : монография / Е. А. Стародумова [и др.]. — Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. — 377 с.

12. *Современный русский литературный язык* : новое издание : учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткина, Е. Н. Клобуков и др. / под редакцией П. А. Леканта. — Москва : Высшая школа, 2009. — 766 с.

13. *Федосюк М. Ю.* Синтаксис современного русского языка : учебное пособие / М. Ю. Федосюк. — Москва : ИНФРА-М, 2013. — 245 с.

SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF MEASURE AND DEGREE IN RUSSIAN

© **Inna V. Semenova (2021)**, orcid.org/0000-0002-8376-3243, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), inna.semenova2011@yandex.ru.

The syntactic structures, that are intended in Russian to express the meaning of measure and degree, are discussed in the article. The relevance of the study is due to the problems of modern syntax, which is aimed at a multidimensional analysis of syntactic structures and the study of the functions of service words involved in their organization. The work was carried out in the traditions of the Vladivostok scientific school, which applied the "from construction" approach to the analysis of syntactic units. It is indicated that this term is used here in a narrow sense as a structure embedded in a complex sentence, having a certain set of components and a specific means of connecting these components. The novelty of the research is determined by the use of the concept of "construction" as the main tool for analyzing syntactic units with the meaning of measure and degree in the formal grammatical aspect. A features analysis of the formation of the semantics of measure and degree within the framework of syntactic structures is presented, the formal organization of these structures is described in detail: the component composition, the "core" of the structure — service complexes used to link components, the role of clarifiers and the possibility of phraseologization of the structure. It is noted that this study is important both for solving theoretical issues that relate to a versatile description of syntactic structures, and for teaching the syntax of the Russian language to foreign students.

Key words: category of measure and degree; intensification of the quantitative and qualitative feature; syntactic construction; service complex; qualifier.

MATERIAL RESOURCES

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Fedosyuk, M. Yu. (2013). *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoye posobiye* [Syntax of the modern Russian language: A textbook]. Moskva: INFRA-M. 245 p. (In Russ.).
- Ivanishcheva, O. N. (2019). *Sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: kurs lektsiy* [Syntax of the modern Russian literary language: a course of lectures]. Moskva-Berlin: Direkt-Media. 158 p. ISBN: 978-5-4499-0271-9. (In Russ.).
- Kurbanova, A. Sh. (2012). *Kategoriya mery i stepeni v kognitivnom i sintaksicheskom aspektakh*. PhD Diss. [Category of measure and degree in cognitive and syntactic aspects. PhD Diss.]. Stavropol. 185 p. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (1977). *Soyuznyye konstruksii v prostom predlozhenii*. Doct. Diss. [Union constructions in a simple sentence. Doct. Diss.]. Vladivostok: DVGU. 402 p. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2007). Ob ekspressivnosti soyuza [On the expressiveness of the union]. In: *Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruksii)*. *Izbrannyye trudy* [Russian syntax in grammatical aspect (syntactic

- connections and constructions). Selected works]. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta. 302—321. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2007). O perspektivakh primeneniya ponyatiya «konstruktsiya» k izucheniyu slozhnogo predlozheniya [On the prospects of applying the concept of “construction” to the study of a complex sentence]. In: *Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskiye svyazi i konstruktsii). Izbrannyye trudy* [Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works]. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta. 41—50. (In Russ.).
- Russkaya grammatika* [Russian Grammar], 2. *Sintaksis* (1980). Moskva: Nauka. 710 p. (In Russ.).
- Salnikova, Yu. O. (2010). *Slozhnopodchinennyye predlozheniya s pridatochnym kachestvom i stepeni priznaka*. Author’s abstract of PhD Diss. [Complex sentences with a subordinate quality, measure and degree of sign. Author’s abstract of PhD Diss]. Voronezh. 22 p. (In Russ.).
- Selyunina, O. A. (2004). *Sluzhebnyy kompleks «TAKOY ... KAK» (grammaticheskaya kharakteristika)*. Author’s abstract of PhD Diss. [Service complex “such ... HOW” (grammatical characteristics). Author’s abstract of PhD Diss]. Vladivostok, DVGU. 18 p. (In Russ.).
- Slovar’ sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of official words of the Russian language]. (2001). Vladivostok. 363 p. (In Russ.).
- Sluzhebnyye slova v leksikograficheskom aspekte: monografiya* [Official words in the lexicographic aspect: monograph]. (2017). Vladivostok: Dalnevostochnyy federalnyy universitet. 377 p. (In Russ.).
- Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: Novoye izdaniye: uchebnik* [Modern Russian literary language: New edition: Textbook]. (2009). Moskva: Vysshaya shkola. 766 p. (In Russ.).
- Zavyalov, V. N. (2008). *Morfologicheskiye i sintaksicheskiye aspekty opisaniya struktury russkikh soyuzov: monografiya* [Morphological and syntactic aspects of describing the structure of Russian unions: monograph]. Khabarovsk: DVGGU. 242 p. ISBN 978-5-87155-272-8 (In Russ.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Александр Модестович Подоксенов, д-р филос. наук (Елец)

Антонина Федоровна Корякина, канд. пед. наук (Якутск)

Баир Сономович Дугаров, д-р филол. наук (Улан-Удэ)

Валентина Алексеевна Телкова, канд. филол. наук (Елец)

Наталья Михайловна Ильченко, доктор филол. наук (Нижний Новгород)

Ольга Ивановна Осипова, д-р филол. наук (Владивосток)

Ольга Николаевна Александрова-Осокина, д-р филол. наук (Хабаровск)

Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Юлия Анатольевна Маринина, канд. филол. наук

Александрова-Осокина О. Н. Тема «человек и природа» в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 96—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109.

Alexandrova-Osokina, O. N. (2021). Theme “Man and Nature” in the Poetry of Peter Komarov. *Nauchnyi dialog, 1*: 96-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109. (In Russ.).

УДК 821.161.1Комаров.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109

ТЕМА «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ ПЕТРА КОМАРОВА

© Александрова-Осокина Ольга Николаевна (2021), orcid.org/0000-0003-2960-9920, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (Хабаровск, Россия), osokina-11@mail.ru.

Представлена авторская разработка вопросов содержания и поэтики пейзажной и природоведческой лирики дальневосточного поэта, лауреата Сталинской премии третьей степени П. С. Комарова (1911—1949). Новизна исследования состоит в том, что творчество поэта практически не изучено. Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к проблемам литературного процесса советского периода, а также интересом к литературно-краеведческим вопросам. Обосновывается мысль о том, что тема «человек и природа» была центральной в поэзии П. С. Комарова. Отмечается, что доминирующим началом в раскрытии этой темы были идеи всеединства и сопричастности. Ставится вопрос о характере отражения в лирике идей эпохи: в частности, выявлены точки пересечения поэтического мировосприятия в стихотворениях цикла «Зеленый пояс» с идеями русского космизма. Проведены наблюдения над спецификой поэтики пейзажной лирики Комарова: выявлена форма пейзажа-экфрасиса, художественные функции пейзажной детали, цветописи, топонимики, панорамного изображения; выявлены некоторые образы-мотивы (природа-сад, природа-книга; мотив братства памяти земли). Приводятся уникальные материалы литературной критики второй половины 1940-х годов, связанной с оценкой творчества Комарова.

Ключевые слова: Комаров Петр Степанович; литературная регионалистика; геополитика; пейзажная и природоведческая лирика; пейзаж-экфрасис.

1. Введение

В статье исследуется лирика дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова (1911—1949). В первой половине XX века его творчество получало освещение не только в средствах массовой информации Дальнего Востока, но и в центральной печати: в газетах «Правда», «Литературная газета», в журналах «Новый мир», «Октябрь»; сборники его стихотворений публиковались в столичных издательствах. В 1950 году поэт был удостоен Сталинской премии третьей степени (посмертно). Имя поэта и сегодня является «визитной карточкой» дальневосточной литературы:

стихотворения входят в школьные хрестоматии по краеведению, в г. Хабаровске одноименное название носит одна из улиц и детская городская библиотека. Однако при этой «презентационной» известности творчество поэта изучено недостаточно, что и определяет исследовательский интерес к этой теме.

Актуальность обращения к творчеству П. С. Комарова обусловлена вниманием современного литературоведения к советскому периоду в истории литературы и к проблемам литературной регионалистики. Поэзия П. С. Комарова 1920—1940-х годов представляет интересный материал для наблюдений над особенностями творческой самореализации в контексте соцреалистической эстетики.

Тема «человек и природа» центральная в поэзии П. С. Комарова. Многие его стихотворения носят «природоведческие» названия, обозначающие объекты животного и растительного мира («Медведь», «Белочка-летяга», «Кабарга», «Лось», «Коза», «Иволга», «Сосна», «Кедр», «Дуб», «Женьшень», «Тайга»), сезоны и состояния природы («Снегопад», «Апрель», «Сентябрь», «Зима в Эвенкии», «Ледоход на Уссури», «Суховей», «Весенний пал», «Ночь на Амуре»), трудовую деятельность, связанную с изучением или использованием природных богатств («Сенокос», «Охотник», «Ботаник», «Сборщик желудей», «Тигролов», «Урожай», «Покорители Тукурингра», «Геологи на привале»), топонимические и ландшафтные характеристики Дальнего Востока («Хехцир», «Волочаевская сопка», «Хинганский родник», «В Заливе Счастья», «Советская гавань», «Озеро Ханка», «Топтугарь», «Зея», «Над Шантарскими островами», «Приамурье»).

Уже в ранних стихотворениях стало заметным своеобразие его художественного природоведческого мировосприятия: человек и природа выступают как две равновеликие силы единого мирового пространства; а природа выступает целостным, самодостаточным миром, увиденным словно бы «изнутри» своего бытия, как независимая от человека данность.

2. Чувство природы в лирике Комарова

Изучению «чувства природы» в художественной литературе посвящен значительный объем исследований, в которых прослеживается генезис понятия, специфика индивидуально-авторских воплощений и проводится мысль, что содержание и ценностная окраска отношений «человек и природа» всегда связана с мировоззрением своего времени [Гаврилина, 2009; Гурленова, 1998; Смирнова, 2012]. На рубеже XIX—XX веков и в первой половине XX века успех научных открытий и социальных преобразований определял и общий пафос в отношении вечной темы «человек и природа»,

утверждая деятельную, преобразующую миссию человека на земле. При этом диапазон научно-философских и художественных решений этого вопроса включал многообразие вариантов: от технократизма и природоборчества до концепций всеединства и философии русского космизма.

Обозревая всю лирику П. С. Комарова, в которых так или иначе затрагивается тема природы, можно выделить стихотворения, в которых в соответствии с канонами соцреализма воспевается человек-творец, строитель нового мира, активно вторгающийся в мир природы и изменяющий его, ср.: «В порту», «Советская Гавань», «Скала Ай-я-йя», «Сихоте-Алиньский перевал», «Медвежий угол», «Изыскатели».

Поэт прославляет достижения технического прогресса своего времени: «Рядом лес шумит машинами, / А внизу звенит металл, / Берег занятый машинами, / Рубежом исходным стал. / На тайгу в поход идут они, / Горы приступом берут, И опорными редутами / Стройки новые встают» («В порту») [Комаров, 1992, с. 186]; «А поезду — и реки нипочем, / И эти вот заоблачные горы: / Он со своим усердным «толкачом» / Взбирается в небесные просторы» («Сихоте-Алиньский перевал») [Там же, с. 162]. В ряде стихотворений в духе советской идеологии проводится противопоставление особенностей советского и дореволюционного природопользования: так, например, герой одного из стихотворений, путешественник прошлого, думал об амурских просторах: «В человека не веря, / Что эта земля / Существует для зверя» («Советская гавань») [Там же, с. 187]. В таких произведениях изобразительность, присущая поэтическому языку Комарова, зачастую отступает перед штампами, клише и идеологизированной риторикой.

Однако основу природоведческой и пейзажной лирики П. С. Комарова составляют не подобные стихотворения, а те, где показана самоценность природного мира, независимость его от человека. Этот тип поэтического мировосприятия становится заметным уже в стихотворениях конца 1920-х годов («Апрель», «Сенокос», «Охотник»), где человек показан как часть природного мира, а картины гармоничного равновесия между природным и человеческим создают идиллический образ.

3. Литературная критика второй половины 1940-х годов о пейзажной лирике П. С. Комарова

Именно эту «природоохранительную доминанту» увидела современная Комарову критика, почувствовав «идеологическую опасность» в стихотворениях, где ощутима «созерцательность» его поэзии и отсутствие в поэтическом сюжете героя-преобразователя. Так, критик Е. Мейерович в рецензии на первую книгу поэта «У берегов Амура» (1940) подчеркнул, что герой

лирики Комарова — человек, «созерцающий природу, тысячами нитей связанный с окружающим», но как недостаток отметил отсутствие деятельного героя: «Время требует другого героя, а у поэта человек-хозяин природы, подчиняющий себе природу и преобразующий её, человек-деятель <...> внев поэтического зрения» [Мейерович, 1946, с. 147]. Критик И. Машуков считал «крупнейшим идейным недостатком» пейзажной лирики Комарова пристальное внимание к «таинствам и экзотике природы <...> в ущерб преобразователю природы — человеку» [Машуков, 1947, с. 122]. С. Э. Бабёнышева писала в 1951 году: «Раннее творчество П. Комарова по существу своему было созерцательным. Поэт остро чувствовал природу, умел передать самые тонкие и неуловимые черты и оттенки её, но современного человека <...> в стихах этих не было» [Бабёнышева, 1951, с. 157].

Замечания критиков нельзя считать вполне объективными, потому что образ деятельного героя, человека-творца занимает в поэтической картине Комарова заметное место — это первопроходец, геолог, ученый, строитель. Думается, что критика обратила внимание не на сам факт наличия или отсутствия героя-преобразователя в лирике поэта, но на характер общего природоведческого мировосприятия поэта, на ценностно-смысловые акценты его пейзажной лирики; в соцреалистический канон не вписывался созерцательный тип мировосприятия поэта. Как отмечено исследователем Л. Я. Гурлёновой, в эти годы даже само понятие «чувство природы» подвергалось резкой критике, воспринималось как идеологически вредное и получало в критической литературе соответствующие «ярлыки»: «натуралистически-биологическое описание», «пропаганда патриархальности», «отрицание человеческих возможностей», «нежелание отражать социалистическую современность» и т. д. [Гурлёнова, 1998, с. 12]. В такой реальности и стихотворения Комарова с ярко выраженным «чувством природы» вызвали настороженность критики.

4. Чувство природы в лирике Комарова и идеи русского космизма. Содержание и поэтика цикла «Зелёный пояс»

Ведущий тип мироотношения лирического героя у Комарова — это созерцательность и сопричастность миру природы: герой готов «следить часами / за голубым сияньем льда» («Зима в Эвенкии») [Комаров, 1992, с. 74]; способен различить, «какой тропой / Олень спешит на водопой» («Хинганский родник») [Там же, с. 71]; он не «берет» у природы, но «отдает» ей свои знания и труд: «Таинственным силам растения / Ты отдал свое вдохновенье» («Ботаник») [Там же, с. 58]. Лирический герой Комарова не «покоряет» природу, а как бы обнаруживает точки личного соприкос-

новения с ней: «Как стих без единой запинки / Читать наизусть я готов / Всю степь — до китайской сарпинки / Ее запоздалых цветов» («Как стих без единой запинки») [Там же, с. 106].

Поэт обладал своим поэтическим пониманием «мирного» и «родственного» освоения пространства. Преображение природы в мире Комарова связано не с «ломкой» и «покорением», но с идеей «изучения» и «украшения» природы; образ человека-творца и его активного познающего отношения к миру природы сочетается с видением природы как тайны, хранящей природное и историческое, а ведущий тип отношения человека к природе — понимание, внимание и память.

Л. Я. Гурленова считает, что в атмосфере утверждения пафоса господства над природой советская природоведческая литература взяла на себя «охранительную функцию», противостояла потребительско-эгоистическому отношению человека к природе. Опору этого противостояния исследователь видит в ориентации на духовный опыт прошлого, на традиции патриархальной национальной жизни и народный пантеизм. «Чувство природы исторически сформировалось на основе пантеистического мирозерцания, давшего связующую нить в будущее»; литература, отражая чувство природы, присущее народному мирозерцанию, способствовала культивированию этого чувства, «сохранению основанного на историческом опыте представления о соотношении двух основных величин на Земле — природы и человека» [Гурленова, 1998, С. 20—22].

Пользуясь характеристикой ученого, пейзажную лирику Комарова также можно охарактеризовать как «культивирование чувства природы». Этот тип мировосприятия обнаруживает точки пересечения с научными «природоохранительными» концепциями своего времени, а именно с идеями русского космизма, в той области, где утверждается единство человека и природы, целостности и всеобщей связи исторического процесса, вечности бытия.

В современной науке термин *космизм* используется применительно к научно-философским концепциям русских ученых-космистов (Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского) или как обозначение общего направления научно-философской мысли конца XIX — первой половины XX века, определившего дух многих научно-философских и художественных произведений, см.: [Филенко, 2012, с. 5]. В такой трактовке космизм (антропокосмизм, философия единства, эволюционная философия) связан с пониманием эволюционного характера воздействия человека на мир природы: человек «направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берет <...> штурвал эволюции в свои руки. <...> Речь по существу идет о расширении прав сознательно-духовных сил, об

управлении духом материи, об одухотворении мира и человека» [Семенова, 1993, с. 4]. В этом случае «космизм» развивает концепции гармоничного единения с природным миром, духовного смысла человеческого бытия, преображения физического облика человека на духовных началах [Ануфриев, 2012, с. 115; Филенко, 2012, с. 5].

Такой подход позволял выявить точки пересечения идей космистов и многих писателей, притом разделенных эпохами и различными мировоззренческими основаниями: В. Ф. Одоевского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Платонова, А. Толстого, М. Пришвина, поэтов Серебряного века, русского авангарда и Пролеткульта, см., в частности: [Кичигина, 2018; Курьянова, 2013; Подоль, 2017]. Можно увидеть отражение этого типа природного мировосприятия и в пейзажной лирике П. С. Комарова. Мысль о творческой и преображающей роли человека, о его ответственности за все живое пронизывает лучшие стихи Комарова и вписывается в общий контекст эволюционной мысли, присущий взглядам русских космистов.

Идеи деятельно-творческого отношения к миру природы, в частности, получают воплощение в цикле «Зеленый пояс», который в 1950 году (вместе с циклами «Маньчжурская тетрадь» и «Новый перегон») был удостоен Сталинской премии. Стихотворения цикла обращены к проблеме «природа» и «цивилизация», см.: [Хуан Цзянь, 2020]. В контексте настоящего исследования интересно обратить внимание на миссию человека по преображению природы, как ее видел П. С. Комаров: человек выступает в роли творца, формирующего облик своей планеты.

Поводом для создания цикла послужил государственный проект, введенный в действие постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений ...» («Сталинский план преобразования природы»), который утвердил организацию полезащитного лесоразведения в южных районах Советского Союза для защиты от засух, песчаных бурь и суховеев. По мнению специалистов, объем проведенной работы не имел аналогов в мировой природоохранительской практике, см., в частности: [Мазуров, 2020].

В цикле находит поэтическое воплощение мысль о том, что интеллектуальными усилиями и трудом человека достигается процветание земли. В стихотворениях («Дуб», «Суховей», «Зеленый пояс», «Бархатное дерево», «Сборщик желудей», «Леса шумят») воспевается труд человека по преображению природы: «зной песков» преодолевается шумом рош, на полюсе холода «ртуть мертва, но яблоня цветет» («Зеленый пояс») [Комаров, 1992, с. 180]. Достижения научной и технической мысли в поэтическом мире Комарова приобретают характер «чуда», творческого привнесения

в природное (земное) начало одухотворяющей мысли, преодоления инертности материального начала.

В стихотворении «Бархатное дерево» «природоведческое событие» — рассылка семян дальневосточных деревьев по стране для дальнейшей высадки — переосмысливается как символ превращения всей земли в будущий сад: «бархатное дерево с Амура / Вдруг зашумит в украинском селе», «А, может быть, в защитной полосе / Оно шатром раскинется над степью», «А, может, у дороги зацветет» («Бархатное дерево») [Там же, с. 178]. В стихотворении «Сборщик желудей» герой оказывается «отцом» будущей дубовой рощи: «Собрав немалое количество / золотобоких желудей <...> В своей корзине рощу целую / Парнишка утром пронесил» («Сборщик желудей») [Там же, с. 179].

Во многих стихотворениях Комарова звучит мысль о нравственной ответственности человека перед историей, памятью предков. В поэзии Комарова чувство братства, сыновняя ответственность, память занимают важное место. Идея Н. Ф. Федорова о нравственной ответственности потомков перед предками, воплотившаяся у философа в теории будущего всеобщего воскрешения, в поэтическом мире Комарова получает воплощение в концепции «вечной жизни» в памяти истории. Лейтмотивом проходит у поэта мотив исторической памяти, которую хранит сама Земля: не забыт подвиг амурских первопроходцев, положивших свои жизни ради того, «чтобы знамя России взвилось / над волною в Амурском лимане» («В Заливе Счастья») [Там же, с. 104]; река, устремленная «в новый век», помнит, «Как по ней гребные кочи / Вел Поярков-атаман» («Зея») [Там же, с. 59]. Топонимическая конкретика стихов Комарова не только создает колорит местности, но и обозначает целостное историко-географическое пространство, представляя единство пространства природы и культуры, см.: [Александрова-Осокина, 2019].

5. Художественные средства пейзажной поэтики П. С. Комарова

Формированию поэтической картины единения человека и природы, передаче особенностей созерцательного видения природного пространства служит комплекс художественных средств. Так, особенностью пейзажной поэтики Комарова можно назвать пейзаж-экфрасис, детально и зримо передающий визуальное впечатление. Главным художественным средством здесь выступают конкретные наименования явлений природного мира (названия растений и животных, ландшафтные характеристики и т. д.). «Тебя я вижу, мой Хинган, / И лес, и горы, и туман. / Там среди зарослей густых, / Звенит без устали родник» («Хинганский родник») [Комаров, 1992, с. 71], «Я вышел на берег Усури, / где с таволгой шепчется клен» («Ледоход на

Усури») [Там же, с. 64]; «Зацветает мышинный горошек, И в метелку выходит пырей» («Сенокос») [Там же, с. 52], «Шмель расправил короткие крылья, / Вьются оводы — зноя гонцы, / И взлетают серебряной пылью / Под косой комары-толкунцы» («Сенокос») [Там же, с. 52].

Для создания наглядной картины значима цветопись, поэтому в текст вводятся цветковые эпитеты: «Но вот почернела вода, / Она здесь покоя не любит, / и к розовой пене нелюмбий / Пришла подступила беда» («Озеро Ханка») [Там же, с. 63], «Гор зазейских синяя полоска / Как туман спускается к реке» («Слышу голос — негу отголоска») [Там же, с. 52], «Утка быстрая в небе лиловом / прочертила крылами дугу» («Утка быстрая в небе лиловом») [Там же, с. 52], «Сизой волной остреды / Бегут и бегут вдоль дороги» («Беспутные ветры степей») [Там же, с. 111]. Используются также перифрастические и метафорические выражения со значением цвета: «Закат весенний над Амуром / Костром рыбачьим отгорел» («Звезды») [Там же, с. 83], «Озер серебряные слитки / И паутины тонкий шелк» («На Волочаевской сопке») [Там же, с. 127].

Визуальные средства дополняются акустическими: например, аллитерация помогает передать звук шороха движущегося по реке мелкого льда (шуги) — «Была тишина, и казалось, / Её не нарушат шаги. / Но к той тишине прикасалось / Живое шуршанье шуги» («Ледоход на Усури») [Там же, с. 64] или плеск волн — «Плескалась волна, и была в ней / То плавная лёгкость лысух, / То тихая жалоба плавней» («Озеро Ханка») [Там же, с. 63].

Средствами создания «зарисовок с натуры» становятся сюжетные картины: «Пришла коза напиться, / Стоит за тальниками, / Точеные копытца / Поставила на камень, / Потом к воде припала, / Прислушалась тревожно / И листик чернотала / Сорвала осторожно» («Коза») [Там же, с. 112]. Природа предстает в таких пейзажах, как бы не трансформируемая в сознании человека, а представленная как данность в своем собственном бытии.

Еще одной характерной особенностью поэтических пейзажей Комарова является панорамность изображения, которая создается применением различных планов и ракурсов. Например, членение пространства по вертикали и горизонтали: «На острова, на дальний плес, / На пережат / Свои последние лучи / Ронял закат. / Река и вдоль разделена, / И поперек / На сотни длинных и сквозных / Цветных дорог» («На острова, на дальний плес») [Там же, с. 31]. Многие пейзажи даны как «взгляд сверху»: «Две реки бегут с одной горы / <...> И одна торопится в Амур, / А другая в сумрачное море» («Две реки бегут с одной горы») [Там же, с. 131]; «Когда с высот Июнь-Корани / Я погляжу на край родной — Он сразу весь, как на экране, / Тогда встает передо мной» («На Волочаевской сопке») [Там же,

с. 119]; «Голубые хребты. / Голубая река. / Голубые снега на Шантарях» («Над Шантарскими островами») [Там же, с. 128].

Панорамное изображение предполагает особую точку наблюдателя, способного охватить взглядом мир природы в целостном видении. Панорамный взгляд создает эффект всеохватности природной картины, «где нет ничего, кроме бесконечности и вечности», показывает «вселенский» масштаб природного мира; независимость мира от человека, см.: [Балан, 2007, с. 55]. В таком способе видеть мир заключается определенная «философичность восприятия» природы, готовность человека воспринимать размах пространства. Развивая эту мысль, уместно вспомнить слова А. Бизе о чувстве природы: «Внешняя природа не могла бы сделаться символом человеческой души, если бы не существовало внутреннего сродства между внутренним миром человека и внешним миром природы» [Цит. по: Дмитриевская, 2016, с. 6—7].

Находит у Комарова воплощение образ «земля-сад». В лирике сталинского периода метафора «природа-сад» служила прославлению достижений советского строительства и человека, создающего рукотворный «рай на земле» [Разумовская, 2010, с. 26—27]. У Комарова образ «природа-сад» становится частью его художественного мира, воплощает идею труда человека во имя облагораживания земли: «И воспрянет природа / Преображенная в сад» («Лувен») [Комаров, 1992, с. 58]; «Да белеют из тумана / Ветви яблонь у воды: / Это внуки атамана / здесь раскинули сады» («Зея») [Комаров, 1992, с. 60].

С темой преобразования земли связан мотив «присвоения имени»: «Да, мы не раз географа помянем, / Что шёл тайгой в былые времена, / Давал названья рекам безымянным, / Придумывал для сопок имена» [Комаров, 1992, с. 164]. Имянаречение связано с привнесением в самодостаточную и «отстраненную» от человека природу духовного начала, человек выступает в роли Творца земли, «окультуривая» ее и превращая природное пространство в природно-историческое. Здесь уместно вспомнить слова Н. И. Надеждина, сказанные еще в 30-е годы XIX века о том, что географические названия являются «первым свидетельством исторического существования народов» [Надеждин, 1837, с. 27].

В художественном мире поэта часто используется прием символического обобщения, когда произведение приобретает притчевый характер, а конкретный жизненный факт видится как знак общечеловеческих ценностей и идеалов. Например, в стихотворении «Шалаш в тайге» поэтическое переосмысление получает охотничий обычай оставлять в лесу на стоянках необходимый минимум припасов для обеспечения отдыха будущего путника. У Комарова эта традиция получает символическое осмысление как

нравственный ориентир в выстраивании отношений между людьми. В системе ценностей поэта важно, что человек о другом человеке, о чужом, «подумал, как о друге»; оставленные «огниво и трут» поэт символически переосмысливает как оставленное «свое тепло» [Комаров, 1992, с. 70]. Так, природоведческий обычай в поэтическом мире Комарова становится основой для притчи о духовно-нравственном преображении человека. Человек в художественном мире Комарова обнаруживает свое человеческое, личностное начало не в автономном индивидуалистическом существовании, но в человечности и чувстве братства.

8. Значение лирики П. С. Комарова в общей картине развития советской дальневосточной литературы

В пейзажной и природоведческой поэзии Комарова ощутим интерес к вопросам вселенского, земного времени, исторического и личного прошлого; сильны идеи «содружества» человека с историей, социальным и природным миром; освоение земли оказывается не «покорением», а в большей мере познанием ее природных и исторических тайн. Поэт обнаруживает моменты наличия всеобщих связей, гармонии, слияния человека с природным миром. Особенно эти идеи ощутимы в стихотворениях последнего десятилетия.

Ценностное начало поэзии Комарова строится на понимании человека как центра потока времени и пространства. Лирический герой Комарова — это человек, «пропускающий через себя» свою эпоху, историческую память, ощущающий неразрывную связь с природным и человеческим миром. Общее пространство смыслов (концептов, образов) между мировоззренческой и образной сферой космизма и поэтической системой лирики П. С. Комарова обусловлено идеей «одухотворения» всей природы и включает такие образы, как «человек», «природа», «время», «преобразование мира», «природа-сад», «память», «сопричастность»; созвучны идеям космистов оказываются мотивы сохранения исторического наследия прошлого, преодоления исторического беспамяательства, а также идеи преемственности, памяти, связи с духовным наследием прошлого.

Изучение творчества П. С. Комарова обогащает картину развития отечественного литературного процесса первой половины XX века. Обозначенная Н. К. Пиксановым еще в начале XX века задача изучения духовных традиций «областных культурных гнезд» [Пиксанов, 1928] и в настоящее время не утрачивает своей значимости, но при этом в атмосфере культурной интеграции и глобализации способствует формированию устойчивого индивидуального культурного облика географических регионов России.

Дальневосточные историко-культурные и природоведческие реалии поэзии Комарова не являются элементом «краеведческой экзотики», а формируют геопоэтическое пространство русской литературы.

Источники

1. *Бабеньшица С. Э.* Путь героя / С. Э. Бабеньшица // Знамя. — 1951. — № 3. — С. 157—161.
2. *Комаров П. С.* Избранное / П. С. Комаров. — Хабаровск : Книжное изд-во, 1992. — 256 с.
3. *Машуков И.* Стихи дальневосточных поэтов / И. Машуков // Дальний Восток. — 1947. — № 1. — С. 118, 122—128, 132—134.
4. *Мейерович Е. Г.* Путь к человеку [Заметки о стихах Пётра Комарова] / Е. Г. Мейерович // Дальний Восток. — 1946. — № 3. — С. 145—157.
5. *Наеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира / Н. И. Наеждин // Библиотека для чтения. — 1837/ — Т. 22, Отд. III. — С. 27—70.
6. *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда : Историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. — 148 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова-Осокина О. Н.* Поэтическая топография Приамурья в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 4. — С. 82—90. — DOI : 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98.
2. *Ануфриев А. Е.* Утопическое мышление как знаковое явление литературного процесса в России 20-х гг. XX века / А. Е. Ануфриев // Вестник Вятского государственного университета. — 2012. — № 1. — С. 110—115.
3. *Балан М. В.* Панорамный пейзаж в творчестве Ван Гога / М. В. Балан // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2007. — Т. 176. — С. 49—69.
4. *Гаврилина О. В.* Пейзаж — чувство природы — натурфилософия в художественной литературе : основные аспекты изучения / О. В. Гаврилина // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. — 2009. — № 3. — С. 30—37.
5. *Гурленова Л. В.* Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х гг. / Л. В. Гурленова. — Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1998. — 179 с.
6. *Дмитриевская Л. Н.* Портрет и пейзаж в русской прозе : традиция и художественные эксперименты : монография / Л. Н. Дмитриевская. — Москва : ФЛИНТА, 2016. — 199 с. — ISBN 978-5-9765-2803-1.
7. *Кичигина В. В.* Эволюция русского космизма в отечественной поэзии XVIII—XX веков / В. В. Кичигина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10 (88). — Ч. 2. — С. 255—260.
8. *Курьянова И. К.* Философия космизма и русское искусство начала XX века / И. К. Курьянова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. — 2013. — № 3. — С. 173—177.
9. *Мазуров Ю. Л.* Сталинский план преобразования природы : 70 лет спустя / Ю. Л. Мазуров // Эколого-географические исследования в речных бассейнах. Материа-

лы пятой всероссийской научно-практической конференции. — Воронеж : Наука-ЮНИ-ПРЕСС, 2020. — С. 145—148.

10. *Подоль Р. Я.* Космическое мировидение в художественной символике классической русской поэзии / Р. Я. Подоль // *Космизм и органицизм : эволюция и актуальность. Материалы IV Международной научной конференции 18—19 ноября 2016 г.* — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. — С. 160—168. — ISBN 978-5-7310-3870-6.

11. *Разумовская А. Г.* Сад в русской поэзии XX века : феномен культурной памяти: автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Г. Разумовская. — Санкт-Петербург, 2010. — 35 с.

12. *Семенова С. Г.* Русский космизм / С. Г. Семенова // *Русский космизм : Антология философской мысли.* — Москва : Педагогика-Пресс, 1993. — С. 3—32.

13. *Смирнова А. И.* Русская натурфилософская проза второй половины XX века : учебное пособие / А. И. Смирнова. — Москва : «ФЛИНТА», 2012. — 287 с. — ISBN 978-5-89349-720-5.

14. *Филенко Л. П.* Русский космизм : социокультурный проект и рациональный конструкт : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Л. П. Филенко. — Белгород, 2012. — 24 с.

15. *Хуан Цзянь.* Тематика и поэтика цикла П. С. Комарова «Зеленый пояс» / Хуан Цзянь // *Книжная культура дальневосточного региона : проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации : сборник статей всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) «Книжная культура дальневосточного региона : проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации» (Хабаровск, 21—22 ноября 2019 г.).* — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. — С. 93—97.

THEME “MAN AND NATURE” IN THE POETRY OF PETER KOMAROV

© **Olga N. Alexandrova-Osokina (2021)**, orcid.org/0000-0003-2960-9920, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), osokina-11@mail.ru.

The author's elaboration of the content and poetics of landscape and natural history lyrics of the Far Eastern poet, winner of the Stalin Prize of the third degree P. S. Komarov (1911—1949) is presented. The novelty of the research lies in the fact that the poet's work has practically not been studied. The relevance of the study is due to the attention of modern literary criticism to the problems of the literary process of the Soviet period, as well as interest in literary and regional studies. The idea is substantiated that the theme “man and nature” was central in the poetry of P. S. Komarov. It is noted that the dominant principle in the disclosure of this topic were the ideas of all-unity and participation. The question is raised about the nature of the reflection of the ideas of the era in the lyrics: in particular, the points of intersection of the poetic perception of the world in the poems of the “Green Belt” cycle with the ideas of Russian cosmism are revealed. Observations on the specifics of the poetics of Komarov's landscape lyrics were carried out: the form of the landscape-ecphrasis, the artistic functions of the landscape detail, color painting, toponymy, panoramic image were revealed; some images-motives (nature-garden, nature-book; motive of the brotherhood of the memory of the earth) is revealed. The unique materials of literary criticism of the second half of the 1940s, associated with the assessment of Komarov's work are presented in the article.

Key words: Komarov Peter Stepanovich; literary regional studies; geopoetics; landscape and natural history lyrics; ekphrasis landscape.

MATERIAL RESOURCES

- Babenysheva, S. E. (1951). Put' geroya [The hero's Journey]. *Znamya* [Banner], 3: 157—161. (In Russ.).
- Komarov, P. S. (1992). *Izbrannoye* [Favorites]. Khabarovsk: Knizhnoye izd-vo. 256 p. (In Russ.).
- Mashukov, I. (1947). Stikhi dalnevostochnykh poetov [Poems of Far Eastern poets]. *Dalniy Vostok* [Far East], 1: 118, 122—128, 132—134. (In Russ.).
- Meyerovich, E. G. (1946). Put' k cheloveku (Zametki o stikhakh Petra Komarova) [Path to man (Notes on the poems of Peter Komarov)]. *Dalniy Vostok* [Far East], 3: 145—157. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (1837). Opyt istoricheskoy geografii russkogo mira [Experience of historical geography of the Russian world]. In: *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 22 (III): 27—70. (In Russ.).
- Piksanov, N. K. (1928). *Oblastnyye kulturnyye gnezda: Istoriko-krayevednyy seminar* [Regional cultural nests: Historical and local history seminar]. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo. 148 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2019). Poeticheskaya topografiya Priamurya v poezii Petra Komarova [Poetic topography of the Amur region in the poetry of Pyotr Komarov]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 4: 82—90. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98. (In Russ.).
- Anufriyev, A. E. (2012). Utopicheskoye myshleniye kak znakovoye yavleniye literaturnogo protsesa v Rossii 20-kh gg. XX veka [Utopian thinking as a sign phenomenon of the literary process in Russia of the 20s of the XX century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Vyatka State University], 1: 110—115. (In Russ.).
- Balan, M. V. (2007). Panoramnyy peyzazh v tvorchestve Van Goga [Panoramic landscape in the works of van Gogh]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Proceedings of Saint-Petersburg state University of culture and arts], 176: 49—69. (In Russ.).
- Dmitriyevskaya, L. N. (2016). *Portret i peyzazh v russkoy proze: traditsiya i khudozhestvennye eksperimenty: monografiya* [Portrait and landscape in Russian prose: Tradition and artistic experiments: monograph]. Moskva: FLINTA. 199 p. ISBN 978-5-9765-2803-1. (In Russ.).
- Fileiko, L. P. (2012). *Russkiy kosmizm: sotsiokulturnyy proekt i ratsionalnyy konstrukt*. Author's of PhD Diss. [Russian cosmism: socio-cultural project and rational construct. Author's of PhD Diss.]. Belgorod. 24 p. (In Russ.).
- Gavrilina, O. V. (2009). Peyzazh — chuvstvo prirody — naturfilosofiya v khudozhestvennoy literature: osnovnyye aspekty izucheniya [Landscape — a sense of nature — natural philosophy in literature: key aspects of learning]. *Vestnik RUDN, seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Vestnik RUDN, Literaturovedenie series. Journalism], 3: 30—37. (In Russ.).

- Gurlenova, L. V. (1998). *Chuvstvo prirody v russkoy proze 1920—1930-kh gg.* [The feeling of nature in Russian prose of the 1920s—1930s]. Syktyvkar: SyktyvkarSKIY universitet. 179 p. (In Russ.).
- Huang Jian. (2020). Tematika i poetika tsikla P. S. Komarova «Zelenyy poyas» [Topics and poetics of the cycle of P. S. Komarov “Green Belt”]. In: *Knizhnaya kultura dalnevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkulturnoy kommunikatsii: sbornik statey vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem) «Knizhnaya kultura dalnevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkulturnoy kommunikatsii» (Khabarovsk, 21—22 noyabrya 2019 g.)*. [Book culture of the Far Eastern region: problems of history, methodology, intercultural communication: collection of articles of the All-Russian scientific and methodological conference (with international participation) “Book culture of the Far Eastern Region: problems of history, methodology, intercultural communication” (Khabarovsk, November 21—22, 2019)]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta. 93—97. (In Russ.).
- Kichigina, V. V. (2018). Evolyutsiya russkogo kosmizma v otechestvennoy poezii XVIII—XX vekov [Evolution of Russian cosmism in Russian poetry of the XVIII—XX centuries]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 10 (88), 2: 255—260. (In Russ.).
- Kuryanova, I. K. (2013). Filosofiya kosmizma i russkoye iskusstvo nachala XX veka [Philosophy of cosmism and Russian art of the early twentieth century]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky], 3: 173—177. (In Russ.).
- Mazurov, Yu. L. (2020). Stalinskiy plan preobrazovaniya prirody: 70 let spustya [Stalin’s plan for the transformation of nature: 70 years later]. In: *Ekologo-geograficheskoye issledovaniya v rechnykh basseynakh. Materialy pyatoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ecological and geographical studies in river basins. Materials of the fifth All-Russian Scientific and Practical Conference]. Voronezh: Nauka-YuNIPRESS. 145—148. (In Russ.).
- Podol’, R. Ya. (2017). Kosmicheskoye mirovideniye v khudozhestvennoy simvolike klassicheskoy russkoy poezii [Cosmic worldview in the artistic symbolism of classical Russian Poetry]. In: *Kosmizm i organitsizm: evolyutsiya i aktualnost’. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 18—19 noyabrya 2016 g.* [Proceedings of the IV International scientific conference 18—19 November 2016]. Sankt-Peterburg: izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 160—168. ISBN 978-5-7310-3870-6. (In Russ.).
- Razumovskaya, A. G. (2010). *Sad v russkoy poezii XX veka: fenomen kulturnoy pamyati*. Author’s abstract of Doct. Diss. [Garden in the Russian poetry of the XX century. Author’s abstract of Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 35 p. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (1993). Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: anthology of philosophical thought]. Moskva: Pedagogika-Press. 3—32. (In Russ.).
- Smirnova, A. I. (2012). Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka: uchebnoye posobiye [Russian natural philosophy prose of the second half of the twentieth century: textbook]. Moskva: FLINTA. 287 p. ISBN 978-5-89349-720-5. (In Russ.).

Дугаров Б. С. Мотив партеногенеза: уранический фактор и фольклорная традиция / Б. С. Дугаров // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 110—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120.

Dugarov, B. S. (2021). Motive of Pparthenogenesis: the Uranian Factor and Folklore Tradition. *Nauchnyi dialog, 1*: 110-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120. (In Russ.).

УДК 398.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-110-120

МОТИВ ПАРТЕНОГЕНЕЗА: УРАНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹

© Дугаров Баир Сономович (2021), orcid.org/0000-0001-6885-7658, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), khairkhan@mail.ru.

Рассматривается мотив партеногенеза, связанный со значимостью уранического фактора в верованиях кочевнических обществ Центральной Азии и в идеологических установках правящей элиты. Отмечается, что печать небесного происхождения степных правителей — от хуннов до тюрков и монголов — выступала гарантом легитимности и сакрализации их верховной власти. Проводится сопоставительный анализ данного феномена на примере легенд о Таньшихае и Амбагане — основателях сяньбийской и киданьской держав, а также о Бодончаре — предке Чингисхана. Особое внимание уделяется солярному мифу об Алан-гоа — родоначальнице ханского рода борджигин, а также легенде о рождении Тэмуджина с чудесным знаком избранничества, имеющим аналогии в тюрко-монгольских эпических сказаниях. Новизна исследования видится в привлечении для анализа разновременных устных генеалогических мифов и письменной версии, содержащейся в «Сокровенном сказании монголов» и обнаруживающей также фольклорные истоки. Утверждается, что все эти сюжеты, относящиеся к разным эпохам и этническим образованиям, типологически близки друг другу, объединены сходным мотивом партеногенеза. Делается вывод, что данное обстоятельство свидетельствует о единой тэнгрианской доминанте в мировоззрении и этнокультурной традиции кочевников, обусловившей актуальность идеи небесного генезиса властителей Великой степи и нашедшей отражение в фольклоре.

Ключевые слова: мотив; фольклор; генеалогические легенды; партеногенез; культ неба; кочевники.

1. Введение

Идея сакрализации верховной власти у правящих кланов древних государственных образований Центральной Азии, покоящаяся на значимо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, № АААА-А17-117021310268-2).

сти уранического фактора, находит оригинальное отражение в фольклоре тюрко-монгольских народов. Речь идет о генеалогических мифах, повествующих о чудесном зачатии или рождении правителей кочевнических сообществ. Этот фольклорный мотив, именуемый партеногенезом, служил своего рода идеологическим обоснованием легитимности кагана и его властвующего клана. Особое место в нарративах о небесном происхождении занимает сакрализованная история «царя царей, хана над всеми», изложенная в «Сокровенном сказании». Этот историко-литературный памятник, обладающий эпическим дыханием, композиционно выстроен таким образом, чтобы показать прежде всего генеалогию рода Чингисхана, историю его предков, основанную на клановых преданиях, с целью высветить легитимность власти первого общемонгольского хана в глазах не только его соплеменников, но и всего кочевого мира того времени.

2. Мифы о Танышхиае и Амбагане

Один из ранних известных сюжетов на тему партеногенеза связан с Танышхиаем (II в. н. э.), впервые объединившим протомонгольские племена — сяньбийцев в единое государство. Будущий правитель, согласно мифу, рождается от матери, проглотившей под раскаты грома упавшую ей в рот градинку и вскоре после этого забеременевшей. Мальчик с самого рождения выказывал признаки необычного человека, выделяясь умом, физической силой и храбростью, чем вызывал удивление у старейшин. Особенно впечатлили окружающих его решительные действия по отношению к грабителям, угнавшим коров, принадлежавших матери. Подросток не только догнал на своем коне грабителей, но и расправился с ними, а также вернул весь скот. Этот геройский поступок поднял авторитет Танышхиае среди соплеменников. Он заложил основы для мудрого правления, был избран старейшиной [Бичурин, 1950, с. 154].

Приведем еще один нарратив, повествующий о небесном происхождении Елюй Амбагана, создателя державы киданей или империи Ляо (907—1125). Матери будущего императора перед его рождением приснилось, что в грудь ее как будто вошло солнце. Ребенок, родившись, выглядел как трехлетний младенец, рано встал на ноги и, будучи годовалым, заговорил. С самого детства мальчик отличался крепостью тела и гибкостью ума, великодушием и воинскими качествами всадника. Мастерски владел луком, при растяжке которого демонстрировал недюжинную силу, и мог пробивать стрелой железо. Однажды ночью испуганные приближенные стали свидетелями сияния света над местом, где спал Елюй Амбаган. Это сочли знаком, подтверждающим его высокое происхождение как правителя. Он

принял имя Тяньхуан-ван — Небесный император — и прославился среди всех соотечественников [Е Лун-ли, 1979, с. 41—42].

Вышеприведенные рассказы, несмотря на то что речь в них идет о персонажах, живших в разных эпохах, имеют сходную событийную структуру и ряд совпадений фольклорного характера в сюжетном действии. Особенно это касается мифологического посыла о чудесном рождении. В связи с этим уместно напомнить о любопытных пояснениях Н. Я. Бичурина к историческим источникам, в которых он, в частности, указывал на существование в Азии «вымыслов, обыкновенно составляемых о рождении знаменитого человека», к таковым, по его мнению, относится и сяньбийская легенда о небесной градинке [Бичурин, 1950, с. 154].

Действительно, есть резон полагать, что легендарные рассказы о небесном генезисе степных лидеров опирались на определенную устную традицию, существовавшую у кочевников со стародавних времен и связанную с их натурфилософскими верованиями. Так, одно из самых ранних свидетельств проявления уранического фактора можно уловить в семантике хуннского титула шаньюй — tchen-уи, — который является эквивалентом монгольского тэнгри-кубу — сын неба [Банзаров, 1955, с. 176, 315].

Что касается сюжета о партеногенезе, он вряд ли являлся узкоклановым, принадлежащим исключительно представителям кочевой аристократии. По всей вероятности, он циркулировал изустно по всему тюрко-монгольскому кочевническому ареалу, передаваясь от поколения к поколению. Каганаты рождались и распадались, исчезая навсегда, а эхо устной традиции, вобравшей в себя отголоски старинных преданий, отзывается до сих пор в родословных современных народов. Например, мотив «небесной градинки» выявляется в генеалогических мифах, бытующих у алтайского рода мундус и бурятского — хангин. Само существование мифа о небесном происхождении у названных родов говорит об их древних этнических истоках. Так, с сяньбийцами, по мнению ряда ученых, например [Нимаев, 1993, с. 151], связан генезис протобурят хоринского племени, к которому относится род хангин.

3. Соляренный миф об Алан-гоа

Приведенные выше два генеалогических — сяньбийский и киданьский — сюжета при сравнении обнаруживают безусловное типологическое сходство, напоминающее начальную часть «Сокровенного сказания» монголов, в которой повествуется о чудесном рождении Бодончара — предка Чингисхана. Этот нарратив, представляющий литературную обработку устного предания [Гумилев, 1970, с. 461], раскрывает образ Бодонча-

ра через родословную его рода борджигин. Будучи младшим из братьев, он отличался от них смекалкой, самостоятельностью и страстью к соколиной охоте, воспитавшей в нем воина и стремление к лидерству. Эти качества помогли ему стать во главе подчинившегося ему племени.

Центральным же персонажем в семейной хронике о Бодончаре является его мать Алан-гоа, поскольку с ней связан знаковый миф о происхождении борджигинов. Повествование о ней, ее замужестве, рождении и воспитании детей, к которым обращена назидательная притча о пяти хвостинах, занимает 18 параграфов и является фактически исходным «узлом» в предыстории возвышения Чингисхана.

По всей видимости, миф об Алан-гоа, судя по содержанию, относится к разряду клановых воспоминаний, передаваемых из уст в уста в течение многих поколений и обретших глубокий смысл в интерпретации автора «Сокровенного сказания», которому важно было показать уранические истоки родословной Чингисхана и тем самым сакрализовать его право на роль создателя монгольского государства. Сам образ Алан-гоа, согласно сюжету, выписан в положительных тонах: она «красивая, очень знатного рода», подчеркивается статус ее родителей: отец Хориларгай-Мэргэн — нойон Хори-Туматский, а мать Баргуджин-гоа — дочь Баргудай-Мэргэна, правителя страны Баргуджин-Тукум. Выйдя замуж за Добун-Мэргэна, потомка праотца монголов Буртэ-Чино в двенадцатом колене, Алан-гоа рождает от него сыновей — Бугунотая и Бельгунотая. После скорой кончины мужа она, оставшись вдовой, родила еще трех сыновей.

Это вызвало тайные пересуды у родившихся от Добун-Мэргэна старших двух сыновей. Тогда мать решается приподнять завесу над тайной рождения трех своих младших сыновей.

Об этом повествует «Сокровенное сказание» устами самой Алан-гоа: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: “Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?” Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда солнце закатилось, а луна еще не взошла, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумуют все это простые люди!» [Козин, 1941, с. 81].

Слова Алан-гоа, обращенные к сыновьям, проецируются прежде всего на самого младшего из них — Бодончара, которому было суждено стать во главе рода борджигин. Этой генеалогической версии и служит вышеприведенный рассказ Алан-гоа о ее непорочном зачатии, который интерпретируется исследователями как солярный миф о небесном происхождении героя, то есть Бодончара [Неклюдов, 1991, с. 180].

Важно отметить, что сам нарратив об Алан-гоа и небесном посланнике, сходящем к ней через дымник юрты в виде антропоморфной персонализации солнечного луча, имеет схожие мотивы и сюжеты в фольклорно-мифологической традиции тюрко-монгольских этносов. Так, в прологе бурятского эпоса о Гэсэре праматерь небесных божеств Манзан Гурмэ рождается от солнечных лучей, проникших в лоно ее космической матери Эхэ ехэ бурхан (Великая мать-богиня) [Абай Гэсэр Богдо хаан, 1995, с. 22—23]. Также от лучей солнечного света зачала мать своего сына Огузхана — тюркского культурного героя. В ойратском эпическом произведении «Бужин Даваа» опустившийся в дымовое отверстие юрты золотой столб предвещает рождение сына [Неклюдов, 1988, с. 51].

Подобного рода примеры указывают, что солнце с незапамятных времен относилось к основополагающим культовым объектам у степных nomadов. Естественно, что солярные мотивы нашли значительное отражение в их мифах, легендах и эпических сказаниях. Примечательно, что одно из ведущих племен, составлявших этнический стержень киданей, называлось *наран* (солнечное). Не случайно именно солярный мотив сближает и роднит киданьский миф о чудесном рождении с монгольским текстом [Викторова, 1980, с. 165, 194], в чем видится знак исторической преемственности тэнгрианских воззрений киданей и монголов, учитывая их этническое родство и давние этнокультурные связи. Сюжет о рождении от лучей солнца прямого предка Чингисхана правомерно становится опорной точкой для обоснования идеи избранничества его самого как основателя монгольской империи.

4. Семантика сгустка крови и фольклорные параллели

Элемент партеногенеза, сопряженного со знаком избранничества, содержится и рождение Тэмуджина со сгустком крови в руке. Его описание приводится в «Сокровенном сказании» в следующем фрагменте: *Түрэхүй-дор барагун гар-дор йиен шига-ин тэдүй нодун адхаад түрээжүхүй (төрөхдөө баруун гарта шагайн чинээ нөж атган төржээ)* / А как пришлось родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик [Козин, 1941, с. 85]. Что касается семантики

сгустка крови, представляется заслуживающим внимания объяснение Рашид-ад-дина (1247—1318) по этому поводу. Он описывает рождение Тэмуджина со сгустком крови как предзнаменование его будущих побед. При этом средневековый историк ссылается на монгольских информаторов — знатоков старины, носителей устной народной традиции [Рашид-ад-дин, 1952, с. 75]. Данная интерпретация находит продолжение в позднейшем по времени памятнике монгольской литературы XIX века «История Эрдэни-дзу», где говорится, что Тэмуджин родился, сжимая сгусток черной крови величиной с игральную бабку, чтобы усмирить двенадцать могучих царей (имеются в виду вожди крупных племенных союзов, покоренных Чингисханом) для создания единого монгольского государства [История Эрдэни-дзу, 1999, с. 113].

Примечательно, что образ запекшегося сгустка крови, являющийся знаком необыкновенного рождения и потенциального могущества Чингисхана, также имеет фольклорные истоки, как и миф о чудесном рождении его предка Бодончара, и встречается в тюрко-монгольских эпических произведениях. Так, в одном из вариантов бурятской Гэсэриады (сказитель О. Хантаев) говорится о рождении Гэсэра:

*Булин хара шуһые
Зүүн ех гарта
Адхаһаар тогдорлоо.*

Сгусток черной крови
В левой большой руке
Сжимая появился [Гэсэр]
[Мадасон, № 18, оп. 1, д. 68, с. 14].

Аналогичный факт рождения Гэсэра со сгустком крови, зажатым в руке, отмечен и в боханском (тороевском) варианте, он встречается также в монгольской версии Гэсэриады и в тибетском «Лин Гэсэре». Подобный мотив рождения Гэсэра рассматривается исследователями как своего рода символ могущества эпического героя [Шаракшинова, 1987, с. 183, 185].

Можно привести еще ряд выразительных примеров. В халхаской былине «Шилэн Галзуу баатар хүү» одноименный герой рождается с кровавым сгустком в кулаке [Цэрэнсодном, 1959, с. 98—99], а в западно-монгольской былине «Ирин сайн Гунын Настай Мекеле» из утробы матери родившийся мальчик, которого ожидала необычная судьба, сжимает в одной руке кровь величиной с барана, в другой — драгоценность с кулак [Потанин, 1883, с. 429]. То же самое происходит в ойратской былине «Эгиль мэргэн», в которой герой рождается с куском запекшейся крови, зажатой в руке, а во рту держит алмазный черный меч [Михайлов, 1962, с. 99]. Семантически схоже рождение будущего богатыря в алтайском героическом сказании «Алтан-Бизе», который появляется на белый свет с черной стрелой в правой руке

(признак будущего воина) и со сгустком черной крови в левой (будет проливать черную кровь врагов). Все это, согласно народным представлениям, предвещает необыкновенную будущность ребенку [Суразаков, 1982, с. 69].

Близкий к этому образ содержит предание о происхождении бурятского рода шуранхан. Его первопредок был найден ребенком, зажавшим в руках по комочку спекшейся крови. Поэтому найденьшу дали имя Шуранхан, точнее — Шухатай ерэнэн Шуранхан ‘родившийся с кровью в руках Шуранхан’ [Михайлов, 1992, с. 3]. Своеобразную интерпретацию этого мотива мы видим в якутском шаманском фольклоре. Обладающий дьявольскими чарами Бюргэтэй-Удаган качает младенца — будущего шамана — в железной колыбели, выкармливая его сгустками запекшейся крови [Ксенофонов, 1992, с. 61].

Судя по всему, мотив сгустка крови в руке является очень древним и, по всей вероятности, исходным для различных модификаций на эту тему. Например, в бурятском сказании «Хан-Гужир» рождается герой, держащий в правой руке знак победы над врагами, в левой — знак зверей, что означало: быть ему непобедимым воином и неутомимым охотником [Хангалов, 1960, с. 244]. В халха-монгольском сказании «Хилин Галзуу баатар» о герое говорится, что он

*Ган төмөр илдийг
Гартаа атгаад төрсөн*

Стальной булатный меч
В руке держа рожден
[Халх ардын тууль, 1991, с. 83].

В алтайском эпосе герой Когюдей-Мерген рождается, сжимая в одной руке девятигранный черный камень, в другой — семигранный серый. Эти камни, обладающие чудесной силой, помогают богатырю в борьбе с враждебными силами [Маадай-Кара, 1973, с. 269, 462].

Как видно из примеров, сгусток крови (нөж / булин), сопутствующий рождению Чингисхана, имеет выразительные параллели в фольклоре народов сибирско-центральноазиатского ареала и обладает в целом положительной символикой и трактовкой.

5. Заключение

Таким образом, мотив партеногенеза, рассматриваемый в контексте религиозно-мифологических воззрений, освященных почитанием неба, осознавался как проявление некой высшей силы, наделяющей небесной благодатью ведущие кланы кочевнических обществ, без которой их власть в сознании номадов считалась нелегитимной. Об этом свидетельствуют сюжеты о Таньшихае и Амбагане, которые являются по своей сути фоль-

клорной интерпретацией биографий известных в Центральной Азии исторических личностей, так как в них просматриваются следы народного мифотворчества, из сокровищницы которого черпали идеи в своих интересах правящие роды.

Мотив партеногенеза особенно рельефно проявляется в происхождении рода Чингисхана, поведенный через миф об Алан-гоа, который в свою очередь сюжетно подкрепляется рождением Тэмуджина со сгустком крови, зажатым в руке как знаком избранничества. В генеалогическом сюжете о чудесном рождении, бытовавшем в устной традиции кочевников и наиболее полно отразившемся в «Сокровенном сказании», обрел своеобразную интерпретацию концепт небесного происхождения: концепт, связанный, во-первых, со значимостью уранического фактора в мировоззрении кочевников и, во-вторых, являющийся в историческом аспекте краеугольным камнем идеологии правящих кланов военно-политических объединений и государственных образований на территории Великой степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абай* Гэсэр Богдо хаан. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 1995. — 521 с.
2. *Банзаров Д.* Собрание сочинений / Д. Банзаров. — Москва : Академия наук СССР, 1955. — 476 с.
3. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва—Ленинград : Академия наук СССР, 1950. — 381 с.
4. *Викторова Л. Л.* Монголы : происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. — Москва : Наука, 1980. — 224 с.
5. *Гумилев Л. Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII—XIII вв. / Л. Н. Гумилев // Татаро — монголы в Азии и Европе : сборник статей. — Москва : Наука, 1970. — С. 460—479.
6. *Е Лун-ли.* История государства киданей / Е Лун-ли. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. — 607 с.
7. *История* Эрдэни-дзу. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — 254 с.
8. *Козин С. А.* Сокровенное сказание / С. А. Козин. — Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1941. — 619 с.
9. *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм : избранные труды : (публикации 1928—1929 гг.) / Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Северо-Юг, 1992. — 318 с.
10. *Маадай-Кара* : алтайский героический эпос. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. — 474 с.
11. *Мадасон И. Н.* Аалин шэнэнэн бэетэй Абай Гэсэр / И. Н. Мадасон // ЦВРК ИМБТ. Ф. Мадасона И. Н., № 18. Оп. 1. Д. 68.
12. *Михайлов В. А.* Генеалогические легенды Тунки / В. А. Михайлов // Саяны : газета. — 1992. — № 199. — С. 3.
13. *Михайлов Г. И.* О времени возникновения былин монгольских народов / Г. И. Михайлов // Записки / Калмыцкий научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории. — Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 1962. — Выпуск 2. — С. 95—102.

14. *Неклюдов С. Ю.* Бодончар / С. Ю. Неклюдов // Мифы народов мира. — Москва : Советская энциклопедия, 1992. — Т. 2. — С. 181.

15. *Неклюдов С. Ю.* Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов / С. Ю. Неклюдов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. — Москва : Наука, 1988. — С. 78—84.

16. *Нимаев Д. Д.* О средневековых хори и баргутах / Д. Д. Нимаев // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск : Наука, 1993. — С. 144—166.

17. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии : дневник путешествия. Материалы этнографические / Г. Н. Потанин. — Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1883. — Выпуск 4. — 1029 с. : ил.

18. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Рашид-ад-дин. — Москва—Ленинград : Академия наук СССР, 1952. — Т. 1, Кн. 1. — 219 с.

19. *Суразаков С. С.* Из глубины веков / С. С. Суразаков. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1982. — 144 с.

20. *Халх ардын тууль.* — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1991. — 174 с.

21. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1960. — Т. 3. — 422 с.

22. *Цэрэнсодном Д.* Шилэн Галзуу баатар хүү гэдэг тууль / Д. Цэрэнсодном // Цог. — 1959. — № 4. — С. 95—104.

23. *Шаракшинова Н. О.* Героико-эпическая поэзия бурят / Н. О. Шаракшинова. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 1987. — 304 с.

MOTIVE OF PPARTHENOGENESIS: THE URANIAN FACTOR AND FOLKLORE TRADITION¹

© **Bair S. Dugarov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6885-7658, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies and Folklore Studies, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), khairkhan@mail.ru.

The motive of parthenogenesis associated with the significance of the uranian factor in the beliefs of the nomadic societies of Central Asia and in the ideological attitudes of the ruling elite is considered. It is noted that the seal of the celestial origin of the steppe rulers — from the Huns to the Turks and Mongols — acted as the guarantor of the legitimacy and sacralization of their supreme power. A comparative analysis of this phenomenon is carried out using the example of the legends about Tanshihai and Ambagan — the founders of the Xianbei and Khitan powers, as well as about Bodonchar — the ancestor of Genghis Khan. Special attention is paid to the solar myth about Alan-goa, the ancestor of the khan's clan Borjigin, as well

¹ The work was carried out within the framework of the state assignment (project XII.192.1.4. Myth and history in folklore and literature of the Buryats and Russian Siberians: universals and specifics, № АААА-А17-117021310268-2).

as the legend of the birth of Temujin with a wonderful sign of chosenness, which has analogies in the Turkic-Mongol epic legends. The novelty of the research is seen in the attraction for the analysis of oral genealogical myths of different times and the written version contained in the “Secret Legend of the Mongols” and also revealing folklore sources. It is stated that all these plots related to different eras and ethnic formations are typologically close to each other, united by a similar motive of parthenogenesis. It is concluded that this circumstance testifies to a single Tengrian dominant in the worldview and ethnocultural tradition of the nomads, which determined the relevance of the idea of the celestial genesis of the rulers of the Great Steppe and was reflected in folklore.

Key words: motive; folklore; genealogical legends; parthenogenesis; the cult of the sky; nomads.

REFERENCES

- Abay Geser Bogdo khaan* (1995). Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 521 p. (In Bur.).
- Banzarov, D. (1955). *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Moskva: Akademiya nauk SSSR. 476 p. (In Russ.).
- Bichurin, N. Ya. (1950). *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniyye vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 381 p. (In Russ.).
- E Long-li. (1979). *Istoriya gosudarstva kidaney* [History of the Khitan State]. Moskva: Nauka. Gl. redaktsiya vostochnoy literatury. 607 p. (In Russ.).
- Gumilev, L. N. (1970). «Taynaya» i «yavnaya» istoriya mongolov XII—XIII vv. [«Secret» and «explicit» history of the Mongols of the XII—XIII centuries]. In: *Tataro — mongoly v Azii i Evrope: sbornik statey* [Tatar-Mongols in Asia and Europe: a collection of articles]. Moskva: Nauka. 460—479. (In Russ.).
- Istoriya Erdeni-dzu* [The history of Erdeni-dzu]. (1999). Moskva: Vostochnaya literatura RAN. 254 p. (In Russ.).
- Khalkh ardyn tuul'* [Khalkh ardyn tuul]. (1991). Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn gazar. 174 p. (In Bur.).
- Khangelov, M. N. (1960). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 3. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izd-vo. 422 p. (In Russ.).
- Kozin, S. A. (1941). *Sokrovennoye skazaniye* [The hidden legend]. Moskva—Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 619 p. (In Russ.).
- Ksenofontov, G. V. (1992). *Shamanizm: izbrannyye trudy: (Publikatsii 1928—1929 gg.)* [Shamanism: selected works: (Publications 1928—1929)]. Yakutsk: Severo-Yug. 318 p. (In Russ.).
- Maaday-Kara: Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic] (1973). Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 474 p. (In Russ.).
- Madason, I. N. Aaliin sheneen beetey Abay Geser [Aaliyin sheneen beetei Abai Geser]. *TsVRR IMBT. F. Madasona I. N. № 18. Op. 1. D. 68* [Tsvrk IMBT, F. Madasona I. N., № 18, Op. 1. D. 68]. (In Bur.).
- Mikhaylov, G. I. (1962). O vremeni vznikhnoveniya bylin mongolskikh narodov [About the time of origin of the epics of the Mongolian people's]. *Zapiski / Kalmytskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii* [Notes / Kalmyk scientific research Institute of language, literature and history], 2. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izd-vo. 95—102. (In Russ.).

- Mikhaylov, V. A. (1992). Genealogicheskiye legendy Tunki [Genealogical legends of Tunka]. *Sayany: gazeta* [Sayany: gazeta], 199: 3. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1988). Ustnoye predaniye v stanovlenii istoricheskoy literatury mongolskikh narodov [Oral tradition in the formation of historical literature of the Mongolian peoples]. In: *Rol' folklor v razvitii literatur Yugo-Vostochnoy i Vostochnoy Azii* [The role of folklore in the development of literatures of South-East and East Asia]. Moskva: Nauka. 78—84. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1992). Bodonchar [Bodonchar]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world], 2. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 181. (In Russ.).
- Nimayev, D. D. (1993). O srednevekovykh khori i bargutakh [About medieval Khori and Barguts]. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 144—166. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1883). *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii: Dnevnik puteshestviya. Materialy etnograficheskkiye* [Essays of North-Western Mongolia: Travel diary. Ethnographic materials], 4. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i K°. 1029 p.: il. (In Russ.).
- Rashid-ad-din. (1952). *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles], 1 (1). Moskva—Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 219 p. (In Russ.).
- Sharakhshinova, N. O. (1987). *Geroiko-epicheskaya poeziya buryat* [Heroic-epic poetry of the Buryats]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet. 304 p. (In Russ.).
- Surazakov, S. S. (1982). *Iz glubiny vekov* [From the depths of centuries]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izd-va. 144 p. (In Russ.).
- Tserensodnom, D. (1959). Shilen Galzuu baatar khyy gedeg tuul' [Shilen Galzuu baatar huu gaded tuul]. *Tsog* [Tsog], 4: 95—104. (In Bur.).
- Viktorova, L. L. (1980). *Mongoly: Proiskhozhdeniye naroda i istoki kultury* [Mongols: The origin of the people and the origins of culture]. Moskva: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Ильченко Н. М. «Жизнь как страдание»: мотив мести в новелле Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер» и романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина» / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 121—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134.

Ichenko, N. M., Marinina Yu. A. (2021). “Life as Suffering”: the Motive of Revenge in the Novel by E. T. A. Hoffmann “The Marquis de la Pivardière” and the Novel by J. Janin “The Dead Donkey and the Guillotined Woman”. *Nauchnyi dialog*, 1: 121-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134. (In Russ.).

УДК 821.133.1Janin.07+821.112.2Hoffmann.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134

«ЖИЗНЬ КАК СТРАДАНИЕ»: МОТИВ МЕСТИ В НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «МАРКИЗА ДЕ ЛА ПИВАРДЬЕР» И РОМАНЕ Ж. ЖАЕНА «МЕРТВЫЙ ОСЕЛ И ГИЛЬОТИНИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА»

© **Ильченко Наталья Михайловна (2021)**, orcid.org/0000-0003-2541-5061, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижегород, Россия), ilchenko2005@mail.ru.

© **Маринина Юлия Анатольевна (2021)**, orcid.org/0000-0002-5996-8396, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижегород, Россия), umarinina@gmail.com.

Анализируется мотив мести на материале французского топоса, рассматриваемого как пространство преступления и наказания. Отмечается, что новеллу Э. Т. А. Гофмана и роман Ж. Жанена объединяет внимание к судьбе как понятию катастрофичному, вписанному в картину жизни Франции. Актуальность исследования связана с проблемами формирования национальной идентичности, национального образа романтиками Германии и Франции. Показано, что немецкий романтик, опиравшийся на фантазию как средство понимания и познания жизни, стал образцом для Ж. Жанена в восприятии «наблюдаемого материала». Особое внимание уделяется художественному воплощению жизни как «безобразной бездны», в которой оказываются героини Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена. Представлены результаты сопоставительного анализа новеллы, действие которой относится ко второй половине XVII века, но о нравах героев писатель рассуждает с точки зрения романтического канона, и романа, действие которого отнесено к концу 20-х годов XIX века. Новизна исследования связана с тем, что драма человеческого бытия (женского) рассматривается как результат хрупкости земного существования, потери веры в разумность мироздания. Такой подход позволил проанализировать национальные формы романтизма, индивидуальный подход Гофмана и Жанена к пониманию морального и греховного.

Ключевые слова: образ; пространство; мотив; фантазия; мечь; преступление; Париж; Гофман; Жанен.

1. Введение

По мнению П. Мейер, во французской литературе 1820-х годов «преобладали две основных темы: проституция как женское преступление и убийство (или дьявольское устремление) как мужское преступление» [Мейер, 2011, с. 147]. В романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина» («L'âne mort et la femme guillotinée», 1829, пер. 1831) присутствуют обе темы. В предисловии к циклу «Фантазий» (1832, пер. 1834) французский писатель разъясняет причину обращения современных писателей к подобным ситуациям: «Я знаю, что случай недостаточен <...> но <...> это не моя вина, вина обстоятельств, моды» [Жанен, 1834, с. 11—12]. Ж. Жанен называет Э. Т. А. Гофмана своим учителем: именно он открыл «опасный остров, покрытый тиной»; «он один занимается миром, воображает свои ужасные, несчастные, любовные и страдальческие повести» [Там же, с. 52]. Жанен одним из первых вводит понятие «гофманиана» в музыкальной и литературной критике [Neubauer, 2017, p. 95]. Немецкий романтик вызывает «восторг», потому что представляет не «материал для наблюдения», а, благодаря фантазии, «преображение» грустной картины жизни.

Тема преступления стала ведущей в двух «французских» новеллах Э. Т. А. Гофмана — «Девушка Скюдери» (Das Fräulein von Scuderi, 1818, пер. 1822) [Ильченко и др., 2019, с. 140—155] и «Маркиза де ла Пивардьер» (Die Marquise de la Pivardiere, 1820, пер. 1829). При работе над ними немецкий романтик опирался на книгу французского адвоката Гийо де Питавиля «Знаменитые и примечательные случаи из области права» (немецкий перевод 1782—1792 годов). Случай, взятый из судебной практики и положенный в основу сюжета «Маркизы де ла Пивардьер», писатель превратил в драматическое повествование о судьбе героини, которую обвиняют в смерти мужа.

В образе героини Ж. Жанена — Анриетте — соединяются женское преступление (проституция) и мужское (убийство). Оба произведения, новелла Гофмана и роман Жанена, созданные в пределах одного десятилетия, объединяет мотив мести.

2. Париж как источник ужасного

Роман «Мёртвый осел и гильотинированная женщина» представляет собой своеобразный эксперимент — автор соединяет в нем мотивы и образы, актуальные для французской литературы того времени: в нем очевидно влияние романа воспитания и готического романа, физиологического очерка и

романа-исповеди. Он стал манифестом «неистой школы», или «школы разочарования», как назвал ее Оноре де Бальзак. В основе эстетики «неистой школы» лежит концепция изображения ужасного в обыденном. Появление этой концепции критики связывают именно с романом Жюль Жанена: «Оригинальность Жанена сказалась в том, что он практически первый перенес действие “черного” романа вместе с характерными атрибутами “готики” из средневековых замков в современный Париж <...> Париж предстает в особом ракурсе: городская живодерня, морг, больница, игорные притоны, дом терпимости, публичная казнь, кладбище, анатомический театр» [Брахман, 2010, с. 228]. Б. Г. Реизов отмечает: «Роман Жанена был защитой современной темы и разоблачением современности. Он утверждал, что современность возможна в искусстве лишь потому, что она отвратительна» [Реизов, 1977, с. 64].

В романе Ж. Жанена источником ужасного становится город: «Я один знал, что погубило её: соседство с Парижем, который ежедневно выбрасывает в окрестные деревни свои нечистоты, свои пороки. Париж — растлитель всех невинных душ. Париж, под чьим дыханием увядают все розы, оскверняется всякая красота. Париж, этот ненасытный распутник!» [Жанен, 2010, с. 151—152].

Франция и ее столица после массовых казней эпохи революции, многочисленных уголовных процессов, насилия воспринималась как «земля преступлений».

В экспозиции гофмановской новеллы тоже говорится о Париже, об «ужасном убийстве» в Булонском лесу: человек простого звания несколькими ударами ножа убил наскучившую ему невесту. «Весь Париж» обсуждает злодеяние преступника по имени Барре, но в обществе княгини д'Эгуйон убеждены, что причина в «пренебрежении просвещением и религией» среди простых людей [Гофман, 2009, с. 352]. Эмоциональное напряжение постепенно нарастает, и граф Сент-Эрмин сообщает о преступлении хорошо известной всем представительнице высшего сословия — маркизы де ла Пивардьер, якобы убившей в сговоре со своим духовником Шаро мужа. Это — завязка повествования, далее история преступления и наказания излагается в аналитической манере.

Литературе XIX века свойственна мифологизация образа города, формирование городского мифа. Анриетта Ж. Жанена в данном контексте — часть городского мифа, как и гофмановский персонаж, совершивший убийство в Булонском лесу. Можно говорить о мифологизации уже в начале романа «Мертвый осел и гильотнированная женщина»: образ осла напоминает об античном культе Приапа, божества, олицетворявшего похоть (с этим и соотнесена жизнь героини) [Мифы народов мира, 2008,

с. 764]. С другой стороны, с образом осла и его принесением в жертву связана пародия на евангельские сюжеты и образ Христа, также являющегося воплощением умирающего и воскресающего бога [Мейер, 2011, с. 166]. Ж. Жанен использует и прием двойничества: двойниками становятся Анриетта и герой-рассказчик: «Боженькой» его называет мальчишка-попрошайка [Жанен, 2010, с. 83].

Действие и описание в романе Жанена отнесены к реальности, за исключением эпизода «Медицинская вечеринка», показывающего процесс воскрешения трупа молодого англичанина с помощью «модного» месмеризма («во Франции (около 1820 г.), стали плодиться магнетизеры и общества по изучению магнетизма; в 1829 году, судя по некоторым свидетельствам, удалось осуществить безболезненное удаление опухоли под гипнозом» [Барт, 1989, с. 439]). По косвенным указаниям читатель может предполагать, что действие романа происходит в 1829 году (автор упоминает обсуждение государственного бюджета 1828 года, выход «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго в феврале 1829 года).

Действие новеллы Э. Т. А. Гофмана происходит во второй половине XVII века. Гофман основательно изучил литературу о Франции, Париже, хотя «фантазия увлекает воображаемое за пределы интеллектуального представления» [Ле Гофф, 2001, с. 6].

Непосредственное действие новеллы относится к 80-м годам XVII века (упоминается «разразившаяся война» 1688 года): к этому времени маркизе около сорока лет. Однако о нравах своих героев, живших в отдаленную эпоху, Гофман рассуждает с точки зрения романтического канона, что подтверждает мнение: «Каждый поет голосом своего этапа культурного развития» [Эйзенштейн, 1964, с. 127]. Гофман — не исключение: образ маркизы-преступницы выписан им в традициях романтической эстетики.

3. Тема преступления в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена

Париж Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена — это не блистательная столица Франции, а город преступлений.

Франсуаза Маргарита Шовлен была воспитана отцом, который стремился избавить дочь от «слабости женского ума». Ее он видел в «сладкой любовной мечтательности, доказывая, что любовь — “чуждое чувство”» [Гофман, 1930, с. 306]. В результате мадемуазель де Шовлен, милая, умная, обаятельная, образованная, остроумная, «божество светских кружков» Парижа, не могла никого полюбить: «Перед глазами ее внезапно вставало дурное пугало влюбленной женщины, которым напугал ее отец, и ужас перед этим страшилищем убивал чувство любви в самом зародыше» [Гофман,

1930, с. 307]. Она поздно вышла замуж, а ее избранником оказался человек, который по своему отношению к жизни напоминал ей отца. «Маркиз де ла Пивардьер был среди поклонников Франсуазы тем, кто, казалось бы, меньше всего мог рассчитывать на ее руку» [Гофман, 2009, с. 359]: невидной наружности, недалекий, промотавший состояние, сухой и холодный человек. Взгляд на брак как практическое дело сделал жизнь супругов спокойной, «если можно так назвать полное равнодушие друг к другу» [Там же, с. 360].

Аналитическая манера изложения меняется перед описанием происшествия, перевернувшего жизнь маркизы. Прогулка по саду и звон колоколов вдруг заставляют ее размышлять о том, что «она не смогла разобраться в жизни, когда та еще окружала ее зелеными, цветущими ветвями» [Там же, с. 361]. Маркиза осознает, что «не воспользовалась жизнью в цветущую пору» [Гофман, 1930, с. 313]. Грусть, странная боль, слезы «выбились» ее из привычной жизненной колеи. Нейтральная манера повествования меняется, когда автор начинает использовать сравнения: торжественно загудевший колокол настраивает маркизу на воспоминания, и «прошедшее встает перед ней, как греза» [Гофман, 2009, с. 361]. Встреча с новым священником аббатства Мизере разрушила ее привычную, целенаправленно выстраиваемую жизнь. Она узнала в нем юношу, взгляд которого двадцать лет назад «пронзил <...> душу, как пылающий кинжал <...> мне кажется, будто я должна упасть замертво, но такая смерть — высший, блаженнейший небесный восторг» [Там же, с. 357]. Маркиза понимает теперь, что лишена возможного счастья, которое осталось для нее «неизведанным». Отец внушил ей мысль о любви как «злом начале» [Там же, с. 356]. Когда шестнадцатилетняя Франсуаза впервые испытала восторг после встречи с Шаро, она восприняла это состояние как «злое, безумное начало» [Там же, с. 358], отец ее уверил в том, что «злое начало <...> подрывает силу человеческого духа» [Там же, с. 356]. Поэтому девушка сделала все, чтобы «победить судьбу, или, вернее, злое начало» [Там же, с. 358].

С описанием взаимоотношений Франсуазы и отца связан мотив тайны: Шевалье де Шовлен разгадал тайну дочери, которая при второй встрече с Шаро испытывает «страшную власть» любви и теряет сознание; о тайне же отца маркиза узнала от Шаро-священника. Оказывается, молодой человек написал письмо Франсуазе, чтобы узнать о «злом роке», вызвавшем ее отвращение, и быстро получил ответное «с самыми горькими насмешками» — его автором был отец Франсуазы. Тайну дочери Шевалье де Шовлен доверил маркизу де ла Пивардьер.

Маркиза определяет свой поступок юности как преступление — «убийство юноши», убийство любви. Преступление совершает и ее муж,

выдавший себя за судейского чиновника Буше и затеявший любовную интригу с дочкой содержателя трактира в Оксерре. Не случайно по отношению к нему — преступнику — используются сравнения из языческой и христианской мифологии, связанные с небесным наказанием: «Маркиза поразило как молния имя исповедника»; «Маркиз был, как громом поражен <...> когда он убедился, что маркиза осведомлена о его преступной связи» [Там же, с. 367, 369].

Кульминация новеллы приходится на День Вознесения (Успения) Богородицы — престольный праздник Нербоннской капеллы. Этот праздник, связанный со взятием на небеса после Успения Девы Марии, имеет символическое значение и своеобразно проецируется на судьбу героев. Ночью бесследно исчезает маркиз, и в его убийстве обвиняют маркизу и духовника Шаро, состоявших, как утверждает молва, в «преступной связи». Находятся и веские доказательства убийства: свидетельства служанок, слуги Ибера, даже девятилетней дочери маркизы. Подтверждение своей правоты судьи услышали в странных диалогах маркизы и священника во время очной ставки. Шаро, успокаивая маркизу, говорит: «Небо обрекло нас на тяжкое испытание <...> Разве вы не так же безвинны, как и я?». «Нет, нет! — громко закричала маркиза, — нет, я умираю виноватой ... Вы правы: мирская кара найдет преступницу!» [Там же, с. 374].

В романе «Мертвый осел и гильотинированная женщина» Ж. Жанен использует прием кольцевой композиции, показывая нравственное падение Анриетты: «Этот человек, первый, кто воспользовался ее положением проститутки, был тот самый, кто воспользовался ее невинностью!» [Жанен, 2010, с. 149—150]. Кольцевая композиция прослеживается и в истории встреч Анриетты с рассказчиком: он знакомится с ней во время мимолетной встречи в Ванва, когда видит ее верхом на Шарло, последняя «встреча» — похороны тела Анриетты на кладбище Кламар и его последующее исчезновение. И во время первой встречи, и во время последней Анриетта ускользает от рассказчика. Здесь можно увидеть трансформацию мифологического образа умирающего и воскресающего бога.

Преступление Анриетты — убийство ею своего соблазнителя — воспринимается рассказчиком как «единственный мужественный поступок несчастной девушки» [Там же, с. 147]. Информация об убийстве Анриеттой своего соблазнителя, мотивы ее поступка даются читателю в интерпретации рассказчика. Ему кажется, что героиня в момент роковой встречи «сосем уже была близка к безумию», а в момент убийства — «сразу вспомнила все оскорбления, все злосчастия <...>; она убила его спящего, убила одним ударом, словно по внезапному внушению» [Там же, с. 149; 150]. В образе со-

блзнизателя Жанен показывает типичного представителя парижского общества, для героини он становится персонификацией зла, причиненного ей и мужчинами, и Парижем. Преступление Анриетты — действие, совершенное в порыве страсти, после чего героиня чувствует себя опустошенной: «Ибо гнев накатывался на нее лишь временами, страсть — озарениями, ибо все было в ней мертво — сердце, разум, душа» [Там же, с. 150].

Виновниками своей испорченной жизни гофмановская героиня считает отца и мужа. Теперь отец для нее — «воплощение злого начала», а не житейской мудрости, именно он лишил «ее величайшего счастья» [Там же, с. 364], а муж «был избран завершить то, что начал ее отец, то есть разрушить счастье ее жизни» [Гофман, 1930, с. 318]. Оба они — носители злой силы, злого начала, злого рока. «Вся ее неудавшаяся жизнь показалась ей мрачной, безрадостной могилой, в которую она была безвыходно погребена» [Гофман, 2009, с. 364]. Жизнь — могила, жизнь — «безобразная бездна» [Гофман, 1930, с. 316], жизнь — страдание.

4. «Мирская кара» в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена

Мотив мести — наказание, «мирская кара» — проводится Гофманом через все повествование. Княгиня д' Эгуйон, узнавшая тайну Франсуазы и предложившая найти Шаро после смерти ее отца, была удивлена отказом и предупредила, что «час сознания своей ошибки может прийти слишком поздно, и это может повлечь за собой гибель Фрасуазы» [Там же, с. 311]. Во время тайной исповеди духовник (в котором она еще не узнала Шаро) ей говорит, что «ее все же может постигнуть мщение мирского закона» [Там же, с. 313]. В конце новеллы, когда мнимый убитый возвращается и маркизу с Шаро освобождают, она говорит, что «умерла бы заслуженно, искупая своей смертью тяжкий проступок» [Там же, с. 322]; «ее осудили бы не безвинно, но смертью она заплатила бы за свое преступление» [Гофман, 2009, с. 378]. Под «тяжким проступком», «преступлением» маркиза подразумевает любовь — сначала к юноше Шаро, потом к духовнику Шаро — посланцу Небес: «эта любовь, лишь эта любовь и была моим преступлением» [Там же, с. 379].

Зло связано с противоборством в душе Франсуазы: «Ваше лицо побледнело, ваши волосы поседели, и все же это вы, да, вы — тот самый юноша, которого я когда-то увидела у княгини д' Эгуйон, который пробудил в моей душе смертельный восторг, страстную муку того чувства, которое навсегда останется мне чуждым» [Там же, с. 362].

Если Шаро воспринимает несостоявшуюся любовь как испытание, посланное Небесами, а разрушенное «земное счастье» как путь к святости,

«которая здесь на земле уже открывает небесное блаженство» [Там же, с. 364], то маркиза ждет «мирского мщения», уверена, что должна быть наказана. Мотив мести как ведущий по отношению к героине комментируется Шаро: он «уверял в трогательных выражениях, что маркиза так же невиновна, как и он, и что если она чувствует себя виновной в других отношениях, то это относится к проступку, не подлежащему мирским законам» [Гофман, 1930, с. 326].

Развязка новеллы — уход маркизы в монастырь — доказательство, что человек может противостоять злу, но «победить земные скорби» с помощью просветленного Небом Шаро она не смогла. Мотив мести, таким образом, соотносится Э. Т. А. Гофманом с самой героиней, рассматривающей себя как преступницу, которой отомстила судьба, сделав неспособной почувствовать счастье.

«Мёртвый осел» строится как роман-фельетон, предлагая читателю отдельные эпизоды, связанные между собой только образом рассказчика и общей темой — нравственного падения и неотвратимой смерти.

В основе повествования лежит прием ретроспекции: герой-рассказчик вспоминает об истории знакомства с девушкой в Ванва — случае, который произошел два года назад. Далее рассказчик вспоминает наиболее яркие эпизоды встреч с Анриеттой, давая читателю точки на карте Парижа, по которым можно было бы проследить путь её нравственного падения. Автор знакомит читателя с больницей Капуцины, приютами Сальпетриер, Грязи, проводит через морг и дом терпимости, пока, наконец, не оказывается в темнице Сальпетриер, на Гревской площади и кладбище Кламар.

Исследователи отмечают, что «в романе, в сущности, отсутствует единое драматическое действие и психологически разработанные характеры. <...> все герои романа скорее романтические символы или своего рода “ампулы”, которые указывают на жизненные обстоятельства, судьбы, душевное состояние, порождённые эпохой и зафиксированные в литературе» [Брахман, 2010, с. 233].

Символически судьба Анриетты отражается в судьбе ослика Шарло, со встречи с которым начинается повествование и гибель которого вызывает в памяти героя мысли об Анриетте. Шарло гибнет для развлечения героя — затравленный собаками на заставе Комба. В момент знакомства герой видит Шарло и Анриетту в окрестностях Парижа: «Я увидел молодую девушку верхом на осле, который нёс её во всю прыть. О, чарующее зрелище! Никогда в жизни я его не забуду» [Жанен, 2010, с. 24]. Идиллическая картинка рисует образ юной пастушки с осликом, на его шее — колокольчик, девушка осыпает его морду поцелуями. Однако чуть позже герой

видит «неуклюжего крестьянина, здоровенного мужика, который плелся за гадким ослом, навьюченным корзинами с навозом» [Там же, с. 29]. Таким образом, автор использует прием контраста, готовя читателя к стремительным и резким переменам, которые произойдут в жизни героини, из невинности и чистоты попавшей в грязь парижского общества: «Жанен показывает путь Анриетты: предместье Парижа — богатые кварталы города — больница — тюрьма — приют — эшафот. Это движение от невинности, беспечности и счастья через падение и утрату невинности к страданиям, преступлению и смерти, путь, подобный движению по кругам ада. Этот путь символизирует человеческие страдания, страдания плоти, обусловленные нравственным падением. Финал — смерть — избавление от страданий. Причиной смерти становится месть героини, ее желание защитить свою честь и наказать человека, ставшего причиной страданий» [Маринина, 2013, с. 54]. Финал романа — исчезновение тела Анриетты — хотя и объясняется прозаически (похищением для медицинской школы), все же сохраняет ощущение чуда. Кроме того, рассказчик связывает девушку с творчеством: «Ах, несчастный, разве не желал ты отвоевать ее также и у нового искусства твоей страны?» [Жанен, 2010, с. 210]. Это говорит о трансформации образа возлюбленной в категорию вечного существования через произведение искусства.

5. Рецепция новеллы Э. Т. А. Гофмана и романа Ж. Жанена в России 30-х годов XIX века

Восприятие французской литературы в России 30-х годов XIX века связано во многом с представлением о низложении общественной нравственности во Франции и осуждении современной французской литературы. Так, А. С. Пушкин в письме к М. П. Погодину (сентябрь 1832) говорит об «отвратительной подлости нынешней французской литературы ... Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею Францию)» [Пушкин, 1981, т. X, с. 74]. В. А. Жуковский в письме к А. С. Струдзе (май 1835) дает свою оценку литературы Франции: «Дерзкий материализм в ней царствует. Читая новые французские романы <...> пугаешься не их содержания, а самих авторов. По моему мнению, безнравственность книги заключается менее в самой книге, нежели в том, какую веру предполагаешь в авторе» [Жуковский, 1985, с. 237]. Среди писателей, равнодушных к добру и злу, Жуковский называет Ж. Жанена. О Франции как несчастной стране, писатели которой постоянно показывают сцены жестокости и бесстыдства, постоянно публикуются статьи в журнале О. И. Сенковского «Библиотека для чтения».

Однако в письме А. С. Пушкина княгине В. Ф. Вяземской (апрель 1830) читаем: «Вы правы, находя, что “Осел” прелестен. Это одно из самых замечательных сочинений настоящего времени» [Пушкин, 1981, т. IX, с. 365]. «Замыслив в 1832 году написать обозрение французской прозы, Пушкин в наброске плана (дальше чего дело, к сожалению, не пошло) выводит на первые места все три вышедших на тот момент романа Жанена: “Барнав” (“Bagrave”, 1831), “Исповедь” (“La Confession”, 1830), “Мертвый осел и гильотинированная женщина” (“L’âne mort et la femme guillotinée”, 1829). Лишь вслед за ними идут имена и произведения Гюго, Эжена Сю, Бальзака и Мюссе» [Криницкий, 1996, с.37]; «Жанен был так популярен в России в 1830-е годы, что Гоголь дал своему другу Анненкову прозвище “Жюль”. Виноградов, Томашевский и Макашин считают, что “Мёртвый осел” лёг в основу русского романа ужасов, равно как французские критики считают Жанена основоположником неистовой школы» [Мейер, 2011, с. 153]; «фигура Жанена, так же как и Гюго, казалась критике середины 1830-х гг. если не легендарной, то знаковой» [Дроздов, 2013, с. 64].

Судьба новелл Э. Т. А. Гофмана, связанных с Францией как «землей преступлений», тоже заслуживает внимания. Первой переведенной в 1822 году на русский язык гофмановской новеллой стала «парижская» «Девушка Скюдери», рассказывающая о ювелире-преступнике, убивающем своих заказчиков. Новелла «Маркиза де ла Пивардьер» была переведена в 1829 году и под названием «Белое привидение» опубликована в 1830 году. Одним из ведущих в этом переводе оказывается мотив призрака, хотя в тексте оригинала он не имеет значения [Hoffmann, 1983, bd.8, s. 46]. Русские читатели этого времени были увлечены бытующим в немецкоязычных странах преданием о белой даме [Ильченко, 2015, с. 89—98]. Дух якобы убитого маркиза стал появляться в разных местах «в виде белого привидения» [Белое привидение. Повесть Гофмана, 1830, с. 68]. Судейский чиновник Бонетт, более других стремившийся найти следы преступления и обнаружить около замка зарытое тело маркиза, поплатился за свое усердие. Однажды он был найден без сознания недалеко от замка. Неизвестный переводчик 30-х годов XIX века (возможно, Н. А. Полевой) намеренно подчеркивает важную функцию в повествовании мотива, связанного с «белым привидением». В эпизоде с Бонеттом этот образ упоминается пять раз: «говорили, что дух Маркиза, в виде белого привидения, появляется в разных местах»; «первое слово его было: “Где белое привидение?”»; «вдруг явился перед ним Маркиз в длинном белом одеянии»; «он трепетал, беспрестанно ждал к себе белого привидения»; «каковы бы ни были обстоятельства появления белого привидения, но Бонетт не мог

оправиться, опасно занемог и умер почти в сумасшествии» [Там же]. Таким образом, русский переводчик стремился сосредоточить внимание читателей на таинственной атмосфере происходящих событий, а не на «ужасах нравственных».

6. Вывод

Несовершенное преступление маркизы де ла Пивардьер (она — не убийца своего мужа) и совершенное — Анриетты — стали своеобразным «двигателем сюжета» в новелле Э. Т. А. Гофмана и в романе Ж. Жанена. Гофмановская героиня восприняла свою безрадостную жизнь как наказание за горе, причиненное влюбленному юноше, как кару, поскольку стала жертвой отцовского воспитания. На первом плане у Э. Т. А. Гофмана нравственный аспект «преступления», месть, которую героиня направляет на себя. В романе Ж. Жанена рассказчик считает месть Анриетты оправданной, а наказание за нее — казнь — слишком жестоким. Если маркиза выносит приговор себе, то Анриетта — своим обидчикам. Немецкий и французский романтики представили свое понимание морального и греховного через художественное воплощение драматической судьбы женщины.

Источники

1. *Белое привидение*. Повесть Гофмана // Повести и литературные отрывки : ч. 1—6. — Москва : Унив. Тип, 1830. — С. 5—91.
2. *Гофман Э. Т. А.* Маркиза де-ля Пивардьер / перевод с немецкого ; под общей редакцией З. А. Вершининой / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений. Том VI. Принцесса Брамбилла. Каприччио во вкусе Калло. Рассказы. — Москва : Издательское товарищество «НЕДРА», 1930. — С. 304—332.
3. *Гофман Э. Т. А.* Маркиза де ла Пивардьер / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений : в 8 тт. — Москва : ТЕРРА, 2009. — Т. 3. — С. 352—379. — ISBN 978-5-275-02209-4.
4. *Жанен Ж.* Мертвый осёл и гильотинированная женщина / Ж. Жанен. — Санкт-Петербург : Азбука классика, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9985-0911-7.
5. *Жанен Ж.* Предисловие / Ж. Жанен // Фантазии / перевод с французского. — Санкт-Петербург : типография К. Вингебера, 1834. — Ч. I. — С. 1—92.
6. *Hoffmann E. T. A.* Die Marquise de la Pivardiere / E. T. A. Hoffmann // Gesammelte Werke in Einzelausgaben. — Aufbau-Verlag : Letzte Erzählungen. Kleine Prose. Nachlese, 1983. — Bd. 8. — Pp. 23—58.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Брахман С. Р.* «Неистовый» насмешник / С. Р. Брахман // Жанен Ж. Мёртвый осёл и гильотинированная женщина. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — С. 211—242. — ISBN 978-5-9985-0911-7.

3. Дроздов Н. А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. А. Дроздов. — Санкт-Петербург : РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом), 2013. — 230 с.
4. Жуковский В. А. Письмо А. С. Струдзе / В. А. Жуковский // В. А. Жуковский — критик. — Москва : Советская Россия, 1985. — С. 337—238.
5. Ильченко Н. М. Образ Белой Дамы в интерпретации русских романтиков / Н. М. Ильченко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2015. — № 30. — С. 89—98.
6. Ильченко Н. М. Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 140—155. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-7-140-155.
7. Криницын А. Б. Пушкин и Жюль Жанен / А. Б. Криницын // Российский литературоведческий журнал. — 1996. — № 8. — С. 37—48.
8. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого : перевод с французского / Ж. Ле Гофф. — Москва : «Прогресс», 2001. — 440 с. — ISBN 5-01-004673-3.
9. Маринина Ю. А. Жюль Жанен и Шарль Бодлер : точки пересечения / Ю. А. Маринина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 12—2. — С. 52—55.
10. Мейер П. Русские читают французов. Лермонтов, Достоевский, Толстой и французская литература / П. Мейер. — Москва : Три квадрата, 2011. — 336 с. — ISBN 978-5-94607-151-3.
11. Мифы народов мира [Электронное издание] / под ред. С. А. Токарева. — Москва, 2008 (Москва : Советская энциклопедия, 1980). — 1147 с. — Режим доступа : <https://ru.pdfdrive.com/Мифы-народов-мира-e187974494.html> (дата обращения 23.08.2020).
12. Пушкин А. С. Письмо В. Ф. Вяземской / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. — Москва : Правда, 1981. — Т. IX. — 448 с.
13. Пушкин А. С. Письмо М. П. Погодину / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. — Москва : Правда, 1981. — Т. X. — 447 с.
14. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века / Б. Г. Реизов. — Москва : Высшая школа, 1977. — 313 с.
15. Эйзенштейн С. Неравнодушная природа / С. Эйзенштейн // Избранные произведения : в 6 тт. / глав. ред. С. И. Юткевич, сост. П. М. Аташева, Н. И. Клейман, Л. К. Козлов. — Москва : Искусство, 1964. — Т. 3. — 670 с.
16. Neubauer J. The Persistence of Voice : Instrumental Music and Romantic Orality / J. Neubauer. — Brill, 2017. — 284 p. — ISBN 90-0434335-0.

**“LIFE AS SUFFERING”: THE MOTIVE OF REVENGE IN THE NOVEL
BY E. T. A. HOFFMANN “THE MARQUIS DE LA PIVARDIÈRE” AND THE NOVEL
BY J. JANIN “THE DEAD DONKEY AND THE GUILLOTINED WOMAN”**

© Natalia M. Ilchenko (2021), orcid.org/0000-0003-2541-5061, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Federal State Budgetary Educational Insti-

tution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), ilchenko2005@mail.ru.

© **Yulia A. Marinina (2021)**, orcid.org/0000-0002-5996-8396, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), umarinina@gmail.com.

The motive of revenge is analyzed on the basis of the French topos, considered as a space of crime and punishment. It is noted that the novel by E. T. A. Hoffmann and the novel by J. Janin are united by attention to fate as a catastrophic concept inscribed in the picture of life in France. The relevance of the study is associated with the problems of the formation of national identity, national image by romantics of Germany and France. It is shown that the German romantic, who relied on fantasy as a means of understanding and cognizing life, became a model for J. Janin in the perception of “observed material”. Special attention is paid to the artistic embodiment of life as an “ugly abyss” in which the heroines of E. T. A. Hoffmann and J. Janin find themselves. The results of a comparative analysis of the novel, the action of which belongs to the second half of the 17th century are presented in the article. But the writer discusses the morals of the heroes from the point of view of the romantic canon, and the novel, the action of which is attributed to the end of the 20s of the 19th century. The novelty of the research is connected with the fact that the drama of human existence (female) is viewed as a result of the fragility of earthly existence, the loss of faith in the rationality of the universe. This approach made it possible to analyze the national forms of romanticism, the individual approach of Hoffmann and Janin to understanding the moral and the sinful.

Key words: image; space; motive; fantasy; revenge; a crime; Paris; Hoffmann; Janin.

MATERIAL RESOURCES

- Beloye privedeniye. Povest' Gofmana [The white ghost. Hoffmann's Tale]. (1830). In: *Povesti i literaturnyye otryvki* [Stories and literary excerpts], 1—6. Moskva: Univ. Tip. 5—91. (In Russ.).
- Gofman, E. T. A. (1930). Markiza de-lya Pivarder [Marquise de la Pivardiere]. In: *Sobraniye sochineniy. Printsessa Brambilla. Kaprichchio vo vkuse Kallo. Rasskazy* [Collected works. Princess Brambilla. Capriccio in the taste of Callo. Stories], VI. Moskva: Izdatelskoye tovarishchestvo «NEDRA». 304—332. (In Russ.).
- Gofman, E. T. A. (2009). Markiza de la Pivarder [Marquise de la Pivardiere]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 8 (3). Moskva: TERRA. 352—379. ISBN 978-5-275-02209-4. (In Russ.).
- Hoffmann, E. T. A. (1983). Die Marquise de la Pivardiere. In: *Gesammelte Werke in Einzelausgaben*, 8. Aufbau-Verlag. Letzte Erzählungen. Kleine Prose. Nachlese. 23—58. (In Germ.).
- Zhanen, Zh. (1834). Predislovie [Preface]. *Fantazii* [Fantasy], I. Sankt-Peterburg: tipografiya K. Vingebera. 1—92. (In Russ.).
- Zhanen, Zh. (2010). *Mertvyy osel i gilotinirovannaya zhenshchina* [The dead donkey and the guillotined woman]. Sankt-Peterburg: Azbuka klassika. 256 p. ISBN 978-5-9985-0911-7. (In Russ.).

REFERENCES

- Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. 616 p. (In Russ.).

- Brakhman, S. R. (2010). «“Neistovyy” nasmeshnik» [“Violent” heir]. In: Zhanen, Zh. *Mertvyy osel i gilotinirovannaya zhenshchina* [Zhanen, Zh. A dead donkey and a guillotined woman]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 211—242. (In Russ.).
- Drozdo, N. A. (2013). *Frantsuzskaya «neistovaya slovesnost’» v russkoy retseptsii 1830-kh godov*. Author’s abstract of PhD Diss. [French “violent literature” in the Russian reception of the 1830s. Author’s abstract of PhD Diss.]. Sankt-Peterburg: RAN; Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). 230 p. (In Russ.).
- Eyzenshteyn, S. (1964). Neravnodushnaya priroda [At the same time, the Olkhovsky village of Eisenstein was abolished]. In: *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], 6 (3). Moskva: Iskusstvo. 670 p. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M. (2015). Obraz Beloy Damy v interpretatsii russkikh romantikov [The image of a White Lady in the interpretation of Russian Romantics]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov], 30: 89—98. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M., Marinina, Yu. A. (2019). Paris as Real and Fantastic Space in Depiction of E. T. A. Hoffmann and Ch. Baudelaire. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 7. 140—155. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-140-155. (In Russ.).
- Krinitstyn, A. B. (1996). Pushkin i Zhyul’ Zhanen [Pushkin and Jules Janin]. *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal* [Russian Literary Journal], 8: 37—48. (In Russ.).
- Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovyy mir voobrazhayemogo* [The Medieval world of the Imaginary]. Moskva: «Progress». 440 p. ISBN 5-01-004673-3. (In Russ.).
- Marinina, Yu. A. (2013). Zhyul’ Zhanen i Sharl’ Bodler: tochki peresecheniya [Jules Janin and Charles Baudelaire: points of intersection]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 12—2: 52—55. (In Russ.).
- Meyer, P. (2011). *Russkiye chitayut frantsuzov. Lermontov, Dostoyevskiy, Tolstoy i frantsuzskaya literatura* [Russians read in French. Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy and French Literature]. Moskva: Tri kvadrata. 336 p. ISBN 978-5-94607-151-3. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). (2008). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moskva. 1147 p. Available at: <https://ru.pdfdrive.com/Мифы-народов-мира-e187974494.html> (accessed 23.08.2020). (In Russ.).
- Neubauer, J. (2017). *The Persistence of Voice: Instrumental Music and Romantic Orality*. Brill. 284 p. ISBN 90-0434335-0.
- Pushkin, A. S. (1981). Pismo V. F. Vyazemskoy [This Letter by F. Vyazemsky]. In: *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh* [Collected works in ten volumes], IX. Moskva: Pravda. 448 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1981). Pismo M. P. Pogodinu [Letter to M. P. Pogodin]. In: *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh* [Collected works in ten volumes], X. Moskva: Pravda. 447 p. (In Russ.).
- Reizov, B. G. (1977). *Frantsuzskiy roman XIX veka* [French novel of the XIX century]. Moskva: Vysshaya shkola. 313 p. (In Russ.).
- Zhukovskiy, V. A. (1985). Pismo A. S. Strudze [Letter to A. S. Strudze]. In: *V. A. Zhukovskiy — kritik* [V. A. Zhukovsky — critic]. Moskva: Sovetskaya Rossiya. 337—238. (In Russ.).

Корякина А. Ф. Сходства и отличия якутского олонхо и бурятского улигера : сюжетный состав и мотивы / А. Ф. Корякина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 135—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151.

Koryakina, A. F. (2021). Similarities and Differences between the Yakut Olonkho and the Buryat Uliger: Plot Composition and Motives. *Nauchnyi dialog, 1*: 135-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151. (In Russ.).

УДК398.2(=512.1)+82-13

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО И БУРЯТСКОГО УЛИГЕРА: СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И МОТИВЫ

© Корякина Антонина Федоровна (2021), orcid.org/0000-0002-6965-0699, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), aitalilen@mail.ru.

Статья посвящена выявлению типологических сходств и различий эпических сюжетов и мотивов в текстах якутского олонхо и бурятского улигера. Актуальность заявленной проблематики обусловлена целью получения дополнительных материалов в подтверждение результатов ранее проведенных изысканий по установлению генетических истоков и типологических связей эпического творчества якутского и бурятского народов. Выполнен краткий обзор трудов отечественных фольклористов, разработавших теорию сравнительного изучения эпосов народов мира; якутских эпосоведов, рассмотревших в своих трудах исторические и типологические связи якутского олонхо с эпосами саяно-алтайских, монголо-бурятских народов; бурятских ученых, обращающихся в своих исследованиях к процессам историко-культурных взаимовлияний эпического наследия якутов и монголо-бурят. Используются научные методы типологического, структурно-сравнительного и текстологического анализа. Установлена схожесть сюжетов и сюжетных мотивов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и улигера «Абай Гэсэр Могучий» М. Имегенова, которая обусловлена принципами типологической повторяемости в фольклорном творчестве и культурно-историческими контактами якутского и бурятского народов на разных этапах развития прототюрко-монгольских народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: якутское олонхо; бурятский улигер; сюжет; мотивы; типологические сходства; особенности.

1. Введение

Историко-сравнительное изучение якутского олонхо началось только в середине XX века. В трудах исследователей описана общая картина древнейших связей, в основном между носителями якутского эпоса и алтае-саянских тюркских этносов. Сегодня проблема сравнительного изучения эпосов нуждается в дальнейшей разработке, главным образом, с точки зре-

ния углубления исследований по установлению характерных для тюрко-монгольских народов общих типологических и исторических закономерностей. В связи с этим в статье проводится сравнительное исследование текстов якутского олонхо и бурятского улигера с целью выявления в них типологических сходств и особенностей эпических сюжетов и мотивов. Исследование осуществлялось посредством комплексного подхода, предполагающего использование методов типологического, структурно-сравнительного и текстологического анализа текстов олонхо и бурятского улигера. Результаты работы могут быть использованы в фольклористике для определения типологических связей и историко-культурных взаимовлияний эпосов якутов и бурят для осмысления общей проблемы происхождения и путей развития их эпического наследия.

Теоретико-методологической основой исследования являются положения, определяющие подходы к изучению фольклора, разработанные классиками отечественного эпосоведения, а именно: выводы В. Я. Проппа о повторяемости, об устойчивости структуры фольклорных творений, о методах изучения части фольклорного произведения в целях получения общих, типовых заключений; принципы изучения В. М. Жирмунским художественной структуры эпоса, которые привели его к доказательству типологических сходств между произведениями героического эпоса у разных народов; работы Е. М. Мелетинского о явлении типологической повторяемости в фольклоре; рекомендации Б. Н. Путилова по вопросам методологии сравнительно-исторического изучения фольклора; фундаментальные труды И. В. Пухова по сравнительному изучению героического эпоса саяно-алтайских и тюрко-монгольских народов.

По мнению И. В. Пухова, из племен, составлявших бурятский народ, на путях передвижения якутов жили эхирит-булагаты, с которыми у якутов могли быть наиболее близкие и длительные связи. О близости времени появления эпосов этих народов он пишет: «И якутские олонхо, и “Гэсэр” по содержанию и времени происхождения относятся к периоду позднеродового строя» [Пухов, 2003, с. 76]. Поэтому из различных версий бурятского героического эпоса для сравнения с олонхо И. В. Пухов остановился на эхирит-булагатской версии эпоса «Гэсэр». Среди многочисленных произведений обоих народов героические эпосы о Нюргун Боотуре и Гэсэре, наиболее прочно утвердившись в репертуарах сказителей, стали уникальными образцами эпической традиции якутов и бурят. В связи с этим в качестве источниковой базы исследования нами выбраны образцовые тексты эпического наследия олонхосута К. Оросина о Нюргун Боотуре и улигершина М. Имегенова о Гэсэре.

2. Степень изученности проблемы

Специалисты, изучавшие происхождение якутского народа, часто отмечали монгольское напластование в его этнокультуре и языке. Осуществлялись разные интерпретации при объяснении феномена якутско-бурятских связей, получивших отражение в эпических произведениях обоих народов.

Генетические и типологические связи эпических традиций тюрко-монгольских народов выявлены известными учеными-фольклористами В. Я. Проппом [Пропп, 1998], Е. М. Мелетинским [Мелетинский, 1963, 1986], В. М. Жирмунским [Жирмунский, 1960, 1962], Б. Н. Путиловым [Путилов, 1972, 1976, 1994, 1997], В. М. Гацаком [Гацак, 1975], С. С. Суразаковым [Суразаков, 1985]. В якутской фольклористике над данной проблемой начали работу П. А. Ойунский [Ойунский, 1962], Г. У. Эргис [Эргис, 1974], И. В. Пухов [Пухов, 1975, 2003, 2004, 2004, 2013] и др. В бурятском эпосоведении проблема раскрыта в трудах Е. О. Хундаевой [Хундаева, 1999], А. Н. Дамбаевой [Дамбаева, 2012], Л. Ц. Санжеевой [Санжеева, 2011], Б. Б. Цыбеновой [Цыбенова, 2000] и др.

В. Я. Пропп на примере сказочного материала показал возможности применения типологических методов при анализе образцов народного устного творчества, доказал наличие принципов повторности и закономерности, характерных для фольклорного творчества, расширив таким образом возможности метода сравнительного изучения в фольклоре [Пропп, 1998].

В. М. Жирмунский через исследование древнейших элементов в эпосе тюрко-монголоязычных народов установил архаический характер большинства эпических памятников данных этносов Сибири. Сходство между произведениями героического эпоса у разных народов он обнаружил в их художественной структуре, охватывающей «жанровую структуру и ее эволюцию, особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, постоянными “украшающими” эпитетами или сравнениями» [Жирмунский, 1962, с. 5].

В. М. Гацак в исторической типологии начальным стадийным рядом называет героико-архаический эпос, «разновидности которого — якутские олонхо, бурятские улигеры, алтайские сказания, руны “Калевалы”, “Нарты”, “Амирани” и др. Они далеко не одинаковы, но их объединяет и отличает от последующих памятников связь с идеалами родового, догосударственного периода, тема борьбы с враждебными силами природы» [Гацак, 1975, с. 4].

На необходимость сравнительного изучения эпосов указал Б. Н. Путилов: «историческое изучение фольклора <...> невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа, <...> без выявления

и изучения фактов повторяемости, в конечном счете — без установления общих закономерностей и общих особенностей» [Путилов, 1976, с. 3]. Исследователь определил обусловленность общих особенностей эпических произведений либо историко-генетическими связями «родства по происхождению», либо историко-типологическими причинами, возникшими в результате «сходных условий общественного развития», либо культурными контактами по «влиянию», «заимствованию» [Там же].

Е. М. Мелетинский объяснил явление возникновения сходности в фольклоре народов, проходивших самостоятельный путь развития, процессами типологической повторяемости. Исследователь, изучив древнейший тип героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, выявил сходство некоторых мотивов и раскрыл их культурно-историческое единство [Мелетинский, 1994].

Таким образом, классиками фольклористики заложены теоретические основы сравнительного изучения эпического произведения. Ими поставлена задача необходимости проведения подобных исследований применительно к любому жанру устного народного творчества, доказаны эффективность, широкие возможности и большая перспектива такого подхода.

Проводя сравнительное исследование эпоса народов, «родственных по происхождению, но в незапамятные времена расселившихся по разным местам и начавших жизнь вдали друг от друга, в соседстве с другими народами», И. В. Пухов считал правомочным искать ответы на вопросы: «Были ли у них общий эпос, когда они жили на своей древней прародине? Что сохранилось от их общего древнего эпического творчества? В чем разошлись пути их творчества, что создали они нового и что восприняли от других народов?» [Пухов, 2004, с. 50]. Он выявил сходство идеи и тематики, сюжета и композиции, некоторую стилевую близость и образное сходство главных героев, героинь, врагов-чудовищ. Схожесть в изображении врагов богатыря в виде чудовищ в якутском и бурятском эпосах привели И. В. Пухова к выводу о том, что «бурятские улигеры и особенно якутские олонхо в изображении врага сохранили более древние черты, чем эпос алтайцев, хакасов и тувинцев», у которых в силу сложных исторических условий «образ враждебного и агрессивного хана стал более актуальным, чем древнейший образ чудовища, и заслонил его» [Пухов, 1975, с. 97]. Выявленные сходства якутского олонхо и тюрко-монгольских эпосов ученый объясняет, во-первых, общностью происхождения и культуры создавших их народов, их территориальной близостью в период создания героического эпоса, во-вторых, сходством форм общественного развития: «Первое обстоятельство привело к генетической общности, а второе — к типологическому сход-

ству эпоса» [Пухов, 2004, с. 85]. Вместе с параллелями ученый обнаружил значительные различия, особенно в стиле (краткость вступительных описаний страны, жилища, усадьбы героя, богатыря в «Гэсэре» и т. д. по сравнению с их описаниями в олонхо). Труды И. В. Пухова послужили отправной точкой для многих научных изысканий по сравнительному изучению эпических памятников.

А. П. Окладников, констатируя, что «оформление олонхо протекало в условиях тесных историко-культурных связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами», утверждает, что образ чудесной страны «известен и в бурятских улигерах (эпических сказаниях)» [Окладников, 2013, с. 20].

Общие черты в якутском олонхо и бурятском эпосах отметил и Г. У. Эргис. По его утверждению, бурятские «улигеры» (или «онтохо») и монголо-ойратские «гули» наиболее близки к олонхо своей насыщенностью сказочными мифологическими элементами, композицией, а также отдельными эпическими мотивами и формулами [Эргис, 1974].

Итак, в научных работах якутских исследователей рассматриваются генетические и типологические связи якутского эпоса с эпическим наследием тюрко-монгольских и саяно-алтайских народов, данные изыскания нуждаются в дополнительных подтверждающих фактах для окончательных выводов.

В трудах первых исследователей бурятского сказительства А. И. Уланова, Г. Д. Санжеева, Н. О. Шаракшиновой, М. П. Хомонова, С. Ш. Чагдурова, М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова и др. изучены традиции и особенности, происхождение и развитие бурятского эпоса, вопросы религии и мифологии, получившие в нем отражение. Классификация улигеров с разделением на эхирит-булагатские, унгинские и хоринские впервые составлена А. И. Улановым [Уланов, 1975]. По его предположению, исторически известное племя хори сыграло большую роль в этногенезе бурят и в то же время, по-видимому, приняло известное участие в этногенезе якутов. По этому поводу И. В. Пухов отметил: «В случае подтверждения этой гипотезы курыканы оказались бы общим предком части бурят и якутов, что в свою очередь немаловажно для подтверждения общности истоков древнего творчества этих народов» [Пухов, 2003, с. 77].

В трудах исследователей нового поколения бурятского эпосоведения: Е. Н. Кузьминой, Б. С. Дугарова, Э. А. Уланова, Л. С. Дампиловой, Р. С. Дылыковой, С. А. Ошоровой, Б. Б. Цыбеновой и др. — представлен комплексный анализ эпической поэтики в отношении сюжетных мотивов, композиционной последовательности, языка и стиля, образной системы.

Бурятскими фольклористами проведены и сравнительные исследования бурятского улигера с эпосами других народов. Б. Я. Владимирцов одним из первых отметил генетическую общность бурятского, монгольского, ойратского и калмыцкого эпосов и в то же время их существенное различие в типологическом плане, выделяя архаичность, первобытность бурятских улигеров [Владимирцов, 1923, с. 77]. В свете нашей работы вызывает интерес сопоставительный анализ текста эпосов «Гэсэр» и «Джангар» Б. Б. Цыбеновой [Цыбенова, 1999]. Л. Ц. Санжеева, рассматривая общности и различия бурятской, монгольской и тибетской версий Гэсэриады, находит следы взаимодействия разных племен Прибайкалья в древнем ядре эпоса бурят, калмыков, монголов, алтайцев, хакасов, якутов, тувинцев [Санжеева, 2011]. А. Н. Дамбаева отмечает в эпосах центральной Азии и Южной Сибири распространенность аналогичных сюжетов, мотивов, образов, что объясняет законами типологических схождения, основанных на общности образа жизни, идеалов [Дамбаева, 2012, 5/5, с. 73—74].

Обзор научной литературы по разным проблемам бурятской Гэсэриады показывает, что в трудах фольклористов исследованы вопросы истории, культуры и эстетики, языка и поэтики, лексики и стилистики эпического наследия бурят. Отмечается, что поэтическая уникальность, своеобразие стиля бурятского эпоса создаются за счет особенностей композиции изображаемых эпических событий, образной системы сказания, структуры улигерного стиха и напева, а также исторически сложившихся исполнительских традиций. Однако в связи с недостаточностью специальных разработок по сравнительному изучению эпического наследия якутского и бурятского народов очевидна необходимость дальнейших специальных исследований.

3. Героические эпосы о богатырях Нюргун Боотуре и Гэсэре: история бытования, записи

Существующий в многочисленных вариантах якутский героический эпос о богатыре Нюргун Боотур восхищает грандиозностью содержания, колоссальной фантазией, глубиной философии, точностью отражения быта, традиций якутского народа, самобытностью изложения, богатством и красотой языка.

В 1895 году знаток старины и якутского фольклора К. Г. Оросин по поручению Э. К. Пекарского произвел самозапись вошедшего в его репертуар широко распространенного на территории нынешнего Таттинского улуса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». По преданиям, данное олонхо в старину исполнял легендарный олонхосут Кээмпэс. Сказание

впоследствии перенято Бабыат Макаровым. Постепенно «Нюргун Боотур Стремительный» стал популярным, в разных вариантах исполнялся многими известными таттинскими олонхосутами. Текст К. Г. Оросина привлекает исследователей тем, что он в своей записи смог сохранить особенности якутского памятника устного народного творчества с его богатством содержания, своеобразием стиля, красотой поэтического языка [ЭО]. Впервые олонхо К. Г. Оросина было опубликовано в первом выпуске первого тома «Образцов народной литературы якутов» Э. К. Пекарского в 1907 году в Санкт Петербурге. Затем в 1947 году Якутским книжным издательством олонхо было переиздано в редакции Г. У. Эргиса с его переводом на русский язык и комментариями. Олонхо переведено на французский и турецкий языки. В настоящее время опера-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» ставится на сцене Государственного театра оперы и балета им. Суорун Омоллона.

Крупнейший бурятский героический эпос «Гэсэр» — уникальный памятник эпического творчества бурят. Он получил развитие в эхирит-булагатской эпической традиции и украшал репертуар лучших исполнителей улигера: М. Именгонова, П. Петрова, П. Тушемилова, П. Дмитриева, А. Васильева, Б. Жатухаева, А. Тороева, П. Степанова и др. Ученые усматривают наиболее архаические элементы эпоса в версии «Гэсэра» от Маншута Именгонова, который строго придерживался установившихся исполнительских традиций. В этой связи от него в 1906 году известный собиратель-фольклорист Ц. Ж. Жамцарано записал «Абай Гэсэр Могучий». Ц. Ж. Жамцарано записал «Абай Гэсэр хүбүүн» и опубликовал его на бурятском языке. В 1960 году А. И. Уланов опубликовал этот текст под названием «Абай Гэсэр» на бурятском и русском языках. В 1995 году это издание было переработано и переиздано на языке оригинала с переводом на русский язык А. Б. Соктоева, с комментарием Д. А. Бурчиной, со статьями М. И. Тулохонова и Д. С. Дугарова. Данный улигер получил название «Абай Гэсэр Могучий», вошёл в серию «Эпос народов Евразии», издаваемую Институтом мировой литературы РАН им. А. М. Горького.

4. Сюжетный состав якутского олонхо и бурятского улигера

В зачине «Нюргун Боотура Стремительного» красочным языком ведется описание прекрасной, благодатной земли богатыря: «Эта местность, как пуп земли, / прочно в полном расцвете утвердилась / и, как самое великолепное средоточие мира, / В полной и пышной красе установилась» [НБС.]. На эту прекрасную изначальную мать-землю по велению Юрюнг Аар тойона спущены дети старца Айынга Сизэр тойона, Айыы Нюрагал-

дынь матушки Нюргун Боотур и Айталы Куо. Их назначение заключается в том, «чтоб завести несметное богатство, / расстелить широкое изобилие, / чтоб установить неисчерпаемо-обильное тюсюлгэ» и «делать колыбели рождаемым детям, / строить изгороди для разводимого скота, / стать прародителями людей-якутов» [Там же]. Кроме того, «когда настанет день, когда <...> ненасытные обжоры южных племен, / отборные из леших чудовищ / станут обижать и притеснять / (людей) племени айбы, / (народ) улуса солнца», Нюргун Боотур «должен защитить и оградить их» [Там же].

Зачин бурятского эпоса «Абай Гэсэр Могучий» близок к зачину якутского олонхо: он начинается с описания скандала из-за того, что Сэгэ Сэбдэг-тэнгрий завладел срединным миром. Участниками этого противостояния являются западные небожители во главе с Хан Хормуста-тэнгрием и восточные во главе с Атай Улан-тэнгрием. Каждый из них видит себя достойным хозяином этой благодатной земли. На землю по велению тэнгриев с миссией предотвратить истребление людей чудовищами-мангадхаями послан будущий богатырь Гэсэр [АГМ].

Зачины показывают представление якутского и бурятского народов об их зависимости от отношения к ним божеств. Указывается на значительную древность описываемых событий: в олонхо всевышние населили изначальную среднюю мать-землю племенем айбы. В улигере герои живут в далеком прошлом — в «пору великого совершенства», в пору героических дел и тяжелых испытаний. Схожи истории появления Нюргун Боотура и Гэсэра в Среднем мире (они спущены небожителями из Верхнего мира) и их миссии (защита соплеменников от нападений представителей других миров — чудовищ).

В завязке основного сюжета якутского олонхо воспевается желание Нюргун Боотура состязаться с тридцатью девятью племенами Улуу тойона, Хара Суорун тойона. Узнав от небесного вестника о похищении сестры Айталы Куо богатырем абаасы Тимир Ыйыста Хара, Нюргун Боотур мчится за похитителем. С этого момента он — защитник племени айбы. Богатырь убивает богатыря абаасы и освобождает сестру: «Богатырь племени айбы вытащил смертоносный длинный меч и, широко размахнувшись, одним могучим ударом отрубил толстую шею трехглавого змия. Похищенная женщина пала вниз, Нюргун на лету поймал её» [НБС].

В завязке бурятского улигера рожденный уродцем будущий богатырь Гэсэр растет «не по дням, а по часам». Еще не окрепший Гэсэр, чтобы не выдать своего настоящего облика врагам, способен принимать невзрачный внешний вид. Будучи младенцем, Гэсэр обезвреживает четырех оборотней — дюжих парней.

Приключения юных богатырей, ниспосланных божествами на землю, начинаются с их сказочного возмужания и понимания ими своей миссии, этот мотив сближает эпосы с точки зрения идейного содержания.

Развитие событий в олонхо состоит из сюжетных линий, описывающих боевые приключения Нюргун Боотура. Каждая сюжетная линия имеет свою стройную композицию: завязку, развитие сюжета, кульминацию и развязку. Завязками трёх первых линий становится похищение богатырями абаасы девушек айыы: Айталы Куо, Туйаарыму Куо, Ючюгэй Юкэйдээн, — а в четвертом — пленение богатыря айыы Айыы Джурагастай. По сюжету Нюргун Боотур четыре раза вступает в страшную битву с богатырями абаасы Тимир Ыйыста Хара, Тимир Джэсиэнтэй, Уот Усу-таакы, Алып Хара. В описании уничтожения врагов каждое из этих сражений достигает своего *кульминационного пика*. В *развязках* богатыри возвращаются в страну освобожденных девушек и богатырей. В честь освободителя устраивают праздник с благословением. По окончании одной линии с боевым приключением Нюргун Боотура начинается новая линия, в которой его приключения продолжают. В *развязке основного сюжета* устанавливается мир. Богатыри устраивают свою личную жизнь, теперь их долг — приумножать «род человеческий». Небожитель Айыы Джурагастай возвращается со своей женой на небо. Айыы Умсуур, простившись с братьями, тоже навеки улетает на небо. Кузнец Кыдай Бахсы куёт дом для Нюргун Боотура и Кыыс Нюргуна. Они начинают жить в довольстве и становятся родоначальниками якутов. Все эпизоды неразделимо связаны с основным сюжетом описания героических приключений Нюргун Боотура Стремительного [НБС].

В улигере события развиваются тоже в сюжетных линиях, внутренне связанных между собой. В составе одной повествовательной линии действия выстраиваются в определенном порядке и играют роль самостоятельных структурных элементов. В них воспеваются героические сражения Гэсэра со своими злейшими врагами и победа над ними. Среди поверженных врагов богатыря — ворон и комар с костяным хоботом, тринадцатиголовый асурайский, семидесятисемиголовый, стовосьмиголовый, шестидесятисемиголовый мангадхай, рыжая долговязая баба, старуха-мангадхайка, митурайские мангадхайки, девяносто бешеных волков. Появляется *сюжетная линия, повествующая о рождении сына Гэсэра*. Появление на свет Ошор Богдо празднуется всеми «подвластными людьми». Младенца нарекают именем «Белобородый старец», в его честь устраивается специальная охота, названная «первой добычей Ошора Богдо». В другой линии идет повествование о сватовстве Гэсэра на Гагурай Ногон, до-

чери Галта Улан тэнгрия. Отец невесты устраивает испытание для Гэсэра, во время которого богатырь погибает. Его воскрешают с помощью живой воды три дочери птицы Ханхан Хэрдиг (Гаруды). Галта Улан-тэнгри устраивает свадебный пир. При отъезде на родину жениха по древнему обряду родственники одаривают невесту подарками. Приехав домой, Гэсэр строит огромный дворец для земной жены Санхан Гохон и сына Ошор Богдо.

Еще одна сюжетная линия воспевае победу Гэсэра и его старшего брата Дашин Шохора над великаном Галхан Нурман-ханом. Красочные описания стремительной погони с многократными превращениями ее участников в разных существ в основном сюжете — это *кульминация* драматического действия в улигере. В *развязке* Гэсэр возвращается в свой земной дом к жене Санхан Гохон и сыну, навещает своих земных родителей. Вместе с Гэсэром ликует весь эпический мир. Со словами: «Мне же пора отправляться [обратно на небо]» и с чувством исполненного долга богатырь возвращается на небо. Последние слова Гэсэра означают, что все миссии на земле выполнены им: все враги повержены, на земле установилась мирная счастливая жизнь («хорошее время пришло — колчан и стрелы убрали, спокойное время вернулось — лук и стрелы убрали»), и жизнь богатыря продолжается в сыне Ошор Богдо [АГМ].

Таким образом, в основных сюжетах олонхо и улигера воспеваются героические походы богатырей Нюргун Боотура Стремительного и Абай Гэсэра Могучего. Внутри этих основных сюжетов выстраиваются самостоятельные, связанные звенья, которые дополняют, обогащают содержание эпосов. Все сюжетные звенья объединены общими героями: действия в них не происходят без участия Нюргун Боотура Стремительного и Гэсэра Могучего, другие персонажи являются или сторонниками богатырей, или их врагами.

5. Мотивы якутского олонхо и бурятского улигера

Олонхо и улигер богаты каноническими для эпической традиции мотивами, которые передавались от одного поколения к другому. Сказители, импровизируя, могли вносить их в свой вариант или пропускать. Об этом писал Б. Н. Путилов: «Фольклорная сюжетика живет непрерывной творческой работой, совершающейся внутри традиции, в том числе традиции, связанной с фондом мотивов» [Путилов, 1994, с. 184].

В анализируемом материале обнаружено сохранение традиционных эпических мотивов. *Мотив помощи сестер-шаманок*. Обессилевшим богатырям приходят на помощь их сестры-шаманки: к Тимир Ыйыста Хара — Ытык Хахайдаан, к Нюргун Боотуру — Айыы Умсуур. В облике стерха Айыы Ум-

суур удаган снабжает брата волшебным кнутом, который при необходимости может превращаться в меч. *Мотив сватовства*. Богатыри, кроме выполнения миссии защиты соплеменников, должны «стать прародителями людей». Нюргун Боотур соединяет судьбу с предназначенной ему в жены девушкой — богатырем Кыыс Нюргун. Гэсэр сватается и женится два раза: на земной женщине Санхан Гохон и небесной — Гагурай Ногон. *Мотив друга-коня*. Кони Нюргун Боотуру и Гэсэру были предназначены сверху, они приходят на помощь хозяевам во всех тяжелых ситуациях. В олонхо и улигере одинаково с любовью запрягают своих коней богатыри: «Положил он, / Путник с каймою из шелка / На лошадь свою голубую, / Что с телом <длинной> в девяносто шагов; / А сверху накинуд тохой — серебряное седло. / “Хорошая конская сбруя / Подходит к коню!” — промолвил» [АГБ]; «С поводом, <связанным> / Из цепкой нити / Восточного неба, / С обротью, <связанной> / Из <летающих> вереницей / Вихревых облаков, / С застежными ремнями / Из восьмислойного / Божественного украшения» [НБС]. *Мотив испытания*. Нюргун проходит через испытание нареченной невесты Кыыс Нюргун. Она, испытав его в борьбе, убеждается в недюжинной его силе и соглашается выйти за него замуж. Мотив испытания имеется и в «Гэсэре»: его устраивает Гэсэру отец небесной невесты Гагурай Ногона. *Сказочные мотивы*. Аналогичны чудесные превращения героев в разные существа в олонхо и улигере.

Вместе с тем в эпосах наблюдаются и пропуски некоторых традиционных мотивов. Например, в олонхо имеются мотивы, которые отсутствуют в бурятском эпосе. *Мотив очищения*. После битвы с богатырем абаасы Нюргун Боотур купается в озере Мертвая вода, приняв облик железной щуки. Во время купания едва не разбивается о подводные скалы и едва не растворяется в смертоносной воде. Выдержав все испытания, Нюргун Боотур очищается от нечисти, грязи и становится бессмертным. *Мотив неузнанных братьев*. Прибыв после долгой отлучки в родные края, Нюргун и Туйаарыма застают молодого человека, который хозяйничает в их усадьбе как у себя дома. Возмущенный Нюргун сваливает дерзкого парня на землю и начинает бить его. Поверженный богатырь говорит о том, что он брат Нюргун Боотура, Юрюнг Уолан и что по указанию всевышних он сторожит усадьбу брата. Братья мирятся.

В мотивном составе улигера есть мотив измены, который отсутствует в олонхо. Небесная жена Гэсэра по имени Гагурай Ногон помогает старухе-мангадхайке превратить Гэсэра в светло-рыжего коня. Возвращает ему прежний облик его земная жена Санхан Гохон. Один из дружинников богатыря Агсагалдай с помощью могучего мангадхая пытается занять место Гэсэра.

Имеющийся в обоих эпосах мотив расправы с врагами дается по-разному. Если Нюргун Боотур своего врага без пощады сразу отправляет на тот свет, то Гэсэр не лишает врага жизни при первом столкновении, только повторные нападения мангадхаев кончаются их гибелью. Так девяносто бешеных волков семидесятисемиголового даньяльского мангадхая Гэсэр отпускает на свободу, а тринадцатиголового асурайского мангадхая Гэсэр защемляет в стволе лиственницы. Однозубую и одноглазую мангадхайку разносит в клочья хангайской стрелой. Многоголовых чудовищ и старух-мангадхаек, митурайских мангадхаев богатырь спускает в глубокую яму и заваливает камнем, что означает окончательную победу Гэсэра над оживающими вновь и вновь чудовищами.

Пропуски некоторых мотивов, ставших каноническими в эпической традиции тюрко-монгольских народов, никоим образом не нарушают логики повествования, они обусловлены способностью каждого сказителя свободно варьировать текст.

6. Заключение

Сравнительное изучение сюжетного состава олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и улигера «Абай Гэсэр Могучий» М. Имегенова показало, что эпосы имеют схожие сюжеты, раскрывающие защиту богатырями-героями представителей своего племени от чудовищ чужого мира. Общий основной сюжет предположительно сохранился как древнее сюжетное ядро. При сохранении одного сюжетного ядра сказители способом внесения дополнительных звеньев, авторских элементов, перестановок, исключений создавали неповторимые свои варианты эпического текста. Данное заключение является подтверждением вывода И. В. Пухова: «Жизнь героя описывается как цепь подвигов, совершаемых им для установления счастливой жизни на земле. Отдельные звенья этой цепи и составляют различные эпизоды олонхо. Отдельные эпизоды и вставные рассказы получают законченный вид только в цепи всех событий олонхо, вследствие чего они не распадаются на самостоятельные бессвязные рассказы» [Пухов, 2013, с. 16].

В заключение можно высказать предположение о возможности первоначального бытования этих звеньев в виде небольших самостоятельных сказаний, вошедших впоследствии в состав крупных эпических произведений, обогащая, украшая их сюжетный состав. Так, народными певцами из многих разных сказаний создавались неисчерпаемые по содержанию, многослойные по жанровому составу грандиозные героические эпосы.

При сравнительном анализе якутского олонхо и бурятского улигера выявлена близость сюжетного состава и мотивов этих произведений эпи-

ческого творчества, что можно объяснить культурно-историческими контактами якутского и бурятского народов на разных этапах развития прототюрко-монгольских народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири. Выводы исследования подтверждают результаты ранее проведенных изысканий по выявлению типологических и исторических связей эпического наследия тюрко-монгольских народов.

Источники и принятые сокращения

1. АГМ — *Абай* Гэсэр Могучий. Бурятский героический / вариант М. Именогова. — Москва : Восточная литература, РАН, 1995. — 526 с.
2. НБС — *Нюргун Боотур Стремительный*. Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина; ред., пер., коммент. и вступ. ст. Г. У. Эргиса. — Якутск : Якут. кн. изд-во, 1947. — 410 с.
3. ЭО — *Энциклопедия Олонхо* — Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Научно-исследовательский институт Олонхо. — Якутск, 2017. (Рукопись).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирцов Б. Л.* Монгольско-ойратский героический эпос / Б. Л. Владимирцов. — Санкт-Петербург-Москва : Гос. изд-во, 1923. — 120 с.
2. *Гацак В. М.* Типология народного эпоса / В. М. Гацак. — Москва : Наука, 1975. — 326 с.
3. *Дамбаева А. Н.* Героический эпос народов Центральной Азии и Южной Сибири / А. Н. Дамбаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2012. — Выпуск 5. — С. 73—74.
4. *Дамтилова Л. С.* Гэсэриада в современной поэзии / Л. С. Дамбаева // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии (Материалы и тезисы международной научной конференции). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. — С. 108—109.
5. *Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 335 с.
6. *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос, государственное издательство художественной литературы / В. М. Жирмунский. — Москва-Ленинград : Государственное Издательство художественной литературы, 1962. — 435 с.
7. *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири : эксперим. изд. / Е. Н. Кузьмина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 1383 с. — ISBN 5-7692-0794-9.
8. *Мелетинский М. Е.* О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири / М. Е. Мелетинский // Проблемы сравнительной филологии : сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 426—443.
9. *Мелетинский М. Е.* Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники / М. Е. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 1963. — 464 с.
10. *Мелетинский Е. М.* Народный эпос / Е. М. Мелетинский // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962—1965. — Т. 3. — 463 с.

11. *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1986. — 320 с.
12. *Окладников А. П.* Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом / А. П. Окладников. — Якутск : Сайдам, 2013. — 63 с.
13. *Окладников А. П.* История Якутской АССР / А. П. Окладников // Якутия до присоединения к Русскому государству. — Москва-Ленинград : Академия наук СССР, 1955. — Т. 1. — 432 с.
14. *Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Собрание сочинений в 7 т. / П. А. Ойунский. — Якутск : Кн. изд-во, 1962. — Т. 7. — С. 215—220.
15. *Пропп В. Я.* Морфология. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 511 с.
16. *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, 1976. — 124 с.
17. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 235 с.
18. *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство : Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. — Москва : Восточная литература, 1997. — 295 с.
19. *Путилов Б. Н.* Эпос народов Сибири и его историческая типология / Б. Н. Путилов // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск : Российская Академия наук, 1972. — 274 с.
20. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири / И. В. Пухов // Типология народного эпоса. — Москва : Наука, 1975. — С. 56—63.
21. *Пухов И.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия / И. Пухов // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) / АН РС(Я). Институт гуманитарных исследований. — Якутск, 2003. — С. 84—141.
22. *Пухов И. В.* Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН. Якут. фил., 2004. — 328 с. — ISBN 5-8176-0052-8.
23. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос — олонхо. Публикация, перевод, теория, типология : Избранные статьи / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН, Якут, фил., 2004. — 207 с. — ISBN 5-8176-0053-6.
24. *Пухов И. В.* Олонхо — древний эпос якутов / И. В. Пухов. — Якутск : Сайдам, 2013. — 48 с.
25. *Санжеева Л. Ц.* Историко-этнические связи бурятской Гэсэриады / Л. Ц. Санжеева // Вестник бурятского гоуниверситета. — 2011. — № 8. — С. 98—102.
26. *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос Текст / С. С. Суразаков. — Москва : Наука, 1985. — 255 с.
27. *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят / А. И. Уланов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1957. — 171 с.
28. *Уланов А. И.* Древний фольклор бурят / А. И. Уланов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. — 176 с.
29. *Уланов Э. А.* Эпос «Гэсэр» как древнейшая эпическая картина мира / Э. А. Уланов // Вестник Бурятского университета. Серия 6 : Филология. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. — С. 10—16.
30. *Хундаева Е. О.* Бурятский эпос о Гэсэре : символы и традиции / Е. О. Хундаева. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. — 95 с.

31. Цыбенова Б. Б. «Гэсэр» и «Джангар» как вершины эпического ; творчества монгольских народов / Б. Б. Цыбенова // Немцы и Сибирь : История. Современность : Материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. — С. 31—35.

32. Эргис Г. У. Очерки якутского фольклора / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 402 с.

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE YAKUT OLONKHO AND THE BURYAT ULIGER: PLOT COMPOSITION AND MOTIVES

© Antonina F. Koryakina (2021), orcid.org/0000-0002-6965-0699, PhD in Pedagogics, Senior Researcher, Olonkho studies sector of the Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), aitalilen@mail.ru.

The article is devoted to the identification of typological similarities and differences in epic plots and motives in the texts of the Yakut olonkho and the Buryat uliger. The relevance of the stated problem is due to the purpose of obtaining additional materials to confirm the results of earlier studies on establishing the genetic origins and typological connections of the epic creativity of the Yakut and Buryat peoples. A brief review of the study of the problem in the works of domestic folklorists, who developed the theory of the comparative study of the peoples of the world epics; Yakut epic scholars, who considered in their works the historical and typological connections of the Yakut olonkho with the epics of the Sayan-Altai, Mongol-Buryat peoples; Buryat scientists who turn in their research to the processes of historical and cultural mutual influences of the epic heritage of the Yakuts and Mongol-Buryats. Scientific methods of typological, structural-comparative and textological analysis are used. The similarity of the plots and plot motives of the olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by K. Orosin and the uliger "Abai Geser Mighty" by M. Imegenov, which is due to the principles of typological repetition in folklore and cultural and historical contacts of the Yakut and Buryat peoples at different stages of development of the Proto-Turkic peoples inhabiting the territory of Central Asia and South Siberia.

Key words: Yakut olonkho; Buryat uliger; plot; motives; typological similarities; features.

MATERIAL RESOURCES

AGM — *Abai Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy* [Abai Geser the Mighty. The Buryat heroic]. (1995). Moskva: Vostochnaya literatura. RAN. 526 p. (In Russ.).

EO — *Entsiklopediya Olonkho — Severo-vostochnyy federalnyy universitet im. M. K. Ammosova. Nauchno-issledovatel'skiy institut Olonkho* [North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Olonkho Research Institute]. (2017). Yakutsk. (Rukopis'). (In Russ.).

NBS — *Nyurgun Bootur Stremitelnyy. Yakutskoye olonkho* [Nyurgun Bootur the Swift. Yakut. olonkho]. (1947). Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo. 410 p. (In Russ.).

REFERENCES

Dambayeva, A. N. (2012). Geroicheskiy epos narodov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri [Heroic epic of the peoples of Central Asia and Southern Siberia]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 5. Tambov: Gramota. 73—74. (In Russ.).

- Dampilova, L. S. (1995). Geseriada v sovremennoy poezii [Geseriada v sovremennoy poezii]. In: *Geseriada — dukhovnoye naslediyе narodov Tsentralnoy Azii (Materialy i tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii)* [Geseriada—the spiritual heritage of the peoples of Central Asia (Materials and theses of the international scientific conference)]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 108—109. (In Russ.).
- Ergis, G. U. (1974). *Ocherki yakutskogo folklora* [Essays of Yakut folklore]. Moskva: Nauka. 402 p. (In Russ.).
- Gatsak, V. M. (1975). *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the folk epic]. Moskva: Nauka. 326 p. (In Russ.).
- Khundayeva, E. O. (1999). *Buryatskiy epos o Gesere: simvolы i traditsii* [Buryat epic about Gesar: symbols and traditions]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 95 p. (In Russ.).
- Kuzmina, E. N. (2005). *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri: Eksperim. izd.* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia: Experim. ed.]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 1383 p. ISBN 5-7692-0794-9. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1962—1965). Narodnyy epos [Narodnyy epos]. *Teoriya literatury*. In: *Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii. Rody i zhanry literatury* [Theory of literature. The main problems in historical coverage. Genera and genres of literature], 3. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 463 p. (In Russ.).
- Meletinskiy, M. E. (1963). *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa: ranniye formy i arkhaiskiye pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moskva: Vostochnaya literature. 464 p. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1986). *Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moskva: Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). Istoriya Yakutskoy ASSR [History of the Yakut ASSR]. *Yakutiya do prisoyedineniya k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state], 1. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 432 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (2013). *Yakutskiy epos (olonkho) i yego svyaz' s yugom* [Yakut epic (olonkho) and its connection with the South]. Yakutsk: Saydam. 63 p. (In Russ.).
- Oyunskiy, P. A. (1962). *Yakutskaya skazka (olonkho), yeye syuzhet i sodержaniye. Sobraniye sochineniy* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content. A collection of essays], 7 (7). Yakutsk: Kn. izd-vo. 215—220. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Morfologiya. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Morphology. Historical roots of a fairy tale]. Moskva: Labirint. 511 p. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1975). Geroicheskiy epos tyurko-mongolskikh narodov Sibiri [Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia]. In: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the national epic]. Moskva: Nauka. 56—63. (In Russ.).
- Pukhov, I. (2003). Geroicheskiy epos tyurko-mongolskikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichiya [Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Generality, similarities, differences]. In: *Epos olonkho i epicheskaya poeziya sakha (yakutov). AN RS(Ya). Institut gumanitarnykh issledovaniy* [Epos olonkho and epic poetry of Sakha (Yakut). AN RS(Ya). Institute for Humanitarian Studies]. Yakutsk. 84—141. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). *Geroicheskiy epos altaye-sayanskikh narodov i yakutskiyе olonkho* [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN. Yakut. fil. 328 p. ISBN 5-8176-0052-8. (In Russ.).

- Pukhov, I. V. (2004). *Yakutskiy geroicheskiy epos — olonkho. Publikatsiya, perevod, teoriya, tipologiya: Izbrannyye statyi* [Yakut heroic epic-olonkho. Publication, translation, theory, typology: Selected articles]. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN, Yakut. fil. 207 p. ISBN 5-8176-0053-6. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2013). *Olonkho — drevniy epos yakutov* [Olonkho—the ancient epic of the Yakuts]. Yakutsk: Saydam. 48 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1976). *Metodologiya sravnitelno-istoricheskogo izucheniya folklore* [Methodology of comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka. 124 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1972). Epos narodov Sibiri i yego istoricheskaya tipologiya [Epos of the peoples of Siberia and its historical typology]. In: *Voprosy yazyka i folklor narodnostey Severa* [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk: Rossiyskaya Akademiya nauk. 274 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1994). *Folklor i narodnaya kultura* [Folklore and folk culture]. Sankt-Peterburg: Nauka. 235 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1997). *Epicheskoye skazitelstvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic storytelling: Typology and ethnic specificity]. Moskva: Vostochnaya literatura. 295 p. (In Russ.).
- Sanzheyeva, L. Ts. (2011). Istoriko-etnicheskiye svyazi buryatskoy Geseriady [Historical and ethnic relations of the Buryat Geseriada]. *Vestnik buryatskogo gouniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 8: 98—102. (In Russ.).
- Surazakov, S. S. (1985). *Altayskiy geroicheskiy epos Tekst* [Altai heroic epic Text]. Moskva: Nauka. 255 p. (In Russ.).
- Tsybenova, B. B. (1999). «Geser» i «Dzhangar» kak vershiny epicheskogo; tvorchestva mongolskikh narodov [“Geser” and “Dzhangar” as the peaks of the epic; creativity of the Mongolian people’s]. In: *Nemtsy i Sibir’: Istoriya. Sovremennost’. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Germans and Siberia: History. Modernity. Materials of the international scientific Conference]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta. 31—35. (In Russ.).
- Ulanov, A. I. (1957). *K kharakteristike geroicheskogo eposa buryat* [To the characteristic of the heroic epic of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. 171 p. (In Russ.).
- Ulanov, A. I. (1974). *Drevniy folklor buryat* [Ancient folklore of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. 176 p. (In Russ.).
- Ulanov, E. A. (1999). Epos «Geser» kak drevneyshaya epicheskaya kartina mira [Epos “Geser” as the oldest epic picture of the world]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Seriya 6: Filologiya* [Bulletin of the Buryat University. Series 6: Philology]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU. 10—16. (In Russ.).
- Vladimirtsov, B. L. (1923). *Mongolsko-oyratskiy geroicheskiy epos* [Mongolian-Oirat heroic epic]. Sankt-Peterburg-Moskva: Gos. izd-vo. 120 p. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1960). *Skazaniye ob Alpamysh e bogatyrskaya skazka* [The legend of Alpamysh and the Heroic tale]. Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. 335 p. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1962). *Narodnyy geroicheskiy epos, gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury* [Narodny heroic epos, state Publishing House of Fiction]. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoye Izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 435 p. (In Russ.).

Осипова О. И. Константы малой прозы Ф. Сологуба / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 152—163. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163.

Osipova, O. I. (2021). Small Prose Constants by F. Sologub. *Nauchnyi dialog, 1*: 152-163. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163. (In Russ.).

УДК 821.161.1Сологуб.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163

КОНСТАНТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ Ф. СОЛОГУБА

© **Осипова Ольга Ивановна (2021)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Владивосток, Россия), fa-fa@mail.ru.

Рассматривается вопрос о константах в малой прозе Ф. Сологуба. Особое внимание уделяется знаковым циклам рассказов в творчестве автора. Представлены результаты анализа мотивов, хронотопа, повторяющихся элементов сюжета и системы персонажей в циклах «Жало смерти» и «Недобрая госпожа». Показано с помощью сопоставительного и интертекстуального методов, что в рассказах циклов воплощается константная бинарная оппозиция бессмысленной, жестокой жизни и утешительной смерти, грезы героя о смерти определяют бессмысленность бытия. Доказано, что время и отчасти пространство оказываются в рассказах циклов бинарно организованными, но это не двойственность этого и иного миров: герой не выходит за границы этого мира, но время и пространство этого мира изменяются под воздействием измененного сознания героя. Автор останавливается на анализе мотивных комплексов, которые также представляют оппозиции, что позволяет сделать вывод о наличии константных признаков художественного мира Сологуба. Новизна исследования заключается в том, что современное осмысление классических произведений с применением новой методики позволило увидеть внутреннюю комплексную взаимосвязь текстов, найти эксплицитные и имплицитные признаки взаимодействия между циклами.

Ключевые слова: литературные константы; время; пространство; художественный образ; константный мотив; Ф. Сологуб.

1. Введение в проблематику

Понятие «константа» пришло в литературоведение из культурологии и активно применяется при рассмотрении постоянных элементов творчества автора. В культурологии понятие «константа» связана с концептом [Степанов и др., 1993; Степанов, 2004]. При этом концепт — это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее <...> концепты не только мыслятся, они

переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2004, с. 43]. Константа при этом представляет собой концепт, существующий в культуре постоянно или долгое время [Там же, с. 82]. В то же время концепт может иметь константные признаки как в мировой культуре, в культуре отдельного народа, так и в индивидуально-авторской картине мира [Новокрещенова, 2007].

Понятие «константа» применительно к творчеству писателя либо к отдельному произведению будет обладать набором признаков, отличных от понятия «концепт» в культурологии или в лингвистике [Зусман, 2001; Романенко, 2014; Тарасова, 2009]. Константы как некие доминантные признаки художественного стиля, с одной стороны, позволяют проследить глубинные связи творчества с контекстом эпохи, с другой — выявить индивидуальные черты стиля художника слова, а также проследить их эволюцию. Поэтому введение в литературоведческую исследовательскую парадигму понятия «константа творчества», или «константа художественного мира», предоставило возможность иначе взглянуть на знакомые художественные тексты, найти новые ракурсы их изучения.

В литературоведческом анализе понятие «константа» может применяться по отношению к авторской поэтике [Клейман, 2001], мифопоэтике [Скудрина, 2017], к жанровой составляющей творчества, а также к внутри-текстовым категориям: системе персонажей [Ковалева и др., 2006], стилю [Тарасова, 2013], теме, мотивам, нарративным стратегиям [Лю Цзыюань, 2019], композиции [Токарева, 2012].

Такой подход к творчеству автора показал свою продуктивность, так как позволил, во-первых, выявить связь литературной позиции писателя с общекультурной духовно-эстетической традицией; во-вторых, актуализировать философские, бытийные, эстетические проблемы творчества; в-третьих, установить взаимосвязь между произведениями автора (например, между циклом и отдельными произведениями, не вошедшими в него, либо между отдельными циклами, романами, повестями) и увидеть как единство творческой позиции, так и истоки замысла и его творческую реализацию и, наконец, в-четвертых, определить особые формально-содержательные грани художественного мира писателя. Для реципиента константный подход также имеет свою значимость, так как позволяет увидеть внутренние связи между отдельными произведениями, воспринимать отдельные тексты в свете целостности авторского высказывания.

Поэтому концептуально значимой представляется задача данной статьи: рассмотреть константы прозаических циклов Ф. Сологуба. Объектом

исследования стали рассказы, вошедшие в циклы «Недобрая госпожа» и «Жало смерти», которые, на наш взгляд, являются наиболее репрезентативными в плане выявления авторской концепции. Предметом исследования выбраны образные, мотивные, структурные, тематические константы рассказов, вошедших в циклы.

Один из цитируемых в соловубоведении тезисов отражает позицию писателя, погруженного в контекст смены бытийной, мировоззренческой и художественной парадигм, а также опирающегося на единую творческую позицию: «Никакого нет быта, и никаких нет нравов, — только вечная разыгрывается мистерия. Никаких нет фабул и интриг, и все завязки давно завязаны, а все развязки давно предсказаны ... Что все слова и диалоги? — один вечный ведется диалог, и вопрошающий отвечает себе сам и жаждет ответа. И какие же темы? — только Любовь, только Смерть. Нет разных людей, есть только один человек, один только я во вселенной» [На рубеже ..., 1990, с. 312]. Современники Ф. Сологуба отмечали единство художественной системы его прозы, которое проявляется в повторе мотивов, образов, а также языковых средств. Об этом пишут и исследователи его творчества: «Есть основания утверждать, что все отдельные издания соловубовских рассказов складываются в некое подобие гипертекста, в котором один цикл как бы подсвечивает другой, способствует более глубокому пониманию другого. В свою очередь этот гипертекст — необходимая и неотъемлемая часть всего созданного этим художником слова, его, так сказать, метатекста. Вероятно, большинство художников во все времена интуитивно осмысливали свое творчество как создание единого текста, символисты же сознательно прилагали усилия в этом направлении» [Мескин, 2010, с. 42]. Созданию подобного метатекста способствовала и распространенная у многих авторов этого периода циклизация. Отметим, что в случае малой прозы Сологуба рассказ из одного цикла может вводиться в другой. Так произошло с рассказами «Красота», «Утешение», «Обруч», «Жало смерти. Рассказ о двух отроках» циклов «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», в связи с чем можно предположить, что данные циклы нужно рассматривать не изолированно, а как части единой конструкции, под влиянием которой происходит трансформация их семантики. Единство цикла как жанра определяют межтекстовые связи, которые обеспечивают приращение смысла произведений, входящих в единство, поэтому при рассмотрении указанных циклов Сологуба целесообразно включать в анализ сюжетно-композиционные, мотивно-образные, пространственные и временные константы.

2. Сюжетно-композиционные и мотивно-образные константы

Исследователи отмечают особое мировоззрение Ф. Сологуба, в котором ведущее положение занимает идея двоемира: «Сологубовский мир распадается на “кошмар окружающей действительности” и “сокровенный мир”, сигналы из которого доходят до нашей обыденности в виде неясных проблесков: снов, “волнений мечты”, “надежд внутренней неспокойности”. Этот мир проступает в “кошмарной действительности” в виде “просветов жизни”, к которым писатель справедливо причисляет красоту и любовь. И одну из центральных доминант этого мира образует идейно-художественная оппозиция “жизнь — смерть”» [Дубова, 2014, с. 136]. Герой этого мира — ребенок либо взрослый с незамутненным сознанием, но «детство — это период мучений и страданий, избавлением от которых становится ранняя смерть ребёнка» [Дубова, 2015, с. 228].

Можно проследить постоянство сюжетно-композиционного моделирования сологубовского текста. Сюжет в рассказах строится вокруг одного события, представляющего некий переломный момент в жизни главного героя. Данная сюжетная схема связана с константным мотивом томления, который также семантически актуализирован в мотивах печали, грусти, скуки. Например, Пака из рассказа «В плену» цикла «Недобрая госпожа», оставшись один, вдруг ощущает досаду: *Новые желания томили его. Знал, что эти желания неисполнимы. Чувствовал себя несчастным и обиженным* [Сологуб, 2000, с. 598]. Герой рассказа «Утешение», став очевидцем смерти девочки, испытывает томление: *Но в помраченном сознании его выросли из его томления дивные грезы* [Там же, с. 562]. То же томление смерти охватывает героев рассказа «Жало смерти», «Земле земное», «Красота». Мотив томления продуцирует монотонные, повторяющиеся действия, бессмысленные с точки зрения героя. Иногда тоска и томление порождают чувство отчаяния, так как герой теряет жизненный ориентир и не может вернуться к прежней «нормальной» жизни. Это чувство сопровождает жизнь героя и определяет новые сюжетные повороты.

В итоге можно охарактеризовать константный сюжет, который целиком или в ключевых частях реализуется во всех произведениях рассматриваемых циклов: с героем происходит событие, которое открывает ему новые грани жизни, новый взгляд на действительность приводит к неудовлетворенности этой жизнью, как следствие, жизненное пространство оказывается враждебным герою, он стремится выйти из него, в чем ему может помочь некий инфернальный проводник (рассказы «Утешение», «Жало смерти», «Земле земное», «Маленький человек», «Рождественский мальчик») или даже предмет («Обруч»).

Переломный момент возникает либо в результате конфликта героя и общества, либо в результате внутренних процессов. И это приводит героя к мыслям о ничтожности и пошлости этого мира и, как следствие, о привлекательности смерти, появляются мечты о ней как об избавительнице, утешительнице. Иногда повествователь подчеркивает незначительность события, которое изменит жизнь героя. Старик из рассказа «Обруч» видит мальчика, катящего перед собой обруч: *Бедно одетый старик с грубыми руками остановился на перекрестке, — прижался к забору и пропустил даму с мальчиком. Старик смотрел на мальчика тусклыми глазами и тупо усмехался. Неясные, медленные мысли ползли в его лысой голове* [Сологуб, 2000, с. 510]. Но к преобразению мира героя приводит именно это незначительное событие: *И ничего больше не случилось. Мирно поиграл старик несколько дней, — и в одно слишком росистое утро простудился. Слег, — и скоро умер. Умирая в фабричной больнице, среди чужих равнодушных людей, он ясно улыбался* [Там же]. Подмена улыбки (*тупо — ясно*) становится символом перехода героя от существования в этом мире к смерти.

Елена, героиня рассказа «Красота», вдруг понимает, что слуги осуждают ее. Целомудренное восхищение и любовование своим телом превращается в подобие ритуала, который перестает приносить чистую радость. Мечты о явлении красоты в этот мир разрушаются из-за вторжения грубой реальности, из-за которой героиня чувствует, что *невозможно ей жить со всем этим темным на душе* [Там же, с. 506]. В рассказе намечена четкая граница, пролегающая между миром красоты и остальным миром. Это позволило повествователю четко разделить пространство двух миров, а также обозначить слом, поделивший жизнь героини на время «до» и «после» вторжения в ее комнату (мир красоты) мира реальности. Константными эпитетами, бинарно характеризующими эти миры, являются *строгий* и *грубый*. Первый соответствует миру красоты и вступает в парадигматические отношения с эпитетами *чистый, торжественный, девственный, избранный, мирный*, второй — миру реальности, коррелирует с эпитетами *нечистый, лукавый, циничный, тупой, бессмысленный, пошлый*. Отметим, что данные характеристики повторяются и в других рассказах циклов, что позволяет говорить о них как о константных.

В рассказе «Маленький человек» фантазмагория пошлости этого мира достигает пика при описании разговора вице-директора с чиновником Сараниным. Рассказ в цикле стоит особняком в силу своих обширных интертекстуальных связей с литературой XIX века, карнавальная традицией, но тематически и на уровне мотивных совпадений близок другим произведениям. Переломный момент обозначен в рассказе так же, как и в других расска-

зах: встреча с таинственным незнакомцем — проводником, который продает ему капли для уменьшения, предназначавшиеся жене. В результате недоразумения герой выпивает капли. Сологуб открыто заявляет о том, что ориентируется на традиционное отношение русской литературы к социальному типу маленького человека — чиновника: *Традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмачкина живучи* [Там же, с. 625]. Но перед нами реализованная метафора, название литературного персонажа прочитывается и развивается автором буквально: *Саранин мельчал, мельчал, пока не смешался с тучею пляшущих в солнечном луче пылинок в пылинку и исчез* [Там же, с. 630]. Ф. Сологуб, реализуя метафору, предпринимает попытку функционально завершить литературную жизнь данного персонажа: *Наконец, по сношению с Академией наук, решили считать его посланным в командировку с научной целью. Саранин кончился* [Там же, с. 633]. Но в контексте циклов тема маленького человека имеет экзистенциальную направленность: человек слаб и беззащитен перед случайными поворотами судьбы.

В рассказе «Утешение», построенном на том же конфликте «я — мир», очевидцы случайной смерти ребенка (именно это событие произвело на главного героя рассказа неизгладимое впечатление и стало поворотным в его судьбе) *смотрели с тупым, бессмысленным любопытством* [Там же, с. 518]. Символом разрыва с этим миром и с жизнью становится являющийся герою образ погибшей девочки. Самые частые эпитеты, сопровождающие этот образ, — *белый и чистый: Она — светлая и сильная, он — темный и слабый; он словно заключен в труп, она — вся живая, и вся переливается огнями и светами, и красота ее несказанная смиряет несмолкаемую боль в его бедной голове* [Там же, с. 546]. В рассказе «Утешение» указанный конфликт «я — общество» приобретает экзистенциальное звучание, перерастая в конфликт «жизнь — смерть», притом мертвенность, жестокость, несправедливость жизни оправдывают устремленность героя к смерти-утешительнице.

«Жало смерти» пронзает героев Ваню и Колю. Антиномия «жизнь — смерть» в рассказе повернута таким образом, что смерть кажется предпочтительным и единственно возможным вариантом вырваться из этого мира в более справедливый, честный, в котором нет места обману. В рассказе также повторяются указанные константные эпитеты, и они характеризуют иной мир — смерть: *Коля слушал и верил. И все забвеннее становилась для него природа, и все желаннее и милее смерть, утешительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождает, и обещания ее навеки неизменны. Нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть* [Там же, с. 593].

Сюжетные константы связаны со столкновением героя с жестокой перевернутой реальностью и со сменой его взглядов на жизнь. Внешне в жизни героя ничего не меняется, но измененное видение окружающего героем определяет пересмотр своего отношения к миру, что в свою очередь определяет особую атмосферу опустошения и безразличия. Поэтому герой спокойно и радостно приходит к смерти. Можно отметить, что несколько не вписывается в эту сюжетную схему рассказ «Земле земное», в котором герой остается в этом мире. Но заключительные строки рассказа опять выводят на первый план мотив «томления»: герой повернулся к жизни, но перед ним лежит *путь истомный и смертный* [Там же, с. 488].

Мотивные константы становятся семиотическими паттернами, структурирующими модель бытия для рассказов двух циклов: пустая, несправедливая, пошлая, лживая жизнь-реальность, в которой герой томится, как в плену, и противостоящие ей красота и смерть. Здесь мы сталкиваемся с индивидуально-авторской игрой, имеющей общекультурные коды, в которых положительная семантика связывается с жизнью как единственным непреложным даром человеку. Сологуб же противопоставляет бессмысленной и конечной жизни человека мечту о смерти.

Герой рассказов Сологуба становится инвариантным образом. Тоска, томление и неудовлетворенность жизнью делают его изгнанником, но одновременно сводят с теми, кто также находится в двойственном положении, например, мать и дочь, живущие на чердаке («Утешение»), старая няня Саши («Земле земное»), Ваня Зеленев, определивший судьбу главного героя и соблазвивший его смертью («Жало смерти»).

3. Пространственно-временные константы

Время и отчасти пространство оказываются в рассказах циклов бинарно организованными. Время делится на «до» и «после». Особое место в рассказах уделено описанию «после».

Одновременно с этим преобразается и пространство, формально герой остается в том же локусе, меняется лишь его восприятие. Кстати, многие исследователи подчеркивают значимость локации природы как отражения переживаний и мировоззрения героя не только в рассказах, но и в романах Сологуба [Masing-Delic, 1992].

Например, в рассказе «Земле земное» герою окружающий мир, природа, которые раньше вызывали «сладостный восторг», кажутся чуждыми: *И почувствовал Саша, что эта немая, загадочная природа была для него страшнее замогильных призраков, если бы в нем был страх* [Сологуб, 2000, с. 473]. Интересно отметить, что в рассказе пространство не-жизни

оказывается инверсией пространства жизни: ... *куда не пойдешь ты на земле, — все реки, деревья, трава, — все, все, брат, одно и то же. А там, за гробом, совсем, совсем непохожее* [Там же, с. 590]. Схожие слова говорит Гриша в рассказе «Рождественский мальчик», хотя в этом рассказе появляются библейские образы и мотивы, не свойственные другим рассказам: *Пойти бы всем вместе, дошли бы до такого места, где земля новая, и небо новое, и лев свирепый не кусает, и змейка-скоропейка не жалит. Да нет нам свободы, никуда не пойдешь* [Там же, с. 643]. Контрапунктно развернутое пространство, символизирующее смерть, преобразует взгляд героя на жизнь, становится пространством внутреннего мира, знаком психологического состояния, мироощущения героев.

Эта же метаморфоза мировосприятия героя происходит в рассказе «Жало смерти»: *Как бы привычным движением душа ответила радостью на привет природы, вечно родной и только обманчиво равнодушной, — обрадовалась вдруг, — и вдруг забыла свою радость, и словно забыла даже, что есть на свете радость* [Там же, с. 593]. Здесь проявляется особая эмоциональная связь фольклорного типа между миром природы и состоянием героя: живое оборачивается неживым, происходит омертвление души героя и природы.

В рассказе «Обруч» мечта изменяет воспоминание о прошлом героя. Кажется ему, что не было несчастной, бедной жизни: *И его утешали воспоминания, — и он тоже был ребенком, и смеялся, и бежал по свежей траве под сумрачными деревьями, и за ним смотрела милая мама* [Там же, с. 514]. Таким образом, можно отметить, что константным признаком хронотопа в рассказах является его бинарная структура. Первая часть оппозиции — мир реальности, представленный в негативном ключе, вторая — этот же мир, но преобразенный сознанием или мечтой героя.

4. Заключение

Из нашего анализа следует, что в рассказах Сологуба, вошедших в циклы «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», воплощается константная бинарная оппозиция бессмысленной, жестокой жизни и утешительной смерти. При этом в произведениях Сологуба герой грезит о смерти, чем еще более усугубляет бессмысленность бытия. Мечта о смерти не связана с ожиданием возмездия и посмертной муки, скорее, мучительно само существование в этом мире. Герои открыты идее смерти, потому что именно в ней предполагаются целостность, утешение и свобода, которых в жизни нет. У Сологуба мы видим бинарное деление мира, но двоемирие проходит не по оси «сон — явь», как, например, в рассказах В. Брюсова, а по

оси «внешнее — внутреннее» пространство. Пограничное место на стыке внутреннего и внешнего пространства занимает природа. Одновременное наличие мотивов тоски, одиночества, томления и системная связь между ними позволяют говорить о них как о константных мотивах.

Благодаря константам тексты вступают в сложный интертекстуальный диалог. Указанная однородность циклов проявляет себя на различных уровнях — тематическом, образном, мотивном, композиционном. Нельзя не отметить когерентность названий циклов «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», посвященных одной теме. В названиях циклов актуализирован важнейший компонент, который определяет идейно-тематическое своеобразие объединенных в них рассказов: мистериальная направленность художника к постижению законов мироустройства и отображение их посредством слияния таких бытийных категорий, как жизнь и смерть.

Источник

1. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений : в 6 т. : Т. 1. Тяжелые сны. Роман. Рассказы / Ф. Сологуб. — Москва : Ителвак, 2000. — 666 с. — ISBN 5-93264-022-7.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубова М. А.* Образ «тихих детей» в поэтике романа Ф. Сологуба «Капли крови» / М. А. Дубова // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. — 2015. — Т. 3. — № 6 (28). — С. 228—234.

2. *Дубова М. А.* Роль концепта «детство» в идейно-художественной оппозиции «жизнь — смерть» (по прозе Федора Сологуба) / М. А. Дубова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 9. — С. 135—138.

3. *Зусман В. Г.* Диалог и концепт в литературе : литература и музыка / В. Г. Зусман. — Нижний Новгород : Деком, 2001. — 168 с. — ISBN 5-89533-056-8.

4. *Клейман Р. Я.* Достоевский : константы поэтики / Р. Я. Клейман. — Кишинев : Tipograf. «Elan Poligraf», 2001. — 360 с.

5. *Ковалева А. Ю.* Антропологические константы в романе Л. Леонова «Пирамида» / А. Ю. Ковалева, В. В. Компанец // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. — 2006. — № 5. — С. 41—45.

6. *Лю Цзыюань.* Константы художественного мира рассказов И. А. Бунина 1930—1940-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Лю Цзыюань. — Владивосток, 2019. — 27 с.

7. *Мескин В. А.* Ф. Сологуб : искания в жанре рассказа / В. А. Мескин // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 42—51.

8. *На рубеже.* К характеристике современных исканий. Критический сборник. — Санкт-Петербург : Питер, 1990. — 323 с.

9. *Новокрещёнова И. Л.* Понятие «концепт» и его востребованность в современном литературоведении / И. Л. Новокрещёнова // Вестник Воронежского государственного университета. — 2007. — № 1. — С. 77—82.

10. Романенко А. С. Проблема определения методологического подхода к изучению литературных констант / А. С. Романенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 9 (150). — С. 126—130.

11. Скудрина С. А. Небо как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского : ономастический аспект / С. А. Скудрина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 177—184.

12. Степанов Ю. С. Константы мировой культуры : Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. — Москва : Наука, 1993. — 158 с.

13. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 990 с. — ISBN 5-8291-0007-X.

14. Тарасова И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания / И. А. Тарасова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). — Москва : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. — Выпуск 15. — С. 262—267.

15. Тарасова И. А. Поэт как критик : константы когнитивного стиля / И. А. Тарасова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 165—167.

16. Токарева Г. А. О лирическом сюжете в связи с проблемой структурных констант лирического текста / Г. А. Токарева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2012. — № 32 (20). — С. 91—100.

17. Masing-Delic I. Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature / I. Masing-Delic // Fyodor Sologub. A legend in the making. — Stanford University Press, 1992. — Pp. 155—195.

SMALL PROSE CONSTANTS BY F. SOLOGUB

© **Olga I. Osipova (2021)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “The Far Eastern State Technical Fisheries University” (Vladivostok, Russia), fia-fa@mail.ru.

The question of constants in the short prose of F. Sologub is considered. Special attention is paid to the iconic cycle of stories in the work of the author. The results of the analysis of motives, chronotope, recurring elements of the plot and the system of characters in the cycles “The Sting of Death” and “Unkind Lady” are presented. It is shown with the help of comparative and intertextual methods that in the stories of the cycles the constant binary opposition of a meaningless, cruel life and a consoling death is embodied, the hero's dreams of death determine the meaninglessness of being. It has been proved that time and partly space in the stories of the cycles are binary organized, but this is not the duality of this and other worlds: the hero does not go beyond the boundaries of this world, but the time and space of this world change under the influence of the altered consciousness of the hero. The author dwells on the analysis of motivational complexes that also represent oppositions, which allows us to conclude that there are constant signs of Sologub's artistic world. The novelty of the research lies in the fact that modern comprehension of classical works using a new technique made it

possible to see the internal complex interconnection of texts, to find explicit and implicit signs of interaction between cycles.

Key words: literary constants; time; space; artistic image; constant motive; F. Sologub.

MATERIAL RESOURCES

Sologub, F. (2000). Tyazhelyye sny. Roman. Rasskazy [Heavy dreams. Novel. Stories]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 6 (1). Moskva: Intelvak. 666 p. ISBN 5-93264-022-7. (In Russ.).

REFERENCES

- Dubova, M. A. (2014). Rol' kontsepta «detstvo» v ideyno-khudozhestvennoy oppozitsii «zhizn' — smert'» (po proze Fedora Sologuba) [The Role of the concept “childhood” in the ideological and artistic opposition “life — death” (on the prose of Fyodor Sologub)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 9: 135—138. (In Russ.).
- Dubova, M. A. (2015). Obraz «tikhikh detey» v poetike romana F. Sologuba «Kapli krovi» [The image of the “quiet kids” in the poetics of the novel of F. Sologub “Drop of blood”]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* [XXI century: the results of the past and challenges of the present plus], 3 (6/28): 228—234. (In Russ.).
- Kleyman, R. Ya. (2001). *Dostoyevskiy: Konstany poetiki* [Dostoevsky: Constants of Poetics]. Kishinev: Elan Poligraf. 360 p. (In Russ.).
- Kovaleva, A. Yu., Kompaneyets, V. V. (2006). Antropologicheskiye konstanty v romane L. Leonova «Piramida» [Anthropological constants in L. Leonov's novel “Pyramid”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism], 5: 41—45. (In Russ.).
- Liu Ziyuan. (2019). *Konstanty khudozhestvennogo mira rasskazov I. A. Bunina 1930—1940-kh godov*. Author's abstract of PhD Diss. [Constants of the Artistic world of I. A. Bunin's Stories of the 1930s and 1940s. Author's abstract of PhD Diss.]. Vladivostok. 27 p. (In Russ.).
- Masing-Delic, I. (1992). Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature. In: *Fyodor Sologub. A legend in the making*. Stanford University Press. 155—195.
- Meskin, V. A. (2010). F. Sologub: iskaniya v zhanre rasskaza [F. Sologub: search in the genre of the story]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Vestnik RUDN. Series: Literary Studies. Journalism], 2: 42—51. (In Russ.).
- Na rubezhe. K kharakteristike sovremennykh iskanii. Kriticheskiy sbornik* [At the turn. On the characteristics of modern searches. Critical collection]. (1990). Sankt-Peterburg: Piter. 323 p. (In Russ.).
- Novokreshchenova, I. L. (2007). Ponyatiye «kontsept» i yego vostrebovannost' v sovremennom literaturovedenii [The concept of “concept” and its relevance in modern literary studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 1: 77—82. (In Russ.).

- Romanenko, A. S. (2014). Problema opredeleniya metodologicheskogo podkhoda k izucheniyu literaturnykh konstant [The problem of determining the methodological approach to the study of literary constants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 9 (150): 126—130. (In Russ.).
- Skudrina, S. A. (2017). Nebo kak mifopoeticheskaya konstanta tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: onomatiicheskiy aspekt [Nebo kak mifopoeticheskaya constant creativity F. M. Dostoevsky: onomatiicheskiy aspekt]. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], 46: 177—184. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: slovar' russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moskva: Akademicheskii Proekt. 990 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S., Proskurin, S. G. (1993). *Konstanty mirovoy kultury: Alfavitnyye i alfvitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constants of world culture: Alphabets and alphanumeric texts in the periods of double belief]. Moskva: Nauka. 158 p. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2009). Obraz ili kontsept? K voprosu o kategoriakh avtorskogo soznaniya [Image or concept? On the question of categories of author's consciousness]. In: *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. Materialy Mezhdunar. shkoly-seminara (V Berezinskiye chteniya)* [Linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects. Materials of the International Journal schools-seminars (V Berezinsky readings)], 15. Moskva: INION RAN, MGLU. 262—267. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2013). Poet kak kritik: konstanty kognitivnogo stilya [The poet as a critic: constants of cognitive style]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 37 (328): 165—167. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2012). O liricheskom syuzhete v svyazi s problemoy strukturnykh konstant liricheskogo teksta [On the lyrical plot in connection with the problem of structural constants of the lyrical text]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik KRAUNTs. Humanities], 32 (20): 91—100. (In Russ.).
- Zusman, V. G. (2001). *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and concept in literature. Literature and music]. Nizhniy Novgorod: Dekom. 168 p. ISBN 5-89533-056-8. (In Russ.).

Подоксенов А. М. Пришвин и Троцкий : человек, «похожий на фармацевта», в повести «Мирская чаша», публицистике и «Дневнике» писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 164—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2021). Prishvin and Trotsky: a Man “like a pharmacist” in the novel “The World Cup”, journalism and the Writer’s Diary. *Nauchnyi dialog, 1*: 164-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177. (In Russ.).

УДК 82:316.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177

ПРИШВИН И ТРОЦКИЙ: ЧЕЛОВЕК, «ПОХОЖИЙ НА ФАРМАЦЕВТА», В ПОВЕСТИ «МИРСКАЯ ЧАША», ПУБЛИЦИСТИКЕ И «ДНЕВНИКЕ» ПИСАТЕЛЯ¹

© Подоксенов Александр Модестович (2021), orcid.org/0000-0001-6405-6140, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), podoksenov2006@gambler.ru.

© Телкова Валентина Алексеевна (2021), orcid.org/0000-0001-5738-3143, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), telkova.2014@bk.ru.

Актуальность исследования обусловлена тем, что предметом статьи является еще не рассмотренный в пришевиноведении вопрос о влиянии Л. Д. Троцкого [Бронштейна], который был одним из ключевых вождей большевизма, возглавлявших Октябрьский переворот, на мировоззренческие взгляды и творчество М. М. Пришвина. Показано, что в отечественном искусстве трудно найти художника слова, чье творчество в такой же мере было бы обусловлено влиянием идейно-политического контекста. Новизна исследования в том, что впервые предпринята попытка показать, как через отдельных персонажей своих произведений Пришвин в художественно-образной форме отразил характерные особенности поведения, бытовые привычки, стиль мышления и речи Троцкого. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшихся из-за цензурных ограничений произведений писателя: повести «Мирская чаша», публицистики революционных лет и 18-томного «Дневника», которые стали доступны для читателя только в постсоветское время. Показано, что, изображая Троцкого как «фармацевта», который по своим рецептам пытается творить будущее огромной страны, Пришвин стремится не только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480001 «Художник и власть: Михаил Пришвин и советские вожди».

художественно отобразить его нравственный облик и личностные черты, но и передать особенности идейно-политической борьбы в советском обществе.

Ключевые слова: Пришвин; Троцкий; марксизм; большевизм; классовая борьба; идеология; политика; революция; государство.

1. Актуальность изучения творчества М. М. Пришвина

Особенность биографии Михаила Михайловича Пришвина (1873—1954) — тесное переплетение его творческого пути не только с эпохальными и переломными событиями русской истории, но и с судьбами целого ряда отечественных представителей культуры, науки и политики. Один из них — Лев Давыдович Троцкий [Бронштейн] (1879—1940) — революционный и государственный деятель, член Политбюро ЦК партии большевиков, народный комиссар по военным и морским делам, организатор концентрационных лагерей, заградительных отрядов и системы заложничества. До настоящего времени вопрос о влиянии Троцкого на мировоззрение и творчество Пришвина еще не был предметом анализа исследователей, и среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Пришвин и Троцкий», см.: [Михаил ..., 2013]. Во многом это обусловлено тем, что отражение событий революционной эпохи в творчестве Пришвина из-за цензурных ограничений было скрытым как в задержанной на многие годы повести о революции «Мирская чаша» (в полном виде издана лишь в 1986 году), так и в потаенном 18-томном «Дневнике» (1905—1954), публикация которого осуществлена лишь в постсоветское время (1991—2017).

2. Л. Д. Троцкий и парадигма политизации советского искусства

Хорошо известно, что культурная жизнь России, начиная от Октябрьской революции и вплоть до начала 1990-х годов, была под идейно-политическим давлением правящей партии, что оказало влияние на все сферы духовного бытия общества, включая литературу и литературоведение. Свой вклад в политизацию искусства внес и Троцкий. Бытует даже мнение, что «именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зрения» [Борев, 1991, с. 6].

Однако следует отметить, что Троцкий лишь развивал и конкретизировал исходную марксистскую идею классового подхода к культуре, как это делали многие представители русского революционно-социалистического движения: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, А. А. Богданов и др. Классовый подход при анализе всех сфер жизни общества для боль-

шевизма всегда был основным методом мышления, определял отношение к культуре как простых партийцев, так и вождей. В октябре 1920 года Ленин провозгласил, что в стране победившей революции политика РКП (б) «в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата» [Ленин, 1963, с. 336]. Такая же точка зрения была и у Троцкого: «Революционная литература не может не быть проникнута духом социальной ненависти» [Троцкий, 1991, с. 178].

По вполне компетентному мнению Пришвина, различие взглядов Троцкого и Ленина по вопросу партийного руководства культурой было политически несущественным: «В литературе Ленинизм называется “напостовство”, а Троцкизм “попутчество”» [Пришвин, 1999, с. 190]. Здесь следует дать расшифровку понятий, отражавших позиции различных литературных группировок, которые вели политическую борьбу в сфере художественного творчества. Если «напостовство» выражало ультрареволюционный сектантский подход группы писателей и критиков, объединившихся вокруг журнала «На посту» (1923—1925) и ратовавших за создание особого «пролетарского искусства», то термин «попутчики» введен непосредственно Троцким для обозначения тех деятелей искусства, которые, не являясь сторонниками пролетарской революции, в силу обладания художественным мастерством могли быть полезны для становящейся культуры пролетарского государства.

Вышесказанное позволяет понять, почему редактор А. К. Воронский заявил Пришвину о невозможности напечатать «Мирскую чашу» в журнале «Красная новь», ибо *такая* повесть о революции неминуемо будет запрещена цензурой. Встретив столь категоричный отказ, Пришвин решает послать рукопись самому Троцкому, который вместе с Лениным в те годы находился во главе властной верхушки советского государства. Повидимому, это было одним из первых проявлений традиции «писем к вождям» — прошений о «высочайшей санкции» на то или иное деяние, своеобразное свидетельство укрепляющегося тоталитаризма власти. Весьма значима для понимания умонастроения Пришвина в тот период и дата отправки рукописи: «24 августа [1922]. Читаю в “Звене”. В Москве и Петербурге арестовано и высылается за границу около 200 литераторов, профессоров, инженеров. И все наркомы занимаются литературой. <...> Время садического совокупления власти с литературой» [Пришвин, 1995, с. 260].

Отправляя рукопись «Мирской чаши» Троцкому 24 августа, то есть именно в тот день, когда им была прочитана газета «Звено», Пришвин писал, что «власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза» [Там же, с. 260—

261]. Однако отзыв Троцкого о пришвинской повести, сообщенный в редакцию «Красной нови» по телефону, стал похож на приговор: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна» [Там же, с. 267]. В этом случае оправдано мнение А. Л. Юрганова, что особенностью мировоззренческих взглядов Троцкого как политика была ставка «на мировую революцию, ее будущее, тогда как основная масса людей в стране хотя и не отрицала такой возможности, но предпочитала жить днем нынешним, а не будущим» [Юрганов, 2018, с. 98].

Заключение Троцкого, в числе прочего «садически» занимавшегося литературой, закономерно вызывает множество вопросов: начиная с того, по каким эстетическим критериям нарком определял художественные достоинства повести, до вопроса, какие же моменты описания автором революционных событий могли нанести идейно-политический вред большевизму. По нашему мнению, причины неприятия Троцким повести можно прояснить, если сопоставить художественное бытие персонажей «Мирской чаши» с их прототипами — конкретными историческими лицами. Анализ идейно-политического и социокультурного контекстов творчества писателя, соотнесение жизни реальных личностей и вымышленных автором персонажей, реагирующих на злободневные проблемы бытия, поможет приоткрыть и смысл отдельных эпизодов, и логику развития сюжета всего художественного произведения.

Следует отметить, что, кроме явно критического отношения к идеологии правящей партии, сатирического изображения Маркса, Ленина и самого Троцкого, текст «Мирской чаши» содержит множество религиозно-нравственных и философских идей, политических оценок и художественных аллюзий, говорящих о том, что в круг авторского мышления вовлечены крупнейшие деятели как отечественного (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов), так и европейского (М. Штирнер, Ф. Ницше, А. Бергсон, У. Джемс) искусства и культуры [См.: Подоксенов, 2007]. А поскольку Троцкому, безусловно, были известны эти имена, то понятно, что его отношение к автору повести, порочащей революцию, могло быть только негативным.

Как известно, Троцкий сам был не чужд художественного таланта, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации на самые разные общественно значимые темы, и в отношении искусства взгляды политика не были полностью подчинены идейно-классовой ортодоксии и догматике. Так, обсуждая с партийными идеологами проблемы становления советской культуры, Троцкий, вопреки общепринятому мнению (да и ряду сво-

их собственных постулатов), писал, что приверженность марксизму «вовсе не означает стремления командовать искусством при помощи декретов или предписаний. <...> Продукты художественного творчества должны в первую очередь судиться по своим собственным законам», более того, он был убежден, что сфера «искусства не такая, где партия призвана командовать», поэтому свой путь становления советское искусство «должно проделать на собственных ногах» [Троцкий, 1991, с. 135, 142, 170].

О том, что Троцкий обладал несомненным художественным вкусом, говорит не только его оценка повести Пришвина (*«признаю за вещь крупные художественные достоинства»*), но и вполне компетентные суждения об эстетических достоинствах целого ряда произведений известных в те годы писателей и поэтов, о которых идет речь в его книге. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. А. Омельченко, «высокие оценки Троцким творчества “попутчиков” не должны, однако, вводить нас в заблуждение относительно идейных и политических воззрений автора “Литературы и революции”» [Омельченко, 2016, с. 123]. Поэтому запрет публикации «Мирской чаши» был обусловлен не только идейно-политическими, но и личными мотивами Троцкого, безусловно, узнавшего себя в образах фантазмагорических, а порой и гротескно-комических персонажей повести.

Получив отповедь Троцкого, напрямую инкриминировавшего писателю «контрреволюционность», Пришвин осознает близость репрессий и для него самого, понимает, что «волчий паспорт» от власти ему дан: «Я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи, потому что мне видны только страдания бедных людей и еще теперь — торжество богатых и властных» [Пришвин, 1995, с. 267]. Однако провал с изданием «Мирской чаши» по иронии судьбы для писателя неожиданно стал спасительным: Троцкий вскоре был провозглашен «контрреволюционером», и уже сам автор «Мирской чаши» вполне мог быть объявлен «троцкистом» за рассказ в повести о том, как советские чиновники сидели в кабинетах в окружении портретов вождей РКП (б): «Ленин, Троцкий и все тут на открытках», и каждый на них «молится, презирая окружающих» [Пришвин, 2001, с. 113]. И лишь запоздавшим отголоском тех событий, чреватых для Пришвина возможностью попасть под удар репрессивных органов, стали нападки критиков в 1930-е годы, которые считали, что «такие явления, как война и революция, прошли, в сущности, мимо Пришвина, задев его творчество лишь стороной: ему не удалось дать обобщенно-художественного познания их» [Григорьев, 1930, с. 61].

3. Художественный образ Троцкого в публицистике Пришвина и в повести «Мирская чаша»

О прямом и непосредственном участии Пришвина как в литературно-публицистической, так и в идейно-политической жизни общества в революционный период свидетельствует не только задержанная на многие годы «Мирская чаша», но и множество его статей с резкой критикой деятельности партии большевиков — откликов на злобу дня, которые печатались в оппозиционных эсеровских газетах. Следует отметить, такая позиция в условиях объявленной борьбы с контрреволюцией свидетельствовала как о гражданской смелости писателя, так и его о личном мужестве, что подтверждалось самим содержанием статей Пришвина.

Примечательно, что 7 ноября 1917 года, именно в тот день, который для всего XX века оказался среди основных значимых дат, Пришвин отмечал, что одна из ошибок русских демократов заключается в мнении, будто большевистский переворот является исключительно «делом Ленина и Троцкого», «и потому (они. — А. П., В. Т.) ищут с ними соглашения. Они не понимают, что “вожди” тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное» [Пришвин, 1991, с. 386]. Преимущество партии Ленина и Троцкого, по мнению Пришвина, было в том, что большевики действовали предельно нечестно, не гнушаясь никакими средствами: широко применяя популизм и демагогию, софистическую подмену слов и беззастенчивый обман обещаний и тотчас же после свержения буржуазно-капиталистической власти разрешить абсолютно все назревшие проблемы общества. Одним из примеров, как большевики заманивали людей под свои знамена, выступает примечательное аллегорическое сравнение Пришвина: «Рыбу ловят на червяка, птицу на зерно, волка на мясо, медведя на мед, а мужика ловят на землю (курсив наш. — А. П., В. Т.).

Подумаешь — многомиллионный мужик, медведь, и не мог сообразить, а какой-нибудь Троцкий, *похожий на фармацевта* (курсив наш. — А. П., В. Т.), вперед знал, что дать землю мужику значит связать его» [Пришвин, 1995, с. 91].

В этой дневниковой записи 8 сентября 1920 года, в полном соответствии с мудрой поговоркой «цыплят по осени считают», Пришвин как бы подводит итог революционному роману крестьянства с большевиками. Именуя Троцкого «*фармацевтом*», писатель использует образное высказывание А. Блока, имевшего в виду не работников аптек, а идущий на смелую разночинной интеллигенции новый духовно «господствующий класс, который ... как бы его назвать? Назовем, пожалуй, класс фармацевтов»,

то есть сословие интеллигентных «схолиастов», от маниакальных политических устремлений которых «ждать нечего, кроме погромов» [Блок, 1962, т. 5, с. 338]. И нужно сказать, что опасение поэта полностью оправдалось.

Захватив государственную власть, «фармацевты» от партии большевиков тотчас же с фанатической одержимостью приступили к переустройству огромного государства по своим политическим рецептам. «Состав большевистский: две группы, одна экспериментаторов (Ленин, Троцкий, Свердлов), другая “честных тружеников” (Семашко, Рыков), которые фактически веруют в Ленина, берут на себя весь крест дела» [Пришвин, 1994, с. 118]. Для того, чтобы люди охотнее участвовали в революционных экспериментах над Россией, большевики развернули бурную пропаганду по одурманиванию населения лозунгами, что единственное спасение селян-земледельцев — отнять у помещиков их землю. И крестьяне, движимые социалистической мечтой о справедливом переделе земли, принялись за революционной грабеж помещичьих усадеб, который закончился самым примитивным дележом земельных угодий по количеству живых душ. Результатом стало то, что раздел земли на мелкую чересполосицу уничтожил культуру земледелия, которая была сосредоточена преимущественно в крупных помещичьих хозяйствах.

Кроме того, пока крестьянство с революционным ожесточением осуществляло незаконный захват земли, партия большевиков совершила очередной обман, отменив частную собственность на землю в принятом в феврале 1918 года «Основном законе о социализации земли», и провозгласила целью Советской власти «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству» [Декреты ..., 1957, т. 1, с. 407]. Получилось, что спустя лишь три месяца после прихода с помощью крестьянства к власти большевики отняли у него право на землю, передав ее в исключительную собственность государства.

Революционный успех соратников Ленина и Троцкого, пишет Пришвин, во многом обеспечивала не только легковверная наивность и неискренность людей в политических вопросах, но и «способность русского народа создавать легенду, обманываться — заменять Христа Антихристом» [Пришвин, 1995, с. 207]. Этому во многом способствовала развернутая большевиками воинственная атеистическая пропаганда, подрывающая нравственность народа, традиционно основанную на верности заветам Христа. «В наше время царит обезьяна, осуществляющая идеалы Христа», распоряжения которой исполняет комиссар — «социальная вошь с теорией

классовой борьбы» [Там же, с. 15, 38]. 28 октября 1917 года Пришвин открыто заявляет в статье «Смех обезьян», что отныне по воле большевиков вместо Бога над русскими людьми восседает обезьяна: «Мы завоеваны, последнее оружие, принятое нами, русской демократией, от наших великих учителей, отвращение к насилию, к смертной казни находится в руках Троцкого: после его слов о “бескровности” переворота, нельзя без чувства гадливости употреблять это слово. Бессильно всякое слово, потому что, произнося его, мы смешим хор обезьян» [Пришвин, 2004, с. 106].

Даже Максим Горький, горячо поддержавший Октябрьскую революцию, выступил 12 ноября 1917 года в издаваемой им газете «Новая жизнь» с обличительной статьей против репрессивной политики большевиков, связывая ее прежде всего с личностью Троцкого: «Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России, — это позор и преступление» [Горький, 1990, с. 153]. Правда, единственным результатом этой и других критических статей Горького оказалось лишь то, что вслед за оппозиционными газетами эсеров и «Новая жизнь» в июне 1918 года была закрыта. К такому же выводу о нетерпимости ко всякому инакомыслию мог бы прийти любой, побывав на митингах и собраниях большевиков, где главным содержанием речей ораторов была пропаганда классовой вражды и ненависти ко всем иным классам, кроме пролетариата. Однако, заключает Пришвин, все это были не сами большевики, а «почивающий на них дух обезьянства и насилия» [Пришвин, 1991, с. 297]. О присущем революционно-социалистическому движению духе обезьяньего подражательства Пришвин говорил еще в 1915 году, задолго до революционного переворота: «Удел русского интеллигента: за Китайской стеною религии, отделяющей народ от общения с ним, питаться крошками, падающими со стола европейской учености и безверия» [Там же, с. 206].

В «Мирской чаше» торжествующая революционная обезьяна становится основным прообразом советских чиновников, типичным представителем которых выступает комиссар Персюк, любивший, как и Троцкий, для демонстрации своей «европейскости» щеголять во френче — полувоенном мундире английских колонизаторов, где для полноты картины не хватает только пробкового шлема. «Фуражка матросская, из-под нее казачий чуб — знак русской вольности, а на френче все карманы — знак европейского порядка, и в каждом кармане, кажется, сидит по эсеру, меньшевику, кооператору, купцу, схваченных где-нибудь на ходу под пьяную руку» [Пришвин, 2001, с. 87—88].

Нелепость облика комиссара — очевидное указание авторской сатиры на большевизм. Внешняя несуразность обличья Персюка неизбежно обращается идейным хаосом сознания, когда становится ясно, что в карманах комиссара содержится угодившая *«под пьяную руку»* лишь какая-то сошка: меньшевик, купец, эсер, кооператор, которых большевизм провозгласил врагами рабочего класса. Так Пришвин аллегорически изображает идеологию партии большевиков, которая лишь формально усвоила марксизм, а в реальности теорию коммунизма комиссары воплощают *«на ходу»*, совершенно не заботясь о нуждах простых людей, еле живых от коммунистических экспериментов новоявленных социальных *«фармацевтов»*. И в этом еще одно сходство художественного образа Персюка с Троцким, ибо стереотипы отношения к людям рядовые местечковые комиссары брали от столичной власти: значение обывателей, провозглашал Троцкий, для истории совершенно ничтожно: все они *«пойдут навозом под новую культуру»* [Троцкий, 1991, с. 42].

Однако Пришвин не ограничивается высмеиванием местечковых комиссаров, по-обезьяньи перенимающих от центральной власти чуждые для отечественного менталитета фармацевтические рецепты сотворения социализма, и дополняет сатирическое изображение русского большевика в европейском френче философскими размышлениями об исторической бесплодности идеологии насилия. Для писателя очевидно, что для строительства социализма нужно множество жертв, о полном презрении к которым со стороны большевиков говорится в одной из глав повести *«Мистерия»*, в которой изображена сцена похорон главного героя на центральной площади города. Здесь бывший дьякон Егор Иванович, за пристрастие к пьянству лишенный сана, совершает ритуал *«красных похорон»*: дьякон *«прошелся туда и сюда возле гроба, обдумывая, и вдруг выхватил одну руку, простирая к покойнику»*, но внезапно *«какая-то финтифлюшка, обязательная в речах новых ораторов, вывернула простые слова: “Покойный Товарищ”* — на совершенно другое и не бывалое ни при каких похоронах, ни в какой стране, вместо *“покойный товарищ”* дьякон сказал:

— *Товарищ Покойник!»* [Пришвин, 2001, с. 132, 133].

Мистику обращения Егора Ивановича к лежащему в гробу человеку оборвало еще одно фееричное событие: вдруг снежный смерч, взявшийся совершенно ниоткуда, выкинул прямо под ноги людей *«автомобиль, в нем стоял молодой человек с пепельным лицом и всеми кривыми чертами лица. Ледяным голосом крикнул молодой человек:*

— *Смерть!*

Все в страхе примолкли.

— За одну голову этого товарища мы возьмем тысячу голов: смерть, смерть!» [Там же, с. 134].

Для современников Октября эта сцена повести с появлением страшного человека на автомобиле — более чем прозрачный намек на Троцкого, который на многочисленных карикатурах тех лет часто изображался в образе Мефистофеля — человека «в английском френче с пробковым шлемом» и со «всеми кривыми чертами лица». Широко известной была и склонность Троцкого к театрално-пропагандистским эскападам. Именно так, используя для передвижения личный поезд, где в специальных вагонах находились несколько грузовиков и легковых машин, Троцкий в сопровождении охраны любил неожиданно появляться в самых отдаленных частях и гарнизонах. При этом с проверками по стране народный комиссар по военным и морским делам любил путешествовать со всеми бытовыми удобствами. Знакомые Пришвина рассказывали, что они видели этот знаменитый поезд и «самого Троцкого — в черной паре с синим галстуком, смотрел на них из салон-вагона и хохотал, а за салон-вагоном будто бы вагон-спальня, потом кабинет, потом вагон со свиньями, вагон с курами, вагон с крупой, с вареньями и другие вагоны со всяким продовольствием» [Пришвин, 1994, с. 286].

Не менее известной была и беспощадность нрава Троцкого, который сразу же после назначения его в 1918 году наркомвоенмором создает в Красной армии заградотряды и военные трибуналы, с показательной жестокостью наводя железную дисциплину в войсках. Первый же его выезд на фронт в августе 1918 года был ознаменован кровавым инцидентом, когда насильственно призванных крестьян, отступивших с занятых позиций, подвергли децимации по распоряжению Троцкого: «Командир и комиссар были приговорены к расстрелу, а затем полк построили, заставили рассчитаться и расстреляли каждого десятого» [Чернявский, 2012, с. 236]. Очевидно, что Троцкий как эрудированный и опытный «фармацевт» решил применить для наведения порядка в Красной армии уже испытанный рецепт военачальников Древнего Рима — казнь каждого десятого солдата при групповых преступлениях.

О том, что казнь заложников была обыденной практикой большевизма в годы гражданской войны, свидетельствует пришвинский «Дневник» 1918 года, где писатель говорит о стихийных волнениях среди жителей Ельца, которые решительно отказались от мобилизации в армию. Тогда красноармейцы провели в Ельце карательную операцию с повальными обысками и показательными расстрелами бунтовщиков, а когда горожане «собрались с духом и топорами зарубили трех красногвардейцев», в отместку каратели расстреляли городские предместья из орудий и пулеметов.

Затем состоялось торжественное погребение павших от рук жителей красноармейцев, и комиссар, копируя манеры и слова Троцкого, «говорил речь и клялся на могиле, что за каждую голову убитых товарищей он положит сто буржуазных голов» [Пришвин, 1994, с. 100].

Вместе с тем Пришвин как писатель и мыслитель не только критикует и обличает революционный террор и хаос, который несла в страну партия большевиков, но, что особенно важно, осознает и свою ответственность за случившееся с Россией: «Это мы были “коммунистами”, наша эгоистическая злоба создавала бесов», — пишет он в 1919 году [Там же, с. 331]; а потом это же еще раз повторяет в «Дневнике» 1920 года: «Это наше, наше правительство! мы все в нем виноваты» [Пришвин, 1995, с. 106].

4. Заключение

Подводя итог, отметим: отображая в своих произведениях революционные события, Пришвин стремится достоверно передать не только духовную атмосферу общества, но и показать нравственный облик и характерные личностные черты партийно-государственных деятелей. Изображая Троцкого как «фармацевта», который в большой политической реторике с безудержным фанатизмом пытается по своим рецептам творить будущее огромной страны, писатель художественно передает характерные особенности идейно-политической борьбы в становящемся советском обществе. И вполне закономерно, что образ Троцкого, вошедшего в историю большевизма своим ярким демагогическим талантом и безудержным популизмом, получил у Пришвина четко выраженный сатирический вид.

Источники

1. *Декреты Советской власти*. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. — Т. 1. — С. 407.
2. *Михаил Михайлович Пришвин* : Библиографический указатель / Сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. ISBN 978-5905158-21-6.
3. *Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917* / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 432 с. ISBN 5-239-01228-8.
4. *Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919* / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1994. — 383 с. ISBN 5-239-01845-6.
5. *Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922* / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1995. — 334 с. ISBN 5-239-01845-6.
6. *Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925* / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 1999. — 416 с. ISBN 5-239-01845-6.
7. *Пришвин М. М. Мирская чаша* / М. М. Пришвин. — Москва : Жизнь и мысль, 2001. — С. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1.

8. *Пришвин М. М.* Смех обезьян. Из дневника / М. М. Пришвин // Цвет и крест / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2004. — С. 105—106. ISBN 5-94668-023-4.
9. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. / Л. Д. Троцкий. — Москва : Политиздат, 1991. — 400 с. ISBN 5-250-01431-3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блок А. А.* Собрание сочинений : в 8 тт. / А. А. Блок. — Москва, Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — Т. 5. Вопросы, вопросы и вопросы. — С. 329—361.
2. *Борев Ю.* Эстетика Троцкого / Ю. Боров // Троцкий Л. Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. / Л. Д. Троцкий. — Москва : Политиздат, 1991. — С. 3—20. ISBN 5-250-01431-3.
3. *Горький М.* Несвоевременные мысли / М. Горький. — Москва : Советский писатель, 1990. — 400 с. ISBN 5-263-02154-X.
4. *Григорьев М.* Бегство в Берендеево царство : О творчестве Пришвина / М. Григорьев // На литературном посту. — 1930. — № 8. — С. 48—61.
5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 тт. / В. И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1963. — Т. 41. О пролетарской культуре. — С. 336—337.
6. *Омельченко Н. А.* Власть и творчество : о книге Льва Троцкого «Литература и революция», классовом подходе, «Воронщине» и советских вождах-меценатах / Н. А. Омельченко // PolitBook. — 2016. — № 3. — С. 114—133.
7. *Подоксенов А. М.* Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (Опыт герменевтического исследования) : монография / А. М. Подоксенов. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2007. — 326 с. ISBN 978-5-94809-273-7.
8. *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий / Г. И. Чернявский. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 665 с. ISBN 978-5-235-03510-2.
9. *Юрганов А. Л.* Контролируемый литературно-художественный процесс : публицистическая программа Льва Троцкого / А. Л. Юрганов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2018. — № 1 (34). — С. 91—100.

PRISHVIN AND TROTSKY: A MAN “LIKE A PHARMACIST” IN THE NOVEL “THE WORLD CUP”, JOURNALISM AND THE WRITER’S DIARY¹

© **Alexander M. Podoksenov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6405-6140, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), podoksenov2006@rambler.ru.

¹ The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Lipetsk Region within the framework of the scientific project No. 20-412-480001 “The Artist and the Power: Mikhail Prishvin and the Soviet Leaders”.

© **Valentina A. Telkova (2021)**, orcid.org/0000-0001-5738-3143, PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Methods of its Teaching and Documentation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), telkova.2014@bk.ru.

The relevance of the study is due to the fact that the subject of the article is the question of the influence of L. D. Trotsky [Bronstein], who was one of the key leaders of Bolshevism, who headed the October Revolution, on the worldview and creativity of M. M. Prishvin, which has not yet been considered in the European studies. It is shown that in Russian art it is difficult to find an artist of the word, whose work would be to the same extent conditioned by the influence of the ideological and political context. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt was made to show how, through individual characters in his works, Prishvin in an artistic and figurative form reflected the characteristic features of behavior, everyday habits, the style of thinking and speech of Trotsky. Particular attention is paid to the analysis of previously unpublished due to censorship restrictions of the writer's works: the story “The World Cup”, journalism of the revolutionary years and the 18-volume Diary, which became available to the reader only in the post-Soviet period. It is shown that, depicting Trotsky as a “pharmacist” who, according to his recipes, is trying to create the future of a huge country, Prishvin seeks not only to artistically reflect his moral appearance and personality traits, but also to convey the features of the ideological and political struggle in Soviet society.

Key words: Prishvin; Trotsky; Marxism; Bolshevism; class struggle; ideology; politics; revolution; the state.

MATERIAL RESOURCES

- Dekrety Sovetskoy vlasti. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918* [Decrees of the Soviet government. October 25 1917 — March 16 1918], 1. (1957). Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 407 p. (In Russ.).
- Mikhail Mikhailovich Prishvin: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Mikhail Mikhailovich Prishvin: Bibliographic index]. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1991). *Dnevnik. 1914—1917* [Diaries. 1914—1917]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 432 p. ISBN 5-239-01228-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1994). *Dnevnik. 1918—1919* [Diaries. 1918—1919]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 383 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevnik. 1920—1922* [Diaries. 1920—1922]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 334 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1999). *Dnevnik. 1923—1925* [Diaries. 1923—1925]. Moskva: Russkaya kniga. 416 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2001). *Mirskaya chasha* [Mirskaya Chasha]. Moskva: Zhizn' i mysl'. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2004). Smekh obezyan. Iz dnevnika [Laughter of monkeys. From the diary]. *Tsvet i krest* [Color and cross]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «Rostok». 105—106. ISBN 5-94668-023-4. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (1991). *Literatura i revolyutsiya. Pechatayetsya po izd. 1923 g* [Literature and Revolution. Published in 1923]. Moskva: Politizdat. 400 p. ISBN 5-250-01431-3. (In Russ.).

REFERENCES

- Blok, A. A. (1962). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 8 (5). Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 329—361. (In Russ.).
- Borev, Yu. (1991). Estetika Trotskogo [Aesthetics of Trotsky]. In: *Trotsky L. D. Literatura i revolyutsiya. Pechatayetsya po izd. 1923 g* [Trotsky L. D. Literature and Revolution. Published in 1923]. Moskva: Politizdat. 3—20. ISBN 5-250-01431-3. (In Russ.).
- Chernyavskiy, G. I. (2012). *Lev Trotskiy* [Lev Trotsky]. Moskva: Molodaya gvardiya. 665 p. ISBN 978-5-235-03510-2. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1990). *Nesvoyevremennyye mysli* [Untimely thoughts]. Moskva: Sovetskiy pisatel'. 400 p. ISBN 5-263-02154-X. (In Russ.).
- Grigoryev, M. (1930). Begstvo v Berendeyevo tsarstvo: O tvorchestve Prishvina [Flight to the Berendeyev Kingdom: about Prishvin's creativity]. *Na literaturnom postu* [On a literary post], 8: 48—61. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1963). *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], 41. Moskva: Politizdat. 336—337. (In Russ.).
- Omelchenko, N. A. (2016). Vlast' i tvorchestvo: o knige Lva Trotskogo «Literatura i revolyutsiya», klassovom podkhode, «Voronshchine» i sovetskikh vozhd'yakh-metsenatakh [Power and creativity: about Lev Trotsky's book "Literature and revolution", class approach, "Voronshchina" and Soviet leaders-patrons]. *PolitBook* [PolitBook], 3: 114—133. (In Russ.).
- Podoksenov, A. M. (2007). *Mirovozzrencheskiy kontekst povesti M. M. Prishvina «Mirskaya chasha» (Opyt germenevticheskogo issledovaniya): monografiya* [Worldview context of the story of M. M. Prishvin "Mir Cup" (Experience of hermeneutical research). Monograph]. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy universitet im. I. A. Bunina. 326 p. ISBN 978-5-94809-273-7. (In Russ.).
- Yurganov, A. L. (2018). Kontroliruyemyy literaturno-khudozhestvennyy protsess: publitsisticheskaya programma Lva Trotskogo [Controlled literary and artistic process: publicistic program of Lev Trotsky]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaneye. Kulturologiya* [Vestnik RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 1 (34): 91—100. (In Russ.).

Шарыпина Т. А. Типологические схождения и «странные сближения» в романах В. Каверина «Два капитана» и Б. Шлинка «Ольга» / Т. А. Шарыпина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 178—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-178-192.

Sharypina, T. A. (2021). Typological Convergence and “Strange Contingence” in the Novels of V. Kaverin “Two Captains” and B. Schlink “Olga”. *Nauchnyi dialog, 1*: 178-192. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-178-192. (In Russ.).

УДК 821.112.2 + 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-178-192

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И «СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ» В РОМАНАХ В. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА» И Б. ШЛИНКА «ОЛЬГА»

© Шарыпина Татьяна Александровна (2021), orcid.org/0000-0002-8585-8983, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), swawa@yandex.ru.

Представлены результаты сопоставительного анализа поэтологических доминант в романах В. Каверина «Два капитана» и Б. Шлинка «Ольга». Новизна исследования видится в выявлении диахронических типологических параллелей, которые прослеживаются на всех уровнях поэтологической структуры, включающих особенности нарратива, сюжетно-композиционное построение, систему образов. Отмечается, что в обоих романах встаёт проблема исторической и культурной памяти, поскольку именно она является одним из определяющих слагаемых национальной ментальности. Доказано, что письма образуют не только «ядерные события» исследуемых романов, но и являются смысловыми центрами, аккумулирующими в себе слагаемые мифологических моделей, определивших жизнь и судьбу героев изучаемых произведений. Комментируются «странные сближения» в плане проблематики, поскольку в обоих произведениях главные герои вдохновлены идеей освоения Севера. Выявлены «странные сближения» на уровне нравственно-этического, связанном с судьбой частного человека XX века, жизнь которого не просто вписана в мировую историю, но составляет и творит её. Показано, что история В. Каверину и Б. Шлинка интересна как область, изучение которой помогает прояснить настоящее и предостеречь от ошибок в будущем.

Ключевые слова: культурная память; национальные мифы; национальная ментальность; Бернард Шлинка; Вениамин Каверин; типологические взаимосвязи.

1. Введение

В современном литературоведении возрастает актуальность исследований на основе типологических схождений. Интересно в этом плане проанализировать ряд «странных сближений» в романах В. Каверина «Два

капитана» и Б. Шлинка «Ольга», созданных с разницей почти в восемь десятилетий, диахронические типологические параллели в которых прослеживаются на всех уровнях поэтологической структуры. Роман Вениамина Каверина «Два капитана», написанный в непростое время 1938—1944 годов, оказался на удивление не политизированным произведением, внимание писателя было сосредоточено на сложных и таких неординарных судьбах частных людей. Это, вероятно, и обеспечило произведению успех у читателей разных поколений и исторических эпох. Эта книга прежде всего о поиске истины, поиске своей жизненной и нравственной позиции, поэтому то, что главными героями становятся капитаны, люди, хотя и разных поколений, но ищущие и прокладывающие новые пути, ведущие за собой других, имеет некий метафорический смысл и определяет романтический пафос этого произведения.

Один из наиболее популярных и читаемых немецких авторов начала XXI века Бернхард Шлинк родился в 1944, в год публикации полной версии романа В. Каверина. Он принадлежит к первому послевоенному «поколению детей», жизненные ориентиры которого связаны с осознанием идеи национальной немецкой вины «поколения отцов» и с горячим стремлением разобраться в истоках этой вины, возможности её преодоления и искупления [Schlink, 2002; Schlink, 2013]. Роман «Ольга» [Schlink, 2018] в этом отношении значительно отличается от предшествующих («Чтец» и «Возвращение») и представляет, пожалуй, наиболее концептуальное произведение Б. Шлинка. Писатель впервые ставит перед собой задачу глобальную, расширяя границы рассматриваемых эпох в немецкой истории. Б. Шлинк не просто изображает отношения героев, он детально анализирует, комментирует их поступки с точки зрения немецкой ментальности, определившей исторический путь Германии.

2. Герой в контексте эпохи (В. Каверин «Два капитана» и Б. Шлинк «Ольга»)

Рассматриваемые произведения имеют много удивительных сходений и «странных сближений». Это касается уже того, в какие исторические эпохи начинается предыстория будущих событий, а также социального статуса её главных действующих лиц. Так, завязка действия романа В. Каверина начинается в знаковые для России предреволюционную, а затем постреволюционную эпохи, определившие всю её дальнейшую на протяжении XX века историю. Главные действующие лица, по дореволюционной градации — разночинцы. Прежде всего, это капитан Иван Татаринов, добившийся в этой жизни многого, не взирая на происхождение, что было

характерно для разночинной интеллигенции в предреволюционной России, и идущий по его следу Александр Григорьев. Особую роль в судьбе Татаринова сыграла и Первая мировая война, во время которой спасательные экспедиции были невозможны. События Великой Отечественной войны влияют на судьбы героев, в том числе и на судьбу дочери Екатерины Татариновой-Григорьевой и его духовного наследника Сани Григорьева.

В романе «Ольга» Б. Шлинк формирует повествование, удивительным образом вплетая жизнь немецкой женщины в контекст истории всей Германии. Перед нами не только биография сильной, волевой натуры, но и история любви, и панорама исторических событий, сыгравших ключевую роль в немецкой истории. Повествование в романе охватывает судьбоносный период с последней трети XIX века, времени становления молодой германской империи, до 70-х годов XX века. Б. Шлинк включает в коммуникативное пространство своего произведения обильный исторический и социологический контекст, дающий представление о жизни довоенной, военной и послевоенной Германии. Характерен и образ лейтенанта Герберта фон Шрёдер-Штранца (1884—1912), одного из представителей поколения немцев, родившихся в эпоху после 1870 года, инициатора арктической экспедиции как в жизни, так и на страницах романа. Роль представителей этого первого после объединения Бисмарком германских государств поколения во многом была решающей для последующей судьбы страны. Происхождение героя также типично для Германии, как капитана Татаринова для предреволюционной России. Он — представитель военной династии. Само имя Герберт — «блестящий воин» — с рождения накладывало отпечаток на всю его будущую судьбу. Б. Шлинк мельком бросает важную фразу о том, что ещё дед Герберта купил поместье у разорившегося дворянина. По сути автор заставляет нас вспомнить о предшествующем времени, когда лучшие культурные традиции аккумулировались именно в таких поместьях, своеобразных немецких «дворянских гнездах», о которых так любил писать Теодор Фонтане. Герберт как раз представитель нового поколения, в руках которого теперь была во многом судьба Германии, как, впрочем, судьба России зависела от таких, как Иван Львович Татаринов и Александр Григорьев. События Второй мировой войны также непосредственным образом отразились в судьбах его возлюбленной Ольги Ранке, их сына Айка, идущего в жизни ложным путём, и даже своеобразного повествователя и «историографа» жизненного пути героини — Фердинанда.

В небольшом отрезке текста романа мы узнаём о политике Бисмарка, Веймарской республике и эпохе нацизма, двух мировых войнах и последующих годах послевоенной Германии. Как следствие, можно говорить

о том, что в романе «Ольга», как, впрочем, и в «Двух капитанах» В. Каверина, встаёт проблема памяти, в её различных преломлениях, историческом и культурном, которые являются определяющими слагаемыми национальной ментальности, идентичности народа. Для Германии после объединения это насущный вопрос. Чтобы решить его, необходимо проанализировать, какие тенденции формируют коллективную память, определяют вопросы национальной идентичности в Германии: отношение к прошлому (забыть или помнить о «немецкой вине», нацизме), вопрос воссоздания своей исторической идентичности, а также какие для этого использовать традиции, символы, национальные мифы, определяющие культурную память народа. Ещё Т. Манн, развивая концепцию К. Г. Юнга о проявлении бессознательных общих моделей человеческого поведения в мифах, сближает понятия типического и мифического. По мнению Т. Манна, эта модель как характеристика психологических особенностей заложена у человека в генетической памяти, и, таким образом, человек идёт по следу своего мифологического прообраза и сам выбирает, остаться ему в рамках этой модели либо совершенствовать её. В XX веке миф имеет не познавательный, а поведенческий характер как побуждение к действию [Шарыпина, 2010, с. 429], в чём мы можем убедиться, анализируя судьбу и поступки главных героев обоих произведений.

3. Роль эпистолярного начала в идейно-художественной структуре романов

Исторические детали и события, на которых останавливают внимание в своих произведениях В. Каверин и Б. Шлинка, очень точно характеризуют исторические эпохи, движение истории. Любопытно, что в обоих произведениях особая роль в этом плане отводится эпистолярному началу в разных его формах: личные письма, дневники, рапорты. Жизненная цель героев, Сани Григорьева и Герберта фон Шрёдер-Штранца, их призвание определяются сформированными ещё в детстве на основе знакомых событий личностными мифами. Для Сани Григорьева таким событием стали письма из старой сумки утонувшего почтальона, дневник штурмана И. Климова о пропавшей экспедиции капитана Татаринова, именно они предопределили и жизненную цель героя — восстановить историческую справедливость по отношению к экспедиции капитана Татаринова и подтвердить вклад русских исследователей в освоение Севера, Арктики, открытие Северной земли. Дневник И. Климова, письма капитана Татаринова, как справедливо пишет Ю. К. Щеглов, образуют особую «ассоциативную зону этого “ядерного” события», втягивая в неё различные проис-

шестивия, детали, лица [Щеглов, с. 438—470]. Эти письма, действительно, становятся своеобразным мифическим прологом, не только определившим жизнь Сани Григорьева, как бы идущего по следу выдающегося первооткрывателя и моряка, но и своеобразным закономерным эпилогом, когда на Крайнем Севере в экстремальной ситуации Григорьев находит прощальные письма и рапорт Географическому управлению капитана И. Л. Татаринова. Письма героев, вначале Герберта фон Шрёдер-Штранца из его первоначальных путешествий, и, прежде всего, Ольги Ранке, образуют не только «ядерное событие» произведения романа Б. Шлинка, но и смысловые центры, аккумулирующие в себе слагаемые мифологических моделей, определившие жизнь и судьбу не только главных героев романа «Ольга», но и их сына Айка, внуки Адельгейды Фолькман, а также повествователя Фердинанда. Именно письма станут причиной расследования, которое будет вести Фердинанд, а затем и внучка героини Адельгейда Фолькман, чтобы понять исходные мотивы произошедшей катастрофы как в жизни героев, так и в истории страны. И если мифологическая модель жизненного поведения капитана Ивана Львовича Татаринова и Сани Григорьева овеяна романтическим ореолом мужественного бескорыстного исследователя, покорителя неизведанных пространств, то мифологическая модель Герберта фон Шрёдер-Штранца, изначально заложенная в значении имени («блестящий воин»), не несущего в себе нравственно-этического содержания, а затем и его сына Айка, мечтавшего стать архитектором и нашедшего себя на поприще полицейского, определяется прежде всего поверхностно освоенным и ложно понятым мифом Фридриха Ницше о сверхчеловеке: «Его учитель упоминал о Ницше, писавшем о “смерти Бога”, о сверхчеловеке и “вечном повторении”, — Герберт понадеялся найти ответы на мучившие его вопросы у Ницше. Ведь для Ницше Бог умер! Ведь Ницше тоже хотел выйти за пределы человеческих возможностей! И тоже знал, как томительно монотонна деревенская жизнь! Однако и Ницше скоро показался Герберту слишком трудным, так что он лишь нахватался кое-каких сентенций, которыми при случае мог щегольнуть в разговоре» [Шлинка, 2018, с. 46—47].

4. Культурная память как отражение национальной ментальности в романах Б. Шлинка и В. Каверина

Мифологизация ницшеанского сверхчеловека — это не единственный миф, определивший модель жизненного поведения Герберта и того поколения немцев, которое было рождено в период после объединения Бисмарком германских земель и формирования концепции о величии и превосход-

стве германской нации. Понятие «жизненного пространства» и концепция «народа без пространства», ставшие терминами национал-социалистической пропаганды и выразившие планы заселения германскими народами территорий, прежде всего Восточной Европы, появились в вильгельмовскую эпоху и пагубно влияют на судьбу Герберта и его сына Айка. Характерна сцена встречи Нового года в поместье Шрёдеров: «Праздновали не только встречу Нового года, но отмечали и достижения года минувшего — в стране был принят гражданский кодекс, установлено телеграфное сообщение с Америкой, пароход «Германия» награжден «Голубой лентой», германский флаг водружен в новой колонии на Самоа, и ещё праздновали то, что ни один китаец впредь не посмеет косо взглянуть на немца. Наконец-то Германия по достоинству заняла подобающее ей место среди государств мира» [Там же, с. 50]. Следует сказать, что роман «Ольга», как ни одно из произведений Б. Шлинка, отличается опорой на документализм. В 1900 году океанский лайнер «Германия» удостоился международной награды за рекорд скорости при пересечении Атлантики, а 27 июля 1900 года Вильгельм II принял решение об отправке германских войск в Китай на подавление Ихэтуаньского (Боксерского) восстания (1898—1901) против иностранного присутствия в Китае. Б. Шлинка заставляет героев романа почти буквально повторить приведенное в тексте напутствие кайзера Вильгельма войскам, отправляемым в Китай [Там же].

Факт неполноценного происхождения оказывает влияние и на судьбу главной героини книги — Ольги Ранке — сироты полупольского-полунемецкого происхождения, попавшей под опеку своей бабушки. Почти ни одна статья о романе «Ольга» не обходит вниманием историю о том, как бабушка хотела сменить внучке имя, утверждая, что немецкие имена «от Эдельруды и Хильдегарды до Хельги» лучше славянского. Жена своего сына, бабушка Ольги не приняла также по причине польского (славянского) происхождения. По мере своего взросления героине приходится сталкиваться с пренебрежением, связанным с ее происхождением. На праздник в поместье Шрёдеров Ольга также не была приглашена по причине своего происхождения. Профессиональная судьба Ольги Ранке складывалась достаточно сложно не в последнюю очередь и по причине её неполноценного (полупольского-полунемецкого) происхождения, хотя Б. Шлинка оставляет читателю возможность самому сделать такой вывод. К чести Герберта стоит сказать, что по отношению к своей возлюбленной он лишен каких-либо мыслей о расовом, национальном превосходстве, чего нельзя сказать о его сыне Айке, расставшемся с женщиной «неарийского» происхождения. Б. Шлинка делает акцент на том, что идея о величии немецкой нации, миф

о превосходстве Германии зародились еще во времена Бисмарка, задолго до прихода Гитлера к власти. На протяжении всего романа читателю становится понятно, насколько умело «железный канцлер» использовал миф об особом пути и превосходстве германских народов в качестве важного звена в организации единства немецкого государства. Впоследствии концепция «народа без пространства» (Volk ohne Raum) дала основу разработанному Гиммлером Генеральному плану «Ост», предусматривавшему глобальную депортацию «расово нежелательного», прежде всего, славянского населения. В 1926 году Ханс Гримм (Hans Grimm, 1875—1959) опубликовал роман «Народ без пространства» («Volk ohne Raum»), вызвавший широкий резонанс среди немецкой общественности. Писатель доказывал, что Германия обречена на вымирание, если не будет расширять свои границы и не захватит территорию, необходимую для выживания нации. О популярности этой концепции и основанного на ней романа свидетельствует то, что в Веймарской республике это произведение разошлось тиражом 700 тыс. экземпляров, а после 1933 года стало обязательным пунктом школьной программы. Одержимость этой идеей, главным образом, можно видеть на примере судьбы Герберта фон Шрёдер-Штранца. Искатель приключений, он быстро заражается идеей величия немецкой нации и отправляется навстречу колониальным завоеваниям во имя великой Германии. Его письма к Ольге пропитаны верой в этот миф и уверенностью в собственной правоте. Герберт расписывал Ольге благодатный климат Африки, куда как более полезный для легочных больных, чем климат германской родины, писал о своих мечтах — как тут нароют колодцев, разведут плантации табака, хлопка и кактусов, насадят лесов, пробурят скважины, настроят фабрик. Для всего этого необходимо господство немцев: «Черные, — писал он, — подняли мятеж, надеясь захватить власть. Мы этого не допустим. Мы побеждаем ради нашего и ради их блага. Черные — человеческая порода, которая еще находится на низшей ступени культуры, у них отсутствуют наши высшие и лучшие качества, такие как усердие, благодарность, сочувствие, и вообще у них нет никаких идеалов» [Шлинк, 2018, с. 65]. В этих эпизодах наглядно можно увидеть, как трансформируется миф о величии немецкого народа, превращаясь в национал-социализм XX века. Любопытно, что Герберт не воспринимает африканцев как реальных людей со своими желаними судьбами, историями. Он сражается с абстрактным противником ради величия германского народа: «Герберт вместе со всеми стрелял, бросался в атаку, сражался и все-таки не видел ни одного гереро. Он видел своих товарищей — как они сражались и гибли. А гереро — он замечал то пучок черных волос, то ловкие прыжки, когда гереро перемещались от укрытия

к укрытию <...> Но в бою он ни разу не сошелся лицом к лицу с гереро — враги оставались призраками» [Там же, с. 68—69].

География путешествий Герберта трудно поддается воображению: это Африка, Карелия, Сибирь, Арктика и Шпицберген. Так и перемещается Герберт по всему миру, движимый идеей мирового господства немецкой нации, пока однажды не пропадает без вести в очередной экспедиции, гонимый мальчишескими фантазиями и всеобщей идеей величия Германии. Последняя часть романа — письма, которые Ольга написала Герберту, — самая красивая. Интересно, что последняя часть романа «Два капитана» также подана от лица женщины — это воспоминания Екатерины Татариновой-Григорьевой, дочери Ивана Львовича. Именно в третьей части мы наконец узнаем о подлинной силе чувств и стойком характере Ольги Ранке. В своем последнем письме к Герберту Ольга сообщает о своем решении взорвать памятник «железному канцлеру»: «Я взорву Бисмарка. С него все началось. Ты считаешь, что он сделал хорошее дело, — нет, это неправда. Может быть, люди задумаются об этом, когда он будет взорван» [Там же, с. 297]. Этими строками Б. Шлинк прямо указывает читателю на мысль об идейной преемственности между поколениями, а также выражает свое мнение о том, что немецкая нация сама встала на пагубный путь, а Гитлер является лишь закономерной фигурой, порожденной уже витавшей в умах идеей. Ложные идеи Герберта приводят к краху его сына Айка, добровольно вступившего в нацистскую партию, бывшего на Восточном фронте, попавшего в плен, опустившегося, не состоявшегося в жизни когда-то талантливого архитектора. Напротив, возвышенные стремления и героический бескорыстный пример жизни капитана Татаринова ведёт по жизни не только его дочь Катю, но и во многом по-юношески бескомпромиссного, но беззаветно преданного Родине и своему делу жизни Саню Григорьева.

5. Типологические схождения и прототипы образов главных героев романов В. Каверина и Б. Шлинк

Интересно, что роковыми для судеб Ивана Львовича Татаринова и Герберта фон Шрёдер-Штранца становятся последние экспедиции, воплощавшие их мечты о Северном морском пути. Однако в устремлениях героев есть важный нюанс: Иван Львович Татаринов захвачен идеей *исследования*, а Герберт фон Шрёдер-Штранц *покорения* новых пространств. Само время, выбранное для экспедиций, — накануне Первой мировой войны, — не могло способствовать их успеху. Гибель героев была обусловлена и плохой оснащённостью того и другого предприятия, причины которой зависели от разных обстоятельств. Мы сталкиваемся с принципиальным отличием исход-

ных позиций героев. Романтически возвышенный капитан Татаринов, чья судьба и чьи идеи вдохновляют персонажей романа В. Каверина, — образ вымышленный, но типичный для исторической эпохи России, его породившей. Разночинец, родившийся в бедной рыбацкой семье на берегу Азовского моря, благодаря своему упорству добившийся звания капитана и служивший в Гидрографическом управлении, с гордым равнодушием переносил высокомерное непризнание офицерства из дворян. Иван Татаринов в романе В. Каверина — собирательный образ русского путешественника, первооткрывателя, беззаветно служащего своему Отечеству. Поражение в русско-японской войне заставляет Россию искать свой путь проводки кораблей в Тихий океан, чтобы не зависеть от Суэцкого канала или других водных путей. Российское правительство приняло решение создать для этого Гидрографическую экспедицию. В реальной истории Главное Гидрографическое управление начальником экспедиции назначило А. И. Вилькицкого, а после его смерти, с 1913 году — сына гидрографа, Бориса Вилькицкого, которому и принадлежит честь открытия 21 августа (3 сентября) 1913 года архипелага, названного Землей императора Николая II, а с 1926 года — Северной Землей. Роман В. Каверина был настолько популярен и любим читателями, а сила воздействия образов произведения столь велика, что молодое поколение не только писало письма автору с просьбой поведать о дальнейшей судьбе персонажей — Екатерины Татариновой-Григорьевой и Сани Григорьева, но на уроках географии школьники доказывали, что Северную землю открыл именно Иван Татаринов, а не лейтенант Б. А. Вилькицкий. Этому во многом способствовал высокий патриотический пафос героев романа (в частности Ивана Татаринова), абсолютно лишенный духа национального превосходства над другими народами.

Главные события жизни героев романа — поиски пропавшей экспедиции капитана Татаринова — позволяют провести определенные аналогии. Капитан Иван Львович Татаринов — это и Георгий Брусилов, и Георгий Седов, отчасти Владимир Русанов. Из истории экспедиционного судна «Святой великомученик Фока», капитаном которого был Георгий Седов, взята история с недостатком финансирования, многое заимствовано из истории экспедиции на шхуне «Святая Анна» под командованием Георгия Брусилова. Даже имя в названии судна *Анна* просто поменяли на *Маршо*. Штурман «Святой Анны» В. И. Альбанов, который с командой ушел на материк, в романе назван И. Климовым, это единственный выживший в произведении персонаж. Реальный Альбанов опубликовал книгу «На юг, к Земле Франца-Иосифа!», благодаря которой и стало известно о трагической судьбе этой экспедиции. О судьбе экспедиции Владимира Русанова почти ничего не известно, она

пропала без вести по пути к Новой Земле, и именно её поиски напоминают поиски экипажа «Святой Марии» в романе В. Каверина. Более всего сходства у Ивана Татаринова с характером, образом мыслей и внешностью Георгия Седова, который также был сыном бедного рыбака, но достиг в своей жизни многого, став старшим лейтенантом флота [Реальные лица ...]. Сохранилось письмо Георгия Седова на имя начальника Главного Гидрографического управления. Это письмо почти дословно напоминает рапорт и письма Ивана Львовича Татаринова из романа В. Каверина. В описании бедствий, приведших к гибели экспедиции капитана Татаринова, использован реальный материал из истории экспедиции Георгия Седова. В романе поставка негодных собак и продовольствия приписана двоюродному брату Ивана — Николаю Антоновичу Татаринову, руководившему сугубо личными мотивами. Георгий Седов скончался во время похода к полюсу в 1914 году. В конце романа, утверждая возвышенный образ мыслей своего героя, В. Каверин даёт описание фотоплёнок экспедиции, на которых был в последний раз запечатлён капитан Татаринов: «Свет погас, и на экране появился высокий человек в меховой шапке, в меховых сапогах, перетянутых под коленями ремешками. Он стоял, упрямо склонив голову, опершись на ружьё, и мертвый медведь, сложив лапы, как котёнок, лежал у его ног. Он как будто вошел в этот зал — сильная, бесстрашная душа, которой было нужно так мало!» [Каверин, 1965, с. 663—664]. В восьмой и девятой частях романа В. Каверин в качестве названий использует строки из хрестоматийного стихотворения Теннисона «Улисс», которые одновременно становятся девизом жизни как Ивана Татаринова, так и Сани Григорьева: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В оригинале: «To strive, to seek, to find, and not to yield», где первое слово переводится точнее как «стремиться», что, в принципе, почти не изменяет смысла девиза. Эта строка также выгравирована на кресте в память о погибшей экспедиции Роберта Скотта к Южному полюсу, на холме Обсервейшн.

Интересно, что хотя имя Теннисона и отсутствует в романе Б. Шлинка, однако отрывок из романа явно свидетельствует о знакомстве героя, и, конечно, автора с этим хрестоматийным стихом: «Когда выпал первый снег, Герберт укрылся в какой-то хижине. Но долго оставаться в ней было нельзя — могло завалить снегом. И он опять пошёл вперёд, пробивался сквозь метель, и за неделю добрался до почтовой станции <...> где его уже считали погибшим. Думали, он сдался снегу и холоду! Нет, он не сдался. После Карелии он уверовал, что сможет преодолеть всё на свете — нужно лишь не сдаваться» [Шлинка, 2018, с. 83]. Автор по сути описывает все вехи жизненного пути, заблуждения и образ мыслей Герберта фон Шрёдер-

Штранца, немецкого офицера колониальных войск, участвовавшего в жестоком подавлении восстания в Африке, путешествовавшего по Кольскому полуострову и Карелии, одержимого идеей покорения Северного морского пути и пропавшего без вести в августе 1912 года, когда, наконец, экспедиция состоялась. С. А. Ковалёв в статье «Арктические тени Третьего рейха» сообщает интересные сведения о том, что «в 1912 году появился проект германской арктической экспедиции под началом лейтенанта кайзеровского флота Шрёдер-Штранца, который предусматривал самостоятельное обследование немцами Таймырского полуострова для дальнейшего прохода в Берингов пролив и на Тихий океан. Право свободно распоряжаться собранными сведениями о русских землях и морях немцы оставляли за собой» [Ковалёв]. Эта экспедиция могла стать одним из первых пунктов в некоей арктической программе продвижения Германии на Восток, ещё задолго до захвата власти нацистами и начала Второй мировой войны. Подготовкой экспедиции Герберт Шрёдер-Штранц занимался с 1905 года, но вышел на маршрут только в августе 1912. Современников удивляла неподготовленность экспедиции, что относили на счёт необъяснимой самоуверенности Шрёдер-Штранца. Уже в истории подготовки этой экспедиции и в формировании образа мыслей Герберта Б. Шлинк усматривает те причины, которые приведут как к гибели его героя, так и к краху целое поколение немцев периода двух мировых войн XX века. Беда поколения Герберта, по мысли автора и героини романа, была в том, что ослепленные идеями об избранности и особой миссии Германии они не стремились к самостоятельности мысли, основательности знаний, но, усвоив набор вырванных из контекста мыслей Ницше о сверхчеловеке, мечтали о бестиальности, о превосходстве над другими.

Возможно, на воссоздание образа Герберта Шрёдер-Штранца Б. Шлинка подтолкнула публикация о долгожданной находке киноматериалов экспедиции. Как сообщает «Шпигель», одним из участников экспедиции был Кристофер Раве, имевший с собой 35-миллиметровую кинокамеру. Именно Раве впервые запечатлел арктическую экспедицию на плёнке, создав бесценный исторический документ. Во время Второй мировой войны разбомбили как центр Гамбурга, где было ателье Раве, так и киностудию УФА в Берлине. Считалось, что киноархив погиб навсегда, однако небольшой кусочек плёнки длиной в 8 минут оказался в частном архиве Москвы. На киноленте, спустя сто лет, можно видеть главного участника этой трагической экспедиции: «Широкоплечий мужчина, закутанный в толстый тулуп и меховую шапку, стоит на палубе и властно правит левой рукой. На дворе год 1912, и впервые в жизни на него направлен объектив кинока-

меры. Однако его кинокарьера продолжалась недолго, как недолгой была и жизнь сумрачного воина, который на черно-белом изображении сейчас так энергично отдаёт команды зычным голосом. Ему оставалось всего несколько недель» [Thadeusz]. В обоих произведениях авторы показывают последние отличные друг от друга изображения Ивана Татаринова и Герберта Шрёдер-Штранца, так много говорящие об их духовном мире и стремлениях. В романе Б. Шлинка даёт своеобразный намёк на ложность идеалов и устремлений Герберта при помощи несколько фотографических экфрасисов, см. об этом: [Шарыпина, 2010, с. 109—121], автор описывает фотографии, присланные героем Ольге, на которых читатель улавливает не только сходство с фотографиями кайзера Вильгельма, но и явно прочитывает отсылку к герою романа Г. Манна «Верноподданный» — Дидериху Хеслингу, так отчаянно желавшему походить на императора. Характерологическая функция фотографии в романе Б. Шлинка способствует, с учётом минимализма стиля писателя, созданию образов персонажей, определению и уточнению черт их личностей.

6. Заключение

Итак, коллективная культурная память — это тот фундамент на котором сохраняются воспоминания о важнейших для народа событиях. Художественная литература — одна из форм культурной памяти, которая выделяет, сохраняет и интерпретирует эпизоды краеугольных для национальной ментальности исторических событий, подходя к этому процессу творчески, избирательно. Она не только рефлектирует над прошлым, но и определяет новые смыслы национального самосознания, последнее является одной из её главных задач. В кризисные моменты истории обращение к национальным мифам и историческим параллелям способствует осмыслению насущных проблемы эпохи в контексте «вечных» вопросов человечества, помогает найти аналогии, сопоставления, «странные сближения». В анализируемых выше произведениях отмечаются типологические схождения между особенностями повествования, сюжетно-композиционными построениями, системами образов. Возникают «странные сближения» в проблематике, поскольку в обоих произведениях главные герои вдохновлены идеей освоения Севера, а также в нравственно-этическом аспекте, связанном с судьбой конкретного человека XX века, жизнь которого не просто вписана в непростую мировую историю, но и творит её. История В. Каверину и Б. Шлинку интересна как область, изучение которой помогает прояснить настоящее и предостеречь от ошибок в будущем. Талант писателей позволяет читателям увидеть, как глобальные исторические события меняют

жизнь человека, и распознать в трагичных судьбах простых людей закономерности глобального исторического процесса.

Источники

1. *Каверин В.* Два капитана / В. Каверин. — Москва : Детская литература, 1965. — 675 с.
2. *Шлинк Б.* Ольга / Б. Шлинк. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-389-15109-3.
3. *Schlink B.* Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen / B. Schlink. — Zürich, Diogenes Verlag, 2013. — 96 S. — ISBN 9783257603910.
4. *Schlink B.* Olga. Roman / B. Schlink. — Zürich, Diogenes Verlag, 2018. — 320 S. — ISBN 978-3-257-07015-6.
5. *Schlink B.* Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht / B. Schlink. — Frankfurt am Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2002. — 156 S. — ISBN 9783518121689.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалёв С. А.* Арктические тени Третьего рейха [Электронный ресурс] / С. А. Ковалёв. — Режим доступа : <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/26251/ogl.shtml> (дата обращения 24.09.2020).
2. *Реальные лица «Двух капитанов» Каверина : три экспедиции 1912 года, пропавшие в Арктике.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dvakapitana.rgo.ru/> (дата обращения 27.09.2020).
3. *Чугунов Д. А.* Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка / Д. А. Чугунов // *Studia Litterarum*. — 2020. — Т. 5. — № 2. — С. 186—201. — DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201.
4. *Шарыпина Т. А.* Интермедиаальные аспекты создания образов в поэтике романов Б. Шлинка «Женщина на лестнице» и «Ольга» / Т. А. Шарыпина // *Acta Neophilologica*. — 2019. — XXI (2). — С. 109—121.
5. *Шарыпина Т. А.* Миф как смыслопорождающая модель в литературном сознании Германии второй половины XX века / Т. А. Шарыпина // *Модели в современной науке : единство и многообразие : сборник научных трудов*. — Калининград : Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2010. — С. 427—432.
6. *Щеглов Ю. К.* Структура советского мифа в романах Каверина (о «Двух капитанах» и «Открытой книге») / Ю. К. Щеглов // *Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — С. 438—470.
7. *Connolly K.* Bernhard Schlink : Deutschland ist 'eine riesige Belastung' [Electronic resource] / K. Connolly // *The Guardian*. 2012. 17th sep. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interviewmit-bernhard-schlink> (accessed 28.09.2020).
8. *Kürten J.* Ein deutsches Jahrhundert : Bernhard Schlinks neuer Roman «Olga» [Electronic resource] / J. Kürten // *Deutsche Welle*. 2018. 12. Jan. — Access mode : <https://www.dw.com/de/ein-deutschesjahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (accessed 28.09.2020).
9. *Mohr P.* Schuld als Lebensthema. Zum 75. Geburtstag des Schriftstellers Bernhard Schlink am 6 Juli [Electronic resource] / P. Mohr // *literaturkritik.de*. 5 Juli 2019. — Access mode : <https://literaturkritik.de/schuld-als-lebensthema-zum-75-geburtstag-des-schriftstellers-bernhard-schlink-am-6-juli,25811.html> (accessed 29.09.2020).

15. *Thadusz F. Abenteurer : Harakiri im Polarmeer* [Electronic resource] / F. Thadusz // Spiegel Geschichte. — Access mode : <https://www.spiegel.de/geschichte/abenteurer-a-946817.html> (accessed 30.09.2020).

TYOLOGICAL CONVERGENCE AND “STRANGE CONTINGENCE” IN THE NOVELS OF V. KAVERIN “TWO CAPTAINS” AND B. SCHLINK “OLGA”

© **Tatiana A. Sharypina (2021)**, orcid.org/0000-0002-8585-8983, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), swawa@yandex.ru.

The results of a comparative analysis of the poetic dominants in the novels “Two Captains” by V. Kaverin and “Olga” by B. Schlink are presented. The novelty of the research is seen in the identification of diachronic typological parallels that can be traced at all levels of the poetological structure, including the features of the narrative, plot-compositional construction, and the system of images. It is noted that in both novels the problem of historical and cultural memory arises, since it is one of the defining components of the national mentality. It has been proved that letters form not only the “nuclear events” of the novels under study, but also are semantic centers that accumulate the components of mythological models that determined the life and fate of the heroes of the studied works. The “strange contingency” is commented on in terms of problems, since in both works the main characters are inspired by the idea of developing the North. The article reveals “strange contingency” at the moral and ethical level, connected with the fate of a private person of the 20th century, whose life is not only inscribed in world history, but composes and creates it. It is shown that the history of V. Kaverin and B. Schlink is interesting as a field, the study of which helps to clarify the present and warn against mistakes in the future.

Key words: cultural memory; national myths; national mentality; Bernard Schlink; Veniamin Kaverin; typological relationships.

MATERIAL RESOURCES

- Kaverin, V. (1965). *Dva kapitana* [Two captains]. Moskva: Detskaya literatura. 675 p. (In Russ.).
- Schlink, B. (2002). *Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag. 156 S. ISBN 9783518121689. (In Germ.).
- Schlink, B. (2013). *Gedanken über das Schreiben*. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich, Diogenes Verlag. 96 S. ISBN 9783257603910. (In Germ.).
- Shlink, B. (2018). *Olga* [Olga]. Moskva: Inostranka, Azbuka-Attikus. 304 p. ISBN 978-5-389-15109-3. (In Russ.).
- Schlink, B. (2018). *Olga*. Roman. Zürich, Diogenes Verlag. 320 S. ISBN 978-3-257-07015-6. (In Germ.).

REFERENCES

- Chugunov, D. A. (2020). *Osobennosti reprezentatsii proshlogo v proze Bernkharda Shlinka* [Features of the representation of the past in the prose of Bernhard Schlink].

- Studiya Litterarum* [Studiya Letters], 5 (2): 186—201. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201. (In Russ.).
- Connolly, K. (2012). Bernhard Schlink: Deutschsein ist ‘eine riesige Belastung’. *The Guardian*. 17th sep. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interviewmit-bernhard-schlink> (accessed 28.09.2020). (In Germ.).
- Kovalev, S. A. *Arkticheskiye teni Tret'yego reykh*a [Arctic shadows of the Third Reich]. Available at: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/26251/ogl.shtml> (accessed 24.09.2020). (In Russ.).
- Kürten, J. (2018). Ein deutsches Jahrhundert: Bernhard Schlinks neuer Roman «Olga». *Deutsche Welle*. 12 Jan. Available at: <https://www.dw.com/de/ein-deutsches-jahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (accessed 28.09.2020). (In Germ.).
- Mohr, P. (2019). Schuld als Lebensthema. Zum 75. Geburtstag des Schriftstellers Bernhard Schlink am 6. Juli. In: *literaturkritik.de*. 5 Juli. Available at: <https://literaturkritik.de/schuld-als-lebensthema-zum-75-geburtstag-des-schriftstellers-bernhard-schlink-am-6-juli,25811.html> (accessed 29.09.2020). (In Germ.).
- Realnyye litsa «Dvukh kapitanov» Kaverina: tri ekspeditsii 1912 goda, propavshiye v Arktike* [The real faces of Kaverin's “Two Captains”: three expeditions of 1912 that disappeared in the Arctic]. Available at: <https://dvakapitana.rgo.ru/> (accessed 27.09.2020). (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2010). Mif kak smysloporozhdayushchaya model' v literaturnom soznanii Germanii vtoroy poloviny XX veka [Myth as a meaning-generating model in the literary consciousness of Germany in the second half of the twentieth century]. *Modeli v sovremennoy nauke: edinstvo i mnogoobraziye: sbornik nauchnykh trudov* [Models in modern science: unity and diversity. Collection of scientific papers]. Kaliningrad: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet im. Immanuila Kanta. 427—432. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2019). Intermedialnyye aspekty sozdaniya obrazov v poetike romanov B. Shlinka «Zhenshchina na lestnitse» i «Olga» [Intermedial aspects of creating images in the poetics of B. Shlinks novels “A Woman on the Stairs” and “Olga”]. *Acta Neophilologica* [Acta Neophilologica], XXI (2): 109—121. (In Russ.).
- Shcheglov, Yu. K. (2015). Struktura sovetskogo mifa v romanakh Kaverina (o «Dvukh kapitanakh» i «Otkrytoy knige») [The structure of the Soviet Myth in Kaverin's novels (about “Two Captains” and “Open Book”)]. In: *Proza. Poeziya. Poetika. Izbrannyye raboty* [Prose. Poetry. Poetics. Selected works]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 438—470. (In Russ.).
- Thadeusz, F. Abenteuer: Harakiri im Polarmeer. *Spiegel Geschichte*. Available at: <https://www.spiegel.de/geschichte/abenteuer-a-946817.html> (accessed 30.09.2020). (In Germ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

.....

Айтали́на Ахметовна Кузьмина, канд. филол. наук (Якутск)
Айтали́на Родионо́вна Федорова, млад. науч. сотрудник (Якутск)
Александр Дмитриевич Гомбожапов, канд. истор. наук (Улан-Удэ)
Алексей Владимирович Горбатов, д-р истор. наук (Кемерово)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Владимирович Макаров, д-р юридич. наук (Чита)
Анзор Валериевич Дарчиев, канд. истор. наук (Владикавказ)
Антон Анатольевич Жиров, аспирант (Калининград)
Артем Сергеевич Петров, канд. истор. наук (Чита)
Евгений Владимирович Черных, ст. науч. сотрудник (Липецк)
Екатерина Александровна Юнина, млад. науч. сотрудник (Тобольск)
Екатерина Юрьевна Семенова, д-р истор. наук (Самара)
Заира Багаудиновна Ибрагимова, науч. сотрудник (Махачкала)
Зайтуна Аптрашитовна Тычинских, канд. истор. наук (Тобольск)
Зейнаб Ахмеддибировна Магомедова, канд. истор. наук (Махачкала)
Иван Александрович Шевченко, канд. истор. наук (Липецк)
Иван Дмитриевич Попов, канд. истор. наук (Архангельск)
Леонид Владимирович Захаровский, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Максим Александрович Мальцев, протоиерей (Кемерово)
Марина Анатольевна Сапронова, д-р истор. наук (Москва)
Марина Бариевна Ларионова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Наталья Юрьевна Гусевская, канд. пед. наук (Чита)
Ольга Валерьевна Васильева, канд. полит. наук (Якутск)
Руслан Шакирович Мамедов, программный менеджер (Москва)
Светлана Валерьевна Дарчиева, канд. истор. наук (Владикавказ)
Сергей Львович Разинков, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Васильева О. В. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов / О. В. Васильева, А. А. Кузьмина, А. Р. Федорова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 194—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210.

Vasilyeva, O. V., Kuzmina, A. A., Fedorova, A. R. (2021). Imagination of the North in Context of Development of Natural Environment: Mammoth in Mythological Representations of Yakuts. *Nauchnyi dialog, 1*: 194-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210. (In Russ.).

УДК 397(571.56)+398.41:599.61

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210

ВООБРАЖЕНИЕ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: МАМОНТ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЯКУТОВ

© **Васильева Ольга Валерьевна (2021)**, orcid.org/0000-0001-9992-4163, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), osipovaovr@rambler.ru.

© **Кузьмина Айталиня Ахметовна (2021)**, orcid.org/0000-0001-7051-9009, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aitasakha@mail.ru.

© **Федорова Айталиня Родионовна (2021)**, orcid.org/0000-0002-6487-3914, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aytar@mail.ru.

Рассматривается ряд отрицательных персонажей якутской мифологии, а также отдельные образы фольклора. Аргументируется точка зрения, согласно которой основой зарождения у якутов определенных мифологических представлений служил реальный мир, особенности ландшафта и климата, в той мере, в какой они воздействовали на человека. Отмечается, что культура народа саха строится на богатых мифологических представлениях, сложившихся в ходе освоения бескрайних просторов арктического пространства. Авторы анализируют этнографические заметки XIX—XX веков и современные научные публикации, в которых рассматриваются мифология и фольклор народа саха (якутов). Предпринята попытка прояснить вопрос о влиянии знаний об ископаемых останках мамонтовой фауны на формирование мифологических представлений, связанных с особенностями климата осваиваемого региона. Анализируется образ мамонта в широком контексте мифологических воззрений якутов. Делается вывод о том, что вторичные эзотерические представления о мамонтах, вызванные обнаружением их останков, могли лечь в основу прототипического образа для ряда персонажей якутской мифологии, например, водяного быка и быка холода. Доказывается, что представления о мамонтах могли найти свое отражение во внешнем облике богатырей абаасы в эпическом фольклоре саха.

Ключевые слова: мамонт; абаасы; эпос Олонхо; якутская мифология; демонология; мифологический персонаж.

1. Введение

С исторической и этнографической точек зрения особый интерес всегда представляет вопрос о генезисе культуры той или иной этнической общности. В этом случае перед исследователем ставится задача изучения отдельных элементов культурных явлений и предпосылок их формирования.

Современное понимание этнонима *саха* — результат синтеза множества культурных и этнических наслоений. Территория бассейна реки Лена всегда являлась частью этнокультурных контактов автохтонного населения и пришлых кочевников с Юга. Так, ранний этап эпохи железа в Якутии связан с эпохой скифов, а VI—XII века отмечены интенсивным притоком кочевников-скотоводов на Юг Якутии, которые в течение длительного времени формируют особый скотоводческий и культурно-хозяйственный тип северных коневодов [Романова и др., 2016, с. 12].

Как в эпоху господства гуннов, так и в период владычества древних тюрков и монголов, когда территория Центральной Азии и Южной Сибири становилась ареной кровавых битв, бассейн Лены, очевидно, служил местом, куда стекались сохранившиеся части различных этнических образований. Несомненно и то, что бассейн реки Лены с ее пастбищами и богатыми охотничьими угодьями служил областью, где с древних времен в поисках добычи кочевали различные по своему происхождению племена. Некоторые из них осели, и их можно назвать автохтонными [Саввин, л. 94].

По последним данным археологии, огромное влияние в изучаемом регионе имела Кулун-атахская скотоводческая культура, основные памятники которой датируются XIV—XV веками. Она не являлась еще полностью сформированной и тождественной культуре якутов, в ней происходили ассимиляционные процессы, в которых главное место занимали пришлые этнообразующие силы [Гоголев, 2018, с. 161].

Упомянутое выше движение номадов-кочевников с юга в страну вечных льдов и снегов считается началом истории народа саха (якутов). Таким образом, процесс этногенеза и формирования народа саха — это длительный и многоступенчатый процесс, состоящий из множества субстратов, который, по имеющимся данным, завершается на Средней Лене к середине II тысячелетия н. э. В свою очередь освоение кочевниками северного края, в ходе которого происходило сопряжение реального ландшафта и мифологических представлений, и есть явление, определившее формирование самобытной культуры якутов. Знаковую роль в данном процессе для

анимистов-якутов сыграл животный мир Севера и Арктики, при этом мы выдвигаем гипотезу, что среди животных, оказавших определенное влияние на мифологическую картину, были и те млекопитающие, которые исчезли с лица земли многие тысячи лет назад, — мамонты.

Следует отметить, что Якутия является территорией крупнейших запасов хорошо сохранившихся останков мамонтовой фауны. По разным оценкам от 80 до 90 % всех мировых запасов ископаемой мамонтовой кости находится на территории Республики Саха (Якутия). Хорошая сохранность палеонтологических останков обусловлена климатическими особенностями региона, в частности, вечной мерзлотой и экстремально низкими температурами большую часть года.

Однако, несмотря на то, что ландшафты Якутии были хорошо освоены якутами [Романова и др., 2017, с. 295—327], считается, что останки мамонтов лишь незначительно повлияли на фольклор данной этнической группы.

Наиболее известные сюжеты, связанные с мамонтом, были описаны А. Ф. Миддендорфом, который в середине XIX века зафиксировал два нарратива о мамонте от местного населения. В первом говорилось о том, что мамонт был настолько велик, что не уместился в Ноевом ковчеге, а потому погиб в потоках воды. Исследователь небезосновательно посчитал данный сюжет следствием влияния русской культуры. Второе сказание, широко распространенное в то время в Якутии и расцененное исследователем как аутентичное, было передано следующим образом: «Когда зимой лед с шумом трескается на большом протяжении, что случается нередко и притом в ночное время, то это приписывается проделкам огромного животного, водяного быка (уу-огус) от которого происходят мамонтовые клыки» [Миддендорф, 1878, с. 821].

В то же время, как указывают этнографы, «в традиционной культуре саха мамонт — символ сатанического, шаманского мира, мира мертвых» [Возвращение мамонта ..., 2018]. С чем же связано такое представление о мамонте, если основной сюжет сообщает о том, что мамонт — это один из духов местности — водяной бык?

Далее попробуем разобраться в этом вопросе. Для начала рассмотрим, какие вторичные представления о мамонте на основе знаний об обнаруженных его останках создавало человеческое воображение в разных культурах.

2. Представления об останках мамонтов в разных культурах

В разное время, находя останки ископаемых животных, люди пытались составить представление о том, кому они могли принадлежать. Так, жители средневековой Европы принимали кости и бивни мамонтов за

останки великанов (о находках костей «великанов» в Швейцарии и Германии сообщается в рукописях начала XVI века) и даже считали останками святых, превращая их, в силу христианских традиций, в реликвии и помещая в церквях.

Интересные легенды сложились под впечатлением находок костей древних слонов в Средиземноморье. Наиболее известны среди них античные мифы, появившиеся на Сицилии, где жили не мамонты, а их родственники — плейстоценовые слоны. В древние времена, когда началась колонизация острова выходцами из материковой Греции (конец I тыс. до н. э.), слонов на Сицилии уже давно не было. Они вымерли много раньше, в конце плейстоценового периода, когда Сицилия окончательно утратила связь с материковой Италией [Марра и др., 2008, с. 20—27].

Во время добычи известняка для строительства зданий в различных местах Сицилии колонисты находили кости ископаемых слонов. Эллина предположили, что это останки древних великанов. К такому повороту в осмыслении данных побуждала античная мифология, в которой гиганты занимали важное место вместе с богами эллинов. Кроме того, фундаментом послужили знания об анатомии черепа слонов: носовое отверстие на черепе слонов (и мамонтов) располагается в центре лба (на уровне основания хобота), а глазницы — на боковых поверхностях черепа и не так хорошо заметны, как носовое отверстие. Именно поэтому большие черепа с отверстием на лбу оказались восприняты как останки циклопов — одноглазых великанов [Там же].

Первые фантастические сведения о мамонте, кости которого находили на азиатском Севере России, документально были зафиксированы в Китае. В старинном китайском сочинении V века до н. э. упоминается зверь «финшу», что в переводе с китайского означает «подземная мышь». Этот зверь, похожий на мышь, но величиной с крупного быка, живёт на Севере в тёмных норах под землёй, которые роет своими рогами-бивнями, и умирает, если увидит солнечный свет. Подобные легенды бытовали в Китае вплоть до XIX века.

В свою очередь в представлении жителей Сибири и Дальнего Востока мамонт был неким гибридным существом. Чаще всего его наделяли чертами известных людям животных. Например, эвенки изображали мамонта в виде рыбы, а ханты считали, что мамонт — это подземное переоплощенное лося, щуки и медведя. Изображения мамонта могут быть трудноузнаваемыми [Сериков и др., 2004, с. 171].

Итак, каждая культура интерпретирует образ мамонта через объектив собственного взгляда на мир и мифологические воззрения. Мы приходим к выводу, что находки ископаемых останков мамонта вызвали вторичные,

эзотерические представления о нем как о необычном, сказочном существе и могли переплетаться с более ранними фольклорно-мифологическими мотивами. При этом отдельные части скелета мамонта могли рассматриваться даже как останки разных мифических существ.

Стоит отметить, что находка черепа мамонта — сравнительно более редкое явление, нежели обнаружение бивней, поскольку последние в силу особой структуры лучше сохраняются.

3. Мамонт и образ быка в мифологических представлениях якутов

Как было сказано выше, бивни мамонта считались у якутов рогами водяного быка (*уу огусун муоса*, где слово *муос* в прямом переводе означает ‘рог’). Водяной бык — это один из духов местности иччи — хозяин воды. Напомним, что у якутов бытовали легенды о существовании трех видов духов: духов местности, хозяевах природы (иччи); добрых (айыы); злых, вредоносных (абаасы).

Кроме того, водяной бык выступает в качестве ездового животного чудовища-абаасы: «С единственным тупым рогом на макушке, с единственным глазом в самой середине лба, с восемью ногами из голого брюха, с голубыми пятнами, как волная волна, быка-пороза в двенадцатиуговую нарту запрягши [некто] о восьми головах, беспорядочно вздымаясь, показался» [Макаров, 2017, с. 13].

Также абаасы мог превращаться в быка: «Верхом на ржаво-буром быке, в которого превратился абаасы, Басымджи прибывает в отчий дом» [Там же, с. 39]. Следует отметить, что встречаются разные упоминания цвета быка, от голубого, как волна (что, по всей видимости, является дополнительным указанием на водяного быка уу огуса), до ржаво-бурого, который соответствует окрасу найденных шкур мамонтов.

Заметим, что первое изображение мамонта, сделанное европейцем по рассказам местного населения в Сибири, было выполнено в виде химеры, также с телом и головой быка (рис. 1).

Большое количество указаний на символическую связь рогатого скота и нижнего яруса традиционной модели мира, который населяли злые духи, содержится в различных жанрах якутского фольклора [Там же, с. 12]. В научной литературе, посвященной мифологии и фольклору якутов саха, часто упоминается, что абааһы — жители нижнего мира — имеют только рогатый скот, а конный скот принадлежит людям и спущен с неба боже-ствами [Эргис, 1974, с. 123]. Согласно якутскому эпосу олонхо, чудовища — абааһы, живущие в «нижнем», подземном мире, — «выезжают оттуда на быках и появляются обычно с Севера» [Там же].

Рис. 1. Рисунок Кагга. Одно из первых изображений мамонта, сделанное Бароном Леонардом Каггом — пленным шведским офицером, вернувшимся из Тобольска, в первой половине XVIII века.

Здесь хотелось бы отметить, что образ водяного быка близок к еще одному мифологическому персонажу — быку холода. Оба являются персонажами якутской устной традиции, обнаруживающими при сравнительном рассмотрении большое количество схожих признаков [Макаров, 2017, с. 11—25] настолько, что исследователи склонны к предположению о существовании некоторого общего для них прототипического источника, которым, по всей видимости, мог быть мамонт.

Дело в том, что негативные коннотации образа водяного быка находят продолжение и в образе Быка Зимы (*Дьыл обуһа*), обитающего, по поверью, у Северного Ледовитого океана [Данилова, 2017, с. 123; Костырко, 2013; Макаров, 2017, с. 11—25; Романова и др., 2019, с. 258]. «Бык зимы выходит из океана с туманным дыханием, в заиндевелой дохе, с ледяным носом, с очами, словно проруби, с предлинными звонкими рогами, с туловищем, заслоняющим солнце, с морозом в подмышках, с утренниками в пахах, с выюком из болезней, с тороками из простуды ...» [Березкин и др., 2017]. По постепенному «умиранию» этого персонажа якуты отсчитывают время до смягчения холодов и наступления потепления [Макаров, 2017, с. 12].

Г. У. Эргис указывает, что бык зимы занимает особое место среди иччи. Ему не приносят подношений, люди к нему не обращаются. Он олицетворение ничем не отвратимой стихии [Эргис, 1974, с. 123—124].

Надо отметить, что вообще образ быка в устной традиции якутов имеет отрицательную семантику. В исследованиях подчеркивается, что в якутском героическом эпосе олонхо, сказках-мифах, песнях бык выступает в качестве

олицетворения зимы, Севера, ездового животного демонского племени абаасы. Его оппозицией является конь, который олицетворяет лето, юг, ездового животного племени людей айыы аймаҕа [Габышева, 2003, с. 248]. Так, в сказке-мифе «Атыыр уонна атыыр оҕус» («Жеребец и бык») повествуется о том, как зима стала длиннее лета по вине быка. Здесь семантически противопоставлены конь и бык, символизирующие лето и зиму.

Образ быка связан, с одной стороны, с представлениями о стихии и экстремальных климатических условиях территории, с другой стороны, проводятся связи с находками останков мамонтовой фауны.

Как уже упоминалось выше, изображения мамонта могут быть трудноузнаваемыми, чаще всего его наделяли чертами известных людям животных. Ископаемые находки мамонтовой кости могли интерпретироваться древним населением как останки быка, которого, кроме всего прочего, наделяли негативными коннотациями, связанными с холодными территориями осваиваемого края. Поэтому, когда в мифах речь идет о быке, порой имеется в виду и мамонт. Можно предположить, что мамонт подразумевается в тех случаях, когда упоминается влияние стихии. Останки мамонта могли быть олицетворением силы стихии, с которой переселенцам пришлось столкнуться по мере их продвижения на Север.

4. Образ злых духов абаасы в якутской мифологии

Не только образ быка, но и образ абаасы мог иметь свои корни во вторичном представлении, сформировавшемся на основе находок ископаемой мамонтовой кости. По мнению В. Ф. Трощанского, якуты, продвигаясь вниз, на Север, попадали во все более и более суровый климат с возрастающими бедами-несчастьями, которые (в силу распространенности анимистических воззрений. — *Прим. авторов*) не замедлили обратиться в мифических абаасылар [Трощанский, 1902, с. 60].

Здесь стоит отметить, что находки останков мамонтовой фауны на Севере более распространены, кроме того, выше их целостность — находят даже целые туши. Наиболее часто кости мамонта обнажаются во время и после вскрытия рек, озер.

К интегральным чертам образа абаасы следует отнести связь с Севером, северным направлением. В. Ф. Трощанский описывает их следующим образом: «Абааһы живут и на небе, и на земле, и под землей. Тут мы встречаем некоторую неясность и неопределенность. Якуты говорят, что вот эти духи верхние, а вот те нижние, но дело в том, что это может значить северные и южные, так как якуты в обычной речи отождествляют верх с югом, хотя для юга имеется свое слово, а низ с Севером (по Бетлингу “аллара” —

вниз по течению реки, на Север, а потому часто употребляют выражения “такой то спустился вниз”, “поднялся наверх”, то есть уехал на север или на юг» [Там же, с. 59].

Отметим, что и слово *хоту*, обозначающее Север (ср. др.-тюрк. *ходы* — вниз [Большой ..., т. 13, с. 625]), используется в значении и направления вниз, и вдоль по чему-либо, кроме того, оно также имеет негативные коннотации. По мнению Н. К. Даниловой, на смысловой контекст слова *хоту* проецированы концепты, связанные, во-первых, с холодом, во-вторых, с когнитивными образами, имеющими отрицательные характеристики. Она отмечает, что и в мифоритуальной, и в языковой картинах мира саха культурные концепты, основанные на семантике холода, так или иначе связаны с нижним миром и обладают негативными характеристиками. Так, про умершего человека говорят: *тымныйбыт* (похолодел), про бесчувственного и безнравственного человека — *тон кихи, муус кихи* (букв.: холодный человек, ледяной человек) [Данилова, 2015, с. 121—126].

Казалось бы, холод — это объективная категория, но первобытные люди (к которым в широком смысле можно отнести племена, заселявшие территорию) осмыслили его по нормам своего сознания. Миф — это непосредственная форма познавательного процесса, и, вскрывая эту форму, мы видим, как первобытный человек представлял себе объективный мир.

Согласно шаманским представлениям, Север отождествляется с болезнями, напастями для человека: «Источник всех болезней находится на севере, между средним и нижним миром» [Эргис, 1974, с. 123]. Согласно мифологическим представлениям, нижний мир злых демонов *абаасы* находится на Севере, у Ледовитого океана.

Подземный мир в олонхо описан как темная ледяная или болотная земля с низким красноватым небом, как недоваренная уха, с огненными и ледовитыми морями. Здесь можно обнаружить параллели с ландшафтом арктической зоны (тундра, ледовитые моря, водоемы). А Средний и Верхний миры описаны как солнечные страны с вечным летом [Содномпилова, 2017, с. 120]. Для тюрков Южной Сибири характерно представление о том, что Север — это низ [Львова и др., 1988, с. 42], то же самое свойственно якутам.

Направление Север находилось на периферии освоенной территории саха и воспринималось как «далекое», «холодное» и «чужое» пространство [Данилова, 2015, с. 121—126].

Косвенным подтверждением идеи, что мамонт в якутской мифологии имеет параллели с *абаасы*, является и замещение образа мамонта, который встречается у северных народов, на образ злого духа *абаасы* в якутской интерпретации одного и того же космогонического сюжета. Многие легенды

народов Севера имеют сюжет, в котором мамонт участвует в сотворении мира и его ландшафта: создатель делает мир изначально гладким, а мамонт, после того как проходится по нему, оставляет на земле горы, озера и русла рек. Данные мифы мы можем встретить у ненцев, нганасан и эвенков, в ряде сюжетов именно эти действия мамонта становятся причиной его смерти. Подобный якутский сюжет был представлен Г. У. Эргисом в «Очерках по якутскому фольклору». В нем рассказывается о том, как творец Айыы создал землю очень красивой и ровной, но спустился злой дух (абаасы) и стал топтать и царапать землю, отчего остались на ней следы в виде рек, озер и гор [Эргис, 1974, с. 110]. Данный сюжет у перечисленных выше народов определенно является родственным. Но интересно отметить, что в якутской интерпретации мамонт трансформируется в злого духа.

Некоторые мифологические представления как совокупность воззрений на мир впоследствии могли найти свое отражение и в якутском эпическом фольклоре, поскольку фольклор развивается из мифологии и обязательно содержит в том или ином виде мифологические элементы. Далее рассмотрим в качестве источника олонхо.

5. Образы злых духов абаасы в фольклоре саха

Если в мифологических представлениях якутов абаасы не имеет какого-то конкретного воплощения, то в фольклоре все несколько иначе. Наиболее ярко этот образ представлен в богатырском эпосе якутов — олонхо, в котором абаасы выступают как существа-богатыри, противники человечества, однако подобные людям, с человеческими страстями и потребностями. Примечателен внешний облик богатырей абаасы: очень часто они описываются как необыкновенно уродливые одноногие циклопы гигантского роста [Пухов, 1962, с. 137]:

*Послушайте-ка, Что брешет Одноглазый атаман адъараев! Вот обида!
Гляди-ка,*

*Как горло дерет Одноглазое чудище! Ишь, как разорался леший, Одно-
рукая образина!* [Строптивный Кулун Куллустуур ..., 1985, с. 361—362].

Как известно, асимметрия тела является довольно устойчивым признаком персонажей класса демонов и чудовищ [Басангова, 2011, с. 275; Львова и др., 1989, с. 92]. Так, в аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина в мотиве «L85. Существа-половинки, F525» дается обширная карта распространения образов одноглазых, од-

норуких, одноногих существ в фольклоре и мифологии многих народов мира, в том числе финно-угорских (удмурты, мари), тюркских (чуваши, башкиры, казахи, якуты, долганы), монгольских (буряты, калмыки, монголы), тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены), самодийских (нганасаны, энцы) народов [Березкин и др., 2017].

В то же время нельзя говорить о большинстве сюжетов повествовательного фольклора как феноменах, имеющих строго определяемый источник. Анализируя архаичные образы, мы вскрываем в них комплексность содержания.

Как пишет О. М. Фрейденберг, «мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности. Человек не волен был сочинять образы, он был вынужден мыслить ими» [Фрейденберг, 1998, с. 23]. Мы предполагаем, что представления об асимметричных существах как о демонах могли актуализироваться при осмыслении находок ископаемых останков мамонтовой кости. Возможно, поэтому образы одноглазых гигантских существ устойчиво присутствуют в текстах фольклора саха.

В олонхо момской локальной традиции «Кётёр Мюлгюн» («Летающий Мюлгюн») дается интересная портретная характеристика богатыря абаасы, сообщающая не только о его огромных размерах, но и о его полурасжившемся состоянии:

*Биэс былас биэкэйэ сытыйбыт бишлээх,
Алта былас дагдайа сытыйбыт сарыннаах,
юс былас ёкёйё сытыйбыт ёртюктээх,
бишр былас буордаах булуо моньньоох*
(В пять сажень с высоким сгнившим станом,
В шесть сажений с громадными гнилыми плечами,
Три сажени с гнилым бедром,
В одну сажень с грязной шеей) [Павлова, 2018, с. 116].

Прибытие абаасы всегда изображается на фоне разбушевавшейся стихии. И внешний вид абаасы, и бедствия, возникающие при его появлении, говорят о том, что образ богатырей абаасы в олонхо связан со стихией, а борьба героев олонхо с богатырями абаасы напоминает борьбу человека со стихией [Пухов, 1962, 137]. «Метафоризм мифической мысли <...> любит зашифровывать природу социальными отношениями» [Мелетинский, 2000, с. 26].

Таким образом, в представлениях саха борьба человека с богатырями нижнего мира и последующая победа над ними отождествляют собой жиз-

Рис. 2 Череп мамонта

неутверждающий манифест скотоводческого народа над суровыми климатическими условиями освоенной им территории.

Относительно олонхо общепризнанным является мнение А. П. Окладникова, который при обозначении некоторых признаков сходства с фольклором коренных народов Севера все же считал, что олонхо представляет другой культурно-этнический мир. По его мнению, эпос раскрывает мир полуседлых скотоводов, неразрывно связанных в прошлом с более развитыми скотоводческими культурами Центральной Азии [Окладников, 1974, с. 19—20].

Схожего мнения придерживался Г. У. Эргис. Он писал, что из всех произведений якутского фольклора в богатырском эпосе олонхо имеют наиболее яркие совпадения с эпическими произведениями алтайских тюрков, монголов и бурят (в сюжетных мотивах, образах, даже отдельных изобразительных средствах олонхо) [Эргис, 1974, с. 19—20].

Мы же предполагаем, что фольклор народа саха содержит мифологические представления, которые не являются простым продолжением более древних южно-сибирских сюжетов. Стоит отметить, что исследователи не обнаруживали непосредственной связи с другими тюркскими народами ни в образах богатырей нижнего мира, ни в самом термине *абааны* (абаасы), хотя мотивы об асимметричных половинчатых существах следует назвать довольно распространенными.

Таким образом, появление в олонхо образа противника героя в виде одноглазого богатыря абаасы могло быть следствием перехода отдельных

элементов мифологических представлений якутов о духах-абаасы. В свою очередь, основой зарождения у якутов мифологических представлений служит реальный видимый мир. Следовательно, образ противника человека богатыря-абаасы сложился именно на территории Якутии.

6. Заключение

В мифологических представлениях саха вредоносные духи Севера и холода соотносились с останками древних животных, которые обнаруживались по берегам северных озёр и рек после их вскрытия, когда течением размывались берега и из вечной мерзлоты появлялись кости.

Мамонт мог быть прототипическим образом, который лег в основу формирования мифологических представлений как о водяном быке, так и о быке холода. В то же время находятся аргументы в пользу того, что впечатление, которое на людей производили останки мамонтов, могло найти отражение и в формировании представлений о злых духах в целом. Вот почему этнографы указывают, что в традиционной культуре саха мамонт — символ саганического, шаманского мира, мира мертвых [Возвращение мамонта ..., 2018]. Обнаружение останков мамонта считалось дурным предзнаменованием. Табуированность данного естественного ресурса, по всей видимости, предопределила то, что якуты не использовали его в своих хозяйственных или культурных практиках. Об этом свидетельствует отсутствие изделий из мамонтового бивня в археологических памятниках культуры, ассоциированных с саха в период до прихода русского населения. Начало довольно активного использования предметов из мамонтовой кости в археологических памятниках якутов (саха) приходится лишь на XVII век, когда территория края осваивается и русским населением.

Мы предполагаем, что в якутском фольклоре, в особенности в олонхо, представление о противниках народа саха в виде гигантских циклопов сложилось как отражение мифологических воззрений переселенцев о климате и природе освоенного ими пространства. В свою очередь, так как воплощением климата и суровой стихии стали ископаемые останки мамонтовой фауны, отдельные элементы образа абаасы были почерпнуты из опыта находок останков.

Таким образом, олонхо как эпос, несмотря на свое южное происхождение, неотделим от этнической истории якутов и пространства, которое было ими освоено. В мифических представлениях якутов о злых и вредоносных духах — абаасы — отразились представления переселенцев с Юга о стихии и климатических особенностях осваиваемой территории, при этом образы вредоносных духов отождествляются с останками вымерших животных плейстоценового периода — мамонтов.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой* толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылыах улахан тылдыҕа : (Буква Х). — Новосибирск : Наука, 2016. — Т. 13. — 636 с. — ISBN 978-5-02-032332-2.

2. *Березкин Ю. Е.* Аналитический каталог «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index> (дата обращения 26.08.2020).

3. *Саввин А. А.* Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 73.

4. *Строптивный* Кулун Куллустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур : якутское олонхо / [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов ; запись В. Н. Васильева ; подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса ; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова ; вступ. ст. И. В. Пухова и Г. У. Эргиса ; ответственный редактор А. С. Мирбадалева]. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. — 608 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басангова Т. Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков / Т. Г. Басангова // Новые исследования Тувы. — 2011. — № 2—3. — С. 269—278.

2. *Возвращение* мамонта. Смогут ли в Якутии клонировать животных? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tass.ru/v-strane/5749682> (дата обращения 22.08.2020).

3. *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Л. Л. Габышева. — Москва, 2003. — 493 с.

4. *Гоголев А. И.* Происхождение народа саха и его традиционной культуры : монография / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. — 256 с. — ISBN 978-5-7513-2474-2.

5. *Данилова Н. К.* Концепт «север / хоту» в представлениях народа саха и долган / Н. К. Данилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 2. — С. 121—126.

6. *Костырко В. С.* Оппозиция конный скот / рогатый скот и якутский мифологический пантеон [Электронный ресурс] / В. С. Костырко. — Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm>. (дата обращения 28.08.2020).

7. *Львова Э. Л.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова // Человек. Общество. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. — 243 с.

8. *Макаров С.* Хозяин холода и дух озер : водяные быки в якутской мифологии / С. Макаров // Фольклористика. — 2017. — № 2/2. — С. 11—25. — DOI: 10.18485/folk.2017.2.2.1.

9. *Марра А. Ч.* Древние слоны Евразии : легенды Севера и Юга / А. Ч. Марра, Е. Н. Машенко // Природа. — Москва : Издательство Российской академия наук. — 2008. — № 11 (1119). — С. 20—27.

10. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 2000. — С. 24—31. ISBN 978-5-7281-2192.

11. *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири.

(Окончание всего сочинения) / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Издательство Имп. акад. наук, 1878. — С. 619—833.

12. *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. 1 : Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. — Москва-Ленинград : Академия наук СССР, 1955. — 430 с.

13. *Павлова О. К.* Образы богатырей абаасы как противников главных героев (на примере олонхо северо-восточной традиции якутов) / О. К. Павлова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М. К. Аммосова. — 2018. — № 3 (65). — С. 112—118. — DOI: 10.25587/SVFU.2018.65.14075.

14. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос : основные образы / И. В. Пухов. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 255 с.

15. *Романова Е. Н.* Степная Арктика : «помнящая культура» номадов Севера» / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов // Геокультуры Арктики : методология анализа и прикладные исследования. — Москва : Канон+, 2017. — С. 295—327. — ISBN: 978-5-88373-511-9.

16. *Романова Е. Н.* Степная сага коневодов Арктики : от древних времен до недавних событий / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 4. — С. 9—19.

17. *Романова Е. Н.* Антропология Холода : методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — С. 255—263. — DOI: 10.17223/22220836/35/23.

18. *Сериков Ю. Б.* Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии / Ю. Б. Сериков, А. Ю. Серикова // Российская археология. — 2004. — № 2. — С. 168—172.

19. *Содномпилова М. М.* Образы севера в представлениях бурят : контаминации мифологического и реального / М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». — 2017. — Т. 20. — С. 120—135.

20. *Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов : с 10 фиг. и 4 прил. / посмерт. изд., ред. Э. К. Пекарским, доп. примеч. Э. К. Пекарского и Н. Ф. Катанова и снабженное прил. Э. К. Пекарского, А. А. Наумова и В. В. Попова. — Казань : Типо-лит. ун-та, 1902. — 208 с.

21. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 800 с. — ISBN 5-02-017900-0.

22. *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 400 с.

IMAGINATION OF THE NORTH IN CONTEXT OF DEVELOPMENT OF NATURAL ENVIRONMENT: MAMMOTH IN MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS OF YAKUTS

© **Olga V. Vasilyeva (2021)**, orcid.org/0000-0001-9992-4163, PhD in Politics, Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), osipovaovr@rambler.ru.

© **Aitalina A. Kuzmina (2021)**, orcid.org/0000-0001-7051-9009, PhD in Philology, Senior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aitasakha@mail.ru.

© **Aitalina R. Fedorova (2021)**, orcid.org/0000-0002-6487-3914, Junior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aytap@mail.ru.

A number of negative characters in Yakut mythology, as well as individual images of folklore, are considered. The point of view, according to which the basis for the emergence of certain mythological ideas among the Yakuts was the real world, the features of the landscape and climate, to the extent that they influenced a person, is proved. It is noted that the culture of the Sakha people is based on rich mythological concepts that have developed during the development of the vast expanses of the Arctic space. The authors analyze ethnographic notes of the XIX—XX centuries and modern scientific publications, which examine the mythology and folklore of the Sakha people (Yakuts). An attempt has been made to clarify the question of the influence of knowledge about the fossil remains of the mammoth fauna on the formation of mythological ideas related to the peculiarities of the climate of the region being developed. The image of a mammoth is analyzed in the broad context of the mythological views of the Yakuts. It is concluded that secondary esoteric ideas about mammoths, caused by the discovery of their remains, could form the basis of a prototypical image for a number of characters in Yakut mythology, for example, a water bull and a cold bull. It is proved that the idea of mammoths could be reflected in the external appearance of the abasyy heroes in the epic folklore of the Sakha.

Key words: mammoth; abasyy; the epic of Olonkho; Yakut mythology; demonology; mythological character.

MATERIAL RESOURCES

Berezkin, Ju. E., Duvakin, E. N. *Analiticheskiy katalog «Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam»* [Analytical catalog “Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas”]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index> (accessed 26.08.2020). (In Russ.).

Bolshoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyldyta: (Bukva H) [Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byarylau Ulakhan tilgate: (the Letter X)], 13. (2016). Novosibirsk: Nauka. 636 p. ISBN: 978-5-02-032332-2. (In Yakut.).

Savvin, A. A. *Rukopisnyy otdel IGLiPMNS SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 73* [Department of manuscripts and Equipment SB RAS. F. 4. Op. 12. D. 73]. (In Russ.).

Stroptivyy Kulun Kullustuur = Kuruubaj Haannaah Kulun Kullustuur: jakutskoye olonkho [Obstinate Kulun Kullustuur = Kuruubai Haannaah Kulun Kullustuur: Yakut Olonkho]. (1985). Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 608 p. (In Yakut.).

REFERENCES

Basangova, T. G. (2011). Demonologicheskiye personazhi v folklоре kalmykov [Demonological characters in Kalmyk folklore]. *Novyye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva], 2—3: 269—278. (In Russ.).

- Danilova, N. K. (2015). Koncept «sever / hotu» v predstavleniyakh naroda sakha i dolgan [Concept “North / hotu” in the representations of the Sakha and Dolgan people]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki* [Arctic XXI century. Humanities], 2: 121—126. (In Russ.).
- Frejdenberg, O. M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moskva: Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN. 800 p. (In Russ.).
- Gabyшева, L. L. (2003). *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov)*. Doct. Diss. [Word in the context of the mythopoetic picture of the world (on the material of the Yakut language and culture). Doct. Diss.]. Moskva. 493 p. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2018). *Proiskhozhdeniye naroda saha i yego tradicionnoy kultury: monografiya* [The Origin of the Sakha people and their traditional culture: monograph]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 256 p. ISBN 978-5-7513-2474-2. (In Russ.).
- Jergis, G. U. (1974). *Ocherki po yakutskomu folkloru* [Essays on Yakut folklore]. Moskva: Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Kostyrko, V. S. *Oppozitsiya konny skot /rogaty skot i yakutskiy mifologicheskij panteon* [Opposition horse cattle / horned cattle and the Yakut mythological Pantheon]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (accessed 28.08.2020). (In Russ.).
- Lvova, Ye. L., Sagalayev, A. M., Usmanova, M. S. (1989). Traditsionnoye mirovozzreniye turkov Yuzhnoy Sibiri [Traditional worldview of the Turks of southern Siberia]. In: *Chelovek. Obshchestvo* [Person. Society]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye. 243 p. (In Russ.).
- Makarov, S. (2017). Khozyain holoda i dukh ozer: vodyanyye byki v yakutskoy mifologii [The Master of cold and the spirit of lakes: water bulls in Yakut mythology]. *Folkloristika* [Folklore Studies], 2/2: 11—25. DOI: 10.18485/folk.2017.2.2.1. (In Russ.).
- Marra, A. Ch., Mashhenko, E. N. (2008). Drevniye slony Evrazii: legendy Severa i Yuga [Ancient elephants of Eurasia: legends of the North and South]. *Priroda* [Nature], 11 (1119). Moskva: Izdatelstvo Rossiyskaya akademiya nauk. 20—27. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (2000). *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moskva: RGGU. 24—31. ISBN 978-5-7281-2192. (In Russ.).
- Middendorf, A. F. (1878). *Puteshestviye na sever i vostok Sibiri. Ch. 2. Sever i vostok Sibiri v yestestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otd. 6. Korennyye zhiteli Sibiri. (Okonchaniye vsego sochineniya)* [Journey to the North and East of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in natural history. 6. Indigenous inhabitants of Siberia. (The end of the entire work)]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Imp. akad. nauk. 619—833. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR], 1: *Yakutiya do prisoyedineniya k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state]. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 430 p. (In Russ.).
- Pavlova, O. K. (2018). Obrazy bogatyrey abaasy kak protivnikov glavnykh geroyev (na primere olonkho severo-vostochnoy traditsii yakutov) [Images of the heroes of abaasy as opponents of the main characters (on the example of the Olonkho North-Eastern tradition of the Yakuts)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal-*

- nogo universiteta im. M. K. Ammosova [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 3 (65): 112—118. DOI: 10.25587/SVFU.2018.65.14075. (In Russ.).
- Puhov, I. V. (1962). *Yakutskiy geroicheskiy epos: osnovnyye obrazy* [Yakut heroic epic: basic images]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 255 p. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Dobzhanskaya, O. Je. (2019). Antropologiya Kholoda: metodologiya, koncepty, obrazy (na primere kulturnykh traditsiy korennykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk state University. Cultural studies and art history], 35: 255—263. DOI: 10.17223/22220836/35/23. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Dyakonov, V. M. (2017). Stepnaya Arktika: «pomnyashchaya kultura» nomadov Severa» [Steppe Arctic: “remembering the culture of the nomads of the North”]. *Geokulturny Arktiki: metodologiya analiza i prikladnyye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: methodology of analysis and applied research]. Moskva: Kanon+. 295—327. ISBN: 978-5-88373-511-9. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Ignatyeva, V. B., Dyakonov, V. M. (2016). Stepnaya saga konevodov Arktiki: ot drevnikh vremen do nedavnikh sobytii [Steppe Saga of Arctic horse breeders: from ancient times to recent events]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 4: 9—19. (In Russ.).
- Serikov, Yu. B., Serikova, A. Yu. (2004). Mamont v mifakh, etnografii i arkheologii Severnoy Evrazii [Mammoth in myth, Ethnography and archaeology of Northern Eurasia]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian archaeology], 2: 168—172. (In Russ.).
- Sodnompilova, M. M. (2017). Obrazy severa v predstavleniyakh buryat: kontaminatsii mifologicheskogo i realnogo [Images of the North in the representations of the Buryats: contamination of the mythological and real]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Izvestiya Irkutsk state University. A Series of “Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology”], 20: 120—135. (In Russ.).
- Troshchanskiy, V. F. (1902). *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov: s 10 fig. i 4 pril.* [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts: from 10 figs. and 4 ADJ]. Kazan’: Tipo-lit. Un-ta. 208 p. (In Russ.).
- Vozvrashcheniye mamonta. Smogut li v Yakutii klonirovat' zhivotnykh?* [Return of the mammoth. Will they be able to clone animals in Yakutia?]. Available at: <https://tass.ru/v-strane/5749682> (accessed 22.08.2020). (In Russ.).

Гомбожапов А. Д. Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей / А. Д. Гомбожапов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 211—223. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223.

Gombozhapov, A. D. (2021). Social Organization of the Mongolian Nomad Community in XXI Century: Role of Family Ties. *Nauchnyi dialog, 1*: 211-223. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223. (In Russ.).

УДК 397.4(=512.3)“2000/2020”+316.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИНЫ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ В XXI ВЕКЕ: РОЛЬ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ¹

© **Гомбожапов Александр Дмитриевич (2021)**, orcid.org/0000-0001-9793-2274, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), agombozh@imbt.ru.

Рассматриваются вопросы родства в социальной самоорганизации кочевников. Представлены результаты полевых исследований в различных районах Монголии, которые однозначно фиксируют существование неформальных семейно-родственных групп, объединяемых на основе прежде всего общих экономических и хозяйственных интересов. Автор отмечает функции кочевой общины: правоохранительную, выражаемую в коллективной защите пастбищных угодий и совместном их владении; кооперативную, предполагающую кооперацию труда, в основном носящую сезонный характер, и духовную, связанную как с проведением общих религиозных, праздничных и иных мероприятий, так и с регулированием конфликтных отношений внутри кочевой общины на основе традиционных нравственных ценностей. Показано, что противоречия в правовых вопросах пользования пастбищными землями, с одной стороны, и присущие кочевому образу жизни временность и относительность территориального поселения, с другой, способствуют устойчивому существованию кочевой общины. Сделан вывод о том, что социально-правовое регулирование в условиях отсутствия действенных публично-государственных институтов замещается традиционными представлениями о праве собственности, носители которых выступают в лице семейно-родственных групп кочевников. Подчеркивается, что роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах в монгольском обществе.

Ключевые слова: родство; кочевая община; социальная организация; семейно-родственные группы; Монголия.

1. Введение

Род и основанные на отношениях родства социальные объединения до настоящего времени имеют место в кочевом обществе Монголии.

- 1 Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Скачковые преобразования общественно-экономических устоев послужили причиной непреодоленной многоукладности в общественной сфере Монголии [Rossabi, 2005]. Кризисы постсоциалистического периода в сельских областях довольно в острой форме поставили перед населением вопросы собственного жизнеобеспечения [Грайворонский 1997; Mongolia in Transition ..., 1996]. Снижение регулирующей роли государства как в экономике, так и в общественной жизни, его отказ от обеспечения или невыполнение большого количества обязательств по социальной защите привели к тому, что в среде кочевого населения стали возрождаться традиционные институты и механизмы взаимопомощи и поддержки [Szykiewicz, 1993]. В организационном плане на низовом социальном уровне кочевые домохозяйства (айл), не рассчитывая только на собственные силы, стали формировать устойчивые объединения, призванные защитить их экономические и хозяйственные интересы, помочь в сложных условиях кризисного периода.

2. Род в кочевом обществе

Общеизвестно, что родство в монгольском обществе играло важную интегрирующую роль, структурируя общественные отношения не только на уровне малых коллективов родственников и свойственников, но и на более высоких уровнях организации общества. На протяжении длительного времени род выступал как важный общественный институт кочевого социума монголов. Это связано с тем, что в отличие от оседлых обществ, где наблюдается последовательный однонаправленный процесс смены родовой организации на территориальную, у кочевых народов преобладание родových отношений в общественном устройстве остается главным условием существования кочевничьего общества [Марков, 1976; Хазанов, 1975]. В то же время применительно к кочевому обществу монголов понятие «классический род», с характерными признаками экзогамии и принципом кровного родства (генеалогический род), практически мало отражает реалии его общественной организации. И действительно, выявление четко ограниченной по обозначенным признакам рода как целостного социального и структурного элемента общественной организации у кочевников представляется весьма затруднительным. Фактические кровнородственные связи ассоциировали несколько кочевых домохозяйств (*айлов*), являясь основой низовой организации общества. Более крупные объединения уже трудно однозначно проследить по кровнородственным линиям. Они могли основываться и на псевдородственных отношениях. Именно расширительное толкование рода позволяло на основе псевдогенеалогического

родства создавать крупные племенные объединения, где кочевые группы представляли элементы генеалогически-иерархизированных систем.

Для монгольского средневекового общества исследователями были предложены различные интерпретации его социальной организации [Владимирцов, 1934; Bacon, 1958; Barfield, 1992; Khazanov, 1994; Krader, 1963]. Наиболее отчетливо иерархия форм организации общества монголов была определена в работе Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой. Его основным низовым элементом выступал *урук* — линидж патрилинейных родственников, далее *обока*, в который включались не только родственники, но и члены, вошедшие в род по браку, затем следовали общности, которые объединяли несколько обочков и идентифицировались как этнокультурные единицы — *иргэн*, *улу* [Крадин и др., 2006]. Патронимические кочевые группы были жизнеспособны и в Новое время. С революционными преобразованиями первой половины XX века общественная структура претерпела кардинальные изменения. Коллективные скотоводческие хозяйства (*нэгдэл*) стали основной формой экономической деятельности. Производственно-хозяйственной единицей коллективных и государственных животноводческих хозяйств стало кочевое домохозяйство [Жагварал, 1974].

3. Важность родства и родственных отношений в условиях трансформации общества

Вполне логично, что наиболее востребованной формой в условиях постсоциалистической трансформации монгольского общества стали объединения домохозяйств, основанных на родственных связях. Родство есть феномен, определяющий основы социальной организации традиционных обществ. В непростых условиях конца XX — начала XXI веков именно коллектив родственников становится той устойчивой социальной группой, в которой оказываемые внутри него взаимопомощь и взаимоподдержка позволяли преодолевать жизненные неурядицы и гарантировали относительную экономическую стабильность.

Конечно, в условиях постоянной мобильности при кочевом образе жизни община родственников никогда не являла собой долговременного объединения, распадаясь на более мелкие семейно-родственные группы. Но за последнее время под воздействием различных факторов степень подвижности, выражаемая в частоте, протяженности перекочевков и длительности пребывания на одном месте, у современных кочевников уменьшается. Длительное совместное проживание на одной территории способствует сплочению коллективов семейно-родственных групп на основе общности экономических, хозяйственных и духовных интересов. В этом

смысле можно говорить о реалии *кочевых общин скотоводов* наряду с другими формами социальной самоорганизации. Признание наличия данной формы самоорганизации позволяет применять при исследованиях особенностей развития кочевого общества в современной Монголии так называемый сетевой подход [Social Structures ..., 1988].

Один из ведущих ученых в области сетевого подхода к изучению социальной организации Б. Уэллман следующим образом определил роль родственных отношений в создании неформальных социальных групп: «В странах Третьего мира сети личных связей составляют важную часть взаимоотношений в области производства, так как там нет ни структур, ни капитала для поддержки экстенсивной рыночной экономики. В странах Третьего мира, где профессиональная занятость нестабильна и нет фондов поддержки неработающих, выживание каждого — насущная необходимость. Социально контролируемая надежность родственных отношений становится решающим фактором в ситуациях борьбы за скудные ресурсы выживания. Люди развивают многообразные контакты, перенося их из чисто общественных отношений на источники материальных ресурсов. Для маргинальных групп эти связи — основная стратегия выживания. Средний класс развивает неформальные сети связей и формальные взаимоотношения для поддержания вертикальной мобильности. Такие сети открывают дорогу к социальным институтам стран Третьего мира: школы, больницы и учреждения для обеспечения занятости» [Уэллман, 2000, с. 87].

Действительно, родственные связи — это, несомненно, та естественная основа, на которой по большей части строится сеть личных взаимосвязей кочевников. Опора на родственные связи была важной для кочевников на протяжении всей их истории.

Устойчивость кочевого хозяйства всегда была относительной [Крадин, 2007; Марков, 1976; Толыбеков, 1971]. И в современных условиях, когда, помимо внутренне присущих для кочевого хозяйства рисков, добавились неопределенности рыночной экономики, значение родственных отношений возросло.

4. Структура кочевой общины и ее функции

Материалы полевых исследований по районам Монголии (собраны в ходе опросов в сомонах Селенгинского, Центрального, Булганского и Баянхонгорского аймаков с 2016 по 2019 годы) в самых общих чертах показывают, что большинство кочевых общин формируются по патрилокальному принципу. Типичная монгольская семья состоит из родителей и их

детей, то есть нуклеарной семьи. Повзрослевшие дети имеют право доли из хозяйства родителей. Как правило, выделение этой доли (в виде живого скота) происходит, когда взрослый сын или дочь обзаводятся собственной семьей.

Повзрослевшим сыновьям, которые обживают на новом месте в той же местности, выделяют полагающуюся им часть из поголовья скота и иного движимого имущества. До сегодняшнего времени в сельской местности поддерживается древняя традиция наследования отцовского имущества младшим сыном. Глава нового кочевого айла становится равноправным членом кочевой общины. Примечательно, что в выделенных нами кочевых общинах среди их членов присутствуют домохозяйства сестер и дочерей, что говорит о том, что патронимия не является характерной чертой и принципиальным условием организации и функционирования кочевой общины. В хот-айлах (группа из нескольких айлов) встречается также, но гораздо реже, и уксорилокальное поселение. В таких случаях зачастую не был связан со скотоводством и после женитьбы менял свои занятия на пастбищное скотоводство, становясь новым членом кочевой общины. Четко обозначить принцип группирования по патрилинейной филиации не представляется возможным, так как в общине могут присутствовать и родственники по материнской линии. Обе родственные связи признаются социально значимыми, но здесь надо сделать оговорку, что это в большей степени касается сферы хозяйственных и земельных отношений. При религиозно-духовных отправлениях все-таки важную роль играют патрилинейные связи [ПМА 2016; ПМА 2017].

Для наглядного представления структуры кочевой общины можно привести следующую схему родственных взаимосвязей, очерченную по данным опроса глав домохозяйств местности Бийрин гол сомона Улзийт Баянхонгорского аймака. Кочевую общину образуют шесть родственных между собой айлов. Все они находятся в близкородственных связях между собой и являются детьми одних родителей. На схеме (рис. 1) представлены супружеские пары, которые и образуют шесть айлов кочевой общины. Остальные члены не входят в нее, поскольку проживают в городе или поселке (*сомон*).

Рассмотрим функции кочевой общины. Прежде всего, это правоохранительная функция, через проявление которой можно, собственно, и говорить о существовании кочевой общины в данной местности.

В условиях модели землевладения «открытого» пастбища правом пользования естественными угодьями обладают в равной мере все скотоводы. Это подтверждено Законом о земле 2002 года, где природные паст-

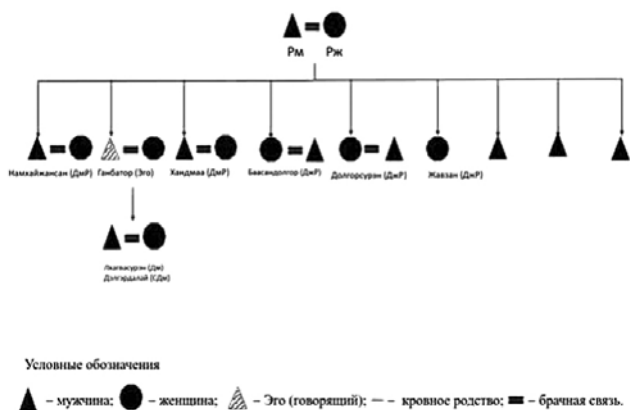

Рис. 1. Схема родственных связей кочевой общины

бища рассматриваются как общее достояние граждан Монголии [Sneath, 2003]. Такое положение вещей отражает особенности экстенсивного кочевого скотоводства. Растительность на пастбищах различается от места к месту, меняется как в короткий, так и в длительный период («от недели к неделе и от года к году»). Летом большое значение имеют источники воды для скота, кочевые хозяйства стягиваются к речным долинам и колодцам. Осенью и зимой кочуют поближе к горам и возвышенностям, чтобы можно было укрыться от холодных ветров. В неблагоприятные годы, что не редкость в условиях Монголии, интенсивность и дальность перекочевков возрастает. В этом отношении постоянная смена места есть стратегия устойчивости кочевого домохозяйства. В силу данной особенности форма частного землевладения на ограниченную площадь пастбищных угодий не имеет рационального смысла. В то же время кочевники живут и ведут свое хозяйство на определенной территории. Пастбища имеют ограниченный ресурс, и бесконтрольное пользование ими ведет к стравливанью и превышению предельной нагрузки. Для скотоводов это означает необходимость защиты своих пастбищных угодий. В то же время они не хотят терять возможность перекочевки на отдаленные территории в случае засушливого года или бескормицы в зимний период. Такая двойственность положения и составляет картину современных противоречивых взаимоотношений кочевников [Vargus, 2018; Sneath, 2003].

Члены общины выступают как носители собственных прав на свои пастбища по факту рождения и проживания на данной территории

(*törsön nutag*). Наличие широкой сети родственных связей позволяет кочевым общинам охватывать довольно обширную территорию, опираясь на традиционные представления о преимущественных правах пользования. Причем в случае переезда кочевого домохозяйства на другую территорию по причине бескормицы это право остается за ним, и занимать эти земли без разрешения членов кочевой общины нельзя [ПМА 2015; ПМА 2017].

Чем плотность кочевых домохозяйств выше, а это, как правило, характерно для центральных районов Монголии, тем острее проявляются данные противоречия [ПМА 2016]. И для защиты своих интересов кочевники объединяются на родственной основе в неформальные группы и выступают единым коллективом перед лицом внешних посягательств. Оговоримся, что родство не является единственно необходимым условием формирования кочевых общин. Безусловно, существуют общности кочевников, образуемые на основе территориального единства. Например, в гобийских регионах есть временные коллективы, которые группируются возле источника ключевой воды (*neg usnykhan*), не обязательно приходящиеся друг другу родственниками или находящиеся в отношениях свойства [Цэрэнханд, 2015; Bold, 1996]. Но в большинстве случаев основу общины составляют семейно-родственные коллективы.

Конечно, община не единственная форма организации кочевников. В административном отношении каждый айл входит в низовую административную единицу баг, из которых, в свою очередь, формируется сомон как следующая ступень административно-территориального управления. Регулирование поземельных отношений на местном административном уровне происходит только с общего согласия членов бага, которое принимается на собраниях. Руководитель бага (*багын дарга*) при этом руководствуется не столько нормами публичного права, сколько традиционными общественными представлениями и обычаями.

Объединенные айлы родственников не допускают вольного поселения на занятой ими территории, за исключением случаев перекочевки домохозяйств. В процессе перекочевки домохозяйства на определенном расстоянии от близлежащих айлов могут расположиться на короткий срок, в среднем от 5—6 дней. Более длительное пребывание грозит тем, что они могут быть выдворены местными скотоводами.

В этом условном совместном владении и пользовании, где за общественным статусом пастбищных угодий стоит непосредственный владелец, и проявляется одна из важнейших функций родственной кочевой общины.

Иной формой самоорганизации кочевников являются добровольные объединения. Чаще всего они носят спонтанный разовый характер и соз-

даются для решения конкретных проблем, не связанных с кочевым хозяйством. Например, кооперативы скотоводов (*khorsoo*) или общество по защите леса и охране диких животных от браконьеров.

Вторая функция — это кооперация труда в условиях его низкой механизированности. Несмотря на автономность кочевого домохозяйства как производственной ячейки, все же полностью полагаться на собственные силы оно не может. На это указывает А. М. Хазанов, говоря о том, что «осуществление полного производственного цикла (и тем более — нескольких циклов подряд) силами одного, среднего по своей зажиточности хозяйства у кочевников, как правило, невозможно, во всяком случае, крайне трудно» [Хазанов, 2002, с. 162.] Хотя А. М. Хазанов имел в виду кочевников более раннего времени, данное положение вполне справедливо и для современных кочевников Монголии. Вместе с ликвидацией коллективных хозяйств, действовавших в социалистической Монголии, пришла в упадок материально-техническая база животноводства. Производство животноводческой продукции перешло от крупного коллективного хозяйства к мелким кочевым домохозяйствам, что отбросило далеко назад от достигнутого в конце 80-х годов прошлого столетия технологического уровня механизации труда.

Как правило, в повседневной трудовой деятельности не возникает потребности в большом количестве рабочих рук. И для того, чтобы справиться с возникающими в хозяйстве вопросами, вполне достаточно помощи соседей из близлежащего айла (*saakhalt-ail*). Объединяются прежде всего для решения простых задач, в которых происходит рационализация в виде экономии трудозатрат, времени и финансов. К примеру, для транспортировки молочной и мясной продукции в близлежащие сомонные центры или отправки на крупные городские рынки (особенно в зимне-осеннее время). Зачастую это также оказание услуг по выпасу домашнего скота в период отсутствия хозяев, выехавших чаще всего в город для продажи своей продукции и закупки необходимых товаров [ПМА 2017].

Усилия большого коллектива требуются при выполнении сезонных работ. Проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство способствует все большей индивидуализации хозяйств и утрате традиционных представлений о помощи без личной материальной выгоды. В этих условиях роль родства как характерного социального ресурса проявляется весьма ярко. Именно опора на родственников, не требующих обязательного возмещения в ответ на оказанные трудовые услуги, становится фактором для межсемейной кооперации современных номадов. Хотя и здесь возникает вопрос о различии в трудозатратах между разными по количеству поголовья домохозяйствами. В хозяйстве, где скот малочислен, временные

затраты и объем работ не столь существенны, в отличие от многоскотных хозяйств. Например, в короткий период ручного вычесывания козьего пуха (если вовремя не вычесать пух, то он будет растерян), когда каждое хозяйство стремится как можно скорее управиться с работой, установленная очерёдность по хозяйствам грозит тем, что какое-либо из этих хозяйств упустит благоприятное время. Выходом из этой ситуации становится привлечении наемной рабочей силы. Также в этот период, как правило, не хватает рабочих рук вследствие того, что дети находятся на учебе — либо в школе, либо в средних или высших учебных заведениях. Обычно рабочая сила привлекается из аймачных и сомонных поселений. Хотя чёска пуха — очень трудоемкий процесс, все же оплата невысока. Расценка на труд варьируется в зависимости от района, объема работ и составляет в среднем от 500 до 1000 тугриков за одну козу [ПМА 2019]. Либо возможна натуральная оплата труда скотом в живом весе.

Можно отметить духовную и социально-регулирующую функции кочевой общины. Ее члены могут выступать как единый родственный коллектив в период проведения местных праздников, обрядов жизненного цикла и религиозных мероприятий. Старшие члены общины в случае возникновения противоречий и конфликтных моментов могут выступать в качестве арбитра. При этом их решения отнюдь не обязательны к исполнению, но позволяют средствами моральных санкций и отсылкой к традиционным обычаям регулировать личные отношения и жизнь внутри кочевой общины.

Роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах. Прежде всего, широкая сеть родственных связей увеличивает возможности перекочетов в другие сомоны и за пределы аймаков. И эта роль возрастает с вводом ограничительных мер, которые не позволяют свободное поселение и пользование пастбищными угодьями. Дело в том, что миграция в центральные районы Монголии, причиной которой является экономическая привлекательность данных территорий, создала в них относительную перенаселенность, которая не может быть преодолена при сохраняющейся экстенсивной форме хозяйственной деятельности, требующей все большего количества земельного фонда. Районные власти и администрация сомонов устанавливают определенные квоты на выделение новых мест поселений для вновь прибывающих граждан, занимающихся кочевым скотоводством. Со стороны местных жителей, организационной формой выражения интересов которых являются периодические собрания, также налагаются ограничения на поселение мигрантов. В этих условиях родство и свойство становятся значимыми факторами преодоления административных и иных запретительных мер. При переселении на новое место

родственные отношения помогают кочевникам-мигрантам легко адаптироваться и получить разрешение на поселение. Местные скотоводы помогают вновь прибывшим родственникам в получении зимних пастбищ и места для зимника, который считается официальным местом пребывания. На общем собрании скотоводов, как правило, отношения родства являются достаточным основанием для прохождения процедуры одобрения.

5. Заключение

Образовавшийся в постсоциалистический период институциональный вакуум был восполнен такой традиционной формой самоорганизации, как кочевая община, которая продолжает быть востребованной и в настоящее время. Основой формирования кочевых общин стала сеть родственных связей. Она выступает как важный социальный ресурс в стратегии выживания кочевых домохозяйств. Проводить исторические параллели с общественным устройством кочевников более раннего периода и утверждать наличие какого-либо сходства представляется неверным. Скорее, приходится говорить не о существовании родовых форм и возрождении архаичных институтов, из чего следовало бы признание наличия родовой организации в современном обществе монгольских кочевников, а о родстве как естественной форме объединения сельского населения Монголии в условиях неопределенности трансформирующегося общества. Возрождение институтов традиционного общества в виде кочевой общины стало ответом, в первую очередь, на противоречия интересов частного земельного владения и стремления сохранить возможность общественного землепользования, которая остается необходимым условием ведения экстенсивного скотоводческого хозяйства.

Кочевая община покрывает лишь часть общественных связей, которые, безусловно, не исчерпываются лишь хозяйственной деятельностью и правовой сферой. Многообразие современной жизни кочевников заставляет адаптироваться к окружающей их социальной среде, взаимодействовать с новыми институтами рыночного общества и осваивать различные социальные роли. В то же время кочевая община остается действенным и важным инструментом защиты интересов ее членов.

Источники

1. ПМА 2015 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Селенгинском аймаке Монголии, июнь-июль 2015 года.
2. ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Центральном аймаке Монголии. Июль 2016 года.
3. ПМА 2017 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Булганском аймаке Монголии. Июнь 2017 года.

4. ПМА 2019 — *Полевые материалы автора. Экспедиция в Баянхонгорском аймаке Монголии. Июль-август 2019 года.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайворонский В. В.* Современное аратство Монголии : социальные проблемы переходного периода, 1980—1995. / В. В. Грайворонский. — Москва : Восточная литература, 1997. — 184 с. — ISBN 5-02-017323-X.

2. *Жагварал Н.* Аратство и аратское хозяйство / Н. Жагварал. — Улан-Батор : Академия наук МНР, 1974. — 224 с.

3. *Крадин Н. Н.* Империя Чингисхана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. — Москва : Восточная литература, 2006. — 557 с. — ISBN 5-02-018521-3.

4. *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. — Алматы : Дайк-Пресс, 2007. — 416 с. — ISBN 9965-798-46-X.

5. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии : структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. — Москва : Издательство Московского университета, 1976. — 320 с.

6. *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века : политико-экономический анализ / С. Е. Толыбеков. — Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской АССР, 1971. — 633 с.

7. *Уэллман Б.* Место родственников в системе личных связей / Б. Уэллман // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 78—87.

8. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 512 с. — ISBN 978-5-8465-0632-9.

9. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей / А. М. Хазанов. — Москва : Издательство «Наука». Главная редакция Восточной литературы, 1974. — 342 с.

10. *Цэрэнханд Г.* Монгол ахуй — угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвэр / Г. Цэрэнханд. — Улаанбаатар хот : «Адмон-принт» ХХК, 2015. — 572 х. — ISBN 978-99973-0-167-3.

11. *Barcus H. R.* Contested Space, Contested Livelihoods : A Review of Mongolia Pastureland Management and Land Tenure Reform / H. R. Barcus // *Geographical Review.* — 2018. — № 1. — Pp. 138—157.

12. *Bold B.* Socioeconomic segmentation — Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia / B. Bold // *Nomadic Peoples.* — 1996. — № 39. — Pp. 69—86.

13. *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World / A. M. Khazanov. Translated by Julia Crookenden, 2nd ed. — Madison : University of Wisconsin Press, 1994. — 382 p.

14. *Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges* / ed. by Ole Bruun, Ole Odgaard. — Routledge, 1996. — 260 p. — ISBN 9780700704415.

15. *Rossabi M.* Modern Mongolia : from khans to commissars to capitalists / M. Rossabi. — University of California Press, 2005. — 418 p. — ISBN 0520244192.

16. *Sneath D.* Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia / D. Sneath // *Oxford Development Studies.* — 2003. — № 4. — Pp. 441—459.

17. *Social Structures : a Network Approach* / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. — New York : Cambridge University Press, 1988. — 513 p.

18. *Szynkiewicz S.* Mongolia's Nomads Build a New Society Again : Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy / S. Szynkiewicz // *Nomadic Peoples.* — 1993. — № 33. — Pp. 163—172.

SOCIAL ORGANIZATION OF THE MONGOLIAN NOMAD COMMUNITY IN XXI CENTURY: ROLE OF FAMILY TIES¹

© Alexander D. Gombozhapov (2021), orcid.org/0000-0001-9793-2274, PhD in History, Leading Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), agombozh@imbt.ru.

The issues of kinship in the social self-organization of nomads are considered. The results of field studies in various regions of Mongolia, which unambiguously record the existence of informal family-related groups, united on the basis of, first of all, common economic and household interests are presented. The author notes the functions of the nomadic community: law enforcement, expressed in the collective protection of pasture lands and their joint ownership; cooperative, involving labor cooperation, mainly of a seasonal nature, and spiritual, associated both with the holding of common religious, festive and other events, and with the regulation of conflict relations within the nomadic community on the basis of traditional moral values. It is shown that contradictions in the legal issues of the use of pasture lands, on the one hand, and the temporality and relativity of the territorial settlement inherent in the nomadic way of life, on the other, contribute to the stable existence of the nomadic community. It is concluded that socio-legal regulation in the absence of effective public-state institutions is replaced by traditional ideas about property rights, the carriers of which are represented by family-related groups of nomads. It is emphasized that the role of kinship as a characteristic social resource is also manifested in migration processes in Mongolian society.

Key words: relationship; nomadic community; social organization; family-related groups; Mongolia.

MATERIAL RESOURCES

- PMA 2015 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Selenginskom aymake Mongolii, iyul'—iyul' 2015 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Selenga aimag of Mongolia, June—July 2015]. (In Russ.).
- PMA 2016 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Tsentralnom aymake Mongolii. Iyul' 2016 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Central Aimag of Mongolia. July 2016]. (In Russ.).
- PMA 2017 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Bulganskom aymake Mongolii. Iyun' 2017 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Bulgan aimag of Mongolia. June 2017]. (In Russ.).
- PMA 2019 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Bayankhongorskom aymake Mongolii. Iyul'—avgust 2019 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Bayankhongor aimag of Mongolia. July—August 2019]. (In Russ.).

REFERENCES

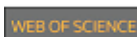
- Barcus, H. R. (2018). Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform. *Geographical Review, 1*: 138—157.
- Bold, B. (1996). Socioeconomic segmentation — Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia. *Nomadic Peoples, 39*: 69—86.

1 The article was prepared within the framework of a state assignment (“Historical Space of the Mongolian World: Archaeology, Societies and States”).

- Grayvoronskiy, V. V. (1997). *Sovremennoyye aratstvo Mongolii: sotsialnyye problemy perekhodnogo perioda, 1980—1995 g.* [Modern Aratstvo of Mongolia: Social problems of the Transition period, 1980—1995]. Moskva: Vostochnaya literatura. 184 p. ISBN 5-02-017323-X. (In Russ.).
- Khazanov, A. M. (1974). *Sotsialnaya istoriya skifov. Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov Evraziyskikh stepey* [Social history of the Scythians. Main problems of development of ancient nomads of the Eurasian steppes]. Moskva: Nauka. 342 p. (In Russ.).
- Khazanov, A. M. (1994). *Nomads and the Outside World*. Madison: University of Wisconsin Press. 382 p.
- Khazanov, A. M. (2008). *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiiy fakultet SPbGU. 512 p. ISBN 978-5-8465-0632-9. (In Russ.).
- Kradin, N. N. (2007). *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk-Press. 416 p. ISBN 9965-798-46-X. (In Russ.).
- Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. (2006). *Imperiya Chingiskhana* [Empire of Genghis Khan]. Moskva: Vostochnaya literature. 557 p. ISBN 5-02-018521-3. (In Russ.).
- Markov, G. E. (1976). *Kochevniki Azii: struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia Nomads of Asia: structure of economy and social organization]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 320 p. (In Russ.).
- Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges.* (1996). Routledge. 260 p. ISBN 9780700704415.
- Rossabi, M. (2005). *Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists*. University of California Press. 418 p. ISBN 0520244192.
- Sneath, D. (2003). Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia. *Oxford Development Studies*, 4: 441—459.
- Social Structures: a Network Approach.* (1988). New York: Cambridge University Press. 513 p.
- Szynkiewicz, S. (1993). Mongolias Nomads Build a New Society Again: Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy. *Nomadic Peoples*, 33: 163—172.
- Tolybekov, S. E. (1971). *Kochevoye obshchestvo kazakhov v XVII — nachale XX veka: politiko-ekonomicheskiiy analiz* [Nomadic society of Kazakhs in the XVII — early XX century: political and economic analysis]. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazakhskoy ASSR. 633 p. (In Russ.).
- Tserenkhand, G. (2015). *Mongol akhuy — ugsaa, soelyn sudalгаа. Byteeliyn түүвэр* [Survey on Mongolian culture and economy. Creation sample]. Ulaanbaatar khot: «Admon-print» XXX. 572 p. ISBN 978-99973-0-167-3. (In Mong.).
- Uellman, B. (2000). Mesto rodstvennikov v sisteme lichnykh svyazey [The place of relatives in the system of personal relations]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 6: 78—87. (In Russ.).
- Zhagvaral, N. (1974). *Aratsivo i aratskoye khozyaystvo* [Bratstvo and aratskiy economy]. Ulan-Bator: Akademiya nauk MNR. 224 p. (In Russ.).

Горбатов А. В. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году / А. В. Горбатов, М. А. Мальцев // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 224—240. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-224-240.

Gorbatov, A. V., Maltsev, M. A. (2021). Orthodox Communities and Partisan Movement in Kuzbass in 1919. *Nauchnyi dialog, 1*: 224-240. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-224-240. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3+94:271.2(571.17)“1919”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-224-240

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУЗБАССЕ В 1919 ГОДУ¹

© Горбатов Алексей Владимирович (2021), orcid.org/0000-0002-8493-6468, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), gorbn1965@yandex.ru

© Мальцев Максим Александрович (2021), orcid.org/0000-0002-5691-3461, протоиерей, председатель комиссии по канонизации святых, религиозная организация «Кемеровская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», (Кемерово, Россия), maltzeffmaxim@yandex.ru

Представлены результаты анализа трагического этапа истории Русской православной церкви в период гражданской войны на территории Кемеровской области. С опорой на материалы периодической печати и архивов, а также на исследования светских и церковных историков рассматриваются партизанские погромы 1919 года как события, оказавшие негативное влияние на жизнедеятельность церкви как социального института. Отмечается, что погромы и убийства верующих и духовенства шли повсеместно на территории Кузбасса. Выявлено на основании документальных данных, что основным объектом нападения красных партизан служили священнослужители. Карательные операции продолжались весь 1919 год, но пик погромов связывается с деятельностью объединенного отряда под командованием Г. Ф. Рогова и И. П. Новоселова в декабре в Кузнецком округе. Делается вывод, что результаты партизанских рейдов для Церкви были близки к катастрофическим: духовенство и верующие были подвергнуты истреблению; осквернены святыни и храмы; экспроприации нанесли урон экономике приходов. Показано, что Русскую православную церковь охватил институциональный кризис, приходская жизнь уездов была разрушена, численность духовенства сократилась, часть священнослужителей покинула регион.

Ключевые слова: гражданская война; Кузбасс; православная церковь; партизанское движение; террор.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-49-42006 по теме «Гражданская война в Кузбассе (1917—1922). Предпосылки, ход, последствия: концептуальное осмысление и реконструкция переломного периода в истории региона».

1. Введение

Гражданская война в России, в том числе и Сибири, занимает особенное место в отечественной историографии. При всей полярности мнений, ожесточенной дискуссии о месте и роли «белых» и «красных» исследователи едины в одном: последствия этого противостояния на десятилетия определили дальнейший, во многом драматичный ход истории Российского государства. Сложности исследования этого относительно короткого, но необычайного в своей экстенсивности и динамизме исторического периода заключаются и в том, что в ряде регионов Сибири сохранилось мало достоверных источников, в том числе документов, позволяющих дать объективную оценку происходящим событиям. В полной мере это относится и к изучению проблемы государственно-церковных отношений на территории Кузбасса в исследуемый период, чему существует объяснение: «периферийное» географическое положение региона относительно административных центров (Томска и Новониколаевска) и неразвитость церковной инфраструктуры.

Вместе с тем, говоря о жизни православной церкви на территории Кемеровской области (в тот период Томского, Мариинского, Щегловского¹ и Кузнецкого уездов Томской губернии), следует выделить событие, потрясшее ее существование как института до основания — партизанские погромы 1919 года. В настоящей статье авторы предпринимают попытку, опираясь на материалы периодической печати, архивные материалы и исследования светских и церковных историков, подвергнуть анализу этот трагический эпизод в истории Русской православной церкви в период гражданской войны на территории Кемеровской области — Кузбасса, выявить особенности противостояния, примерное количество жертв и пострадавших, определить последствия этих драматических событий.

2. Красные партизаны

Как справедливо отмечают историки гражданской войны в Сибири, в исследуемое время понятие «большевик» трактовалось весьма произвольно. [Звягин и др., 2016, с. 116]. Споры о социально-политическом портрете красных партизан ведутся уже длительное время. А. А. Куренышев определяет эти объединения как «крестьянские военно-политические организации», повстанческое крестьянское движение [Куренышев, 2010]. Украинский исследователь В. А. Савченко, первые работы которого ста-

¹ В 1918 году из Кузнецкого уезда был выделен новый Щегловский уезд (Кольчугинский рудник и Щегловско — Кемеровские копи). С приходом большевиков, в этом же году, Кузнецкий уезд вернули к прежним (до раздела) границам.

ли началом реабилитации Н. Махно в исторической науке, говорит уже об «атаманщине» («батьковщине») [Савченко, 2001], называя в своей книге 9 главу «Атаманы сибирской махновщины». Возможно, такие концептуальные подходы связаны с политическими предпочтениями авторов. Более взвешенные оценки, на наш взгляд, высказывают историки Н. С. Ларьков и В. И. Шишкин, рассматривая это сложное явление во всей его противоречивости, в различные исторические временные отрезки [Ларьков и др., 2013]. Действительно, организовались эти отряды для борьбы против Временного Сибирского правительства и адмирала Колчака, почти все они находились формально под контролем подпольных комитетов большевиков. Однако очень скоро, особенно в Западной Сибири, формируется своя «третья власть» командиров-атаманов, использующая жесткие террористические методы в отношении мирного населения, после чего границы между бандитом и партизаном становятся практически неразличимыми.

Эти отряды на территории Кузбасса наводили ужас на население. Они «хорошо одеты и вооружены — у них есть пулеметы и винтовки и у каждого, как говорят, по паре револьверов, — отмечала газета “Сибирская жизнь”, — Шайка эта, разъезжая по деревням на тройках, занимается исключительно грабежом и наводит такую панику на крестьян, что те беспрекословно дают им подводы как под членов шайки, так и под награбленное ею имущество» [Сибирская жизнь, 1919, 23 января].

Тактика действий налетчиков отличалась маневренностью их передвижения, что во многом было обусловлено невозможностью оставаться длительное время на одном месте. Не имея, как правило, постоянного места дислокации, мобильные вооруженные группы быстро перемещались от одного населенного пункта к другому. Нередко партизаны во время набегов появлялись в солдатской форме, тем самым выдавая себя за представителей правительственных сил [Усков и др., 2020, с. 435]. В отряды также вливались местные крестьяне, при грабежах скрывая свое лицо, надевая маски, обнаруживая при этом хорошее знание как местности, так и жителей деревни или поселка [Сибирская жизнь, 1919, 20 сентября]. Они безжалостно расправлялись с лицами, олицетворяющими белогвардейские органы власти. Красные партизаны не гнушались грабежами церквей, истребляя священников и их жен, псаломщиков и учителей церковно-приходских школ.

Духовное сословие вызывало особое неприятие партизан, так как ликвидация религиозного сознания являлась одним из компонентов политики большевизма. Следует напомнить и о том, что сибирское Временное высшее церковное управление Сибири с сочувствием отнеслось к назначению А. В. Колчака Верховным правителем России и дало указание поминать на

богослужениях государство Российское и его правительство. Также оно, по данным Д. В. Олихова, определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну «священной», а собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 года, предал анафеме гонителей Церкви [Олихов, 2016, с. 80, 82]. Большое количество священнослужителей Сибири, в отличие от их числа в центральной России, открыто выступило на стороне противников большевиков [Коголь, 1997, с. 11]. Это объяснимо: белые власти повсюду упразднили все запреты и ограничения, установленные большевистской властью на жизнедеятельность православных общин, да и правительство Колчака брало обязательство содержать Церковь за счет бюджета.

3. Партизанский террор на Кузнецкой земле

Террористическая деятельность красных партизан на земле Кузнецкой особенно наглядно и трагично осуществлялась в 1919 году. В это время против белых воевало более десятка партизанских отрядов: Г. Ф. Рогова и И. П. Новоселова в Кузнецком уезде, П. К. Лубкова в Мариинском уезде и других. Некоторые отряды были весьма многочисленными, особенно под руководством П. К. Лубкова, где состояло около 250 чел., и Г. Ф. Рогова — до 500 чел. [Ларьков и др., 2013, с. 83]. Не менее трети партизан и практически все «командиры-атаманы» являлись бывшими фронтовиками. Так, например, печально знаменитый Григорий Рогов известен как участник Русско-японской и Первой мировой войн, кавалер трёх георгиевских крестов, зауряд-прапорщик. Несмотря на то, что группировки красных партизан формально управлялись подпольными комитетами партии большевиков, в отрядах находились и анархисты, и сочувствующие, а также присутствовали криминальные элементы: бывшие преступники, дезертиры, лица с ярко выраженным маргинальным типом сознания [Курышев, 2005, с. 155—156]. Известны случаи, когда от рук уголовно-бандитских элементов погибали командиры своих же отрядов.

Самочинные убийства духовенства, документально подтвержденные, фиксировались и ранее. Так, в метрической книге регистрации актов о смерти церкви села Брюхановское (соврем. д. Красная) Щегловского уезда за 1918 год в разделе о причине смерти (19.05.1918) псаломщика Ильи Исааковича из с. Мачихина было отмечено: «Застрелен красногвардейцами» [ГАКО, ф. п-60, оп. 6 д. 35. лл. 359 об.—360]. Но с 1919 года, согласно исследуемым материалам, истребление лиц духовного звания стало целенаправленным (табл. 1).

Уже в июне 1919 года Томский епархиальный совет отмечал, что «сельское духовенство в некоторых приходах Томско-Алтайской епархии, преи-

мущественно же в Мариинском уезде, переживает ныне беспримерно тяжелую годину. Большевистские банды, шляющиеся по селам и деревням епархии и грабящие население, с особенной злобой подвергают возмутительным издевательствам, грабежу и даже убийству служителей алтаря (главным образом священников). Томско-Алтайская церковь в настоящее время имеет уже несколько собственных мучеников из среды иереев и других клириков, которые мужественно и до конца оставались на своем священнослужительском посту, были захвачены грабителями большевиками, подвергались издевательствам и приняли мученическую кончину» [ТЕВ, 1919, № 10, с. 102].

Примечательно, что примерно за месяц до этого послания епархиального совета, в конце апреля — начале мая, для поддержания и укрепления среди населения православного духа епископ Томский и Алтайский Анатолий осуществил архипастырское посещение Кузнецких копей по Кольчугинской железной дороге. Владыка перемещался в специальном вагоне-храме¹, останавливаясь на железнодорожных станциях для богослужения и встречи с клириками и паствой, отъезжал в рядом находящиеся села расстоянием до 7—8 верст. Во время своей поездки он «высказывал неоднократно сожаление, что по всей Кольчугинской дороге на станциях нет храмов и не организована еще приходская жизнь. Даже на станции Топки, где имеется большой поселок, между поселковым и станционным населением, тоже многолюдным, нет единомыслия же в церковных делах» [Там же, с. 104—105]. Отметим, что архипастырское посещение происходило уже в то время, когда на территории Земли Кузнецкой орудовали различные отряды партизан и были совершены погромы и убийства, совсем недавно произошло большевистское Кольчугинское восстание. Это, с одной стороны, позволяет говорить и о личном мужестве Архиепископа Анатолия и его спутников, проехавших более 500 верст по беспокойной территории. С другой стороны, возможно, стоит отметить, что противостояние в условиях партизанских войны все же не носило тотальный характер, набеги отрядов были спорадическими и никем не контролируемые. Важно учитывать, в том числе исходя из вышеприведенных слов владыки, неразвитость церковной инфраструктуры региона, преобладание сельских приходов, где отрядам красных партизан в таежной глуши претворять в жизнь свои криминальные замыслы было намного проще и вольготнее.

Немаловажное значение в партизанской войне отводилось грабежам и вымогательствам, это было неотъемлемым элементом рейдов налетчиков.

¹ Вагон-церковь оснащается всем необходимым для богослужения, является одним из вариантов походного храма. В 1896 году на Путиловском заводе был сооружен вагон-храм для работы на Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железных дорогах.

Мы считаем, что нередко борьба с политическими противниками была предлогом, скрывающим истинные намерения партизан-крестьян в отряде, а именно, грабеж. Томская «Наша газета» в заметке «Приходская жизнь уездов» констатировала, что «духовенство частью разбежалось, а частью совершенно терроризированное остается на местах и неоднократно подвергается ограблениям. Некоторых священников ограбляли по четыре раза» [Наша газета, 1919, № 17]. Наглядным примером может служить факт, когда сначала у священника Филиппа Михайлова вымогали и получили «контрибуцию» в 5000 руб., пообещав после этого полную безопасность всему семейству, а затем на следующий день приехали еще раз, вывели подальше и хладнокровно убили. В «Томских Епархиальных ведомостях» была представлена следующая информация: «Сделав дело, вся компания отправилась обратно в село. Здесь принялись грабить принадлежащее священнику имущество; тащили ковры, шубы, подушки; ломали шкафы, ящики; приглашали к грабежу также и местных обывателей и многие из них этим делом занялись с удовольствием» [ТЕВ, 1919, № 12, с. 138—142].

Тем не менее не стоит считать, что большинство жителей выступали на стороне погромщиков. После убийства священника А. В. Воробьева 13.09.1919 в с. Морозовском Щегловского уезда местный благочинный ходатайствовал перед епархиальной властью, «чтобы возможно здесь дольше не был назначен священник, т. к. отношение местных крестьян к отцу Александру ничем не было вызвано с его стороны. Покойный был редкий добряк, всюду пользовавшийся любовью прихожан» [Сибирская жизнь, 1919, 20 сентября]. Прихожане не хотели другого священнослужителя, скорбели по своему «батюшке». Примечательно, что после рейда на с. Морозовское отряд погромщиков отправился в село Грушевское и арестовал священника о. Василия Шкретовского, но местные крестьяне вступились за него, и он незамедлительно был освобожден [Там же]. Известно, что прихожане защитили Николая Наганова, священника Петропавловской церкви села Шабановского Кузнецкого уезда, от насилия партизан. На его рапорт о чудесном спасении в Томскую духовную консисторию епископом Томским и Алтайским Анатолием была положена резолюция следующего содержания: «Выражается прихожанам благодарность за то, что они разумно, как следует всегда поступать православным, выступили в защиту своей церкви и отцов духовных своих против разбойников, грабителей и убийц. Напечатать о сем в Епархиальных Ведомостях» [ТЕВ, 1919, № 12, с. 132].

Религиозность населения оставалась высокой, это понимали и красные власти. Приведем показательный пример. В 1922 году, спустя четыре года после выхода декрета «Об отделении церкви от государства» и по

сути окончания противостояния в гражданской войне, Томский губернский исполнительный комитет издал постановление «О регуляции труда на мелких предприятиях с наемным трудом». Оно определяло, кроме всего прочего, дни отдыха и праздники, в том числе местного значения. К последним относились праздники лишь традиционные христианские: Рождество (два дня), Крещение (один день), Благовещение (один день), Пасха (два дня), Вознесение (один день), Троица (один день), Преображение (один день) и Успение (один день). Более того, дополнительно оговаривалось, что накануне праздников Рождества и Пасхи работы должны были заканчиваться в полдень, а за предпраздничные дни оплата должна производиться как за полные и никаких вычетов из жалования за эти дни не производить [Крепицина, 2006, с. 74—75].

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что погромы и убийства верующих и духовенства шли повсеместно на всей территории Кузбасса, самочинные расправы совершались во всех уездах: на севере — отряды П. Лубкова и В. Шевелева-Лубкова, на юге — Г. Рогова, И. Новоселова и других. Из таблицы также видно, что основным объектом нападения становились священнослужители, по документально подтвержденным данным, убито 18 человек. В реальности, можно сказать с уверенностью, убитых было больше. Факты казней представителей духовенства отмечаются в источниках и воспоминаниях очевидцев и участников партизанских рейдов, однако существуют сложности идентификации погибших. Так, в воспоминаниях Е. Л. Куртукова сообщается, что в конце августа 1919 года при налете «роговцев» на Салаир были убиты председатель земской управы и один священник, однако фамилии при этом не указаны [ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 300, л. 4].

«Попам» приписывали не только составление доносов на партизан, но и даже самоличные расправы над большевиками. В обвинениях также фигурировали лживая трактовка декретов советской власти, контрреволюционная деятельность и даже произвол в «расценках» за требоисправления [Новикова, 2009, с. 195]. Однако стоит отметить, что многие священники, прежде всего проживающие в отдаленности от центра, на периферии, в сельской местности, оставались вне политики и были готовы исполнять свой пастырский долг вне зависимости от политической формы правления [Религиозный ландшафт ..., 2015, с. 64].

Опасным было и дворянское происхождение. Так, была зверски убита на почве «классовой ненависти» учительница Марина Павловна Писемская, в то время как ее муж, священник, был сначала арестован, а потом отпущен [Христа не предавшие ..., 2019, с. 112]. Карательные операции продолжались весь 1919 год, но наибольшую жестокость партизан и массовые

Таблица 1

**Священники, церковнослужители и миряне, убитые партизанами
в 1919 году на территории Кузбасса**

№	Ф.И.О.	Чин служения	Место служения (работы)	Дата гибели	Обстоятель- ства убий- ства / руково- дитель отряда
1	Соко- лов А. А.	священник	с. Ишимское Том- ского уезда	14.01.1919	убит (П. Луб- ков)
2	Сердо- бов В. А.	священник	с. Белгородское Мариинского уезда	18.01.1919	убит (П. Луб- ков)
3	Береж- ный Г. И.	псаломщик	с. Николаевское Мариинского уезда	10.05.1919	убит (В. Шewe- лев-Лубков)
4	Баканов- ская А. С.	учитель церковно- приходской школы	с. Николаевское Мариинского уезда	10.05.1919	убита (В. Ше- велев-Лубков)
5	Михай- лов Ф. П.	священник	с. Красный Яр Ма- ринского уезда	14.05.1919	убит (В. Шewe- лев-Лубков)
6	Сквор- цов В. В.	псаломщик	с. Красный Яр Ма- ринского уезда	14.05.1919	убит (В. Шewe- лев-Лубков)
7	Писем- ская М. П.	учитель, жена свя- щенника	с. Дмитриевское Щегловского уезда	16.05.1919	убита (В. Ше- велев-Лубков)
8	Ревенко В. Г.	староста	с. Улановское Том- ского уезда	04.08.1919	убит (В. Кры- лов)
9	Воробьев А.В.	священник	с. Морозовское Щегловского уезда	13.09.1919	убит красными партизанами
10	Булга- ков И. А.	священник	с. Кандалеп Куз- нецкого уезда	23.11.1919	убит (Г. Рогов)
11	Окоро- ков И. Л.	староста	с. Берёзовское Куз- нецкого уезда	25.11.1919	убит (И. Тол- мачев)
12	Оттыга- шев И. Г.	священник	с. Берёзовское Куз- нецкого уезда	26.11.1919	убит (И. Тол- мачев)
13	Мархи- нин Ф. В.	священник	с. Сары-Чумыш- ское Кузнецкого уезда	1919	убит с женой и дочкой (Г. Рогов)
14	Книжни- ков И. Н.	священник	с. Томское Кузнец- кого уезда	12.1919	убит (Г. Рогов)
15	Руди- чев Н. Н.	священник	г. Кузнецк	12.1919	убит (Г. Рогов)

Окончание табл. 1

№	Ф.И.О.	Чин служения	Место служения (работы)	Дата гибели	Обстоятель- ства убий- ства / руково- дитель отряда
16	Петропавлов- ский А. И.	священник	г. Кузнецк	12.1919	убит (Г. Рогов)
17	Окулов М.Э.	староста	г. Кузнецк	12.1919	убит с женой (Г. Рогов)
18	Ерлек- сов М. Я.	священник	с. Атаманово Куз- нецкого уезда	12.1919	убит (Г. Рогов)
19	Туев К. И.	староста	с. Гурьевское Куз- нецкого уезда	12.1919	убит (Г. Рогов)
20	Никоди- мов В. В.	священник	с. Кольчугинское Кузнецкого уезда	17.12.1919	убит (Г. Рогов)
21	Одигитриев- ский Т. И.	священник	с. Старо-Пестерев- ское Кузнецкого уезда	17.12.19	убит (Г. Рогов)
22	Подлес- ский М. Я.	священник	с. Драченинское Кузнецкого уезда	19.12.1919	убит (Г. Рогов)
23	Кобылец- кий П. И.	священник	с. Брюхановское Щегловского уезда	12.1919	убит (И. Сизи- ков)
24	Голубев А.	священник	д. Пинигино Ще- гловского. уезда	19.12.1919	убит (Г. Рогов)
25	Орфеев А. Н.	священник	с. Смолинское Ще- гловского уезда	1919	убит (Г. Рогов)
26	Пантеле- ев В. А.	священник	с. Междугорное Щегловского уезда	нет дан- ных	нет данных

Составлена по: [Новомученики ..., 2011, с. 123, 135—136, 150, 172—173, 228, 240, 242—243, 244, 247, 251, 252, 258—259, 269—270, 275, 276]; [Христа не предавшие ..., 2019, с. 112, 124, 177, 185, 191, 196, 200, 217, 225, 246, 251, 253, 268—269].

убийства ими местных жителей исследователи связывают, это тоже видно из таблицы 1, с деятельностью объединенного отряда под командованием Г. Ф. Рогова и И. П. Новоселова в декабре в Кузнецком округе. Отличительной чертой отряда Рогова-Новоселова стал массовый террор против представителей офицерства, колчаковского чиновничества, дворянства, духовенства и буржуазии, большей части торговцев и кулаков.

Апофеозом партизанского произвола стал погром, длившийся около недели с участием нескольких отрядов, поочередно занимавших город Кузнецк (нынешний Новокузнецк). Последними вступили в город партизаны Г. Рогова. Существуют разные интерпретации произошедшего, однако

факты, установленные по материалам разнообразных источников, утверждают одно: в ноябре — декабре 1919 года Кузнецк был затерроризирован, разгромлен и полностью разграблен. «Роговская чистка», как называли жители города эти расправы, сопровождалась массовыми насильственными действиями, в частности изнасилованиями и убийствами [Мирзоев, 1957]. Основным местом, где проводились пытки и казни, по ряду свидетельств, стал Спасо-Преображенский собор. Все четыре храма Кузнецка были сожжены и разграблены, в том числе и Одигитриевская церковь — первое каменное строение в городе. Цифры убитых разнятся: от нескольких десятков, по свидетельствам бывших партизан, до двух тысяч, по материалам публицистической литературы времен первых лет Советской власти. На наш взгляд, правомерно говорить о нескольких сотнях погибших.

«Печать роговщины до сих пор лежит на Кузнецке. Почти четвертая часть домов в городе зияет черными впадинами вместо окон <...> Город — пустыня, — отмечала в 1923 году корреспондент А. Кручина. — Пробежит через улицы, поджав хвост, собака, и снова часами на улицах ни души ... Лишь крепость старинная, Кузнецкая, забравшаяся на гору еще выше присутственных мест, мудро, спокойно, по-старчески смотрит на окружающее. Сотни лет она занимает свой наблюдательный пост, многое видела на своем веку и тяжелыми следами кровавой роговщины ее не удивить ...» [Кручина, 1923].

Трагические события в Кузнецке вызвали резонанс в Сибири. Анархобандитизм и сама фигура Рогова, в том числе во время этого погрома, послужили материалом для художественного произведения «Ватага» (1923) Вячеслава Шишкова. Советский критик Д. Благов отмечал, что повесть написана на документальном материале, на основе эпизодов, имевших место в Кузнецком округе в 1919 году. Герой Шишкова кержак-старобрядец Зыков (Рогов) крайне жесток, особую ненависть вызывают «попы — боготступники, табашники, никонианцы» [Шишков, 2016, с. 43]. Его отряд, ворвавшийся в город, изуверски расправляется с местным населением, терроризирует всех «не красных», партизаны насилуют женщин. Это садистская бойня, где священнику после допроса отрубает топором кисть руки, а затем заживо его перепиливают: «Зыков выпрямился и повелительно кивнул головой: — А ну, ребята, по писанию, распиливай напополам ... Длинная пила, как рыба, заколыхалась и хищно звякнула, рванув одежду. Священник пронзительно завопил, весь задержался и засучил ногами. Рыса загнула, замелькали белые штаны ...» [Там же, с. 44].

Мы считаем, что все эти обстоятельства — гибель людей в результате бесчинств партизан и количество пострадавших — следует оценивать

крайне осторожно. Изложенные в разнообразной литературе версии численности погибших священнослужителей зачастую не подкреплены верифицируемыми данными. Многие воспоминания, записанные спустя много лет, несут на себе отпечаток идеологического подхода как со стороны красных, для которых партизаны были и остались героями¹, так и со стороны верующих людей, родственников погибших, для которых очевидна противоположная позиция. Отсюда разные интерпретации событий и фактов. Вместе с тем чаще всего в источниках упоминается, что жертва практически без какого-либо сопротивления была зарублена шашками, заколота штыком, реже — застрелена. Сведения, приведенные в разных источниках, противоречивы, отличаются частностями, однако, расходясь в деталях, они создают общую картину и указывают на глубокий трагизм происходившего. При этом есть неожиданные воспоминания людей, которые не должны быть заинтересованы в обнародовании компрометирующей себя информации. Так, один из участников установления советской власти в Кузнецком крае А. А. Бутолин заявлял, что в 1918 году в селе Драченино кулаки во главе со священником убили двух коммунаров Новоселова. Впоследствии, в апреле или мае 1919 года, отряд И. Новоселова «загнал купца, попа и кулаков этого села в церковь и сжег их в отместку за убитых товарищей» [Христа не предавшие ..., 2019, с. 238]. А. Н. Геласимова, участница партизанского движения, приводит следующие детали кровавых событий в селе Кольчугино и на близлежащем руднике в декабре 1919 года: «Без суда перебили торговцев, милиционеров, служащих рудника, убили много других. На площади и на улицах валялись трупы, роговцы не разрешали их убирать. ... Первым делом подожгли церковь, она пылала весь день. Попа остригли, раздели и на улице всенародно казнили ... ризами покрыли лошадей, сами нарядились в духовные облачения и, горлая песни, разъезжали по селу и руднику. Они врвались к служащим, крестьянам, рабочим, забирали у них шубы, валенки, часы, одежду, одеяла, подушки и другие вещи ... Протестовавших убивали» [Там же, с. 231]. Упоминается, что пьяные анархисты громили, стреляли и рубили случайных безвинных людей. И. И. Бугров, партизан из отряда Рогова, откровенничал: «В Кузнецке напрасно мы сожгли церковь, белые были уже в разгроме, но этому делу помог пьяный разгул» [Там же, с. 85].

Атмосфера всеобщего озлобления, к сожалению, в то время являлась типичной. Сама ситуация гражданской войны, как верно отмечают

¹ 20 октября 2007 года в Хмелевке Заринского района (Алтайский край) открыли мемориальную доску в память о Г. Ф. Рогове как одном из заметных исторических деятелей Алтая периода гражданской войны.

Н. С. Ларьков и В. И. Шишкин, порождала и усиливала в рядах всех противоборствующих сторон ненависть к противнику, жестокость, применение пыток, порой самых варварских. Иначе говоря, белый и красный (точнее его можно было бы назвать «зеленым») террор был неотъемлемой частью борьбы между силами революции и контрреволюции в сибирском тылу [Ларьков и др., 2013, с. 102].

20 декабря 1919 года командование Мариинской группы войск Западно-Сибирской крестьянско-рабочей партизанской армии в своем воззвании сначала отмежевалось от действий отдельных партизан, но не армии Рогова: «Верьте нам, что это — единичные случаи, что здесь не виновата вся армия, а виноваты только те негодяи, которые присосались к нашей армии ... Все те, которые разоряли Ваши храмы, незаконно обирали Ваши семьи, жестоко за это поплатятся» [Воззвание командования ...]. Предоставив мандат на партизанские действия, советская власть, вероятно, совершенно не предполагала развития такого стихийного беззакония с погромами, убийствами и поджогами церквей. Известно, что руководство партизанских формирований, орудующих на юге Кузбассе, в большинстве своем было подвержено анархическим, а не большевистским идеям. Большевики все больше видели в стихийном крестьянском анархизме угрозу. Предводители повстанцев считались ненадежными, и, по мнению красноармейского командования, их отряды должны быть подвергнуты разоружению [Ларьков и др., 2013, с. 110].

5. Заключение. Последствия партизанских рейдов

Результаты погромов для Русской православной церкви были близки к катастрофическим: духовенство и верующие были подвергнуты истреблению; осквернены святыни и храмы, партизанские экспроприации нанесли существенный урон экономической составляющей жизнедеятельности приходов. Многие храмы и церковные строения, по нашим представлениям около двух десятков, были разрушены. Считалось, что церковь является хорошим опорным оборонным пунктом (крепостью), поэтому повстанцы практиковали сжигание, предварительно изъяв все ценности, бархатные ризы, которые нередко перешивались на партизанские брюки. К тому же, как мы видим, храмы сжигались и без какой-либо военно-тактической цели, уничтожение церквей стало для партизан-крестьян делом обыденным, не воспринималось как кощунство.

В комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии собрана большая группа источников о расправах над церковно- и священнослужителями в этот трагичный для Церкви год на Кузнецкой Земле, в том чис-

ле воспоминания очевидцев, сохранившиеся в государственных архивах Кемеровской области, Алтайского края, а также в архиве Новокузнецкого краеведческого музея. Членами комиссии отдельно отмечено, что эти преступные события принесли, помимо прочего, большое горе и глубокие страдания в семьи. Практически у всех погибших священно- и церковнослужителей остались дети-сироты. У священника из Кольчугино В. Никодимова — 7 человек, по 8 сирот осталось на руках вдов отца И. Книжникова из села Томского и псаломщика В. Скворцова из Красного Яра. Вместе с супругами погибли жена старосты Максима Окулова, жена священника Ф. В. Мархинина. Лишилась рассудка после гибели мужа Е. С. Никодимова [Христа не предавшие ..., 2019, с. 263—264].

Русскую православную церковь в результате партизанских рейдов в 1919 году охватил институциональный кризис. «Приходская жизнь уездов Бийского, Барнаульского и Мариинского совершенно расстроена. Духовенство частью разбежалось...», — отмечалось в «Нашей газете» [Наша газета, 1919, № 17]. Через несколько лет, весной 1922 года, Сибревком разослал губернским отделам циркуляр, в котором предписал приступить к изъятию драгоценностей религиозного культа для передачи их в фонд комиссии помощи голодающим [Из истории земли Томской ..., 2000, с. 83]. Председатель Щегловской уездной комиссии по изъятию Колесников, отчитываясь губернскому начальству, признавал, что провести экспроприацию достаточно затруднительно, «так как церквей и молитвенных домов не так уж много, да и большая часть их во время занятия уезда отрядами Рогова в 1919 г. была сожжена, а имущество расхищено» [ГАТО, ф. р-173, оп. 1, д. 422, л. 19].

С началом кампании по изъятию церковных ценностей православную церковь на Земле Кузнецкой ожидала следующая (вторая) волна гонений, включая репрессии, но уже санкционированные советской властью.

Источники и принятые сокращения

1. *Воззвание* командования Мариинской группы войск Западно-Сибирской крестьянско-рабочей партизанской армии к населению Причерного края. 20 декабря 1919 г. [Электронный ресурс] // Фонд А. Н. Яковлева. — Режим доступа : <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/ issues-doc/73820> (дата обращения 20.09.2020).

2. ГАКО — *Государственный архив Кемеровской области*. Ф. Д.-60. Оп. 6 Д. 35 ; Ф. Д.-483. Оп. 1. Д. 300.

3. ГАТО — *Государственный архив Томской области*. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422.

4. *Из истории земли Томской. 1921—1924. Народ и власть : сборник документов и материалов / сост. : Бондаренко А. А и др. ; редкол. : Тренин Б. П. (отв. ред.) и др. — Томск : Водолей, 2000. — 442 с.*

5. *Кручина А.* В глухом углу, в Кузнецке : из записной книжки журналиста / А. Кручина // *Советская Сибирь*. — 1923. — 29 июля.

6. *Наша газета* (Томск). — 1919.
7. *Новомученики* и исповедники земли Кузнецкой. — Кемерово : Скиф, 2011. — 407 с.
8. *Сибирская жизнь*. — 1919. — 23 января.
9. ТЕВ — Томские Епархиальные ведомости. — 1919.
10. *Христа не предавшие* : к 100-летию первых мученических подвигов за веру на территории современной Кемеровской области. — Кемерово : СКИФ, 2019. — 564 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Звягин С. П.* Газеты о состоянии досуга в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах Томской губернии в условиях гражданской войны (1918—1919) / С. П. Звягин, С. В. Макачук // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. — 2016. — № 37—1. — С. 113—122.
2. *Коголь Т. Н.* Православная церковь Сибири в период гражданской войны / Т. Н. Коголь // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 1997. — Выпуск 1 (1). — С. 11—14.
3. *Крепицина Е. В.* Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920—1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Крепицина. — Кемерово, 2006. — 197 с.
4. *Куреньшев А. А.* Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918—1922 гг. / А. А. Куреньшев. — Москва : Компания Спутник+, 2010. — 171 с. — ISBN 978-5-9973-0680-9.
5. *Курьшев И. В.* Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918—1920 гг.) : социально-психологический аспект / И. В. Курьшев // *Клио*. — 2006. — № 2 (33). — С. 155—157.
6. *Ларьков Н. С.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны / Н. С. Ларьков, В. И. Шишкин // *Власть и общество в Сибири в XX веке : сборник научных статей / научный редактор В. И. Шишкин*. — Новосибирск : Параллель, 2013. — Выпуск 4. — С. 76—114.
7. *Мирзоев В. Г.* Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1919 гг.) / В. Г. Мирзоев. — Кемерово : Кемеровское книжное изд-во, 1957. — 148 с.
8. *Новикова Т. М.* Деятельность Русской православной церкви в период Гражданской войны (на материалах Восточной Сибири) / Т. М. Новикова // *Известия Алтайского государственного университета*. — 2009. — № 4—4 (64). — С. 194—198.
9. *Олихов Д. В.* Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири / Д. В. Олихов // *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*. — 2016. — № 1. — С. 72—86.
10. *Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии* : коллективная монография. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. — Т. 2 : XX в. — 194 с.
11. *Савченко В. А.* Атаманщина / В. А. Савченко. — Харьков : Фолио, 2011. — 380 с. — ISBN 978-966-03-5523-1.
12. *Усков И. Ю.* Партизанское движение в Кузбассе в годы гражданской войны 1917—1919 годов / И. Ю. Усков, А. Е. Пьянов // *Научный диалог*. — 2020. — № 3. — С. 423—438. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-423-438.

13. Шишков В. Я. Ватага / В. Я. Шишков. — Москва : Директ-Медиа, 2016. — 240 с. — ISBN 978-5-4444-5572-2.

ORTHODOX COMMUNITIES AND PARTISAN MOVEMENT IN KUZBASS IN 1919¹

© Alexey V. Gorbatov (2021), orcid.org/0000-0002-8493-6468, Doctor of History, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), gorbn1965@yandex.ru.

© Maxim A. Maltsev (2021), orcid.org/0000-0002-5691-3461, Archpriest, Chairman of the Commission for the Canonization of Saints, the religious organization “Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)” (Kemerovo, Russia), maltzeff-maxim@yandex.ru.

The results of the analysis of the tragic stage in the history of the Russian Orthodox Church during the civil war in the Kemerovo region are presented. Based on materials from periodicals and archives, as well as on the research of secular and church historians, the partisan pogroms of 1919 are considered as events that had a negative impact on the life of the church as a social institution. It is noted that pogroms and murders of believers and clergy took place everywhere in the territory of Kuzbass. It was revealed on the basis of documentary evidence that the main target of the attack of the red partisans was the clergy. Punitive operations continued throughout 1919, but the peak of the pogroms is associated with the activities of the united detachment under the command of G. F. Rogov and I. P. Novoselov in December in the Kuznetsk district. It is shown that the Russian Orthodox Church was seized by an institutional crisis, the parish life of the counties was upset, the number of clergy decreased, and some of the clergy left the region.

Key words: civil war; Kuzbass; Orthodox Church; partisan movement; terror.

MATERIAL RESOURCES

GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti. F. D-60. Op. 6 D. 35; F. D-483. Op. 1. D. 300* [State archive of the Kemerovo region. F. D-60. Op. 6 D. 35; F. D-483. Op. 1. D. 300]. (In Russ.).

GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti. F. R-173. Op. 1. D. 422* [State archive of the Tomsk region. F. R-173. Op. 1. D. 422]. (In Russ.).

Iz istorii zemli Tomskoy. 1921—1924. *Narod i vlast'* [From the history of the land of Tomsk. 1921—1924. The people and the authorities]. (2000). Tomsk: Vodoley. 442 p. (In Russ.).

Khrista ne predavshiye: k 100-letiyu pervykh muchenicheskikh podvigov za veru na territorii sovremennoy Kemerovskoy oblasti [Those who did not betray Christ: to the 100th anniversary of the first martyrdom for the faith in the territory of the modern Kemerovo region]. (2019). Kemerovo: SKIF. 564 p. (In Russ.).

¹ The study was carried out within the framework of the RFBR scientific project No. 20-49-420006 on the topic “Civil war in Kuzbass (1917—1922). Preconditions, course, consequences: conceptual comprehension and reconstruction of a turning point in the history of the region.”

- Kruchina, A. (1923). V glukhom uglu, v Kuznetske: iz zapisnoy knizhki zhurnalista [In a remote corner, in Kuznetsk: from the notebook of a journalist]. In: *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 29 iyulya. (In Russ.).
- Nasha gazeta (Tomsk)* [Nasha Gazeta (Tomsk)]. (1919). (In Russ.).
- Novomucheniki i ispovedniki zemli Kuznetskoy* [New Martyrs and Confessors of the land of Kuznetsk]. (2011). Kemerovo: Skif. 407 p.
- Sibirskaya zhizn'* [Siberian life]. (1919). (In Russ.).
- TEV — *Tomskiye Eparkhialnyye vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. (1919). (In Russ.).
- Vozzvaniye komandovaniya Mariinskoy gruppy voysk Zapadno-Sibirskoy krestyansko-rabochey partizanskoy armii k naseleniyu Prichernskogo kraya. 20 dekabrya 1919 g. [Appeal of the command of the Mariinsky group of troops of the West Siberian peasant-workers partisan army to the population of the Black sea region. December 20, 1919]. In: *Fond A. N. Yakovleva* [A. N. Yakovlev Foundation]. Available at: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/73820> (accessed 20.09.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Kogol, T. N. (1997). Pravoslavnaya tserkov' Sibiri v period grazhdanskoy voyny [Orthodox Church of Siberia during the civil war]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University], 1 (1): 11—14. (In Russ.).
- Krepitsina, E. V. (2006). *Gosudarstvennaya politika v sfere religii na territorii Kuzbassa v 1920—1929 gg.* PhD Diss. [State policy in the sphere of religion on the territory of Kuzbass in 1920—1929]. Kemerovo. 197 p. (In Russ.).
- Kurenyshev, A. A. (2010). *Krestyanskiye voyenno-politicheskiye organizatsii Rossii. Povstanchestvo. 1918—1922 gg* [Peasant military and political organizations of Russia. Rebellion. 1918—1922]. Moskva: Kompaniya Sputnik+. 171 p. ISBN 978-5-9973-0680-9. (In Russ.).
- Kuryshv, I. V. (2006). Iz istorii partizanskogo terrora v Zapadnoy Sibiri (1918—1920 gg.): sotsialno-psikhologicheskii aspekt [From the history of partisan terror in Western Siberia (1918—1920): socio-psychological aspect]. *Klio* [Clio], 2 (33): 155—157. (In Russ.).
- Larkov, N. S., Shishkin, V. I. (2013). Partizanskoye dvizheniye v Sibiri vo vremya grazhdanskoy voyny [Partisan movement in Siberia during the civil war]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the XX century], 4. Novosibirsk: Parallell'. 76—114. (In Russ.).
- Mirzoyev, V. G. (1957). *Partizanskoye dvizheniye v Zapadnoy Sibiri (1918—1919 gg.)* [Partisan movement in Western Siberia (1918—1919)]. Kemerovo: Kemerovskoye knizhnoye izd-vo. 148 p. (In Russ.).
- Novikova, T. M. (2009). Deyatelnost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v period Grazhdanskoy voyny (na materialakh Vostochnoy Sibiri) [Activity of the Russian Orthodox Church during the Civil war (based on materials from Eastern Siberia)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai state University], 4—4 (64): 194—198. (In Russ.).
- Olikhov, D. V. (2016). Sozdaniye i deyatelnost' Vremennogo vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri [Creation and activity of the Temporary Supreme Church adminis-

- tration of Siberia]. *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 1: 72—86. (In Russ.).
- Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov Tsentralnoy Azii: kollektivnaya monografiya: 2: XX v* [Religious landscape of Western Siberia and neighboring regions of Central Asia: collective monograph: 2: XX century]. (2015). Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta. 194 p. (In Russ.).
- Savchenko, V. A. (2011). *Atamanshchina* [Atamanshchina]. Kharkov: Folio. 380 p. ISBN 978-966-03-5523-1. (In Russ.).
- Shishkov, V. Ya. (2016). *Vataga* [Gang]. Moskva: Direkt-Mediaю 240 p. ISBN 978-5-4444-5572-2. (In Russ.).
- Uskov, I. Yu., Pyanov, A. E. (2020). Partisan Movement in Kuzbass during the Civil War of 1917—1919. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 3: 423—438. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-423-438. (In Russ.).
- Zvyagin, S. P., Makarchuk, S. V. (2016). Gazety o sostoyanii dosuga v Mariiinskom, Shcheglovskom i Kuznetskom uezdakh Tomskoy gubernii v usloviyakh grazhdanskoy voyny (1918—1919) [Newspapers about the state of leisure in the Mariinsky, Shcheglovsky and Kuznetsky uyezds of the Tomsk province in the conditions of the civil war (1918—1919)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts], 37—1: 113—122. (In Russ.).

Дарчиева С. В. Вопросы начального и среднего образования в деятельности Государственной думы Российской империи (1906—1917 годы) / С. В. Дарчиева, А. В. Дарчиев // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 241—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-241-255.

Darchieva, S. V., Darchiev, A. V. (2021). Issues of Primary and Secondary Education in the Activities of the State Duma of the Russian Empire (1906—1917). *Nauchnyi dialog*, 1: 241-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-241-255. (In Russ.).

УДК 94:37(47)“1906/1917”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-241-255

ВОПРОСЫ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906—1917 ГОДЫ)

© Дарчиева Светлана Валерьевна (2021), orcid.org/0000-0002-7246-116X, ResearcherID AAR-9380-2020, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия), svetik-dar70@mail.ru.

© Дарчиев Анзор Валериевич (2021), orcid.org/0000-0001-8534-1936, ResearcherID В-6545-2017, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия), dar-anzor@yandex.ru.

Рассматривается роль первого российского парламента в формировании и развитии системы образования в стране. Проанализирована деятельность депутатов по решению наиболее актуальных вопросов в период с 1906 по 1917 годы. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении Государственной думы как важнейшего законодательного органа в создании образовательной системы в России. Выявлено несоответствие интересов власти и общества, различное понимание ими цели и задач объективно назревших преобразований, что нашло отражение в законотворческой деятельности Государственной Думы. Указывается, что значительное место в национальной политике государства занимали вопросы образования и статус национальных языков. Показано, что в результате активной законодательной инициативы и позиции депутатов в разработке законопроектов «О введении всеобщего обучения», «О реформе средней школы» государственные расходы на среднее и начальное образование выросли в несколько раз. Отмечается, что в результате деятельности депутатов Государственной думы III созыва были внесены существенные поправки и дополнения к законопроекту «О высших начальных училищах», который был принят в 1912 году.

Ключевые слова: Государственная дума; депутаты; образование; всеобщее начальное обучение; церковно-приходские школы.

1. Введение

В конце XIX — начале XX веков Россия вступила в полосу активных социально-политических преобразований. Однако новые требования экономического развития находились в явном несоответствии с существовавшим тогда уровнем развития образования. Именно поэтому в данный период вопрос о всеобщем обучении оказался в центре общественного внимания. В решении этого вопроса заметная, но малоизученная роль принадлежала депутатам Государственной думы. Народные избранники отчётливо понимали, что выход на передовые позиции в экономике и преодоление многих общественных недугов невозможны без всеобщей грамотности населения, и в рамках имевшихся у них полномочий прилагали немалые усилия к достижению этой важной для всего российского общества цели. Изучение данного аспекта деятельности Государственной думы способствует более глубокому пониманию её роли в общественно-политических процессах того времени и, кроме того, помогает полнее воссоздать историю развития образования в позднеимперской России.

Проблемам развития начального и среднего образования в России в начале XX века посвящено внушительное количество работ. Необходимо отметить труды самих депутатов, которые добились значительного результата в развитии народного образования. В трудах Е. П. Ковалевского [Ковалевский, 1912], Я. Микетова [Микетов, 1912], А. И. Шингарева [Шингарев, 1912], Н. В. Чехова [Чехов, 1912], А. Петрова [Петров, 1911], А. Н. Роппа [Ропп, 1912], Г. А. Фальборка [Фальборк, 1908] и др. рассматриваются исторические, педагогические, правовые, культурологические аспекты становления образовательной системы в России.

Изучению отдельных аспектов образования в России в начале XX века посвящены работы современных отечественных исследователей: В. Ф. Абрамова [Абрамов, 1998], Т. А. Видовой и Ю. А. Головастовой [Видова и др., 2019], С. В. Дарчиевой и А. В. Дарчиева [Darchieva et al., 2019], В. А. Демина [Демин, 2017], Т. Г. Киселевой [Киселева, 1994], В. С. Молчановой с коллегами [Molchanova et al., 2018], А. Т. Урушадзе [Урушадзе, 2019], Т. В. Филоненко [Филоненко, 2004], А. А. Черкасова, Е. Н. Куклиной, М. Шмигеля [Черкасов и др., 2011; Cherkasov et al., 2016] и многих других. Авторы ввели в научный оборот и проанализировали архивные источники дореволюционного периода и первого послеоктябрьского десятилетия, посвященные проблемам развития народного образования в России.

Необходимо отметить устойчивый интерес зарубежных исследователей к изучению социально-политической истории России в позднеимперский период и их значительные достижения в этой области. В центре внимания западных россиеведов: А. Каппелера [Каппелер, 2000], А. Рибера [Рибер, 2003], Р. Пайпса [Пайпс, 2005] — находятся вопросы, связанные с зарождением и деятельностью российского парламента, взаимоотношения Государственной думы с правительством и верховной властью, а также причины краха монархии. Заметим, что в этих работах лишь косвенно рассматриваются вопросы образования, роста грамотности и просвещения в контексте модернизации традиционного общества.

Источниковую базу исследования составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы всех созывов, а также приложения к ним и обзоры деятельности думских комиссий и отделов. Стенограммы наглядно показывают всю напряжённость и остроту думских дебатов, дословно фиксируя работу парламента [ГДОД; ГДСО I; ГДСО II; ГДСО III; ОДГД].

2. Деятельность Государственной думы I и II созывов по вопросам начального и среднего образования

Как известно, Манифест 17 октября 1905 года и утверждение Основных государственных законов 23 апреля 1906 года изменили государственный строй Российской империи. Теперь все государственные законы принимались только при одобрении Государственной думы и Государственного совета. В числе постоянно действовавших в составе Государственной думы комиссий была и комиссия по народному образованию, которая разрабатывала и представляла на рассмотрение Государственной думы важнейшие законопроекты в области образования. Следует отметить, что отнюдь не все принятые Государственной думой законопроекты получали одобрение Госсовета и становились законами.

Государственная дума I созыва (27.04.1906—09.07.1906) поставила задачу улучшения среднего и начального образования, а также расширения участия общественных кругов в школьном деле. В адресе Государственной думы особо отмечалась необходимость бесплатного обучения для всех слоёв населения Российской империи [ГДСО I, с. 241]. Однако министерский проект закона о введении всеобщего начального обучения, который поступил на рассмотрение думской комиссии, не прошел этапа обсуждения в связи с дебатами об общей политике и аграрном вопросе и досрочным роспуском Государственной думы.

После созыва II Государственной думы (20.02.1907—02.06.1907) по предложению конституционно-демократической фракции 15 мая 1907 года

была создана комиссия по народному образованию в составе 55 депутатов во главе с председателем — князем П. Д. Долгоруковым. Комиссия в своих докладах неоднократно указывала на необходимость улучшения программ начального образования и планомерного увеличения финансирования в этой сфере.

По инициативе депутатов был увеличен бюджет народного просвещения с 45,907 тыс. руб. в 1907 году до 114,434 тыс. руб. в 1912 году, а также были установлены сроки реализации реформы [ГДОД, с. 37—39, 141—143, 282—283]. Законодательная деятельность II Государственной думы в области образования была более эффективной по сравнению работой с I Думы. Особое внимание депутаты уделяли вопросу о языке, на котором должно вестись образование. Для решения этого вопроса разработали специальный законопроект, обсуждение которого началось в мае 1907 года [ГДЗЗ, с. 210]. По мнению депутатов, право преподавания детям на родном языке — одно из прав любого народа. С точки зрения инициаторов законопроекта, реформы в сфере образования должны учитывать культурные нужды и духовные запросы национальных окраин империи. Однако думским образовательным инициативам противостояли правительственные законопроекты, также касающиеся вопросов введения всеобщего обучения и реорганизации народной школы. Министерство народного просвещения (далее — МНП), возглавляемое П. М. Кауфманом, 20 февраля 1907 года внесло в Государственную думу законопроект, который наделял равными правами церковно-приходские школы и министерские училища, а также обеспечивал руководство и надзор со стороны МНП, таким образом лишив земства монопольного положения в сфере просвещения народа.

В ходе работы комиссия дополнила проект МНП пунктами, касающимися 1) ежегодного увеличения финансирования начального образования в размере 10 млн руб.; 2) церковно-приходских школ, которые должны финансироваться на тех же основаниях, что и министерские училища (Государственный совет внес поправку к этому пункту: финансирование церковных школ производить через смету Святейшего Синода); 3) учительских семинаров и курсов, на которые могло быть потрачено до одного миллиона. Важным добавлением стало увеличение заработной платы учителей каждые пять лет. Размеры жалования распределялись следующим образом: первоначально — 360 р., через 5 лет — 420, через 10 — 480 и т. д. Через 25 лет, как предлагали депутаты, учителя имели право на получение пенсии, продолжая работать (добавление о периодических прибавках было исключено Государственным Советом из проекта) [Чехов, 1912, с. 197—198]. Одновременно с этим законопроектом депутаты Госу-

дарственной думы планировали разработку принципиально новой организации школьного образования и главное — принятие законопроекта о всеобщем начальном обучении. Досрочный роспуск Государственной думы II созыва не дал возможности реализовать законодательные предложения министерства. Однако необходимо отметить несвойственный для правительства и МНП целый ряд уступок как органам местного самоуправления (дополнительное ассигнование на народную школу 10 млн руб. в год и возврат земству прежней самостоятельности в управлениях школами), так и Священному Синоду (министерский проект наделял местные органы церковно-школьного управления правом участвовать в разработке школьных сетей, что препятствовало росту светских школ). Кроме того, МНП предлагало все законопроекты о введении всеобщего обучения в каждом уезде согласовывать с Министерством внутренних дел [Там же, с. 199].

3. «Дума народного просвещения»

Работа Государственной думы III созыва совпала со столыпинской программой системных преобразований в России. Объединение правительственной, парламентской и общественной инициатив способствовало тому, что основной акцент был сделан на разработку законопроектов, реализация которых позволила бы в ближайшие 20 лет сформировать в России правовое государство. Вносимые депутатами на рассмотрение законопроекты были направлены на всестороннюю защиту социальных прав и свобод личности, реформирование структуры исполнительной власти, расширение полномочий парламента, местного самоуправления, радикальное преобразование всей системы образования. Государственная дума III созыва располагала значительными материальными силами и интеллектуальными возможностями для основательной теоретической и правовой проработки значимых законопроектов. Однако необходимо отметить и особенности, присущие российскому парламентаризму: чем больше Государственная дума набиралась опыта, становилась совершеннее и профессиональнее, тем более консервативной она была по своему составу и господствующим в ней идеям. В деятельности Государственной думы III созыва (01.11.1907—09.06.1912) вопросы образования занимали очень важное место. Не случайно она получила неофициальное название «Думы народного просвещения» [ГДСО II, с. 407]. По предложению фракции «Союз 17 Октября» была создана комиссия по народному образованию, которую возглавил октябрист — барон В. К. фон-Анреп, пользовавшийся в Государственной думе значительным авторитетом. Работой комиссии по начальному образованию руководил заместитель председателя — ок-

тябрист Е. П. Ковалевский. А. Н. фон-Анреп и Е. П. Ковалевский превратили думскую комиссию в главный центр по выработке государственной политики в области начального образования. Председатель комиссии по начальному образованию считал необходимым объединить усилия МНП с думской и общественной инициативами. Выступая перед депутатами 6 июня 1908 года, Анреп отметил необходимость привлечения общественных организаций к разработке насущных вопросов народного образования, что позволило бы избежать шаблонности и схематизма в сложном деле школьного строительства [ГДСО III, с. 2, 398].

Один только список поступивших в думскую комиссию законопроектов [ЗДФ, с. 113, 115, 133, 158, 170—175, 182, 197] показывает, что весь пятилетний срок работы Государственной думы парламентарии планомерно шли к организации школы из трех ступеней и увеличению государственного финансирования на развитие школьного образования. На содержание школ первой ступени по проекту выделялось 148 185 600 руб., а весь проект должен был составить 283 млн руб. Особое внимание уделялось подготовке кадров учителей [Чехов, 1912, с. 201].

Парламентарии постепенно добивались введения всеобщего начального обучения. Из представленных уже вариантов (законопроект министерства Кауфмана, проект министерства А. Н. Шварца, проект Положения о школах) был составлен сводный проект закона, который обсуждался в думских комиссиях и подкомиссиях с октября 1910 года по апрель 1911 года. Прежде всего, депутаты отмечали отсутствие единства в руководстве начальным образованием, так как школа была разделена между двумя ведомствами: светским (МНП и земство) и духовным (Святейший Синод), — а это приводило к финансовому перерасходу и негативно сказывалось на качестве образования. Еще один недостаток, который отмечали народные избранники, заключался в отсутствии преемственной связи между учебными заведениями разных ступеней. Окончание начального училища не давало права поступления в первый класс гимназии, городское училище не давало права перехода в соответствующий класс средней школы, средняя школа не имела непосредственной связи с университетом. Наиболее острыми при обсуждении законопроекта о начальном образовании явились вопросы о языке преподавания в нерусских школах и о государственном языке преподавания.

Анализ стенограмм показывает острую полемическую борьбу в решении этих вопросов в самой Государственной думе. Предлагавшееся в проекте необязательное изучение родного языка встретило резкое неприятие депутатов от национальных окраин. Они справедливо указывали на то, что

без изучения родного языка невозможно развитие национальной культуры и в этом смысле законопроект явно ущемлял интересы нерусских народов России [ГДСО III, с. 2448—2452, 2574—2588]. Им противостояли правые и «Союз 17 октября», обосновывавшие свою позицию тем, что изучение родного языка осложняется многонациональным составом обучаемых, а в ряде случаев и сами их родители не видят в этом первостепенной необходимости. По сути, октябристы были проводниками государственной политики, которая стремилась к стабилизации господствующего режима и лояльности нерусских подданных [Каппелер, 2000, с. 120]. Процессы русификации подразумевали унификацию по общеимперскому образцу административно-правовых учреждений и национально-культурной идентичности. Как отмечает исследователь А. Миллер, в позднеимперский период приоритеты власти были связаны не столько с достижением полной ассимиляции, сколько с сохранением за центром доминирующего культурного влияния на всей территории империи, включая национальные окраины [Миллер, 2006, с. 7]. В Государственной думе политика имперской унификации четко была обозначена в ходе рассмотрения законопроекта об образовании, что приводило к конфликтам и резким обличительным заявлениям как со стороны депутатов национальных окраин, так и со стороны правящей партии и ей сочувствующих.

В заключительной речи после общих прений выступавший в Государственной думе 14 марта 1908 года председатель по начальному образованию фон-Анреп высказался в защиту комисионного законопроекта и поддержал депутатов от национальных окраин в этом непростом вопросе, признав, что образование в национальной школе должно вестись на родном языке [Ропп, 1912, с. 1, 130—133].

В апреле 1911 года думский законопроект, который предполагал введение всеобщего начального образования, расширение школьной сети, передачу начальной школы земствам и городам, увеличение ассигнования на школьное строительство и многое другое, поступил на рассмотрение Государственного совета. Однако Госсовет посчитал, что законопроект нуждается в доработке и отклонил его. На том же основании было отклонено предложение о включении церковно-приходских школ в единую сеть светских школ. Таким образом, из-за противодействия правительства и Государственного совета депутатам не удалось поставить под контроль МНП церковно-приходские школы, и Россия не получила всеобщего начального образования.

Правительство реагировало на думские инициативы, и 25 июня 1912 года было принято Положение о высших начальных училищах с че-

трехгодичным сроком обучения. В них принимались дети от десяти до тринадцати лет, независимо от сословной и религиозной принадлежности, но прошедшие как минимум курс одноклассного училища или школы. Положение никак не затронуло ни земскую, ни начальную, ни среднюю школу, оставив действующую систему без изменений.

Государственная дума IV созыва (15.11.1912—06.10.1917) подхватила инициативу и продолжила политику предшественницы. Комиссию по народному образованию возглавил националист-прогрессист граф В. А. Бобринский, а в 1916 году его сменил октябрист Е. П. Ковалевский. Государственная дума IV созыва вновь сосредоточила свое внимание на вопросах начального и среднего образования. В декабре 1912 года в Государственную думу поступило три законопроекта «О введении всеобщего начального обучения» от фракции правых, октябристов и левых. Законодательная активность была вызвана тем, что разногласия между Государственной думой и Госсоветом застопорили прохождение законопроекта о всеобщем начальном образовании, принятого Государственной думой III созыва. В представленном законопроекте были сохранены самостоятельность системы церковно-приходских школ и увеличение бюджетного обеспечения МНП и ведомства Святейшего Синода. Все три законопроекта были переданы в комиссию с целью выработать единый проект, что не получилось, так как вопрос о церковно-приходских школах не был решен. Госсовет и правоецентристское большинство (против части октябристов и кадетов) не только не допустили включить эти школы в единую сеть, но и потребовали отпустить дополнительно на их нужды 1,5 млн руб. в год [Восторгов, 1911, Законотворчество ..., 2006, с. 55—62, 290]. В результате не был дан ход важнейшей государственной реформе, задерживалась работа земств по развитию системы начального образования, поскольку в отсутствие законодательного решения органы местного самоуправления не могли рассчитывать на необходимые государственные субсидии. Более того, согласно смете МНП на 1913 год на 2 млн руб. уменьшались расходы на строительство новых школ.

Начало XX века в России — время социально-экономической и политической модернизации, одним из проявлений которой стало активное развитие образования. В этот период начальное и среднее образование всё больше становится одним из эффективных способов повышения социального статуса и материального обеспечения народа [Филоненко, 2004, с. 138], иными словами, для непривилегированных слоёв российского общества образование становилось именно тем, что в современном социологическом дискурсе обозначается термином *социальный лифт*.

Следует отметить, что народные избранники уделяли значительное внимание развитию среднего образования. По инициативе Государственной думы ежегодно повышались государственные расходы на среднее образование: с 1907 года они составили 13,8 млн руб., в 1912 г. — 24,1 млн руб. [ГДОД, с. 282—283].

Законопроект «Закон о гимназиях» был внесен на рассмотрение Государственной думы 6 февраля 1913 года. Депутаты, инициировавшие этот законопроект, ссылались на проект реформы средней школы, внесенный на рассмотрение Государственной думы министром народного просвещения А. Н. Шварцем в 1910 году. Преемник Шварца — Л. А. Кассо — отозвал проект для доработки и не внес его вновь. Инициаторы законопроекта предлагали следующее: возможность последовательного прохождения всех образовательных ступеней; упразднение различий между классическими гимназиями и реальными училищами; унификацию мужского и женского образования; разработку школьной программы с учетом практических потребностей населения. Предлагалось также сохранить преподавание классических (античных) языков для поступающих на исторические и филологические факультеты, увеличить количество часов для изучения естественных наук. Особое внимание обращалось на необходимость физической подготовки, а также обучения графическому искусству и хорошему пению. Школа получала право учитывать региональные особенности и многое другое. Законопроект был передан в комиссию по народному образованию, 14 июня 1913 года одобрен на пленарном заседании и передан в комиссию Государственной думы для разработки, но дальнейшего хода законопроект не получил [ЗДФ, с. 290—320].

С началом Первой мировой войны (1914—1918) законодательные вопросы, связанные с образованием, отошли на второй план. Основное внимание уделялось дебатам по общей политике, которые отодвинули обсуждение многих текущих проблем на неопределенный срок. Некоторые изменения произошли в феврале 1917 года: при Министерстве народного просвещения Временного правительства был создан Государственный комитет по образованию, в состав которого вошли видные педагогические и общественные деятели. Учитывая результаты многолетней деятельности Государственной думы, земств и МНП, комитет смог разработать документы, реализация которых, несомненно, способствовала бы позитивным гуманистическим переменам в образовании [Джуринский, 2010, с. 124, 125]. К сожалению, из-за революционных событий и последовавшей за ними гражданской войны ни один из этих столь необходимых для развития образования в России законопроектов не нашёл практического воплощения.

4. Заключение

Одним из наиболее важных направлений в работе Государственной думы являлось решение насущных вопросов развития начального и среднего образования в России. Благодаря деятельности Государственной думы правительство увеличило расходы на начальное образование с 10 млн руб. в 1907 году до 49 млн руб. в 1912 году. В 1908 году II Государственной думой был принят закон, по которому города и земства получали дополнительные ассигнования для реализации планов по подготовке к введению всеобщего обучения. В 1909 году стараниями думцев при Министерстве просвещения был создан школьно-строительный фонд им. Петра Великого. В 1911 году III Государственная дума приняла законопроект, позволявший городам и земствам вводить обязательное обучение. Важно отметить взвешенный и сбалансированный характер данного законопроекта, поскольку он предполагал составление учебных программ с учётом национальных и религиозных особенностей населения (разрешалось преподавание местных языков), но с неременным соблюдением общегосударственных интересов. Сама учебная программа была существенно расширена: вводилось преподавание геометрии, черчения, природоведения, отечественной истории, рисования и физической подготовки. Депутаты уделяли большое внимание повышению зарплат учителям начальных школ, а также улучшению их правового положения. Таким образом, депутаты Государственной думы фактически подготовили законодательную базу для введения всеобщего начального обучения и создания преемственной связи между учебными заведениями разных ступеней. Принципы организации народного просвещения, разработанные депутатским корпусом, позднее были блестяще воплощены в советской образовательной системе.

Источники и принятые сокращения

1. ГДОД — *Государственная дума*. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. — 556 с.

2. ГДЗЗ — *Государственная дума*. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1907. — 267 с.

3. ГДСО I — *Государственная Дума*. Стенографические отчеты. Первый созыв. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1906. — Т. 1. — 866 с.

4. ГДСО II — *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 2. — 2962 стб.

5. ГДСО III — *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 3. — 4526 стб.

6. ЗДФ — *Законотворчество* думских фракций. 1906—1917 гг.: документы и материалы. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 768 с. — ISBN 5-8243-0722-9.

7. ОДГД — *Обзор* деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907—1912 гг. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. — Ч. 2 — 708 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов В. Ф.* Земство, народное образование и просвещение / В. Ф. Абрамов // Вопросы истории. — 1998. — № 8. — С. 44—60.

2. *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР / И. М. Богданов. — Москва : Статистика, 1964. — 195 с.

3. *Видова Т. А.* Третьеиюньская политическая система в России : политические предпосылки и исторические последствия / Т. А. Видова, Ю. А. Головастова // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 6 (133). — С. 99—102.

4. *Восторгов И. И.* Государственная Дума и церковные школы / И. И. Восторгов. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1911. — 40 с.

5. *Демин В. А.* Государственная дума и народное образование / В. А. Демин // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность. — Санкт-Петербург : РГПУ имени А. И. Герцена, 2017. — С. 239—247.

6. *Джуринский А. Н.* История российской педагогики : учебное пособие / А. Н. Джуринский. — Южно-Сахалинск : Издательство Сахалинского государственного университета (СахГУ), 2010. — 231 с. — ISBN: 978-5-88811-289-4.

7. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 344 с. — ISBN 5-89493-009-X.

8. *Киселева Т. Г.* Образовательные процессы в России на рубеже двух столетий. (Безграмотная Россия — реальность или миф?). Историко-статистический анализ / Т. Г. Киселева. — Москва : [б. и.], 1994. — Книга 1. — 105 с.

9. *Ковалевский Е. П.* Народное образование и церковное достояние в III-ей Государственной Думе. Речи. Доклады. Статьи / Е. П. Ковалевский. — Санкт-Петербург : тип. Р. В. Коротаевой, 1912. — Ч. I. — 354 с.

10. *Микетов Я.* Что сделало народное представительство третьего созыва / Я. Микетов. — Санкт-Петербург : типография А. С. Суворина, 1912. — 245 с.

11. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 248 с. — ISBN 5-86793-435-7.

12. *Пайнс Р.* Русская революция : в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905—1917 / Р. Пайнс. — Москва : Захаров, 2005. — 480 с. — ISBN 5-8159-0526-7.

13. *Петров В.* Обязательность обучения / В. Петров. — Москва : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и «К», 1911. — 51 с.

14. *Рибер А.* Изучая империи / А. Рибер // Исторические записки. — Москва : Наука, 2003. — Выпуск 6 (124). — С. 86—131.

15. *Ропп А. Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования / А. Н. Ропп. — Санкт-Петербург : тип. А. С. Суворина, 1912. — 253 с.

16. *Урушадзе А. Т.* «Мнимая юстиция» : горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования кавказского края в материалах ревизии

Н. М. Рейнке / А. Т. Урушадзе // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 914—927. — DOI : 10.21638/11701/spbu24.2019.405.

17. *Фальборк Г. А.* Всеобщее образование в России / Г. А. Фальборк. — Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. — 212 с.

18. *Филоненко Т. В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века / Т. В. Филоненко // Вопросы истории. — 2004. — № 9. — С. 137—141.

19. *Черкасов А. А.* Деятельность церковно-приходской школы в Российской империи: теория и практика / А. А. Черкасов, Е. Н. Кукулина // Вестник Сочинского государственного университета. — 2011. — № 4 (18). — С. 141—145.

20. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. С рисунками и таблицами / Н. В. Чехов. — Москва : Польза, 1912. — 224 с.

21. *Шингарев А. И.* Законодательная инициатива членов Государственной Думы и Государственного Совета / А. Н. Шингарев // Русская мысль. — 1912. — Кн. X. — С. 93—122.

22. *Cherkasov A. A.* Public Education in the Russian Empire during the Last Third of the XIX Century : Parish Schools / A. A. Cherkasov, M. Smigel // European Journal of Contemporary Education. — 2016. — № 4 (18). — Pp. 418—429. — DOI : 10.13187/ejced.2016.18.418.

23. *Darchieva S. V.* Issues of Education and National Culture in the Work of North Caucasian Deputies of the State Duma of the Russian Empire (1907—1912) / S. V. Darchieva, A. V. Darchiev // European Journal of Contemporary Education. — 2019. — № 8 (3). — Pp. 638—645. — DOI : 10.13187/ejced.2019.3.638.

24. *Molchanova V. S.* Teaching Singing in the Russian Empire Educational Institutions : Importance and Results / V. S. Molchanova, S. F. Artemova, L. L. Balaniuk // European Journal of Contemporary Education. — 2018. — № 7 (1). — Pp. 220—225. — DOI : 10.13187/ejced.2018.1.220.

ISSUES OF PRIMARY AND SECONDARY EDUCATION IN THE ACTIVITIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE (1906—1917)

© **Svetlana V. Darchieva (2021)**, orcid.org/0000-0002-7246-116X, ResearcherID AAR-9380-2020, PhD in History, Senior Researcher, Department of History, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies — the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia), svetik-dar70@mail.ru.

© **Anzor V. Darchiev (2021)**, orcid.org/0000-0001-8534-1936, ResearcherID B-6545-2017, PhD in History, Senior Researcher, Ethnology Department, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies — the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia), dar-anzor@yandex.ru.

The role of the first Russian parliament in the formation and development of the educational system in the country is considered. The activity of deputies on the solution of the most pressing issues in the period from 1906 to 1917 is analyzed. The scientific novelty of the research lies in the consideration of the State Duma as the most important legislative body in the creation of the educational system in Russia. The discrepancy between the interests

of the authorities and society, their different understanding of the goals and objectives of objectively overdue transformations, which is reflected in the legislative activity of the State Duma is revealed. It is indicated that a significant place in the national policy of the state was occupied by issues of education and the status of national languages. It is shown that as a result of active legislative initiative and the position of deputies in the development of bills "On the introduction of universal education", "On the reform of secondary schools", government spending on secondary and primary education increased several times. It is noted that as a result of the activities of the deputies of the State Duma of the III convocation, significant amendments and additions were made to the bill "On higher primary schools", which was adopted in 1912.

Key words: State Duma; deputies; education; universal primary education; parish schools.

MATERIAL RESOURCES

- ODGD — *Obzor deyatelnosti Gosudarstvennoy dumy tretyego sozyva. 1907—1912 gg.* [Review of the activities of the State Duma of the third convocation. 1907—1912], 2. (1912). Sankt-Peterburg, 708 p. (In Russ.).
- GDOD — *Gosudarstvennaya дума. Vtoroy sozyv. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov* [The State Duma. The second convocation. Review of the activities of commissions and departments]. (1907). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 556 p. (In Russ.).
- GDSO I — *Gosudarstvennaya Дума. Stenograficheskiye otchety. Pervyy sozyv* [The State Duma. Verbatim reports. The first convocation], 1 (1). (1906). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 866 p. (In Russ.).
- GDSO II — *Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenograficheskiye otchety* [The State Duma. The third convocation. Verbatim reports], 1 (2). (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 2962 stb. (In Russ.).
- GDSO III — *Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenograficheskiye otchety* [State Duma. The third convocation. Verbatim reports], 1 (3). (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 4526 stb. (In Russ.).
- GDZZ — *Gosudarstvennaya дума. Vtoroy sozyv. Zakonodatelnyye zayavleniya, vnesennyye na osnovanii st. 55 Uchrezhdeniya Gosudarstvennoy dumy* [State Duma. The second convocation. Legislative statements made on the basis of Article 55 of the State Duma Institution]. (1907). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 267 p. (In Russ.).
- ZDF — *Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsiy. 1906—1917 gg.: dokumenty i materialy* [Lawmaking of Duma factions. 1906—1917: documents and materials]. (2006). Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 768 p. ISBN 5-8243-0722-9. (In Russ.).

REFERENCES

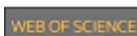
- Abramov, V. F. (1998). Zemstvo, narodnoye obrazovaniye i prosveshcheniye [Zemstvo, popular education and enlightenment]. *Voprosy istorii* [Voprosy istorii], 8: 44—60. (In Russ.).
- Bogdanov, I. M. (1964). *Gramotnost' i obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii i SSSR* [Literacy and education in pre-revolutionary Russia and the USSR]. Moskva: Statistika. 195 p. (In Russ.).

- Chekhov, N. V. (1912). *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX veka. S risunkami i tablitsami* [Popular education in Russia since the 60s of the XIX century. With drawings and tables]. Moskva: Polza. 224 p. (In Russ.).
- Cherkasov, A. A., Kuklina, E. N. (2011). Deyatelnost' tserkovno-prikhodskoy shkoly v Rossiyskoy imperii: teoriya i praktika [Activity of the church-parish school in the Russian Empire: theory and practice]. *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Sochi State University], 4 (18): 141—145. (In Russ.).
- Cherkasov, A. A., Smigel, M. (2016). Public Education in the Russian Empire during the Last Third of the XIX Century: Parish Schools. *European Journal of Contemporary Education*, 4 (18): 418—429. DOI: 10.13187/ejced.2016.18.418.
- Darchieva, S. V., Darchieva, A. V. (2019). Issues of Education and National Culture in the Work of North Caucasian Deputies of the State Duma of the Russian Empire (1907—1912). *European Journal of Contemporary Education*, 8 (3): 638—645. DOI: 10.13187/ejced.2019.3.638.
- Demin, V. A. (2017). Gosudarstvennaya дума i narodnoye obrazovaniye [State Duma and national education]. In: *Tavrisheskiye chteniya 2016. Aktualnyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride Readings 2016. Actual problems of parliamentarism: history and modernity]. Sankt-Peterburg: RGPU imeni A. I. Gertsena. 239—247. (In Russ.).
- Dzhurinskiy, A. N. (2010). *Istoriya rossyskoy pedagogiki: uchebnoye posobiye* [History of Russian pedagogy: textbook]. Yuzhno-Sakhalinsk: Izdatelstvo Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta (SakhGU). 231 p. ISBN 978-5-88811-289-4. (In Russ.).
- Falbork, G. A. (1908). *Vseobshcheye obrazovaniye v Rossii* [Universal education in Russia]. Moskva: Tip. t-va I. D. Sytina. 212 p. (In Russ.).
- Filonenko, T. V. (2004). Razvitiye shkolnogo obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka [Development of school education in Russia at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 9: 137—141. (In Russ.).
- Kappeler, A. (2000). *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad* [Russia-Multinational Empire. Appearance. History. Decomposition]. Moskva: Progress-Traditsiya. 344 p. ISBN 5-89493-009-Kh. (In Russ.).
- Kiseleva, T. G. (1994). *Obrazovatelnyye protsessy v Rossii na rubezhe dvukh stoletiy. (Bezgramotnaya Rossiya — realnost' ili mif?). Istoriko-statisticheskii analiz* [Educational processes in Russia at the turn of two centuries. (Illiterate Russia-reality or myth?). Historical and statistical analysis], 1. Moskva: [b. i.]. 105 p. (In Russ.).
- Kovalevskiy, E. P. (1912). *Narodnoye obrazovaniye i tserkovnoye dostoyaniye v III-ey Gosudarstvennoy Dume. Rechi. Doklady. Statyi* [Popular education and church heritage in the Third State Duma. Speeches. Reports. Articles], 1. Sankt-Peterburg: tip. R. V. Korotayevoy. 354 p. (In Russ.).
- Miketov, Ya. (1912). *Chto sdelalo narodnoye predstavitelstvo tretyego sozyva?* [What did the People's representation of the third convocation do?]. Sankt-Peterburg: tipografiya A. S. Suvorina. 245 p. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and Nationalism: Essays on the methodology of historical research]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 248 p. ISBN 5-86793-435-7. (In Russ.).

- Molchanova, V. S., Artemova, S. F., Balaniuk, L. L. (2018). Teaching Singing in the Russian Empire Educational Institutions: Importance and Results. *European Journal of Contemporary Education*, 7 (1): 220—225. DOI: 10.13187/ejced.2018.1.220.
- Payps, R. (2005). *Russkaya revolyutsiya v 3 kn.* [The Russian Revolution in 3 vol.], 1: *Agoniya starogo rezhima. 1905—1917* [Agony of the old regime. 1905—1917]. Moskva: Zakharov. 480 p. ISBN 5-8159-0526-7. (In Russ.).
- Petrov, V. (1911). *Obyazatelnost' obucheniya* [Mandatory training]. Moskva: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i «K». 51 p. (In Russ.).
- Riber, A. (2003). Izuchaya imperii [Studying empires]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 6 (124): 86—131. (In Russ.).
- Ropp, A. N. (1912). *Chto sdelala Tretaya Gosudarstvennaya дума dlya narodnogo obrazovaniya* [Chto made the Third State Duma for public education]. Sankt-Peterburg: tip. A. S. Suvorina. 253 p. (In Russ.).
- Shingarev, A. I. (1912). *Zakonodatel'naya initsiativa chlenov Gosudarstvennoy Dumy i Gosudarstvennogo Soveta* [Legislative initiative of members of the State Duma and the State Council]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], X: 93—122. (In Russ.).
- Urushadze, A. T. (2019). «Mnimaya yustitsiya»: gorskiye slovesnyye sudy i problema sudebno-administrativnogo reformirovaniya kavkazskogo kraya v materialakh revizii N. M. Reynke [“Imaginary justice”: Mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform of the Caucasus region in the materials of the revision of N. M. Reinke]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 9 (4): 914—927. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.405. (In Russ.).
- Vidova, T. A., Golovastova, Yu. A. (2019). Treteiyunskaya politicheskaya sistema v Rossii: politicheskiye predposylki i istoricheskiye posledstviya [The Third June political system in Russia: political prerequisites and historical consequences]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 6 (133): 99—102. (In Russ.).
- Vostorgov, I. I. (1911). *Gosudarstvennaya Duma i tserkovnyye shkoly* [State Duma and church schools]. Sankt-Peterburg: Sinodal'naya tipografiya. 40 p. (In Russ.).

Жиров А. А. Политика реполонизации и автохтонное польское население западных и северных земель Польши в 1944—1950 годах / А. А. Жиров // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 256—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-256-266.

Zhirov, A. A. (2021). Policy of Repolonization and the Autochthonous Polish Population of the Western and Northern Lands of Poland in 1944—1950. *Nauchnyi dialog, 1*: 256-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-256-266. (In Russ.).

УДК 94(438).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-256-266

ПОЛИТИКА РЕПОЛОНИЗАЦИИ И АВТОХТОННОЕ ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬШИ В 1944—1950 ГОДАХ¹

© **Жиров Антон Анатольевич (2021)**, orcid.org/0000-0001-6401-4821, аспирант, младший научный сотрудник, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (Калининград, Россия), ananzhirov@gmail.com.

Рассматривается впервые в отечественной историографии судьба автохтонного польского населения бывших восточных провинций Германии, которые по окончании Второй мировой войны вошли в состав Польской Республики под названием «Возвращенные земли». Автор на основе официальных документов органов власти, данных статистики, материалов прессы, воспоминаний и новейших исследований анализирует концепции интеграции коренного населения Возвращенных земель в польское общество, основные механизмы и результаты политики по реполонизации германизированных автохтонов. Показано, что многим полякам, бывшим гражданам Германии, сложно было отождествлять себя с польским государством, его историей и культурой. Сопоставляя планы и результаты интеграционных усилий правительства, автор делает вывод, что первоначальный план польских властей предусматривал поэтапную и постепенную интеграцию коренных жителей польского происхождения в составе польского общества. Отмечается, однако, что с началом социалистических преобразований по советскому образцу в конце 1940-х годов взаимодействие властей с жителями Возвращенных земель свелось к набору административных мер, призванных нивелировать различия между разными группами населения на вновь присоединенных землях.

Ключевые слова: поляки-автохтоны; Польша; Германия; Воссоединенные земли; верификация; реполонизация; интеграция.

1. Введение

В результате Второй мировой войны Польша получила бывшие германские провинции в качестве компенсации за утраченные «восточные кресы».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90034 «Реполонизация Воссоединенных земель в Польской Народной Республике в 1945—1956 годах».

Их стали официально именовать «Воссоединенными», или «Возвращенными» землями (польск. *Ziemie Odzyskane*) [Jasiński, 2006, s. 16], вернувшимися в состав Польши после нескольких столетий немецкой оккупации.

Продвижение польской границы в западном и северном направлениях потребовало освоения обширного пространства, которое составило около 1/3 территории страны. Польские власти объявили о курсе на «дегерманизацию» и «реполонизацию» новых земель, подразумевавшем уничтожение здесь следов германского присутствия и придание им польского облика для облегчения интеграции с основной частью страны. Первым шагом к формированию здесь польского этнического большинства стала депортация немцев в Германию, при этом важно было из общей массы подданных Третьего рейха выделить более 1 млн этнических поляков, которые выселению не подлежали [Kosiński, 1963, s. 274].

Для властей Польши наличие на Возвращенных землях большого числа поляков-автохтонов являлось главным аргументом в пользу законности присоединения нескольких немецких провинций. Помимо этого, переход своих соотечественников в польское гражданство позволил бы предотвратить катастрофическую депопуляцию новых территорий после выселения немцев.

Судьба автохтонного населения в историографии ПНР в основном рассматривалась в контексте миграционных процессов в польско-германском пограничье [Golachowski, 1961; Kersten, 1960; Kosiński, 1963]. После 1989 года главное внимание уделялось адаптации автохтонов в новых условиях и проблеме их реполонизации [Kraft, 1999; Linek, 1997; Strauchold, 1995]. Российские авторы исследовали проблему польского коренного населения на Возвращенных землях только в рамках территории южных районов бывшей Восточной Пруссии (Мазурского округа, затем Ольштынского и Эльблонгского воеводств) [Костяшов, 2016].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить основные направления и механизмы национально-государственной политики в отношении автохтонного польского населения (бывших германских граждан) на Воссоединенных землях в 1945—1949 годах. Основными источниками исследования послужили разнообразные законодательные акты и решения органов исполнительной власти Польской Республики разных уровней, официальная статистика, материалы прессы и воспоминания современников.

2. Концепции интеграции автохтонов в польское общество в годы Второй мировой войны

Концепции интеграции польского меньшинства, проживавшего в восточных областях Германии, разрабатывались различными польскими по-

литическими силами еще в годы Второй мировой войны. Правительство в изгнании рассматривало активное сотрудничество с местными поляками как инструмент быстрой и успешной инкорпорации бывших территорий Рейха в состав возрожденной в новых границах Польши. Процесс реполонизации планировалось начать с *верификации*, то есть проверки польского происхождения и последующего отделения этнических поляков от подлежащих депортации немцев [Orzechowski, 1962, s. 228]. При этом предполагалось учитывать специфику отдельных регионов. Так, на Мазурах и в Опольской Силезии, где польскоязычное население насчитывало несколько сотен тысяч человек, допускалось даже создание «автономных образований». Помимо этого, не исключалась возможность законодательного закрепления возможности использовать родные диалекты во всех сферах жизни и свободу вероисповедания. Реполонизацию германизированного автохтонного населения планировалось осуществлять через добровольное приобщение к польской культуре с использованием СМИ и системы образования [Sakson, 1993, s. 409].

Концепции польской левицы впервые были сформулированы в июне 1943 года на Первом съезде Союза польских патриотов (СПП), состоявшемся в Москве. В принятой на нем декларации ставилась задача возрождения «польского облика» Возвращенных земель, что также подразумевало реполонизацию автохтонного населения [KPP PPR, 1958, s. 454]. Этот курс был закреплен в программной декларации Польской рабочей партии (ППР) «За что мы боремся?» 1943 года, в которой был выдвинут лозунг: «Возвратить этнографические польские земли на западе и на Балтике, насильственно германизированные немцами» [DP PPR, 1943, s. 24].

По мере продвижения Красной армии по направлению к Берлину именно левым силам предстояло осуществлять практическую работу на бывших немецких землях. По соглашению от 26 июля 1944 года между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) сразу после прекращения боевых действий контроль за положением на западных и северных землях переходил к польской гражданской администрации, где решающие позиции были у ППР [СФВЕ, 1999, с. 475—476]. Польская левица осознавала, что одновременно с депортацией немецкого населения как первым шагом к дегерманизации Возвращенных земель новым властям необходимо было оставить здесь на постоянное жительство со сменой гражданства максимально возможное число этнических поляков.

Главным центром по разработке модели реполонизации автохтонов стала общественная организация — Польский западный союз (ПЗС), действовавший нелегально в оккупированной Польше с 1942 года и активно сотрудни-

чавший с ПКНО. В начале 1945 года ПЗС в своем меморандуме об этническом польском населении на восточной границе Германии предлагал провести его верификацию, то есть отделить от депортируемых немцев автохтонов-поляков, готовых остаться на родине. В меморандуме были также представлены критерии для их включения в польскую нацию [Marczak, 1995, s. 25].

В связи с тем, что освобождение Польши произошло с Востока, проекты правительства в Лондоне о многоступенчатом и долгосрочном процессе интеграции автохтонов в польское общество оказались не востребованными, а фактический контроль за ситуацией на Возвращенных землях перешел к коммунистам. ППР и ее союзники на основании рекомендаций СССР должны были провести ускоренную дегерманизацию бывших немецких областей, попутно решая судьбу автохтонного польского населения.

3. Проведение политики по реполонизации автохтонного населения на Возвращенных землях

По данным статистики, накануне войны в восточных областях Рейха проживало от 1,2 до 1,4 млн этнических поляков. Большинство из них находилось в Силезии (800—850 тыс. чел.), а также 250—300 тыс. чел. в Восточной Пруссии [Kosiński, 1963, s. 24]. В 1944—1945 годах часть местных поляков была эвакуирована вглубь Германии, другие бежали на запад по мере наступления советских войск. Советские военные комендантуры на освобожденных территориях первоначально никак не выделяли местных поляков из общей массы немецких подданных.

Осознавая проблемы, к которым мог привести стихийный отток поляков-автохтонов в Германию, Министерство государственного управления на основании программы ПЗС разработало нормативные документы о проведении верификации автохтонного населения. Первым в этом ряду стал циркуляр от 20 июня 1945 года, на основании которого региональные администрации имели право предоставлять германским гражданам временные справки, подтверждающие их принадлежность к польской нации. Для получения данного документа коренному жителю Возвращенных земель было необходимо соответствовать двум основным критериям: не быть в прошлом участником нацистских организаций и принести присягу на верность Польской Республике [DU MZO, 1946, № 4, s. 12].

Созданное в ноябре 1945 года Министерство Возвращенных земель (МВЗ) взяло вопрос верификации автохтонов под свой контроль, создав на местах специализированные верификационные комиссии, которые рассматривали дела, передаваемые им временными органами власти (старостами повятов и городскими управами). В комиссии входили командированные из

Варшавы чиновники и партработники, видные деятели польского национального движения в Германии, местные антифашисты, а также «несомненные поляки», которые должны были своими подписями засвидетельствовать национальность своих соотечественников [Костяшов, 2016, с. 212].

Согласно принятому 28 апреля 1946 года закону о гражданстве, оно предоставлялось находящимся на Возвращенных землях лицам, которые постоянно проживали там до 1 января 1945 года, имели польские имя и фамилию, знали польский язык или состояли в зарегистрированном браке с представителем польской национальности. На заключительной стадии претендент на гражданство должен был подать декларацию о верности польской нации и государству [DU RP, 1946, № 5, s. 195].

Такие критерии предоставляли местным властям большую свободу действий, а МВЗ рекомендовало комиссиям в случае отказа проводить повторные проверки, чтобы предоставить польское гражданство максимальному числу заявителей. Такая упрощенная процедура не в последнюю очередь была принята по настоянию министра В. Гомулки, одного из лидеров ППР, надеявшегося, что новые граждане смогут обеспечить польским коммунистам большинство на предстоящем 30 июня 1946 года общенациональном референдуме, который должен был одобрить произошедшие по инициативе польской левицы изменения в стране [Strauchold, 1995, s. 25].

Направленная на сохранение максимально возможного числа этнических поляков политика центральных властей сталкивалась с критикой на местах. Особо острая ситуация складывалась в Силезии и бывшей Восточной Пруссии, где автохтонное население составляло доминирующую этническую группу. Местные чиновники нередко совершали ошибки в практической работе по осуществлению интеграционной политики. Например, не в каждом населенном пункте было налажено информирование о проведении проверочной акции, в результате чего многие автохтоны, имевшие шанс получить польское гражданство, не сумели подать заявки в срок [GP, 1945, 27 października, s. 2]. Помимо этого, отказ в предоставлении права на получение польского гражданства автоматически приравнивал автохтонов к немцам [DU MZO, 1946, № 4, s. 11—12], в результате они лишались права собственности на свое имущество, а также различных социальных пособий.

Даже несмотря на законы, позволяющие автохтонам в случае получения польского гражданства вернуть свое утраченное имущество, и инструкции центральных органов власти, рекомендовавшие решать возникающие конфликты в пользу автохтонного населения, переселенцы из центральных воеводств Польши, часто при поддержке местных властей, отказывались возвращать захваченную ранее собственность местных жителей [Nowak, 1991, s. 61].

Программа интеграции также предусматривала дегерманизацию имен и фамилий коренных жителей Возвращенных земель. Реполонизация антропонимов подразумевала адаптацию написания имен собственных в соответствии с польской традицией, замену немецких имен на польские эквиваленты либо, если это невозможно, присвоение нового польского имени. Эти изменения были продиктованы также стремлением предотвратить возможные проявления сепаратизма коренных жителей Возвращенных земель в будущем на базе их этнокультурной связи с Германией. Правовой основой для реполонизации имен собственных стал закон 1945 года «Об изменении и установлении имен и фамилий». Закон предусматривал возможность принудительного изменения имен и фамилий заявителей уполномоченными органами власти в случае, если возникали спорные ситуации [DU RP, 1945, № 56, s. 517—520]. Вот почему новоиспеченным польским гражданам при получении паспортов и других персональных документов иногда трудно было узнать свои имена и фамилии [Rokszajn].

Противоречия вокруг смены имен создавали напряженность между разными группами населения. При этом мигранты из центральной Польши и репатрианты из-за границы постоянно конфликтовали с автохтонами, называя последних «немцами» или «швабами». Эти ксенофобские настроения отчасти подогревались статьями в общенациональной и региональной прессе.

Для коренных жителей Возвращенных земель утрата их имен и фамилий оборачивалась потерей собственной идентичности. Несмотря на громкие заявления о важности каждого автохтона для польского государства, реализация политики по смене имен и фамилий шла с очевидными нарушениями прав и свобод новых граждан Польши.

Помимо борьбы с германизированными именами, автохтонам-полякам указом Временного правительства от 29 января 1945 года запрещалось публично употреблять немецкий язык и его диалекты в устной и письменной формах [Linek, 1997, s. 217]. Региональная пресса постоянно писала об этой проблеме. Так, в статье с заголовком «Очистим Нижнюю Силезию» автор призывал скорее удалить все следы немецкого присутствия во Вроцлаве, которые препятствовали полякам обрести «чувство уверенности и безопасности» [DP, 2 lipca, 1945, s. 3].

Преподавание и использование немецкого языка в системе школьного образования стали практически невозможными, и по распоряжению Министерства просвещения он был изъят из школьной программы в октябре 1945 года [DU RP, 1945, № 46, s. 394]. Хотя для автохтонов повсеместно организовывались курсы польского языка, проблема двуязычия сохранялась еще долгое время, даже среди детей, посещающих польские школы [Linek, 1997, s. 218].

4. Отношение автохтонов к политике реполонизации

В целом отношение коренного населения к реполонизации не отличалось особым энтузиазмом. Помимо очевидного равнодушия к польской национальной идее, на политические настроения автохтонов влияли и объективные условия их жизни: война, которая началась для них только в 1945 году и закончилась, как они считали, ущемлением их прав со стороны польских властей. В Силезии, например, местных жителей, отказавшихся от польского гражданства и использовавших немецкий язык в общественных местах, отправляли в специализированные трудовые лагеря [Mironowicz, 2000, s. 80]. Уже после депортации немцев в воеводские рады народовы (региональные законодательные органы власти) продолжали поступать тысячи заявлений от автохтонов на выезд в ФРГ [Szczerciński, 1989, s. 116—117]. Помимо этого, на Возвращенных землях, особенно в Силезии, власти столкнулись со своеобразным «немецким рецидивом», когда коренные жители оставляли на стенах зданий в городах надписи на немецком языке, порой оскорбительные для поляков, во время семейных торжеств исполняли немецкие патриотические песни. Все это приводило к прямой конфронтации между автохтонами и переселенцами со «старых» польских земель [Szczerciński, 1992, s. 159].

В связи с этими обстоятельствами в 1949 году была инициирована так называемая «большая верификация», целью которой было ускоренное наделение автохтонов польским гражданством при помощи административных мер. Был также взят курс на устранение любых элементов «регионализма», что сопровождалось преследованиями и арестами местных общественных и культурных деятелей под надуманными предлогами [Marczak, 1995, s. 549].

В середине 1949 года власти объявили о завершении процесса верификации автохтонов. В 1950 году было упразднено Государственное управление репатриации, занимавшееся, в частности, выездами в Германию. Закон от 20 июля 1950 года наделял всех автохтонов, не заявивших о своем желании покинуть Польшу, гражданством [Kraft, 1999, s. 270]. Таким образом, к концу 1949 года верификацию прошли чуть более 1,1 млн автохтонов, тогда как более 100 тыс. переехали на постоянное жительство в Германию [Kosiński, 1963, s. 61].

5. Заключение

В заключение следует отметить, что политика интеграции автохтонного населения Возвращенных земель через механизмы верификации и реполонизации оказалась не слишком эффективной. Публичные заявления о борьбе

за каждого этнического поляка, пусть и сильно германизированного, подразумевали выработку мер, учитывающих специфику как новых регионов, так и населения, проживающего в бывших германских провинциях, со своим особым социокультурным опытом и укладом жизни. Однако на практике национальная политика в отношении автохтонов сводилась к набору простых административных мер, которые ставили перед собой две задачи: провести скорейшую дегерманизацию возвращенных земель, удалив неблагонадежный элемент в лице немцев и сохранив коренных жителей польского происхождения в качестве квалифицированной рабочей силы. В данном контексте локальные этнические группы силезцев, кашубов, мазуров и вармяков не интересовали местные власти. Процессы верификации и реполонизации проходили с нарушением личных свобод и социально-экономических прав автохтонов. Помимо этого, победа в конце 1940-х годов во внутривнутриполитической борьбе коммунистов, переход к строительству социализма сталинского образца породили уверенность, что грандиозные экономические и социально-политические преобразования попутно решат все другие проблемы, в том числе и на Воссоединенных землях, и обеспечат монолитность польской нации.

Источники и принятые сокращения

1. СФВЕ — *Советский* фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. : документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. — Москва : РОССПЭН, 1999. — Т. 1. — 687 с.
2. DP — *Dziennik Polski*. — 1945.
3. DP PPR — *Deklaracja programowa PPR «O co walczymy?»* — Lublin : Wydawnictwo. Lubelskie, 1979. — 72 s.
4. DU MZO — *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Ziemi Odzyskanych*. — 1946.
5. DU RP — *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskie*. — 1945—1946, 1950.
6. GP — *Gazeta Robotnicza*. — 1945. — 27 października.
7. KPP PPR — *Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945 : Wybór dokumentów*. — Warszawa : Książka i Wiedza, 1958. — 590 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костяшов Ю. В.* Реполонизация Вармии и Мазур в послевоенные годы / Ю. В. Костяшов // Балтийский регион в Новое и Новейшее время : история и региональная политика / ответственный редактор Г. В. Кретинин. — Калининград : Изд-во БФУ имени И. Канта, 2016. — С. 203—220.
2. *Golachowski S.* Polska Zachodnia i Północna / S. Golachowski. — Warszawa : Wydawnictwo Zachodnie, 1961. — 542 s.
3. *Jasiński J.* Kwestia pojęcia Ziemi Odzyskane / J. Jasiński // Ziemi Odzyskane / Ziemi Zachodnie i Północne 1945—2005 / red. A. Sakson. — Poznań : Wydawnictwo Zachodnie, 2006. — S. 15—26.
4. *Kersten K.* Plany i organizacja migracji ludności rolniczej na ziemi zachodnie w r. 1945 / K. Kersten // *Kwartalnik Historyczny*. — 1960. — № 3. — S. 686—696.

5. *Kosiński L.* Procesy ludnościowe na Ziemiach Odzyskanych w latach 1945—1960 / L. Kosiński. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963. — 128 s.
6. *Kraft C.* Pierwsze lata w województwie olsztyńskim po II wojnie światowej / C. Kraft // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. — 1999. — № 4. — S. 533—553.
7. *Linek B.* «Odniemczanie» województwa śląskiego w latach 1945—1950 / B. Linek. — Opole : Instytut Śląski, 1997. — 144 s.
8. *Marczak T.* Granica zachodnia w polskiej polityce zagranicznej w latach 1944—1950 / T. Marczak. — Wrocław : Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. — 571 s.
9. *Mironowicz E.* Polityka narodowościowa PRL / E. Mironowicz. — Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2000. — 285 s. — ISBN 83-909009-3-9.
10. *Nowak E.* Cień Łambinowic. Próba rekonstrukcji dziejów obozu pracy w Łambinowicach 1945—1946 / E. Nowak. — Opole : Centralne Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu, 1991. — 200 s.
11. *Orzechowski M.* Koncepcja granic zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej i lewicy rewolucyjnej na emigracji / M. Orzechowski // *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»*. — 1962. — № 17. — S. 8—47.
12. *Roksztajn R.* Polonizacja imion i nazwisk w Reńskiej Wsi [Electronic resource] / R. Roksztajn. — Accessed mode : <http://e-historie.pl/wywiady-radiowe/w-polsce-ludowej/pierwsze-lata-po-wojnie/#polonizacja-imion-i-nazwisk-w-usc-w-renskiej-wsi/> (accessed 23.09.2020).
13. *Sakson A.* Liczebność ludności rodzimej na Mazurach / A. Sakson // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. — 1987. — № 3—4. — S. 483—491.
14. *Sakson A.* Niemcy w świadomości społecznej Polaków / A. Sakson // *Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945—1948* / red. A. Wolff-Powęska. — Poznań : Instytut Zachodni, 1993. — S. 408—429.
15. *Strauchold G.* Polska ludność rodzima ziem zachodnich i północnych / G. Strauchold. — Olsztyn : Osrodek Badan Naukowych, 1995. — 181 s.
16. *Szczerbiński H.* Ludność niemiecka na Górnym i Opolskim Śląsku w latach 1945—1979 / H. Szczerbiński // *Zeszyty Naukowe Instytutu Nauk Politycznych*. — 1992. — № 17. — S. 143—175.
17. *Szczerbiński H.* Ludność pochodzenia rodzimego na Warmii i Mazurach w pierwszych latach Polski Ludowej / H. Szczerbiński // *Zeszyty Naukowe Instytutu Nauk Politycznych*. — 1989. — № 16. — S. 69—120.

POLICY OF REPOLONIZATION AND THE AUTOCHTHONOUS POLISH POPULATION OF THE WESTERN AND NORTHERN LANDS OF POLAND IN 1944—1950¹

© Anton A. Zhirov (2021), <https://orcid.org/0000-0001-6401-4821>, Post-graduate student, Junior Researcher, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Immanuel Kant Baltic Federal University” (Kaliningrad, Russia), ananzhirov@gmail.com.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 19-39-90034 “Repolonization of the Reunited Lands in the Polish People’s Republic in 1945—1956”.

For the first time in Russian historiography, the fate of the autochthonous Polish population of the former eastern provinces of Germany, which at the end of the Second World War became part of the Polish Republic under the name "Returned Lands", is considered for the first time. On the basis of official documents of the authorities, statistics, press materials, memoirs and the latest research, the author analyzes the concepts of integration of the indigenous population of the Returned Lands into Polish society, the main mechanisms and results of the policy of repolonization of Germanized autochthons. It is shown that many Poles, former citizens of Germany, found it difficult to identify themselves with the Polish state, its history and culture. Comparing the plans and results of the government's integration efforts, the author concludes that the original plan of the Polish authorities envisaged a phased and gradual integration of the indigenous people of Polish origin into Polish society. It is noted, however, that with the beginning of the socialist reforms on the Soviet model in the late 1940s, the interaction of the authorities with the inhabitants of the Returned Lands was reduced to a set of administrative measures designed to level the differences between different groups of the population on the newly annexed lands.

Key words: autochthonous Poles; Poland; Germany; Reunited Lands; verification; repolonization; integration.

MATERIAL RESOURCES

- DP — *Dziennik Polski*. (1945). (In Pol.).
- DP PPR — *Deklaracja programowa PPR "O co walczymy?"*. (1979). Lublin: Wydawnictwo. Lubelskie. 72 p. (In Pol.).
- DU MZO — *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Ziem Odzyskanych*. (1946). (In Pol.).
- DU RP — *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskie*. (1945—1946, 1950). (In Pol.).
- GP — *Gazeta Robotnicza*. (1945). (In Pol.).
- KPP PPR — *Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945: Wybór dokumentów*. (1958). Warszawa: Książka i Wiedza. 590 p. (In Pol.).
- SFVE — *Sovetskiy faktor v Vostochnoy Evrope. 1944—1953 gg.: Dokumenty* [The Soviet factor in Eastern Europe. 1944-1953 gg.: Documents], 1. (1999). Moskva: ROSSPEN. 687 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Golachowski, S. (1961). *Polska Zachodnia i Północna*. Warszawa: Wydawnictwo Zachodnie. 542 p. (In Pol.).
- Jasiński, J. (2006). Kwestia pojęcia Ziemie Odzyskane. In: *Ziemie Odzyskane / Ziemie Zachodnie i Północne 1945—2005*. Poznań: Wydawnictwo Zachodnie. 15—26. (In Pol.).
- Kersten, K. (1960). Plany i organizacja migracji ludności rolniczej na ziemie zachodnie w r. 1945. *Kwartalnik Historyczny*, 3: 686—696. (In Pol.).
- Kosiński, L. (1963). *Procesy ludnościowe na Ziemach Odzyskanych w latach 1945—1960*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 128 p. (In Pol.).
- Kostyashov, Yu. V. (2016). Repolonizatsiya Varmii i Mazury v poslevoynennyye gody [Repolonization of Warmia and Mazury in the postwar years]. In: *Baltiyskiy region v Novoye i Noveysheye vremya: istoriya i regionalnaya politika* [Baltic Region in Modern and Contemporary Times: History and Regional Policy]. Kaliningrad: Izd-vo BFU imeni I. Kanta. 203—220. (In Russ.).
- Kraft, C. (1999). Pierwsze lata w województwie olsztyńskim po II wojnie światowej. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 4: 533—553. (In Pol.).

- Linek, B. (1997). «Odniemczanie» województwa śląskiego w latach 1945—1950. Opole: Instytut Śląski. 144 p. (In Pol.).
- Marczak, T. (1995). *Granica zachodnia w polskiej polityce zagranicznej w latach 1944—1950*. Wrocław: Uniwersytetu Wrocławskiego. 571 p. (In Pol.).
- Mironowicz, E. (2000). *Polityka narodowościowa PRL*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne. 285 p. ISBN 83-909009-3-9. (In Pol.).
- Nowak, E. (1991). *Cień Łambinowic. Próba rekonstrukcji dziejów obozu pracy w Łambinowicach 1945—1946*. Opole: Centralne Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach-Opolu. 200 p. (In Pol.).
- Orzechowski, M. (1962). Koncepcja granic zachodnich w programie i działalności Polskiej Partii Robotniczej i lewicy rewolucyjnej na emigracji. *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»*, 17: 8—47. (In Pol.).
- Roksztajn, R. *Polonizacja imion i nazwisk w Reńskiej Wsi*. Available at: <http://e-historie.pl/wywiady-radiowe/w-polsce-ludowej/pierwsze-lata-po-wojnie/#polonizacja-imion-i-nazwisk-w-usc-w-reńskiej-wsi/> (accessed 23.09.2020). (In Pol.).
- Sakson, A. (1987). Liczebność ludności rodzimej na Mazurach. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 3—4: 483—491. (In Pol.).
- Sakson, A. (1993). Niemcy w świadomości społecznej Polaków. In: *Polacy wobec Niemców. Z dziejów kultury politycznej Polski 1945—1948*. Poznań: Instytut Zachodni. 408—429. (In Pol.).
- Strauchold, G. (1995). *Polska ludność rodzima ziem zachodnich i północnych*. Olsztyn: Ośrodek Badan Naukowych. 181 p. (In Pol.).
- Szczerbiński, H. (1989). Ludność pochodzenia rodzimego na Warmii i Mazurach w pierwszych latach Polski Ludowej. *Zeszyty Naukowe Instytutu Nauk Politycznych*, 16: 69—120. (In Pol.).
- Szczerbiński, H. (1992). Ludność niemiecka na Górnym i Opolskim Śląsku w latach 1945—1979. *Zeszyty Naukowe Instytutu Nauk Politycznych*, 17: 143—175. (In Pol.).

Захаровский Л. В. Учебные заведения системы Государственных трудовых резервов СССР в 1941—1954 годах: адаптация к миграционному воздействию (по материалам Свердловской области) / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 267—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285.

Zakharovsky, L. V., Razinkov, S. L. (2021). Educational Institutions of the System of State Labor Reserves of the USSR in 1941—1954: Adaptation to Migration Impact (Materials from the Sverdlovsk Region). *Nauchnyi dialog*, 1: 267-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8:37

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ СССР В 1941—1954 ГОДАХ: АДАПТАЦИЯ К МИГРАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

© Захаровский Леонид Владимирович (2021), orcid.org/0000-0003-0951-2080, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), konung-75@mail.ru.

© Разинков Сергей Львович (2021), orcid.org/0000-0002-0018-7931, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), sergerazinkov@mail.ru.

Рассматривается опыт адаптации учебных заведений региональной системы стационарной подготовки квалифицированных рабочих кадров в условиях миграционного воздействия в 1940-е — первой половине 1950-х гг. Освещается ряд подходов в современной отечественной и зарубежной историографии, постулирующих существование, наряду с карательными и принудительными механизмами обеспечения лояльности советского рабочего класса, ряда управленческих практик, обеспечивавших значительную поддержку государственной политики «снизу», со стороны рабочих масс. Показано, что осознание невозможности широкого применения принудительно-карательных механизмов без ограничения формировалось непосредственно в период реализации государственной политики 1940 — середины 1950-х гг., оно было представлено в том числе и в среде руководителей системы подготовки молодых квалифицированных рабочих — Государственных трудовых резервов. Отмечается, что подобное понимание приводит уже в начале 1940-х годов, в тяжелейших условиях начального периода Великой Отечественной войны, к выработке в среде руководства учебных заведений и регионального управления Государственных трудовых резервов механизмов адаптации учебных заведений

1 Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19-09-00396).

и учащихся к комплексу проблем, вызванных мощным миграционным воздействием. Авторами выявлены четыре группы таких механизмов, обеспечивавших минимально достаточный уровень лояльности учащихся к решению учебных и производственных задач: агитационно-информационные; организационные; экономические и материально-бытовые; социокультурные.

Ключевые слова: Государственные трудовые резервы; Свердловская область; миграционные потоки; механизмы адаптации учебных заведений; эвакуация; межобластные перевозки призывников.

1. Постановка проблемы исследования

Создание Государственных трудовых резервов — новый этап в становлении отечественной системы профессионально-технического образования. Его качественным отличием являлось создание централизованной системы стационарной подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров, мобилизационные механизмы которой позволяли интегрировать ее в стратегию экономического и территориального развития СССР. Решение задач пространственного развития выразилось в практике межрегиональных перебросок призывников из трудоизбыточных, преимущественно сельскохозяйственных районов в регионы опережающего индустриального развития, испытывавшие дефицит трудовых ресурсов. Свердловская область в 1940-е — середине 1950-х гг. относилась к числу регионов, в которых межобластные перевозки призывников в существенной степени формировали контингент учащихся — в 1940-е годы более 4 % учащихся ремесленных училищ и более 45 % учащихся школ ФЗО были призваны из других регионов страны (подсчитано по: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 203; ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 2]). Свердловская область в 1940-е годы становится регионом, в котором в максимальной степени концентрировались все основные противоречия, присущие системе Государственных трудовых резервов. В этот период на состояние региональной системы профтехобразования одновременно оказывали влияние эвакуация учащихся из западных районов страны, межобластные перевозки призывников, передача в учебные заведения освобожденной от уголовного наказания молодежи, первоочередной прием воспитанников детских домов, призыв местной колхозной и сельской молодежи.

Сочетание различных источников формирования контингентов учащихся потребовало создания механизмов адаптации региональной системы трудовых резервов к интенсивному миграционному воздействию. Причем под адаптацией руководство управления понимало не столько улучшение материально-бытового положения учащихся, сколько достижение такого состояния контингента, которое обеспечивало бы достижение заданных учебных и производственных показателей. Инструментом адапта-

ции выступала система оперативных управленческих практик, создающих организационные, экономические, социальные и педагогические условия для выполнения учебных и производственных планов на уровне конкретных учебных заведений и регионального управления в целом.

Проблема исследования заключается в идентификации совокупности механизмов адаптации региональной системы Государственных трудовых резервов к миграционному воздействию и оценке опыта их использования.

2. Дискуссии о работе Государственных трудовых резервов

В постсоветской отечественной и современной зарубежной историографии преобладает интерес к принудительным и карательным механизмам управления в деятельности Государственных трудовых резервов. Так, С. П. Постников и М. А. Фельдман характеризуют государственные трудовые резервы как сложное и противоречивое образование, воплощающее тенденцию «усиления централизации управления и командных методов подготовки рабочих кадров», и подчеркивают очень высокую социальную цену создания этого института, который основывался «на принуждении молодежи при комплектовании учебных заведений и в ходе учебного процесса» [Постников и др., 2004, с. 202].

А. А. Антуфьев, допуская правомерность и даже неизбежность введения трудовой повинности в условиях войны, отмечает, что «мобилизовывать рабочую силу следовало цивилизованными средствами, предоставляя людям максимально возможные в той обстановке условия труда и быта», а не «бериевскими методами» [Антуфьев, 1992, с. 318].

В работах целого ряда зарубежных авторов (Д. Фильцер, С. Коткин, П. Холквист), посвященных изучению советского рабочего класса, содержится описание сходных с механизмами адаптации в системе Государственных трудовых резервов управленческих практик по обеспечению лояльности рабочих через профсоюзные и общественные организации. Исследователи рассматривают механизмы властного контроля, внедренные в сознание самого человека как форма общественного «дискурса», диктующего те или иные способы самовыражения и самоидентификации.

Кроме того, западные ученые обращают особое внимание на принудительный, мобилизационный характер комплектования системы Государственных трудовых резервов, ее антигуманистическую сущность и высокую социальную цену результатов деятельности. Так, Д. Фильцер рассматривает учащихся училищ и школ ФЗО в качестве социальной группы временно закабаленных рабочих, сложившейся в результате введения системы трудовой повинности, при этом призыв учащихся в школы ФЗО

«мало отличался от способов, которыми в царское время набирали рекрутов в армию» [Фильцер, 2011, с. 56].

Британский исследователь Ольга Кучеренко делает акцент на изучении положения детей, оказавшихся вовлеченными в процесс индустриального развития страны, рассматривая в связи с этим государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на социализацию и идеологическую обработку молодежи, лишённой права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности. В работе «Государство против Данилы Кузьмича» О. Кучеренко противопоставляет идеологические цели и пропагандистский образ мобилизации в Государственные трудовые резервы реальному положению учащихся училищ и школ ФЗО, по сути, лишённых детства: «Условия жизни и труда всех советских рабочих во время войны были ужасны, но рабочие-подростки и учащиеся трудовых резервов обычно владели гораздо более жалкое существование, чем их взрослые коллеги. Они работали дольше, чем разрешено законодательством, получали более низкую заработную плату и в случае, если их забирали от родителей, страдали от ужасного окружения, которое часто толкало их на путь столкновения с законом. По существу, они скорее походили на беспризорников эпохи гражданской войны, ведших полукриминальное существование, чем на умных, ухоженных, дисциплинированных и умелых ребят из официальной литературы» [Kucherenko, 2012, p. 393].

В современной отечественной и западной историографии, затрагивающей проблему положения учащихся Государственных трудовых резервов в период наивысшего миграционного воздействия, внимание исследователей акцентируется на принудительных и карательных механизмах обеспечения лояльности учащихся. В объективной исторической реальности такие практики среди учащихся не могли применяться чересчур широко, что отмечалось и региональными партийными руководителями: «На такие меры, чтобы наказывать сплошь и рядом, [мы] не можем пойти» [ЦДО-ОСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 101] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Представители современной отечественной социологии рассматривают социальную адаптацию как процесс активного приспособления индивида к социальной среде, который «проявляется в обеспечении условий, способствующих удовлетворению потребностей человека, реализации его интересов, достижению жизненных целей. Социальная адаптация включает в себя приспособление, прежде всего, к условиям и характеру труда, характеру межличностных отношений, культурной среде, условиям проведения досуга, к бытовой обстановке» [Ситникова, 2013, с. 112].

Таким образом, современные исследователи признают неоднородность природы управленческих практик, применявшихся в системе Государственных трудовых резервов, сочетавших в себе как принудительно-карательные, так и организационно-мотивационные механизмы, однако свое основное внимание сосредоточивают преимущественно на первой группе механизмов. Комплексное изучение организационно-мотивационных механизмов, особенно в условиях интенсивного миграционного воздействия, становится все более актуальной научной задачей.

3. Миграционное воздействие на учебные заведения трудовых резервов в 1940-е годы

Анализ различных типов исторических источников показал, что применительно к деятельности региональной системы образования миграционные потоки не только усиливали существующие проблемы, но и порождали ряд новых.

Во-первых, были проблемы, связанные с низким уровнем мотивации к обучению профессии у многих учащихся (в основном, школ ФЗО), мобилизованных в Свердловскую область из других регионов СССР, которые представляли собой преимущественно сельских жителей с невысоким уровнем образования, отобранных по остаточному принципу и принудительно отправленных за сотни километров от дома для обучения и использования на непривычных им, физически тяжелых или неквалифицированных, невостребованных среди местной молодежи работах. Так, ребята из Кировской области, привезенные в ноябре 1945 года в школу ФЗО № 36 Первоуральского динасового завода, хотели бы «учиться на более высокую квалификацию, чем прессовщики огнеупора», а среди молодежи из Башкирии, мобилизованной в шахтерскую школу ФЗО № 10, «было распространено мнение, что в шахте погибают ежедневно люди по несколько человек, о чем они писали письма на родину, мотивируя этим свое намерение оставить школу» [ЦДООСО, ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 67—68, 71]; в отчете мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1949 год отмечалось, что «прибывшая [из Тамбовской области] молодежь отказывалась спускаться в шахты», так как при наборе была ориентирована на профессии токарь и слесарь [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 5]. Заместитель директора по политчасти ремесленного училища Шалаев в декабре 1941 года отмечал: «Наше училище металлургическое, а мы получаем в него контингент из сельской местности <...> и сколько мы первое время не разговаривали, каждый желает идти или на слесаря, или на токаря, на электрика, но с первых разговоров он не со-

глашается с мыслью, что ему придется быть сталеваром, горновым, прокатчиком и т. п. И эта мысль у него надолго засаживается в голове. Он на протяжении большого промежутка времени все соображает, как бы ему отделиться от училища, сбежать» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 53].

Во-вторых, прибытие в Свердловскую область эвакуированных училищ и школ ФЗО негативно отразилось на дисциплине и политико-массовой работе в местных учебных заведениях трудовых резервов. Это отмечала в ходе совещания в декабре 1941 года заместитель директора по политчасти одного из ремесленных училищ Неклеенова: «Мы находимся сейчас в очень затруднительном положении. На первый взгляд, казалось бы, что с прибытием московских училищ они нам привезут культуру, образцы поведения. Получилось наоборот, завезли азартную игру, воровство, продажу государственных вещей». И в ответ на возмущенную реплику из президиума: «Словом, громилы к вам приехали», — она подтвердила: «Да, громилы». Заместитель директора по политчасти Ново-Лялинского РУ № 20 Горш подтверждал: «Приехало новое училище <...> у нас появились кражи в общежитии, наблюдаем курение, карточную игру, причем это в массовом размере». Это, по его мнению, было связано с более чем трехмесячным перерывом в трудовой деятельности эвакуированных учащихся [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 26, 33].

Приведенные выше фрагменты официальных стенограмм совещания заместителей директоров по политчасти ремесленных училищ свидетельствуют, по нашему мнению, о сложившейся в среде местной образовательной бюрократии тенденции к разделению учащихся на «наших» и «не наших». Так, инспектор Свердловского управления государственных трудовых резервов Тынтеров, критикуя (и одновременно косвенно поддерживая) такое разделение, отмечал: «Возьмите 5-е ФЗО <...>, приехали эвакуированные учащиеся, ребят нужно было принять, зам. директора по политчасти сидит у себя в кабинете <...> а ребята с сумками ходят около общежития. Какое настроение может быть у ребят, когда мы их приняли не как наших учащихся. И большинство, которые удирают, это не наши учащиеся. У нас начался отсев тогда, когда стала эвакуация» [Там же, л. 33].

Заместитель директора по политчасти Дегтярской школы ФЗО № 3 Шарипова приводила руководителям системы Государственных трудовых резервов П. Г. Москатову и А. Ф. Путинцеву примеры напряженности в отношениях между местными и эвакуированными учащимися: «Были случаи антагонизма между эвакуированными и местными. Сидит в столовой мальчик эвакуированный, ему подали обед. Подходит мальчик из местных ребят к нему, берет его за шиворот и отбросил, а сам сел обедать, говоря,

что он работал, а ты — два месяца бездельничал и не имеешь права в первую очередь обедать». При этом П. Г. Москатов подтвердил, что подобные настроения «есть не только среди учащихся, но и [среди] руководителей, что эвакуированные — это чужие люди» [Там же, лл. 93—94].

В ряде случаев эта напряженность выливалась в открытые столкновения между большими, организованными группами учащихся. Документы различных ведомств фиксируют факты нескольких массовых драк, как, например, между московским РУ № 9, эвакуированным в Нижний Тагил, и тагильским РУ № 4 [Там же, л. 38]. Несколько фактов массовых драк между учащимися учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую область из различных регионов страны, приводились в письме заместителя наркома юстиции РСФСР И. Перлова начальнику ГУТР П. Москатову. Так, 29 января 1942 года в Свердловске произошла массовая драка между учащимися московского ремесленного училища № 1 и РУ № 18, эвакуированного из г. Калинин, в ходе которой «использовались ножи, топоры, зубила, молотки, палки со свинцовыми набалдашниками»: «В результате был зверски убит учащийся РУ № 1 комсомолец Алексей Кузнецов, ранены и избиты еще пять учеников» [Захаровский и др., 2019, с. 316].

В-третьих, на состояние дисциплины во многих школах ФЗО и ремесленных училищах влиял специфический состав контингента учащихся, среди которых значительную долю могли составлять ранее судимые подростки (как, например, в Серовском ремесленном училище № 5: в конце 1942 года из 1200 человек 500 чел. были приняты туда из мест заключения). В справке ГУТР о передаче освобождаемых несовершеннолетних заключенных в школы ФЗО, РУ и ЖУ (январь 1943 года) содержалась информация о том, что в Свердловской области «из принятой молодежи 1700 чел. — 200 чел. оказались сильно истощенными, в том числе из принятых в школу ФЗО № 5 (Верхняя Салда) 186 чел. — 40 чел. оказались рецидивистами, которые занялись воровством. Из 150 чел., принятых в Асбестовскую школу ФЗО № 13 — 50 человек вновь были арестованы за квартирные кражи, за кражи домашнего скота и обворовывание магазинов» [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 204, л. 2 об]. Как отмечалось в отчетах Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947—1949 годы, среди отчисленных за нарушение правил внутреннего распорядка «значительный процент падает за счет совершения воровства и хулиганства, особенно эти проступки проявляются со стороны молодежи, прибывшей из трудовых колоний и детприемников Министерства внутренних дел. Так, например, в январе месяце 1947 г. из колонии имени Матросова Башкирской АССР в Алапаевские школы ФЗО прибыло 85 человек, которые

с первых же дней начали заниматься воровством и хулиганством. В школу ФЗО № 6 прибыло 30 чел., из которых за кражу и подлом склада было привлечено к ответственности 15 человек ... В Свердловской школе ФЗО из прибывших 14 человек на занятия систематически не выходили, а занимались воровством и пьянством, впоследствии часть из них была посажена, а часть самовольно ушли» [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 70—71].

Четвертая группа проблем связана с нехваткой (в результате интенсивного миграционного воздействия) материальных ресурсов для нормального функционирования учебных заведений. Множество частных случаев, приведенных представителями училищ, резюмировал начальник отдела снабжения Свердловского областного управления трудовых резервов Черепанов: «По части обуви, одежды и т. п., благодаря тому, что у нас большой наплыв, в нашу область, из эвакуированных областей из прифронтовой полосы, мы полностью обеспечить людей не можем. Мы располагали фондами Урала, у нас 30 тыс. чел, и то их обеспечить не могли. Сейчас к нам еще приехали 15 тыс. человек, мы их должны обуть, одеть нашими же фондами, никаких дополнительных фондов мы не получили» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 77].

Таким образом, имевшиеся в довоенный период проблемы в деятельности системы профессионально-технического образования Свердловской области на этапе массовой эвакуации значительно обострились, а ряд из них приобрели критический характер.

4. Механизмы адаптации учебных заведений трудовых резервов Свердловской области к миграционному воздействию

Система Государственных трудовых резервов к решению многих обозначенных проблем была совершенно не готова, но не имела возможности отменять или существенно изменять утвержденные планы своего развития. Сложившаяся ситуация привела к тому, что руководителям среднего и нижнего звена для обеспечения недопущения срыва учебного процесса и выполнения производственных заданий (в том числе оборонных) пришлось выработать механизмы адаптации к возникшим неотложным проблемам. Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы трудовых резервов правила и процедуры, что потребовало их корректировки, которая производилась посредством обсуждения конкретных найденных способов решения частных проблем на различных совещаниях регионального уровня (директоров училищ и школ, помощников директоров по политической части) и последующего тиражирования в виде распорядительных документов областного управления трудовых резервов. Авторы называли такой способ решения частных, но массовых, ха-

рактерных для многих училищ и школ проблем *механизмами адаптации*, которые можно условно разделить на несколько групп: информационные, организационные, экономические и социокультурные. Далее рассмотрим практику применения каждого механизма.

Информационные механизмы — система взаимосвязанных мероприятий по популяризации призыва в Государственные трудовые резервы среди молодежи, проводимых региональными управлениями трудовых резервов, районными органами власти и конкретными учебными заведениями.

Данные архивных источников свидетельствуют, что одним из наиболее распространенных мероприятий такого рода являлась *отправка агитбригад, «докладчиков» в районы призыва* (из числа руководящих работников училищ). Только в 1949 году было отправлено в другие области 200 работников-агитаторов [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 8].

Повышению привлекательности системы Государственных трудовых резервов и конкретных учебных заведений путем прямой агитации способствовало также *централизованное изготовление и распространение в районах призыва агитационных материалов* (плакатов и воззваний). Так, к призыву в ремесленные и железнодорожные училища в 1950 году Свердловское областное управление трудовых резервов напечатало типографским способом и разослало в 35 училищ 20 000 экземпляров объявлений о приеме, открыток и листовок (дополнительно к агитационным материалами, полученным из Москвы) [Там же, л. 28].

Широко применялись *радиовыступления и доклады учащихся и руководящего состава* областного управления, в том числе «выступление по радио со статьей, посвященной набору» [Там же, л. 29] начальника управления, направление в районы призыва опытных докладчиков из числа руководящих работников училищ и школ ФЗО. Однако в докладах и выступлениях зачастую не акцентировалось внимание аудитории на ключевых вопросах призыва, что не способствовало повышению мотивации призываемой молодежи. Так, при проведении призыва в школы ФЗО угольной промышленности, металлургии и строительства в феврале-марте 1948 года в Кировской области «молодежь слабо была ознакомлена с вопросами значения трудовых резервов в новой Сталинской пятилетке, с условиями и бытом школ ФЗО, о преимуществах и льготах для рабочих угольной промышленности и металлургов и т. д.» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 48, д. 1084, л. 120]. В ходе призыва для школ ФЗО Свердловской области в марте-апреле 1949 года в Удмуртской АССР «разъяснительная работа <...> проводилась недостаточно, особенно среди молодежи, направляемой в школы горно-рудной промышленности» [Там же, оп. 49, д. 851, л. 83], в Кировской об-

ласти — «постановление правительства о льготах, установленных для рабочих угольщиков и металлургов, не разъясняется» [Там же, д. 852, л. 11].

Использовались для привлечения учащихся и более тонкие, исподволь воздействовавшие на настроения молодежи, механизмы популяризации соответствующих учебных заведений, в частности, *проведение выставок изделий учащихся* ремесленных училищ и школ ФЗО [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 67].

Руководством областного управления трудовых резервов было инициировано *массовое написание учащимися училищ и школ ФЗО писем на места* — своим товарищам и землякам с призывом поступать в училища и школы. В то же время на адресатов подобных писем, особенно в регионах за пределами Свердловской области, гораздо большее влияние оказывали негативные отзывы дезертиров из прежних призывов, самовольно покинувших уральские школы ФЗО и вернувшихся на свою «малую родину». Например, из 921 чел., отправленного в 1946 году из Чувашской АССР в школы ФЗО Свердловской области, самовольно вернулись обратно более 800 чел. Как отмечалось в докладной записке уполномоченного Госплана по республике, «эта молодежь <...> при попустительстве местных органов власти безнаказанно проживает в своих семьях, работает в учреждениях и колхозах, оказывая отрицательное влияние на молодежь, подлежащую очередному призыву» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 48, д. 1087, л. 115]. Уполномоченный Госплана по Тамбовской области в апреле 1949 года отмечал, что «отрицательное влияние на ход призыва» оказала молодежь, самовольно вернувшаяся в 1948 году из школ ФЗО Свердловской и Кемеровской областей (от 30 до 50 % призванных) по причине неудовлетворительных учебно-производственных и бытовых условий [Там же, оп. 49, д. 851, л. 71].

Информационные механизмы адаптации призывников из других регионов страны использовались и непосредственно в период обучения. Недостаточная эффективность призывов и воззваний как средства мотивации побуждала к поиску более сложных её форм, одной из которых стало включение в состав мероприятий по политической пропаганде и агитации «*производственно-технической пропаганды*», целью которой являлось привитие любви к выбранной профессии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 53].

Практика показала, что наиболее эффективно информационные механизмы адаптации работали там, где они применялись обдуманно и «точечно». Именно оценка практических результатов использования информационных механизмов адаптации востребовала перенос центра агитационной работы в общежития (как рассадник хулиганства и антисистемных настроений), который предполагал периодические обходы общежитий агитато-

рами, мастерами производственного обучения и руководителями учебных заведений «с беседами и читками [газет]» [Там же, л. 34, 62].

Организационные механизмы — управленческие практики (как закрепленные в распорядительных документах, так и неформальные традиции), направленные на приспособление стандартных для Государственных трудовых резервов процедур к специфическим проблемам, возникающим в деятельности конкретных учебных заведений.

Резкий рост контингента учащихся в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов на территории Свердловской области за счет призывников из других регионов, которые не всегда в достаточной степени владели русским языком, обусловил необходимость увеличения количества работников областного управления и пополнения штатов мастеров кадрами, способными обеспечить обучение такого контингента. В связи с этим в областях и республиках, принимавших наибольшее количество призывников из других районов страны, была начата *подготовка кадров мастеров из представителей тех национальностей, которые завозились из других регионов*, производилось увеличение штатов ряда региональных управлений Государственных трудовых резервов «в связи с увеличением контингентов учащихся РУ, ЖУ и школ ФЗО». В 1941 году штат Свердловского облуправления был увеличен до 41 человека — наибольшее количество среди всех 17 упомянутых в приказе ГУТР региональных управлений [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 18, л. 131].

Увеличение контингента учащихся значительно превышало реальные возможности областных учебных заведений. Поэтому *мероприятия по оптимизации сети учебных заведений*: слияние маломощных училищ одного профиля, создание при эвакуированных в область заводах новых учебных заведений и другие меры — сопровождалась из-за нехватки аудиторного фонда проведением занятий в 2—3 смены.

Тяжелые условия обучения и проживания, особенно в период создания системы Государственных трудовых резервов и первые годы Великой Отечественной войны, обостряли проблемы сохранения контингента учащихся и обеспечения дисциплины.

Среди практических мер, направленных на сохранение контингента, наибольший масштаб имела *отправка представителей областного управления и учебных заведений в районы призыва для возвращения самовольно ушедших учащихся*. Например, в марте 1941 года представитель Свердловского управления трудовых резервов находился в Башкирии, осуществляя призыв 70 человек вместо сбежавших 70 башкирских призывников [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 908, л. 24]; заместитель директора по политчасти

Первоуральской школы ФЗО № 24 Рукомойникова осенью 1941 года посетила «26 человек родителей в Казахстане, была у председателей колхозов, МТС» [Там же, оп. 35, д. 299, л. 15]. Подобные меры не всегда были достаточно эффективными: так, школа ФЗО № 71 в начале 1946 года направила в Кировскую область делегацию в составе 5 сотрудников и 3 лучших учеников, которая за два месяца пребывания истратила 8000 руб. (весь лимит командировочных расходов, отпущенных школе на год) и смогла вернуть назад только шесть человек из 176 учащихся-уроженцев Кировской области, сбежавших из школы в ноябре 1945 — марте 1946 годов [ЦДООСО, ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 36—37].

Сложность и невысокая эффективность подобной меры, особенно в послевоенный период, побудила руководство областного управления Государственных трудовых резервов ходатайствовать в Главное управление о закреплении за Свердловской областью конкретных регионов призыва учащихся в школы ФЗО (Тюменская, Кировская и Омская области), поскольку «призванные отсюда хорошо закрепляются на стройках и предприятиях после выпуска из школ ФЗО». В 1945—1947 годах мобилизация молодежи в школы ФЗО Свердловской области производилась в 16 различных регионах СССР, что делало невозможным налаживание «планомерной и систематической разъяснительной работы» с призывниками и создание «кадров мастеров и воспитателей из числа тех национальностей, из которых завозят молодежь» [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 71].

Не менее сложной и требовавшей применения различных адаптационных мер являлась проблема обеспечения дисциплины в учебных заведениях. Особого внимания требовали такие категории учащихся, как воспитанники детских домов и освобожденные от наказания молодые заключенные, переданные на обучение в трудовые резервы. Одной из наиболее эффективных адаптационных мер оказалась *дифференциация количественного состава учебных и производственных групп для различных категорий учащихся*. В учебных заведениях трудовых резервов применялась практика сокращения состава производственных групп, в которых преобладали освобожденные от наказания молодые заключенные, до 15—20 человек, а также выделения воспитателя «на каждые 40—50 человек, что необходимо из следующих соображений: опыт работы показал, что ребята охотно слушали беседы, читки газет, но как только воспитатель отошел, все газеты рвут и делают свое дело, и на 100 человек воспитатель не может находиться все время с ребятами, он переходит из группы в группу» [ГАРФ, ф. р-9507, д. 240, л. 114].

Наиболее сложной проблемой являлось обеспечение дисциплины в учебных общежитиях. Для этого широко применялось *введение комен-*

дантских постов на каждом этаже общежитий: «медицинских сестер, комендантов, военно-физкультурных работников и техничку — раскрепили по этажам. За этаж отвечает комендант, т. е. за постельные принадлежности, за то, чтобы ребята своевременно ходили в баню» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 97]. Для решения проблемы обеспечения дисциплины, обострившейся в связи с массовым прибытием нового контингента, в РУ № 3 была апробирована *практика привлечения учащихся к организации караульной службы в учебном заведении* (в том числе, в общежитии) на основе устава РККА. Опыт организации 7 караульных постов на 12 человек, которые «дежурят по 6 часов и после дежурства они имеют возможность отдыхать 8 часов до вступления на работу», был признан успешным [Там же, л. 40].

Помимо этого, практиковалось *расселение контингентов из разных регионов призыва по разным комнатам в общежитиях*: «все учащиеся, приехавшие вновь <...> расселены по производственному принципу <...>, оказались в самых различных комнатах» [Там же, л. 33].

В значительной степени дисциплина среди учащихся зависела от способности руководства училищ и школ, а также мастеров установить личные контакты с учащимися, основанные на взаимном уважении. Этому способствовала *подготовка мастеров и помощников мастеров производственного обучения* из среды «учащихся, закончивших школы через семинары и курсы, вместо ушедших на фронт мастеров старших возрастов». Приказом ГУТР № 691 от 20.11.1941 была утверждена «Программа семинара для помощников мастеров школ ФЗО, РУ и ЖУ», рассчитанная на 90 учебных часов [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 18, л. 143—152]. В результате к 1945 году в школах ФЗО Свердловской области работали мастерами учебно-производственных групп 193 чел. выпускников (что составляло 37 % от общего числа мастеров) [Там же, д. 402, л. 41].

В декабре 1941 года на совещании заместителей директоров по политчасти училищ и школ ФЗО Свердловской области в нескольких выступлениях была поднята проблема призыва военруков учебных заведений в РККА и предложено (по аналогии с мастерами) готовить военруков из среды учащихся [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 40]. В 1943 году широко распространилась практика подготовки «из лучших учащихся помощников военруков», которые «проводят занятия с учащимися вполне удовлетворительно» [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 294, л. 24].

Экономические и материально-бытовые механизмы — система мер, направленных на обеспечение для учащихся минимально необходимых жизненных стандартов в целях мотивирования их учебной и производственной активности.

На протяжении всего рассматриваемого в данной работе периода материально-бытовое обеспечение учебных заведений оставалось весьма скудным. Особенно сложной ситуация была в период Великой Отечественной войны. В целом ряде учебных заведений возникали трудности с обеспечением минимального уровня питания учащихся. Выход был найден в *организации подсобных хозяйств*. В соответствии с постановлением СНК от 2 апреля 1942 года № 433 Главному управлению трудовых резервов разрешалось «в целях улучшения питания учащихся <...> организовать подсобные картофельно-овощные хозяйства при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», при этом половина продукции подсобных хозяйств должна была передаваться столовым Наркомторга СССР в счет установленных норм питания учащихся, а другая половина, сверх этих норм, для улучшения питания учащихся. Все работы в подсобных хозяйствах должны были проводиться учащимися в свободное от производственного обучения время. Значимость этого механизма показывает тот факт, что для сохранения трехразового питания учащихся в 1943 году, помимо привлечения дополнительных фондов, использования «собственной» части продуктов подсобных хозяйств и децентрализованных закупок, учебные заведения трудовых резервов Свердловской области (в г. Нижний Тагил, Первоуральск и т. д.) были вынуждены использовать и предназначенную для отделов рабочего снабжения (ОРС) часть урожая подсобных хозяйств на дополнительное питание учащихся [Там же, л. 37].

Недостаточность фондов областного управления трудовых резервов, не получившего никакой дополнительной поддержки, несмотря на резкий рост контингента в 1941—1942 годах, вынуждала к максимальному использованию имеющихся скудных ресурсов. В соответствии с радиосхемой начальника Государственного управления трудовых резервов (ГУТР) П. Г. Москатова от 7 октября 1941 года директорам школ ФЗО и училищ предписывалось «проявлять в связи с войной инициативу в порядке децзакупа (децентрализованных закупок материально-технических средств. — *Л. 3., С. Р.*)»; кроме этого, широко использовалась практика самостоятельного изготовления в училищах и школах одежды, головных уборов, обуви, использование в качестве кружковой деятельности учащихся в свободное время занятий по ремонту обуви и белья [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 41], прикрепление училищ к пошивочным и сапожным мастерским промартелей (для обеспечения одежды и обувью).

Одна из наиболее острых проблем, вызываемых миграционными потоками в рассматриваемый период, — нехватка жилой площади для размещения учащихся — нередко вынуждала *использовать под общежития*

помещения иного назначения. Так, в г. Серове часть заводских барачков была освобождена от проживавших там заключенных и предоставлена под размещение учащихся; завод № 707 разместил общежития школы ФЗО на площадях, предоставленных ему Индустриальным институтом только для производственных целей, вопреки неоднократным требованиям горсовета освободить эти площади [Там же, оп. 38, д. 221, л. 33].

Социокультурные механизмы — комплекс организационных, воспитательных и педагогических мер, нацеленных на сплочение различных категорий учащихся в процессе решения производственных и учебных задач.

Миграционные потоки, действовавшие на сеть учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области, вызвали ряд проблем, имевших социокультурный характер. Среди них наиболее распространенными оказались конфликты между местными призывниками и учащимися из других регионов, доходившие до массовых драк и поножовщины, а также распространенное среди призывников из сельской национальной глубинки нежелание работать в промышленности. Необходимость решения данных проблем обусловила разработку целого спектра адаптационных механизмов, наиболее эффективные из которых широко тиражировались в учебных заведениях. Для нормальной коммуникации местных контингентов с приезжими оказалась полезной *практика немедленной организации знакомства* под контролем преподавателей и мастеров, предотвращение конфликтов из-за юношеской стеснительности или максимализма. Эффективным было признано и осуществление воспитательной работы в виде *совместной полезной деятельности призывниками из разных мест*. Ряд эффективных мер был отвергнут региональным управлением по причине их излишней жесткости. Так, в нескольких училищах «за грубость в отношении призванных из других регионов» местных учащихся *лишали талонов на питание* [ЦДО-ОСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 95].

В целом поиск границы допустимой жесткости по отношению к учащимся, механизмов, используемых при адаптации региональной сети учебных заведений к массовым миграционным потокам, представляется одним из наиболее сложных элементов процесса наработки соответствующего управленческого и педагогического опыта. Инорегиональным учащимся, не желавшим работать на заводе (из-за непривычного климата; профессий, не соответствующих их предпочтениям), предлагалось *выполнять непрестижную работу в общежитии* (мыть полы, выхлопывать матрасы и т. д.), что признавалось эффективным методом мотивации [Там же, л. 95—96].

5. Заключение

Необходимость приспособления учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области к миграционному воздействию и выработка соответствующих адаптационных механизмов приобретают особое значение в начальный период Великой Отечественной войны в связи с массовой эвакуацией учебных заведений и учащихся из прифронтовой полосы, увеличением межобластных перевозок и доли призывников из других регионов страны в контингенте учащихся, масштабной передачей в учебные заведения освобожденных от наказания молодых заключенных.

Механизмы адаптации к миграционному воздействию не меняли основные принципы функционирования системы Государственных трудовых резервов, как правило, исходили из практики конкретных учебных заведений, носили ситуативный характер (*ad-hoc*), для утверждения и тиражирования требовали одобрения областного управления Государственных трудовых резервов. Механизмы адаптации обладали рядом общих черт:

- были нацелены преимущественно на повышение лояльности учащихся к системе трудовых резервов, предотвращение прогулов, невыходов на работу, нарушений дисциплины, побегов учащихся, способствуя созданию равных условий учебы и быта прибывшим из других регионов и местным учащимся;

- в своей совокупности охватывали все основные локации в жизни учащихся (училища и школы ФЗО, общежития, производственные мастерские, рабочие места на предприятиях);

- не требовали значительного объема дополнительных материальных ресурсов, а скорее представляли собой практики эффективного распределения имеющихся;

- были направлены на задействование механизмов самообилизации, то есть предполагали активизацию участия самой молодежи в организации учебно-воспитательной работы и производственной деятельности;

- носили внутрисистемный характер и не могли привести к изменению внешних по отношению к системе правил;

- представляли собой более эффективную альтернативу карательным и принудительным механизмам, позволяя отказаться от сплошного применения последних (что зачастую было объективно невозможно).

Выработка системы взаимосвязанных механизмов адаптации свидетельствует о попытках Государственных трудовых резервов обеспечить поддержку снизу выполнения учебных и производственных задач в тяжелых условиях войны и послевоенного восстановления.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9507. Учреждение по руководству профессионально-техническим образованием в СССР.
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р-2033. Свердловское областное управление профессионально-технического образования.
3. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР).
4. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области*. Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. — Екатеринбург : УрО РАН, 1992. — 338 с.
2. *Захаровский Л. В.* Эвакуация и реэвакуация учебных заведений и учащихся Государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 306—322. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322.
3. *Постников С. П.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. — Екатеринбург : УрО РАН, 2004. — 228 с. — ISBN 5-7691-1478-9.
4. *Ситникова Е. Л.* Социальная адаптация трудовых мигрантов : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Е. Л. Ситникова. — Нижний Новгород, 2013. — 130 с.
5. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер ; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 359 с. — ISBN 978-5-8243-1593-6.
6. *Kucherenko O.* State v. Danila Kuz'mich : Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II / O. Kucherenko // The Russian Review. — 2012. — № 71. — Pp. 391—412.

EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE SYSTEM OF STATE LABOR RESERVES OF THE USSR IN 1941—1954: ADAPTATION TO MIGRATION IMPACT (MATERIALS FROM THE SVERDLOVSK REGION)¹

© Leonid V. Zakharovsky (2021), orcid.org/0000-0003-0951-2080, PhD in History, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian State Vocational Pedagogical University” (Yekaterinburg, Russia), konung-75@mail.ru.

1 The article was written as part of a study carried out at the expense of the RFBR (project № 19-09-00396).

© **Sergei L. Razinkov (2021)**, orcid.org/0000-0002-0018-7931, PhD in History, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian State Vocational Pedagogical University” (Yekaterinburg, Russia), sergerazinkov@mail.ru.

The experience of adaptation of educational institutions of the regional system of stationary training of qualified workers in the context of the migration impact in the 1940s — the first half of the 1950s is considered. A number of approaches in modern domestic and foreign historiography, postulating the existence, along with punitive and coercive mechanisms of ensuring the loyalty of the Soviet working class, a number of administrative practices that provided significant support for state policy “from below,” from the working masses, are highlighted. It is shown that the awareness of the impossibility of widespread use of compulsory punitive mechanisms without restriction was formed directly during the implementation of state policy in the 1940s — mid 1950s, it was also represented among the leaders of the system for training young skilled workers — the State Labor Reserves. It is noted that such an understanding leads already at the beginning of the 1940s, in the most difficult conditions of the initial period of the Great Patriotic War, to the development among the leadership of educational institutions and the regional administration of the State Labor Reserves mechanisms for adapting educational institutions and students to a complex of problems caused by the powerful migration impact. The authors identified four groups of such mechanisms that ensured the minimum sufficient level of student loyalty to solving educational and production problems: agitation and information; organizational; economic and material and household; sociocultural.

Key words: State labor reserves; Sverdlovsk region; migration flows; adaptation mechanisms of educational institutions; evacuation; interregional transportation of conscripts.

MATERIAL RESOURCES

- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-9507. Uchrezhdeniya po rukovodstvu professionalno-tekhnicheskim obrazovaniyem v SSSR* [State Archive of the Russian Federation. F. R-9507. Institutions for the management of vocational education in the USSR]. (In Russ.).
- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. R-2033. Sverdlovskoye oblastnoye upravleniye professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya* [State Archive of the Sverdlovsk region. F. R-2033. Sverdlovsk Regional Department of Vocational and Technical Education]. (In Russ.).
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 4372. Gosudarstvennyy planovyy komitet Soveta Ministrov SSSR (Gosplan SSSR)* [Russian State Archive of Economics. F. 4372. State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)]. (In Russ.).
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 4. Sverdlovskiy oblastnoy komitet KPSS* [Documentation center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4. Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU]. (In Russ.).

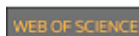
REFERENCES

- Antufev, A. A. (1992). *Uralskaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voiny* [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: UrO RAN. 338 p. (In Russ.).

- Filtser, D. (2011). *Sovetskiye rabochiye i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet workers and late Stalinism. The Working class and the Restoration of the Stalinist System after the end of the Second World War]. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina». 359 p. ISBN 978-5-8243-1593-6. (In Russ.).
- Kucherenko, O. (2012). State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II. *The Russian Review*, 71: 391—412. (In Russ.).
- Postnikov, S. P., Feldman, M. A. (2004). *Gosudarstvo i professionalnaya podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900—1940 gg.* [The state and professional training of workers in the Ural industry in 1900—1940]. Ekaterinburg: UrO RAN. 228 p. ISBN 5-7691-1478-9. (In Russ.).
- Sitnikova, E. L. (2013). *Sotsialnaya adaptatsiya trudovykh migrantov*. PhD Diss. [Social adaptation of labor migrants. PhD Diss.]. Nizhnyy Novgorod. 130 p. (In Russ.).
- Zakharovskiy, L. V., Razinkov, S. L. (2019). Evacuation and Re-Evacuation of Educational Institutions and Students of the State Labor Reserves during the Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 11: 306—322. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322. (In Russ.).

Иванов А. А. Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 286—305. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-286-305.

Ivanov, A. A. (2021). Orthodox Clergy and Right-Wing Political Movements in Russia at the Beginning of XX Century: Church Press. *Nauchnyi dialog, 1*: 286-305. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-286-305. (In Russ.).

УДК 94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-286-305

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ПРАВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕРКОВНОЙ ПРЕССЫ)¹

© Иванов Андрей Александрович (2021), orcid.org/0000-0001-6438-5200, Scopus Author ID 56995528600, ResearcherID O-2946-2016, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

Рассматривается вопрос об отношении православного российского духовенства к правым политическим партиям в начале XX века — черносотенцам (Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела и др.) и русским националистам (Всероссийский национальный союз и близкие ему организации). Новизна исследования видится во введении в научный оборот новых источников (материалов церковной прессы), позволяющих сделать ряд существенных уточнений в имеющиеся представления об отношениях между Православной церковью и правыми политическими организациями. Особое внимание уделяется имевшимся отличиям во взглядах священнослужителей на черносотенные союзы и политические структуры русских националистов. Показаны причины сотрудничества консервативно настроенных православных пастырей с черносотенными союзами и организациями русских националистов и обстоятельства, заставлявшие духовенство проявлять озабоченность взглядами и деятельностью правых партий. Доказывается, что секуляризация и вестернизация русского национализма, приводившие к отходу его идеологов и последователей от основ православного вероучения и церковного мировоззрения, стали главными причинами настороженного отношения церковных кругов к политическим организациям русских националистов.

Ключевые слова: Православная российская церковь; православное духовенство; правые партии; черносотенцы; монархисты; русские националисты; русский национализм; Союз русского народа; Всероссийский национальный союз.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

1. Введение

За последние два десятилетия изучение правого лагеря дореволюционной России, под которым принято понимать политические силы, придерживавшиеся в своих идеологических установках уваровской триады — «православие, самодержавие, народность», — вышло на новый качественный уровень. Историография вопроса представлена множеством работ [Карпухин, 2009; Ивакин, 2011 и др.], но, несмотря на это, далеко не все сюжеты в рамках данной темы проработаны историками достаточно подробно, и среди них — вопрос об отношении православного духовенства к идеологии и практике правых партий (черносотенцев и националистов). Нельзя сказать, чтобы данная проблематика вовсе не рассматривалась ранее исследователями. Об участии православного духовенства в черносотенном движении (естественно, исключительно в обличительном духе) писалось еще в 1920-е годы [Кандидов, 1928]. В современной историографии в той или иной мере эту проблему (уже без предвзятости, свойственной советским исследователям) затрагивали авторы фундаментальных монографий [Кириянов, 2001; Коцюбинский, 2001; Омельянчук, 2006; Репников, 2014; Санькова, 2006; Степанов, 2013]; поднималась она и в вышедшей на Украине достаточно ангажированной монографии К. К. и К. И. Федевичей [Федевич и др., 2017], а также в отдельных статьях российских историков [Амбарцумов, 2019; Иванов и др., 2018; Мошненко, 2014; Омельянчук, 2019]. Однако упор в большинстве публикаций делался на роль православного духовенства в деятельности правых партий, на его взгляды на идеологию русского национализма, а не на особенности отношения духовенства к различным силам, составлявшим правое движение. В то же время представляется важным выявить то общее и различное, что было свойственно для отношения православного духовенства к зародившимся во время революции 1905—1907 годов крайне правым (черносотенным) партиям и появившимся уже в относительно спокойное время (1908—1910) политическим структурам русских националистов. К тому же историками при обращении к данной теме ранее широко не привлекались материалы церковной периодической печати, а между тем именно они позволяют раскрыть заявленную проблематику наиболее полно.

Российское православное духовенство в начале XX века не было едино в политических вопросах. Политически активная его часть в большинстве своем исповедовала консервативные взгляды, поддерживая правые, монархические организации, однако встречались среди священнослужителей и сторонники «прогрессивных» течений, включая сочувствующих революционным идеям (И. П. Брихничев, Г. С. Петров, архимандрит Михаил (Се-

менов) и др.). И хотя таких священников было меньшинство, тем не менее Святейший Синод вынужден был 20 декабря 1905 года обратить внимание на эту проблему и принять определение «О предосудительном поведении некоторых священников во время народных волнений» [Омельянчук, 2019, с. 24]. Пастыри, выступающие против самодержавного строя, обычно осуждались в официальной церковной печати, в то время как сторонники правых и умеренных воззрений находили поддержку. В данной публикации внимание уделено именно «официальному голосу» Российской православной церкви, звучавшему со страниц епархиальных изданий, прошедших духовную цензуру брошюр, и из уст тех, кого русская общественность считала типичными представителями церковного большинства. В начале XX века политические взгляды, открыто выражавшиеся в официальной церковной периодике, как правило, соответствовали идейным установкам крайне правых, националистов и реже октябристов. Примерно таким же было распределение представителей духовенства в Государственных думах III и IV созывов. К последней сессии III Государственной думы духовенство было представлено по фракциям следующим образом: во фракции правых — 1 епископ и 13 священников, во фракции националистов — 1 епископ и 10 священников, среди независимых националистов — 1 священник, среди октябристов — 7, прогрессистов — 4, беспартийных — 2 [Рожков, 2004, с. 320—321]. В IV Думе эта тенденция была еще заметнее: во фракции правых — 2 епископа и 20 священников, во фракции националистов — 15 священников, в близкой к националистам группе центра — 2 священника, у октябристов и прогрессистов по 1 священнику и 2 пастыря остались беспартийными [Думское духовенство, 1913, с. 146].

2. Православное духовенство и черносотенцы

Православное духовенство принимало активное участие в деятельности правых монархических (черносотенных) структур: Русского собрания (РС), Союза русского народа (СРН), Союза русских людей (СРЛ), Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) и др. Достаточно напомнить, что членами СРН были Иоанн Кронштадтский, будущие патриархи Тихон (Беллавин) и Алексей (Симанский), кроме того, первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) являлись почетными председателями отделов СРН; среди членов правых партий и их покровителей было немало и других известных архиереев и священников, некоторые из них ныне причислены к лику святых. Если изначально Св. Синод не приветствовал участия духовенства в деятельности политических партий, то в марте 1908 года архиереям было предоставлено право разрешать и

благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности СРН и других монархических обществ, если их уставы и деятельность «остаются в согласии с установлениями православной церкви и ее иерархии и служат ко благу отечества нашего» [Омельянчук, 2019, с. 34]. По подсчетам С. А. Степанова, в 1906—1908 годах десятая часть председателей губернских отделов и почти треть председателей уездных отделов СРН являлись священнослужителями [Степанов, 2013, с. 316]. Представители консервативного православного духовенства публиковали брошюры, в которых призывали свою паству поддерживать черносотенцев [Андроник (Никольский), 1909; Илиодор (Труфанов), 1907]. Призывы к духовенству и православным верующим вступать в ряды монархических союзов публиковались и на страницах епархиальных изданий [Лашков, 1907; Нечто ..., 1907]. Знамена правых союзов, на которых изображалась религиозная символика, нередко выставлялись в православных храмах. Однако очень многое зависело от взглядов правящих архиереев, задававших тон епархиальной прессе в вопросах, касающихся политической ситуации в стране, и определявших позицию местного духовенства. Если в Волынской епархии духовенство тянулось к СРН и активно вступало в его ряды, то в Уфимской епархии благочинные обязывали приходских священников не вступать в эту черносотенную организацию [Мошненко, 2014, с. 16]; архиереи Тамбовской епархии Иннокентий (Беляев) и Кирилл (Смирнов) активно содействовали местным православно-монархическим организациям [Лисюнин, 2018, с. 157], а архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Налимов) отказывался благословлять и поддерживать владимирских черносотенцев, указывая духовенству, что оно должно стоять вне политических партий и движений [Омельянчук, 2017, с. 21—22].

Но, несмотря на то что между деятелями крайне правых союзов и представителями церковной иерархии не всегда и не во всем было взаимопонимание, а также на те «перегибы» в деятельности черносотенцев, которые осуждались духовенством, многие церковные публицисты признавали, что из всех политических партий только правые были готовы оказать церкви безоговорочную поддержку. Епископ Андрей (Ухтомский), позже порвавший с черносотенцами и считавшийся накануне Февральской революции одним из наиболее либеральных архиереев, в свое время активно содействовал организации отделов СРН, объясняя свою позицию тем, что правые партии не постеснялись провозгласить себя русскими и православными, ратовали за сохранение традиций и выражали готовность продолжить дело славянофилов. «Если же “Союз русского народа” ближе для меня, чем другие партии, то это потому, что он сам по своему духовному строю все-

цело присоединился к моим воззрениям и ни одного своего убеждения я не переменял для того, чтобы “Союз” принял меня в первые свои ряды, — писал владыка в 1908 году — <...> Кроме того, я не считаю “Союз русского народа” партией: этот “Союз” и есть русский народ ...» [Священномученик ..., 2019, с. 185]. В одной из проповедей епископ Андрей указывал, что из всех политических сил только правые начинают свое дело с молитвы, прислушиваются к голосу церкви и твердо защищают православную веру [Андрей (Ухтомский), 1906, 14 декабря]. Священник В. М. Пестряков констатировал накануне выборов в IV Государственную думу: «По горькому опыту духовенство не может не признать, *что искренними его друзьями, защитниками церковных интересов в Государственной думе были правые* (здесь и далее в цитатах курсив источника). Пусть их травят и обливают помоями прогрессисты разных мастей, пусть на них возводят небывлицы и клеветы <...> — духовенству этим смущаться нечего: нужно уметь отличать и ценить своих друзей и сделанное ими добро» [Пестряков, 1912а, с. 13]. А архиепископ Курский и Обоянский Стефан (Архангельский) заявлял на собрании духовенства: «Самая верная, самая преданная Православной Церкви партия — это, бесспорно, партия правых. Они всегда при всякой опасности и утеснении Православной Церкви, открыто, горячо и беззаветно встают в ее защиту. <...> Если даже какой-либо священник и относился бы к партии правых почему-либо не симпатично <...> то, тем не менее, он, как представитель Церкви, обязан всеми силами помогать именно этой партии, ибо эта именно партия — самая преданная, самая верная нашей Святой Церкви» [Пастырское ..., 1912, с. 90—91].

Впрочем, критика в адрес правых со стороны церкви также звучала. Причем не только от представителей так называемого «прогрессивного» духовенства, но и со страниц церковных официозов. Протоиерей А. К. Трифилев, поддерживавший первоначально октябристов, а затем — русских националистов, указывал, что православным пастырям должна быть чужда «уродливость крайне правых и крайне левых партий» [Трифилев, 1912, с. 14]. Анонимный автор «Кишиневских епархиальных ведомостей» считал, что служители церкви зря оказывают поддержку правым политическим партиям, тем самым принижая религиозный идеал «до служения грешным земным страстям», поскольку правые демонстрируют лишь «наружную преданность Церкви и религии», а на деле — «религия для них — ширма, которою они прикрывают свои узконациональные или сословно-экономические цели» [Г. Е., 1907, с. 1562]. «Орловские епархиальные ведомости» предупреждали пастырей, что крайне правые, несмотря на свою декларативную приверженность пра-

вославию, со страниц таких газет, как «Русское знамя» и «Гроза», занимаются «гнусным клеветничеством не только против рядовых пастырей Церкви, но и архипастырей», и «ни одна оппозиционная партия не позорит так православных пастырей, как эти мнимые защитники православия и народности» [Выборщик ..., 1912, с. 599]. Эти обвинения были отчасти справедливы, поскольку некоторые лидеры правых, действительно, поддерживали церковь из прагматических соображений, будучи сами равнодушными к вопросам веры и церковной жизни. Нередки были и нападки черносотенной прессы на представителей православного духовенства, которых крайне правые подозревали в недостаточной преданности царскому самодержавию, православию и русской народности. Но были среди крайне правых и глубоко верующие, церковные люди, для которых православие не было лишь частью партийной идеологии, что также признавалось некоторыми из их критиков. Так, «Орловские епархиальные ведомости» выражали сожаление, что в правом лагере выдвинулись «темные дельцы», разрушающие патриотические организации, «созданные в смутные годы совместными трудами самоотверженных поборников русских народных святынь» [Достойная оценка, 1912, с. 539].

3. Православное духовенство и русские националисты

С возникновением в 1908—1910 годах политических структур русских националистов: Всероссийского национального союза (ВНС), Всероссийского национального клуба (ВНК), Киевского клуба русских националистов (ККРН), фракции националистов и умеренно правых (ФНУП), появившихся в Государственной думе, и других, родственных им по духу организаций, для которых национализм стал центральным местом политической программы, — православное духовенство было вынуждено выработать к ним свое отношение, тем более что русские националисты, занимая более умеренные по сравнению с черносотенцами позиции, пользовались поддержкой государственной власти в лице председателя Совета министров П. А. Столыпина.

Представители духовенства приняли участие в работе политических организаций русских националистов. На начальном этапе деятельности этой новой политической силы епископ Андрей (Ухтомский) называл ВНС «наиболее симпатичной из всех существующих партий». «Конечно, им далеко до прекрасных, чистых, идеально-христианских принципов московского славянофильства, но и та безукоризненная порядочность, которая имеется в программе этих националистов, уже должна радовать русского человека», — отмечал владыка [Андрей (Ухтомский), 1910, 23 марта].

Немало священников было среди членов ФНУП. Среди депутатов-националистов, например, числился В. Н. Шеин — будущий архимандрит Сергей, канонизированный церковью в 1992 году. Членом Главного совета ВНС и бюро ФНУП был депутат Государственной думы, епископ (позже — митрополит) Евлогий (Георгиевский), указывавший «на тесную связь между православием и русским национализмом» [Коцюбинский, 2001, с. 400]. Впрочем, представители православного духовенства, оказавшиеся в рядах русских националистов, на роль идеологов движения не претендовали, единственным архиереем, занявший видное место в партии националистов, владыка Евлогий, выступая на съездах ВНС с речами, либо говорил исключительно по «холмскому вопросу», призывая снять с Холмщины «польскую печать» и законодательно признать ее русской землей, либо произносил общие слова о том, что «высшим счастьем для России» станет тот день, когда стремлением к осуществлению национальных задач будут «охвачены не только отдельные группы русского общества, но весь многомиллионный русский народ» [Иванов и др., 2018, с. 155—166]. Да и переход епископа из фракции правых, в которой он состоял в бытность депутатом II Думы, во ФНУП был связан не с превращением архиерея в убежденного националиста, а с тем, что он стал тяготиться обществом черносотенцев и предпочел пересесть на скамьи более умеренных сторонников столыпинской политики [Санькова, 2006, с. 137—141]. Как позже вспоминал митрополит Евлогий, он считал важным, чтобы православное духовенство «было вкраплено во все политические партии и в них защищало церковные взгляды» [Евлогий (Георгиевский), 1994, с. 231—232]. Видимо, схожими были мотивы большинства представителей православного духовенства, влившихся в ряды русских националистов.

На страницах епархиальных изданий публиковались программные документы ВНС, ВНК и ККРН, их предвыборные воззвания, объявления об открытии отделов, собраниях и съездах; перепечатки статей, заявлений и выступлений их лидеров (в частности, П. Н. Балашева, Б. А. Васильчикова, В. В. Шульгина, А. И. Савенко и др.), реклама периодических изданий русских националистов («Киевлянин», «Голос Руси» и др.) и брошюр [Внимание духовенства, 1910, с. 1508—1510; Торжественное открытие ..., 1911, с. 2321—2323; Перед выборами ..., 1912, с. 975 и др.]. «Минские епархиальные ведомости» редактировались руководителем местного отдела ВНС Д. В. Скрынченко, отстаивавшего на страницах церковного издания идеологию русского национализма. Минская, Орловская и Екатеринославская епархии в 1912 году официально заявили, что их симпатии на стороне русских националистов, призвав духовенство и паству голосовать за них

на выборах в IV Государственную думу [О предстоящих выборах ..., 1912, с. 363; Известия, 1912, с. 27]. Более того, Екатеринославская епархия издавала во время этих выборов газету «Русский националист», являвшуюся бесплатным приложением к местным епархиальным ведомостям и выходившую под девизом: «Православие, самодержавие, русская народность, Россия для русских и единство России». Епископ Екатеринославский и Мариупольский Агапит (Вишневецкий) лично возглавил Русский губернский выборный комитет [Чемакин, 2020, с. 343].

«Русское национальное чувство, раздраженное событиями последних лет, ныне пробудилось и принимает характер наступательный, — отмечалось в публикации “Орловских епархиальных ведомостей”. — Главным выразителем этого чувства ныне является *Всероссийский национальный союз*, отразивший в своей программе преобладающие течения общественной мысли и ставший фактором реального применения национальной политики в русской государственной жизни. *Основные положения программы Союза* вытекают непосредственно из национальной идеи, ею определяются и поэтому, нам кажется, также бесспорно должны быть приняты духовенством в руководство пред выборами» [Выборщик ..., 1912, с. 597].

Такая поддержка русских националистов со стороны духовенства во многом объяснялась тем, что в программных документах ВНС, признавая, с одной стороны, свободу вероисповедания, вместе с тем выступал за «сохранение установленных преимуществ православной Церкви» и за «исторически сложившийся в России вековой союз православной Церкви с русским государством» [Националисты, 1912, с. 176]. Русские националисты видели заслугу церкви в том, что она «духовно воспитывает на своих высоких христианских началах русских граждан и тем способствует возвышению и одухотворению самых норм государственной и общественной жизни» [Там же, с. 181—183]. В предвыборной программе ВНС обещал содействовать православному духовенству в деле возрождения приходской жизни, поддержать инициативу созыва Поместного собора и необходимые церковные реформы, если они будут инициированы самой Церковью, поднять вопрос о материальном обеспечении духовенства из средств государственного казначейства. «Сводя воедино учение националистов об отношениях между православною Церковью и русским государством, — отмечалось в официальном издании ВНС, — необходимо прийти к следующим выводам: Величие и мощь Российской империи покоятся на тесном и неразрывном союзе с первенствующей Церковью Православной. Союз этот определяется началами христианского государства о независимости и взаимной самостоятельности Церкви и государства. Единство

действий Церкви и государства в достижении общих целей обеспечивается сосредоточением в лице монарха Верховного блюстительства Православной Церкви и Верховной государственной власти. Церковь пользуется услугами государства для проведения в жизнь своих начал, а государство имеет в Церкви великую нравственную союзную силу, воспитывающую не только сынов Царства Божия, но и русских граждан. Союзные отношения между православной Церковью и русским государством присвояют православной вере первенствующее и господствующее положение в Российской империи» [Там же, с. 186—187].

Как отмечает Д. А. Коцюбинский, «явно политизированный и прагматизированный подход к разрешению вопроса о преимуществах РПЦ заметно отличал церковно-религиозную риторику ВНС от черносотенной (традиционалистской)», но, несмотря на это, русских националистов поддерживали священники западной и юго-западной окраин империи, где было сильное влияние поляков и католицизма, а также те носители духовного сана, для «которых оставались неприемлемыми ни черносотенство, ни “излишне конституционный” октябризм» [Коцюбинский, 2001, с. 36, 401—402, 404]. Это же отмечает и С. М. Санькова, по оценке которой, думские священники-националисты особой политической активности не проявляли, больше заботясь о вопросах церковных и местных нуждах. Далеко не всегда поддерживали они и взгляды лидеров ФНУП, но «открыто этого не выражали, так как нуждались в их поддержке для проведения необходимых им церковных законопроектов» [Санькова, 2006, с. 81—82].

Тревогу у духовенства вызывало то, что в отличие от черносотенцев русские националисты отвели православию как бы «вспомогательную» функцию, возведя на первое место уваровской триады народность (нацию). Так, к примеру, священник-монархист В. М. Пестряков, считавший, что «национальная партия с ее национальными идеалами, с любовью к русскому народу, не может быть для духовенства чужой или безразличной», вместе с тем с тревогой указывал: «Вождями национализма являются представители интеллигенции, нередко безразличной к религии, или же признающей за нею только служебное значение» [Пестряков, 1912б, с. 100].

Особенно часто недовольство православного духовенства вызывали публикации одного из идеологов русского национализма, колумниста «Нового времени» М. О. Меньшикова, неоднократно позволявшего себе весьма вольно трактовать христианство и рассуждать о православии преимущественно с прагматических позиций, а в дневниковых записях и частных письмах и вовсе позволять себе кощунственные выпады против религии и церкви [Орлов, 2015, с. 122, 137—138; Иванов, 2019а]. Подходя к христи-

анству «чисто утилитарно» [Орлов, 2015, с. 142], Меньшиков воспринимал православие не как религиозную истину, а как национальную традицию, положительную, но отживавшую [Стукалов, 2011, с. 73—74].

Естественно, что подобные высказывания Меньшикова не могли не вызывать реакции православного духовенства. Священник В. Ржечицкий, обращая внимание на слова идеолога национализма, что «православие есть условие колеблющееся» и «нужно только, чтобы русский человек обязательно признавал себя русским», негодуя отмечал, что из ВНС, таким образом, изгоняется начало, «на котором созидалось и выросло наше отечество», и такой союз никогда не станет русским по духу, «ибо из самого союза выкидывается душа его» [Ржечицкий, 1908, с. 239]. Как писал про Меньшикова архиепископ Никон (Рождественский), «когда вспомнишь, что этот талантливый писатель-публицист стоит едва ли не во главе так называемых у нас националистов, когда представишь себе: а что если и все они так думают? — то страшно становится за Россию, за ее будущее. Мне почему-то всегда казалось, что эти люди ставят национальность впереди Православия, считая последнее лишь служебным орудием для главной национальной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не сознают ее, они погубят себя» [Никон (Рождественский), 1916, с. 39].

Доставалось от церковных авторов и другому теоретику национализма, профессору П. И. Ковалевскому, который не только позволял себе антисемитские нападки по адресу ветхозаветных пророков и праведников, но и в целом характеризовал Ветхий Завет как книгу, в которой «нет ничего священного», чтение которой «является безнравственным и развращающим» [Ковалевский, 1916, с. 9]. Подобные выпады вызывали возмущение у духовенства, которое четко отделяло ветхозаветных еврейских праведников и евреев-христиан от тех представителей еврейского народа, которые отвергали христианство. В связи с этим Никон (Рождественский) выступил в печати с обличительной статьей против такого национализма [Никон (Рождественский), 1915, с. 104—108]. За забвение православия осуждал лидеров ВНС и протоиерей Т. И. Буткевич, писавший, что «наши националисты своим принципом провозгласили только народность», забыв при этом о религиозном призвании русского народа [Буткевич, 1911, 9 февраля]. А анонимный автор «Голоса Церкви» называл национализм ВНС «внеисповедным» и «зоологическим», обвиняя партию русских националистов в том, что она готова пожертвовать православием ради слияния русского баптиста с русским православным [М-ский, 1912, с. 181].

Показательно, что издательская деятельность русских националистов вызвала крайне противоречивые оценки в церковной среде. Так, епископ

Димитрий (Абашидзе), ныне прославленный Церковью в лике преподобных, восторженно приветствовал печатные издания ВНК из серии «Отечественная библиотека», отмечая, что эти брошюры «не только необходимы и полезны для сынов России, но прямо спасительные для них» и каждый «обязан пред Богом всеми доступными ему мерами распространять в народе русском эти славные, благородные, правдивые издания» [Сокский, 1911, 5 января]. В свою очередь «Голос Церкви» и «Колокол» подвергали резкой критике издания ВНК для простого народа, указывая на ряд грубых ошибок авторов этих брошюр в вопросах религии [М-ский, 1912, с. 181—184; Друзья ..., 1912, 21 февраля]. Особенно в этом отношении досталось отрывному календарю, изданному ВНК к юбилею отмены крепостного права, содержащему ряд сомнительных с православной точки зрения утверждений и названному автором «Голоса Церкви» «издевательством над душою православного русского народа» [М-ский, 1912, с. 184].

Поддерживавший черносотенное движение архиепископ (позже — митрополит) Антоний (Храповицкий) также в ряде своих статей обращал внимание на специфику национализма, который исповедовали идеологи ВНС [Иванов, 2019б]. При этом владыка Антоний не был противником русского национализма как такового, сотрудничал в различных политических и общественных организациях не только с черносотенцами, но и с членами ВНС, поддерживая со многими из них добрые отношения. Поэтому в своих статьях, обращенных к русским националистам, он лишь предостерегал их от крайностей и копирования опыта далеких от церкви западноевропейских националистов, поставивших нацию на место Бога, противопоставляя национализму «эгоистическому», национализм «истинный», подчиненный религиозному идеалу и отстаивающий самобытность русской жизни.

Видя в национализме нового образца немало тревожных симптомов, некоторые православные пастыри считали это «болезнью роста» и надеялись, что члены ВНС и близких ему организаций, прислушавшись к голосу Церкви, со временем направят свою деятельность в традиционное для русского консерватизма русло. «Партия националистов еще молодая, — писал священник В. М. Пестряков, — по некоторым вопросам может вызывать сомнения, так как не успела еще высказаться, но одно ясно, *что киевские националисты — это умеренные правые, тяготеют они больше к правым, чем к октябристам; передовые их представители — правые, определенно и не раз себя заявившие таковыми, и, нам думается, сойтись с ними вполне возможно ...*» [Пестряков, 1912а, с. 14]. Секретарь Подольской духовной консистории В. В. Соколовский, симпатизировавший русским националистам, призывал их обратить свое внимание «на православно-русское духовенство,

в котором, как ни в одном сословии, течет, в сущности, самая чистая национальная русская кровь и которое всегда твердо стояло за основные устои нашей государственности» [Сос-кий, 1911, 5 января]. «Здесь, — указывал он лидерам ВНС, — <...> можно найти наилучших проводников идей национализма от наиболее крупных центров до самых глухих уголков обширного нашего государства. И если почему-либо эти естественные проводники идей русского национализма окажутся в забвении, в стороне, будут игнорированы, наше национально-русское дело потеряет много ...» [Там же].

4. Заключение

Единой позиции в Православной российской церкви относительно правого движения в России начала XX века не существовало. Среди духовенства были как сторонники, так и противники черносотенных союзов и организаций русских националистов. Однако за редким исключением представители консервативного большинства в той или иной степени выказывали поддержку силам, вставшим в кризисный момент на защиту Православной церкви, царского самодержавия и русской народности. Важную роль играло и то, что из всех политических сил, вышедших в начале XX века на политическую арену, только правые акцентировали свою верность Православной церкви, отводя ей в своих программах особое место. Но если часть духовенства органически сливалась с черносотенным движением, принимая на себя роль его вождей, наставников и покровителей, то были в церковной среде и те, кто выступал против вовлечения священства в политику, видя в этом «принижение» его призвания. Отмежевывались от правых и те, кто не разделял их политических взглядов и считал черносотенцев компрометирующими церковь в глазах широких кругов образованной части общества. При этом не только противникам, но и сторонникам черносотенного движения из среды православного духовенства были видны «язвы» правых, однако отсутствие в дни Первой российской революции других массовых политических сил, готовых защищать церковные интересы, заставляло многих из них мириться с имеющимися недостатками. Возникновение более умеренной партии русских националистов, пользовавшейся поддержкой П. А. Столыпина и свободной от обвинений в причастности к эксцессам гражданского противостояния 1905—1907 годов, заставило часть политически активного духовенства обратить внимание на эту более respectable политическую структуру. Однако, несмотря на лояльное отношение русских националистов к церкви, многие видные епископы и священники были озабочены заметной вестернизацией и секуляризацией русского национализма, приводивших к отходу его

идеологов и последователей от основ православного вероучения и церковного мировоззрения. Последнее обстоятельство заставляло консервативно настроенных пастырей обращать внимание на эту проблему и пытаться воздействовать на националистов в церковном плане, стремясь подчинить идеологию русского национализма религиозному идеалу.

Источники

1. *Андрей (Ухтомский)*. О православных инородцах / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1910. — 23 марта.
2. *Андрей (Ухтомский)*. Речь перед молебном в Казанском «Русском собрании» 6 декабря 1906 года / Андрей (Ухтомский) // Черносотенец : газета. — 1906. — 14 декабря.
3. *Андроник (Никольский)*. Беседы о «Союзе русского народа» / Андроник (Никольский). — Старая Русса : Типография Н. Г. Осипова, 1909. — 23 с.
4. *Буткевич Т. И.* Задачи русского народного самосознания / Т. И. Буткевич // Колокол : газета. — 1911. — 9 февраля.
5. *Вниманию духовенства* // Вятские епархиальные ведомости. — 1910. — № 51—52. — С. 1508—1510.
6. *Всероссийский национальный союз. Русским избирателям* // Киевские епархиальные ведомости. — 1912а. — № 31. — С. 435—437.
7. *Выборщик*. Духовенству перед выборами в Государственную думу // Орловские епархиальные ведомости. — 1912. — № 21. — С. 589—602.
8. *Г. Е.* Где же выход? / Г. Е. // Кишиневские епархиальные ведомости. — 1907. — № 45. — С. 1561—1564.
9. *Достойная оценка* // Орловские епархиальные ведомости. — 1912. — № 19. — С. 537—541.
10. *Друзья и враги духовенства* // Колокол : газета. — 1912. — 21 февраля.
11. *Думское духовенство* // Смоленские епархиальные ведомости. — 1913. — № 2. — С. 146.
12. *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни / Евлогий (Георгиевский). — Москва : Московский рабочий, 1994. — 622 с.
13. *Известия* из церковно-общественной жизни // Енисейские епархиальные ведомости. — 1912. — № 14. — С. 26—33.
14. *Илиодор (Труфанов)*. Правда о Союзе русского народа, Союзе русских людей и др. монархических партиях / Илиодор (Труфанов). — Одесса : Одесский союз русских людей, 1907. — 16 с.
15. *Ковалевский П. И.* Библия и нравственность. 14-е издание / П. И. Ковалевский. — Петроград : Типография М. И. Акинфиева, 1916. — 62 с.
16. *Лашков И.* Несколько слов о «Союзе русского народа» / И. Лашков // Холмская церковная жизнь. — 1907. — № 2. — С. 47—49.
17. *М-ский И.* Политическое обозрение. III. Русский «национализм» / И. М-ский // Голос церкви. — 1912. — № 2. — С. 181—184.
18. *Националисты* в 3-ей Государственной думе. — Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1912. — 327 с.
19. *Нечто* о великом нашем недоразумении // Архангельские епархиальные ведомости. — 1907. — № 16. — С. 506—509.

20. *Никон* (Рождественский). Мои дневники / *Никон* (Рождественский). — Выпуск 3. — Сергиев Посад : Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. — 191 с.
21. *Никон* (Рождественский). Мои дневники / *Никон* (Рождественский). — Выпуск 6. — Сергиев Посад : Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. — 189 с.
22. *О предстоящих выборах в Государственную думу. В других епархиях* // Астраханские епархиальные ведомости. — 1912. — № 13. — С. 362—364.
23. *Пастырское собрание отцов-депутатов Курского епархиального съезда духовенства* // Курские епархиальные ведомости. — 1912. — № 6. — С. 84—92.
24. *Перед выборами в Государственную думу* // Екатеринбургские епархиальные ведомости. — 1912. — № 40. — С. 975.
25. *Пестряков В. М.* К предстоящим выборам в 4 Государственную думу от Киевской губернии / *В. М. Пестряков* // Киевские епархиальные ведомости. — 1912а. — № 1. — С. 12—15.
26. *Пестряков В. М.* Национализм и русское православное духовенство / *В. М. Пестряков* // Руководство для сельских пастырей. — 1912б. — № 4. — С. 95—101.
27. *Ржечицкий В.* О русском национальном союзе / *В. Ржечицкий* // Минские епархиальные ведомости. — 1908. — № 9. — С. 235—239.
28. *Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский.* Статьи 1905—1918 гг., документы и воспоминания / сост. *Н. И. Колева, Л. Е. Сикорская.* — Москва : Братонезж, 2019. — 576 с.
29. *Сок-ский В. В.* Пути насаждения национально-русского самосознания в нашем народе / *В. В. Соколовский* // Подолия : газета. — 1911. — 5 января.
30. *Торжественное открытие в Полтаве отдела Всероссийского национального союза* // Полтавские епархиальные ведомости. — 1911. — № 33. — С. 2321—2323.
31. *Трифильев А. К.* О собственном достоинстве и сословной чести. (Предвыборные мысли избирателя) / *А. К. Трифильев* // Екатеринославские епархиальные ведомости. — 1912. — № 18. — Приложение. — Листок 1. — С. 4—19.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбарцумов И. В.* Священник Николай Гепецкий — русский националист и защитник церковных интересов в Государственной думе / *И. В. Амбарцумов* // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 208—225. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-8-208-225.
2. *Ивакин Г. А.* Историография черносотенного движения : этапы становления / *Г. А. Ивакин* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2011. — № 3—4. — С. 397—408.
3. *Иванов А. А.* Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. / *А. А. Иванов, А. А. Чемакин* // Вопросы истории. — 2018. — № 9. — С. 153—166.
4. *Иванов А. А.* Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против «язычествующего» национализма М. О. Меншикова / *А. А. Иванов* // Христианское чтение. — 2019а. — № 4. — С. 193—206. — DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10078
5. *Иванов А. А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) / *А. А. Иванов* // Русин. — 2019б. — № 58. — С. 58—78. — DOI: 10.17223/18572685/58/5.
6. *Кандидов Б. П.* Крестом и нагайкой. (Почаевская лавра и черносотенное движение) / *Б. П. Кандидов.* — Москва : Безбожник, 1928. — 39 с.

7. *Карпухин Д. В.* Черная сотня : веки осмысления в России / Д. В. Карпухин. — Москва : МГОУ, 2009. — 387 с.
8. *Кириянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911—1917 / Ю. И. Кириянов. — Москва: РОССПЭН, 2001. — 464 с.
9. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия : Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 528 с.
10. *Лисюнин В., прот.* Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (по материалам Тамбовской епархии) / В. Лисюнин // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 23. — № 172. — С. 151—160.
11. *Мошненко А. В.* Православное духовенство и Союз русского народа : проблемы взаимоотношений / А. В. Мошненко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История». — 2014. — № 4 (28). — С. 14—22. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.2>.
12. *Омельяничук И. В.* Правые партии, власть и церковь в 1905—1914 гг. (на примере Владимирской губернии) / И. В. Омельяничук // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. — 2017. — № 2 (14). — С. 15—31.
13. *Омельяничук И. В.* Правые партии и православное духовенство в 1905—1914 гг. (на примере Владимирской губернии) / И. В. Омельяничук // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. — 2019. — Выпуск 87. — С. 23—39. — DOI: [10.15382/sturI201987.23-39](https://doi.org/10.15382/sturI201987.23-39).
14. *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914) / И. В. Омельяничук. — Киев : МАУП, 2006. — 744 с.
15. *Орлов А. С.* Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М. О. Меньшикова до начала работы в «Новом времени» : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. С. Орлов. — Орел, 2015. — 207 с.
16. *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности / А. В. Репников. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 527 с.
17. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе / В. Рожков. — Москва : Издательство Крутицкого подворья, 2004. — 560 с.
18. *Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917) / С. М. Санькова. — Орел : Издатель Светлана Зенина, 2006. — 370 с.
19. *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России / С. А. Степанов. — Москва : Яуза-пресс, 2013. — 672 с.
20. *Стукалов П. Б.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX — начале XX века : Всероссийский национальный союз и его идеологи / П. Б. Стукалов. — Воронеж : Воронежский институт ФСИН России, 2011. — 175 с.
21. *Федевич К. К.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905—1917 роки) / К. К. Федевич, К. І. Федевич. — Київ : Критика, 2017. — 308 с.
22. *Чемакин А. А.* Священники-черносотенцы между русским и украинским национализмом : на примере архиепископов Алексия (Дородницына), Агапита (Вишневого)

и протоиерея Нестора Шараевского / А. А. Чемакин // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 1. — С. 335—354.

ORTHODOX CLERGY AND RIGHT-WING POLITICAL MOVEMENTS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY: CHURCH PRESS¹

© **Andrey A. Ivanov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, Scopus Author ID 56995528600, ResearcherID O-2946-2016, Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

The question of the attitude of the Orthodox Russian clergy to the right-wing political parties at the beginning of the 20th century — the Black Hundreds (the Union of the Russian People, the Russian People's Union named after Mikhail Archangel, etc.) and Russian nationalists (the All-Russian National Union and related organizations) is considered. The novelty of the research is seen in the introduction into scientific circulation of new sources (materials of the church press), which make it possible to make a number of significant clarifications in the existing ideas about the relationship between the Orthodox Church and right-wing political organizations. Particular attention is paid to the differences in the views of clergymen on the Black Hundred unions and political structures of Russian nationalists. The reasons for the cooperation of conservative Orthodox pastors with the Black Hundred unions and organizations of Russian nationalists and the circumstances that forced the clergy to show concern for the views and activities of right-wing parties are shown. It is argued that the secularization and Westernization of Russian nationalism, which led to the departure of its ideologists and followers from the foundations of the Orthodox doctrine and church worldview, became the main reasons for the wary attitude of church circles towards the political organizations of Russian nationalists.

Key words: Orthodox Russian Church; Orthodox clergy; right-wing parties; Black Hundreds; monarchists; Russian nationalists; Russian nationalism; Union of the Russian people; All-Russian National Union.

MATERIAL RESOURCES

- Andrey (Ukhtomskiy). (1910). O pravoslavnykh inorodtsakh [About Orthodox foreigners]. *Kazanskiy telegraf: gazeta* [Kazan Telegraph: newspaper]. 23 marta. (In Russ.).
- Andrey (Ukhtomskiy). (1906.). Rech' pered molebnom v Kazanskom «Russkom sobranii» 6 dekabrya 1906 goda [Speech before the prayer service in the Kazan “Russian Assembly” on December 6, 1906]. *Chernosotenets: gazeta* [Black hundreds: the newspaper]. 14 dekabrya. (In Russ.).
- Andronik (Nikolskiy). (1909). *Besedy o «Soyuze russkogo naroda»* [Conversations about the “Union of the Russian People”]. Staraya Russa: Tipografiya N. G. Osipova. 23 p. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 20-09-00105 “Political parties of Russia at the beginning of the XX century”.

- Butkevich, T. I. (1911). Zadachi russkogo narodnogo samosoznaniya [Tasks of Russian national self-consciousness]. *Kolokol: gazeta* [Bell: newspaper]. 9 fevralya (In Russ.).
- Dostoy'naya otsenka [Worthy assessment]. (1912). *Orlovskiy eparkhialnyye vedomosti* [Orel Diocesan vedomosti], 19: 537—541. (In Russ.).
- Druzya i vragi dukhovenstva [Friends and enemies of the clergy]. (1912). *Kolokol: gazeta* [Bell: newspaper]. 21 fevralya. (In Russ.).
- Dumskoye dukhovenstvo [Duma clergy]. (1913). *Smolenskiye eparkhialnyye vedomosti* [Smolensk Diocesan Vedomosti], 2: 146. (In Russ.).
- Evlogiy (Georgiyevskiy). (1994). In: *Put' moyey zhizni* [The path of my life]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 622 p. (In Russ.).
- G. E. Gde zhe vykhod? [Where is the exit?]. (1907). *Kishinevskiy eparkhialnyye vedomosti* [Kishinev diocesan vedomosti], 45: 1561—1564. (In Russ.).
- Iliodor (Trufanov). (1907). *Pravda o Soyuze russkogo naroda, Soyuze russkikh lyudey i dr. monarkhicheskikh partiyakh* [Russian Russian Peoples Union, the Union of Russian People, and other monarchical parties]. Odessa: Odesskiy soyuz russkikh lyudey. 16 p. (In Russ.).
- Izvestiya iz tserkovno-obshchestvennoy zhizni [News from church and public life]. (1912). *Eniseyskiye yeparkhialnyye vedomosti* [The Yenisei eparchial sheets], 14: 26—33. (In Russ.).
- Kovalevskiy, P. I. (1916). *Bibliya i npravstvennost'. 14-ye izdaniye* [The Bible and morality. 14th edition]. Petrograd: Tipografiya M. I. Akinfieva. 62 p. (In Russ.).
- Lashkov, I. (1907). Neskolko slov o «Soyuze russkogo naroda» [A few words about the “Union of the Russian people”]. *Kholm'skaya tserkovnaya zhizn'* [Kholm'skaya tserkovnaya zhizn'], 2: 47—49. (In Russ.).
- M-skiy, I. (1912). Politicheskoye obozreniye. III. Russkiy «natsionalizm» [Political review. III. Russian “nationalism”]. *Golos tserkvi* [Voice of the Church], 2: 181—184. (In Russ.).
- Natsionalisty v 3-ey Gosudarstvennoy dume* [Nationalists in the 3rd State Duma]. (1912). Sankt-Peterburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 327 p. (In Russ.).
- Nechto o velikom nashem nedorazumenii [Something about our great misunderstanding]. (1907). *Arkhangelskiye eparkhialnyye vedomosti* [Arkhangelsk Diocesan Vedomosti], 16: 506—509. (In Russ.).
- Nikon (Rozhdestvenskiy). (1915). *Moi dnevniki* [My diaries], 6. Sergiyev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 189 p. (In Russ.).
- Nikon (Rozhdestvenskiy). (1916). *Moi dnevniki* [My diaries], 3. Sergiyev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 191 p. (In Russ.).
- O predstoyashchikh vyborakh v Gosudarstvennuyu dumu. V drugikh eparkhiyakh [On the upcoming elections to the State Duma. In other dioceses]. (1912). *Astrakhanskiye eparkhialnyye vedomosti* [Astrakhan diocesan vedomosti], 13: 362—364. (In Russ.).
- Pastyrskoye sobraniye otsov-deputatov Kurskogo eparkhialnogo syezda dukhovenstva [Pastoral assembly of fathers-deputies of the Kursk diocesan congress of clergy]. (1912). *Kurskiye eparkhialnyye vedomosti* [Kursk Diocesan Vedomosti], 6: 84—92. (In Russ.).
- Pered vyborami v Gosudarstvennuyu dumu [Before the elections to the State Duma]. (1912). *Ekaterinburgskiy eparkhialnyye vedomosti* [Yekaterinburg Diocesan Vedomosti], 40: 975. (In Russ.).

- Pestryakov, V. M. (1912). K predstoyashchim vyboram v 4 Gosudarstvennyuyu dumu ot Kiyevskoy gubernii [To the upcoming elections to the 4th State Duma from the Kiev province]. *Kiyevskiy eparkhialnyye vedomosti* [Kiev Diocesan vedomosti], 1: 12—15. (In Russ.).
- Pestryakov, V. M. (1912). Natsionalizm i russkoye pravoslavnoye dukhovenstvo [Nationalism and Russian Orthodox clergy]. *Rukovodstvo dlya selskikh pastyrey* [Guide for rural pastors], 4: 95—101. (In Russ.).
- Rzhechitskiy, V. (1908). O russkom natsionalnom soyuze [On the Russian national Union]. *Minskiye eparkhialnyye vedomosti* [Minsk diocesan Bulletin], 9: 235—239. (In Russ.).
- Sok-skiy, V. V. (1911). Puti nasazhdeniya natsionalno-russkogo samosoznaniya v nashem narode [Ways of planting national-Russian self-consciousness in our people]. *Podoliya: gazeta* [Podolia: gazeta], 5 yanvarya. (In Russ.).
- Svyashchennomuchenik Andrey, arkhiepiskop Ufimskiy. *Statyi 1905—1918 gg., dokumenty i vospominaniya* [Holy Martyr Andrew, Archbishop of Ufa. Articles of 1905—1918, documents and memoirs]. (2019). Moskva: Bratonezh. 576 p. (In Russ.).
- Torzhestvennoye otkrytiye v Poltave otdela Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza [The grand opening in Poltava of the department of the All-Russian National Union]. (1911). *Poltavskiy eparkhialnyye vedomosti* [Poltava Diocesan Vedomosti], 33: 2321—2323. (In Russ.).
- Trifilyev, A. K. (1912). O sobstvennom dostoinstve i soslovnoy chesti (Predvybornyye mysl'i izbiratelya) [About his own dignity and class honor (Pre-election thoughts of the voter)]. *Ekaterinoslavskiy eparkhialnyye vedomosti* [Ekaterinoslav diocesan Bulletin], 18: 4—19. (In Russ.).
- Vnimanuyu dukhovenstva [To the attention of the clergy]. (1910). *Vyatskiye eparkhialnyye vedomosti* [Vyatka Diocesan Gazette], 51—52: 1508—1510. (In Russ.).
- Vserossiyskiy natsionalnyy soyuz. Russkim izbiratelyam [All-Russian National Union. Russian voters]. (1912). *Kiyevskiy eparkhialnyye vedomosti* [The Kiev diocesan Bulletin], 31: 435—437. (In Russ.).
- Vyborshchik. Dukhovenstvu pred vyborami v Gosudarstvennyuyu dumu [The elector. To the clergy before the elections to the State Duma]. (1912). *Orlovskiy eparkhialnyye vedomosti* [Oryol Diocesan Vedomosti], 21: 589—602. (In Russ.).

REFERENCES

- Ambartsumov, I. V. (2019). Svyashchennik Nikolay Gepetskiy — russkiy natsionalist i zashchitnik tserkovnykh interesov v Gosudarstvennoy dume [Priest Nikolai Gepetsky — Russian nationalist and defender of church interests in the State Duma]. *Scientific Dialogue*, 8: 208—225. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-208-225. (In Russ.).
- Chemakin, A. A. (2020). Svyashchenniki-chnosotentsy mezhdru russkim i ukrainskim natsionalizmom: na primere arkhiepiskopov Aleksiya (Dorodnitsyna), Agapita (Vishnevskogo) i protoiyereya Nestora Sharayevskogo [Priests-Black Hundreds between Russian and Ukrainian nationalism: on the example of Archbishops Alexy (Dorodnitsyn), Agapit (Vishnevsky) and Archpriest Nestor Sharaevsky]. *Tetrad'i po konservativizmu* [Notebooks on conservatism], 1: 335—354. (In Russ.).

- Fedevich, K. K., Fedevich, K. I. (2017). *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosyyski monarkhisti i ukrainskiy natsionalniy rukh (1905—1917 roki)* [For the World, Tsar i Kobzar. Little Russian monarchist i ukrainski natsionalny rukh (1905—1917 roki)]. Kiiv: Kritika. 308 p. (In Russ.).
- Ivakin, G. A. (2011). Istoriografiya chernosotennogo dvizheniya: etapy stanovleniya [Historiography of the Black Hundred movement: stages of formation]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad], 3—4: 397—408. (In Russ.).
- Ivanov, A. A., Chemakin, A. A. (2018). Pravoslavnoye dukhovenstvo i russkiy natsionalizm v nachale XX v. [Orthodox clergy and Russian nationalism at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 9: 153—166. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2019). Pravoslavny konservatizm arkhiepiskopa Nikona (Rozhdestvenskogo) protiv «yazychestvuyushchego» natsionalizma M. O. Menshikova [Orthodox conservatism of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) against the “pagan” nationalism of M. O. Menshikov]. *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading], 4: 193—206. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10078. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2019). Problematika russkogo natsionalizma v statyakh i propovedyakh mitropolita Antoniya (Khrapovitskogo) [Russian nationalism in the articles and sermons of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky)]. *Rusin* [Rusin], 58: 58—78. DOI: 10.17223/18572685/58/5. (In Russ.).
- Kandidov, B. P. (1928). *Krestom i nagaykoy. (Pochayevskaya lavra i chernosotennoye dvizheniye)* [Cross and whip. (Pochaiv monastery and the black hundred movement)]. Moskva: Bezbozhnik. 39 p. (In Russ.).
- Karpukhin, D. V. (2009). *Chernaya sotnya: vekhi osmysleniya v Rossii* [Black Hundred: milestones of understanding in Russia]. Moskva: MGOU. 387 p. (In Russ.).
- Kiryakov, Yu. I. (2001). *Pravye partii v Rossii. 1911—1917* [Right parties in Russia. 1911—1917]. Moskva: ROSSPEN. 464 p. (In Russ.).
- Kotsyubinskiy, D. A. (2001). *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdeniye i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza* [Russian nationalism at the beginning of the XX century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moskva: ROSSPEN. 528 p. (In Russ.).
- Lisyunin, V., prot. (2018). Konservativnoye pravoslavnoye dukhovenstvo kak obshchestvenno-politicheskaya sila v nachale XX veka (po materialam Tambovskoy yeparkhii) [Conservative Orthodox clergy as a socio-political force at the beginning of the XX century (based on the materials of the Tambov Diocese)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series of Humanitarian Sciences], 23 (172): 151—160. (In Russ.).
- Moshnenko, A. V. (2014). Pravoslavnoye dukhovenstvo i Soyuz russkogo naroda: problemy vzaimootnosheniy [Orthodox clergy and the Union of the Russian People: problems of relations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 «Istoriya»* [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4 “The Story”], 4 (28): 14—22. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.2>. (In Russ.).
- Omelyanchuk, I. V. (2006). *Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901—1914)* [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901—1914)]. Kiyev: MAUP. 744 p. (In Russ.).

- Omelyanchuk, I. V. (2017). Pravyye partii, vlast' i tserkov' v 1905—1914 gg. (na primere Vladimirskoy gubernii) [Right-wing parties, power and the Church in 1905—1914. (on the example of the Vladimir province)]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Vladimir State University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2 (14): 15—31. (In Russ.).
- Omelyanchuk, I. V. (2019). Pravyye partii i pravoslavnoye dukhovenstvo v 1905—1914 gg. (na primere Vladimirskoy gubernii) [Right-wing parties and Orthodox clergy in 1905—1914. (on the example of the Vladimir province)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of PSTSU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 87: 23—39. DOI: 10.15382/sturII201987.23-39. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (2015). *Intellektualnaya biografiya, sotsialno-filosofskiy vzglyad i publitsicheskaya deyatel'nost' M. O. Menshikova do nachala raboty v «Novom vremeni»*. PhD. Diss. [Intellectual biography, socio-philosophical views and publicistic activity of M. O. Menshikov before the beginning of work in the “New Time”. PhD. Diss.]. Orel. 207 p. (In Russ.).
- Repnikov, A. V. (2014). *Konservativnyye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative models of Russian statehood]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 527 p. (In Russ.).
- Rozhkov, V., prot. (2004). *Tserkovnyye voprosy v Gosudarstvennoy dume* [Church issues in the State Duma]. Moskva: Izdatelstvo Krutitskogo podvorya. 560 p. (In Russ.).
- Sankova, S. M. (2006). *Russkaya partiya v Rossii. Obrazovaniye i deyatel'nost' Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza (1908—1917)* [The Russian Party in Russia. Education and activity of the All-Russian National Union (1908—1917)]. Orel: Izdatel' Svetlana Zenina. 370 p. (In Russ.).
- Stepanov, S. A. (2013). *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii* [Black Hundred. What they did for the greatness of Russia]. Moskva: Yauza-press. 672 p. (In Russ.).
- Stukalov, P. B. (2011). *Politicheskiye i pravovyye ucheniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: Vserossiyskiy natsionalnyy soyuz i yego ideologi* [Political and legal doctrines in Russia in the second half of the XIX — early XX century: All-Russian National Union and its ideologists]. Voronezh: Voronezhskiy institut FSIN Rossii. 175 p. (In Russ.).

Ларионова М. Б. Уральские чиновники в пространстве уездного города первой половины 1870-х годов (по материалам дневника слуги уральских помещиков Голубцовых) / М. Б. Ларионова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 306—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-306-319.

Larionova, M. B. (2021). Ural Officials in District Town of First Half of 1870s (Diary of a Servant of Ural Landowners Golubtsov). *Nauchnyi dialog*, 1: 306-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-306-319. (In Russ.).

УДК 94(47).081+929Голубцов“1872/1875”+82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-306-319

УРАЛЬСКИЕ ЧИНОВНИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА СЛУГИ УРАЛЬСКИХ ПОМЕЩИКОВ ГОЛУБЦОВЫХ)

© Ларионова Марина Бариевна (2021), orcid.org/0000-0003-4969-0527, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), marin.lar@mail.ru.

Анализируются особенности формирования облика уездного провинциального общества на примере уральского уездного города Красноуфимска Пермской губернии. Рассматриваются факторы, оказавшие влияние на изменения, происходящие в чиновничьей среде в первой половине 1870-х годов, представлен состав красноуфимских уездных чиновников. Исследование осуществлено на основе данных, зафиксированных бывшим крепостным пермских помещиков Голубцовых Матвеем Андреевым в опубликованном дневнике. Глазами представителя иного сословия показаны некоторые аспекты взаимоотношений красноуфимского чиновничьего уездного общества с представителем высшего дворянского сословия В. П. Голубцовым (1832—1887). Указывается, что содержащаяся в дневнике информация свидетельствует о происходящих в обществе изменениях, связанных с размыванием его состава и ослаблением влияния чиновников в пространстве уездного города, когда меняется содержательная составляющая сформировавшихся ранее традиций путем привнесения новых моделей поведения представителями иных сословий. Актуальность исследования видится в важности изучения социокультурного пространства уездного провинциального города вообще и уральского в частности, имевшего свои специфические черты, оказавшие влияние на формирование городского общества. Делается вывод, что хотя показаны только некоторые социокультурные аспекты жизни провинциального общества, но их выявление и изучение помогут понять, какие важные процессы происходили в социуме в пореформенный период.

Ключевые слова: Урал; Пермская губерния; Красноуфимск; уездные чиновники; Голубцовы; социокультурное пространство уездного города.

1. Введение

Интерес к социокультурному пространству провинциального города не случаен, он связан с антропологическим поворотом в мировом гуманитарном знании и пониманием того, что история — это не только «государствен-

ная политика и столичный социум», но еще и «пространство российской провинции» [Горбунова]. Его неотъемлемой частью являлся уездный город, новый тип которого сложился в конце XVIII — первой половине XIX веков [Ершов, 2015; Маслова; Миненко и др., 2006; Смахтина, 2008; Смирнова, 2006; Шестаков, 2015 и др.], реформы же второй половины XIX века внесли определенные изменения в пространство уездного города [Бутусова, 2006; Гусева, 2012; Казакова-Апкаримова, 2011; Кобозева, 2014; Любина, 1998; Шатохин, 2015 и др.]. Исключением не стали и уездные города Пермской губернии, на формирование социокультурного пространства которых оказывали влияние ряд факторов, характерных для уральских губерний [Алеврас, 2009]. В частности, в Пермской губернии из-за малочисленности местного дворянства отсутствовали губернский и уездные предводители дворянства [Ларионова, 2013]. Роль последних в пространстве уездного города была огромной. Связано это было с тем, что административная система Российской империи не предусматривала единого руководителя и единой администрации на уездном уровне (в отличие от губернского). Уездный предводитель, член и председатель большинства уездных учреждений, оказывался связующим звеном между разрозненными организациями и де-факто главой уезда. Отсутствие единого руководителя уезда привело к тому, что, по сути, в уездных городах Пермской губернии не было лидера, руководителя, который отвечал бы за стратегию развития уезда и уездных городов. Упразднение должности городничего Указом от 25 декабря 1862 года углубило наблюдавшуюся в уездных городах Пермской губернии разобщенность между разными группами населения и привело к усилению роли уездного или городского полицейских управлений.

Земские и судебные реформы в Пермской губернии осуществлялись позже и пришлось на первую половину 1870-х годов: только в мае 1870 года во всех уездах состоялась чрезвычайные земские собрания, на которых были сформированы составы уездных земских управ, а в июне открылось губернское земское собрание. Формирование земских органов самоуправления шло одновременно с формированием новой системы управления городом: в 1870 году было принято новое Городовое положение, в соответствии с которым вводились городская Дума, городская управа и должность городской головы [Казакова-Апкаримова, 2011]. Наконец, только в 1874 году в уездах Пермской губернии были введены мировые суды и съезды мировых судей.

2. Краснофимск как типичный уездный город Пермской губернии

Одним из типичных уездных городов Пермской губернии был Краснофимск, основанный в 1736 году как крепость. В 1781 году он стал

уездным городом Пермской губернии, принадлежал, как писал пермский краевед Н. К. Чупин, «к числу маленьких городков, бедных, неторговых, непромышленных, каких много у нас на Руси» [Чупин, 1878, с. 123]. В 1869 году в уездном городе Красноуфимске, согласно официальным данным, проживали 3278 человек, было выстроено 758 домов, имелась одна церковь [Красноуфимск ...]. Пермский корреспондент И. Змеев в Пермских губернских ведомостях в 1872 году опубликовал заметку про город, в частности, он писал следующее: «Красноуфимск — небольшой уездный город <...> В нем одна каменная церковь, недавно выкрашенная желтою краскою, 5 каменных домов, в том числе одно здание казенное, занимаемое тюрьмою; остальные постройки деревянные и за самыми редкими исключениями самой незатейливой архитектуры. Всех домов и домиков, т. е. отдельных дворов или жилищ, в Красноуфимске считается около 450, вмещающих в себе 3500 жителей <...> Достигнув центра, на главной улице только можно заметить скромные вывески присутственных мест, 2—3 лавок и питейных заведений (последних впрочем не мало и на оконечностях, где они, кроме вывесок, украшены ёлками); далее, на площади около церкви, взорам вашим открывается ряд (до 12) старинных низеньких лавок, крыша которых во многих местах починена новым тесом, отчего кажется пёстрою: это гостиный двор. С левой стороны этих лавок, в контраст им, в большом красивом доме, под огромною разрисованною вывескою, помещается обширная лавка с разнородными товарами, служащая для красноуфимцев модным магазином, с другой-же — правой стороны лавок величественно и мрачно возвышается казенное каменное здание тюрьмы с одним деревянным и другим каменным флигелями, занимаемыми: 1-й тюремною больницею, и 2-й казначейством. Затем по берегу Уфы тянутся два квартала более или менее порядочных деревянных домов, принадлежащих преимущественно отставным чиновникам или их женам и торговцам, а там опять лачуги, бани, изгороди ...» [Там же] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Население уездного города составляли не только русские. В уезде жили башкиры, татары, черемисы, мещеряки, а в самом городе — казаки. Пермский журналист И. Змеев дал характеристику и красноуфимскому обществу: «Все это население, — отмечал он, — состоит большею частию из мещан; затем в состав его входит не мало отставных и безсрочно-отпускных солдат, по большей части имеющих свои дома и занимающихся ремеслами и торговлею, немного купцов, отставных и служащих чиновников с их семействами. Мещанское общество образовалось большею частию из оставшихся здесь казаков бывшей в Красноуфимске казачьей станицы

Оренбургского казачьего войска и часть из разных ссыльных ... В последнее время общество это значительно увеличилось вновь приписанными из уволенных из военного ведомства и бывших крепостных, а также и из некоторых торговцев (преимущественно питейных) из внутренних губерний: Московской, Рязанской и друг.» [Там же]. Змеев отметил, что все население преимущественно занято земледелием: «Хотя Красноуфимск город и не какой-нибудь заштатный, а уездный; но как по роду занятий и домашнему быту большинства жителей, так по внешнему и внутреннему устройству он мало походит на город, а имеет преимущественно сельский характер, так что только присутствие уездного состава чиновничества и разночинцев свидетельствует о том, что Красноуфимск есть город, но и это замечается не сразу» [Там же].

3. Состав Красноуфимского уездного чиновничества

Уездный состав чиновничества Красноуфимского уезда Пермской губернии был небольшим: это представители уездного полицейского управления в лице исправника, его помощника, старшего заседателя и секретаря; служащие уездного суда: судья, два заседателя и секретарь. Кроме того, к чиновничеству относились судебные следователи участков, на которые был поделен уезд (всего их было три). В штат администрации управления уездом входили еще и уездный казначей, стряпчий (судебный поверенный, помощник прокурора, защитник казенных интересов), врач, должность последнего была предусмотрена в двух вариантах — городской и уездный. Периодически одна из них была вакантна. Таким образом, состав уездной администрации представлен был 14—15 чиновниками, управлявшими не только уездом, но и уездным городом.

4. Матвей Андреев и его записи о Красноуфимском уездном обществе

Картину жизни уездного города Красноуфимска в первой половине 1870-х годов помогают нам воссоздать записи, сделанные Матвеем Андреевым, бывшим крепостным крестьянином, в своем дневнике в период с 1872 по 1875 годы. И хотя его записи освещают преимущественно события, происходящие в господском доме и имении пермских помещиков средней руки Голубцовых, но имеются упоминания, касающиеся и уездного города Красноуфимска, расположенного в 10 верстах от усадьбы Голубцовых, которые принимали непосредственное участие в жизни уездного города, тесно общаясь с его чиновниками [Дашкевич и др., 2015].

Хозяин имения, Владимир Платонович Голубцов (1832—1887), в тот период занимался делами имения, жил в родовой вотчине и, несмотря на

свои частые отъезды в центральные губернии, принимал активное участие в общественной и культурной жизни Красноуфимского уезда, возглавляя на протяжении длительного периода уездные земские собрания. Был он и членом различных комиссий, уездным мировым судьей (см. об этом: [Попп, 2014]), председателем уездного съезда землевладельцев и т. д.

5. Визиты как часть социокультурных событий уездного общества

Из дневника следует, что среди уездных чиновников были распространены визиты, которые «вошли в провинциальную моду еще в 1780-е гг.» [Жуковская] и являлись неотъемлемой составляющей повседневной жизни представителей высшего сословия. Визиты были не только деловыми. Так, В. П. Голубцов, посещая город, всегда заезжал к представителям чиновного мира уездного городка: исправнику, стряпчему (пока не упразднили эту должность), судье и проч. Например, 18 августа 1872 года Голубцов после завтрака в город поехал один, «были у исправника, Сведомского, Юмашева, протопопа, судьи. Приехали домой [в] ½ 8[-го] часа» [Дневник, 2013, с. 107], а 17 января 1873 года «барин со мной, — указывал Матвей Андреев, — ездили в Красноуфимск. Были у Юмашева и на его экипаже по городу к протопопу, исправнику и Сведомскому ...» [Там же, с. 129]; через месяц, 11 февраля 1873 года, снова запись: «Барин в город Красноуфимск ездили со мной, были у Юмашева, у стряпчего, исправника, Сведомского, Бедлинского, Ущиповского» [Там же, с. 135]; 2 ноября 1873 года Владимир Платонович «приехали к Юмашеву, от Юмашева на его лошадях к Симанову, к Скачкову, к исправнику, Сведомскому и вернулись [к] Юмашеву» [Там же, с. 195], а 23 июля 1874 года «в 12 часов барин ездили в город со мной и сделали в оном 14 визитов» [Там же, с. 245]; наконец, 30 июня 1875 года «в городе были с визитами у мир[ового] посредника Варушкина, у казначея, у полковника, у протопопа, у Скачкова, у Сведомского» [Там же, с. 341]. Это только часть записей, свидетельствующая о широко распространенной в высших кругах общества традиции нанесения визитов, что было заимствовано и красноуфимским провинциальным обществом. Записи свидетельствуют, что предпочитал общение В. П. Голубцов с коллежским секретарем, мировым посредником Красноуфимского уезда Григорием Ефимовичем Юмашевым (1835—1874), к которому всегда, бывая в городе, заезжал, пользовался его лошадьми и даже, хоть и редко, но оставался ночевать («К Юмашеву приехали, и там барин облачились в мундир, крест, шпагу, и знак, т. е. ц[епь] миров[ого] судьи. А оттуда в мировой съезд, оттуда меня отпустили»; «Как и всегда, у Юмашевых остановились, — писал Матвей Андреев, — рюмку водки выпили, переоделись и пошли в камеру мирового судьи» [Там же, с. 218,

220)]. Григорий Ефимович происходил из древнего рязанского дворянского рода и, очевидно, отличался от иных представителей уездного города и по интересам был ближе всего к Голубцову. Часто общался Голубцов и с коллежским советником, стряпчим, а затем мировым судьей Красноуфимского уезда Иваном Александровичем Сведомским (?—1875). И Юмашев, и Сведомский не только принимали Владимира Платоновича у себя в доме, но и часто совершали визиты и в его усадьбу.

Перед праздниками Владимир Платонович посещал с визитами более широкий круг представителей уездного общества: он заезжал и к казначею, и к помощнику исправника, и к посредникам. Так, в Дневнике Матвея Андреева есть следующая запись от 27 декабря 1874 года: «Барин встали в 8 часов, позвали Андриана, приказали ему готовить лошадей в город. Мне приказали писать, а сами диктовали, куда ехать с визитами. И я написал 12 визитов. Поехали, остановились у Чистякова. Барин поехали с визитами. Были у докторов, Бедлинского, полковни[ка] Андриевск[ого], Сведомского, Скачкова. Потом домой» [Там же, с. 280], а через три дня «30 декабря 1874 г. утро[м] было 20° мороза. В 1 час барин завтракали. После завтрака мы поехали в город и на чистяковской лошади поехали с визитом. Были у казначея, капитана Никитина, посред[ника] Варушкина, Щеголькова, суд[ебного] следователя, помощника исправника, посредника Серафимова, в съезд мировых судей и у Сведомского обедали» [Там же, с. 281—282].

С открытием съезда мировых судей и земских органов самоуправления Владимир Платонович Голубцов стал посещать не только представителей уездной администрации, но и тех, с кем ему приходилось сталкиваться в ходе работы в уездном собрании и на съезде мировых судей («Я в управу ходил, барину дал знать, что готово»; «Барин поехали в управу, а оттуда в мировой съезд»; «Там барин переоделись и отправились в Съезд мировых судей»; «Барин оттуда — в мировой съезд, там дожидался г. Русанов, который должен принять присягу на поступок судебного пристава» [Там же, с. 189, 197, 207]), тем самым расширяется круг лиц, с которыми общался В. П. Голубцов, зачастую это общение было деловым, связанным с решением вопросов управления уездом.

С визитами ездили и члены семьи Владимира Платоновича, как вместе с главой семейства, так и отдельно. Например: «Барыня в 6 часов уехали, — писал Матвей Андреев 8 июня 1872 года, — в город с Александр[ом] Владимирович[ем]. Барыня были у мировици, у протопопицы. Алек[сандр] В[ладимирович] там же и у доктора, у Сорокина в лавке забрали разных мелочей» [Там же, с. 83]; 31 июля 1872 года «после обеда барин, барыня ездили в город к Юмашеву. Вернулись но[чью] в 10 часов» [Там же,

с. 99]; а 10 сентября 1872 года «барыня в Красноуфимск ездили со мной и Влади[миром] Владимировичем. Были у Юмашева, у протопопа, а Владимир Владимирович у Нагродского» [Там же, с. 113]; 20 августа 1875 года «в 11-м часу поехали бар[ин] с Вл[адимиром] Влад[имировичем] с визитами к Благовидову, к Лысогорскому, к воинскому начальнику, к Самойлову. Вернулись домой к ½ третьего часу» [Там же, с. 358].

Уездные чиновники приглашали гостей для празднования своих именин, которые сопровождалась застольем. Некоторые устраивали и балы. Так, сохранилась единственная запись о бале, который организовал в честь своего дня рождения упоминаемый выше мировой посредник Иван Александрович Сведомский. 27 января 1875 года сохранилась следующая запись: «Январь 27. Утро[м] было 16° мороза. Барин меня отправили в 10 часов к доктору, насчет совета о плече. Доктор спал. Я ¾ часа ждал его. Он проснулся. Я спросил совета. [Он] написал рецепт. Я получил лекарство. Заехал в съезд посмотреть, переходят ли или нет, к Сведомскому — сказать о случившемся. Приезжаю домой, барин совершенно здоровы и рады были случаю, чтобы отделаться от именин Сведомского, а в тот день как быть нужно было барину ехать в город к Сведомскому на бал. В 12 часов барин легли спать» [Там же, с. 291—292].

25 января 1873 года Г. Е. Юмашев отмечал свои именины. «Утро[м] было 12, ветер. Барин со мной ездили в город к Юмашеву на именины, у которого был обед на 6 персон и многие были с визитом. Барин уехали домой, а я оставался вечер служ[ить], где было гостей 35 человек» [Там же, с. 133]. 25 января 1875 года «после обеда мы поехали в город к Чистякову, остановились. Потом поехали к Котлярову, которого застали, к счастью, в здравом смысле слова “чи[с]тым”. Потом к Сведомскому, потом к Чирвинскому, котор[ый] был именинник. Потом опять к Сведомскому, которого захватили с собой и отправились к Котлярову, засвидетельствовать условие. Потом к исправни[ку], потом к протопопу, потом к Чистякову, и домой поехали» [Там же, с. 290—291].

Можно предположить, что данные празднества тяготили Владимира Платоновича, выполнив формальное обязательство поздравить знакомого, он использовал различные поводы либо раньше уйти, либо вообще не посещать их.

6. Расширение состава уездного общества и изменение традиций

Сохранившиеся записи свидетельствуют о том, что встречи сопровождалась либо чаепитием, либо закуской, либо обильными застольями. Это было и в момент простого визита, и когда был повод, например именины,

и когда завершалась работа съезда мировых судей либо происходило закрытие красноуфимского уездного земского съезда. Особым событием для уездного города стало открытие реального училища 12 августа 1875 года, которое также заканчивалось торжественным приемом и обедом, который готовил повар Голубцовых. Вот как это описал Матвей Андреев: «Барин встали в 7 часов, чай и кофе пили. В ½ 11-го часа поехали в город. У крыльца стали садиться в коляску, Буланый в дыбы, начал скакать и передней ногой зацепил за дышло, насили отцепили. Потом проехать барин приказали. И потом сели, поехали в съезд. Барин переоделись, надели мундир, шпагу и шляпу и поехали в реальное училище. Образа уже несли. Пришли певчие, пропели “Слава [Все]вышнему богу”. Потом генерал Залевский речь прочитал о[б] ас[с]игновке на училище денег. Потом молебен начался. Я ушел туда, где готовили обед для всех господ. Я скорее приступил к делу. Начал собирать закуску на отдельном столе. Скоро все поспело, и начал накрывать на стол. В гостиной — 12 человек, а в зале — 24 человека. Обедали в пять часов. Кушанья были следующие: уха стерляжья, кулебяка с визигой и рыбой, стерлядь разварная под белым соусом на куски, цветная капуста под белым соусом, цыплята под соусом, жаркое индейки, салат огурцы, пирожное сухое и мороженое фруктовое. В гостиной сидели за столом 2 генерала, один из них директор, исправник, барин, Сведомский, Владимирский, казначей, полковник Малиевский, Варушкин, Чирвинский и Скачков. За вторым столом сидели почтмейстер, П. П. Рябов, арт[инский] П. Рябов, попы Василий и Павел, дьякона 2, дьячков и псаломщ[иков] четыре, Воробьев, немец-учитель, Нютин, остр[ожный] смотритель, аптекарь и других очень много, которых я не знаю. Обед кончился в ½ 7-го часа. После обеда чай был. Барин отказались. А во время обеда и после обеда выпили шампанского 13 бутылок. Пили прежде за здоровье царя, потом за губернатора, потом за Скачкова, потом за бариново, потом за директора, потом за Чирвинского. После обеда Чирвинскому скричали, бокалы в руках, “Многие лета”, — хор певчих подхватил, а Чирвинский богу молился. Вдруг закричал: “Будет, будет, лишнее, пожалуй, попадем в пропасть”. Барин в 7 часов распрощались и отправились в съезд, где переоделись, переехали к Чистякову ...» [Там же, с. 354—355].

По сути, на открытии училища собрались самые видные представители уездного общества: это почтмейстер, председатель управы, представители религиозного культа, аптекарь, учитель, директор, исправник и многие другие — всего 36 человек.

Владимир Платонович Голубцов бесспорно пользовался авторитетом среди представителей уездного общества. Например, вернувшись из

очередной поездки в столицу, 5 ноября 1874 года он побывал в Краснофимске, заехал к исправнику, «где исправница, — писал в своем Дневнике М. Андреев, — барину говорила: “Как вы из Голубцовского уехали, так у нас весь город и даже весь уезд помутился. Потом, как вы приехали, и здесь все тише стало. Только вчера немножко у Вишня[кова] были какие-то именины, там были созданы гости и управские, в том числе Скачков, председа[тель] управы, Румянцев, член управы. Сии два суть лица сделали скандал, да какой и за что — смеху на весь город, даже на весь уезд. Скачков что-то за[в]здорил, Румянцев ему не спустил, и завязался у них кулачный бой. Скачков Румянцева ударил в брезды кулаком”. Барин сие слышат, даже у них волосы вянют слушать, очень были удивлены сим происшествием» [Там же, с. 266].

Из записи видно, что драки были редкостью, совершенно нетипичным происшествием в пространстве представителей, считающих себя элитой уездного общества, и подобные инциденты, пришедшиеся как раз на первую половину 1870-х годов, стали возможны благодаря размыванию границ этого самого общества: Скачков Иван Иванович был родом из крестьянского сословия, но на протяжении длительного периода возглавлял Краснофимскую земскую управу, закончил приходское училище, был очень «убедительным оратором, мог грамотно и логично доносить свои идеи до любого слушателя» [Хлобыстова, 2015], им действительно много было сделано для развития уезда; член земской управы Василий Михайлович Румянцев также был представителем крестьянского сообщества. Оба попали на прием только благодаря тому, что занимались местным самоуправлением. Отсутствие должного воспитания и соприкосновения с иной культурой, характерной для высшего сословия, привело к тому, что они не только не соблюдали принятые в дворянских обществах правила поведения, но и демонстрировали нормы поведения, принятые среди иных сословий.

7. Заключение

Таким образом, в первой половине 1870-х годов в уездных городах Пермской губернии происходят важные изменения, не только повлиявшие на систему управления городом, но и приведшие к всплеску активности представителей населения, способных определять направление развития уездного общества и уездного города. В то же время наблюдается ослабление влияния чиновников в пространстве уездного города. В социокультурном пространстве уездного города сохраняются сложившиеся ранее традиции (визиты, балы, обеды, застолья), но меняется содержательная

составляющая, за счет перенесения в дворянское общество моделей поведения, характерных для представителей иных сословий.

Источники и принятые сокращения

1. *Горбунова А. Н.* Роль визуальных источников в формировании представления о социокультурном облике провинциального уездного города (на примере Царицына 1867—1925 гг.) [Электронный ресурс] / А. Н. Горбунова. — Режим доступа : <http://istkonkurs.ru/raboty/2011/1360> (дата обращения 23.09.2020).

2. *Дневник* — Повседневная жизнь провинциального имения : дневник слуги уральских помещиков Голубцовых. 1872—1875 гг. / предисл., подгот. текста и коммент. М. Б. Ларионовой ; научный редактор Н. В. Суржикова. — Екатеринбург : Издательство «Квадрат», 2013. — 400 с.

3. *Жуковская Д.* Модели дворянского поведения (представление о чести службе во второй половине XVIII в.) [Электронный ресурс] / Д. Жуковская. — Режим доступа : https://historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedeniya (дата обращения 23.09.2020).

4. *Красноуфимск*, уездный город [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zz-project.ru/glossarij/1533-krasnoufimsk-uezdnyj-gorod> (дата обращения 23.09.2020).

5. *Маслова И. В.* Провинциальный уездный город Российской империи XIX — начала XX вв. : на материалах Вятской губернии [Электронный ресурс] / И. В. Маслова. — Режим доступа : <https://e-histconf2011.livejournal.com/5942.html> (дата обращения 23.09.2020).

6. *Хлобыстова Т. Е.* Скачков Иван Иванович — видный деятель Красноуфимского земства [Электронный ресурс] / Т. Е. Хлобыстова // V Мизеровские историко-краеведческие чтения. — Красноуфимск, 2015. — Режим доступа : <http://www.fnperm.ru/Shared-Files/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=3253> (дата обращения 23.09.2020).

7. *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии, составленный Н. Чупиным : Т. [1—3] / Н. К. Чупин. — Пермь : тип. Поповой, 1873—1887. — 1878. — Т. 2. — 210 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алеврас Н. Н.* Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII — начала XX века / Н. Н. Алеврас // *Magistra vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2009. — № 16 (154). — С. 26—37.

2. *Бутусова А. А.* Провинциальное чиновничество России в 1861—1917 гг. : на примере Курской губернии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Бутусова. — Курган, 2006. — 183 с.

3. *Гусева Т. М.* Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Т. М. Гусева. — Самара, 2012. — 44 с.

4. *Дашкевич Л. А.* Повседневная жизнь провинциального имения : дневник слуги уральских помещиков Голубцовых / Л. А. Дашкевич, М. Б. Ларионова, Е. Г. Неклюдов, И. В. Шалина // *Quaestio rossica*. — 2015. — № 1. — С. 255—274.

5. *Ершов М. Ф.* Социокультурная эволюция городов Северного Зауралья в дореволюционный период : сравнительный анализ / М. Ф. Ершов // *Вестник угрюдения*. — 2015. — № 4 (23). — С. 79—90.

6. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. — Екатеринбург, 2011. — 654 с.

7. Кобозева З. М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX — начале XX в. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / З. М. Кобозева. — Саратов, 2014. — 22 с.

8. Ларионова М. Б. Дворяне Пермской губернии в XVIII — начале XX века : численность, состав, земельная собственность / М. Б. Ларионова // Вестник Пермского университета. История. — 2013. — № 2 (22). — С. 18—34.

9. Любина Т. И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX — начале XX в. : автореферат ... диссертации кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. И. Любина. — Тверь, 1998. — 25 с.

10. Миненко Н. А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. — Москва : НАУКА, 2006. — 384 с. — ISBN 5-02-035153-9.

11. Попп И. А. Мировой судья Владимир Платонович Голубцов : к вопросу о деятельности почетных мировых судей / И. А. Попп // Мировой судья. — 2014. — № 10. — С. 18—23.

12. Смахтина М. В. Русское поместное дворянство в XIX в. : Эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. В. Смахтина. — Москва, 2008. — 24 с.

13. Смирнова К. К. Дворянские чиновники в уездных и земских судах Санкт-петербургской губернии (первая четверть XIX в.) / К. К. Смирнова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2006. — Т. 4, № 22. — С. 124—129.

14. Шатохин И. Т. Старое и новое в жизни провинциального чиновничества в период буржуазной модернизации Российской империи / И. Т. Шатохин, А. А. Титова // Tractus aevorum : эволюция социокультурных и политических пространств. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 88—104.

15. Шестаков М. В. Провинциальное дворянство как источник формирования местной бюрократии в XVIII — первой половине XIX в. (на примере Тамбовской губернии) / М. В. Шестаков // Актуальные вопросы общественных наук : социология, политология, философия, история. — 2015. — № 52. — С. 68—79.

URAL OFFICIALS IN DISTRICT TOWN OF FIRST HALF OF 1870s (DIARY OF A SERVANT OF URAL LANDOWNERS GOLUBTSOV)

© Marina B. Larionova (2021), orcid.org/0000-0003-4969-0527, PhD in History, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian State Vocational Pedagogical University” (Yekaterinburg, Russia), marin.lar@mail.ru.

The features of the formation of the appearance of a provincial district society are analyzed on the example of the Ural district town of Krasnoufimsk, Perm province. The factors that influenced the changes taking place in the bureaucratic environment in the first half of the 1870s are considered, the composition of Krasnoufimsk district officials is presented. The study was carried out on the basis of data recorded by the former serf of the Perm landowners Golubtsov Matvey Andreev in the published Diary. Through the eyes of a representative of a different class, some aspects of the relationship between the Krasnoufimsk bureaucratic district society and the representative of the upper noble class V. P. Golubtsov (1832—1887) are shown. It is indicated that the information contained in the Diary testifies to the changes taking place in society associated with the erosion of its composition and the weakening of the influence of officials in the space of the county town, when the content component of the previously formed traditions changes by introducing new models of behavior by representatives of other classes. The relevance of the study is seen in the importance of studying the socio-cultural space of the provincial city in general and the Ural in particular, which had its own specific features that influenced the formation of urban society. It is concluded that although only some socio-cultural aspects of the life of a provincial society are shown, their identification and study will help to better understand what important processes took place in society during the post-reform period.

Key words: Ural; Perm province; Krasnoufimsk; county officials; the Golubtsovs; socio-cultural space of the district town.

MATERIAL RESOURCES

- Chupin, N. K. (1878). *Geograficheskiy i statisticheskiy slovar' Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of the Perm province], 2. Perm': tip. Popovoy. 123. (In Russ.).
- Dnevnik — *Povsednevnyaya zhizn' provintsialnogo imeniya: dnevnik slugi uralskikh pomeshchikov Golubtsovykh. 1872—1875 gg.* [Daily life of a provincial estate: diary of a servant of the Ural landowners Golubtsov. 1872—1875]. (2013). Ekaterinburg: Izdatelstvo «Kvadrat». 400 p. (In Russ.).
- Gorbunova, A. N. *Rol' vizualnykh istochnikov v formirovaniy predstavleniya o sotsiokulturnom oblike provintsialnogo uездnogo goroda (na primere Tsaritsyna 1867—1925 gg.)* [The role of visual sources in the formation of the idea of the socio-cultural appearance of a provincial county town (on the example of Tsaritsyn 1867—1925)]. Available at: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1360> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- Khlobystova, T. E. (2015). Skachkov Ivan Ivanovich — vidnyy deyatel' Krasnoufimskogo zemstva [Skachkov Ivan Ivanovich — a prominent figure of the Krasnoufimsky zemstvo]. In: *V Mizerovskiyе istoriko-krayevedcheskiye chteniya* [V Mizerovsky historical and local lore readings]. Krasnoufimsk. Available at: <http://www.fn-perm.ru/SharedFiles/Download.aspx?pageid=2214&mid=2484&fileid=3253> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- Krasnoufimsk, uyezdnnyy gorod* [By mail, the County town]. Available at: <http://zz-project.ru/glossarij/1533-krasnoufimsk-uezdnyj-gorod> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- Maslova, I. V. *Provintsialnyy uyezdnnyy gorod Rossiyskoy imperii XIX — nachala XX vv. : na materialakh Vyatskoy gubernii* [Provincial district city of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries: on the materials of the Vyatka province]. Available at: <https://e-histconf2011.livejournal.com/5942.html> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).

Zhukovskaya, D. *Modeli dvoryanskogo povedeniya (predstavleniye o chesti sluzhbe vo vtoroy polovine XVIII v.)* [Models of noble behavior (the idea of honor service in the second half of the XVIII century)]. Available at: https://historicus.ru/modeli_dvoryanskogo_povedeniya (accessed 23.09.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Alevras, N. N. (2009). Spetsifika provintsialnogo sotsiuma dorevolutsionnogo Urala v rakurse sotsiokulturnykh protsessov XVIII — nachala XX Veka [Specificity of the provincial society of the pre-revolutionary Urals in the perspective of socio-cultural processes of the XVIII-early XX Century]. *Magistra vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* [Magistra vitae: electronic journal of historical sciences and archeology], 16 (154): 26—37. (In Russ.).
- Butusova, A. A. (2006). *Provintsialnoye chinovnichestvo Rossii v 1861—1917 gg.: na primere Kurskoy gubernii*. PhD Diss. [Provincial officialdom of Russia in 1861—1917: on the example of the Kursk province. PhD Diss.]. Kurgan. 183 p. (In Russ.).
- Dashkevich, L. A., Larionova, M. B., Neklyudov, E. G., Shalina, I. V. (2015). Povsednevnyaya zhizn' provintsialnogo imeniya: dnevnik slugi uralskikh pomeschchikov Golubtsovykh [Everyday life of a provincial estate: diary of a servant of the Ural landowners Golubtsov]. *Quaestio rossica* [Quaestio rossica], 1: 255—274. (In Russ.).
- Ershov, M. F. (2015). Sotsiokulturnaya evolyutsiya gorodov Severnogo Zauralya v dorevolutsionnyy period: sravnitelnyy analiz [Sociocultural evolution of cities of the Northern Trans-Urals in the pre-revolutionary period: comparative analysis]. *Vestnik ugrovedeniya* [Vestnik ugrovedeniya], 4 (23): 79—90. (In Russ.).
- Guseva, T. M. (2012). *Gorodskiye sosloviya i formirovaniye sotsiokulturnoy sredy uyezdnnykh gorodov Srednego Povolzhya vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Author's abstract of Doct. Diss. [Urban estates and the formation of the socio-cultural environment of the district cities of the Middle Volga region in the second half of the XIX — early XX century. Author's abstract of Doct. Diss.]. Samara. 44 p. (In Russ.).
- Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2011). *Formirovaniye sfery grazhdanskoj deyatel'nosti v ural'skom gorode vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Doct. Diss. [Formation of the sphere of civil activity in the Ural city in the second half of the XIX — early XX century. Doct. Diss.]. Ekaterinburg. 654 p. (In Russ.).
- Kobozeva, Z. M. (2014). *Meshchanskaya povsednevnost' provintsialnykh gorodov Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Author's abstract of Doct. Diss. [Meshchanskaya everyday life of provincial cities of Russia in the second half of the XIX — early XX century. Author's abstract of Doct. Diss.]. Saratov. 22 p. (In Russ.).
- Larionova, M. B. (2013). *Dvoryane Permskoy gubernii v XVIII — nachale XX veka: chislennost', sostav, zemelnaya sobstvennost'* [Nobles of the Perm province in the XVIII — early XX century: number, composition, land ownership]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], 2 (22): 18—34. (In Russ.).
- Lyubina, T. I. (1998). *Uyezdnoye chinovnichestvo Tverskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX v.* Author's abstract of PhD. Diss. [Uyezdnoe officialdom Tver province

- in the late XIX — early XX century. Author's abstract of PhD. Diss.]. Tver?. 25 p. (In Russ.).
- Minenko, N. A., Apkarimova, E. Yu., Golikova, S. V. (2006). *Povsednevnyaya zhizn' uralskogo goroda v XVIII — nachale XX v.* [Everyday life of the Ural city in the XVIII — early XX century]. Moskva: NAUKA. 384 p. ISBN 5-02-035153-9. (In Russ.).
- Popp, I. A. (2014). Mirovoy sudya Vladimir Platonovich Golubtsov: k voprosu o deyatelnosti pochetnykh mirovykh sudey [World judge Vladimir Platonovich Golubtsov: to the question of the activity of honorary world judges]. *Mirovoy sudya* [World Judge], 10: 18—23. (In Russ.).
- Smakhtina, M. V. (2008). *Russkoye pomestnoye dvoryanstvo v XIX v.: Evolyutsiya eticheskikh norm, predstavleniy i praktiki v sotsialnoy i ekonomicheskoy sferakh.* Author's abstract of PhD. Diss. [Russian local nobility in the XIX century: The evolution of ethical norms, ideas and practices in social and economic spheres. Author's abstract of PhD. Diss.]. Moskva. 24 p. (In Russ.).
- Shatokhin, I. T., Titova, A. A. (2015). Staroye i novoye v zhizni provintsialnogo chinovnichestva v period burzhuaznoy modernizatsii Rossiyskoy imperii [Old and new in the life of provincial officialdom in the period of bourgeois modernization of the Russian Empire]. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokulturnykh i politicheskikh prostranstv* [Tractus aevorum: evolution of socio-cultural and political spaces], 2 (1): 88—104. (In Russ.).
- Shestakov, M. V. (2015). Provintsialnoye dvoryanstvo kak istochnik formirovaniya mestnoy byurokratii v XVIII — pervoy polovine XIX v. (na primere Tambovskoy gubernii) [Provincial nobility as a source of formation of local bureaucracy in the XVIII — first half of the XIX century. (on the example of the Tambov province)]. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history], 52: 68—79. (In Russ.).
- Smirnova, K. K. (2006). Dvoryanskiye chinovniki v uyezdneykh i zemskikh sudakh Sankt-peterburgskoy gubernii (pervaya chetvert' XIX v.) [Noble officials in the district and zemstvo courts of the Ssankt-Petersburg province (the first quarter of the XIX century)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Herzen], 4 (22): 124—129. (In Russ.).

Магомедова З. А. Дагестанские арабоязычные эпистолярные материалы XIX — начала XX веков / З. А. Магомедова, З. Б. Ибрагимова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 320—336. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-320-336.

Magomedova, Z. A., Ibragimova, Z. B. (2021). Dagestan Arabic-Language Epistolary Materials of the 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 1*: 320-336. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-320-336. (In Russ.).

УДК 903.2:82-6(470.67)“19/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-320-336

ДАГЕСТАНСКИЕ АРАБОЯЗЫЧНЫЕ ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

© Магомедова Зейнаб Ахмеддибировна (2021), orcid.org/0000-0001-8313-1716, Researcher ID W-6401-2019, кандидат исторических наук, Отдел востоковедения, Институт истории, археологии и этнографии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Махачкала, Россия), zainab@yandex.ru.

© Ибрагимова Заира Багаудиновна (2021), orcid.org/0000-0002-0181-3498, Researcher ID V-7790-2019, Отдел востоковедения, Институт истории, археологии и этнографии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Махачкала, Россия), mzaira@list.ru.

Рассматриваются арабоязычные эпистолярные документы дагестанского происхождения, относящиеся к концу XIX — началу XX веков. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью ввода в научный оборот эпистолярного материала из Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Отмечается, что введение в научный оборот данных материалов позволит использовать их как источники фактической информации, которая сможет существенно дополнить или уточнить факты, уже известные специалисту-историку, занимающемуся той или иной проблематикой. Представлен обзор некоторых арабоязычных эпистолярных документов дагестанского происхождения, даны их тематическая характеристика, переводы с арабского языка на русский язык отдельных отрывков писем, а также описываются особенности данных документов в историческом контексте. Особое внимание уделено источникам как кладезю ценнейшей информации по изучению социально-экономической и политической жизни дагестанского общества. Показано, что эпистолярное наследие позволяет реконструировать и интерпретировать историю быта, личных взаимоотношений в социуме и прояснить отдельные аспекты жизнедеятельности дагестанского общества XIX — начала XX веков.

Ключевые слова: эпистолярные источники; Дагестан; письма; письменная культура; арабоязычные эпистолярные источники.

1. Введение

Среди многочисленных источников по изучению истории того или иного края особое место занимают эпистолярные документальные ис-

точники (письма), которые являются объектом социальной деятельности человека. Переписка, будь то личная или деловая, всегда включает в себя значительный пласт уникальной исторической информации, причем такой, которая (если говорить о материале дагестанского происхождения) не подвергалась цензуре. На основании этого следует рассматривать эпистолярное наследие как неисчерпаемый и уникальный источник по изучению исторических событий, происходивших в тот или иной период, а также жизни и деятельности различных слоев социума.

Целью исследования является раскрытие особенностей эпистолярного наследия Дагестана XIX — начала XX веков как исторического источника. Статья посвящена обзору эпистолярных документов дагестанского происхождения, их тематической характеристике и истории изучения. В соответствии с поставленной целью определены следующие основные задачи: дать тематическую характеристику эпистолярного материала из Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее — ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН), определить место и роль источников такого рода в изучении и освещении исторических событий и повседневной жизни дагестанского общества XIX — начала XX веков, а также показать степень изученности и полноты введения в научный оборот данной группы источников.

Основными методами исследования являются интерпретация, внешняя и внутренняя критика источников, а также приемы изучения эпистолярных материалов, почерпнутые из работ отечественных востоковедов. Применены методы специальных исторических дисциплин: археографии и исторической библиографии.

Теоретической базой послужили не введенные в научный оборот эпистолярные источники, хранящиеся в ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, а также работы отечественных исследователей досоветского, советского и постсоветского периодов. Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов статьи не только исследователями-историками при изучении личной и деловой переписки, но также широким кругом читателей, интересующихся историей и источниковедением Северного Кавказа.

2. История формирования ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН

Для учёного-исследователя даже одно отдельное письмо может стать важнейшим документом, но особенно обогащает источниковую базу исследования обращение к крупным комплексам эпистолярных материалов. Это могут быть письма (иногда за много лет) одного и того же адре-

санта определенному адресату или же группе лиц. К такому комплексу можно отнести и собрание ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН.

Фонд был сформирован в 1945 году. Его активное пополнение начинается в 50—70-х годах XX века за счет материалов, выявленных археографическими экспедициями.

На сегодняшний день Фонд насчитывает около четырех тысяч рукописей, переписанных в разное время в странах Востока, более полутора тысяч печатных книг на восточных языках и языках народов Дагестана, около пяти тысяч писем, ксерокопий и фотоснимков редких книг, более трехсот микрофильмов из собраний библиотек России и зарубежья [Шихалиев, 2017, с. 16].

3. История изучения арабоязычных эпистолярных источников дагестанского происхождения

Если рукописные и книжные коллекции в настоящее время являются объектом многочисленных исследований, то эпистолярные источники дагестанского происхождения почти не нашли отражения в специальной литературе.

Первым, кто положил начало изучению документов северокавказского происхождения в арабском оригинале, а именно писем эпохи Шамиля, был выдающийся российский востоковед А. К. Казембек (1802—1870). Начиная с 1859 года «Письма Шамиля и его жен» в русском переводе издавались в таких периодических изданиях, как «Кавказ», «Русская старина», «Русский инвалид», «Кавказский сборник». По инициативе И. Ю. Крачковского (1883—1951), одного из создателей школы советской арабистики, начались публикации арабоязычных источников, относящихся к истории народов Кавказа [Крачковский, 1935; Крачковский и др., 1945; Крачковский, 1960].

В 1935 году в статье Г. В. Церетели (1904—1973) «Письма Шамиля из Калуги» был опубликован арабский оригинал одного из писем Шамиля [Церетели, 1935], им же было опубликовано письмо Шамиля к барону Николаи [Там же]. Затем последовали публикации фотокопий восьми оригиналов писем Шамиля с переводом их на русский язык, осуществленные А. Б. Закс (1899—1996), возглавлявшей в 1936—1937 годах Северокавказскую бытовую экспедицию и занимавшейся, в частности, историей Кавказской войны [Закс, 1945]. В 1970 году в ежегоднике «Письменные памятники Востока» выходит статья Р. Ш. Шарафутдиновой, в которой автор дает переводы 9 писем Шамиля из архива Б. А. Дорна [Шарафутдинова, 1970].

Исследования в этом направлении продолжили дагестанские востоковеды Х. А. Омаров (1937—2008) [Омаров, 1997; Омаров, 2002] и Г. М.-

Р. Оразаев [Оразаев, 2002; Оразаев, 2007], работы которых по праву можно считать своеобразными памятниками по изучению эпистолярного наследия Дагестана.

Следует отметить, что большое количество эпистолярных документов обнаруживается в частных коллекциях. В основном это письма ученых, общественных и политических деятелей Дагестана разного периода. Ряд таких писем и их переводы опубликованы в монографиях Д. М. Маламагомедова, М. Г. Шехмагомедова и Ш. М. Хапизова [Шехмагомедов и др., 2015; Хапизов и др., 2018].

Проблемам мухаджирства — переселенческого движения горцев на «территорию ислама» (дар ал-ислам) — посвящена статья З. Б. Ибрагимовой, в которой автор анализирует эпистолярные источники частного характера [Ибрагимова, 2012]. В сборнике «Шамил имама сул лъималазул кагътал» («Письма детей имама Шамиля») на аварском языке опубликована переписка детей имама, которые после пленения отца вынуждены были эмигрировать в Турцию.

В свет вышла статья, посвященная корреспонденции Даниял-бека Елисуйского — известного сподвижника имама Шамиля. В ней авторы приводят полный перевод с арабского языка на русский язык 27 писем, также хранящихся в ФВР и ранее не введенных в научный оборот. Данные письма позволили в значительной степени восполнить лакуны, имеющиеся в освещении деятельности этого известного наиба и мудира, которого имам Шамиль, как известно, характеризовал следующими словами: «воин — плохой, советник — хороший, исполнитель — никуда не годный» [Абдулмажидов и др., 2018, с. 96].

Ряд писем Фонда нашли отражение в статье З. А. Магомедовой и З. Б. Ибрагимовой, в которой авторы раскрывают некоторые аспекты поднятой проблемы [Магомедова и др., 2020].

Однако основной массив эпистолярных документов ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН всё ещё в полной мере не исследован и не введен в научный оборот.

4. Тематическая характеристика эпистолярных документов ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН

Как было сказано ранее, в Фонде хранится около пяти тысяч эпистолярных документов. В основном все письма небольшого формата (6×8; 5×9; 13×6 и т. д.), написанные на российской или европейской бумаге фабричного производства кавказской разновидностью насха, но встречаются также элементы почерков талик и насталик. Удостоверяющие документ печати проставлены как на лицевой стороне, так и на оборотах писем и

содержат характерные для той эпохи палеографические особенности арабского письма на Кавказе. Из-за дороговизны бумаги очень часто письма использовались повторно, то есть на обороте могло быть ответное послание адресанту или совершенно другое послание к другому адресату. Конвертов в современном их понимании не было. Письмо складывалось так, что получался небольшого размера прямоугольник или квадрат, и в таком виде отправлялось адресанту. Поскольку письма в дальнейшем часто использовались как закладки в рукописях, помимо основного текста, очень часто на письмах делались выписки из различных сочинений как средневековых авторов: ан-Навави (ум. 1277 г.), аз-Замахшари (ум. 1626 г.), Ибн Хаджара ал-Хайсами (ум. 1565 г.), так и местных дагестанских, таких как Давуд из Усиша (ум. 1757 г.), Абдурахман из Согратля (ум. 1882 г.), Мухаммад из Кудутля (ум. 1717 г.) и др. Из этого можно сделать вывод, что уровень образования в регионе был довольно высок.

По стилю написания эпистолярные документы дагестанского происхождения схожи с восточными. Все письма начинаются с басмалы, или со слов благопожелания. Наиболее часто встречаются следующие формулы:

السلاخيل يكم و رحمة الله عالى وبركاته

«Мир вам и милость Всевышнего Аллаха и Его благословения»¹

سلاخيل يردائى و رحمة الله عالى وبركاته

«Мир многочисленный, вечный и милость Всевышнего Аллаха и Его благословения».

Эти выражения пишутся чаще всего после указания адресанта и адресата, но могут и предшествовать им.

Характерной особенностью рассматриваемых эпистолярных документов личного характера является использование тропеических средств, таких как метафоры, сравнения и т. д. Так, к примеру, адресант мог назвать себя «ничтожным рабом, беднягой», тогда как адресат «награждался» красочными эпитетами, такими как «совершенный» «щедрый», «благородный» и т. д. Деловые же письма отличаются лаконичностью изложения. Здесь только указание имен адресанта и адресата и изложение проблемы без поэтической окраски.

Важный элемент источниковедческого анализа письма — установление времени и места его написания. В большинстве писем имеются сведения о местоположении адресанта и адресата, также указаны даты. Но дата может быть не указана или быть неполной (то есть указаны только число или месяц). Для установления полной даты или ее уточнения применяются

¹ Здесь и далее перевод материалов выполнен авторами статьи. — З. М., З. И.

различные приёмы. Например, по удостоверяющей печати адресанта или адресата, на которой могла быть указана дата, по событиям, описываемым в письме, или же по палеографическим характеристикам можно хотя бы приблизительно установить дату. Если адресант или адресат — известные исторические личности, то сведения об их жизни также дают возможность установить хронологические рамки описываемого в письме события.

Эпистолярный комплекс фонда отличается тематическим разнообразием. В письмах содержатся историко-географические материалы, масса нормативно-правовых терминов, топонимов, а также сведения, которые отражают экономические, политические и социальные явления жизни дагестанского общества XIX — начала XX веков. Значительный пласт этого комплекса составляют письма периода Кавказской войны, которые имеют непосредственное отношение к имаму Шамилю и содержат официальные указы и распоряжения как самого имама, так и его и наибов. Эти письма, адресованные к должностным лицам, кадиям, старшинам селений, наибам содержат в основном предписания военного и административного характера, требования неукоснительного соблюдения норм и установлений шариата [Крачковский, 1960].

Хранящаяся в фонде переписка имама Чечни и Дагестана Шамиля, которая не нашла отражения ни в сборнике Х. А. Омарова «100 писем Шамиля», ни в какой-либо другой специальной литературе, позволяет пролить свет не только на исторические события, происходившие в Дагестане, но и на саму личность легендарного предводителя горцев. Из переписки, например, видно, что имам не только решал политические и административные вопросы, но и принимал действенное участие в решении личных проблем обычных жителей имамата. Наиболее многочисленны письма с предписаниями удовлетворить имущественные запросы граждан, а также письма о наделении бедствующих продовольствием, предоставлении им земельных участков, налаживании торговых связей, сооружений, укреплений, урегулировании бытовых тяжб и т. д.

Так, например, в письме, датированном 1266 г.х. / 1849 годом, Шамиль сообщает некоему Умару, что ‘Иял Мухаммад Шариф из Чоха (ڇوځا) (Чох — ныне селение в Гунибском районе РД) испытывает сильную нужду и просит выделить ему несколько мерок зерна из трети закята (закят — ежегодный обязательный налог в исламе, который исламское право предписывает выплачивать каждому мусульманину со своего имущества и доходов) [ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 16, оп. 1, № 18].

В другом письме, адресованном некоему Умару, имам пишет, что «ноша, возложенная на Багатира», непомерная, что он (Шамиль) смущён

его усердием на службе и в связи с этим просит выделить какого-нибудь человека из с. Корода (قرده) (Корода — ныне селение в Гунибском районе РД), не занятого своим делом, для работ в хозяйстве Багатира» [Там же, № 820]. В письме за № 353, датированном 14 раби ал-ахир 1280 г.х./28 сентября 1863 года, Шамиль настоятельно просит кадия Ансалта (انصلطه) (Ансалта — ныне селение в Ботлихском районе РД) Хадиса обеспечить четырёх приезжих учащихся продуктами питания на три месяца и проконтролировать это [Там же, № 353].

В письме за № 26, датированном 29 сафара 1273 г.х. / 29 августа 1856 года, имам Шамиль обращается к наибу Хадису с просьбой отдать мухаджирам (переселенцам) Дауду и Али третью часть заката и быть внимательным к ним [Там же, № 26].

Однако отношение к имаму и его политике нельзя назвать однозначным. Были и недовольные его правлением. Так, в письме за № 1521 джамаат с. Унцукуль (انصكول) (Унцукуль — ныне селение в Унцукульском районе РД) пишет императору Александру II: «... несмотря на то, что все мусульмане подчинились Шамилю, мы не подчинялись, пока не было убито множество лучших людей. Из-за этого Шамиль и его наибы называли нас лицемерами. Они разрушили наше селение, разграбили наши богатства. В нашем распоряжении не осталось пастбищных гор и земель. Мы находимся в жалком и удрученном состоянии. Ради бога просим Вас, склонив головы, возратить нам наши горы. Да пошлет Аллах Вашему потомству и Вам долгую жизнь на этом высоком посту» [Там же, № 1521]. Письмо не датировано. Но судя по контексту, скорее всего, написано уже после пленения имама.

Что касается писем социально-экономического и правового характера, то здесь можно встретить богатейший материал для изучения истории повседневности, семейных отношений, образа жизни представителей различных социальных групп, а также нормативно-правовой материал. В пример можно привести следующие письма: так, в письме за № 755 старшина селения Аракани (هرکن) (Аракани — ныне селение в Унцукульском районе РД) требует от наиба Хамзата дать разъяснения по поводу правомочности заключения брака между жителем их селения Магомой — сыном Гитинав Мухаммада — и арестованной Айшат — дочерью Муртазаали (на полях письма ответ наиба с разрешением на заключение этого брака) [Там же, № 755].

Из письма за № 1185 (а), датированного 10 мухаррама 1297 г.х. / 24 декабря 1897 года, можно почерпнуть сведения о том, как решались вопросы семейно-брачных отношений. Главы селения и члены дивана с. Цизгари (ئزغرى) (Цизгари — ныне селение в Дахадаевском районе РД) сообщают главам селения и членам дивана с. Деличобан (دلچوفان) (ныне селение в Да-

хадаевском районе РД), что Умар, сын Курбана, живет со своей женой, хотя и дал ей три развода при свидетелях. В связи с этим просят принять соответствующие меры, вручить Умару соответствующее распоряжение, пока он не докажет незаконность своего развода, иначе все будут разводиться, а потом хитростью возвращаться к своим женам, хотя это «страшный грех и незаконно». Также требуют, чтобы Умар со своей женой явились к ним для разрешения этого дела, в противном случае на них будет наложен штраф [Там же, № 1185 (а)].

Интересная информация содержится в письме за № 842, датированном 13 раджаба 1243 г.х. / 30 января 1828 года. В нем сообщается о начале установления шариата (шариат — комплекс религиозно-правовых норм, которым должен следовать мусульманин) в аулах Каранай (الخرنابية) (Каранай — ныне селение Верхний Каранай в Буйнакском районе РД) и Ахатль (اخلية) (Каранай и Ахатль — ныне селения в Буйнакском районе РД) в период, когда правителем (в тексте — эмиром) был Муртазаали и старшиной — шейх Мухаммад. Было принято решение установить в этих аулах каноны шариата, исполнение которых осуществлялось повсюду под руководством ученого имама Газимухаммада. Также было решено отказаться от всех адатов, в частности от всех подарков, которые полагаются по адату со стороны родственников жениха и невесты, за исключением махра — имущества, которое муж выделяет жене при заключении брака и считается обязательным по шариату [Там же, № 842].

Из письма за № 1003 можно сделать вывод, что судебные вопросы в Дагестане XIX века могли решаться как по нормам шариата, так и по нормам адата (адат — «обычай») у мусульман Кавказа, как и в других регионах исламского мира, комплекс традиционно сложившихся местных юридических и бытовых институтов и норм, не отраженных в шариате. Употребляется в трех основных значениях: обычное право, суд по обычному праву, неправовой обычай). В письме наиб Абдурахман просит муфтия Муртазаали дать решение по шариату или по адату по поводу судебного спора относительно покупки земельного участка [Там же, № 1003].

На основе традиционного права совершались также закупки. Так, в письме за № 575 некий Мухаммадсаид сообщает некоему Уллубию, что «согласно приказу нужно организовать покупку меди по цене, установленной по адату. Также следует направить доверенное лицо в Каранай (Каранай или Каранайаул — ныне село в Каякентском районе РД) для экспертизы залежей меди и её покупки» [Там же, № 575].

А в письме за № 1540, датированном 20 джумада ал-уля 1272 г.х. / 27 января 1856 года, правитель Абумуслимхан Шамхал просит начальника

Даргинского округа Лазарева разобрать по адату дело жителя с. Бойнак (بيناق) (Бойнак — ныне селение Уллубийаул в Карабудахкентском районе РД), у которого отобрали быков [Там же, № 1540].

Решения также могли приниматься со ссылкой на исламских богословов. Так, например, в письме за № 829 имам Гимры (كمره) сообщает кадию Ашильта (عشل) (Гимры и Ашильта — ныне селения в Унцукульском районе РД), что, согласно ан-Навави (Мухйиддин Абу Закарийя Яхья ибн Шараф ан-Навави — исламский богослов, хадисовед, правовед, автор многочисленных и объёмных работ по мусульманскому богословию, хадисоведению, юриспруденции и т. д.), точнее, его сочинению «Минхадж ат-талибин», если должник докажет кадию, что он находится в материальном затруднении, то его нельзя арестовать и обвинить в неуплате. Если должник разорился, то нужно дать ему отсрочку, пока не появится возможность погасить долг. Но это возможно лишь только после клятвы должника о его финансовой несостоятельности [Там же, № 829].

Есть письма, в которых упоминается такая категория зависимого населения Дагестана, как рабы. Так, в письме за № 1544 неизвестный просит правителя Абумуслиман Шамхала дать разъяснения по шариату относительно законности освобождения, подаренной ему (адресанту) рабыни [Там же, № 1544].

В письме за № 1535 кадий Абдулгафур из с. Гилли (هلی) (Гилли — ныне селение в Карабудахкентском районе РД) сообщает джамаату селения, что податель письма Асан Булат по соглашению, которое заключил 2 шаввала 1281 г.х./ 27 февраля 1865 года со своим хозяином, получит свободу после оплаты выкупа в 250 рублей, который можно произвести в течение четырех лет [Там же, № 1535].

Во многих письмах встречаются такие данные, как зафиксированные сведения о размерах частных владений, границах земельных участков, о разделе их между наследниками и завещании, об отчуждении земли или скота в качестве выкупа за совершенное преступление (убийство, прелюбодеяние и т. д.), о передаче земельных участков или недвижимости в вакф (вакф — в мусульманском праве имущество, переданное кем-либо на религиозные или благотворительные цели).

Например, в письме за № 723 неизвестный сообщает начальнику Аварского округа князю Вахвахову о вакфе от Хусейна, сына Абакардибира и Мухаммадали из Гонода (هندی) (Гонода — ныне селение в Гунибском районе РД), обществу Харахи (خرک) (Харахи — ныне селение в Хунзахском районе РД). Некий Хаджияв, сын Омаржана из Харахи, «отдал две мерки со своего поля» в местечке КудегохI (قندکج) (в переводе с аварского языка

«Большой холм») в вакф обществу Харахи. После его смерти наследство было поделено между его детьми — Хусейном и Айшей, которые продолжали отдавать положенную часть вакфа обществу: 1 мерку отдавал Хусейн, и 2 / 3 — Айшат. И так продолжалось из поколения в поколение. Этот вакф не был от Хусейна, сына Абакардибира и Мухаммадали из Годода, а был от их жён. Здесь следует дать пояснение относительно фразы «отдал две мерки со своего поля». Речь может идти о мерке зерна или же о площади земельного участка, которое в то время измерялось количеством зерна, получаемого с этого участка. В данном письме речь идет о мерке зерна [Там же, № 723].

В письме за № 969 Гитинав, сын Раджаба из с. Цекоб (الزكوى), сообщает старшине селения Урада (Цекоб и Урада — ныне селения в Шамильском районе РД) Турчалаву, что «приобрёл у покойной Кафан Асият лес для изготовления досок, но деревья из своего сада она не продала, так как отдала их в вакф» [Там же, № 969]. Здесь следует отметить, что то, что было передано в вакф по завещанию, то есть изъято из обычного правооборота, по шариату не могло быть продано наследниками или поделено между ними. После утверждения завещания кадием лицо, пожертвовавшее имущество, не могло изменить или дополнить условия этого завещания.

Если же кто-то пользовался такой вакуфной землёй, то, как следует из письма за № 776, датированного 23 февраля 1889 года, «человек, засеявший вакуфный участок, принадлежавший мечети, отдаст свой долг зерном» [Там же, № 776].

Есть письма, где говорится о такой категории обычного права, как ишкиль. Это одна из самых противоречивых и малоизученных норм обычного права Дагестана, по которой истец мог отобрать имущество у ответчика в качестве гарантии возврата долга. Так, в письме № 1260 Рамазан из с. Баршамай (برشماي) (Баршамай — ныне селение в Кайтагском районе РД) требует от Аци из селения Харахи оплатить долг, в противном случае будет применен ишкиль, который «разрешено брать» [Там же, № 1260]. В письме за № 1245, адресованном старшинами и членами сельского суда с. Ругуджа (رغج) (Ругуджа — ныне селение в Гунибском районе РД) старшинам и членам сельского суда с. Обода (عبل) (Обода — ныне селение в Хунзахском районе РД), сообщается, что, согласно показаниям двух свидетелей, найдены изъяны у проданной ободинцем лошади, поэтому нужно разобрать это дело с кадием, в противном же случае будет применён ишкиль [Там же, 1245].

Вопросы, которые касались ишкиля, могли решаться не только в местных сельских судах, но и на уровне джамаатов — сельских обществ или общин. Так, например, в письме за № 1261 старшины и знатные лица

общества Сиух (سخال) сообщают старшинам и знатым лицам общества Киялтль (كلال) (Сиух и Киялтль — ныне селения в Гумбетовском районе РД), что Мухаммад Ханилав является родственником убитого и у него есть полное право искать убийцу, но нет права брать ишкиль у убийцы. В связи с этим старшины и знатные лица общества Сиух потребовали вернуть отобранного у убийцы осла [Там же, № 1261]. А в письме за № 1267 джамаат, старшины с. Кудали (كدال) (Кудали — ныне селение в Гунибском районе РД), просят имама и старшин с. Маали (معالي) (Маали — ныне селение в Гергебильском районе РД) отправить к ним Исал Мухаммада, а они в свою очередь отправят его и с ним справедливого человека к карахцам относительно дела по воровству, а также чтобы решить вопрос относительно освобождения от ишкилей [Там же, № 1267].

Некоторые исследователи обычного права в своих работах утверждают, что в качестве ишкиля можно было «захватить» не только имущество, но и самого должника, его родственника или даже просто его односельчанина. И в случае непогашения долга должник мог быть продан в рабство [Бобровников, 2010, с. 79]. Однако в исследуемых эпистолярных документах не найдено ни одного подтверждения этому.

Очень много писем, где затрагиваются проблемы назра — одного из способов безвозмездного отчуждения собственности, существующего в мусульманском праве. Следует отметить, что проблема назра была объектом многочисленных полемик дагестанских богословов XIX века, так как некоторые положения мусульманской правовой доктрины применительно к местным условиям — социально-правовым и экономическим — получили у богословов неоднозначную трактовку [Абдулмажидов, 2018, с. 190].

Как известно, в мусульманском праве существует два вида наследования: по закону и по завещанию. В первом случае порядок раздела наследства строго регламентирован, в том числе и Коранически [Мусаева, 2014, с. 244]. Что касается второго вида наследования, то по нему завещание не может составляться в пользу законных наследников и превышать более трети имущества наследодателя. Его составление требует присутствия не менее двух свидетелей. И здесь стал широко применяться назр, который зачастую заключался в устной форме, что является характерной чертой обязательственных отношений в мусульманском праве в целом. При этом назр не имел обратной силы. Совершивший его уже не мог нарушить свой обет и отменить состоявшуюся передачу имущества.

В качестве назра могли быть отданы земельный участок, дом, мебель, домашняя утварь и даже одна комната в доме [ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 16, оп. 1, № 874]. № 884 — это документ о назре, по которому Хаджи

Салават, сын Хаджи Лабазана, отдал солнечную сторону дома Мухаммаду Мирзе, сыну Али, получив взамен 10 туманов (туман — денежная единица). Согласно документу, после назра никто не имеет права препятствовать продаже дома, сдаче его в аренду или передаче в вакф. При желании Мухаммадмирза может продать дом. Назр был удостоверен ученым-кадием округа Курбанмухаммадом и кадием Дармухаммадом, которые выступили в качестве свидетелей [Там же, № 884]. Известен случай, имевший место в начале 1830-х годов, когда общество селения Ирганай (ныне селение в Унцукульском районе РД) приняло на себя обязательство в том, что передаст в качестве назра жителям селения Аракани принадлежащую ему гору [Абдулмажидов, 2018, с. 186].

В отдельную категорию можно выделить письма с различными инструкциями, призывами и обращениями, циркуляры, а также письма с обязательствами и завещаниями. У таких документов обычно нет или адресанта, или адресата, и их можно отнести к актовым источникам.

Письмо № 553, датированное 12 шаабана 1283 г.х. / 12 декабря 1866 года, содержало обращение генерал-майора Кармалина — начальника Среднего Дагестана — ко всему населению Дагестана с призывом быть осторожными с холодным оружием, не допускать драк и убийств [ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 16, оп. 1, № 553]. Его же обращение о запрете ношения оружия несовершеннолетними, датированное 24 шаввала 1283 г.х. / 1 марта 1867 года, адресовано всему населению Дагестана [Там же, № 557].

В письме от 14 раджаба 1307 г.х. / 5 марта 1890 года Абдулмаджид просит известить жителей сёл (каких, не указано) о том, что если кто-нибудь имеет намерение завещать своё имущество жителям квартала, всему селу или другим лицам, то он имеет право отписать лишь остаток имущества после завещания близким и дальним родственникам, а наследники имеют право лишь на 2/3 имущества умершего [Там же, № 1040].

К сожалению, в рамках одной статьи невозможно охватить все эпистолярные источники и осветить все тематическое разнообразие Фонда восточных рукописей. Работа в этом направлении будет продолжаться.

5. Заключение

Таким образом, эпистолярное наследие XIX — начала XX веков следует рассматривать как уникальный источник исторических сведений, которые представляют собой неопределимую по степени значимости информацию о жизни и взаимоотношениях в социуме различных слоёв населения. Проведённое исследование позволило сделать вывод, что именно это наследие позволит реконструировать историю повседневности, личных взаимо-

отношений людей, прояснить определенные аспекты жизнедеятельности дагестанского общества указанного периода. Поэтому введение в научный исторический оборот такого эпистолярного комплекса представляется актуальным как для специалистов-историков, так и для широкой аудитории читателей, интересующихся правдивым описанием не только исторических событий, но и повседневной жизнью социума.

Источники и принятые сокращения

1. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН — *Фонд* восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук : Ф. 16. Оп. 1. №№ 18, 26, 353, 553, 557, 575, 723, 755, 776, 820, 829, 842, 874, 884, 969, 1003, 1040, 1185(а), 1245, 1260, 1261, 1267, 1261, 1521, 1540, 1544.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулмажидов Р.* Эпистолярные источники по истории имамата : Корреспонденция Даниял-Бека Елисуйского / Р. Абдулмажидов, З. Магомедова // История, археология и этнография Кавказа. — 2018. — Т. 14. — № 2. — С. 93—106. — DOI: 10.24411/2618-6772-2018-12007.

2. *Абдулмажидов Р. С.* Полемика об отчуждении собственности по «назру» в Дагестане в XIX в. / Р. С. Абдулмажидов // Ислам в современном мире : внутрисударственный и международно-политический аспекты. — 2018. — Т. 14. — № 4. — С. 183—200. — DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-4-183-200.

3. *Бобровников В. О.* Обычай, шариат и рэкет в письмах об ишките из Дагестана XVII—XIX вв. / В. О. Бобровников // История и современность. — 2010. — № 1 (11). — С. 78—98.

4. *Закс А. Б.* Северокавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936—1937 гг. / А. Б. Закс // Труды Государственного исторического музея. — Москва : Гос. ист. музей, 1941. — Выпуск XV. — С. 95—112.

5. *Ибрагимова З. Б.* Проблема мухаджирства в дагестанских памятниках эпистолярного жанра конца XIX — начала XX в. / З. Б. Ибрагимова // Вопросы истории. — 2012. — № 4. — С. 152—157.

6. *Крачковский И. Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле / И. Ю. Крачковский // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1935. — С. 7—20.

7. *Крачковский И.* Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии / И. Крачковский, А. Генко // Советское востоковедение. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1945. — Т. 3. — С. 36—58.

8. *Крачковский И. Ю.* Неизданное письмо Шамиля / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. — Т. 6. — С. 550—551.

9. *Магомедова З. А.* Сведения исторического характера в письмах наибов Дагестана (середина XIX в.) / З. А. Магомедова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. — 2013. — № 4 (36). — С. 33—40.

10. *Магомедова З.* Арабоязычные эпистолярные источники XIX — начала XX века : история изучения и тематическая характеристика (по материалам Фонда вос-

точных рукописей) / З. Магомедова, З. Ибрагимова // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 11. — С. 110—115. — DOI: 10.30853/mns200536.

11. *Мусаева А. Г.* Характерные черты адатного права у горцев Дагестана / А. Г. Мусаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 10—1. — С. 243—245.

12. *Омаров Х. А.* 100 писем Шамиля / Х. А. Омаров // Введение, тексты, перевод с арабского, комментарии, примечания, приложения и указатели Х. А. Омарова. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. — 320 с.

13. *Омаров Х. А.* Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию) / Х. А. Омаров. — Махачкала : ДГУ, 2002. — 275 с.

14. *Оразаев Г. М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант») / Г. М. Р.-Оразаев. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2002. — 482 с.

15. *Оразаев Г. М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII—XIX вв. / Г. М. Р.-Оразаев. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. — 324 с. — ISBN 978-5-94434-089-4.

16. *Хапизов Ш.* Муртаза‘али из Урада — верховный кадий имамата / Ш. Хапизов, М. Шехмагомедов. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2018. — 164 с. — ISBN 978-5-98390-181-0.

17. *Церетели Г. В.* Письма Шамиля из Калуги / Г. В. Церетели // Записки Института востоковедения. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1935. — Выпуск V. — С. 97—103.

18. *Церетели Г. В.* Письмо Шамиля к барону Николаи / Г. В. Церетели // Бюллетень Государственного музея Грузии. — Тбилиси : Издательство Академии наук СССР, 1936. — Т. 9. — С. 112—113.

19. *Шарафутдинова Р. Ш.* Арабские письма Шамиля из архива Б. А. Дорна / Р. Ш. Шарафутдинова // Письменные памятники Востока. — Москва : Наука, 1974. — С. 204—225.

20. *Шехмагомедов М. Г.* Тленсерух в конце XVIII — XIX вв. : историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири) / М. Г. Шехмагомедов, Ш. Хапизов, Д. Маламагомедов. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. — 378 с. — ISBN 978-5-98390-151-3.

21. *Шихалиев Ш. Ш.* Коллекция Фонда восточных рукописей ИИАЭ : история формирования и создание электронного каталога восточных рукописей / Ш. Ш. Шихалиев // Татарское рукописное наследие : изучение и сохранение. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахиди. — Казань : ИЯЛИ, 2017. — С. 14—25. — ISBN 978-5-93091-246-3.

DAGESTAN ARABIC-LANGUAGE EPISTOLARY MATERIALS OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

© **Zeynab A. Magomedova (2021)**, orcid.org/0000-0001-8313-1716, Researcher ID W-6401-2019, PhD in History, Department of Oriental Studies, Institute of History, Archeology and

Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), zainab@yandex.ru.

© **Zaira B. Ibragimova (2021)**, orcid.org/0000-0002-0181-3498, Researcher ID V-7790-2019, Department of Oriental Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), mzaira@list.ru.

The article deals with the Arabic-language epistolary documents of Dagestan origin, dating back to the late 19th — early 20th centuries. The relevance of this study is due to the need to enter into scientific circulation epistolary material from the Fund of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. It is noted that the introduction of these materials into scientific circulation will allow them to be used as sources of factual information, which can significantly supplement or clarify the facts already known to a specialist historian dealing with a particular problem. An overview of some Arabic-language epistolary documents of Dagestan origin is presented, their thematic characteristics are given, individual excerpts of letters from Arabic into Russian are translated, and the features of these documents are described in a historical context. Particular attention is paid to sources, as a storehouse of valuable information on the study of the socio-economic and political life of the Dagestan society. It is shown that the epistolary heritage allows one to reconstruct and interpret the history of everyday life, personal relationships in society and clarify certain aspects of the life of Dagestan society in the 19th — early 20th centuries.

Key words: epistolary sources; Dagestan; letters; written culture; Arabic-language epistolary sources.

MATERIAL RESOURCES

FVR IIAE DFITs RAN — *Fond vostochnykh rukopisey Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo federalnogo issledovatel'skogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk: F. 16. Op. 1*. [The Foundation of Oriental Manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences: F. 16. Op. 1].

REFERENCES

- Abdulmazhidov, R., Magomedova, Z. (2018). Epistolarynyye istochniki po istorii imamata: Korrespondentsiya Daniyal-Beka Elisyuyskogo [Epistolary sources of the history of the Imamate: the Correspondence of Daniyal Bek Eliseyskih]. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus], 14 (2): 93—106. DOI: 10.24411/2618-6772-2018-12007. (In Russ.).
- Abdulmazhidov, R. S. (2018). Polemika ob otchuzhdenii sobstvennosti po «nazru» v Dagestane v XIX v. [Polemika ob alienation of property on “nazr” in Dagestan in the XIX century]. *Islam v sovremennom mire: vnurigosudarstvennyy i mezh-dunarodno-politicheskiy aspekty* [Polemika ob alienation of property on “nazr” in Dagestan in the XIX century], 14 (4): 183—200. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-4-183-200. (In Russ.).
- Bobrovnikov, V. O. (2010). Obychay, shariat i reket v pismakh ob ishkile iz Dagestana XVII—XIX vv. [Custom, sharia and racket in letters about ishkil from Dagestan of the XVII—XIX centuries]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 1 (11): 78—98. (In Russ.).

- Ibragimova, Z. B. (2012). Problema mukhadzhirstva v dagestanskikh pamyatnikakh epistol'yarnogo zhanra kontsa XIX — nachala XX v. [The problem of muhajirism in Dagestan monuments of the epistolary genre of the late XIX — early XX centuries]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 4: 152—157. (In Russ.).
- Khapizov, Sh., Shekhmagomedov, M. (2018). *Murtaza'ali iz Urada — verkhovnyy kadiy imamate* [Murtazaali from Urad — the supreme qadi of the imamate]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 164 p. ISBN 978-5-98390-181-0. (In Russ.).
- Krachkovskiy, I. Yu. (1935). Arabskaya rukopis' vospominaniy o Shamile [Arab manuscript of memories of Shamil]. In: *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR.]. Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 7—20. (In Russ.).
- Krachkovskiy, I., Genko, A. (1945). Arabskiye pisma Shamilya v Severo-Osetii [Arab letters of Shamil in North Ossetia]. *Sovetskoye vostokovedeniye* [Soviet Oriental Studies], 3. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 36—58. (In Russ.).
- Krachkovskiy, I. Yu. (1960). Neizdannoye pismo Shamilya [Unpublished letter of Shamil]. In: *Izbrannye sochineniya* [Selected works], 6. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 550—551. (In Russ.).
- Magomedova, Z. A. (2013). Svedeniya istoricheskogo kharaktera v pismakh naibov Dagestana (sередina XIX v.) [Historical information in the letters of the Naibs of Dagestan (mid-XIX century)]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 4 (36): 33—40. (In Russ.).
- Magomedova, Z., Ibragimova, Z. (2020). Araboyazychnyye epistol'yarnyye istochniki XIX — nachala XX veka: istoriya izucheniya i tematicheskaya kharakteristika (po materialam Fonda vostochnykh rukopisey) [Arabic-speaking epistolary sources of the XIX — early XX century: the history of study and thematic characteristics (based on the materials of the Oriental Manuscripts Fund)]. *Manuskript* [Manuscript], 13 (11): 110—115. DOI: 10.30853/mns200536. (In Russ.).
- Musayeva, A. G. (2014). Kharakternyye cherty adatnogo prava u gortsev Dagestana [Characteristic features of adat law in the highlanders of Dagestan]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 10—1: 243—245. (In Russ.).
- Omarov, Kh. A. (1997). 100 pisem Shamilya [100 letters of Shamil]. *Vvedeniye, teksty, perevod s arabskogo, kommentarii, primechaniya, prilozheniya i ukazateli Kh. A. Omarova* [Introduction, texts, translation from Arabic, comments, notes, appendices and pointers by H. A. Omarov]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 320 p. (In Russ.).
- Omarov, Kh. A. (2002). *Obraztsy araboyazychnykh pisem Dagestana XIX v. (Khrestomatiya po chteniyu, perevodu i komentirovaniyu)* [Samples of Arabic-language letters of Dagestan of the XIX century (A textbook on reading, translation and commenting)]. Makhachkala: DGU. 275 p. (In Russ.).
- Orazayev, G. M.-R. (2002). *Pamyatniki tyurkoyazychnoy delovoy perepiski v Dagestane XVIII v. (Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya dokumentov fonda «Kizlyarskiy komendant»)* [Monuments of Turkic-language business correspondence in Dagestan of the XVIII century (Experience of historical and philologi-

- cal research of documents of the fund “Kizlyar Commandant”). Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 482 p. (In Russ.).
- Orazayev, G. M.-R. (2007). *Tyurkoyazychnaya delovaya perepiska na Severnom Kavkaze XVII — XIX vv.* [Turk-speaking business correspondence in the North Caucasus of the XVII — XIX centuries]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 324 p. ISBN 978-5-94434-089-4. (In Russ.).
- Sharafutdinova, R. Sh. (1974). Arabskiye pisma Shamilya iz arkhiva B. A. Dorna [Arab letters of Shamil from the archive of B. A. Dorn]. In: *Pismennyye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East]. Moskva: Nauka. 204—225. (In Russ.).
- Shekhmagomedov, M. G., Khapizov, Sh., Malamagomedov, D. (2015). *Tlenserukh v kontse XVIII — XIX vv.: Istoriko-dokumentalnoye issledovaniye (na osnove izucheniya materialov kollektzii Usman-dibira al-Iri)* [Tlenserukh in the Late 18th—19th Centuries: Historical and documentary research (Ousman-Dibir Al-Iri collection)]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN. 378 p. ISBN 978-5-98390-151-3. (In Russ.).
- Shikhaliyev, Sh. Sh. (2017). Kolleksiya Fonda vostochnykh rukopisey IIAE: istoriya formirovaniya i sozdaniye elektronnoho kataloga vostochnykh rukopisey [Collection of the Oriental Manuscripts Foundation of the IAE: the history of the formation and creation of the electronic catalog of Oriental manuscripts]. In: *Tatarskoye rukopisnoye naslediyе: izucheniye i sokhraneniye: materialy vsereossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 130-letiyu S. Vakhidi* [The Tatar hand-written heritage: study and preservation: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 130th anniversary of S. Vahidi]. Kazan': IYaLI. 14—25. ISBN 978-5-93091-246-3. (In Russ.).
- Tsereteli, G. V. (1935). Pisma Shamilya iz Kalugi [Letters of Shamil from Kaluga]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya* [Notes of the Institute of Oriental Studies], 1. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 97—103. (In Russ.).
- Tsereteli, G. V. (1936). Pismo Shamilya k baronu Nikolai [Shamil's letter to Baron Nicolai]. *Byulleten' Gosudarstvennogo muzeya Gruzii* [Bulletin of the State Museum of Georgia], 9. Tbilisi: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 112—113. (In Russ.).
- Zaks, A. B. (1941). Severokavkazskaya istoriko-bytovaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 1936—1937 gg. [North Caucasian historical and household expedition of the State Historical Museum 1936—1937]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum], XI. Moskva: Gos. ist. muzey. 95—112. (In Russ.).

Макаров А. В. Противодействие государственной измене в российском законодательстве второй половины XIX — начала XX веков / А. В. Макаров, Н. Ю. Гусевская, А. С. Петров // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 337—356. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-337-356.

Makarov, A. V., Gusevskaya, N. Yu., Petrov, A. S. (2021). Counteraction to High Treason in Russian Legislation of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 1: 337-356. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-337-356. (In Russ.).

УДК 94(47).08+94:343.322+341.326*185/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-337-356

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

© **Макаров Андрей Владимирович (2021)**, orcid.org/0000-0003-4270-1641, доктор юридических наук, декан юридического факультета, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), jus-chita@yandex.ru.

© **Гусевская Наталья Юрьевна (2021)**, orcid.org/0000-0003-0888-136X, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой международного права и международных связей, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), gusnat1@rambler.ru.

© **Петров Артем Сергеевич (2021)**, orcid.org/0000-0002-6438-3165, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и международных связей, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), partem11@rambler.ru.

Рассматривается проблема усовершенствования уголовно-правовой ответственности подданных Российской империи в конце XIX века за шпионаж и выдачу государственной тайны иностранному государству. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучаемой проблемы для эффективного функционирования российского государства. Исследование основывается на исторических источниках нормативно-правового характера и носит междисциплинарный характер. Особое внимание уделяется исследованию правовых норм, выявлению вида и размера наказаний за совершение российскими гражданами шпионажа и выдачи государственной тайны иностранному государству. Указывается, что во второй половине XIX века интенсивность разведки иностранных спецслужб на территории Российской империи усиливалась. Отмечается, что всё чаще в процесс получения российских секретов иностранные державы вовлекали российских подданных. При этом анализ источников позволил выявить достаточную ограниченность института противодействия шпионажу и разглашению государственной тайны иностранным государствам в Российской империи в конце XIX века. Доказывается, что именно этими явлениями в конце XIX — начале XX веков обуславливалось стремление

власти к поступательному усовершенствованию правовых механизмов, противодействующих угрозам и вызовам национальной безопасности.

Ключевые слова: неприятель; шпионаж; разглашение государственной тайны; иностранное государство; законодательство; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; Российская империя.

1. Введение

В условиях современной модернизации российской правовой системы усиливается научный интерес к становлению отечественного уголовного законодательства. Исторический опыт наглядно демонстрирует, что игнорирование правовых традиций и нарушение преемственности влечет за собой безвозвратную утрату многих фундаментальных качеств современного законодательства. На этом фоне как историки, так и правоведа сконцентрировали свое внимание на исследовании развития отечественной уголовно-правовой мысли [Безгин, 2017; Безгин, 2018, с. 7—9; Дворецкий и др., 2013; Жукова, 2013; Карева, 2016; Люлюкин, 2019; Путинцев, 2017; Родионова, 2012; Шелудько, 2017 и др.], в том числе на становлении уголовной ответственности за совершение преступлений, направленных против национальной безопасности России [Злыденко, 2015; Кабельков, 2018; Кудратов, 2019; Кулев, 2011; Мулукаев и др., 2018; Петров, 2015; Петров, 2016; Рябцев и др., 2014; Скоробогатов, 2013; Скрипкин, 2017; Францифоров, 2018]. Несмотря на развитие исследований в указанном направлении, ряд вопросов до настоящего времени остается без должного научного внимания. К таковым можно отнести проблему становления и исторического развития института уголовно-правового противодействия государственной измене в Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Особый научный интерес представляет как вопрос об исторической потребности введения ряда правовых норм для регулирования в сфере государственной службы, так и сущность деяний, определенных законодателем как государственная измена в форме шпионажа и выдачи государственных тайн, а также вид и размер наказаний за их совершение. Исследование носит междисциплинарный характер и проведено с опорой на законодательные источники.

Предательство государственных интересов гражданами России традиционно не имеет такой массовости, как, например, совершение общеуголовных преступлений, однако характеризуется особой опасностью в связи с негативными последствиями. Согласно уголовной статистике, в 2019 году за государственную измену (по ст. 275 УК РФ) в России было осуждено 8 человек, в 2018 — 4 человека, в 2017 — 4 человека, в 2016 — 14, в 2015 — 6 [Отчеты ..., 2019, 2018, 2017, 2016, 2015]. Постоянно изменяю-

щиеся социальные, экономические, внешнеполитические факторы оказывают огромное влияние на скрытый потенциал данной опасности, в связи с чем все отчетливее назревает необходимость дополнительной проработки уголовно-правовых мер противодействия угрозам государственной измены. Многие отечественные и зарубежные исследователи в настоящее время считают меры уголовно-правовой ответственности наиболее эффективными мерами противодействия любым противоправным проявлениям [Дворецкий, 2009; Ginneken, 2017; Gray, 2010; Hayes, 2015].

Примечательно, что в последние годы зарубежные исследователи также уделяют внимание как общим проблемам правовой защиты национальной безопасности, так и проблемам уголовной ответственности за государственную измену, нередко охватывая также аспект исторического становления и развития уголовно-правовых институтов в этой сфере [Aldrich et al., 2018; Campbell, 2014; Fodor, 2012; Seal, 2014; Sergi, 2014; Sergi, 2016; Steinberg et al., 2014; Zedner, 2010].

2. Уголовно-правовые нормы регулирования наказания за шпионаж и выдачу государственной тайны в середине XIX века

На территории Российской империи во второй половине XIX века действовали сразу несколько уголовных законов. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» распоряжением Николая I было принято ещё 15 августа 1845 года, после чего множество раз корректировалось и дополнялось [Высочайше утвержденное..., 1881, с. 598]. К концу правления Николая I кризис государственной системы, отразившийся на безопасности государства, серьезно обострился. Важным следствием кризиса стало тяжелейшее поражение России в Крымской войне, поэтому многие реформы, в том числе и в законодательной сфере, императора Александра II были вполне оправданны [Мулукаев и др., 2018, с. 60]. Для эффективного обеспечения национальной безопасности нужна была мощная правовая база. «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», был принят в 1864 году. При принятии Устава в него из Уложения были перемещены статьи, касающиеся мелких уголовно наказуемых деяний, в то время как нормы, касающиеся государственной измены, в нем отсутствовали [Устав..., 1902, с. 437].

Уголовным законодательством Российской империи уже с середины XIX века предательство интересов отечества достаточно сурово наказывалось. При этом по степени значимости уголовное право Российской империи ставило интересы отечества на третье место после интересов вероучения Иисуса Христа и царствующей особы Его императорского величества. В Уложении первоочередным был раздел о преступлениях против веры,

за ним следовали преступления против царя и только затем — против отечества. В Уложении редакции 1857 года в разделе 3 («О преступлениях государственных») в главе 2 («О бунте против власти Верховной и о государственной измене») было отделение 2 — «О государственной измене и преступлениях против народного права». Отделение состояло из статей под №№ 253—261 [Уложение ..., 1872, с. 63—66]. В 1885 году было проведено глубокое редактирование Уложения в связи с реакцией Александра III на трагическую гибель в 1881 году его отца, императора Александра II. Примечательно, что отделение «О государственной измене и преступлениях против народного права» в 1885 году было оставлено без изменений [Уложение ..., 1892, с. 2—10, 212—214].

Перечень действий, отнесенных непосредственно к государственной измене, содержался в пяти пунктах статьи 253 Уложения. Отметим, что, согласно данной статье, государственной изменой признавались не только деяния, но и планирование некоторых из них [Петров, 2016, с. 3—4]. Шпионаж и выдача государственной тайны фигурировали только в двух пунктах (п. № 2 и п. № 3) [Уложение ..., 1892, с. 212—214]. Примечательно, что, используя в Уложении о наказаниях понятие «шпион», законодатель лишь отчасти отождествлял его с лазутчиком и не разъяснял, что конкретно следовало под ним понимать. Согласно словарю В. Даля, слово *шпион*, заимствованное из французского, обозначает «скрытного разведчика» или «переносчика», а *шпионить* — значит «подслушивать, подсматривать, выведывать у одной стороны и передавать противной» [ТСЖВЯ, т. 4, с. 644]. Представитель военно-теоретической мысли конца XIX века В. Н. Клембовский считал, что шпионство — это подсматривание за различными фактами и положениями, пересказ этих фактов кому-либо, а также секретные изыскания одного государства в пределах другого. По убеждению В. Н. Клембовского, для замены языковой единицы *шпион* более всего подходит русское слово *лазутчик*, а разделить лазутчиков можно на добровольных и принужденных, простых и двойных, временных и постоянных, подвижных и неподвижных (местных) [Клембовский, 1892, с. 44—47]. Представитель отечественного уголовного права конца XIX — начала XX века Н. С. Таганцев же считал, что под шпионством следовало понимать скрытую передачу различных сведений врагу по заданию или по собственному желанию гражданина. Передача сведений может осуществляться непосредственно или через посредников. Среди сведений может фигурировать информация о военных планах и положениях, о численности и расположении российских войск, о боевых и продовольственных припасах, о лагерных и крепостных укреплениях и т. п. [Уголовное уложение ..., 1904, с. 200].

Примечательно, что наказание за перечисленные в ст. 253 деяния, в том числе и за соучастие в этих деяниях, было одно — лишение всех прав состояния и смертная казнь (в соответствии со статьёй 254) [Петров, 2015, с. 3]. В исключительных случаях полагалась ещё и конфискация имущества — как приобретённого виновным лицом лично, так и родового. Следует заметить, что описание института противодействия государственной измене было очень небольшим и состояло из простого перечисления отдельных случаев измены (без указания на какие-либо общие элементы состава деяний) [Уложение ..., 1892, с. 212—214].

Совершение же российскими подданными шпионажа и выдачи государственных тайн в нарушение интересов союзного иностранного государства, с которым Российская империя имела договор о соответствующей взаимной ответственности, предполагало лишь наказание в виде лишения особенных, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также ссылку в Сибирь или помещение в исправительные арестантские отделения (статья 260) [Уложение ..., 1892, с. 212—214]. Как было сказано выше, за аналогичные деяния, совершенные в нарушение интересов Российского государства, полагалось существенно большее наказание, что подчеркивало особую значимость российских интересов. Национальная безопасность союзного с Российской империей государства тоже охранялась и ценилась российским законодателем, но меньше собственной.

Кроме того, суровость наказания за передачу тайн за границу находилась ещё и в прямой зависимости от степени враждебности иностранных государств России. За передачу сведений невраждебному государству виновному полагалось совершенно незначительное наказание (статья 256) [Там же]. Таким образом, отношения России с другими государствами оказывали в конце XIX века существенное влияние на институт уголовно-правового противодействия государственной измене в Российской империи.

Отметим, что подлежала преследованию со стороны органов правопорядка тайная переписка российских подданных с иностранным правительством, даже и не причиняющая какой-либо вред стране, хотя за это и полагалось относительно незначительное наказание: заключение в крепость от 4 до 8 месяцев (статья 257). Аналогичное наказание назначалось за тайную переписку с иностранными гражданами враждебного России государства, в которой неумышленно были сообщены сведения, способные нанести ущерб России (ст. 258) [Уложение ..., 1892, с. 214; Уложение ..., 1914, с. 182].

Примечательно, что не попадали под действие Уложения шпионаж и выдача государственной тайны, которые были совершены непосредствен-

но на театре военных действий (то есть в так называемых районах, подчиненных Главнокомандующему армиями) или на территории, находящейся на военном положении. И это несмотря на упоминание, например, в статье 253 военных действий, российских военных сил, армии, флота, отрядов и команд войск, частей или команд, укрепленных мест, военных портов, военных судов и т. д. Виновные, совершившие преступления на отмеченных выше территориях, подлежали военному суду и весьма суровому наказанию по Воинскому уставу о наказаниях, даже если виновные являлись гражданскими лицами [Устав военно-судебный ..., 1889, с. 300—301; Воинский устав ..., 1899, с. 104]. Более того, статус территории, на которой объявлено военное положение, имела и занятая Российской армией вражеская территория. При этом жители вражеской территории, занятой Российской армией, несли ответственность как за соучастие в преступлениях с российскими подданными, которые в этом случае подлежали военному суду, так и за совершение преступлений, обозначенных в специальном публичном распоряжении Главнокомандующего армиями [Макаров, 2020].

3. Модернизация уголовно-правовой системы в конце XIX — начале XX веков

В Российской империи насущная потребность кардинального усовершенствования уголовного законодательства назрела ещё в конце 70-х годов XIX века [Кулев, 2011, с. 130—170; Петров, 2016, с. 3—4]. По убеждению правительства, ряд правовых положений, в том числе нормы о противодействии государственной измене, устарели и нуждались в пересмотре. Однако в связи с возникшими в тот исторический период политическими и социальными сложностями процесс принятия каких-либо решений по этому поводу откладывался. Лишь 22 сентября 1881 года с санкции Александра III был учрежден Комитет для составления проекта нового уголовного закона (Уголовного уложения) под руководством министра юстиции [Колоколов, 1904, с. 4]. Однако работа затянулась и не была закончена при жизни Александра III. Примечательно, что к концу XIX века практика интенсивной разведки иностранных спецслужб на территории Российской империи усиливалась из года в год. При этом заинтересованность российскими тайнами возрастала не только со стороны западных держав, но и со стороны восточных (Китай, Япония). В добывание секретов иностранные разведки всё чаще вовлекали и российских подданных [Решетнев и др., 2007; Синиченко, 2013; Федорова и др., 2017].

Нормативным актом № 8513 от 20 апреля 1892 года и последующим подтверждением этой законодательной инициативы в июне 1900 года Госу-

дарственным советом (Собрание узаконений № 1509 от 10 июня 1900 года, № 1506 от 12 июня 1900 года) статья 256 после 1885 года была подкорректирована одной из первых. Вместо одной статьи 256 Уложения законодатель ввел в действие сразу несколько: 256; 256.1; 256.2 [Уложение ..., 1892, с. 214; Уложение ..., 1914, с. 180—182]. Их анализ выявил следующее. Во-первых, разделение статьи на ряд отдельных норм позволило ещё более дифференцированно подойти к наказанию. Во-вторых, ответственность власть возложила лишь на лицо, заведомо осознающее, что разглашаемые или публикуемые сведения должны храниться в тайне от иностранных государств. В-третьих, устанавливалось строгое наказание за разглашение и публикацию сведений, доверенных виновному в ходе выполнения служебных обязанностей, а также сведений, полученных с использованием служебного положения (за такие нарушения назначались каторжные работы до 8 лет). В-четвертых, был криминализован ряд действий: съемка без соответствующего разрешения, зарисовка или письменное описание какого-либо военного сооружения; приобретение, копирование документа или рисунка без соответствующего разрешения, а также сбор сведений, хранящихся в тайне от иностранных государств. За осуществление таких действий с целью сообщения правительству или агенту иностранного государства (невраждебного России) полагалось наказывать существенно строже. В-пятых, было криминализовано противоправное (без разрешения) проникновение на территорию российской военной части (лагерь, судно, порт, сооружение) [Уложение ..., 1914, с. 34—35, 180—182]. Все изменения были ответом на современные вызовы и представляли собой затянувшийся, но весьма прогрессивный шаг к усовершенствованию механизмов уголовно-правового противодействия угрозам государственной безопасности. Примечательно, что мягкость наказания за незаконное разглашение сведений невраждебному России государству осталась прежней.

Весной 1903 года император Николай II попытался принять кардинальные меры и своим указом утвердил новый уголовный акт под наименованием «Уголовное уложение» [СУРП, 1914, с. 910—912; Уголовное уложение ..., 1903]. Уголовное уложение, хотя и было предварительно подписано императором, должно было обрести юридическую силу после дополнительных мер, что было оговорено. Статьи о государственной безопасности соответствовали исторической обстановке и представляли собой прогрессивный шаг в укреплении соответствующего института. Криминализация ряда действий, несомненно, повысила бы уровень противодействия угрозам внешней и внутренней безопасности страны. Однако этот проект также попал в зависимость от политической обстановки. В итоге

дополнительного распоряжения не последовало, хотя в этот период многие представители государственной власти Империи осознавали насущную потребность в скорейшей модернизации института правового противодействия государственной измене [Зверев, 2017, с. 8—17]. В 1904, 1905, 1906, 1909, 1911, 1912, 1913, 1914 годах отдельными законами государственная власть ввела в действие лишь несколько глав и статей из Уголовного уложения, в том числе и статьи, касающиеся государственной измены в форме шпионажа и выдачи государственной тайны, которыми частично заменялись статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [Уложение ..., 1914, с. 172; Уложение ..., 1916, с. 519—521]. Во всех иных случаях продолжали действовать прежние нормы. Лишь на территории некоторых прибалтийских губерний Уголовное уложение 1903 года вступило в силу полностью [Поцелуев, 2003, с. 183—187; Упоров и др., 2016, с. 235—237]. При этом в связи с принятием этих законов и введением в действие статей Уголовного уложения статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных стали отменяться, но не сразу. Так, статья 253 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных была отменена Законом № 37724 от 5 июля 1912 года [Уложение ..., 1914, с. 179]. В 1914 году правилами (продолжением 1914), изложенными в Уголовном уложении, было отменено и юридическое действие статей 254—259 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [Уложение ..., 1916, с. 57]. Это были слегка запоздалые, но нужные меры в ответ на угрозы государственной безопасности. Именно в этот период противоправная шпионская деятельность иностранных разведок многократно усилилась. Особенно это коснулось приграничных регионов Российской империи [ГАЗК, ф. 13, л. 7; Зверев, 2015, с. 89—96; Федорова и др., 2017, с. 134—144].

4. Заключение

Таким образом, институт уголовно-правового противодействия государственной измене во второй половине XIX — начале XX веков занимал особое место в законодательстве Российской империи. Многие из принятых в это время норм сохранили своё действие до конца существования Российской империи. Процесс развития уголовного законодательства в области противодействия государственной измене делится на два крупных хронологических отрезка. При определённой целостности, масштабности, обоснованности правовой механизм второй половины XIX века обладал рядом недостатков. Почти всю вторую половину XIX века он был ограничен простым перечислением отдельных случаев измены в диспозициях правовых норм без указания общих элементов состава деяний.

Институт противодействия измене находился в зависимости от состояния межгосударственных отношений России с различными иностранными государствами. При этом используемые в правовых нормах понятия, имевшие существенное значение для правильного их толкования и практического применения, нередко не разъяснялись. В то же время были очевидные нормы, имеющие правоприменительную практику: так, за совершение измены в местах непосредственного осуществления военных действий, а также в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали военному суду и несли ответственность по Воинскому уставу о наказаниях, даже если они являлись гражданскими лицами. Государственная власть достаточно медленно шла по пути выявления и криминализации деяний, наносивших реальный вред интересам России. Ответом на вызовы и угрозы государственной безопасности в начале XX века стало совершенствование правового механизма выявления шпионской деятельности и наказания за нее, что было обусловлено в том числе усилившейся работой иностранных разведок на территории Российской империи.

Источники и принятые сокращения

1. *Воинский устав о наказаниях* (XXII кн. Св. Воен. Пост. 1869 г., изд. 2). С включением всех позднейших узаконений, последовавших в изменение текста сего Устава. 2-е изд. Книжного и географического магазина Главного штаба; испр. и доп. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1899. — 123 с.

2. *Высочайше* утвержденное от 15 августа 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г. в 55 т. — Санкт-Петербург : Типография 2 отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — Т. 20. — Отд. 1. — № 19283. — С. 598—1010.

3. ГАЗК — *Государственный архив* Забайкальского края. Ф. 13. Оп. 2. Д. 29. Л. 7.

4. *Отчеты* о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10а. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2019 года, за 2018 год, за 2017 год, за 2016 год, за 2015 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде РФ. — Режим доступа : <http://www.cder.ru/index.php?id=79> (дата обращения 05.12.2019).

5. СУРИП — *Собрание Узаконений и Распоряжений* Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914 года. Отдел первый. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1914. — 3154 с.

6. ТСЖВЯ — *Толковый словарь* живого великорусского языка : в 4 т. / под ред. В. Даля. — Репринт. воспроизв. изд. 1882 г. — Санкт-Петербург : Диамант, 1996. — Т. 4. — 688 с.

7. *Уголовное уложение, высочайше утвержденное* 22 марта 1903 года. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1903. — 144 с.

8. *Уголовное уложение* 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государ-

ственный совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета / Изд. Н. С. Таганцева. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1904. — 1125 с.

9. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Устав о наказаниях мировыми судьями. Издание 1866 г. и продолжениями 1868, и всем позднейшим дополнениям, опубликованным в Соборн. Правит. Распор. и Правит. Вестнике. — 4-е изд. — Москва : Тип. В. Готье на Кузнецком мосту д. Торлецкого, 1872. — 563 с.

10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года*. — 7-е изд., пересмотр. и доп. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1892. — 796 с.

11. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Изд. 1885 г. и по прод. 1912. С извлечениями из решений Правит. Сената, Свода законов, Сводов военных и морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями / сост. В. В. Волков. — Санкт-Петербург : Юридический книжный магазин И. И. Зубкова «Законоведение», 1914. — 1433 с.

12. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов. Уголовное уложение : (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. — Петроград, 1916. — 521 с.

13. *Устав военно-судебный* (I, II, III и IV разделы, высочайше утвержденные 8 марта 1883 г., 13 марта 1884 г. и 9 июля 1885 г.) : разъясненный и дополненный мотивами, послужившими его основанием и вызвавшими его последующие изменения, всеми позднейшими узаконениями, решениями Главного военного суда, приказами по Военному ведомству и циркулярами Главного штаба с 1867 года по 1 января 1889 года. — 5-е изд. / составил пом. воен. прокурора Н. Мартынов. — Санкт-Петербург : Юрид. кн. маг., 1889. — 352 с.

14. *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*. Издание 1885 года. С доп. по продолжению 1885 г., с прил. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. 14-е изд. доп. — Санкт-Петербург : Гос. Типография, 1902. — 437 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безгин В. Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. — Москва : Common place, 2017. — 334 с. — ISBN 978-5-999999-0-25-7.

2. *Безгин В. Б.* Обычное право и волостной суд : современное состояние изучения проблемы / В. Б. Безгин // *Право : история и современность*. — 2018. — № 1. — С. 7—15. — DOI: 10.17277/pravo.2018.01.pp.007-015.

3. *Дворецкий М. Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности как оптимальное средство предупреждения преступлений и преступности / М. Ю. Дворецкий. — Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2009. — 669 с. — ISBN 978-5-89016-473-5.

4. *Дворецкий М. Ю.* Уголовная ответственность : реализация и эффективность : монография в 4-х частях. Часть II. Уголовная ответственность : история законодательного закрепления, понятие, сущность, виды, основание, реализация в механизме отечественного уголовно-правового регулирования и ее эффективность / М. Ю. Дворецкий, В. Ю. Стромов. — Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2013. — 311 с. — ISBN 978-5-89016-902-0.

5. Жукова А. С. О применении имущественных санкций в истории отечественного уголовного законодательства / А. С. Жукова // История государства и права. — 2013. — № 24. — С. 40—48.
6. Зверев В. О. Австрийская разведка против России в начале XX в. : от мифов к реальности / В. О. Зверев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2015. — № 4. — С. 88—99.
7. Зверев В. О. Нереализованные инициативы по борьбе с военным шпионажем в Российской империи (1909—1914 гг.) / В. О. Зверев // Новейшая история России. — 2017. — № 2 (19). — С. 7—18. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.201.
8. Зверев В. О. «Еврейский шпионаж» в варшавском генерал-губернаторстве России в 1914—1915 гг. : по материалам жандармской и прокурорской переписки / В. О. Зверев // Вопросы истории. — 2020. — № 6. — С. 105—114. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi05.
9. Злыденко Д. С. К вопросу о национальной безопасности как обеспечению защиты прав граждан в уголовном преследовании / Д. С. Злыденко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 382—384.
10. Кабельков С. Н. Эффективность использования уголовно-процессуальных институтов в уголовно-правовой политике России в области обеспечения национальной безопасности (постановка проблемы) / С. Н. Кабельков // Legal Concept. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 46—50. — DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.2.7.
11. Карева А. В. Из истории становления отечественного уголовного права / А. В. Карева // Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. — Смоленск : НОВАЛЕНКО, 2016. — С. 149—155.
12. Клембовский В. Н. Тайные разведки. Военное шпионство / В. Н. Клембовский. — Санкт-Петербург : Типография Тренке и Фюско, изд. В. Березовского, 1892. — 149 с.
13. Колоколов Г. Е. Новое Уголовное уложение. Толкование и критический разбор. Составлено по лекциям, читанным в 1903/04 академическом году / Г. Е. Колоколов. — Москва : Типо-Литограф. Ю. Венер преемн. О. Фальк, 1904. — 44 с.
14. Кудратов Н. А. Национальная и государственная безопасность как видовой объект преступления против основ конституционного строя и безопасности государства / Н. А. Кудратов // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 29—33. — DOI: 10.17223/23088451/13/6.
15. Кулев А. Г. Преступления против внешней безопасности государства / А. Г. Кулев. — Москва : Юрлитинформ, 2011. — 191 с. — ISBN 978-5-93295-797-4.
16. Люлюкин В. В. Трансформация правовой культуры : исторический аспект / В. В. Люлюкин // Право : история и современность. — 2019. — № 1. — С. 14—20. — DOI: 10.17277/pravo.2019.01.pp.014-020.
17. Макаров А. В. Противоводействие военно-уголовного законодательства в Российской империи конца XIX в. государственной измене в форме шпионажа и выдачи государственных тайн иностранному государству / А. В. Макаров, А. С. Петров // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 5. — С. 17—21.
18. Мулукаев Р. С. Вопросы безопасности в дореволюционном российском законодательстве / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44). — С. 56—61. — DOI: 10.24411/2078-5356-2018-1040.

19. *Петров К. С.* Становление в России правового института защиты государственной тайны / К. С. Петров // *Оперативник (сыщик)*. — 2015. — № 4 (45). — С. 3—5.
20. *Петров К. С.* Развитие в России правового института защиты государственной тайны во второй половине XIX века — октябре 1917 года / К. С. Петров // *Оперативник (сыщик)*. — 2016. — № 2 (47). — С. 3—5.
21. *Поцелуев Е. Л.* Уголовное уложение 22 марта 1903г. Причины принятия и история создания / Е. Л. Поцелуев // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — 2003. — № 3 (248). — С. 183—193.
22. *Путинцев А. В.* Проблема объекта отношения уголовно-правовой ответственности в русской юридической мысли второй половины XIX — начала XX века / А. В. Путинцев // *Baikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8. — № 3. — С. 24. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).24.
23. *Решетнёв И. А.* К вопросу о шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX — начале XX вв. / И. А. Решетнёв, В. В. Синиченко // *Восток. Афро-Азиатские общества : история и современность*. — 2007. — № 6. — С. 41—54.
24. *Родионова Т. А.* Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство : история вопроса и перспективы развития / Т. А. Родионова. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-4396-0159-2.
25. *Рябцев А. В.* Формы и методы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности / А. В. Рябцев, С. В. Гунич // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2014. — № 2 (28). — С. 124—131.
26. *Синиченко В. В.* Противодействие российских имперских властей японской разведке на Дальневосточных рубежах в начале XX века / В. В. Синиченко // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. — 2013. — № 4 (67). — С. 101—109.
27. *Скоробогатов А. В.* Уголовно-правовая политика России и обеспечение национальной безопасности : ретроспективный анализ / А. В. Скоробогатов // *Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность : теория и практика. Материалы III международной научно-практической конференции / ред. Р. А. Ромашов*. — Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. — С. 286—288.
28. *Скрипкин В. М.* Правовая регламентация государственной безопасности в Соборном уложении 1649 года / В. М. Скрипкин // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право*. — 2017. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 26—37.
29. *Упоров И. В.* Уголовное уложение 1903 г. : разработка и новеллы в части развития института уголовного наказания / И. В. Упоров, А. З. Хун // *Современная научная мысль*. — 2016. — № 6. — С. 235—240.
30. *Францифоров Ю. В.* Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве как гарантия стратегии национальной безопасности / Ю. В. Францифоров // *Legal Concept*. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 10—16.
31. *Федорова Т. В.* Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX — начале XX века / Т. В. Федорова, А. В. Степанов // *Известия Лаборатории древних технологий*. — 2017. — Т. 13. — № 4. — С. 134—144. — DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144.
32. *Шелудько В. О.* Проблемы реализации уголовного законодательства полицией Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период / В. О. Шелудько // *Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации (к 20-летию Уголовного кодекса Российской Федерации)*. — 2017. — Т. 1. — С. 10—15.

ской Федерации). Материалы всероссийской научно-практической конференции / редкол. С. Н. Бакшутов [и др.]. — Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. — С. 185—190.

33. *Aldrich R. J.* “Delayed Disclosure” : National Security, Whistle-Blowers and the Nature of Secrecy / R. J. Aldrich, C. R. Moran // *Political Studies*. — 2018. — Vol. 67 (2). — Pp. 291—306.

34. *Campbell L.* Organized crime and national security : a dubious connection? / L. Campbell // *New Criminal Law Review*. — 2014. — № 17 (2). — Pp. 220—251.

35. *Fodor G. A.* From State Safety to National Security : Rethinking Criminal Offences in Romania’s New Criminal Code / G. A. Fodor // *Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. Contemporary Criminal Justice Practice and Research. Conference Proceedings. The Ninth Biennial International Conference*. — 2012. — Pp. 12—13.

36. *Ginneken E. F.* “Just” punishment? Offenders’ views on the meaning and severity of punishment / E. F. Ginneken, D. Hayes // *Criminology & Criminal Justice*. — 2017. — № 17 (1). — Pp. 62—78. — DOI: 10.1177/1748895816654204/.

37. *Gray D.* Punishment as suffering / D. Gray // *Vanderbilt Law Review*. — 2010. — № 63 (6). — Pp. 1619—1693.

38. *Hayes D.* The Effect of Surveillance on Pain in Public Fines in England and Wales : A Preliminary Study / D. Hayes // *European Probation Journal*. — 2015. — № 7 (2). — Pp. 85—102. — DOI: 10.1177/2066220315593099/.

39. *Seal L.* Imagined Communities and the Death Penalty in Britain, 1930–65 / L. Seal // *The British Journal of Criminology*. — 2014. — Vol. 54. — № 5. — Pp. 908—927. — DOI: 10.1093/bjc/azu045.

40. *Sergi A.* Organised Crime in Criminal Law : Conspiracy and Membership Offences in Italian, English and International Frameworks / A. Sergi // *King’s Law Journal*. — 2014. — Vol. 25. — № 2. — Pp. 185—200.

41. *Sergi A.* National Security vs Criminal law. Perspectives, Doubts and Concerns on the Criminalisation of Organised Crime in England and Wales / A. Sergi // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2016. — Vol. 22. — № 4. — Pp. 713—729.

42. *Steinberg J.* The Labyrinth of Jewish Security Arrangements in Johannesburg : Thinking through a Paradox about Security / J. Steinberg, M. Marks // *The British Journal of Criminology*. — 2014. — Vol. 54. — № 2. — Pp. 244—259.

43. *Zedner L.* Security, the State, and the Citizen : The Changing Architecture of Crime Control / L. Zedner // *New Criminal Law Review : An International and Interdisciplinary Journal*. — 2010. — Vol. 13. — № 2. — Pp. 379—403.

COUNTERACTION TO HIGH TREASON IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

© **Andrey V. Makarov (2021)**, orcid.org/0000-0003-4270-1641, Doctor of Law, Dean of the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Transbaikal State University” (Chita, Russia), jus-chita@yandex.ru.

© **Natalia Yu. Gusevskaya (2021)**, orcid.org/0000-0003-0888-136X, PhD in Pedagogy, Head of the Department of International Law and International Relations, Federal State Budg-

etary Educational Institution of Higher Education “Transbaikal State University” (Chita, Russia), gusnat1@rambler.ru.

© **Artem S. Petrov (2021)**, orcid.org/0000-0002-6438-3165, PhD in History, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Transbaikal State University” (Chita, Russia), partem11@rambler.ru.

The problem of improving the criminal liability of the subjects of the Russian Empire at the end of the nineteenth century for espionage and spilling state secrets to a foreign state is considered. The relevance of the study is due to the importance of the problem under study for the effective functioning of the Russian state. The study is based on historical sources of a regulatory and legal nature and is interdisciplinary in nature. Particular attention is paid to the study of legal norms, the identification of the type and amount of punishments for the commission of espionage by Russian citizens and spilling the state secrets to a foreign state. It is indicated that in the second half of the 19th century, the intensity of intelligence of foreign secret services in the territory of the Russian Empire increased. It is noted that more and more often foreign powers involved Russian subjects in the process of obtaining Russian secrets. At the same time, the analysis of the sources made it possible to reveal a sufficient limitation of the institution of counteracting espionage and disclosure of state secrets to foreign states in the Russian Empire at the end of the 19th century. It is proved that it was precisely these phenomena at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries that determined the authorities' desire to progressively improve legal mechanisms that counteract threats and challenges to national security.

Key words: enemy; espionage; disclosure of state secrets; foreign state; legislation; Code of criminal and correctional punishments; the Russian Empire.

MATERIAL RESOURCES

- GAZK — *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykalskogo kraya. F. 13. Op. 2. D. 29. L. 7* [State Archive of the Trans-Baikal Territory. F. 13. Op. 2. D. 29. L. 7]. (In Russ.).
- Otchety o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii № 10a. Svodnyye statisticheskiye svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 1 polugodiye 2019 goda, za 2018 god, za 2017 god, za 2016 god, za 2015 god [Reports on the number of persons convicted for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation № 10a. Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for the 1st half of 2019, for 2018, for 2017, for 2016, for 2015]. In: *Sudebnyy departament pri Verkhovnom sude RF* [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 05.12.2019). (In Russ.).
- SURP — *Sobraniye Uzakoneny i Rasporyazheniy Pravitelstva, izdavayemoye pri Pravitelstvuyushchem Senate. 1914 goda. Otdel pervyy* [Collection of laws and regulations of the Government, published under the Governing Senate. First, the department]. (1914). Sankt-Peterburg: Senat. tip. 3154 p. (In Russ.).
- TSZhVYa — *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language], 4 (4). (1996). Sankt-Peterburg: Diamant. 688 p. (In Russ.).
- Ugolovnoye ulozheniye, vysochayshe utverzhdennoye 22 marta 1903 goda* [The Criminal Code, most highly approved on March 22, 1903]. (1903). Sankt-Peterburg: Senatskaya tipografiya. 144 p. (In Russ.).

- Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 g. S motivami, izvlechennymi iz obyasnitelnoy zapiski redaktsionnoy komissii, predstavleniya Ministerstva yustitsii v Gosudarstvennyy sovet i zhurnalov osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo soveta* [The Criminal Code of March 22, 1903, With the reasons extracted from the explanatory note of the editorial Commission, the submission of the Ministry of Justice to the State Council, and the journals of the special meeting, the special presence of the departments, and the general meeting of the State Council]. (1904). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 1125 p. (In Russ.).
- Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh. Ustav o nakazaniyakh mirovymi sudyami. Izdaniye 1866 g. i prodolzheniyami 1868, i vsem pozdneyshim dopolnениyam, opublikovannym v Soborn. Pravit. Rasp. i Pravit. Vestnike. 4-e izd.* [The Code on Criminal and Correctional Punishments. Regulations on Punishments of Justices of the Peace. The 1866 edition and the 1868 sequel, as well as all later additions published in Soborna. Rules. Rasp. and the Rules. Messenger. 4th ed.]. (1872). Moskva: Tip. V. Gotyev na Kuznetskom mostu d. Torletskogo. 563 p. (In Russ.).
- Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh 1885 goda.* [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. (1892). Sankt-Peterburg: tip. M. Stasyulevicha. 796 p. (In Russ.).
- Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh. Izd. 1885 g. i po prod. 1912. S izvlecheniyami iz resheniy Pravit. Senata, Svoda zakonov, Svodov voyennykh i morskikh postanovleniy, s ukazaniyem podsudnosti, sudoproizvodstvennykh pravil i prilozheniyami* [The Code on Criminal and Correctional Punishments. Ed. 1885 and prod. 1912. With extracts from the judgments of the Court. The Senate, the Code of Laws, the Codes of military and naval regulations with the indication of jurisdiction, judicial rules and annexes]. (1914). Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy knizhnyy magazin I. I. Zubkova «Zakonovedeniye». 1433 p. (In Russ.).
- Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitelnykh. Izdaniye 1885 goda, so vкlyucheniyem statey po Prodolzheniyam 1912, 1913 i 1914 godov. Ugolovnoye ulozheniye: (stat'i, vvedennyye v deystviye). Izdaniye 1909 goda, so vкlyucheniyem statey po Prodolzheniyam 1912 i 1913 godov* [Code on Criminal and Correctional Punishments. Edition of 1885, with the inclusion of articles on the continuations of 1912, 1913, and 1914. Criminal Code: (articles entered into force). Edition of 1909 with the inclusion of articles on the continuations of 1912 and 1913]. (1916). Petrograd. 521 p. (In Russ.).
- Ustav voyenno-sudebnyy (I, II, III i IV razdely, vysochayshe utverzhennyye 8 marta 1883 g., 13 marta 1884 g. i 9 iyulya 1885 g.): razyasnennyy i dopolnennyy motivami, posluzhivshimi yego osnovaniyem i vyzvavshimi yego posleduyushchiye izmeneniya, vsemi pozdneyshimi zakoneniyaми, resheniyami Glavnogo voyennogo suda, prikazami po Voyennomu vedomstvu i tsirkulyarami Glavnogo shtaba s 1867 goda po 1 yanvaryu 1889 goda. 5-e izd.* [The Military-Judicial Charter (sections I, II, III and IV, most highly approved on March 8, 1883, March 13, 1884 and July 9, 1885): explained and supplemented by the reasons that served as its basis and caused its subsequent changes, all subsequent legalizations, decisions of the Main Military Court, orders for the Military Department and circu-

- lars of the General Staff from 1867 to January 1, 1889. 5th ed]. (1889). Sankt-Peterburg: Yurid. kn. mag. 352 p. (In Russ.).
- Ustav o nakazaniyakh, nalagayemykh mirovymi sudyami. Izdaniye 1885 goda. S dop. po prodolzheniyu 1885 g., s pril. motivov i izvlecheniy iz resheniy kassatsionnykh departamentov Senata. 14-e izd. dop.* [Regulations on punishments imposed by justices of the Peace. The edition of 1885. With a surcharge. On the continuation of 1885, with adj. motives and extracts from the decisions of the cassation departments of the Senate]. (1902). Sankt-Peterburg: Gos. Tipografiya. 437 p. (In Russ.).
- Voinskiy ustav o nakazaniyakh (XXII kn. Sv. Voyen. Post. 1869 g., izd. 2). S vklyucheniym vsekhn pozdneysikh zakoneny, posledovavshikh v izmeneniye teksta sego Ustava. 2-e izd. Knizhnogo i geograficheskogo magazina Glavnogo shtaba; ispr. i dop.* [Military regulations on punishments (XXII Book of the Holy Army. Post. 1869, ed. 2). With the inclusion of all subsequent legalizations that followed in the amendment to the text of this Charter. 2nd ed. Book and geographical warehouse of the Chief of Staff; rel. and add]. (1899). Sankt-Peterburg: Voyennaya tipografiya. 123 p. (In Russ.).
- Высоchайше утверждённое от 15 августа 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [The Code of Criminal and Correctional Punishments was most highly approved on August 15, 1845]. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2-e. 12 dekabrya 1825 — 28 fevralya 1881 gg.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2-e December 12, 1825 — February 28, 1881], 55, 20 (1); № 19283. Sankt-Peterburg: Tipografiya 2 otd. Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 598—1010. (In Russ.).

REFERENCES

- Aldrich, R. J., Moran, C. R. (2018). “Delayed Disclosure”: National Security, Whistle-Blowers and the Nature of Secrecy. *Political Studies*, 67 (2): 291—306.
- Bezgin, V. B. (2017). *Muzhitskaya pravda. Obychnoye pravo i sud russkikh krestyan* [Muzhitskaya pravda. Customary law and the court of Russian peasants]. Moskva: Common place. 334 p. ISBN 978-5-999999-0-25-7. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2018). Obychnoye pravo i volostnoy sud: sovremennoye sostoyaniye izucheniya problemy [Customary law and the volost court: the current state of the study of the problem]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: History and Modernity], 1: 7—15. DOI: 10.17277/pravo.2018.01.pp.007-015. (In Russ.).
- Campbell, L. (2014). Organized crime and national security: a dubious connection? *New Criminal Law Review*, 17 (2): 220—251.
- Dvoretzkiy, M. Yu. (2009). *Effektivnaya realizatsiya ugovnoy otvetstvennosti kak optimalnoye sredstvo preduprezhdeniya prestupleniy i prestupnosti* [Effective implementation of criminal responsibility as an optimal means of preventing crimes and criminality]. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G. R. Derzhavina. 669 p. ISBN 978-5-89016-473-5. (In Russ.).
- Dvoretzkiy, M. Yu., Stromov, V. Yu. (2013). *Ugolovnaya otvetstvennost': realizatsiya i effektivnost': monografiya v 4-kh chastyakh. Chast' II. Ugolovnaya otvetstvennost': istoriya zakonodatelnogo zakrepleniya, ponyatiye, sushchnost', vidy, osnovaniye,*

- realizatsiya v mekhanizme otechestvennogo ugovolno-pravovogo regulirovaniya i ee effektivnost'* [Criminal liability: implementation and effectiveness: monograph in 4 parts. Part II. Criminal liability: the history of legislative consolidation, concept, essence, types, grounds, implementation in the mechanism of domestic criminal law regulation and its effectiveness]. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G. R. Derzhavina. 311 p. ISBN 978-5-89016-902-0. (In Russ.).
- Fedorova, T. V., Stepanov, A. V. (2017). Kontrrazvedyvatelnaya deyatelnost' osobogo otdela Irkutskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka [Counterintelligence activity of the special department of the Irkutsk provincial gendarmierie department in the second half of the XIX — early XX century]. *Izvestiya Laboratorii drevnykh tekhnologiy* [Izvestiya Laboratorii drevnykh tekhnologii], 13 (4): 134—144. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144. (In Russ.).
- Fodor, G. A. (2012). From State Safety to National Security: Rethinking Criminal Offences in Romania's New Criminal Code. In: *Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. Contemporary Criminal Justice Practice and Research. Conference Proceedings*. The Ninth Biennial International Conference. 12—13.
- Frantsiforov, Yu. V. (2018). Neprikosnovennost' lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve kak garantiya strategii natsionalnoy bezopasnosti [Inviolability of the individual in criminal proceedings as a guarantee of the national security strategy]. *Legal Concept*, 17 (2): 10—16. (In Russ.).
- Ginneken, E. F., Hayes, D. (2017). “Just” punishment? Offenders’ views on the meaning and severity of punishment’. *Criminology & Criminal Justice*, 17 (1): 62—78. DOI: 10.1177/1748895816654204/.
- Gray, D. (2010). Punishment as suffering. *Vanderbilt Law Review*, 63 (6): 1619—1693.
- Hayes, D. (2015). The Effect of Surveillance on Pain in Public Fines in England and Wales: A Preliminary Study. *European Probation Journal*, 7 (2): 85—102. DOI: 10.1177/2066220315593099/.
- Kabelkov, S. N. (2018). Effektivnost' ispolzovaniya ugovolno-protssesualnykh institutov v ugovolno-pravovoy politike Rossii v oblasti obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti (postanovka problemy) [Efficiency of the use of criminal-procedural institutions in the criminal-legal policy of Russia in the field of ensuring national security (problem statement)]. *Legal Concept*, 17 (2): 46—50. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.2.7. (In Russ.).
- Kareva, A. V. (2016). Iz istorii stanovleniya otechestvennogo ugovolnogo prava [From the history of the formation of domestic criminal law]. In: *Nauka i obrazovaniye v sotsiokulturnom prostranstve sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Science and education in the socio-cultural space of modern society. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference], 3. Smolensk: NOVALENKO. 149—155. (In Russ.).
- Klembovskiy, V. N. (1892). *Taynyye razvedki. Voennoye shpionstvo* [Secret intelligence. Military espionage]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Trenke i Fyusko, izd. V. Berzovskogo. 149 p. (In Russ.).
- Kolokolov, G. E. (1904). *Novoye Ugolovnoye ulozheniye. Tolkovaniye i kriticheskiy razbor. Sostavleno po lektsiyam, chitannym v 1903/04 akademicheskoy godu* [The New

- Criminal Code. Interpretation and critical analysis. Compiled from the lectures given in the 1903/04 academic year]. Moskva: Tipo-Litogr. Yu. Vener preemn. O. Falk. 44 p. (In Russ.).
- Kudratov, N. A. (2019). Natsionalnaya i gosudarstvennaya bezopasnost' kak vidovoy obyekt prestupleniya protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva [National and state security as a specific object of crime against the foundations of the constitutional system and the security of the state]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Criminal justice], 13: 29—33. DOI: 10.17223/23088451/13/6. (In Russ.).
- Kulev, A. G. (2011). *Prestupleniya protiv vneshney bezopasnosti gosudarstva* [Crimes against the external security of the state]. Moskva: Yurlitinform. 191 p. ISBN 978-5-93295-797-4. (In Russ.).
- Lyulyukin, V. V. (2019). Transformatsiya pravovoy kultury: istoricheskiy aspekt [Transformation of legal culture: historical aspect]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity], 1: 14—20. DOI: 10.17277/pravo.2019.01.pp.014-020. (In Russ.).
- Makarov, A. V., Petrov, A. S. (2020). Protivodeystviye voyenno-ugolovnogogo zakonodatelstva v Rossiyskoy imperii kontsa XIX v. gosudarstvennoy izmene v forme shpionazha i vydachi gosudarstvennykh tayn inostrannomu gosudarstvu [Opposition to the military-criminal legislation in the Russian Empire in the late nineteenth century treason in the form of espionage and issuance of state secrets to a foreign government]. *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal* [Military Law Journal], 5: 17—21. (In Russ.).
- Mulukanov, R. S., Malygin, A. Ya. (2018). Voprosy bezopasnosti v dorevolyutsionnom rossiyskom zakonodatelstve [Safety Issues in pre-revolutionary Russian legislation]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia], 4 (44): 56—61. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-1040. (In Russ.).
- Petrov, K. S. (2015). Stanovleniye v Rossii pravovogo instituta zashchity gosudarstvennoy tayny [Formation of the Legal Institute for the protection of state secrets in Russia]. *Operativnik (syshchik)* [Operational (detective)], 4 (45): 3—5. (In Russ.).
- Petrov, K. S. (2016). Razvitiye v Rossii pravovogo instituta zashchity gosudarstvennoy tayny vo vtoroy polovine XIX veka — oktyabre 1917 goda [Development in Russia of the legal institute for the protection of state secrets in the second half of the XIX century — October 1917]. *Operativnik (syshchik)* [Operative (detective)], 2 (47): 3—5. (In Russ.).
- Potseluyev, E. L. (2003). Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 g. Prichiny prinyatiya i istoriya sozdaniya [Criminal Code of March 22, 1903. The reasons for the adoption and the history]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 3 (248): 183—193. (In Russ.).
- Putintsev, A. V. (2017). Problema obyekta otnosheniya ugolovno-pravovoy otvetstvennosti v russkoy yuridicheskoy mysli vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka [The Problem of the relation object of criminal responsibility in the Russian legal thought of the second half of XIX — early XX century]. *Bayikal Research Journal* [Baikal scientific journal], 8 (3): 24. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).24. (In Russ.).
- Reshetnev, I. A., Sinichenko, V. V. (2007). K voprosu o shpionazhe na vostochnykh okrainakh Rossii v kontse XIX — nachale XX vv. [Of spying on the Eastern outskirts of Russia in the late XIX — early XX century]. *Vostok. Afro-Aziatskiye ob-*

- shchestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: History and Modernity], 6: 41—54. (In Russ.).
- Rodionova, T. A. (2012). *Problemy vliyaniya mezhdunarodnogo prava na otechestvennoye ugolovnoye zakonodatelstvo: istoriya voprosa i perspektivy razvitiya* [Problems of the influence of international law on domestic criminal legislation: the history of the issue and prospects for development]. Moskva: Yurlitinform. 254 p. ISBN 978-5-4396-0159-2. (In Russ.).
- Ryabtsev, A. V., Gunich, S. V. (2014). *Formy i metody deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v sisteme obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti* [Forms and methods of activity of internal affairs bodies of the Russian Federation in the system of ensuring national security]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2 (28): 124—131. (In Russ.).
- Seal, L. (2014). Imagined Communities and the Death Penalty in Britain, 1930—65. *The British Journal of Criminology*, 54 (5): 908—927. DOI: 10.1093/bjc/azu045.
- Sergi, A. (2014). Organised Crime in Criminal Law: Conspiracy and Membership Offences in Italian, English and International Frameworks. *King's Law Journal*, 25 (2): 185—200.
- Sergi, A. (2016). National Security vs Criminal law. Perspectives, Doubts and Concerns on the Criminalisation of Organised Crime in England and Wales. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 22 (4): 713—729.
- Sheludko, V. O. (2017). Problemy realizatsii ugolovnogo zakonodatelstva politsiyey Sibiri i Dalnego Vostoka v dorevolutsionnyy period [Problems of implementation of criminal legislation by the police of Siberia and the Far East in the pre-revolutionary period]. In: *Reforma ugolovnogo zakonodatelstva v Rossiyskoy Federatsii (k 20-letiyu Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii): materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Reform of criminal legislation in the Russian Federation (to the 20th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation): materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Khabarovsk: RIO DVYuL MVD Rossii. 185—190. (In Russ.).
- Sinichenko, V. V. (2013). Protivodeystviye rossiyskikh imperskikh vlastey yaponskoy razvedke na Dalnevostochnykh rubezhakh v nachale XX veka [Counteraction of the Russian Imperial authorities to Japanese intelligence on the Far Eastern borders at the beginning of the XX century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (67): 101—109. (In Russ.).
- Skorobogatov, A. V. (2013). Ugolovno-pravovaya politika Rossii i obespecheniye natsionalnoy bezopasnosti: retrospektivnyy analiz [Criminal-legal policy of Russia and ensuring national security: a retrospective analysis]. In: *Penitentsiarnoye pravo i penitentsiarnaya bezopasnost': teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Penitentiary Law and penitentiary security: theory and practice. Materials of the III international scientific and practical conference]. Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii. 286—288. (In Russ.).
- Skripkin, V. M. (2017). Pravovaya reglamentatsiya gosudarstvennoy bezopasnosti v Sobornom ulozhenii 1649 goda [Legal regulation of state security in the Cathedral

- Code of 1649]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law], 7 (4) (25): 26—37. (In Russ.).
- Steinberg, J., Mark, M. (2014). The Labyrinth of Jewish Security Arrangements in Johannesburg: Thinking through a Paradox about Security. *The British Journal of Criminology*, 54 (2): 244—259.
- Uporov, I. V., Khun, A. Z. (2016). Ugolovnoye ulozheniye 1903 g.: razrabotka i novelty v chasti razvitiya instituta ugolovnogo nakazaniya [Criminal code of 1903: development and novelties in the development of the Institute of criminal Punishment]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 6: 235—240. (In Russ.).
- Zedner, L. (2010). Security, the State, and the Citizen: the Changing Architecture of Crime Control. *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*, 13 (2): 379—403.
- Zhukova, A. S. (2013). O primeneniі imushchestvennykh sanktsiy v istorii otechestvennogo ugolovnogo zakonodatelstva [On the application of property sanctions in the history of domestic criminal legislation]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 24: 40–48. (In Russ.).
- Zlydenko, D. S. (2015). K voprosu o natsionalnoy bezopasnosti kak obespecheniyu zashchity prav grazhdan v ugolovnom presledovanii [On the issue of national security as ensuring the protection of citizens' rights in criminal prosecution]. *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS* [State and municipal administration. Scientific notes of SKAGS], 3: 382—384. (In Russ.).
- Zverev, V. O. (2015). Avstriyskaya razvedka protiv Rossii v nachale XX v.: ot mifov k realnosti [Austrian intelligence against Russia at the beginning of the XX century: from myths to reality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Saint Petersburg University. History], 4: 88—99. (In Russ.).
- Zverev, V. O. (2017). Nerealizovannyye initsiativy po borbe s voyennym shpionazhem v Rossiyskoy imperii (1909—1914 gg.) [Unrealized initiatives to combat military espionage in the Russian Empire (1909—1914)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2 (19): 7—18. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.201. (In Russ.).
- Zverev, V. O. (2020). «Yevreyskiy shpionazh» v varshavskom general-gubernatorstve Rossii v 1914—1915 gg: po materialam zhandarmskoy i prokurorskoy perepiski [“Jewish espionage” in the Warsaw General Government of Russia in 1914–1915: the materials of gendarmerie and prosecutor’s correspondence]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 6: 105—114. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi05. (In Russ.).

Мамедов Р. Ш. Особенности политического развития Ирака в 2003—2020 годах: формирование новой элиты / Р. Ш. Мамедов, М. А. Сапронова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 357—370. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370.

Mamedov, R. Sh., Saproнова, M. A. (2021). Features of the Political Development of Iraq in 2003—2020: the Formation of a New Elite. *Nauchnyi dialog, 1*: 357-370. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370. (In Russ.).

УДК 94(567)“2003/2020”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-357-370

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАКА В 2003—2020 ГОДАХ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭЛИТЫ

© Мамедов Руслан Шакирович (2021), orcid.org/0000-0002-9783-5500, ResearcherID AAY-5837-2020, программный менеджер, Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (Москва, Россия), rmamedov@russianscouncil.ru.

© Сапронова Марина Анатольевна (2021), orcid.org/0000-0002-4241-2156, доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, профессор кафедры востоковедения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), m.saproнова@inno.mgimo.ru.

Рассматриваются особенности рекрутирования политической элиты Ирака после свержения режима президента С. Хусейна в 2003 году. Актуальность исследования обусловливается необходимостью изучения процессов элитообразования на Ближнем Востоке в период региональных трансформаций. Выявлены ключевые механизмы и принципы формирования иракской политической элиты в рамках складывающейся постсаддамовской политической системы. Показано, что входившие во власть при поддержке американцев политические лидеры до 2003 года представляли собой «контрэлиты» С. Хусейну, поэтому участие в оппозиционных режимных движениях стало важным критерием рекрутирования. Комментируются неформальные (традиционные) принципы рекрутирования новой элиты, ставшие основным механизмом этого процесса. Охарактеризован принцип «мухасаса таифийя», который предполагает распределение политических позиций в соответствии с долей этноконфессиональных групп в общем составе населения. Уделяется внимание клановой солидарности и религиозным институтам. Подчеркивается, что роль шиитских религиозных структур, в том числе духовных лидеров, и их влияние на процесс формирования политической элиты серьезно возросли по сравнению с дооккупационным периодом.

Ключевые слова: Ирак; шииты; рекрутирование политической элиты; мухасаса; этноконфессиональная группа; клановость.

1. Введение

Американское вторжение в Ирак и его оккупация в 2003 году поставили, кроме прочих вопросов глобального и регионального характера,

вопрос о формировании новой власти. Насильственное прерывание процесса государственного развития страны усилило межконфессиональные противоречия, а провозглашенные демократические принципы пришли в противоречие со сложным в социальном и этноконфессиональном отношении обществом. Разрушение институтов авторитарного правления и отход от прежних государственных принципов создали совершенно новую политическую ситуацию, в которой при непосредственном участии американцев начала формироваться политическая система и рекрутироваться новая властная элита. Под рекрутированием и механизмами рекрутирования элиты понимаются, по определению О. Гаман-Голутвиной, «принципы выдвижения в ее состав новобранцев, неизбежно разнящиеся в зависимости от общественного строя и исторической эпохи (такими принципами, попеременно либо синхронно, были кровное родство, наследование, владение собственностью, профессиональная компетентность, партийная принадлежность, личная преданность, старшинство или выслуга лет, протекционизм и т. д.)» [Гаман-Голутвина, 2000, с. 100].

Основную роль в определении механизмов формирования этой элиты, строительства институтов и избирательного процесса сыграла Временная коалиционная администрация (ВКА) — созданный американцами в 2003 году оккупационный орган для управления Ираком, — а также ее консультативный орган — Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ), в который вошли бывшие оппозиционеры режиму Саддама Хусейна. Эти политические деятели сначала сформировали переходные органы власти, а затем закрепили свои позиции после принятия новой иракской конституции 2005 года.

Однако это не стабилизировало политическую ситуацию в стране, напротив, результатом прихода к власти новой элиты стало обострение межконфессиональных отношений, усиление терроризма, ускоренные процессы децентрализации и практический паралич самой власти.

2. Из контрэлиты в новую элиту

В сформированные временные органы государственной власти в оккупационный период в соответствии с предписаниями «справедливого представительства для меньшинств» и начавшегося процесса дебаасификации вошли прежде всего политические деятели, находившиеся в оппозиции к режиму С. Хусейна. Эта так называемая «контрэлита» Ирака была разделена на внутреннюю и внешнюю оппозиции, дробившиеся, в свою очередь, на кланы, ориентированные на страны их проживания до 2003 года (Иран, Великобритания, США и др.).

Участие в деятельности ключевых антирежимных организаций и близость к антисаддамовским внешним силам стали естественным пропуском в новую иракскую элиту. Кроме того, зачастую лица, формировавшие антисаддамовские движения за рубежом, сами или их непосредственные родители тоже некогда были частью иракской элиты, вытесненной из страны. Так, наиболее влиятельными (оппозиционными С. Хусейну) организациями на Западе (со связями в Лондоне и Вашингтоне): Иракским национальным согласием (ИНС) и Иракским национальным конгрессом (ИНК) — руководили Ийяд Аляуи и Ахмад Чалаби, чьи предки представляли традиционную иракскую элиту еще в период монархии (до революции 1958 года). Оба этих лидера, по сути, светские, но из шиитских семей, заняли ключевые позиции после свержения Саддама Хусейна. Среди прочих постов И. Аляуи занял главную позицию в стране, став премьер-министром первого временного правительства Ирака (2004—2005), а А. Чалаби возглавил один из влиятельнейших органов власти того периода — комиссию по дебаасификации Ирака (дебаасификация использовалась в качестве инструмента для того, чтобы избирательно лишать большое количество людей своей работы в органах безопасности или не допускать определенные лица до выборов [Cordesman, 2009, p. 38]). Другими крупными антисаддамовскими движениями были поддерживаемые в Иране организации, такие как Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ) во главе с семьей аль-Хахим. В достаточно уникальном положении находилась шиитская партия «Даава», имевшая связи и свои офисы в Иране, Великобритании и арабском мире (Сирия). Даава была образована в 1950-х годах группой иракских шиитских религиозных лидеров для ведения борьбы со светским республиканским режимом в Ираке, продвижения исламских ценностей и создания исламского государства [Мамедов и др., 2020].

Поскольку у американцев не было желания допустить к вводимым ими избирательным процедурам связанных с предыдущей властью лиц (включая простых бюрократов), а население блокировалось вокруг своих этноконфессиональных групп, победа шиитских политических сил была неминуемой. Новая политическая система была сформирована под этноконфессиональные особенности.

По итогам первых парламентских выборов, которые состоялись 30 января 2005 года, подавляющее большинство мест заняли шииты: победу одержал шиитский блок «Объединенная иракская коалиция» (ОИК), получив 140 мест из 275; второе место, с 75 местами, осталось за блоком объединенных курдских партий Демократический патриотический курдский альянс (ДПКА), также сотрудничавших с американцами. Третьей крупней-

шей политической силой (шиитской, но со светским видением) стала партия «Иракский список» (ИС) на тот момент временного премьер-министра И. Аляуи с 40 местами [Сапронова, 2006].

У первых парламентариев и сформированных ими правительств отсутствовал какой-либо управленческий опыт. Занимавшие министерские посты лица постоянно менялись, что не позволяло им обрести этот опыт. Кроме того, в новых органах государственной власти внутрииракские политические силы оказались в меньшинстве, так как подавляющее большинство постов в первых правительствах заняли иракцы, проживавшие до этого за рубежом. Эти новые лидеры почти всю свою «карьеру» вели борьбу против режима С. Хусейна, что, естественно, закрыло доступ к любым постам и властным ресурсам всем адептам бывшего президента [Marr, 2007], прежде всего, суннитским лидерам, которые в результате этого сами стали оппозицией для новой власти. Претендовавший на роль лидера суннитов и возглавлявший Ассоциацию мусульманских ученых Харис ад-Дари призвал к национальному сопротивлению и отверг возглавляемый американцами процесс национального строительства.

Бойкот суннитскими лидерами голосования в Национальное Собрание 2005 года в самом начале образования новой государственной власти привел к их ограниченному представительству в политическом процессе. Этому способствовала и принятая избирательная система. На выборах 2005 года Ирак представлял собой единый избирательный округ, а места распределялись путем пропорционального представительства на основе национальных списков. Вместо того, чтобы отвечать перед избирателями того или иного города, парламентарии должны были только оставаться лояльными партийным лидерам [Rubin, 2004]. В дальнейшем, конечно, избирательная система Ирака эволюционировала в пользу большего количества округов и даже репрезентативности, однако сформировавшаяся в первые годы оккупации Ирака элита сохраняла свои позиции и впоследствии.

Ключевое изменение в постсадамовской политической элите по итогам выборов 2010 и 2014 годов связано с тем, что в ней доминировали шиитские политики, проживавшие ранее не на Западе, а в ближневосточных государствах или в самом Ираке в период правления С. Хусейна. Поддерживавшийся Британией и США И. Аляуи имел шанс получить премьерское кресло в 2010 году, когда доверие суннитов позволило ему укрупнить политическую коалицию «Иракский список». Однако после выхода США из Ирака в 2011 году он, хотя и защитил позиции своего клана и занял важное место в политическом процессе, но влияние свое все же утратил. Считавшийся наиболее авторитетным у оккупантов поначалу А. Чалаби

не имел какой-либо социальной поддержки. Такая ситуация и ослабление других политических игроков позволили премьер-министру Н. аль-Малики (в прошлом возглавлявшему политическое бюро партии «Даава» в Дамаске) удерживать позицию премьер-министра в течение длительного времени (2006—2014) и руководить правящей партией, ставшей основой лидирующей коалиции «Правовое государство». В 2014 году в период распространения террористической организации «Исламское государство»¹ (далее — ИГ) и политического кризиса в Багдаде ему пришлось уступить место премьер-министра однопартийцу Хайдеру аль-Абади (проживавшему в изгнании в Лондоне в саддамовский период), что продемонстрировало раскол в партии по линии «западников» и «регионалов». Но роль лидера коалиции и влияние в парламенте за собой сохранил Н. аль-Малики.

Важное место в избирательном процессе заняли партии двух представителей религиозных авторитетных семей с наибольшим влиянием и поддержкой масс. К 2014 году усилилось институциональное влияние выходца из семьи шиитских ученых и проповедников, возглавлявших антисаддамовское движение внутри Ирака, Муктады ас-Садра. В 2014 году на выборах его блок «аль-Ахрар» получил 34 места в парламенте. Другим представителем влиятельной, подвергавшейся репрессиям в Ираке и проживавшей более двух десятилетий в Иране семьи можно назвать Аммара аль-Хакима, лидера Высшего исламского совета Ирака (ВИСИ). Его коалиция «аль-Мувагын» (Гражданин) в 2014 году замыкала тройку лидеров (29 мест).

Атмосфера разделённости внутри этноконфессиональных групп позволила изменить политический ландшафт в Ираке к 2018 году. Правящая до этого времени партия «Даава» раскололась, и на выборы 2018 года вышли две коалиции во главе с двумя бывшими премьерами Ирака от Даавы: Правовое государство (аль-Малики сохранил руководство и название) и Наср (Победа) Х. аль-Абади. Усилилось представительство в парламенте движения садристов и поддерживаемого Муктадой ас-Садром блока «ас-Саирун». Обновленное движение садристов выиграло (54 места) выборы при вступлении в коалицию с группами (коммунистами в том числе), поддерживавшими идеи технократизма и светскости. Вторым крупнейшим блоком стала новая политическая сила «Фатх» (Завоевание) во главе с Хадид аль-Амири, который был известен руководством проиранским корпусом «Бадр». Формирование этой политической коалиции связано со стремлением выходцев из Сил народного ополчения (СНО), сыгравших важную роль в борьбе с ИГ², переориентироваться и реализоваться в политическом

1 Деятельность организации запрещена на территории РФ.

2 Деятельность организации запрещена на территории РФ.

пространстве. Упомянутый ранее Аммар аль-Хаким к выборам 2018 года вышел из ВИСИ и образовал новое движение «Аль-Хикма», провозглашая переход к более либеральным идеям (19 мест).

Таким образом, избирательный процесс продемонстрировал, что к 2018—2020 годам наметился тренд на переход к социально-ориентированной риторике, при этом проживавшие до 2003 года на Западе оппозиционные режиму С. Хусейна политики уступали часть своего влияния иракским политическим лидерам и их движениям, связанным либо с региональными, либо с внутрииракскими силами. Тенденция на усиление этноконфессионального аспекта в электоральном процессе получила свое дальнейшее развитие (в том числе в увеличении квот для этноконфессиональных меньшинств в избирательном законодательстве), хотя сами иракские партии проводили ребрендинг и мобилизовывали свой электорат на технократической, а не этноконфессиональной основе.

3. Устойчивость кланов и раскол партийных блоков

На фоне этноконфессионального противостояния и борьбы за власть в Ираке усиливался процесс клановой солидарности, которую исследователи обосновывают актуальной и в настоящее время теорией арабского мыслителя XIV века Ибн Хальдуна (1332—1406) об «асабийи» — корпоративном духе, направленном на обретение и сохранение власти [Horgan et al., 2002]. «Циклическая динамика» Ибн Хальдуна раскрывается как постоянно возобновляемый «поиск подлинного авторитета, который в отсутствие Пророка замещается выдвигаемым из среды самой асабийной группы патриархальным или харизматическим лидером», превращающимся в наследственного автократического правителя, что «создает условия для захвата власти новой асабийей» [Алексеев, 2016, с. 97].

Иракские ученые отмечают, что еще до вторжения американцев в Ирак в 2003 году слабость институтов государственной власти вела к усилению значения решений лидера с опорой на три основных внутренних столпа власти: партия (руководящая партия Баас), военная организация (армия и спецслужбы), семейная и племенная организация. В свою очередь, основным мерилом рекрутирования элиты являлась лояльность лидеру именно из этих трех страт общества — партийных и армейских товарищей самого С. Хусейна, членов его семьи, клана и племени (и ближайших к ним племен) [Ат-Тамими, 2013].

В постаддамовский период клановость не только сохранилась, но и усилилась внутри основных этноконфессиональных групп Ирака, и это стало одним из факторов политической раздробленности и невозможности

создания этноконфессиональными группами устойчивых партийных коалиций. Именно конгломерат семей (связанных в основном общей историей борьбы с С. Хусейном) и стала представлять собой *большая* часть иракской элиты после 2003 года.

Ключевыми кланами *Иракского Курдистана* продолжают оставаться семьи Барзани и Талабани, чьи представители удерживают свои позиции на протяжении десятилетий. Так, Масуд Барзани, будучи председателем Демократической партии Курдистана, стал первым президентом Иракского Курдистана с 2005 по 2017 годы, а с 2019 года этот пост занимает его племянник Нечирван Барзани. В то же время премьер-министром Иракского Курдистана выступает сын Масуда Барзани Масрур. Семья Табалани возглавляет вторую крупнейшую партию курдов — Патриотический союз Курдистана. Лидер партии Джалаль Талабани был президентом Ирака с 2005 по 2014 годы, в то время как его сыновья занимали важные позиции в государственном управлении Иракского Курдистана. Так, сын Джалыла Кубад Талабани — заместитель премьер-министра с 2014 года и до настоящего времени. *В шиитской среде* доминируют авторитетные религиозные семьи ас-Садр и аль-Хаким (см. выше). При этом зачастую каких-либо официальных позиций лидеры этих семей и образованных ими движений не занимают, но осуществляют влияние на политический процесс. С другой стороны, шиитской частью элиты можно назвать и представителей Даава (например, семью Н. аль-Малики) и лидеров проиранских групп, таких как Х. аль-Амири. Таким образом, единства внутри шиитской общины нет, что отражается на динамике политического процесса в стране [Ад-Дабагх, 2017].

В *среде суннитов* также происходили расколы. Как было сказано выше, семья ад-Дари и суннитские политические силы бойкотировали выборы в период прямой американской оккупации Ирака в 2003—2005 годах, что негативно отразилось на суннитском представительстве. К выборам 2010 года американцы стремились реинтегрировать суннитские силы в политическое пространство. В этом процессе американцы заняли позицию ключевого посредника между кланами. Так, к 2010 году увеличилось количество суннитских партий, участвовавших в выборах. Во многом это произошло по причине американского посредничества между уже правящими элитами в столице и кланами, претендовавшими на участие в перераспределении государственных ресурсов. Проблема заключалась в том, что представлявшие суннитское население семьи и кланы, как, например, ас-Сулейман из племени Дулайм и аль-Явар из племени Шаммар, были реинтегрированы в иракское политическое пространство не в контексте всеобъемлющего примирения и принятия со стороны других бывших у вла-

сти кланов, а путем попытки их привлечения и включения в политический процесс посредником — американцами. И когда пропал посреднический элемент — с выходом американцев из Ирака в 2011 году — власти в лице премьер-министра Н. аль-Малики сразу дали старт кампании по дискредитации суннитских лидеров.

Во многом суннитским политическим силам приходилось включаться в политический процесс в рамках светских блоков. Но даже здесь проблема была в упущенном моменте и взятом новыми властями курсе на маргинализацию и дискриминацию суннитских политических сил (особенно во второй срок премьерства Н. аль-Малики с 2010 по 2014 годы). Наиболее успешным стал пример продвижения суннитов в рамках светского «Иракского списка», образованного в 2010 году. Однако уже к 2014 году аль-Иракия распалась на несколько блоков, а к 2018 году суннитам так и не удалось сформировать своей коалиции. Именно процессы маргинализации суннитской части населения и дискриминации суннитских политиков, особенно после вывода американских сил в 2011 году, и послужили одной из причин радикализации ситуации и создания атмосферы для распространения ИГ¹.

4. «Мухасаса таифийя» — неформальный принцип рекрутирования новой элиты

Важным принципом распределения властных полномочий в постсаддамовский период стал неформальный принцип распределения властных полномочий в соответствии с квотированием мест по этноконфессиональному принципу: в зависимости от численности, веса, влияния иракских общин, а также договоренностей между ними (принцип «мухасаса таифийя»). Эта система была разработана среди иракской оппозиции за рубежом еще в начале 1990-х годов. Затем идея реорганизации и разделения иракского политического пространства по линиям этноконфессиональных идентичностей была принята оппозицией режиму С. Хусейна, оформившейся в 1992 году на конференции в Салах ад-Дине (Багдад тогда потерял власть над этим городом), в которой приняли участие члены правительства в изгнании. По «принципам Салах ад-Дина» должности распределялись в соответствии с долей этноконфессиональных групп (курдов, арабов-суннитов, арабов-шиитов и др.) в общей численности населения [Dodge, 2018].

После 2003 года американцы содействовали укреплению именно этой системы. По описанию администрации Джорджа Буша-младшего, миссия по демократизации Ирака должна была привести к трансформации его

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

в прозападное государство и становлению его в качестве демократического примера для других арабских стран. Однако именно против такой поддержанной американцами системы и сформированной в ее рамках политической элиты выступило население страны, которое вышло на масштабные протесты в 2019 году [Selim, 2012]

Система «мухасаса таифийя» подразумевает наличие особых неформальных механизмов взаимодействия, что часто сравнивают с ливанским политическим конфессионализмом (становлению которого в Ливане и Сирии способствовала Франция в подмандатный период) и консоциативным типом отношений политических групп [Saouli, 2019]. Система задает рамки для принятия политических решений в «глубоко разделенных обществах» [Наумкин, 2015; Lustick, 1979]. А. В. Сарабьев справедливо отмечал, что для Ливана характерен особый способ принятия политических решений «на основе неформальных институтов и практик (возможно, архаичных и регрессивных), во многом дополняющих демократические институты и процедуры и делающих их эффективными в особых условиях существования гетерогенного ливанского общества» [Сарабьев, 2019, с. 92]. В определенной степени это стало характерным и для Ирака после 2003 года, что позволяло достигать договоренностей и компромиссов внутри элиты, однако не способствовало развитию демократических институтов.

Существование такого рода неформальных институтов и практик в условиях «хрупкой» государственности представляется значимым элементом политического процесса.

5. Влияние религиозного института марджанийя на легитимизацию политических лидеров

Еще одна важная структура, сыгравшая свою существенную роль в процессе формирования новых государственных институтов и наполнения их новой элитой, — религиозные институты.

В постаддамовском Ираке в политическом процессе доминировали шиитские политические движения, которые приобретали вес и влияние только после благословения крупного религиозного деятеля — великого аятоллы или «объекта (или источника) подражания» (марджаа ат-таклид) [Shiite ..., 2007]. Соответственно, многое в этот период зависело от марджаа Наджафа, где располагается главная шиитская хауза (семинария). В настоящее время эту позицию занимает великий аятолла Али ас-Систани, который, будучи представителем школы квиетизма (невмешательства в политические дела), тем не менее не раз был вынужден выступать с ключевыми для страны решениями [Филин и др., 2015] и поддерживать шиит-

ские партии и политиков. Так, считается, что победившая на первых парламентских выборах 2005 года шиитская партия «Объединенная иракская коалиция» (ОИК) получила его поддержку так же, как и глава переходного правительства, лидер партии «Даава» (Призыв) Ибрахим аль-Джаафари, а затем и глава правительства Хайдер аль-Абади (2014—2018). В конце 2019 года в ходе массовых волнений в Ираке Али ас-Систани, понимая неотвратимость изменений, как и неспособность элит принять решение, обратился к ним с призывом удовлетворить требования протестовавших. Абдель Махди был в итоге вынужден покинуть пост премьер-министра после очередного обращения ас-Систани к парламенту, которое лишило правительство легитимности.

После американского вторжения отношения между государством и шиитской духовной властью в Ираке начали быстро меняться — последняя получила более формализованный статус. Для вернувшихся из изгнания шиитских политиков была очень важной артикуляция их близости к ас-Систани, что придавало им дополнительный вес и легитимность. Сам ас-Систани воздерживался от радикальных решений и старался занимать равноудаленную позицию. Такое стратегическое видение позволило ему выступать в качестве знакового лидера в кризисные периоды и выполнять функцию легитимизации политических лидеров и движений.

Институт марджайя в Ираке не является официальной структурой, однако Х. Х. аль-Карави обращает внимание на символичность упоминания великих мараджи (во множественном числе *марджая*) в преамбуле к иракской конституции: «откликаясь на зов наших религиозных лидеров <...> и на требование (или наставление — прим. автора) наших великих мараджи» [Конституция Ирака ..., 2005]. Конституция упоминает религиозных лидеров, выступавших за принятие новой конституции, отмечая их наставническую роль [Al-Qarawee, 2019].

6. Заключение

В результате насильственного прерывания национального государственного развития Ирака в 2003 году процесс рекрутирования в иракскую элиту зависел от ряда факторов, ключевыми среди которых на первом этапе стали связи с оккупационными силами и близость к ним (США и возглавляемой ею коалиции). Несмотря на внедрение оккупационной силой демократических механизмов, иракская элита в постсадамовский период испытывала влияние традиционных институтов. Более того, сложившиеся в дооккупационный период принципы взаимодействия оппозиционных режиму С. Хусейна организаций и движений предполагали зависимость от

этноконфессиональных идентичностей в процессе распределения постов. Эта система («мухасаса таифийя»), где каждая из этноконфессиональных общин получает государственные позиции и доступ к ресурсам в объеме, зависящем от доли общины в общей численности населения, получила свое распространение в постсаддамовский период.

Особое значение после 2003 года обрели религиозные институты, в первую очередь представителей шиитской части населения страны. Если в дооккупационный период роль духовных лидеров была в подчиненном государству положении и даже характеризовалась борьбой между государством и религиозными институтами, то в постсаддамовский период религиозные институты стали источником легитимности для новой иракской политической элиты.

Источники и принятые сокращения

1. Конституция Ирака 2005 г. (دستور جمهورية العراق) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета представителей (парламент) Ирака. — 2005. — Режим доступа : <https://ar.parliament.iq/الدستور/> (дата обращения 18.12.2017).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ад-Дабагх А.* Настроение общественности изменилось. Считаете ли Вы, что нахождение иракских исламских партий в «светскости» — спасательный круг? (на араб. مزاج الجمهور تغير (طوق نجاه؟) «العلمانية» هل تجد الأحزاب الإسلامية العراقية في..مزاج الجمهور تغير [Электронный ресурс] / А. Ад-Дабагх // Sasapost. — 07.07.2017. — Режим доступа : <https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/> (дата обращения 08.08.2018).

2. *Алексеев И. Л.* Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе : взгляд Ибн Халдуна / И. Л. Алексеев // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2016. — № 1. — С. 91—101.

3. *Ат-Тамими М. З. М.* Политическая и капиталистическая элита иракского государства в период 1968—2003 гг. (на араб. ياسية ورأسمالية الدولة العراقية للفترة النخبية الس. ١٩٦٨-٢٠٠٣) / М. З. М. Ат-Тамими. — Багдад : Университет аль-Мустансирийя, 2013. — 52 с.

4. *Гаман-Голутвина О. В.* Определение основных понятий элитологии / О. В. Гаман-Голутвина // Полис. — 2000. — № 3. — С. 97—103.

5. *Мамедов Р. Ш.* Влияние санкций ООН и США на политическую элиту Ирака / Р. Ш. Мамедов, В. А. Морозов // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 13 (1). — С. 129—146. — DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146

6. *Наумкин В. В.* Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока : конфликтность, насилие, внешнее вмешательство / В. В. Наумкин // Вестник Московского университета. Серия 25 : Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 66—96.

7. *Сапронова М. А.* Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака) / М. А. Сапронова. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2006. — 196 с. — ISBN 5-89394-168-3.

8. *Сарабьев А. В.* Ливан : обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте / А. В. Сарабьев // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 12 (4). — С. 89—112. — DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112.
9. *Филин Н. А.* Аятолла Али Систани : новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества / Н. А. Филин, М. Г. Пилюян // Общественно-научно-политический журнал «Власть». — 2015. — № 2. — С. 133—137.
10. *Al-Qarawee H. H.* The ‘formal’ Marja’ : Shi’i clerical authority and the state in post-2003 Iraq / H. H. Al-Qarawee // British Journal of Middle Eastern Studies. — 2019. — № 46 (3). — Pp. 481—497.
11. *Cordesman A. H.* Withdrawal From Iraq : Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces / A.H. Cordesman. — Washington, D.C. : The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2009. — 38 p.
12. *Dodge T.* Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003 [Electronic resource] / T. Dodge // LSE Middle East Centre Blog. — 2018. — Access mode : <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/> (accessed 14.08.2020).
13. *Hourani A. H.* History of the Arab peoples / A. H. Hourani, M. A. Ruthven. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2002. — 460 p. — ISBN 0-674-39565-4.
14. *Lustick I.* Stability in deeply divided societies : Consociationalism versus control / I. Lustick // World Politics. — 1979. — № 31 (3). — Pp. 325—344.
15. *Marr Ph.* Iraq’s New Political Map / Ph. Marr. — Washington, DC : U.S. Institute of Peace, 2007. — 24 p.
16. *Rubin M.* Iraq : Iraqs Electoral System : A Misguided Strategy [Electronic resource] / M. Rubin // The Middle East Forum. — 2004. — Access mode : <https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634> (accessed 20.08.2020).
17. *Saouli A.* Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon / A. Saouli // Studies in Ethnicity and Nationalism Journal. — 2019. — № 1. — Pp. 67—87. — DOI: 10.1111/sena.12291.
18. *Selim G.* The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world / G. Selim // International Journal of Contemporary Iraqi Studies. — 2012. — № 6 (1). — Pp. 53—87.
19. *Shiite Politics in Iraq : The Role of the Supreme Council* [Electronic resource] // Baghdad / Istanbul / Brussels : International Crisis Group, Middle East Reports. — 2007. — Access mode : <https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf> (accessed 23.08.2020).

FEATURES OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF IRAQ IN 2003—2020: THE FORMATION OF A NEW ELITE

© **Ruslan Sh. Mamedov (2021)**, orcid.org/0000-0002-9783-5500, ResearcherID AAY-5837-2020, Program Manager, Russian International Affairs Council (RIAC) (Moscow, Russia), rmamedov@russiancouncil.ru.

© **Marina A. Saponova (2021)**, orcid.org/0000-0002-4241-2156, SPINcode 9450-6103, Doctor of History, Professor, Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State

Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), m.sapronova@inno.mgimo.ru.

The features of recruiting the political elite of Iraq after the overthrow of the regime of President Saddam Hussein in 2003 are considered. The relevance of the study is due to the need to study the processes of elite formation in the Middle East during the period of regional transformations. The key mechanisms and principles of the formation of the Iraqi political elite within the framework of the emerging post-Saddam political system have been identified. It is shown that the political leaders who came into power with the support of the Americans until 2003 were the “counter-elite” of S. Hussein, therefore participation in the opposition movements became an important criterion for recruiting. Special attention is paid to the informal (traditional) principles of recruiting the new elite, which have become the main mechanism of this process. In particular, the following principles are described: “muhasasa taifiyya”, which assumes the distribution of political positions in accordance with the share of ethno-confessional groups in the general population, clan solidarity, and religious institutions. It is emphasized that the role of Shiite religious structures, including spiritual leaders, and their influence on the formation of the political elite have significantly increased compared to the pre-occupation period.

Key words: Iraq; Shiites; the political elite recruiting; muhasasa; ethno-confessional group; clannishness.

MATERIAL RESOURCES

Konstitutsiya Iraka 2005 g. [The Constitution of Iraq of 2005]. (2005). In: *Ofitsialnyy sayt Soveta predstaviteley (parlament) Iraka* [Official website of the Council of Representatives (Parliament) Iraq]. Available at: <https://ar.parliament.iq/العراقي-الستور/> (accessed 18.12.2017). (In Arab.).

REFERENCES

- Ad-Dabagkh, A. (07.07.2017). Nastroeniye obshchestvennosti izmenilos'. Schitayete li Vy, chto nakhozheniye irakskikh islamskikh partiy v «svetskosti» — spasatelnyy krug? [The mood of the public has changed. Do you think that the presence of Iraqi Islamic parties in “secularism” is a lifeline?]. In: *Sasapost* [Sasapost]. Available at: <https://www.sasapost.com/will-the-islamic-parties-in-iraq-succeed-in-recycling-themselves/> (accessed 08.08.2018). (In Arab.).
- Alekseyev, I. L. (2016). Dinasticheskaya avtokratiya i konkurentnyy traybalizm v srednevekovom musulmanskom obshchestve: vzglyad Ibn Khalduna [Dynastic autocracy and competitive tribalism in medieval Muslim society: the view of Ibn Khaldun]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye»* [Vestnik RSUH. Series “Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies”], 1: 91—101. (In Russ.).
- Al-Qarawee, H. H. (2019). The ‘formal’ Marja’: Shi’i clerical authority and the state in post-2003 Iraq. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 46 (3): 481—497.
- At-Tamimi, M. Z. M. (2013). *Politicheskaya i kapitalisticheskaya elita irakskogo gosudarstva v period 1968—2003 gg.* [Political and capitalist elite of the Iraqi state in the period 1968—2003]. Bagdad: Universitet al-Mustansiriyya. 52 p. (In Arab.).
- Cordesman, A. H. (2009). *Withdrawal From Iraq: Assessing the Readiness of Iraqi Security Forces*. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS). 38 p.

- Dodge, T. (2018). Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003. *LSE Middle East Centre Blog*. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/> (accessed 14.08.2020).
- Filin, N. A., Piloyan, M. G. (2015). Ayatolla Ali Sistani: novyye vozmozhnosti staroy shkoly shiitskogo religioznogo nastavnichestva [Ayatollah Ali Sistani: new opportunities of the old school of Shiite religious mentoring]. *Obshchenatsionalnyy nauchno-politicheskiy zhurnal «Vlast'»* [National scientific and political journal "Power"], 2: 133—137. (In Russ.).
- Gaman-Golutvina, O. V. (2000). Opredeleniye osnovnykh ponyatiy elitologii [Defining the basic notions of lithologie]. *Polis [Polis]*, 3: 97—103. (In Russ.).
- Hourani, A. H., Ruthven, M. A. (2002). *History of the Arab peoples*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 460 p. ISBN 0-674-39565-4.
- Lustick, I. (1979). Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control. *World Politics*, 31 (3): 325—344.
- Mamedov, R. Sh., Morozov, V. A. (2020). Vliyaniye sanktsiy OON i SSHA na politicheskuyu elitu Iraka [The Impact of UN sanctions and the US political elite of Iraq]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], 13 (1): 129—146. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-129-146. (In Russ.).
- Marr, Ph. (2007). *Iraq's New Political Map*. Washington, DC: U.S. Institute of Peace. 24 p.
- Naumkin, V. V. (2015). Gluboko razdelenyye obshchestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konfliktnost', nasiliye, vneshneye vmeshatelstvo [Deeply divided societies of the Near and Middle East: conflict, violence, external intervention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 1: 66—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112. (In Russ.).
- Rubin, M. (2004). Iraq: Iraqs Electoral System: A Misguided Strategy. *The Middle East Forum*. Available at: <https://web.archive.org/web/20061214002339/http://www.meforum.org/article/634> (accessed 20.08.2020).
- Sapronova, M. A. (2006). *Irakskaya konstitutsiya v proshlom i nastoyashchem (Iz istorii konstitutsionnogo razvitiya Iraka)* [The Iraqi Constitution in the past and present (From the history of the constitutional development of Iraq)]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka. 196 p. ISBN 5-89394-168-3. (In Russ.).
- Saouli, A. (2019). Sectarianism and political order in Iraq and Lebanon. *Studies in Ethnicity and Nationalism Journal*, 1: 67—87. DOI: 10.1111/sena.12291.
- Sarabev, A. V. (2019). Livan: obyknovennaya «konsotsionalnaya demokratiya» v regionalnom kontekste [Lebanon: ordinary "consociational democracy" in the regional context]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-Universiteta], 12 (4): 89—112. (In Russ.).
- Selim, G. (2012). The impact of post-Saddam Iraq on the cause of democratization in the Arab world. *International Journal of Contemporary Iraqi Studies*, 6 (1): 53—87.
- Shiite Politics in Iraq: The Role of the Supreme Council. (2007). *Baghdad / Istanbul / Brussels: International Crisis Group, Middle East Reports*. Available at: <https://www.refworld.org/pdfid/473d5d632.pdf> (access

Попов И. Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1948—1949 годах и их политическое значение / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 371—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-371-391.

Popov, I. D. (2021). Conferences of Minister Presidents of the German States in 1948—1949 and Their Political Significance. *Nauchnyi dialog, 1*: 371-391. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-371-391. (In Russ.).

УДК 94(430).087

DOI: DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-371-391

КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1948—1949 ГОДАХ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

© Попов Иван Дмитриевич (2021), orcid.org/0000-0001-6740-2387, ResearcherID C-9135-2014, кандидат исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия), i.d.popov@narfu.ru.

Рассматривается деятельность и политическое значение конференций премьер-министров германских земель в годы конституирования Федеративной республики Германия (1948—1949). Делается вывод, что в условиях отсутствия ряда значимых центральных органов власти именно конференции глав земельных правительств играли координирующую роль для их восполнения с немецкой стороны. Отмечается, что премьер-министры также являлись связующим звеном между союзниками, региональной элитой, политическими партиями и бizonальными органами власти. Показано, что различные форматы работы глав земельных правительств на межзональном уровне позволяли им принимать участие в обсуждении практически всех ключевых проблем западных зон оккупации. Подчеркивается, что особое влияние имели двухзональные совещания премьер-министров с военными губернаторами и трёхзональные конференции самих премьер-министров, ставшие по факту основными инструментами достижения политических компромиссов. Указывается, что это особенно ярко проявилось во время обсуждения «Франкфуртских документов». Делается вывод, что вместе с тем зависимость одновременно от военных администраций союзников, партийной элиты и бizonальных органов власти не позволяла данным конференциям эволюционировать в нечто большее, чем платформу для выстраивания консенсуса, и проводить тем самым полноценную самостоятельную политику.

Ключевые слова: конференции премьер-министров германских земель; раскол Германии; ФРГ; Бизония; Тризония; союзническая оккупация Германии; земли Германии.

1. Последствия Франкфуртской конференции 7—8 января 1948 года

События 1948—1949 годов стали поворотным пунктом не только германской, но и мировой истории, значительно определив дальнейший ход и динамику Холодной войны. Основными действующими лицами решений тех лет выступали не только союзнические державы, но и немецкие политики — руководители бizonальных органов власти, партийные лидеры и региональная элита, представленная прежде всего премьер-министрами

германских земель. Их деятельность сыграла важную роль в конституировании ФРГ и поиске политических компромиссов. Во многом это вытекало из природы земельных правительств, подавляющая часть которых носила коалиционный характер. Кроме того, конференции премьер-министров отличались не только сложившимся опытом регулярных обсуждений, но и определённой устойчивостью: так с июля 1947 года по сентябрь 1949 года во всех западногерманских землях, кроме Берлина, главы правительств не менялись. В предыдущей публикации [Попов, 2020] был сделан вывод, что все предпосылки к выбору премьер-министров в качестве основного переговорного партнёра для западных союзников созрели уже в 1947 году. Параллельно с этим по нарастающей шёл процесс обособления советской и западных оккупационных зон, который стал особенно очевиден после провала Московской сессии СМВД (10 марта — 24 апреля 1947 года) и отъезда премьер-министров земель советской зоны с Мюнхенской конференции [Там же, с. 296—297, 300, 302—303].

Лондонская сессия СМВД (25 ноября — 15 декабря 1947 года) лишь закрепила возникшие ещё в Москве противоречия. Именно после неё раскол Германии приобретает всё более видимые очертания. С другой стороны, именно в результате обсуждений в Лондоне французские власти приняли решение об окончательном повороте своей германской политики от равноудалённости в сторону присоединения к Бизонии [Величко, 2016, С. 44—45]. Итоги Лондонской сессии СМВД побудили Великобританию и США форсировать углубление бизональной интеграции и сближение с французской зоной. 7—8 января британские и американские оккупационные власти организовали во Франкфурте конференцию и пригласили на неё премьер-министров земель и функционеров бизональных органов. На конференции была утверждена вторая крупная реорганизация Бизонии. Согласно принятым решениям, численность Экономического совета увеличивалась с 52 до 104 членов, а его компетенция расширялась (составление и принятие плана бюджета, увеличение таможенных пошлин и косвенных налогов, определение доли Бизонии в подоходном налоге для обеспечения бюджета и т. п.). Функцию представительства регионов отныне осуществлял Совет земель (Länderrat), а исполнительным органом власти Бизонии становился Административный совет (Verwaltungsrat) во главе с директорами. Данные решения вызвали первоначально недоумение у французов, которых даже не ознакомили с этим планом, им не предоставили возможности внести свои замечания. Однако американский военный губернатор Л. Клей считал, что это может лишь затянуть реорганизацию, и 9 февраля 1948 года поправки вступили в силу [AVBRD, Bd. 4, S. 16—18].

Данная конференция была достаточно знаковым и по-прежнему недооценённым событием. Во-первых, она отличалась представительностью делегаций со стороны и оккупационных властей, и немецких органов. Во-вторых, впервые союзники представили немецким политикам не окончательно согласованные, а предварительные планы, детали которых можно было изменить в ходе обсуждения. В-третьих, генерал Л. Клей заявил о намерении впредь регулярно консультироваться с немецкой стороной по поводу дальнейшей реорганизации бizonальных учреждений. Поэтому, начиная с Франкфуртской конференции, проходили постоянные совещания немецких политиков и оккупационной администрации, а принятие решений всё меньше носило односторонний характер [Ibid., S. 40].

Исполнительная нагрузка ложилась на плечи директоров Административного совета и глав региональных правительств. Последние фактически становились связующим звеном в обсуждении тех вопросов, которые выходили за пределы компетенции Экономического совета. К таковой можно было отнести реализацию политических решений союзников, подготовку к конституционным изменениям, обсуждение оккупационного права и международно-политических проблем, интеграцию земель французской зоны. Кроме того, в начале 1948 года заметно расширились и форматы участия премьер-министров в межзональной политике Западной Германии. К ним можно отнести следующие мероприятия:

Конференции военных губернаторов с премьер-министрами и представителями бizonальных органов (Франкфурт, 7—8 января 1948 года; Кёнигштайн, 29 мая 1949 года) *или членами Парламентского совета* (Франкфурт, 12 мая 1949 года) — самый высокий и представительный уровень обсуждения, на котором согласовывались принципиальные вопросы переустройства системы власти в Западной Германии. Среди таких вопросов можно выделить вторую реорганизацию Бизонии (январь-февраль 1948 года) и принятие Основного закона ФРГ (май 1948 года) [Ibid, Bd. 4, S. 126—182; Bd. 5, S. 423—428, 474—487].

Конференции (совещания) военных губернаторов с премьер-министрами Бизонии (Франкфурт, 14 мая., 15 июня, 1 июля, 20 июля, 26 июля, 30 сентября, 29 октября 1948 года; 31 января, 1 марта, 30 марта, 29 апреля, 31 мая, 30 июня, 4 августа, 1 сентября 1949 года). Как правило, они носили характер согласования готовящихся к принятию решений [AVBRD, Bd. 4, S. 502—514, 598—618, 823—830, 906—914, 963—971; Bd. 5, S. 133—146, 251—263, 329—336, 39—407, 488—495, 689—698, 977. 985, 1091—1109; Der PR, Bd. 1, S. 22—29, 163—171, 273—282].

Конференции премьер-министров американской, британской и французской зон (двухзональная — Франкфурт, 27—28 января 1948 года; трёхзональные — Франкфурт, 28 мая 1948 года.; Дюссельдорф, 5—6 июня 1948 года; Кобленц, 8—10 июля; Нидервальд, 15—16, 21—22 июля, 31 августа 1948 года; 1 октября 1948 года; Шлангенбад, 28 октября 1948 года; Гамбург, 11—12 февраля, 1949 года; Кёнигштайн, 24 марта 1949 года, Бонн, 12 апреля; Бад-Годесберг, 23—24 мая 1948 года; Шлангенбад, 31 мая — 1 июня 1949 года, 10 июня 1949 года, 14—15 июня 1949 года, 6—7 июля 1949 года; Висбаден, 5 августа 1949 года; Кобленц, 25—26 августа, 1949 года) [AVBRD, Bd. 4, S. 256—270, 530—533, 566—581, 831—837, 879—905; Bd. 5, S. 161—209, 296—328, 429—439; 460—470; 496—532, 547—555, 577—596, 795—804, 986—1032, 1059—1067; Der PR, Bd. 1, S. 60—142, 157—162, 172—269, 337—409]. В рамках деятельности конференций велась работа бюро премьер-министров в Висбадене (с июля 1948 года) и рабочих комитетов премьер-министров при подготовке сопровождающих актов к Основному закону ФРГ (июнь — август 1949 г.) [AVBRD, Bd. 5, S. 540—546, 566—561, 619—648, 657—677, 699—786, 795—871, 882—887, 924—976, 1059—1091].

Заседания Совета земель Объединённой экономической зоны. Каждое земельное правительство должно было направлять двух делегатов для работы в этом органе, одним из которых был премьер-министр. После того, как конференции с военными губернаторами приобрели регулярный характер, данная структура имела скорее техническое, нежели политическое значение [Gelberg, 1992, S. 122].

Работа в Совете земель американской зоны и Зональном консультативном совете британской зоны. Несмотря на то, что деятельность этих органов после второй реорганизации Бизонии превратилась в анахронизм, они собирались на заседания вплоть до середины 1948 года. Решающим фактором прекращения их работы стала утрата интереса со стороны оккупационных властей, которые отныне предпочитали проводить обсуждения только на межзональном уровне. 29 июня 1948 года состоялось последнее заседание совета британской зоны, а 28 сентября 1948 года — и Совета земель в американской зоне [AVBRD, Bd. 4, S. 46—47].

Различные форматы работы премьер-министров на межзональном уровне позволяли им принимать участие в обсуждении практически всех ключевых проблем западных зон оккупации. Подобное положение выгодно отличало глав региональных правительств от других немецких субъектов власти. Координационную функцию для всех вышеперечисленных форматов выполняли трёхзональные конференции, на которых согласовы-

валась общая стратегия деятельности премьер-министров. По этой причине за отсутствием конституции именно конференции стали связующим звеном, с которого начиналось формирование конституционного аппарата [Leusser, 1957, S. 70].

2. Влияние на политику Объединённой экономической зоны

Несмотря на то, что в исторической памяти 1948—1949 годы отметились, прежде всего, своими коренными политическими и международно-политическими переменами, основным вызовом для межзонального развития было решение экономических проблем. К тому же вступление Западной Германии в программу Плана Маршалла требовало проведения коренных экономических реформ, значительная часть которых пришлась на 1948 год. Кроме того, именно в сфере экономической политики раньше всех стали формироваться центральные немецкие учреждения, которые после второй реорганизации Бизонии превращались в подобие высших органов власти: Экономический совет напоминал нижнюю палату парламента, Совет земель — палату регионов, Исполнительный совет — правительство [Космач, 2017, с. 271].

Вместе с тем подобное развитие событий лишь сужало возможности для влияния премьер-министров. Основным механизмом их воздействия на политику Бизонии становился Совет земель. Его основной функцией было утверждение законов Экономического совета, но без права абсолютного вето. На первом же заседании Совета земель 23 февраля 1948 года премьер-министр Баварии Г. Эхард заявил, что этот орган «далёк от того, чтобы продемонстрировать качество равноправного Экономическому совету законодательного органа, как это было бы необходимо для истинного федерализма» [Bayerische Politik ..., 1952, S. 32]. К тому же глав правительств беспокоило значительное влияние партийных интересов на работу Экономического совета, а явное доминирование там либеральных и консервативных сил не устраивало социал-демократическое большинство Совета земель. Южногерманские премьер-министры склонялись к модели Совета земель американской зоны, то есть с определёнными исполнительными полномочиями и правом вето отдельных глав правительств [AVBRD, Bd. 4, S. 29].

Нараставшее противостояние Совета земель и Экономического совета привело к затягиванию избрания директоров. В ситуацию вынуждены были вмешаться представители оккупационных властей, которых беспокоило отсутствие прогресса в двухзональном законодательстве, особенно в свете планов скорейшего конституирования Западной Германии. Представители Двусторонней контрольной группы даже угрожали проблемами

по Плану Маршалла и призвали начать работу по экономическому восстановлению, отбросив все личные и партийные интересы [Ibid., 328—336]. Однако борьба за расширение компетенции продолжалась и далее и стала одной из основных тем обсуждения на конференции 28 мая во Франкфурте и 5—6 июня в Дюссельдорфе [Gelberg, 1992, S. 120].

Итогом противостояния стала организация ежемесячных совещаний военных губернаторов с представителями Экономического совета, Совета земель и Административного совета. 14 мая 1948 года состоялось отдельное совещание военных губернаторов американской и британской оккупационных зон с премьер-министрами. К. У. Гельберг считает эту конференцию поворотным моментом: именно на ней премьер-министрам была обещана особая роль при подготовке конституции и учредительного собрания, а сами главы земельных правительств стали основным переговорным партнёром западных союзников. Потому историк рассматривает передачу «Франкфуртских документов» не как изолированное событие, а как закономерный итог продолжительной политики [Ibid., S. 119]. Кроме того, именно начиная с 14 мая 1948 года конференции с союзниками стали проходить регулярно (каждый месяц). Обсуждения носили характер подготовительного этапа принятия решений.

В центре внимания находились, как правило, проблемы земельного законодательства (строительство жилья, распределение беженцев, финансовое выравнивание), однако обсуждались и внешнеполитические проблемы, в частности, изменение земельных границ, оккупационный статут. Особо заметную роль внешнеполитические вопросы стали играть в 1949 году [AVBRD, Bd. 4, S. 502—514, 598—618, 823—830, 906—914, 963—971; Bd. 5, S. 133—146, 251—263, 329—336, 398—407, 488—495, 689—698, 977, 985, 1091—1109]. Протоколы также показывают более непринуждённую и неформальную тональность разговоров военных губернаторов с премьер-министрами, нежели с представителями других бizonальных органов, что уже говорило о более доверительном отношении оккупационных властей к главам земельных правительств. Постоянно во время таких конференций звучала и тематика противоречий между Экономическим советом, Советом земель и Административным советом [AVBRD, Bd. 4, S. 43].

Важность института трёхзональных конференций премьер-министров была также связана с необходимостью дальнейшей интеграции французской зоны, положение которой оставалось особым вплоть до учреждения ФРГ. Кроме того, её делегаты не могли полноценно участвовать в реорганизованных бizonальных органах власти, располагая там лишь правом совещательного голоса. Французский военный губернатор П. Кёниг

в 1948 году не испытывал интереса к конференциям с собственными главами правительств, и лишь только с ноября 1948 года такие встречи стали проводиться регулярно, когда в британской и американской зонах они становились анахронизмом [Ibid., S. 44]. Потому именно конференции премьер-министров были фактически единственной трёхзональной площадкой с немецкой стороны, которая могла решать проблемы присоединения французской зоны к бizonальным структурам. Кроме того, ряд значимых конференций сознательно организовывался во французской зоне (Кобленц, Нидервальд), чтобы укрепить позиции глав правительств её земель.

Трёхзональные конференции, как правило, обсуждали механизмы выполнения представленных на совместных совещаниях рекомендаций военных губернаторов. Некоторые конференции были посвящены наиболее злободневным проблемам межзональной экономики. Одной из таких была конференция по проблемам угольной промышленности 5—6 июня в Дюссельдорфе [AVBRD, Bd. 4, S. 566—581]. В дальнейшем обсуждению подлежали и внешнеэкономические проблемы, в частности, проект Рурского статута и Вашингтонские договоры по объёмам репараций и демонтажа, вызвавшие немало критики с немецкой стороны [AVBRD, Bd. 5, S. 176—179; 440—449]. Постоянно на конференциях поднималась проблема распределения компетенции. Так, Бавария и Гессен выступили против передачи таможенных дел в руки бizonальных учреждений, поскольку видели в этом нарушение верховенства в делах полиции [Ibid., S. 223—233]. Однако союзники не поддержали передачу таможенных дел землям, и по их настоянию было введено единое регулирование таможни. Также Совет земель выступил против переуступок доходов с таможенных сборов и налога с оборота, однако и в этом вопросе симпатии союзников были на стороне Экономического совета.

3. Кобленцкая и Нидервальдская конференции (июль 1948 года)

Высшей точкой влияния института конференций премьер-министров стали события вокруг обсуждения «Франкфуртских документов», принятых после Лондонского совещания шести держав (февраль — июнь 1948 года). На нём западные союзники окончательно выбрали курс на создание сепаратного государства, что привело к выходу СССР из Контрольного совета 20 марта 1948 года; в свою очередь, Франция согласилась на учреждение центральных органов власти, получив уступки по вопросам Рура, Саара и общей безопасности. «Франкфуртские документы» были вручены 1 июля премьер-министрам германских земель западных зон на основе Лондонских решений. Немецкой стороне была предоставлена лишь

возможность внесения частных поправок, изменения фундаментального характера были исключены [Blank, 1995, S. 338]. В них рекомендовалось до 1 сентября 1948 года созвать Учредительное собрание для разработки конституции, пересмотреть административно-территориальные границы западногерманских земель и принять рамочные условия Оккупационного статута (контроль союзников над внешней торговлей, международными органами управления Руром; наблюдение за демократизацией политической жизни, регулированием социальных отношений и образования; сохранение контроля над выплатой репараций, монополизацией, разоружением и объёмами промышленности) [Der PR, Bd. 1, S. 30—35].

Выбор именно премьер-министров для начального обсуждения был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, документы сразу резко отрицательно были встречены партийными лидерами, немецкой общественностью и СМИ, окрестившими новое государство «тризонезией». Немцев возмущал не только сам факт раскола Германии, но и международная юрисдикция над Руром, а также передача Саара под контроль Франции, что воспринималось как расчленение страны [Космач, 2017, с. 275—276]. В этих условиях принятие документов партийными лидерами изначально исключалось, в то время как премьер-министры представлялись для союзников куда более сговорчивыми. Во-вторых, компетенция существовавших органов управления Объединённой экономической зоны была ограничена социально-экономическими вопросами. В то же время компетенция земель включала и политические задачи, а земельные органы власти к тому моменту были выстроены на основе постоянных или временных конституций, каждая из которых заявляла о своей приверженности цели войти в состав единого германского государства. Кроме того, именно земельные правительства располагали соответствующими ресурсами для организации выборов в учредительное собрание. В-третьих, как союзники, так и сами премьер-министры рассматривали обсуждение «Франкфуртских документов» в качестве гарантии укрепления федеративных начал. Это было связано с тем, что все премьер-министры в той или иной степени проявляли симпатии к федералистской модели, особенно это касалось южногерманских земель [Попов, 2020, с. 291—292, 294, 298]. Кроме того, Л. Клей также был обеспокоен централистскими тенденциями со стороны Экономического совета и потому испытывал желание уравновесить положение через укрепление института премьер-министров [Gelberg, 1992, S. 119].

Обсуждению «Франкфуртских документов» были посвящены конференции премьер-министров в Кобленце (8—10 июля 1948 год) и Нидервальде (15—16, 21—22 июля, 31 августа). Как правило, только эти конференции

привлекают какое-либо внимание историков, причём не только в отечественной историографии, но и даже в немецкой. За сутки до Кобленцской конференции премьер-министры провели встречу с лидерами своих партий. К. Аденауэр и главы земельных правительств от Христианско-демократического союза Германии (ХДС) / Христианско-социального союза (ХСС) изначально высказались за одобрение документов, рекомендовав лишь заменить национальное собрание парламентским советом. В Социал-демократической партии Германии (СДПГ), напротив, первоначально велась серьёзная дискуссия о необходимости принятия рекомендаций союзников. В результате партия отказалась от выработки конституции, предложив заменить её основным законом (или организационным статутом), подчёркивая, что последний вариант не носит постоянный характер. Также социал-демократы настаивали на учреждении парламентского совета (выбирался ландтагами) вместо национального собрания (выбирался всенародно). На самой же Кобленцской конференции партийные лидеры находились в постоянном контакте с премьер-министрами, хотя формально не участвовали в обсуждениях [Мурашов, 2005, с. 86—88]. Во многом позиция, которую премьер-министры озвучили в Кобленце была созвучна с установками партий [Kleßmann, 1991, S. 195]. О сильном влиянии партийных установок и «длвшемся уже как год дурном обычае фракционных заседаний» на Кобленцской конференции вспоминал и Р. Майер [Maier, 1966, S. 59].

Таким образом, ещё накануне заседаний возможность отклонения «Франкфуртских документов» всерьёз не рассматривалась, а участники сосредоточились на корректировке рамочных условий образования государства, которое при этом устроило бы и немецкую общественность. По воспоминаниям участника конференции К. Шмида (заместитель премьер-министра Вюртемберг-Гогенцоллерна, СДПГ), премьер-министры были убеждены, что безоговорочное принятие «Франкфуртских документов» автоматически перекладывало бы ответственность за раскол Германии на самих немцев [Schmid, 1979, S. 327]. Поэтому при всей, как казалось, безальтернативности создания западногерманского государства, необходимо было подчеркнуть, что такое положение временное.

Итогом Кобленцской конференции стали следующие позиции («Кобленцские решения»): 1) поддержать намерение союзников объединить 3 оккупационные зоны в единую территорию с более широкой компетенцией немецких органов власти, нежели в Объединённой экономической зоне; 2) союзники должны принять оккупационный статут в качестве основы для обсуждения Основного закона; 3) союзники должны определить статус Рура независимо от конституционного статуса; 4) утвердить наи-

менование «Парламентский совет» взамен «Законодательного собрания»; 5) вместо конституции рекомендовать к принятию основной закон; 5) вопрос о земельных границах требует тщательного изучения; 6) западногерманское государство должно носить характер провизориума (переходный характер), то есть «целевого административного объединения» до окончательного решения германского вопроса и воссоединения территории всех четырех зон оккупации [Der PR, Bd. 1, S. 143—150]. Последний пункт, предложенный К. Шмидом, вызвал наибольшую дискуссию, так как провизориум не является государством как таковым. Мало того, К. Шмид сознательно противопоставлял эти два понятия. К его позиции склонилась и обербургомистр Берлина Л. Шрёдер, которая призывала коллег не спешить с решением, поскольку это могло привести к резким мерам со стороны советской военной администрации в условиях нараставшего Берлинского кризиса. Как утверждал один из лидеров ХСС Ф. Й. Штраус, её слова не в последнюю очередь укрепили премьер-министров в намерении занять более осторожную позицию и принять аргументацию К. Шмида [Strauß, 1988, S. 34]. Берлинский вопрос действительно оказывал наибольшее влияние на принятие решения, так как премьер-министры опасались полномасштабного конфликта ведущих держав вокруг города. Но, помимо этого, концепция провизориума давала также больше шансов федералистам, позволяя и далее обеспечивать значительное участие земель в конституционном строительстве [Blank, 1995, S. 339, 341—342].

Несмотря на то, что «Кобленцские решения» носили во многом компромиссный характер, оккупационные власти сочли их демонстрацией «безответственности» немцев. В глазах генерала Л. Клея премьер-министры выставляли западных союзников в качестве единственной стороны, заинтересованной в создании западногерманского государства, что играло на руку СССР. Французские власти и вовсе хотели запретить участие своих премьер-министров в тризональных конференциях, что могло привести к выходу Парижа из переговорного процесса [Мурашов, 2005, с. 95—96]. Сам Л. Клей грозил серьёзными последствиями относительно гарантий безопасности Берлина в разгар блокады города [Kleemann, 1991, S. 195]. Американский военный губернатор полагал, что решения Лондонского совещания сами по себе являются хрупким компромиссом, поэтому сложившаяся ситуация ставит под угрозу все ранее достигнутые договорённости. По этой причине даже К. Шмид называл «Кобленцские решения» своей пирровой победой, признавая, что оккупационные власти «во что бы то ни стало хотели, пусть и фрагментарного, но по существу настоящего западногерманского государства» [Schmid, 1979, S. 330].

В таких условиях военные администрации и премьер-министры пришли к пониманию необходимости дополнительных встреч, чтобы окончательно разъяснить друг другу свои позиции. Для этого была созвана новая конференция, которая прошла под г. Рюдесхаймом в замке Нидервальд (Нидервальдская конференция) в 3 этапа (15—16 июля, 21—22 июля и 31 августа 1948 года), между которыми проводились совещания с военными губернаторами во Франкфурте (20 и 26 июля). В ходе первого этапа обсуждения (15—16 июля) премьер-министры выразили приверженность «Кобленцским решениям» [Der PR, Bd. 1, S. 157—163], а в ходе совещания с военными губернаторами во Франкфурте 20 июля не смогли достичь с ними новых решений. В итоге стороны договорились продолжить дискуссии, чтобы не затягивать конституционный процесс [Ibid., S. 163—171]. Поворот наметился на втором этапе Нидервальдской конференции (21—22 июля) [Ibid., S. 172—264], где центральным стало выступление представителя берлинского магистрата Э. Рейтера (СДПГ), который был делегирован вместо Л. Шрёдер. Он являлся сторонником решительных действий и считал противостояние с восточной зоной неизбежным. Будучи также приверженцем «теории магнита», Э. Рейтер ратовал за скорое создание западногерманского государства и немедленное принятие условий союзников. Выступление Э. Рейтера раскололо премьер-министров: первый бургомистр Гамбурга М. Брауэр (СДПГ) и премьер-министр Баварии Г. Эхард (ХСС) выступили за принятие условий союзников, чтобы не подвергать риску окончательный срыв лондонских решений [Ibid., S. 180, 184], в то время как К. Шмид продолжал настаивать на провизориме и невозможности принятия конституции в условиях оккупации [Ibid., S. 198—201]. По мнению М. А. Мурашова, именно позиция Берлина сыграла в этом решающую роль, став «ширмой для оправдания позиций премьер-министров» [Мурашов, 2005, с.99].

Согласование позиций с военными губернаторами происходило на совещании во Франкфурте 26 июля 1948 года. В силу сохранившихся серьезных различий в позиции сторон переговоры проходили достаточно сложно, драматично, неоднократно могли закончиться провалом и несколько раз прерывались на паузы [Görtemaker, 2004, S. 55; Blank, 1995, S. 55—56]. Однако в отличие от предыдущего совещания по всем обсуждаемым вопросам, кроме референдума, премьер-министры готовы были проявлять гибкость. В ходе совещания им удалось убедить военных губернаторов в необходимости наименования «основной закон» (который был специально переведён союзникам как «basic constitutional law», то есть «основной конституционный закон») и нецелесообразности референдума как способа

утверждения Основного закона (вместо него — ратификация ландтагами). Впоследствии военные губернаторы согласились и на идею парламентского совета вместо национального собрания; при этом разработанный советом основной закон должен был утверждаться оккупационными властями. Нерешёнными остались вопросы оккупационного статута и перекройки земельных границ: принятие оккупационного статута до 1 сентября военные губернаторы считали невозможным из-за сжатости сроков; для изменения границ было решено создать до 1 октября комитет по земельным границам [Der PR, Bd. 1, 273—282].

Именно обсуждению последнего вопроса был посвящён третий раунд Нидервальдской конференции 31 августа, главным решением которой были рекомендации объединения земель Баден, Вюртемберг-Баден и Вюртемберг-Гогенцоллерн в единую землю (прообраз земли Баден-Вюртемберг). Одновременно были подведены итоги компромиссу во Франкфурте: Парламентский совет должен быть созван до 1 сентября; его депутатов должны выдвигать ландтаги земель западных зон оккупации; итогом его работы должна стать не конституция, а Основной закон, который ратифицируется ландтагами и, наконец, утверждается союзниками. Руководство основных политических партий — ХДС, ХСС и СДПГ — выразило поддержку согласованным решениям [Ibid., 337—409].

В исторической науке отсутствует единое понимание достигнутого компромисса. Одни считают его полной капитуляцией перед военными администрациями [Schwarz, 1966, S. 613—615], другие — незначительной уступкой союзников на уровне терминологических формулировок [Majet, 1995, S. 158; Мурашов, 2005, с. 105], третьи утверждают, что «Кобленцские решения» в целом были сохранены [Feldkamp, 2008, S. 14] или являлись «незаменимым промежуточным звеном» для внутреннего и внешнего консенсуса [Blank, 1995, S. 344]. Марксистский историк Р. Бадштюбнер главным итогом конференций в Кобленце и Нидервальде считает отказ от референдума в качестве формы утверждения основного закона, поскольку отсутствие поддержки «Франкфуртских документов» в немецком обществе было очевидно [Badstübner, 1999, S. 399—401]. Оригинальной является позиция Э. Ланге: исследователь полагает, что сами по себе лондонские решения были изначально весьма благоприятны с точки зрения федерализма, позиции которого в 1948 году стремительно слабели; этим и была обоснована гибкость премьер-министров [Lange, 1989, S. 157—158].

Вместе с тем необходимо понимать изначально скромные возможности для политического манёвра. С одной стороны, премьер-министры были поставлены в жёсткие рамки лондонских решений, пересмотреть которые они

уже не могли. С другой стороны, они испытывали серьёзное давление со стороны партий. В-третьих, безоговорочное принятие «Франкфуртских документов» могло значительно усугубить и без того острый Берлинский кризис, который мог вылиться не только в раскол Германии, но и в полномасштабную войну. Поэтому само по себе достижение политического консенсуса уже было главным успехом Кобленцской и Нидервальдской конференций.

4. Подготовка к учреждению Федеративной республики Германия

После июльских решений 1948 года и созыва Парламентского совета инициатива в конституировании Западной Германии окончательно перешла партийным лидерам. По мнению историка М. Гёртемакера, это означало, что «эра премьер-министров в национальной политике постепенно подошла к концу» [Görtemaker, 2004, S. 54]. Однако с данным утверждением сложно согласиться, по крайней мере, применительно до осени 1949 года, поскольку даже после согласования «Франкфуртских документов» премьер-министры продолжали оказывать влияние не только на процесс организации работы Парламентского совета, но и на содержание текста Основного закона.

Непосредственно подготовкой к созыву парламентского совета занималось созданное ещё 15 июля 1948 года на Нидервальдской конференции «Бюро премьер-министров американской, британской и французской зон» в государственной канцелярии Гессена (г. Висбаден), которое занималось координацией деятельности различных земельных правительств и поддержанием их связей с союзниками, выполняя своего рода функцию аппарата конференций. Бюро также имело филиал в Бад-Годесберге, где премьер-министры собирались для обсуждения положения дел в Парламентском совете [Leusser, 1957, S. 71]. По воспоминаниям члена Совета земель от Гессена В. Штрауса, бюро создавалось прежде всего для того, чтобы «разрабатывать и передавать ценную документацию» Парламентскому совету, а позже и переходному комитету [Strauss, 1957, S. 95]. Таким образом, с организацией бюро конференции премьер-министров фактически институционализировались в качестве постоянной рабочей структуры.

Одновременно в Нидервальде активно обсуждалась идея первоначальной разработки конституционного проекта, поддерживаемая прежде всего южногерманскими землями. Их премьер-министры были обеспокоены централистским развитием Объединённой экономической зоны и ещё до созыва Парламентского совета пытались определить фундамент обсуждения, ядром которого должна была стать федеративная идея. По инициативе Г. Эхарда ещё в Нидервальде 22 июля было принято решение о созыве конституцион-

ного конвента, участниками которого должны были стать специалисты в области конституционного права от каждой из земель. Это придавало будущему проекту дополнительный вес и уже изначально довлело над будущими депутатами авторитетом профессионалов. Работа конвента прошла в баварском местечке Херренхимзее 10—23 августа и закончилась подготовкой отчёта с конституционным проектом. Проект, состоявший из 149 статей, поддерживал идею провизориума и содержал не только комментарии, но и альтернативные предложения, возникшие в ходе работы конвента. Основными спорными вопросами стали проблемы федеративного устройства (характер второй палаты, соотношение компетенции центра и земель, финансовая конституция). Проект Херренхимзейского конвента был представлен на конференцию премьер-министров в Нидервальде 31 августа 1948 года. Эта встреча носила также важный организационный характер, поскольку к ней политические партии подготовили свои альтернативные проекты. Мнение премьер-министров разделилось относительно поддержки Херренхимзейского проекта, и в итоге ему было отказано в статусе правительственных предложений. Однако собранные проекты были переданы в Парламентский совет и явились первоначальной основой для дальнейших обсуждений и политической борьбы. Позже в Парламентском совете Херренхимзейский проект стал одним из самых широко используемых источников для Основного закона наряду с Веймарской конституцией [Feldkamp, 2008, S. 14—15]. Таким образом, были заданы не только организационные, но и содержательные рамки для будущих дискуссий вокруг Основного закона.

После 1 сентября 1948 года главы земельных правительств официально позиционировали своё невмешательство в дела Парламентского совета и его исключительную компетенцию в разработке Основного закона. Вместе с тем они продолжали активно наблюдать за его работой, в том числе и обсуждать ход дебатов на своих конференциях, особенно когда это касалось земельных интересов (границы земель и финансовая конституция). Не стоит также забывать, что начиная с мая 1948 года до августа 1949 года премьер-министры ежемесячно проводили конференции-совещания с военными губернаторами. И, хотя протоколы встреч не фиксируют обсуждение конституционно-политических вопросов, главы региональных правительств имели возможность находиться в постоянном неформальном контакте с оккупационными властями, а те в свою очередь оказывали определяющее влияние на работу Парламентского совета [Gelberg, 1992, S. 122].

На конференция премьер-министров, организованных после созыва Парламентского совета, всё чаще обсуждаются либо внешнеполитические вопросы, либо ещё не реализованные требования Франкфуртских докумен-

тов: изменение земельных границ (1 и 28 октября 1948 года, 11—12 февраля 1949 года), оккупационный статут (1 и 28 октября 1948 года, 12 апреля 1949 года), демонтаж (28 октября), Рурский статут (11—12 февраля), возвращение военнопленных (13 мая 1949 года, 23—24 мая 1949 года). Другая часть обсуждаемых вопросов касалась собственно земельных интересов (финансовое выравнивание, вопросы распределения беженцев, организация здравоохранения, снабжение электричеством). Кроме того, практически на всех конференциях докладывалось о положении дел в Парламентском совете [AVBRD, Bd. 4, S. 831—837, 879—905; Bd. 5, S. 161—209, 296—328, 429—439, 460—470]. На конференции, посвящённой принятию Основного закона, премьер-министры согласовали организацию голосования за Основной закон в ландтагах; на конференции 23 мая и 14 июня 1949 года были учреждены рабочие комитеты, в работе которых участвовали члены Парламентского совета и Экономического совета. Кроме того, в июне активно обсуждались изменения в избирательный закон [AVBRD, Bd. 5, S. 429—439, 592—596].

Отдельные премьер-министры даже прямо вмешивались в содержание дискуссий Парламентского совета, особенно когда речь шла о дискуссиях вокруг проблем федерализма. В частности, на начальном этапе обсуждения, когда ХДС и ХСС не смогли договориться по спорным вопросам федеративного устройства, премьер-министр Баварии прибег к соглашению с социал-демократом В. Менцелем. Мало того, баварское правительство организовало в Бонне своё представительство, специалисты которого наблюдали за ходом дебатов и направляли свои конституционные предложения. В самой парламентской группе ХСС многие депутаты были прямо связаны с баварским правительством, получая от него соответствующие указания. Однако отстоять позиции строгого федерализма баварцам так и не удалось, поскольку СДПГ была заинтересована в более централизованной форме федерации, заручившись к тому же поддержкой оккупационных властей [Lange, 1990, S. 56, 63—65].

После принятия Основного закона и утверждения его ландтагами и союзниками значительную роль премьер-министры сыграли в подготовке к формированию новых конституционных органов власти ФРГ. После того как Парламентский совет был распущен, а выборы в Бундестаг ещё не проведены, именно премьер-министры германских земель восполняли образовавшийся временный вакуум центральных органов. Они же и начали первыми реализацию только что принятого Основного Закона. Отсутствующие трёхзональные структуры заменялись сотрудничеством правительств земель, в частности, в таких важных областях, как проблема

беженцев и военнопленных. Для выполнения определённых задач создавались неформальные рабочие комитеты (организационный, юридический, финансовый, технический), которые вели подготовительную работу по определённым направлениям.

В рамках юридического комитета разрабатывался закон о государственной службе. Технический комитет проводил подготовку к переезду в Бонн, решал вопросы выделения соответствующей офисной и жилой площади. Юридический комитет занимался подготовкой к созданию единства правовой системы нового государства, разработал закон о политических партиях, занимался интерпретацией Основного закона, дал рекомендации по выборам федерального президента и президента Бундесрата, выработал практические предложения по учреждению Конституционного суда. Финансовый комитет ведал организацией будущего федерального финансового управления, разработкой первого федерального бюджета и специального финансового регламента на переходный период, выработкой федерального бюджета на 1950/1951 финансовый год и рекомендаций по горизонтальному финансовому выравниванию между землями. Организационный комитет занимался определением количества федеральных министерств, разграничением объёма и типа их задач. В комитете пришли к выводу о том, что штат федерального правительства должен быть как можно меньше и вбирать оно должно лишь классические департаменты [AVBRD, Vd. 5, S. 540—546, 566—561, 619—648, 657—677, 699—786, 795—871, 882—887, 924—976, 1059—1091].

Предложения рабочих комитетов аккумулировались на конференциях премьер-министров, а после проведения выборов в Бундестаг были направлены новым федеральным органам. Всё время, начиная с роспуска Парламентского совета и до начала работы первого созыва Бундестага, конференции премьер-министров координировали деятельность рабочих комитетов. 25 августа на конференции в Кобленце главный комитет премьер-министров одобрил решения организационного, финансового и юридического комитетов. На конференции 26 августа была назначена дата созыва Бундестага, учреждения Бундесрата (7 сентября) и проведения Федерального собрания для выборов президента (12 сентября). Однако многие предложения ввиду коалиционных переговоров в августе 1949 года устарели. Так, например, первый Бундестаг отверг идею минимализма правительственных учреждений [Leusser, 1957, S. 73]. В то же время рекомендации по правовой и финансовой политике легли в основу будущей законодательной работы. Формирование Бундестага, первого федерального правительства и Бундесрата окончательно превратило конференции премьер-министров в некий анахро-

низм, поскольку ранее решаемые ими задачи отныне брали на себя готовые федеральные структуры. Лишь в начале 1950-х годов усилиями Г. Эхарда конференции вновь будут пытаться реанимировать, но уже в качестве органа представительства германских земель [Ibid., S. 74].

5. Заключение

Конференции премьер-министров германских земель являлись важнейшим политическим феноменом для становления государственного строя Боннской республики и, пожалуй, ключевым звеном в сравнительно безболезненном процессе формирования федеральной власти. Имея устойчивый состав участников, довольно продолжительный опыт совместной работы и достижения компромиссов, административный ресурс региональных правительств и поддержку региональных элит, премьер-министры оказывали серьёзное давление на все ключевые решения 1948—1949 годов. Важной составляющей их работы был коалиционный состав земельных правительств, благодаря чему они могли легко взаимодействовать с различными политическими силами и вести надпартийную линию. Большую заинтересованность в этом институте как противовесе партийным лидерам проявляли западные союзники, и прежде всего США, которых беспокоило централистское развитие Объединённой экономической зоны. Поддержка оккупационных властей и регулярные конференции (совещания) с военными губернаторами позволили премьер-министрам приобрести дополнительный политический вес и существенно повлиять на становление федеративной модели государственного устройства, которую в той или иной мере поддерживал каждый из них.

Наиболее влиятельными площадками деятельности премьер-министров являлись конференции с военными губернаторами, имевшие характер согласования готовящихся к принятию решений, а также непосредственно трёхзональные конференции глав земельных правительств, выполнявшие координационную роль. Последние представляются особенно важными, поскольку именно премьер-министры являлись по факту связующим звеном между союзниками, политическими партиями и бизональными органами власти. Это позволяло им не только способствовать достижению компромисса между этими тремя сторонами, но и компенсировать отсутствие необходимых центральных учреждений. Особенно заметно это проявилось при обсуждении «Франкфуртских документов» (июль 1948 года) и при подготовке к формированию федеральных органов власти (июнь — август 1949 годов); тем самым была заложена база для конституционного строя Боннской республики.

Вместе с тем конференции так и не смогли эволюционировать в нечто большее, чем площадку для достижения компромиссов и позиционирования региональной элиты. Даже те ресурсы, которыми располагали премьер-министры, не позволяли им проводить самостоятельную политику, в том числе и на основе совместных конференций. Будучи членами тех или иных политических партий, главы земельных правительств испытывали серьёзное давление со стороны партийных лидеров. Данное обстоятельство заметно сдерживало их политическую активность, что наглядно продемонстрировали события вокруг обсуждения «Франкфуртских документов». Ограниченными были и возможности влияния премьер-министров на партийное руководство, что показала судьба Херенхимзейского проекта или разработок рабочих комитетов. Помимо этого, существенным ограничением и политическому давлению премьер-министры подвергались и со стороны союзников, которые далеко не всегда шли навстречу их интересам. Поддержка союзниками центрального финансового управления, единого регулирования таможенных дел и приоритета Экономического совета в налоговой политике приводила лишь к ослаблению влияния земель. По этой причине конференциям премьер-министров так и не удалось институционализироваться в качестве органа власти, что привело к окончательному ослаблению влияния этой структуры после проведения выборов в Бундестаг и формирования Бундесрата.

Источники

1. AVBRD — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. Bd. 4 : Januar 1948 — Dezember 1948 / bearb. von Ch. Weisz, H.-D. Kreikamp, B. Steger ; hrsg. von Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte. — München : Oldenbourg, 1983. — 1076 S.
2. AVBRD — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*. Bd. 5 : Januar 1949 — September 1949 / bearb. von H.-D. Kreikamp ; hrsg. von Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte. — München : Oldenbourg, 1981. — 1160 S.
3. *Bayerische Politik : Ansprachen und Reden des bayerischen Ministerpräsidenten Dr. Hans Ehard / Ausgewählt und eingeleitet von K. Schwend*. — München : Pflaum, 1952. — 208 S.
4. *Der PR — Der Parlamentarische Rat, 1948—1949 : Akten und Protokolle*. Bd. 1, Vorgeschichte / bearb. von J. V. Wagner. — Boppard am Rhein : Boldt, 1975. — LXXXVII. — 457 S.
5. *Maier R. Erinnerungen 1948—1953 / R. Maier*. — Tübingen : Leins, 1966. — 547 S.
6. *Schmid C. Erinnerungen / C. Schmid*. — Bern : Scherz, 1979. — 868 S.
7. *Strauß F. J. Die Rittersturz-Konferenz — ein Meilenstein auf dem Weg zur Bundesrepublik Deutschland — Erinnerung und Auftrag / F. J. Strauß // Stationen auf dem Weg zum Grundgesetz : Festansprachen aus Anlass der 40. Jahrestage der Rittersturz-Konferenz, des Verfassungskonvents auf Herrenchiemsee und des Zusammentretens des Parlamentarischen Rates*. — Bonn : Bundesrat, 1988. — S. 16—39.
8. *Strauss W. Die gesamtdeutsche Aufgabe der Ministerpräsidenten während des Interregnums 1945-1949 / W. Strauss // Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard*. — München : R. Pflaum, [1957]. — S. 85—96.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Величко Н. В.* Эволюция французской политики по германскому вопросу в 1945—1949 гг. / Н. В. Величко // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2016. — № 3. — С. 35—49.
2. *Космач В. А.* Германия и германский вопрос в 1945—1949 гг. : страницы истории и оценки историков: монография / В. А. Космач. — Витебск : ВГУ имени В. П. Машерова, 2017. — 338 с. — ISBN 978-5-9908858-1-3.
3. *Мурашов М. А.* Участие западногерманских политических партий в создании ФРГ (1948—1949 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / М. А. Мурашов. — Москва, 2005. — 259 с.
4. *Попов И. Д.* Конференции премьер-министров германских земель в 1945—1947 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 290—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-290-307.
5. *Badstübner R.* Vom «Reich» zum doppelten Deutschland : Gesellschaft und Politik im Umbruch / R. Badstübner. — Berlin : Dietz, 1999. — 557 S.
6. *Blank B.* Die westdeutschen Länder und die Entstehung der Bundesrepublik : Zur Auseinandersetzung um die Frankfurter Dokumente vom Juli 1948 / B. Blank. — München : Oldenbourg, 1995. — 375 S. — ISBN 3-486-56108-1.
7. *Feldkamp M. F.* Der Parlamentarische Rat und das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 1948 bis 1949: Option für die europäische Integration und die Deutsche Einheit / M. F. Feldkamp. — Berlin ; Sankt Augustin : Konrad-Adenauer-Stiftung, 2008. — 68 S. — ISBN 3-406-35531-5.
8. *Gelberg K.-U.* Hans Ehard : die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten : 1946—1954 / K.-U. Gelberg. — Düsseldorf : Droste, 1992. — XV, 600 S.
9. *Görtemaker M.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland : von der Gründung bis zur Gegenwart / M. Görtemaker. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 2004. — 915 S. — ISBN 3-406-44554-3.
10. *Kleßmann Ch.* Die doppelte Staatsgründung : Deutsche Geschichte, 1945—1955 / Ch. Kleßmann ; 5., überarb. und erweit. Auflage. — Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 1991. — 605 S.
11. *Lange E. H. M.* Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 1 : Die verfassungspolitische Lage vor Beginn der Beratungen des Parlamentarischen Rates / E. H. M. Lange // Geschichte im Westen. — 1989. — Jg. 4. — H. 2. — S. 145—159.
12. *Lange E. H. M.* Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 2 : Der Einfluß der Ministerpräsidenten auf den Parlamentarischen Rat / E. H. M. Lange // Geschichte im Westen. — 1990. — Jg. 5. — H. 1. — S. 55—68.
13. *Leusser C.* Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945 / C. Leusser // Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard. — München : R. Pflaum, [1957]. — S. 60—84.
14. *Majer D.* Grundlagen des Besatzungsrechts 1945—1949 / D. Majer // Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkriegs : eine perspektivische Rückschau : im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. — München : Piper, 1995. — XIV. — 914 S.
15. *Schwarz H.-P.* Vom Reich zur Bundesrepublik. Deutschland im Widerstreit des außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft 1945—1949 / H. -P. Schwarz. — Neuwied; Berlin : Luchterhand, 1966. — XXXVI. — 884 S.

CONFERENCES OF MINISTER PRESIDENTS OF THE GERMAN STATES IN 1948—1949 AND THEIR POLITICAL SIGNIFICANCE

© **Ivan D. Popov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6740-2387, ResearcherID C-9135-2014, PhD in History, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia), i.d.popov@narfu.ru.

The activity and political significance of the conferences of the Minister Presidents of the German states during the years of the institutionalization of the Federal Republic of Germany (1948—1949) are considered. It is concluded that in the absence of a number of significant central authorities, it was the conferences of the heads of state governments that played a coordinating role to fill them up on the German side. It is noted that the Minister Presidents also served as a converging point between the allies, the regional elite, political parties and bizonal authorities. It is shown that various formats of work of heads of state governments at the interzonal level allowed them to take part in the discussion of almost all key problems of the western zones of occupation. It is emphasized that the two-zone meetings of the Minister Presidents with the military governors and the three-zone conferences of the Minister Presidents themselves, which in fact became the main instruments for reaching political compromises, had a particular impact. It is pointed out that this was especially clearly manifested during the discussion of the "Frankfurt Documents". It is concluded that, at the same time, the dependence on the military administrations of the allies, the party elite and bizonal authorities at the same time did not allow these conferences to evolve into something more than a platform for building political consensus, and thereby pursue a full-fledged independent policy.

Key words: conferences of Minister Presidents the German states; the division of Germany; Germany; Bizone; Trizone; allied occupation of Germany; states of Germany.

MATERIAL RESOURCES

- AVBRD — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 4: Januar 1948 — Dezember 1948*. (1983). München: Oldenbourg. 1076 p. (In Germ.).
- AVBRD — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 5: Januar 1949 — September 1949*. (1981). München: Oldenbourg. 1160 p. (In Germ.).
- Bayerische Politik: Ansprachen und Reden des bayerischen Ministerpräsidenten Dr. Hans Ehard*. (1952). München: Pflaum. 208 p. (In Germ.).
- Der PR — *Der Parlamentarische Rat, 1948—1949: Akten und Protokolle. Bd. 1, Vorgeschichte, LXXXVII*. (1975). Boppard am Rhein: Boldt. 457 p. (In Germ.).
- Maier, R. (1966). *Erinnerungen 1948—1953*. Tübingen: Leins. 547 p. (In Germ.).
- Schmid, C. (1979). *Erinnerungen*. Bern: Scherz. 868 p. (In Germ.).
- Strauß, F. J. (1988). Die Rittersturz-Konferenz — ein Meilenstein auf dem Weg zur Bundesrepublik Deutschland — Erinnerung und Auftrag. *Stationen auf dem Weg zum Grundgesetz: Festansprachen aus Anlass der 40. Jahrestage der Rittersturz-Konferenz, des Verfassungskonvents auf Herrenchiemsee und des Zusammentritts des Parlamentarischen Rates*. Bonn: Bundesrat. 16—39. (In Germ.).
- Strauss, W. (1957). *Die gesamtdeutsche Aufgabe der Ministerpräsidenten während des Interregnums 1945—1949. Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard*. München: R. Pflaum. 85—96. (In Germ.).

REFERENCES

- Badstübner, R. (1999). *Vom «Reich» zum doppelten Deutschland: Gesellschaft und Politik im Umbruch*. Berlin: Dietz. 557 p. (In Germ.).

- Blank, B. *Die westdeutschen Länder und die Entstehung der Bundesrepublik: Zur Auseinandersetzung um die Frankfurter Dokumente vom Juli 1948*. München: Oldenbourg, 1995. 375 S. ISBN 3-486-56108-1. (In Germ.).
- Feldkamp, M. F. (2008). *Der Parlamentarische Rat und das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 1948 bis 1949: Option für die europäische Integration und die Deutsche Einheit*. Berlin; Sankt Augustin: Konrad-Adenauer-Stiftung. 68 S. ISBN 3-406-35531-5. (In Germ.).
- Gelberg, K.-U. (1992). *Hans Ehard: die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten: 1946—1954*. Düsseldorf: Droste. XV, 600 S. (In Germ.).
- Görtemaker, M. (2004). *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: von der Gründung bis zur Gegenwart*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch. 915 S. ISBN 3-406-44554-3. (In Germ.).
- Kleßmann, Ch. (1991). *Die doppelte Staatsgründung: Deutsche Geschichte, 1945—1955*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. 605 S. (In Germ.).
- Kosmach, V. A. (2017). *Germaniya i germanskiy vopros v 1945—1949 gg.: stranitsy istorii i otsenki istorikov: monografiya* [Germany and the German question in 1945—1949: pages of history and evaluation of historians: monograph]. Vitebsk: VGU imeni V. P. Masherova. 338 p. ISBN 978-5-9908858-1-3. (In Russ.).
- Lange, E. H. M. (1989). Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 1: Die verfassungspolitische Lage vor Beginn der Beratungen des Parlamentarischen Rates. *Geschichte im Westen*, 4 (2): 145—159. (In Germ.).
- Lange, E. H. M. (1990). Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 2: Der Einfluß der Ministerpräsidenten auf den Parlamentarischen Rat. *Geschichte im Westen*, 5 (1): 55—68. (In Germ.).
- Leusser, C. (1957). Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945. In: *Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard*. München: R. Pflaum. 60—84. (In Germ.).
- Majer, D. (1995). Grundlagen des Besatzungsrechts 1945—1949. In: *Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkriegs: eine perspektivische Rückschau: im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes, XIV*. München: Piper. 914 S. (In Germ.).
- Murashov, M. A. (2005). *Uchastiye zapadno germanskikh politicheskikh partiy v sozdanii FRG (1948—1949 gg.)*. PhD Diss. [Participation of West German political parties in the creation of the FRG (1948—1949). PhD Diss.]. Moskva. 259 p. (In Russ.).
- Popov, I. D. (2020). Conferences of Minister Presidents of the German States in 1945—1947 as a Prerequisite for the Formation of the Federal Republic of Germany. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 12: 290—307. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-290-307. (In Russ.).
- Schwarz, H.-P. (1966). *Vom Reich zur Bundesrepublik. Deutschland im Widerstreit des außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft 1945—1949, XXXVI*. Neuwied; Berlin: Luchterhand. 884 S. (In Germ.).
- Velichko, N. V. (2016). Evolyutsiya frantsuzskoy politiki po germanskomu voprosu v 1945—1949 gg. [Evolution of French policy on the German question in 1945—1949]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov state University. Series: Social and humanitarian sciences], 3: 35—49. (In Russ.).

Семенова Е. Ю. Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) / Е. Ю. Семенова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 392—410. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-392-410.

Semenova, E. Yu. (2021). Reading Opportunities in a Provincial Russian City during the First World War (Materials from the Volga Region). *Nauchnyi dialog, 1*: 392-410. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-392-410. (In Russ.).

УДК 94:021(470.4)“1914/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-392-410

ВОЗМОЖНОСТИ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

© Семенова Екатерина Юрьевна (2021), orcid.org/0000-0001-6509-0746, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет»; старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Самара, Россия), dashka129k@yandex.ru.

Рассматривается проблема ресурсов для чтения горожан в поволжском городе в условиях Первой мировой войны. Отмечается, что разработка проблематики дает возможность исследователю выявлять механизмы, которые позволяли обществу в начале XX века адаптироваться к условиям экстремальной действительности. Изучена обеспеченность городов Поволжья библиотеками. Сопоставлены возможности чтения в губернских и уездных городах изучаемого региона. Новизна исследования видится в том, что выявлено развитие комплекса общественных и частных ресурсов (библиотек), доступных для досугового чтения в поволжском городе в Первую мировую войну. Актуальность исследования обусловлена значимостью анализа социокультурных практик общества как компенсаторного механизма, а также ресурса, отражающего массовые настроения в экстремальные периоды развития государства. Выполнено сравнение губернских и уездных городских библиотек по принадлежности, посещаемости, материальной обеспеченности. Сделан вывод о разнообразии возможностей чтения как формы досуга горожан Поволжья в условиях Первой мировой войны. Выявлены города Поволжья, в которых ресурс библиотек был более разнообразным. Показано, что в губернских городах имелось больше библиотек, чем в уездных, они имели различную организационную основу и более полные фонды.

Ключевые слова: библиотеки; досуг горожан; поволжский город; Первая мировая война.

1. Введение

В годы Первой мировой войны в российской провинции нарастал многофакторный кризис, включавший духовные, экономические, поли-

тические, демографические аспекты [Булдаков, 2015; Россия в годы ..., 2014]. Внимание исследователей привлекает социокультурная сфера, в частности, досуговые практики горожан, анализ которых позволяет выявлять механизмы приспособления общества к условиям экстремальной действительности и общественные настроения [Аксенов, 2020; Семенова, 2007, с. 84—139]. Среди форм досуга населения тыловой провинции авторы отмечают чтение книг, газет, журналов, возможное благодаря ресурсам библиотек [Семенова, 2012а, с. 43; Шувалова, 2017, с. 26—30].

Важным в изучении возможностей реализовывать досуг посредством чтения представляется вывод из рецензии А.-М. Эйнхаус о повышенной значимости чтения в годы войны, его политизации, независимо от категории читателей, гражданских лиц или военнослужащих [Einhaus, 2019, p. 183—185].

Интерес к проблеме чтения в годы войны связан с изучением повседневности. Авторы выявили тенденцию роста числа библиотек, активизацию работы нелегальных и легальных библиотек, используемых для распространения идей политических партий [Глазков, 2018, с. 102—103]. По отдельным библиотекам изучены книжные фонды, штаты, финансирование [Клыгина, 2001, с. 16; Матвеева, 2014, с. 42—47], график работы и посещаемость [Габдельганеева, 2017, с. 135—140].

Проанализирована деятельность обществ по обеспечению раненых и военнопленных ресурсами для чтения как направление просветительской работы в городах [Рубанова, 2015, с. 99; Benatti et al., 2015]. Подчеркнем, что для военнопленных в условиях данной практики восприятие действительности можно охарактеризовать фразой из названия статьи Эдмунда Г. К. Кинга: «Книги для меня больше, чем еда» [King, 2013].

Значимым для нашего исследования представляется дальнейшее изучение возможностей, которые имелись у российского общества в годы Первой мировой войны, получать информацию посредством чтения. В связи с этим далее мы рассмотрим статистику наличия библиотек и изданий периодики, доступных для обывателя, тематику содержащихся в изданиях сведений; сопоставим эти критерии в территориальном аспекте; проанализируем чтение как механизм, влиявший на общество в условиях военного периода.

2. Городские библиотеки: состав, форма собственности

Знакомство с книжной продукцией в годы Первой мировой войны для жителя тылового провинциального города была связано, прежде всего, с наличием библиотек, особенно библиотек, посещение которых было

возможно для лиц любого социального и профессионального статуса, что было связано, помимо прочего, с удобным временем работы и материальной доступностью.

Количество библиотек в разных городах поволжских губерний отличалось, поэтому уместно будет выявить их состав и соотнести его с численностью населения, проживавшего в губернских и уездных городах. На 1 января 1915 года самыми населенными в Поволжье были губернские города Саратов (более 200 тыс. жителей), Казань (более 180 тыс.), Астрахань (более 150 тыс.), а также Ярославль, Нижний Новгород, Самара и уездный город Царицын (около и более 100 тыс. человек). Менее населенными губернскими городами являлись Симбирск (около 70 тыс.), Кострома (около 50 тыс.). Городов в Астраханской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Нижегородской, Ярославской и Костромской губерниях с численностью населения до 5 тыс. было 33 (большинство в Костромской и Нижегородской губерниях), от 5 до 15 тыс. — 24, от 15 до 50 тыс. — 18 [Семенова, 2012б, с. 59]. Если сопоставить общее количество библиотек, работавших в начале войны в губернских городах, например, в Нижнем Новгороде — 13 (в том числе 5 — в слободе Канавино, юридически самостоятельной, но тесно связанной с городом), Казани — 20, Саратове — не менее 14 (не менее 5 — общедоступные), Самаре — 7 (4 — общедоступные), Симбирске — 7 (3 — общедоступные) и Костроме — 8 (3 — общедоступные), по критерию «количество библиотек — численность населения» [АКСККГ, с. 282, 285, 680; ЖКГД, с. 60, 86, 357; Семенова, 2007, с. 116—117; СКАКНГ, с. 197; СККГ, с. 81; СОСГ за 1913, с. 35; СОСГ за 1914, с. 34], то позиции лидирующих по количеству библиотек и более населенных городов Саратова и Казани окажутся не столь успешными. Так, в Саратове на одну библиотеку приходилось более 16 тыс. горожан, в Самаре — более 14 тыс., в Симбирске — 10 тыс., в Казани — более 9 тыс., в Костроме — более 6 тыс. По Нижнему Новгороду отметим специфику: с учетом слободы Канавино показатель будет 9 тыс., а без нее — 14,6 тыс.

Сравнительный анализ ситуации в уездных городах Саратовской губернии по критерию «количество библиотек — численность населения» выявляет по большинству городов значительные различия в обеспеченности библиотеками в пользу менее населенных (табл. 1). Отметим неодинаковую обеспеченность городов библиотеками, что значимо повышало (например, для Вольска) или понижало (например, для Балашова) среднестатистические возможности пользования их услугами.

Не все библиотеки предоставляли услуги горожанам любой социальной, профессиональной, конфессиональной и иных категорий. Обе-

Таблица 1

Количество библиотек и численность населения в уездных городах
и посаде Дубовка Саратовской губернии на 1 января 1915 года

Город (название)	Численность населения (тыс. человек)	Количество библиотек (единиц)	Среднее количество горожан на одну библиотеку (тыс. человек)
Царицын	117,6	7	16,8
Вольск	42,0	6	7
Кузнецк	33,7	4	8,4
Камышин	30,2	2	15,1
Петровск	23,8	2	11,9
Балашов	23,5	1	23,5
Хвалынский	22,0	5	4,4
Аткарск	19,0	2	9,5
посад Дубовка	17,6	3	5,8
Сердобск	15,8	3	5,2

Источники: [ГАСО, ф. 421, оп. 1, д. 3581, л. 10; д. 3599, л. 13 об.; Семенова, 2012б, Приложение № 11; СОСГ за 1914, с. 34].

спеченность библиотеками по критерию «количество общедоступных библиотек — численность населения» будет существенно меньше, чем по критерию «количество библиотек — численность населения». В Ярославле в 1916 году из семнадцати библиотек общедоступными, в том числе платными, были семь, а десять библиотек были открыты для ограниченного круга лиц [Критский, 1916, с. 34—36]. Таким образом, по критерию соотношения числа библиотек — всех и общедоступных — и численности населения (тыс. человек) показатель отличался — 1:6,7 и 1:16,2.

В годы войны на территории поволжских городов, как правило, располагались несколько библиотек, находившихся в ведомстве города, что было более типично для губернских городов. Так, в Костроме к 1915 году работали городская библиотека имени Чижова, городская народная читальня имени А. Н. Островского, библиотека Костромского городского общественного управления [ЖКГД, с. 60, 86, 357; СККГ, с. 81]. В Казани находились Городская публичная библиотека, ее филиал (мусульманская библиотека) и читальня, библиотека-читальня во имя св. Владимира, библиотека «Образование», библиотека общества трезвости казанского городского общественного управления, библиотека имени Н. В. Гоголя [АКСККГ, с. 160, 282, 285, 680]. В Симбирске работали симбирская бесплатная библиотека-читальня

в память И. А. Гончарова, городская публичная библиотека, Карамзинская общественная библиотека [ОСГ, с. 30—31; СКАКСГ, с. 132—134].

Подконтрольные органам самоуправления библиотеки составляли основу библиотечной сети в уездных городах. В Варнавине (Костромская губерния) работала публичная библиотека имени А. П. Трубецкого, в Сызрани (Симбирская губерния) — городская публичная библиотека, Пушкинская народная библиотека, сызранская земская библиотека, в Буинске (Симбирская губерния) — общественная публичная библиотека; в городах Ярославской губернии: в Ростове — Петровская библиотека, в Рыбинске — Городская публичная библиотека имени Михалкова, земская публичная библиотека, в Мышкине — земская публичная библиотека, в Мологе — библиотека при Мологской городской управе, Мологская публичная библиотека при земской управе, в Пошехонье — Пошехонская публичная библиотека, учительская земская библиотека, в Данилове — Даниловская публичная библиотека, в Любиме — земская библиотека, в Угличе — Угличская городская публичная библиотека, в Романово-Борисоглебске — библиотека-читальня при Романово-Борисоглебской земской больнице, Городская общественная библиотека, библиотека для служащих в земской управе и учащихся в земских и церковно-приходских школах города [ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 268, л. 9; д. 318, л. 3—3 об.; ГАЯО, ф. 73, оп. 1, т. 3, д. 7529, л. 2 об. — 19; РЛ, 1917, с. 3; СККГ, с. 109].

В данный период собственниками библиотек и читален являлись не только город и земство (земские библиотеки находились и на территории города), но и различные общества. Библиотеки, открывавшиеся при обществах в поволжских городах, были альтернативой библиотекам, контролируемым органами местного самоуправления, с точки зрения возможностей чтения для широких слоев горожан или, что менее значимо, только для участников данного общества. Пользование услугами библиотек осуществлялось как безвозмездно, так и платно.

Можно классифицировать такие библиотеки следующим образом.

Библиотеки обществ и государственно-общественных учреждений просветительской направленности, ресурсы которых были доступны для всех: Пушкинская библиотека попечительства о народной трезвости при Народном доме в Костроме, публичная библиотека при Рыбинском обществе взаимного вспомоществования частному служебному труду, библиотека при Общественном клубе в Сызрани и другие [ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 268, л. 9; ГАЯО, ф. 73, оп. 1, т. 3, д. 7529, л. 17—19; СККГ, с. 81].

Библиотеки специализированных научных обществ, музеев, используемые сотрудиниками и предоставлявшие доступ для пользования горожа-

нам: библиотека при астраханской Ихтиологической лаборатории, библиотека общества естествоиспытателей при Казанском университете и другие [ГААО, ф. 533, оп. 1, д. 155, л. 2; ГА РТ, ф. 39, оп. 1, д. 84, л. 47].

Библиотеки, посещение которых предполагалось только для членов данных обществ и объединений: а) профессиональных (библиотека правления Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом, библиотека Нижегородского учительского общества взаимной помощи, ярославская библиотека при фабрике товарищества Норской мануфактуры, библиотека общества приказчиков в Казани и др.); б) национальных (библиотека общества распространения просвещения между евреями в России и библиотека немецкого женского общества в Казани, библиотека ярославского латышского общества и др.); в) сословных (библиотека-читальня Дворянского собрания в Казани и др.) и г) иных (библиотека Коммерческого собрания в Саратове, библиотека костромского Никольского общества трезвости и др.) [АКСККГ, с. 160, 282, 285; ВС, с. 137; ГАЯО, ф. 73, оп. 1, т. 3, д. 7529, л. 2 об.; СККГ, 1915, с. 81; ЦАНО, ф. 2627, оп. 1, д. 4, л. 35].

Библиотеки учреждений образования, доступные для пользования учащимся, сотрудникам и горожанам: библиотека Императорской казанской духовной академии и др. [АКСККГ, с. 285].

Работа данных библиотек расширяла круг читателей и подписчиков. Так, 700 подписчиков воспользовались услугами библиотеки правления Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом, в 1914 году; библиотеки при комитетах попечительства о народной трезвости в городах Казанской губернии в 1916 году посетили читатели в Лаишеве — 59 раз, в Цивильске — 24503, в Чистополе — 880 [Семенова, 2012а, с. 43; СККГ, с. 81]. Библиотека-читальня при уездном комитете о народной трезвости в Сердобске являлась «единственным <...> доступным просветительским местом для <...> населения» [ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 184, л. 6].

Небольшой контингент горожан мог воспользоваться ресурсами частных библиотек, работавших в городах Поволжья: в Костроме — ресурсами библиотеки Н. Н. Стайновского, в Ярославле — библиотеки М. К. Гасанова и библиотеки новой книги Першачевой, в Казани — библиотеки дворянки А. Ф. Стрелковской, жены горного инженера А. В. Брюно, дочери надворного советника В. Н. Яновой, в Нижнем Новгороде — библиотеки В. А. Сидельниковой и Е. П. Курской [АКСККГ, 1915, с. 680; ГАЯО, ф. 73, оп. 1, т. 3, д. 7529, л. 4—10; СКАКНГ, с. 197; СККГ, с. 109].

В годы войны открывались новые библиотеки, что примечательно в связи с масштабным сокращением свободных помещений в городе и передачей зданий учебных заведений, кинотеатров и даже некоторых му-

зеев под размещение военных. Несмотря на сложности военной поры, среди открывавшихся библиотек были бесплатные для посетителей. Новые библиотеки появились в городах Поволжья: бесплатные библиотеки в Самаре — в имении Н. А. Гладыша, Старосамарская, Воскресенская (август 1916 года), городская публичная библиотека в Засамарской слободе с читальным залом (ноябрь 1916 года), в Саратове — педагогическая библиотека с учебными пособиями (1916 год), в Астрахани — при Техническом бюро Астраханского областного военно-промышленного комитета (апрель 1916 года), в Ярославле — библиотека при обществе «Молодая жизнь» (1915 года), библиотека ярославского латышского общества (1916 год), в Юрьевце — бесплатная городская читальня (с июля 1917 года) [ГААО, ф. 927, оп. 2, д. 1, л. 24; ИСГД, с. 125; НЖ, с. 2; Семенова, 2012а, с. 43] и другие. Однако отмечалась и противоположная практика. Так, в Карсуне городская общественная библиотека была закрыта в 1916 году в связи с размещением в ее здании войск на постой [ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 318, л. 39].

Доступность библиотек в городе определялась их графиком работы, наличием или отсутствием платы за пользование литературой. Общеизвестные библиотеки работали в удобное для трудоустроенных и учащихся время, часть были бесплатными. Так, Юрьевецкую городскую бесплатную читальню можно было посетить с 17.00 до 20.00 ежедневно в рабочие дни и с 12.00 до 14.00 в воскресенье [НЖ, с. 2]. Саратовская городская публичная библиотека, платная, работала с 10.00 до 18.00 (летом до 19.00) по будням и с 11.00 до 14.00 по выходным. Епархиальная, бесплатная, библиотека в Саратове по будням была открыта с 10.00 до 14.00 и с 17.00 до 20.00, а по праздникам — с 11.00 до 14.00 [ВС, с. 137].

В ряде библиотек, находившихся в собственности городского и земского самоуправления, была установлена плата за услуги. В городах Ярославской губернии платными являлись мологская публичная библиотека при земской управе, пошехонская публичная библиотека, даниловская публичная библиотека, любимская земская библиотека, угличская городская публичная библиотека [ГАЯО, ф. 73, оп. 1, т. 3, д. 7529, л. 2 об. — 19]. В балашовской Городской публичной библиотеке был установлен залог за пользование книгами в 3 руб. и месячная плата 10 коп. при чтении в библиотеке и 20 коп. при выдаче на дом [Центральная ...]. В саратовской городской публичной библиотеке месячная оплата услуг составляла 20 коп. Для сравнения приведем цены на продукты в апреле 1915 года в Саратове: 3 коп. — фунт ржаного хлеба, 6 коп. — фунт белого хлеба первого сорта, 20 коп. — фунт грудины мяса [ВС, с. 137; ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3680, л. 1].

Часть библиотек были бесплатными, как саратовские библиотеки-читальни, указанные юрьевская и симбирские библиотеки.

3. Материальные ресурсы библиотек

Библиотеки отличались по уровню материальной обеспеченности, в частности, фондами, наличием помещения, приспособленного для чтения и выдачи литературы по абонементам, финансированием, которое можно было использовать для закупки литературы и обустройства библиотеки.

Не все библиотеки имели собственное помещение, как нижегородская городская общественная библиотека, размещавшаяся с 1903 года в отдельном здании, состоявшем на балансе города [Клыгина, 2001, с. 18]. Так, в Сызрани городская публичная и Пушкинская народная библиотеки располагались в доме Городского управления, библиотека при Общественном клубе — в помещении клуба [ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 268, л. 9], Пушкинская библиотека попечительства о народной трезвости в Костроме находилась в помещении Народного дома [СККГ, с. 81]. Библиотека Самарского общественного собрания размещалась в одной из комнат здания, в котором располагалось Собрание. Данную комнату также использовали для карточных игр. До 1916 года она не была специально оборудована, не делилась на читальный зал и хранилище, посетители сами брали литературу с полок. Литература, имеющаяся в библиотеке (более 8 тыс. томов книг и более 3,1 тыс. номеров периодики), как выяснилось в 1915 году, не была каталогизирована и систематизирована [ОСОС, с. 1, 3, 22].

Материальные возможности библиотек зависели от сложившейся традиции финансирования, от возможностей местного бюджета или общества, в ведении которого находилась библиотека. Война повлияла на обеспечение библиотек. Вынужденной мерой для части учреждений стало повышение платы за использование ресурсов. Так, в Нижегородской городской библиотеке, бесплатной для посетителей зала, повысили плату по абонементам (за 1 книгу — до 25 коп в месяц и до 2 руб. под залог; за 5 книг, соответственно, брали 85 коп. и 8 руб. [ЦАНО, ф. 568, оп. 1781, д. 113, л. 4].

Сопоставление комплектности библиотечного фонда и численности городского населения позволяет судить о доступности для горожанина чтения книг и периодики из конкретной библиотеки. Сопоставить возможность разных библиотек в обеспечении населения чтением можно сравнивая укомплектованность фондов. Так, в 1915 году в общественной публичной библиотеке при городской управе уездного города Буинска (Симбирская губерния) было 1965 книг и 2401 периодическое издание, в общедоступной библиотеке-читальне уездного города Сердобска — 2509 книг и 4819 жур-

налов, в нижегородской городской общественной библиотеке — более 52 тыс. экземпляров книг (без особых фондов пожертвованных собраний) и 85 названий газет и журналов, в казанской городской публичной библиотеке — около 30 тыс. томов и 110 названий периодики, в саратовской публичной библиотеке — 50 тыс. томов [ВС, с. 137; ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 318, л. 3—3 об.; ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 184, л. 6; КИОКГПБ, с. 17; Клыгина, 2001, с. 16] при численности населения (на 1 января 1915 года) Буинска — 5,8 тыс. человек, Сердобска — 15,8 тыс., Нижнего Новгорода — 117 тыс., Саратова — 228,5 тыс., Казани — 188,8 тыс. [Семенова, 2012б, Приложения №№ 5, 6, 9, 11].

Потенциальный ресурс данных общедоступных библиотек можно представить следующим образом. По абсолютному показателю укомплектованности библиотек литературой в уездных городах сердобская библиотека была лучше оснащена книгами и вдвое лучше — журналами, чем буинская. Но по среднестатистическому показателю наличия томов на одного жителя сердобская библиотека в два раза уступала буинской по книжным ресурсам и на $\frac{1}{4}$ — по журналам. В среднем на основе анализа ресурсов фондов указанных библиотек можно заключить, что на одного жителя приходилось по Сердобску 0,15 книги и 0,3 журнала, а по Буинску, менее населенному, — 0,33 и 0,4 соответственно. Соотношение книжного фонда основных общедоступных библиотек губернских городов Саратова и Нижнего Новгорода было схожим, а Казани — существенно меньшим, но среднестатистический показатель наличия томов книг на одного жителя составлял соответственно 0,2; 0,4; 0,15 (без дарственных коллекций в нижегородской библиотеке, что еще увеличивает ее значимость).

Возможности фондов библиотек можно рассматривать по критерию числа наименований изданий в однотипных библиотеках. Они отличались по библиотекам одного города, по библиотекам городов одной губернии и по библиотекам городов разных губерний. Так, в 1913 году в Казанской губернской земской главной библиотеке было более 5,4 тыс. названий изданий, в Романово-Борисоглебской уездной земской библиотеке — более 6 тыс., в библиотеке служащих Козьмодемьянской уездной земской управы — около 1 тыс., а в Сердобской центральной библиотеке земских служащих в 1915 году — всего более 200 [БРБ; Семенова, 2012б, Приложения № 1, 6, 11]. В общедоступных библиотеках Симбирска в 1914 году было в общественной Карамзинской — 19122 наименования книг, 25 — журналов и 2 — газет, в бесплатной народной библиотеке имени И. А. Гончарова соответственно — 3519, 19 и 2, а в Городской публичной платной библиотеке — 4829, 42 и 21 [ВВ, с. 3].

Обеспеченность библиотек литературой в губернских городах была лучше, но укомплектованность библиотек отличалась. В Саратове городская публичная библиотека имела 50 тыс. томов изданий, библиотека Коммерческого собрания, используемая только его членами, — 40 тыс. томов, епархиальная библиотека с бесплатным посещением для всех читального зала и платной выдачей книг на дом (бесплатной для священников и воспитанников) — 6 тыс., библиотека при археологическом музее Саратовской ученой архивной комиссии — 30 тыс. [ВС, с. 108, 137].

4. Посетители библиотек: состав, литературные предпочтения

Вопрос о доступности пользования услугами библиотек в годы войны предполагает анализ имеющейся статистики посещений и числа абонементов, выявление социального состава посетителей.

Согласно данным о городской Александровской библиотеке в Самаре за 1914 год, с началом войны отмечается рост числа читателей. Посещаемость в отдельные месяцы в 1915 году была почти на треть больше, чем в аналогичные довоенные месяцы 1914 года. Но в 1916 году в сравнении с 1914 годом число посетителей в читальном зале сократилось более чем на 5 тыс. человек, а использование абонементов стало больше на 387 [ГВ за 1915; ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 1—9].

Наличие платных и бесплатных городских, общественных и частных библиотек в ряде городов открывало представителям разных социальных групп доступ к чтению. Но именно фактор бесплатности современники признавали решающим в привлечении читателей. Так, в ярославской Пушкинской библиотеке «главный контингент» составляли «низшие слои городского населения / приказчики, фабричные рабочие и т. п. / и учащиеся средних и низших учебных заведений» благодаря бесплатности услуг библиотеки [ГАЯО, ф. 73, оп. 9, д. 681, л. 22]. В нижегородской городской библиотеке среди читателей превалировали беднейшие слои горожан, поскольку пользование книгами, газетами и журналами в читальном зале было бесплатным. Осенью 1916 года, в экономически сложный для общества период, посещаемость в нем постоянно увеличивалась до 500 и более человек в день [ЦАНО, ф. 568, оп. 1781, д. 113, л. 3]. В докладе за 1915 год заведующий балашовской Городской публичной библиотекой Прохонев сообщал библиотечному совету: «Рассматривая состав подписчиков, удивляюсь, что <...> почти отсутствуют читатели — рабочие, ремесленники, приказчики и вообще трудовой народ»; одной из причин наряду с неимением популярных книг и журналов, неосведомленностью населения о наличии библиотеки он указал высокую плату [Балашов ..., 1997,

с. 343—344]. В Самаре в Александровской публичной библиотеке состав читателей отличался: большинство составляли учащиеся и служащие, за ними шли дворяне и чиновники при ежедневной статистике 80—140 читателей [ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 1—9]. Похожая ситуация отмечалась в Казанской городской публичной библиотеке, среди посетителей которой больше всего было студентов, учащихся и курсисток, затем шли преподаватели и служащие [Габдельганеева, 2017, с. 134].

Услуги абонементов даже в общедоступных городских библиотеках, за редким исключением (как в Александровской библиотеке Самары для части читателей), были платными. Среди пользователей преобладали представители статусных социальных групп, как в Астраханской общественной библиотеке. Состав подписчиков, представленный в отчетах за период 1889—1916 годов, показывает в среднем следующую градацию: чиновники и дворяне — 187 человек в год, мещане — 168, почетные граждане и купцы — 89, интеллигенция — 68, крестьяне — 38, духовенство — 16, учащиеся — 10, нижние воинские чины — 6, ремесленники — 2 [ГААО, ф. 627, оп. 1, д. 19, л. 2, 5].

В связи с платой за услугу существенно отличалась численность пользователей абонементов и посетителей читального зала. В Симбирске в 1914 году в общественной Карамзинской библиотеке брали литературу на дом 390 посетителей, а читали в библиотеке — 8191; в бесплатной народной библиотеке имени И. А. Гончарова, соответственно — 688 и 1052, в Городской публичной платной библиотеке — 156 и 1500 [ВВ, с. 3].

Посещаемость разных библиотек в одном городе, независимо от состава фондов, могла существенно отличаться. Так, в Самаре за 1916 год в Александровской публичной библиотеке отмечено 31 526 посещений, 2287 использований абонементов, в библиотеке Самарского общества народных университетов — только 1492 посещения [Семенова, 2007, с. 128; ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 1—9].

Неодинаковой была посещаемость однотипных библиотек в схожих по статусу городах. В 1914 году в нижегородской городской общественной библиотеке отмечалось 109 тыс. посещений, в Казанской городской публичной библиотеке — 39,1 тыс., в самарской Александровской публичной библиотеке — 36,8 тыс. [ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 5; Габдельганеева, 2017, с. 134; Клыгина, 2001, с. 16] при численности населения этих губернских городов 117,4 тыс., 188,8 тыс. и 99 тыс. соответственно. В Балашовской городской публичной библиотеке в 1914 году отмечено 787 посещений, а в сердобской — 1126 в читальном зале и 942 выдачи для домашнего чтения [Балашов ..., 1997, с. 343; ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 184, л. 6], то есть

востребованность была в среднем с 2,6 раз больше по сердобской библиотеке при меньшей населенности Сердобска (на $\frac{1}{3}$).

Активность чтения библиотечных ресурсов в городах также отличалась. В Астрахани, в Нижнем Новгороде, в Буинске прежде всего общедоступные библиотеки обеспечивали возможности чтения. В среднем в Астраханской общественной библиотеке ежегодно выдавалось 15 750 экземпляров книг и других изданий (или 0,1 издание на человека). В нижегородской городской общественной библиотеке в 1914 году было выдано 76,7 тыс. экземпляров книг (0,6 на человека). В буинской общественной публичной библиотеке в 1916 году выдали 2830 томов (0,5 — на человека) [ГААО, ф. 627, оп. 1, д. 19, л. 2; ГАУО, ф. 48, оп. 1, д. 318, л. 3—3 об.; Клыгина, 2001, с. 16].

Фонды библиотек комплектовались с учетом цензуры, специфики библиотеки, финансирования. Например, они включали в Александровской публичной библиотеке книги по изящной словесности, истории, истории литературы, критике и публицистике, философии, детскую литературу; периодические издания, иностранную литературу [ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 1—9]; в главной библиотеке казанского губернского земства имелись книги о народном здравии и народном образовании, земском и городском самоуправлении, издания по естественным наукам, промышленности, путям сообщения, математике, торговле, экономике, праву, истории, географии [БРБ]; в библиотеке сердобского уездного попечительства читателям предлагались книги о народной трезвости, религиозно-нравственное чтение, педагогическая, учебная литература, издания по философии, психологии, логике, истории, физике, географии, естествознанию, экономике, юридическим наукам, а также путеводители, медицинская литература, публицистика, критическая библиография, беллетристика [ГАСО, ф. 128, оп. 1, д. 184, л. 6; ЦГАСО, ф. 674, оп. 1, д. 7, л. 1—9].

5. Заключение

Возможности чтения в годы Первой мировой войны в городах Поволжья характеризуют общие тенденции и ряд особенностей. Жители всех губернских и части уездных городов могли воспользоваться услугами библиотек, чтобы прочитать книгу или издание периодики. Фонды включали беллетристику, учебную, научную, иную литературу, газеты и журналы. Востребованностью у горожан отличались бесплатные библиотеки, но такие были не во всех городах, даже часть общедоступных библиотек брала плату с читателей за услуги.

По показателю числа горожан, приходившихся в среднем на одну библиотеку, крупные по численности населения, обеспеченные общедоступ-

ными библиотеками города, например, Саратов, Казань, Самара, уступали менее населенной Костроме. В более выигрышной ситуации по данному критерию оказались жители ряда уездных малонаселенных городов. Но возможности чтения в уездных и губернских городах отличались. В губернских городах работало больше библиотек, в том числе различной организационной основы, их фонды были полнее.

К началу войны более разноплановым и многочисленным составом библиотек отличалась Казань, которая являлась одним старейшим в Поволжье университетским центром. Наиболее широкие возможности для чтения, учитывая бесплатность посещения, помещение, состав фондов, населению предоставляла нижегородская городская общественная библиотека.

Несмотря на трудное экономическое и социально-политическое положение страны в военный период продолжали открываться новые библиотеки. Ряд библиотек или некоторых услуг в них оставались бесплатными, но в то же время наблюдался рост цен на пользование библиотечными ресурсами. При этом организация работы библиотек, пополнение фондов, установление платы и другие условия их работы более зависели от сложившихся традиций их финансовой поддержки городом или обществом, нежели от экстремальной военной ситуации в стране.

Источники и принятые сокращения

1. АКСККГ — *Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год.* — Казань : Типография губернского правления, 1914. — 819 с.
2. БРБ — *Библиография* русской библиографии, 1991—1916 [Электронный ресурс] / под ред. Г. Л. Левина. — Москва : Российская государственная библиотека НИО библиографии, 2001. — Режим доступа : https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliografichesckije-izdaniija/doc_4677na.pdf (дата обращения: 04.09.2020).
3. ВВ — *Волжские вести.* — 1916. — № 2010. — С. 3.
4. ВС — *Весь Саратов : справочник-календарь на 1916 год.* — Саратов : Изд. группы студентов, 1916. — 176 с.
5. ГААО — *Государственный архив Астраханской области.* Ф. 533 (Ихтиологический музей и лаборатория управления Каспийско-Волжскими и тюленьими промыслами). Оп. 1. Д. 155. Л. 1—3 ; Оп. 2. Д. 34. Л. 10, 20 ; Ф. 627 (Комитет Астраханской общественной библиотеки). Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 5 ; Ф. 927 (Астраханский областной Военно-промышленный комитет). Оп. 2. Д. 1. Л. 24.
6. ГА РТ — *Государственный архив Республики Татарстан.* Ф. 39 (Общество естествоиспытателей при Казанском Императорском университете). Оп. 1. Д. 84. Л. 47.
7. ГАСО — *Государственный архив Саратовской области.* Ф. 4 (Саратовская городская управа). Оп. 1. Д. 3680. Л. 1 ; Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет МВД). Оп. 1. Д. 3581. Л. 10 ; Д. 3599. Л. 13 об. ; Ф. 128 (Саратовский губернский комитет попечительства о народной трезвости). Оп. 1. Д. 184. Л. 6.

8. ГАУО — *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. 48 (Симбирский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 268. Л. 9 ; Д. 318. Л. 3—3 об., 39.
9. ГАЯО — *Государственный* архив Ярославской области. Ф. 73 (Канцелярия ярославского губернатора, город Ярославль Ярославской губернии). Оп. 1. Т. 3. Д. 7529. Л. 2 об. — 19 ; Оп. 9. Д. 681. Л. 9—9 об., 22.
10. ГВ за 1915 — *Городской* вестник. — 1915. — 24 апреля. — С. 3 ; 15 июля. — С. 3.
11. ЖКГД — *Журналы* Костромской городской думы за 1915 год. — Кострома : Типография А. С. Азерского, 1918. — 445 с.
12. ИСГД — *Известия* Саратовской городской думы. — 1916. — № 8. — С. 125.
13. КИОКГПБ — *Краткий* исторический очерк Казанской Городской публичной библиотеки за 50 лет ее существования (10 января 1865 — 10 января 1915). — Казань : Электр. тип. типография Л. П. Антонова, 1915. — 18 с.
14. *Критский П.* Путеводитель — справочник по Ярославлю на 1916 год / П. Критский. — Ярославль : Издательство К. Ф. Некрасова, 1916. — 84 с.
15. НЖ — *Новая* жизнь. — 1917. — 16 июля. — С. 2.
16. ОСГ — *Обзор* Симбирской губернии за 1914 год. — Симбирск : Типо-литография губернского правления, 1915. — 32 с.
17. ОСОС — *Отчет* Самарского общественного собрания за 1914—1915 год и приходно-расходная смета на 1915—1916 г. — Самара : Эл.-тип. Клинингер С. П., 1915. — 60 с.
18. РЛ — *Рыбинский* листок. — 1917. — 2 сентября. — С. 3.
19. СКАКНГ — *Справочная* книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 г. Ч. 1—2. — Нижний Новгород : [б. и.], 1914. — 584 с.
20. СКАКСГ — *Справочная* книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1914 год. — Симбирск : Симбир. губ. стат. ком., 1914. — 214 с.
21. СККГ — *Справочная* книжка по Костромской губернии и Календарь на 1915 год / под ред. Вахрамеева. — Кострома : Костромской губ. стат. ком., 1915. — 207 с.
22. СОСГ за 1914 — *Статистический* обзор Саратовской губернии за 1914 год. — Саратов : Тип. Губерн. правления, 1915. — 78 с.
23. ЦАНО — *Центральный* архив Нижегородской области. Ф. 568 (Нижегородская городская общественная библиотека). Оп. 1781. Д. 113. Л. 3—4 ; Ф. 2627 (Общество взаимного вспомоществования учителей и учительниц Нижегородской губернии). Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
24. ЦГАСО — *Центральный* государственный архив Самарской области. Ф. 674 (Самарская Александровская публичная библиотека (1860—1918)). Оп. 1. Д. 7. Л. 1—9.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918) / В. Б. Аксенов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 992 с. — ISBN 978-54448-1210-5.
2. *Балашов* — уездный город (1780—1928 гг.). Книга 1 / Авт.-сост. Л. Н. Масленникова, С. В. Вахрушев, В. В. Смотров. — Балашов : Издатель, 1997. — 456 с.
3. *Булдаков В. П.* Война, породившая революцию. Россия, 1914—1917 гг. / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 721 с. — ISBN 978-5-94881-292-2.
4. *Габдельганеева Г. Г.* Казанская городская публичная библиотека в начале XX века / Г. Г. Габдельганеева // Документ в социокультурном пространстве региона

(теория, история и современность) : материалы докладов межрегион. заоч. науч.-практ. конф. (1 марта — 15 мая 2017 г.) / сост. : Г. Г. Габдельганеева, Г. В. Матвеева ; ред. кол. : Р. М. Валеев и др. — Казань : Каз. гос. ин-т культуры, 2017. — С. 133—143.

5. *Глазков М. Н.* Отечественная библиотечная сфера в годы Первой мировой войны. К 100-летию Брестского мира и окончания Первой мировой войны / М. Н. Глазков // Научные и технические библиотеки. — 2018. — № 11. — С. 95—106. — DOI:10.33186/1027-3689-2018-11-95-106.

6. *Клыгина Р. Я.* Ленинка. Страницы летописи. (К 140-летию Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина) / Р. Я. Клыгина. — Нижний Новгород : [б. и.], 2001. — 112 с. — ISBN 5-89875-040-1.

7. *Матвеева И. Г.* Деятельность Императорской публичной библиотеки в период Первой мировой войны / И. Г. Матвеева // Вестник СПбГУКИ. — 2014. — № 3. — С. 42—53.

8. *Россия* в годы Первой мировой войны : экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 982 с. — ISBN 978-5-8243-1906-4.

9. *Рубанова Т. Д.* Библиотеки для раненых воинов и военнопленных в годы Первой мировой войны / Т. Д. Рубанова // Библиотековедение. — 2015. — № 6. — С. 98—106.

10. *Семенова Е. Ю.* Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 г.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний / Е. Ю. Семенова. — Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2007. — 291 с. — ISBN 978-5-7964-0969-5.

11. *Семенова Е. Ю.* Лекции и народные чтения в информационном пространстве поволжского города в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 г.) / Е. Ю. Семенова // Известия СНЦ РАН. — 2012а. — Т. 14. — № 3. — С. 38—44.

12. *Семенова Е. Ю.* Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 г.) : социальный, экономический, политический аспекты / Е. Ю. Семенова. — Самара : Издательство СНЦ РАН, 2012б. — 888 с.

13. *Центральная городская библиотека : вчера, сегодня, завтра (1902—2012)* [Электронный ресурс] // Муниципальное учреждение «Городская централизованная библиотечная система» г. Балашова. — Режим доступа : <http://balbibl.narod.ru/history.htm> (дата обращения : 29.09.2020).

14. *Шувалова Ю. Б.* Досуговое чтение в годы первой мировой войны : специфика и содержание (по материалам Пермской губернии) / Ю. Б. Шувалова // Вестник Пермского университета. — 2017. — Выпуск 4 (39). — С. 24—34.

15. *Benatti F.* Readers and Reading in the First World War [Electronic resource] / F. Benatti, E. G. C. King, S. Towheed // The History of the Book. — 2015. — Vol. 45. — Pp. 239—261. — Access mode : http://oro.open.ac.uk/50720/1/YES_Towheed_Benatti_King_Revised-FINAL_ORO.pdf (accessed 20.09.2020).

16. *Einhaus A.-M.* «Reading and the First World War : Readers, Texts, Archives» [Electronic resource] / A.-M. Einhaus. — Variants. — 2019. — Vol. 14. — Pp. 183—185. — Access mode : <https://journals.openedition.org/variants/796> (дата обращения : 15.09.2020).

17. *King Edmund G. C.* «Books Are More to Me than Food» : British Prisoners of War as Readers, 1914—1918 / G. C. King Edmund // Book History. — 2013. — № 16 (1). — Pp. 246—271. — DOI: 10.1353/bh.2013.0009.

READING OPPORTUNITIES IN A PROVINCIAL RUSSIAN CITY DURING THE FIRST WORLD WAR (MATERIALS FROM THE VOLGA REGION)

© **Ekaterina Yu. Semenova (2021)**, orcid.org/0000-0001-6509-0746, Doctor of History, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University; Senior Researcher, The Federal state budgetary institution of science Samara Science Centre of the Russian Academy of Science (Samara, Russia), dashka129k@yandex.ru.

The article deals with the problem of resources for reading for the townspeople in the Volga city during the First World War. It is noted that the dealing with the problems, allows the researcher to identify the mechanisms that allowed society to adapt to the conditions of extreme reality. The provision of the Volga cities with libraries has been studied. The possibilities of reading in the provincial and district cities of the studied region are compared. The novelty of the research is seen in the fact that the development of a complex of public and private resources (libraries), available for leisure reading in the Volga city during the First World War, was revealed. The relevance of the study is due to the importance of analyzing the sociocultural practices of society as a compensatory mechanism, as well as a resource reflecting mass sentiment in extreme periods of state development. Comparison of provincial and county city libraries in terms of ownership, attendance, material security is carried out. The conclusion is made about the diversity of reading opportunities as a form of leisure for the Volga region residents during the First World War. The cities of the Volga region were identified, in which the resource of libraries was more diverse. It is shown that there were more libraries in the provincial towns than in the county ones; they had a different organizational basis and more complete funds.

Key words: libraries; leisure of the townspeople; the Volga city; World War I.

MATERIAL RESOURCES

- AKSKKG — *Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Kazanskoy gubernii na 1915 god* [Address-calendar and reference book of the Kazan province for 1915]. (1914). Kazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 819 p. (In Russ.).
- BRB — *Bibliografiya russkoy bibliografii, 1991—1916* [Bibliografiya russian bibliografii, 1991—1916]. (2001). Moskva: Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka NIO bibliografii. Available at: https://www.rsl.ru/photo!/_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliograficheskije-izdanija/doc_4677na.pdf (accessed 04.09.2020). (In Russ.).
- GAAO — *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti. F. 533 (Ikhtologicheskii muzey i laboratoriya upravleniya Kaspiysko-Volzhsкими i tyulenimi promyslami)* [State Archive of the Astrakhan region. f. 533 (Ichthyological Museum and Laboratory of management of the Caspian-Volga and seal fisheries)]. (In Russ.).
- GART — *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 39 (Obshchestvo estestvoispytateley pri Kazanskom Imperatorskom universitete)* [State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 39 (Society of Natural Scientists at the Kazan Imperial University)]. (In Russ.).
- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti. F. 4 (Saratovskaya gorodskaya uprava). F. 421 (Saratovskiy gubernskiy statisticheskiy komitet MVD). F. 128 (Saratovskiy gubernskiy komitet popechitelstva o narodnoy trezvosti)* [The State archive of the Saratov region. F. 4 (Saratovskaya Gorodskaya UPRAVA). F. 421 (Saratov Provincial Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs). F. 128 (Saratov Provincial Committee of Guardianship of People's Sobriety)]. (In Russ.).

- GAUO — *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti. F. 48 (Simbirskiy gubernskiy statisticheskiy komitet)* [State Archive of the Ulyanovsk region. F. 48 (Simbirsk Provincial Statistical Committee)]. (In Russ.).
- GAYaO — *Gosudarstvennyy arkhiv Yaroslavskoy oblasti. F. 73 (Kantselyariya yaroslavskogo gubernatora, gorod Yaroslavl' Yaroslavskoy gubernii)* [State Archive of the Yaroslavl region. F. 73 (Office of the Yaroslavl governor, the city of Yaroslavl, Yaroslavl province)]. (In Russ.).
- GV za 1915 — *Gorodskoy vestnik* [City Bulletin]. (1915). 24 aprelya, 15 iyulya. P. 3. (In Russ.).
- ISGD — *Izvestiya Saratovskoy gorodskoy dумы* [News of the Saratov City Duma], 8. (1916). 125 p. (In Russ.).
- KIOKGPB — *Kratkiy istoricheskiy ocherk Kazanskoy Gorodskoy publichnoy biblioteki za 50 let yeye sushchestvovaniya (10 yanvarya 1865 — 10 yanvarya 1915)* [A brief historical sketch of the Kazan City Public Library for 50 years of its existence (January 10, 1865 — January 10, 1915)]. (1915). Kazan': Elektrich. tipografiya L. P. Antonova. 18 p. (In Russ.).
- Kritskiy, P. (1916). *Putevoditel' — spravochnik po Yaroslavlyu na 1916 god* [Guidebook-guide to Yaroslavl for 1916]. Yaroslavl': Izdatelstvo K. F. Nekrasova. 84 p. (In Russ.).
- NZh — *Novaya zhizn'* [New life]. (1917). 16 iyulya. P. 2. (In Russ.).
- OSG — *Obzor Simbirskoy gubernii za 1914 god* [Review of the Simbirsk province for 1914]. (1915). Simbirsk: Tipo-litografiya gubernskogo pravleniya. 32 p. (In Russ.).
- OSOS — *Otchet Samarskogo obshchestvennogo sobraniya za 1914—1915 god i prikhodno-rashodnaya smeta na 1915—1916 g.* [Report of the Samara Public Assembly for 1914—1915 and the income and expenditure estimates for 1915—1916]. (1915). Samara: El.-tip. Klininger S. P. 60 p.
- RL — *Rybinskiy listok* [Rybinsk leaf]. (1917). 2 sentyabrya. P. 3. (In Russ.).
- SKAKNG — *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Nizhegorodskoy gubernii na 1914 g.* [Reference book and address-calendar of the Nizhny Novgorod province for 1914], 1—2. (1914). Nizhniy Novgorod: [b. i.]. 584 p. (In Russ.).
- SKAKSG — *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoy gubernii na 1914 god* [Reference book and address-calendar of the Simbirsk province for 1914]. (1914). Simbirsk: Simbir. gub. stat. kom. 214 p. (In Russ.).
- SKKG — *Spravochnaya knizhka po Kostromskoy gubernii i Kalendar' na 1915 god* [Reference book on the Kostroma province and the Calendar for 1915]. (1915). Kostroma: Kostromskoy gub. stat. kom. 207 p. (In Russ.).
- SOSG za 1914 — *Statisticheskiy obzor Saratovskoy gubernii za 1914 god* [Statistical review of the Saratov province for 1914]. (1915). Saratov: Tip. Gubern. Pravleniya. 78 p. (In Russ.).
- TsANO — *Tsentralnyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti. F. 568 (Nizhegorodskaya gorodskaya obshchestvennaya biblioteka). F. 2627 (Obshchestvo vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchiteley i uchitel'nits Nizhegorodskoy gubernii)*. [Central Archive of the Nizhny Novgorod region. F. 568 (Nizhny Novgorod City Public Library). F. 2627 (Society for mutual assistance of teachers and female teachers of the Nizhny Novgorod province)]. (In Russ.).
- TsGASO — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti. F. 674 (Samarskaya Aleksandrovskaya publichnaya biblioteka (1860—1918))* [Central State Archive of the Samara region. F. 674 (Samara Alexander Public Library (1860—1918))]. (In Russ.).

- VS — *Ves' Saratov: Spravochnik-kalendar' na 1916 god* [All of Saratov: Directory-calendar for 1916]. (1916). Saratov. 176 p. (In Russ.).
- VV — *Volzhskiye vesti* [Vолzhskie vesti], 2010. (1916). P. 3. (In Russ.).
- ZhKGD — *Zhurnaly Kostromskoy gorodskoy dumy za 1915 god* [Magazines of the Kostroma City Duma for 1915]. (1918). Kostroma: Tipografiya A. S. Azerskogo. 445 p. (In Russ.).

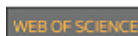
REFERENCES

- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyye nastroyeniya rossiiyan v gody voyny i revolyutsii (1914—1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and Revolution (1914—1918)]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 992 p. ISBN 978-54448-1210-5. (In Russ.).
- Balashov — *Uyezdnyy gorod (1780—1928 gg.)*. [Uyezdnyy gorod (1780—1928)], 1. (1997). Balashov: Izdatel'. 456 p. (In Russ.).
- Benatti, F., King, E. G. C., Towheed, S. (2015). Readers and Reading in the First World War. *The History of the Book*, 45: 239—261. Available at: http://oro.open.ac.uk/50720/1/YES_Towheed_Benatti_King_RevisedFINAL_ORO.pdf (accessed 20.09.2020).
- Buldakov, V. P., Leonteva, T. G. (2015). *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914—1917 gg.* [The war that spawned the revolution. Russia, 1914—1917]. Moskva: Novyy khronograf. 721 p. ISBN 978-5-94881-292-2. (In Russ.).
- Einhaus, A.-M. (2019). «Reading and the First World War: Readers, Texts, Archives». *Variants*, 14: 183—185. Available at: <https://journals.openedition.org/variants/796> (accessed 15.09.2020).
- Gabdelganeyeva, G. G. (2017). Kazanskaya gorodskaya publichnaya biblioteka v nachale XX veka [Kazan City Public Library at the beginning of the XX century]. In: *Dokument v sotsiokulturnom prostranstve regiona (teoriya, istoriya i sovremennost')*: materialy dokl. mezhtregion. zaoch. nauch.-prakt. konf. (1 marta — 15 maya 2017 g.) [Document in the socio-cultural space of the region (theory, history and modernity): materials of dokl. mezhtregion. part-time scientific and practical conference (March 1 — May 15, 2017)]. Kazan': Kaz. gos. in-t kulturey. 133—143. (In Russ.).
- Glazkov, M. N. (2018). Otechestvennaya bibliotechnaya sfera v gody Pervoy mirovoy voyny. K 100-letiyu Brestskogo mira i okonchaniya Pervoy mirovoy voyny [The Russian library sector in the years of the First world war. To the 100th anniversary of the Brest Peace and the end of the First World War]. *Nauchnyye i tekhnicheskkiye biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 11: 95—106. DOI: 10.33186/1027-3689-2018-11-95-106. (In Russ.).
- King Edmund, G. C. (2013). «Books Are More to Me than Food»: British Prisoners of War as Readers, 1914—1918. In: *Book History*, 16 (1): 246—271. DOI: 10.1353/bh.2013.0009.
- Klygina, R. Ya. (2001). *Leninka. Stranitsy letopisi. (K 140-letiyu Nizhegorodskoy gosudarstvennoy oblastnoy universalnoy nauchnoy biblioteki im. V. I. Lenina)* [Leninka. Pages of the chronicle. (To the 140th anniversary of the Nizhny Novgorod State Regional Universal Scientific Library named after V. I. Lenin)]. Nizhny Novgorod: [b. i.]. 112 p. ISBN 5-89875-040-1. (In Russ.).

- Matveyeva, I. G. (2014). Deyatelnost' Imperatorskoy publichnoy biblioteki v period Pervoy mirovoy voyny [Activity of the Imperial Public Library during the First World War]. *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of the University of Culture], 3: 42—53. (In Russ.).
- Rossiia v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoye polozheniye, sotsialnyye protsessy, politicheskyy krizis [Russia in the years of the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. (2014). Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 982 p. ISBN 978-5-8243-1906-4. (In Russ.).
- Rubanova, T. D. (2015). Biblioteki dlya ranenyykh voynov i voyennoplennykh v gody Pervoy mirovoy voyny [Libraries for wounded soldiers and prisoners of war during the First World]. *Bibliotekovedeniye* [Library Science], 6: 98—106. (In Russ.).
- Semenova, E. Yu. (2007). *Kultura Povolzhya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — nachalo 1918 g.)*. Po materialam Samarskoy, Simbirskoy, Penzenskoy i Saratovskoy guberniy [Culture of the Volga region during the First World War (1914 — early 1918). Materials of the Samara, Simbirsk, Penza and Saratov provinces]. Samara: Samar. gos. tekhn. un-t. 291 p. ISBN 978-5-7964-0969-5. (In Russ.).
- Semenova, E. Yu. (2012). Leksii i narodnyye chteniya v informatsionnom prostranstve povolzhskogo goroda v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — nachalo 1918 g.) [Lectures and folk readings in the information space of the Volga city during the First World War (1914-early 1918)]. *Izvestiya SNTs RAN* [Izvestiya SNTS RAS], 14 (3): 38—44. (In Russ.).
- Semenova, E. Yu. (2012). *Mirovozzreniye gorodskogo naseleniya Povolzhya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — nachalo 1918 g.): sotsialnyy, ekonomicheskyy, politicheskyy aspekty* [Worldview of the urban population of the Volga region during the First World War (1914 — early 1918): social, economic, and political aspects]. Samara: ANO «Izdatelstvo SNTs RAN». 888 p. (In Russ.).
- Shuvalova, Yu. B. (2017). Dosugovoye chteniye v gody pervoy mirovoy voyny: spetsifika i sodержaniye (po materialam Permskoy gubernii) [Leisure reading during the First World War: specifics and content (materials of the Perm province)]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 4 (39): 24—34. (In Russ.).
- Tsentralnaya gorodskaya biblioteka: vchera, segodnya, zavtra (1902—2012) [Central city library: yesterday, today, tomorrow (1902—2012)]. In: *Munitsipalnoye uchrezhdeniye «Gorodskaya tsentralizovannaya bibliotchnaya sistema» g. Balashova* [Municipal institution “City centralized library system” of Balashov]. Available at: <http://balbibl.narod.ru/history.htm> (accessed 29.09.2020). (In Russ.).

Тычинских З. А. Татарское население Западной Сибири во второй половине XIX — первой трети XX веков: историко-демографическая характеристика / З. А. Тычинских // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 411—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425.

Tychinskikh, Z. A. (2021). Tatar Population of Western Siberia in the Second Half of the XIX — First Third of the XX Centuries: Historical and Demographic Characteristics. *Nauchnyi dialog, 1*: 411-425. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425. (In Russ.).

УДК 94:314.122(571.1)“1850/1930”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425

ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© Тычинских Зайтуна Аптрашитовна (2021), [orcid.org/ 0000-0002-5378-8909](https://orcid.org/0000-0002-5378-8909), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), zaituna.09@mail.ru.

Рассматривается динамика урбанизационных процессов у татарского населения Западной Сибири в течение второй половине XIX — первой трети XX веков на основе материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и Всесоюзной переписи населения 1926 года. Основное внимание в статье уделено факторам, влиявшим на урбанизационные процессы, среди которых выделяются буржуазные реформы второй половины XIX века, столыпинская реформа начала XX века, а также политика формирующегося советского государства в 20-е годы XX века. Представлены результаты сопоставительного анализа с общей ситуацией в стране в исследуемый период по татарскому и русскому населению. Поднимается вопрос о роли и месте татар-мигрантов из Поволжья и Приуралья в городах Западной Сибири. Особое внимание уделяется демографическим показателям урбанизационных процессов, выявлению особенностей их протекания. Новизна исследования видится в том, что процесс формирования городского татарского населения во второй половине XIX — первой трети XX веков впервые рассматривается в исторической динамике. Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью темы.

Ключевые слова: татары; Западная Сибирь; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года; Всесоюзная перепись населения 1926 года; урбанизационные процессы; демографические показатели.

1. Введение

Одним из важных факторов и показателей социокультурного развития этноса является степень его урбанизированности. Сложившаяся веками традиционная структура этноса, его жизненный уклад и социокультурные ценности, являющиеся важнейшими механизмами сохранения этнической

культуры, при переходе в полиэтничную городскую среду терпят существенную трансформацию. В связи с этим изучение урбанизационных процессов в исторической ретроспективе, выявление их характера и специфики является важной задачей, в том числе и для прогнозирования тенденций дальнейшего развития этноса.

В настоящее время для большинства народов в России, включая татар, характерно преобладание доли городского населения. По данным Всесоюзной переписи 1979 года, доля горожан среди татарского населения страны составила 58,3 %, то есть татарами к этому времени был преодолен урбанизационный переход. При этом татары отнесены исследователями к категории этносов с поздним урбанизационным переходом [Черкасов, 2018, с. 109—110]. Вместе с тем для каждого региона были свойственны свои темпы формирования городского населения, обусловленные историческими, экономическими и демографическими особенностями.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению урбанизационных процессов у татарского населения Западной Сибири (сибирских татар) во второй половине XIX — первой трети XX веков. Выбор хронологических рамок определяется тем, что этот период, по мнению одного из ведущих специалистов в области сибирского городоведения Ю. М. Гончарова, является временем «социальных, экономических, политических и культурных преобразований в российском обществе, предопределившим формирование собственно городского образа жизни», когда «в русских провинциальных городах происходили начальные этапы урбанизации, индустриализации, демографического перехода» [Гончаров, 2012, с. 5].

Актуальность и новизна исследования определяется слабой изученностью темы. Отметим, что проблемы историко-демографического развития татарского населения Западной Сибири в сравнительно-историческом контексте с другими группами татар рассматривались в трудах Д. М. Исхакова [Исхаков, 2014; Исхаков и др., 2015]. Также к изучению исторического развития сибирских татар в XVII—XIX веках обращались С. Н. Корусенко и Н. А. Томилов [Корусенко и др., 2015, с. 36—44]. В указанных работах в некоторой степени был затронут и вопрос об урбанизации татарского населения. Вместе с тем отдельных исследований, посвященных рассмотрению данной темы, предпринято не было.

Целью данной работы является рассмотрение урбанизационных процессов у татарского населения Западной Сибири во второй половине XIX — первой трети XX веков в исторической динамике и определение факторов, влиявших на эти процессы. Источниковой базой работы стали материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи

1897 года и Всесоюзной переписи населения 1926 года. Основное внимание в статье уделяется демографическим показателям урбанизационных процессов, выявлению их особенностей в сравнении с общими показателями по татарам и другим этническим группам в исследуемый период. Кроме традиционных исторических методов, в работе был использован метод статистического анализа, который позволяет провести оценку количественных показателей для выявления уровня урбанизированности населения и динамики происходивших изменений.

2. Урбанизационные процессы во второй половине XIX века

Сибирские татары, как и другие группы татар, еще в период существования Тюменского и Сибирского ханств имели значительные городские группы. Сибирские летописи называют целый ряд городов и городков периода тюрко-татарской государственности позднего средневековья. Известно, что первые русские города в Сибири (Тюмень, Тобольск, Тара, Томск) возникали на месте татарских городов или рядом с ними. Однако после присоединения Сибирского ханства к Московскому государству городская прослойка татарского населения значительно сократилась. Прежние жители татарских городов в новых условиях переселились в близлежащие селения. Лишь часть из них, в основном служилые татары и торговцы, обосновались в татарских и татаро-бухарских слободах сибирских городов Томска, Тобольска, Тары и Тюмени. При этом татары-горожане, в основном из местных татар, составляли незначительную по численности группу, насчитывая в общей сложности в XVIII веке менее 0,5 тыс. человек [Исхаков и др., 2015, с. 294].

Ситуация, при которой основная часть населения, за небольшим исключением, проживала в сельских поселениях, сохранялась у татар Западной Сибири на протяжении длительного времени. В XIX веке традиционным ареалом обитания сибирских татар оставались округа Тобольской (Тобольский, Тарский, Туринский, Тюменский, Ишимский, Ялуторовский) и Томской (Томский, Каинский) губерний.

Вместе с тем происходившие во второй половине XIX века в стране социально-экономические преобразования, связанные с проводимыми реформами, оказали серьезное влияние на урбанизационные процессы. В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров отмечают, что в пореформенный период происходит значительный рост (в 2,3 раза) численности горожан в целом по всем западносибирским городам [Скубневский и др., 2014, с. 190]. Постепенный прирост горожан наблюдается и среди татарского населения Западной Сибири, хотя урбанизационные процессы здесь протекали замедленными темпами.

Общая численность татар Тобольской губернии во второй половине XIX века составляла 37 153 человека, из которых татар-горожан было 655 человек, или 1,8 %. Основная часть городских татар проживала в Тобольске (387 чел.) и Таре (204 чел.). Городское население Тобольска составляло 2,5 % татарского населения Тобольского округа, где проживало 15 317 человек, а горожане Тары — 2,6 %. 2 татарина проживало в Туринске и 5 — в Ялуторовске. Но если для Туринского округа, где в целом число татар было небольшим (87 человек), доля татар-горожан составила 2 %, то для Ялуторовского округа с татарским населением 4356 человек они составили менее 0,1 %. В одном из крупных городов губернии — в Тюмени — число татар насчитывало всего 7 человек, что составило 0,07 % от татарского населения Тюменского округа [Список ..., 1868]. Таким образом, эти данные показывают очень слабую степень урбанизированности татарского населения Тобольской губернии.

Постепенный прирост горожан среди татарского населения губернии наблюдается к концу XIX века. В этот период происходят существенные изменения и в соотношении числа татар в сибирских городах. В материалах Переписи 1897 года наибольшее количество городских татар отмечено в Таре. За 30 лет, с конца 60-х годов до конца XIX века, число городского населения в г. Таре увеличилось с 204 до 613 человек, то есть в 3 раза. В итоге татары составили 8,5 % от всех жителей города [Гончаров, 2010, с. 150]. Этот показатель является самым большим среди городов губернии.

На второе место по численности татар перешел Тобольск, где проживало 411 татар-горожан. За три десятилетия значительно возросла их доля в Тюмени — с 7 до 399 человек, то есть в 57 раз. В целом общая численность татар-горожан Тобольской губернии увеличилась более чем в 2 раза — с 655 до 1571 человека. Однако в других городах региона число татар было небольшим [Первая ..., 1905, т. 78].

Обратим внимание на ситуацию в Ишиме и в Ишимском округе. Сравнивая данные середины и конца XIX столетия, видим, что за этот период число татар-горожан в Ишиме выросло всего на 12 человек. Но если в середине века все татарское население округа проживало в г. Ишиме, то в конце столетия городские татары Ишимского округа составили лишь 2,7 %. Произшедшие изменения были связаны с тем, что в связи с притоком татар-переселенцев из Волго-Уральского региона в пореформенный период происходит заселение татарами сельских поселений округа. Нам ранее отмечалось, что, по данным переписи 1897 года, в Ишимском округе проживали 1431 человек татар-мигрантов, составивших 88,6 % татарского населения Ишимского округа [Тычинских, 2019, с. 192].

К концу XIX века существенно выросла численность татарского населения в Тюмени, что было связано прежде всего с активным экономическим развитием города. Во второй половине XIX века Тюмень становится крупным центром торговой и промышленной жизни Тобольской губернии с развитым речным судостроением, рыбной и лесной промышленностью, ковроткачеством. Этому способствовал ряд причин — выгоды географического расположения, мощная сеть пароходства, проведение железной дороги, развитие банковского дела. В Тюмени постепенно формируется городская прослойка, представленная, в первую очередь, предпринимателями и купцами. Среди тюменских татарских купцов известны фамилии Муртазиных, Сейдуковых, Мирсалимовых и др.

Результаты переписи 1897 года в части сравнения татарского и русского населения Тобольской губернии показали, что доля горожан среди русских более чем в 2 раза превышает долю городского населения среди татар. Если у русских она составила 6 %, то у татар — 2,7 %. Как мы выявили, темпы роста городского населения у татар Тобольской губернии значительно отставали от общих показателей [Тычинских, 2019, с. 190]. При сравнении с данными, приводимыми К. Ноаком по поволжско-приуральским татарам, можно увидеть аналогичную картину. Доля татар-горожан там составила 7,87 %, что было гораздо ниже среднего показателя по Российской империи, составлявшего 13,4 % [Ноак, 1998, с. 149]. Таким образом, мы видим, что показатели урбанизированности татарского населения Тобольской губернии в конце XIX века были значительно ниже не только общего положения по стране, но и данных по татарскому населению европейской части России [Тычинских, 2019, с. 193].

Таблица 1

Соотношение численности сельского и городского татарского населения по округам Томской губернии в конце XIX века

Округ	Сельское население	Городское население	% горожан
Томский	10995	1637	12,9
Каинский	5678	119	2,0
Кузнецкий	25982	59	0,2
Барнаульский	1784	159	8,1
Бийский	41309	140	0,3
Зеленогорский	620	104	14,4
Мариинский	6464	103	1,6

Составлено и подсчитано по: [Первая ..., 1904, т. 79].

Из общего числа татарского населения Томской губернии, составлявшего в конце XIX века 95153 человека, в городах проживал 2321 человек, или 3,5 % [Там же, с. 10]. Они составляли 4,94 % от общей численности населения Томской губернии и 1,81 % от числа городского населения.

Основная часть городского татарского населения Томского округа проживала в Томске (1624 чел.), 6 — в Нарыме и 7 — в Колывани. Значительная часть татар Томской губернии проживала в Барнауле, Бийске и Каинске. В конце XIX века самым крупным по числу проживающего в нем татарского населения был Томск. Численность татарского населения Томска превосходила число татар-горожан по всей Тобольской губернии в традиционных округах проживания. Исследователи считают, что формирование городской прослойки в городах Томской губернии происходило в основном за счет выходцев из Европейской России [Скубневский и др., 2014, с. 201]. Д. М. Исаков считает, что в пореформенный период происходит постепенное оседание в Западной Сибири значительной части татар-мигрантов из Среднего Поволжья и Приуралья. По его подсчетам, к концу XIX века татары-переселенцы здесь стали составлять 11,8 тыс., или 17 % всех татар [Исаков, 2014, с. 52]. Как считает Н. А. Тройницкий, «большинство проживающих в городах татар принадлежало к неместным татарам и бухарцам» [Перепись ..., 1905, т. 1, с. 34]. К концу XIX века, по мнению Д. М. Исакова, 69 % городского татарского населения Западной Сибири составили татары-переселенцы [Исаков, 2014, с. 53]. На наш взгляд, эти показатели в большей степени были характерны для ситуации в Томской губернии и в гораздо меньшей — для Тобольской, где основная часть городского населения формировалась из местных татар.

Приток татар из Европейской части страны в города Западной Сибири продолжался и в начале XX века [Патканов, 1912, с. 50—52]. К 1912 году только в Томске насчитывалось уже 2,5 тыс. татар [Исаков, 2014, с. 374]. Несомненно, значительная часть пополнения состояла из пришлых татар.

С ростом числа мигрантов в городах усилилось влияние поволжско-приуральских татар. Так, по сведениям Д. М. Исакова об открытии в г. Томске русско-татарских школ, в 1874 году была открыта первая, в 1900 — вторая, а в 1907 — третья школы. Кроме этого, учреждаются женские татарские училища (в 1909 и 1910 годах). В этих учебных заведениях преподавали на татарском литературном языке. Д. М. Исаков приводит мнение А. П. Дульзона, считавшего, что система просвещения на татарском языке способствовала «распространению у томско-тюркского населения татарского языка как литературного»; этот процесс стимулировался и взаимодействием пришлых и местных татар в сельских районах [Исаков, 2014, с. 374].

По данным переписи 1897 года, в конце XIX века основная часть татар Западной Сибири занимались сельским хозяйством, а подавляющее большинство населения (98,89 %) относилось к крестьянскому сословию. Тем не менее в регионе уже имелись купцы и мещане (0,82 %) из татар, почетные горожане (0,03 %), а также небольшая по численности группа дворян (0,11 %), в основном из бывших служилых татар [Исхаков и др., 2015, с. 308].

По сфере занятости татары были распределены следующим образом. В сельском хозяйстве Тобольской губернии — 72,78 %, Томской — 82,59 %; в перерабатывающей отрасли Тобольской губернии — 4,87 %, Томской — 6,06 %; в сфере торговли Тобольской губернии — 2,89 %, Томской — 1,49 %; в сфере услуг Тобольской губернии — 1,66 %, Томской — 0,8. В качестве прислуги и поденщиков в Тобольской губернии было занято 10,33 % татарского населения, в Томской — 5,82 %. В числе прочих по Тобольской губернии значатся 6,47 % татар, в Томской — 3,24 % [Там же].

В конце XIX века татарское население Западной Сибири было слабо втянуто в сферы занятости, связанные с промышленностью. По-прежнему в основном татары работали в сельском хозяйстве, занимались ремеслами и кустарным производством. По данным переписи, в сельском хозяйстве насчитывалось свыше $\frac{3}{4}$ татар от общего числа работников.

Вместе с тем среди татарского населения Тобольской и Томской губерний к концу XIX века уже сформировалась довольно устойчивая группа людей, занятых в сфере торговли и услуг, а также наемного труда, что во многом является «показателем <...> постепенного втягивания в капиталистическую экономику» [Там же]. Поэтому можно говорить о том, что сибирские татары не могли оставаться в стороне от происходивших в стране процессов, которые были связаны со становлением буржуазной действительности в пореформенный период.

3. Урбанизационные процессы в первой трети XX века

В 1920-е годы урбанизация населения страны, включая татар, приобрела новые масштабы. Однако следует отметить, что если, по итогам переписи, в 1897 году в городах Российской империи проживало 15 % населения, то через 17 и 29 лет, по данным 1914 и 1926 годов, доля городского населения составила лишь 17—18 %, то есть существенно не увеличилась [БРЭ, 2004, с. 165]. Неустойчивая динамика численности городского населения объясняется прежде всего сложной политической и экономической ситуацией (голод, разруха) в стране в период Первой мировой и гражданской войн, а также трудностями послевоенного восстановительного времени.

Так, в 1920-е годы происходит отток населения в деревню, обусловленный социальными изменениями в результате революций и гражданской войны.

В середине 20-х годов XX века руководство Советского Союза взяло курс на индустриализацию. В связи с этим с середины 20-х годов происходит постепенное увеличение городского населения. Этот процесс в дальнейшем усиливается, особенно в 1930-е годы. По итогам переписи 1939 года, горожане составляли уже 33 % населения страны. В эти общесоюзные процессы было вовлечено и татарское население.

По данным переписи, в 1926 году общая численность татарского населения в СССР составляла 2 916 178 человек. Основная часть татар по-прежнему жила в сельских населенных пунктах. Так, число сельских жителей равнялось 2 464 763 чел. В целом по стране отмечается невысокий уровень урбанизации татарского населения. Численность татар-горожан составила 451 415 человек, 240 964 из которых были мужчины, 210 451 — женщины. Таким образом, по результатам переписи 1926 года, в стране численность городских татар составляла 15,47 % от общей численности татарского населения.

Сравнивая эти данные с результатами предыдущей всеобщей переписи, видим, что они в 2 раза превысили итоги переписи 1897 года, когда процент горожан равнялся 7,87 [Ноак, 1998, с. 149].

Если в конце XIX века коренное татарское население проживало на территории Тобольской и Томской губерний, то анализ татарского населения Западной Сибири по данным Первой Всесоюзной переписи 1926 года показывает, что в первой трети XX века произошел целый ряд изменений административно-территориальных границ. Так, образованный в пределах прежнего Тарского уезда Омской губернии Тарский округ с центром в городе Тара, включавший 10 районов, вошел в состав Сибирского края, административный центр которого находился в г. Новосибирске. В состав Сибирского края вошли также Томский, Омский, Новосибирский и Бара-

Таблица 2

Городское и сельское татарское население Сибири
по данным переписи 1926 года

Регион	Городское население			Сельское население		
	м	ж	всего	м	ж	всего
Уральская область	24526	21441	45967	73700	73450	147150
Сибирский край	14582	13624	28206	35541	32388	67929
всего	39108	35065	74173	109241	105838	215079

Составлено и подсчитано по: [ВПН, 1928—1929, т. 9, с. 34—51; т. 10, с. 9—13].

бинский округа. Как административно-территориальная единица Сибирский край, в который вошли Ишимский, Тобольский, Тюменский, Ялуторовский округа, просуществовал с 1925 по 1930 годы в составе Уральской области (название функционировало с 1923 года по начало 1934). Как видим, в результате проведенных Советским государством преобразований территория расселения современных сибирских татар в рассматриваемый период находилась в составе Сибирского края и Уральской области.

По переписи 1926 года, в Уральской области численность татарского населения насчитывала в то время 193 117 человек, из которых татары-горожане составили 23,8 %, а по Сибирскому краю из общего числа татар — 96 135 человек — доля горожан составила 29,35 %. Таким образом, за 30 лет городское татарское население в Сибири увеличилось в среднем

Таблица 3

Городское и сельское население Уральской области и Сибирского края согласно переписи 1926 года по основным округам расселения сибирских татар

Общая численность татар			Город			Село		
м	ж	об. п.	м	ж	об. п.	м	ж	об. п.
Уральская область								
Тобольский округ								
13261	12687	25948	446	371	817	12815	12316	25131
Ишимский округ								
1744	1489	3233	177	146	323	1567	1343	2910
Тюменский округ								
14687	14190	28877	1085	996	2081	13602	13194	26796
Сибирский край								
Барабинский округ								
3899	3714	7613	166	114	280	3733	3600	7333
Новосибирский								
3068	2774	5842	1236	1098	2334	1832	1676	3508
Омский округ								
3040	2543	5583	2172	1961	4133	868	582	1450
Тарский округ								
2819	2629	5448	16	10	26	2803	2619	5422
Томский округ								
11706	11316	23022	3510	3418	6928	8196	7898	16094

Составлено и подсчитано по: [ВПН, 1928—1929, т. 9, с. 34—51; т. 10, с. 9—13].

в 10 раз. Таким образом, темпы роста числа татар-горожан, проживавших в Уральской области и Сибирском крае, значительно опережали общие темпы роста количества татар в городах СССР.

В таблице 3 представлены данные по городскому населению в местах традиционного проживания автохтонного татарского населения Западной Сибири. По этим данным видно, что урбанизация татарского населения проходила неравномерно. Если показатели степени урбанизированности татарского населения в целом по Сибири были высокими, то в Тобольском, Тюменском, Тарском, Ишимском округах — исторических местах расселения тоболо-иртышской группы коренных сибирских татар — процент татар-горожан был незначительным, намного отставая от аналогичных показателей по другим территориям. К примеру, по данным переписи 1926 года, городское татарское население г. Тары за треть века сократилось почти в 24 раза. Число татар-горожан Тобольска выросло в 2 раза, составив свыше 3 % татарского населения Тобольского округа (табл. 4). В то же время следует отметить, что темпы роста татар-горожан Тобольска в 5 раз отставали от показателей в целом по татарскому населению страны. Но здесь необходимо учесть и тот факт, что городское население Тобольска в целом уменьшилось с конца XIX века на 10 %. Если, по данным переписи, в 1897 году в городе проживало 20 425 чел., то в 1926 году население составило 18 354 чел. По всей видимости, сокращение численности городского населения было связано с его массовым оттоком в сельскую местность, обусловленным тяжелым состоянием народного хозяйства, а также нехваткой рабочих мест и продовольствия в городах.

Таблица 4

Динамика численности татарского населения в городах Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX веков

Города	1897 год	% от татарского населения округа	1926 год	% от татарского населения округа
Тобольск	411	1,6	817	3,15
Тюмень	399	3,3	1852	6,4
Томск	1624	12,9	4152	18,05
Новосибирск	—	—	2134	36,7
Тара	613		26	0,5
Омск	769	80,9	3879	69,3
Ишим	43	2,7	323	10,0

Составлено и подсчитано по: [Первая ..., 1905, т. 78; 1904, т. 79; ВПН, 1928—1929, т. 6; т. 9].

В то же время следует отметить, что урбанизационные процессы в 20-е годы XX века были тесно связаны с государственной политикой формирующейся советской страны. Результаты переписи 1926 года (табл. 4) показали значительное увеличение городского татарского населения в Омске, Новосибирске, Томске. За счет этих городов, в которых доля горожан намного превышала средние показатели по стране, процент татар-горожан в Сибири оказался значительно выше аналогичных цифр по СССР. Итоги переписи отразили усиление притока населения в города, но такое положение имело место не на всех территориях. Отметим также, что высокие показатели урбанизированности татар по Уральской области и особенно по Сибирскому краю достигались за счет большого притока мигрантов из Поволжья и Приуралья в конце XIX — первой четверти XX веков, многие из которых расселялись в городских центрах.

4. Выводы

Таким образом, в течение второй половины XIX — первой трети XX столетия произошли существенные изменения в структуре сибирско-татарского этноса. Как и другие группы населения региона, сибирские татары постепенно втягиваются в урбанизационные процессы. В сибирских городах происходит формирование группы татар-горожан. Вместе с тем темпы урбанизации в течение второй половины XIX — начала XX веков оставались невысокими, значительно отставая от показателей как в целом по стране, так и в сравнении с показателями по европейской части России. Вплоть до первой трети XX века низкий уровень урбанизации татарского населения ограничивал его социальные контакты с русским обществом.

Рассматривая динамику урбанизационных процессов в исследуемый период, отметим, что в первой трети XX века происходит резкий скачок в численности городского татарского населения в Сибири, которое увеличилось с конца XIX века в 10 раз. Наиболее активно урбанизационные процессы в этот период происходят на территории бывшей Томской губернии, в первую очередь, за счет переселившихся из Поволжья и Приуралья татар. К 1926 году наиболее крупными по числу татар были сибирские города Томск (4152 человек), Омск (3879), Новосибирск (2134). Одним из важных факторов увеличения городского татарского населения в сибирских городах в первые десятилетия XX века была столыпинская реформа. Активизация предпринимательской деятельности в пореформенный период привела к тому, что одним из наиболее населенных татарами городов становится Тюмень, число татар-горожан увеличилось с 7 (по данным 60-х годов XIX века) до 1852 (по переписи 1926 года). Новый этап

урбанизации татарского населения Западной Сибири связан с советским периодом, когда на ускорение этих процессов оказало влияние социалистическое строительство.

Источники и принятые сокращения

1. БРЭ — *Большая российская энциклопедия* : в 30 т. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2004. — ISBN 5-85270-320-6.
2. ВПН — *Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года* : краткие сводки : вып. 1—10 / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. — Москва : ЦСУ Союза СССР, 1927—1929.
3. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : в 3-х т. / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург : Ш. Буссель, 1911—1912. — Т. 1 : Сводные таблицы и краткие выводы, 1912. — 196 с.
4. *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1—89. — Санкт-Петербург, 1897—1905 ; 1905. — Т. 1. — 267 с. ; 1905. — Т. 78. — 247 с. ; 1904. — Т. 79. — 246 с.
5. *Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния.* — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1871. — 196 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончаров Ю. М.* Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. / Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Азбука, 2010. — 256 с.
2. *Гончаров Ю. М.* Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Азбука, 2012. — 214 с. — ISBN 978-5-93957-603-1.
3. *Исхаков Д. М.* Историческая демография татар / Д. М. Исхаков. — Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2014. — 440 с. — ISBN 978-5-9690-0229-6.
4. *Исхаков Д. М.* Историческое развитие татар в XVIII — начале XX в. / Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских // История и культура татар Западной Сибири : коллективная монография / под ред. З. А. Тычинских. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — С. 294—313.
5. *Корусенко С. Н.* Демографическая и географическая характеристики / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // История и культура татар Западной Сибири : коллективная монография / под ред. З. А. Тычинских. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — С. 36—44.
6. *Ноак К.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX — начало XX в.) / К. Ноак // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 147—158.
7. *Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. : Население. Экономика. Застройка и благоустройство / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Колмогоров И. А., 2014. — 252 с.

8. Скубневский В. А. Города и их воздействие на экономическое развитие Сибири во второй половине XIX в. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города : сборник научных статей Всерос. конф. с международным участием (г. Сургут, 14 ноября 2014 г.). — Курган : Курганский дом печати, 2015. — С. 280—294.

9. Тычинских З. А. Историко-демографическая характеристика татарского населения Тобольской губернии в пореформенный период (по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г.) / З. А. Тычинских // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 188—193. — DOI: 10.17223/15617793/447/22.

10. Черкасов А. А. Особенности вовлечения в урбанизационные процессы этносов в России / А. А. Черкасов // Наука, инновации, технологии. — 2018. — № 4. — С. 105—116.

TATAR POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

© Zaituna A. Tychinskikh (2021), orcid.org/ 0000-0002-5378-8909, PhD in History, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), zaituna.09@mail.ru.

The dynamics of urbanization processes among the Tatar population of Western Siberia during the second half of the 19th — first third of the 20th centuries is considered on the basis of the materials of the First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897 and the All-Union Census of 1926. The main attention in the article is paid to the factors that influenced urbanization processes, among which are the bourgeois reforms of the second half of the 19th century, the Stolypin reform of the early 20th century, as well as the policy of the emerging Soviet state in the 20s of the 20th century. The results of a comparative analysis with the general situation in the country in the study period for the Tatar and Russian population are presented. The question is raised about the role and place of Tatar migrants from the Volga and Ural regions in the cities of Western Siberia. Particular attention is paid to the demographic indicators of urbanization processes, identifying the features of their course. The novelty of the research is seen in the fact that the process of the formation of the urban Tatar population in the second half of the 19th — the first third of the 20th centuries is for the first time considered in historical dynamics. The relevance of the study is due to the poor study of the topic.

Key words: Tatars; Western Siberia; The first general census of the population of the Russian Empire in 1897; All-Union Population Census of 1926; urbanization processes; demographic indicators.

MATERIAL RESOURCES

BER — *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Bolshaya rossiyskaya enciklopediya]. (2004). Moskva: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. ISBN 5-85270-320-6. (In Russ.).
Patkanov, S. K. (1911—1912), (1912). *Statisticheskiye dannyye, pokazyvayushchiye plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannyykh spetsialnoy razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistical data showing the tribal

- composition of the population of Siberia, language and genera of foreigners (the data of the special development of the census material of 1897)], 3 (1). *Svodnyye tablitsy i kratkiye vyvody*. Sankt-Peterburg: Sh. Bussel. 196 p. (In Russ.).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897]. (1904/1905). In: *Obshchiy svod po imperii rezultatov dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [General summary of the results of the first general census of the population, conducted on January 28, 1897], 1. 247 p., 78. 267 p., 79. 246 p. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1868—1869 gg. Rossiyskoy imperii, sostavlenyye i izdavyemye Tsentralnym statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennikh del. LX. Tobolskaya guberniya* [List of inhabited places according to the data of 1868—1869. Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. LX. Tobolsk Province]. (1871). Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. (In Russ.).
- VPN — *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki* [Union population census of December 17, 1926: brief summaries]. (1927—1929). Moskva. (In Russ.).

REFERENCES

- Cherkasov, A. A. (2018). Osobennosti вовлечения в urbanizatsionnyye protsessy etnosov v Rossii [Features of involvement in urban processes of ethnic groups in Russia]. *Nauka, innovatsii, tekhnologii* [Nauka, innovatsii, tekhnologii], 4: 105—116. (In Russ.).
- Goncharov, Yu. M. (2010). *Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI — nachala XX vv.* [Essays on the history of the city of Tara of the late XVI — early XX centuries]. Barnaul: Azbuka. 256 p. (In Russ.).
- Goncharov, Yu. M. (2012). *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Daily life of the citizens of Siberia in the second half of the XIX—early XX century]. Barnaul: ABC. 214 p. ISBN 978-5-93957-603-1. (In Russ.).
- Iskhakov, D. M. (2014). *Istoricheskaya demografiya tatar* [Historical demography of the Tatars]. Kazan': Fen. 440 p. ISBN 978-5-9690-0229-6. (In Russ.).
- Iskhakov, D. M., Tyehinskikh, Z. A. (2015). Istoricheskoye razvitiye tatar v XVIII — nachale XX v. [Historical development of the Tatars in the XVIII — early XX century]. In: *Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 294—313. (In Russ.).
- Korusenko, S. N., Tomilov, N. A. (2015). Demograficheskaya i geograficheskaya kharakteristiki [Demographic and geographic characteristics]. In: *Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of Tatars of Western Siberia]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 36—44. (In Russ.).
- Noak, K. (1998). Nekotoryye osobennosti sotsialnoy struktury povolzhskikh tatar v epokhu formirovaniya natsiy (konets XIX — nachalo XX v.) [Some features of the social structure of the Volga Tatars in the era of the formation of nations (late XIX — early XX century)]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 5: 147—158. (In Russ.).

- Skubnevskiy, V. A., Goncharov, Yu. M. (2014). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.: Naseleniye. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul: Kolmogorov I. A. 252 p. (In Russ.).
- Skubnevskiy, V. A., Goncharov, Yu. M. (2015). *Goroda i ikh vozdeystviye na ekonomicheskoye razvitiye Sibiri vo vtoroy polovine XIX v.* [Cities and their impact on the economic development of Siberia in the second half of the XIX century]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda. Sbornik nauchnykh statey Vseros. konf. s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Surgut, 14 noyabrya 2014 g.)* [Historical urbanism: past and present of the city. Collection of scientific articles of the All-Russian Conference. With international participation (Surgut, November 14, 2014)]. Kurgan: Kurganskiy dom pečhati. 280—294. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2019). *Istoriko-demograficheskaya kharakteristika tatarskogo naseleniya Tobol'koy gubernii v poreformennyy period (po materialam Pervoy vseobshchey perepisi 1897 g.)* [Historical and demographic characteristics of the Tatar population of the Tobolsk province in the post-reform period (the materials of the First General census of 1897)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 447: 188—193. DOI: 10.17223/15617793/447/22. (In Russ.).

Шевченко И. А. Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» / И. А. Шевченко, Е. В. Черных // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 426—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-426-450.

Shevchenko, I. A., Chernykh, E. V. (2021). Guardianship for Popular Sobriety in Russia at the Beginning of 20th Century: from Wine Monopoly to “Dry Law”. *Nauchnyi dialog, 1*: 426-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-426-450. (In Russ.).

УДК 94(47).083:351.761

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-426-450

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ ДО «СУХОГО ЗАКОНА»¹

© Шевченко Иван Александрович (2021), orcid.org/0000-0003-2651-4846, ResearcherID F-8592-2018, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Россия), iash@rambler.ru.

© Черных Евгений Владимирович (2021), orcid.org/0000-0003-1797-4963, старший научный сотрудник отдела истории, областное бюджетное учреждение культуры «Липецкий областной краеведческий музей» (Липецк, Россия), sernyh1995@mail.ru.

Статья посвящена попечительствам о народной трезвости — учреждениям, созданным правительством Российской империи в конце XIX века для организации на губернском и уездном уровнях борьбы с чрезмерным потреблением алкоголя. В исследовании характеризуется ситуация с потреблением спиртных напитков в России на рубеже XIX—XX веков, приводятся основные положения государственной винной монополии, введенной в 1895 году при непосредственном участии министра финансов С. Ю. Витте. Отталкиваясь от Устава попечительства о народной трезвости, авторы описывают их полномочия, состав, особенности организации работы. На основе анализа разноплановых источников (в том числе неопубликованных — архивных) в статье характеризуется разноплановая деятельность попечительства в России начала XX века, а также ее оценка современниками. Делается вывод о сравнительно невысокой эффективности работы трезвенных учреждений из-за их бюрократизма и недостаточного финансирования. Описывается проблема реформирования попечительства, с разной интенсивностью обсуждавшаяся в 1900—1910-х годах в Министерстве финансов, Государственном совете, общественных и земских кругах. Уделяется внимание анализу проблем, с которыми столкнулись попечительства о народной трезвости в годы Первой мировой войны после введения «сухого закона». Научная новизна исследования заключается в попытке

1 Статья подготовлена в рамках проекта «Российское крестьянство и государственная политика в отношении продажи алкоголя в 1914—1925 годах» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук 2020 года. Проект № МК-846.2020.6).

проанализировать всю совокупность вопросов, относящихся к деятельности попечительств в рассматриваемый период, на основе документов правового и делопроизводственного характера, статистических материалов, периодической печати, публицистической и мемуарной литературы.

Ключевые слова: попечительства о народной трезвости; винная монополия; «сухой закон»; российская деревня; потребление алкоголя; борьба за трезвость.

1. Введение

В настоящее время в России серьезной проблемой считается комплекс вопросов, связанных с потреблением алкогольной продукции населением. Алкоголь является причинным фактором более 200 нарушений здоровья, связанных с болезнями и травмами [Потребление алкоголя ...], неумеренное потребление спиртных напитков увеличивает риск совершения противоправных деяний. По данным Всемирной организации здравоохранения, за период с 2003 по 2016 годы потребление алкоголя в России снизилось на 43 % по различным причинам [Невинная]. Тем не менее остаются актуальными такие проблемы, как смертность от употребления населением контрафактных спиртных напитков, а также широкая распространенность питейных заведений, находящихся в жилых домах, имеющая целый комплекс социальных последствий [В России вступил в силу ...].

На рубеже XIX—XX веков в Российской империи проблема потребления алкоголя широкими слоями населения также привлекала к себе внимание как специалистов, так и обывателей. Для борьбы с пьянством и в связи с введением государственной монополии на продажу крепких спиртных напитков правительство учредило в 1895 году особые структуры — попечительства о народной трезвости (далее — ПНТ). Изучение методов административной борьбы с пьянством, а также отношения широких слоев населения к принимаемым государством мерам имеет первостепенную важность для формирования современной стратегии борьбы с алкоголизацией населения.

Деятельность ПНТ и вообще проблема потребления алкоголя в России в разной степени привлекала к себе внимание исследователей в зависимости от исторического периода.

Дореволюционные специалисты оставили после себя целый ряд оригинальных работ, востребованность которых до сих пор не снижается. В первую очередь необходимо отметить труд В. К. Дмитриева, написанный на стыке экономики и социологии. В нем автор анализирует динамику потребления алкоголя в Российской империи, ставя ее в зависимость от урожайности сельскохозяйственных культур и колебаний в развитии промышленности [Дмитриев, 1911]. М. И. Фридман стал автором двухтомной работы, в кото-

рой очень подробно анализируется иностранный и отечественный опыт реализации государственной монополии на продажу спиртных напитков [Фридман, 1914—1916]. Ряд трудов, написанных исследователями и одновременно практическими деятелями по борьбе за трезвость, был посвящен анализу влияния так называемого «сухого закона» 1914 года на население России. Д. Н. Воронов, И. Н. Введенский, А. Л. Мендельсон позитивно отзывались об ограничительных мерах правительства, подчеркивая экономические и социокультурные перемены в жизни горожан и крестьянства [Введенский, 1915; Воронов, 1916; Мендельсон, 1916]. Закономерно, что ряд исследований касался непосредственно деятельности попечительств о народной трезвости. Как правило, их авторы давали положительные оценки культурно-просветительской работе этих учреждений и негативно отзывались об их зависимости от властей [Браве, 1899; Гаген, 1907; Булгаковский, 1910].

В советской историографии сравнительно мало уделялось внимания проблеме потребления алкоголя и борьбе за народную трезвость. Более всего алкогольная проблематика привлекала внимание в 1920-е и 1980-е годы в связи с государственными кампаниями борьбы за трезвость. Ученые, как правило, клеймили государственную винную монополию, считали пьянство пороком, присущим капиталистическому обществу. Работа ПНТ оценивалась отрицательно и не заслуживала большого внимания [Петров, 1919; Зеневич, 1955; Протьюко, 1988].

Работы исследователей современного этапа характеризуются отказом от идеологических оценок предшествующей эпохи, интересом к разнообразной проблематике алкогольной политики в России. Кроме того, современная историография отличается множеством подходов и оценок, что положительно сказывается на изучении темы в целом [Букреева, 2008; Веселие Руси ..., 2007; Сафронов, 2017].

При этом приходится констатировать, что на данный момент отсутствуют комплексные, выходящие за рамки конкретного региона исследования, посвященные проблеме функционирования в России начала XX века попечительств о народной трезвости. Настоящее исследование является одной из попыток заполнить такую лакуну.

2. Потребление алкоголя в Российской империи на рубеже XIX—XX веков и введение государственной винной монополии

Россия на рубеже XIX—XX веков, согласно официальной статистике, занимала 11 место среди европейских стран и США по потреблению абсолютного алкоголя (с учетом всех спиртных напитков) и 9 место по потреблению водки в 40 градусов [Дмитриев, 2001, с. 43—44]. При этом ведущие

специалисты того времени отмечали, что есть большая разница в объемах потребления крепких напитков между городом и деревней. Так, экономист И. Х. Озеров, использовавший сведения официальной статистики, отмечал, что в 1908 году душевое потребление спиртного в городах составило 1,56 ведра, в селах — 0,45 [Озеров, 1912, с. 91]. Такая пропорциональность была характерна для всего рассматриваемого периода [Золотарев, 1910].

Отдельно стоит обратить внимание на потребление крепких напитков сельским населением, так как подавляющее большинство жителей империи в те годы принадлежали к крестьянам. Вопреки мнению чиновников и некоторых общественных деятелей того времени великорусская деревня не страдала от повального пьянства. Крестьяне употребляли крепкие алкогольные напитки от случая к случаю: на престольные праздники, свадьбы, крестины, похороны. Особенно «насыщенным» в этом смысле был осенне-зимний период, когда у сельских обывателей появлялась пауза в сельскохозяйственных работах, а также вырученные от реализации урожая денежные средства. В целом же, по отзывам современников, среди селян хронический алкоголизм был редким явлением, см., например: [Воронов, 1913].

В то же время спорадическое потребление алкоголя не исключало многих негативных последствий, например, несчастных случаев и преступлений. С началом сезона массовой скупки «сорокоградусной» в региональной прессе появлялись целые колонки, наполненные трагическими новостями. Так, например, в газете «Елецкая жизнь» можно было увидеть рубрику «Итоги пасхальной недели», объединяющую в себе все негативные эпизоды жизни уезда, в том числе из-за «злоупотребления алкогольными напитками» [Итоги пасхальной ..., 1910, с. 4].

В связи с этим общественность и власть находились в поиске различных вариантов снижения алкоголизации населения. В 1895 году в России вступило в силу Положение о казенной продаже питей, передавшее в руки государства распространение крепкого алкоголя в стране. Главным принципом винной монополии провозглашалось сокращение, а в перспективе, уничтожение пьянства [Положение..., 1898]. Заметим, что под термином *вино* в те годы, главным образом, подразумевалась водка в 40 градусов.

По утверждению властей, частная реализация алкогольной продукции, существовавшая до этого, не только спаивала население, но и обирала его, а казенная продажа питей задумывалась с целью постепенного избавления народа от пьянства [Казенная продажа ..., 1900, с. 13—15]. Кабак критиковался властью за алчность его хозяев по отношению к пьющему посетителю.

С введением винной монополии государство сокращало количество мест продажи крепкого алкоголя; заменяло распивочную торговлю торгов-

лей на вынос; повышало качество отпускаемого населению спирта; уменьшало емкость, в которой отпускалась водка [Положение ..., 1898].

Казенная продажа питей сначала вводилась в качестве эксперимента в четырех губерниях: Уфимской, Оренбургской, Пермской и Самарской. К началу нового столетия она должна была распространиться на большей части империи.

Предпринятые властью меры для снижения потребления населением крепких напитков уже в самом начале дали несколько другой результат, нежели предполагалось. Исследователи государственной винной монополии отмечают, что уменьшение количества точек продажи водки не имело значения из-за существования незаконной торговли, которая слабо преследовалась государством [Норов, 1904, с. 57; Шевченко, 2014].

Отмена распивочной торговли и замена ее торговлей на вынос привели к тому, что в скором времени алкоголь стал увереннее проникать в семейный быт. По мнению властей, в домашнем кругу пьющего должны были ограничивать от неумеренного потребления домочадцы. На деле нередко происходило приобщение к употреблению водки женщин и подростков. Кроме того, стало развиваться уличное пьянство.

Однако эти изъяны новой системы продажи крепкого алкоголя меркли в глазах чиновников Министерства финансов перед новыми доходами, которые рекой потекли в российский бюджет. В начале XX столетия отечественная казна почти на четверть состояла из доходов от винной монополии [Россия ..., 1995, с. 154]. С другой же стороны, ведомство отнюдь не желало иметь репутацию правительственного учреждения, спаивающего собственное население, поэтому начало создавать свой проект по борьбе за народную трезвость.

3. Правительственные учреждения для борьбы с пьянством — попечительства о народной трезвости

Одновременно с введением казенной продажи питей создавались государственные структуры для борьбы с пьянством — попечительства о народной трезвости. Главные цели новых структур определил Устав попечительства о народной трезвости, высочайше утвержденный 20 декабря 1894 года. В сферу деятельности попечительства входило наблюдение за законной торговлей крепкими алкогольными напитками; распространение среди населения информации о вреде неумеренного потребления спиртного, а также поиск средств для предоставления возможности населению проводить досуг без алкоголя, вне питейных заведений; «попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдающих запоем»; оказание

ние содействия учреждениям и частным обществам, деятельность которых направлена на достижение тех же целей [Устав ..., 1898, с. 682].

Попечительства о народной трезвости создавались на губернском и уездных уровнях во главе с губернаторами и предводителями уездного дворянства соответственно. Губернский комитет брал на себя роль распределителя выделенных от казны финансов между уездными комитетами и главного направляющего общей деятельности комитетов губернии. Уездные комитеты в свою очередь становились главными организаторами возложенной на ПНТ деятельности [Там же, с. 683].

В состав попечительств входили представители местной администрации, суда, земских органов, государственных учебных заведений. В состав учреждений, согласно первоначальному замыслу, должны были входить не только представители официальных властей, но и духовенство, которое проявляло активность в деле борьбы с пьянством задолго до того, как это начало делать государство. Представителями общественности в составе ПНТ были члены-соревнователи — люди, участвующие в деятельности попечительств на добровольных началах. По уставу состоявшимся считалось заседание комитета, на котором присутствовало не менее пяти членов, включая председательствующего [Там же, с. 683—684].

Основная деятельность комитетов ПНТ была направлена на решение поставленных перед ними задач. Больше же всего усилий деятелями попечительств было предпринято в деле отвлечения народа от пьянства путем предоставления ему разных форм альтернативного досуга.

Первые годы деятельности ПНТ отмечены положительным ростом числа подведомственных им заведений, о чем сообщало Главное управление неокладных сборов и казенной продажи. Так, например, был отмечен рост числа членов-соревнователей с 2635 в 1895 году до 25 247 в 1898 году, участковых попечителей (следивших за законным совершением питейной торговли) с 723 до 6048 [Казенная продажа ..., 1900, с. 135] и рост числа чайных заведений со 120 до 1717 за тот же период [Там же, с. 139].

В начале нового столетия винная монополия распространилась на большую часть территории Российской империи. Общественность больше стала обращать внимания на комитеты попечительств о народной трезвости и их деятельность, критиковать ее.

Прежде всего, в работе главного проекта государства в деле борьбы с пьянством оппонентов не удовлетворял состав комитетов. Критики правительственных мер отмечали, что попечительства оказались в сильной зависимости от администрации. Так, известный борец за трезвость тех лет Д. Н. Бородин в своем докладе на Первом Всероссийском съезде по борьбе

с пьянством (Петербург, декабрь 1909 — январь 1910 годов) представил развернутый и очень подробный анализ деятельности попечительств. По мнению докладчика, перечень назначенных членов комитетов ПНТ не дает возможности говорить об общественном контроле деятельности этих структур: «Это контроль различных министерств. Ибо члены из представителей городского и земского самоуправления фактически растворились в “чиновном море”» [Бородин, 1910, с. 903].

Даже чиновники признавали тот факт, что структурная организация комитетов ПНТ могла быть лучше. «В заключение считаю не лишним повторить уже не раз высказанную мной мысль, что дело, преследуемое комитетами трезвости, имело бы гораздо больше успеха, если бы с субсидией от правительства оно было поручено инициативе частных обществ и не было бы облечено в форму правительственного учреждения; тогда в нем принимали бы участие люди не по обязанности службы и положению, а по охоте и любви к самому делу», — говорилось в письме, полученном Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей от курляндского губернатора [РГИА, ф. 575, д. 4238, л. 159 об. — 160].

Еще одной проблемой в работе комитетов попечительств стал тот факт, что руководить их деятельностью было поручено людям, которые, по словам современников, «до того завалены своей служебной работой, что о работе общественной они и думать не могли» [Бородин, 1910, с. 903].

Все это порождало огрехи в работе учреждений. Так, в 1908 году государственный контролер сообщал министру финансов о следующих нарушениях в отчетности комитетов попечительств о народной трезвости: «1) Отчетность попечительств (за исключением очень немногих комитетов) доставляется в палаты со значительным опозданием против установленных сроков, нередко достигающим года, а иногда даже нескольких лет 2) Доставляемая на ревизию отчетность не отличается полнотой и порядком и вообще ведется небрежно, с помарками, подчистками и не относящимися к делу заметками; в приходно-расходных книгах часто не подводится годовых итогов, а некоторыми комитетами эти книги даже и вовсе не ведутся» [РГИА, ф. 575, д. 327, л. 4].

Бывали случаи, когда тяготившиеся навязанными обязанностями председатели комитетов намеренно срывали работу своих учреждений или систематически ее саботировали. Вот характерное описание собрания членов ПНТ, отраженное в периодической печати: «Заседание открылось. Но вместо ожидаемого живого обсуждения предмета председатель велел секретарю прочитать инструкцию для членов-попечителей и членов-сопровождающих и этим все заседание исчерпалось. Когда один из волостных

писарей вздумал было открыть рот, чтобы сказать что-то, его грубо оборвали “у тебя не спрашивают!”» [Казенные трезвенники ..., 1908, с. 2—3].

Серьезной проблемой был вопрос финансирования этих структур. Ежегодно губернские комитеты получали от государства на нужды по организации деятельности всех находящихся в ведении комитетов 50 тысяч рублей. Со временем финансирование ПНТ сокращалось (в особенности с началом русско-японской войны). Современники не раз отмечали, насколько незначительна эта сумма, особенно в сравнении с тем, какой доход получало государство от винной монополии. Известный юрист, доктор уголовного права А. Ф. Кони писал: «Какое значение могли иметь для борьбы с пьянством ассигнования 4 или даже 5 млн при доходе от казенной продажи свыше 700 млн?!» [Кони, 1967, с. 374].

Предводители губернских комитетов заваливали Главное управление неокладных сборов ходатайствами о дополнительных ассигнованиях, особенно в самом начале деятельности попечительств, когда необходимо было арендовать здания для чайных или библиотек, строить с нуля народные дома.

Тамбовский губернатор ходатайствовал о выделении 5500 рублей на постройку собственного здания Лебедянского уездного комитета ПНТ в селе Трубетчино для чайной и читальни на земле, жертвующей в бессрочное пользование графиней О. А. Толстой [РГИА, ф. 575, д. 4124, л. 1]. Ответ Главного управления неокладных сборов не был однозначным и затянул весь процесс практически на год. Чиновники просили предводителя Тамбовского губернского комитета ПНТ обсудить с земской управой возможность того, чтобы земцы приняли земельное пожертвование графини и на выделяемое им пособие отстроили народный дом. Со своей стороны, Главное управление обещало выделить земству единовременное пособие размером 3000 рублей [Там же, л. 3]. Земство отказалось брать на себя заботу попечительства. В конце 1903 года Тамбовский губернский комитет сообщил об этом в Главное управление, но чиновники вновь оттянули решение. Письмо тамбовскому губернатору имело следующее содержание: «Главное управление покорнейше просит не отказать в сообщении в дополнение к отношению от 19 декабря 1903 за № 419, что именно вызывает необходимость постройки в с. Трубетчино народного дома, с указанием населенности села, его экономического положения в уезде и т. п. и не представляется ли возможным, в случае признания необходимости означенной постройки, ограничиться меньшим пособием для этой цели, чем испрашиваемая раньше к отпуску сумма в 5500» [Там же, л. 12]. В 1904 году с началом русско-японской войны Главное управление неокладных сборов вовсе

прекратило рассматривать ходатайства о дополнительных ассигнованиях комитетам ПНТ и урезало их ежегодное содержание.

Борьба комитетов попечительств о народной трезвости с шинкарством, то есть с тайной продажей вина, не имела сколько-нибудь серьезного успеха по многим причинам. Участковые сореовнователи, в сферу деятельности которых входило наблюдение за законной продажей вина, не были должным образом мотивированы эффективно выполнять свою работу, в том числе касающуюся финансовой составляющей [Добужинский, 1902, с. 18].

К этому необходимо прибавить бюрократическую сложность оформления подобного нарушения. Члены попечительства, открывшие точку тайной продажи вина, должны были оформить протокол, который, в свою очередь, должен был быть подписан двумя понятыми, найти которых на практике было крайне сложно. Об этом в своем выступлении в Государственном совете говорил А. Ф. Кони, отмечая, что у населения нет сочувствия к административным методам борьбы с пьянством [Государственный совет ..., 1908, стб. 171].

Одной из сложнейших задач, возложенных на ПНТ, была задача оказания врачебной помощи страдающим от пьянства путем открытия лечебных приютов. Сложность осуществления заключалась в нескольких пунктах: 1) дороговизна оборудования амбулатории; 2) несовершенство методов лечения алкоголизма и слабая изученность этого вопроса; 3) нехватка профессиональных кадров. Далее рассмотрим эти вопросы на примере работы Санкт-Петербургского городского комитета и сравним с ситуацией в провинции.

Комитет ПНТ в Петербурге в своем кратком отчете за 11 лет деятельности отдельным пунктом выделял оказание медицинской помощи страдающим запоем. Из него выясняется, что комитет открыл амбулаторию 19 мая 1903 года, то есть через 5 лет после начала своей работы. В первое время прием проводился три раза в неделю, но наплыв желающих был настолько большим, что каждый прием затягивался до поздней ночи, впрочем, с 1 января 1904 года количество приемных дней было увеличено до 5, после того как был приглашен еще один врач. К концу 1909 года количество амбулаторий по всему Петербургу было доведено до 6, количество врачей — до 4 [Краткий очерк ..., 1908, с. 16—17].

Несмотря на статистику, которую приводил комитет ПНТ Санкт-Петербурга по количеству оказанных населению услуг, сам факт работы 4 врачей в самом крупном городе империи с населением 1,2 миллиона человек [Население городов ..., 1897, с. 14] говорит о многом. На что в таком случае могла рассчитывать провинция?

В то время как у Петербургского комитета в связи с особыми условиями финансирования была возможность организовывать пуск и простые по своей структуре и скромные по составу амбулатории с «внушением», провинция, если и имела такую статью расхода, чаще всего организовывала койки в земских и городских больницах, как, например, в уже упомянутом нами Орловском губернском комитете ПНТ [РГИА, ф. 575, д. 4119, л. 111—112].

В связи с этим существенно осложнялась деятельность медиков по оказанию помощи страдающим от пьянства. На плечи врачей ложились огромное количество пациентов с обширных территорий и сверх того забота об алкоголиках. Деятельность врачей в уездах сильно зависела от финансирования государства. Как и комитеты попечительства, больницы сильно пострадали с началом русско-японской войны и в годы Первой российской революции. Так, в Елецком уезде с началом русско-японской войны осталось только 2 участковых врача, все остальные были отправлены на фронт [Жиров и др., 2019, с. 193].

Кроме того, провинция испытывала существенный недостаток лекарств. Причина все та же — слабое финансирование. Совокупность этих факторов создавала ситуацию большого количества несчастных случаев, приводивших к травмам или даже смерти потребителей алкоголя. Даже те из них, кого доставляли в больницы, могли не доехать до нее либо в ее стенах расстаться с жизнью [Излишнее употребление ..., 1912, с. 3; Несчастный случай, 1913, с. 3]. Там, где места медицинской помощи страдающим от запоя не были организованы, их часто для вытрезвления доставляли в полицию. «Тамбовский вестник» в 1908 году сообщал о смерти людей в пьяном виде в полицейской части, куда они были доставлены. И только после кончины их тела отправляли в больницу [Скоропостижная смерть ..., 1908, с. 3; Скоропостижно умерший ..., 1908, с. 3].

Самым распространенным способом отвлечения народа от злоупотребления крепкими напитками стали народные чайные. По задумке властей, при организации ПНТ чайные должны были стать альтернативой кабаков: местом для культурного общения, обмена новостями и просвещения. Кроме того, чайные приносили комитетам ПНТ доход, и их работу было легче организовать.

Стоит отметить, что устройство чайных реже других действий попечительства подвергалось критике общественности. Д. Н. Бородин в своей статье, посвященной роли чайных в борьбе с алкоголизмом, призывал к расширению сети этих заведений и к их лучшей организации, так как, по его мнению, положительный опыт западных стран подтверждал эффективность этих мер [Бородин, 1903, с. 7—10].

Чайные иногда совмещались с библиотеками, имея при себе наглядный материал, сообщающий о вреде алкоголя, а также выполняли просветительскую функцию, когда на их территории организовывались народные чтения. Но их организация до определенного момента была весьма затруднительной, так как государство стремилось контролировать содержание «интеллектуальной пищи», которую получал народ.

Так, на рубеже XIX—XX веков разрешение на проведение народных чтений получалось после прохождения длинной цепочки одобрений, которая выглядела следующим образом: 1) Министерство народного просвещения и все подведомственные ему структуры той местности, где планируются народные чтения; 2) Министерство внутренних дел, получив бумагу с прошением, одобренную министерством народного просвещения, также испрашивает мнение своих подчиненных в месте планируемого проведения чтений; 3) Святейший Синод, действовавший в той же последовательности. Когда все перечисленные инстанции давали одобрение, составлялось заключение на разрешение проведения народных чтений [Протьюко, 1988, с. 45].

Как в чайных-читальнях, так и в самостоятельно работающих библиотеках выписывались книги и периодические издания, проводились беседы и чтения с «волшебным фонарем» (устройство для проекции изображений). Среди тематики картин для «волшебных фонарей» встречаются следующие разделы: 1) духовно-нравственный и духовно-исторический; 2) исторический; 3) географический; 4) естественно-исторический и из жизни природы; 5) литературный; 6) направленный против пьянства [Борисова и др., 2015, с. 98].

Библиотеки в отличие от чайных требовали больших вложений. И речь идет не столько о денежных средствах, хотя и они важны, сколько о наличии должной инициативы духовенства, учителей в деле просвещения населения. Особенно остро это ощущалось в сельской местности. ПНТ отчитывались о том, что спрос на книги в сельской местности очень велик, крестьяне за немногими исключениями бережно обращаются с книгами читален [Там же, с. 99].

Существенную критику вызывала деятельность попечительств по организации театров, народных гуляний и других увеселительных мероприятий. Например, в Тамбовской губернии только в двух из двенадцати комитетов были организованы народные театры. Но дело даже не в их количестве. Современники с большим сомнением относились к тому, что развлекательные мероприятия могут иметь трезвенный эффект. В первую очередь это подчеркивали представители православного духовенства. Так,

архиепископ Арсений (Стадницкий) на заседании Государственного совета недоумевал, задаваясь вопросом о том, как посещение народных домов может повлиять на отказ людей от потребления алкоголя [Государственный совет ..., 1908, стб. 189]. Еще один член Госсовета А. Ф. Кони в том же духе отмечал, что «народ не нуждается в клоунах и кинематографах с их сомнительным репертуаром, а нуждается в научении и поучении ...» [Государственный совет ..., 1909, стб. 1221].

Заметим, что ПНТ — не единственные структуры, которые в регионах пытались организовывать борьбу с пьянством. В сельской местности мало кто мог в этом смысле конкурировать с церковно-приходскими обществами трезвости. Если за это дело брался талантливый и энергичный священник, то результаты не заставляли себя ждать, десятки или сотни прихожан давали зарок не пить вина вообще, нанося ощутимый ущерб местным шинкарям и держателям казенных винных лавок. Другое дело, что в арсенале духовенства были религиозные методы борьбы за трезвость, тогда как попечительства были призваны на местах организовывать культурный досуг и медицинскую помощь.

Несмотря на серьезную критику, ПНТ имели, конечно, сторонников своей деятельности. Так, уже упомянутый нами В. Ф. Дерюжинский писал: «Успешная и широкая деятельность некоторых попечительств свидетельствует о том, что в бедной культурными интересами деревне эти учреждения могут явиться очень ценными и благотворительными факторами просвещения народных масс» [Дерюжинский, 1903].

Одним из главных защитников попечительств стал В. Ф. Джунковский, московский губернатор, председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости. В своих воспоминаниях Владимир Федорович рассказывал о событиях декабря 1907 года, когда в Государственном Совете начались прения по вопросу об упразднении ПНТ. Вот как описывает Джунковский свои чувства в ту пору: «Досадно было то, что большинство членов Государственного Совета, подписавших законопроект, недостаточно были знакомы с работой в попечительствах и совершенно голословно обвиняли их» [Джунковский, 1997, т. 1. с. 261].

В этих репликах, безусловно, есть свой резон. В условиях общественного подъема начала XX века организация работы попечительств легко вызвала нарекания в связи с их подчиненностью бюрократическому аппарату. Однако критики, нередко еще и политически ангажированные, как это часто бывает, выплескивали вместе с водой и ребенка: предпочитали вовсе не замечать культурную и просветительскую миссию, которую несли ПНТ в российскую глубинку.

4. Проблема реформирования попечительств о народной трезвости

Конечно, критика, которой подвергались попечительства о народной трезвости, была неслучайной. Министерство финансов и подведомственное ему Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей получали критические отзывы о работе попечительств практически с самого их создания. В связи с этим в 1901 году при Главном управлении неокладных сборов были созваны особые совещания по вопросу о мерах к оживлению деятельности ПНТ.

На них председательствовал начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, действительный тайный советник С. В. Марков. Как указывалось в преамбуле журналов одного из таких собраний, «Марков пригласил присутствующих в настоящее совещание ввиду того, что с разных сторон продолжают раздаваться жалобы на недостаточно энергичную деятельность попечительств и что он сам, при служебных своих в последнее время поездках, имел случай убедиться в желательности оживления деятельности попечительств» [РГИА, ф. 575, д. 182, л. 16].

Продолжением идеи реформирования попечительств о народной трезвости служат ходатайства земств и городов о передаче им функций и средств ПНТ. Идея эта появилась еще в конце XIX века и продолжала жить в умах общественности в начале нового столетия. Примечательно, что к этим ходатайствам противоречиво относились представители местной администрации.

Так, вологодский губернатор А. А. Лодыженский присовокупил к ходатайству губернского земства свое особое мнение, в котором выражал уверенность в том, что «заботы земства об отвлечении населения от питейных заведений не стоят у местных деятелей на первом плане <...> Полагаю, что не станут они на это место и после передачи всех сумм, ассигнуемых в распоряжение Комитетов, в ведение земства — нет интереса в корне, — не будет его и при устранении некоторых условий. Все сводится лишь к желанию получить дело в свои руки», — отмечал Лодыженский [Там же, д. 4173, л. 32 об.].

Тенденция среди губернаторов критиковать земства, рекомендуя Главному управлению отказать в их ходатайствах, может иметь несколько причин. Можно предположить, что чиновникам не хотелось терять пусть и сравнительно скромные, но тем не менее регулярные денежные суммы, выделявшиеся государством в ведение региональных ПНТ, которые очень часто и возглавляли губернаторы. Нельзя упускать из виду и возможность политического противостояния губернской власти и земцев, ввиду чего представители первой не испытывали никакого желания содействовать деятелям местного самоуправления.

В итоге ходатайства земств, как правило, отклонялись по тем или иным причинам, но их количество, вероятно, побудило чиновников Министерства финансов серьезнее отнестись к этому вопросу. В связи с этим в начале 1905 года было разработано дополнение и изменение Устава попечительства, которое предлагало предоставить министру финансов по согласованию с министром внутренних дел право передавать по соответствующим ходатайствам крестьянским обществам, городам, земствам, а также частным организациям, преследующим общие с попечительствами цели, как отдельные учреждения и предприятия ПНТ, так и все дела на вверенной им территории [Там же, л. 56(об)]. Однако обсуждение этого вопроса затянулось из-за начавшейся в 1905 году революции, когда в повестке дня стояли более острые и масштабные для правительства вопросы.

Внимание к этой проблеме было возвращено в декабре 1907 года, когда 39 членов Государственного совета выступили с инициативой упразднения попечительства о народной трезвости. Во главе этой группы был В. П. Череванский, известный государственный деятель, тайный советник, действительный статский советник. Он разработал соответствующий законопроект и представил его на заседании Государственного совета 5 декабря 1907 года. Череванский подчеркивал, что попечительства не борются с шинкарством, не организывают на должном уровне врачебную помощь лицам, страдающим от алкоголизма, а просветительные и увеселительные мероприятия не несут за собой значимых последствия. В итоге, по мнению оратора, нужно было упразднить ПНТ, их недвижимое имущество передать в ведение городских и земских органов самоуправления, а неизрасходованные средства вернуть в казну [Государственный совет ..., 1908, стб. 131].

Выступление Череванского вызвало достаточно интенсивное обсуждение в стенах здания Петербургского Дворянского собрания, где тогда заседал Государственный совет. Главным противником законопроекта стал министр финансов В. Н. Коковцов, старавшийся отвести от своего ведомства ответственность за постановку всего дела борьбы с пьянством. В своей речи он указывал на то, что не может согласиться с конечными выводами объяснительной записки законопроекта о том, что дело борьбы с пьянством не имеет успеха из-за зависимости государства от доходов казенной продажи питей, а также высказал критическое отношение к тому, что сторонники идеи упразднения попечительства ничего не предложили взамен [Там же, стб. 129—154].

Одним из самых ярких ораторов Госсовета по данной проблематике стал доктор уголовного права А. Ф. Кони. Он последовательно разбирал проблемные моменты организации деятельности ПНТ, вступал в полемику

с Коковцовым и в целом был сторонником кардинального реформирования попечительств. «В общем выводе попечительства о народной трезвости страдают соединением в одно множества разнородных и взаимно друг друга ослабляющих функций», — отмечал в своей речи А. Ф. Кони. Правовед предлагал передать функции ПНТ земствам и городам, а также считал полезным привлечь к трезвенной работе на местах различные общественные организации: комитеты грамотности, общества охранения народного здоровья, даже общество Красного Креста [Там же, стб. 176].

Надо отметить, что передача попечительств о народной трезвости земским и городским органам видится вполне логичной. За предшествующие годы деятели местного самоуправления, среди которых было немало учителей и врачей, накопили богатый опыт борьбы с пьянством, они лучше понимали механизмы такой работы, были менее стеснены бюрократическими формальностями.

Однако очевидная необходимость такой реформы не смогла ускорить принятие законодательного решения. Сначала в том же декабре 1908 года была создана Комиссия Государственного совета для обсуждения проекта закона об упразднении попечительств. В марте 1909 года предложение о ликвидации ПНТ было отклонено, возникла новая Комиссия — уже для разработки закона о новой организации попечения о народной трезвости. В ноябре того же года члены Госсовета смогли сформулировать основания будущего закона. Попечительства должны были перейти в ведение Министерства внутренних дел, непосредственно в распоряжение земств и городов при участии в реализации их деятельности представителей православного духовенства и, возможно, частных обществ.

В итоге обсуждение и подготовка законопроекта затянулись на несколько лет. Ни сами члены Государственного совета, ни представители правительства не спешили с этой работой, изредка устраивая дискуссии, во время которых в большей степени упражнялись в демагогии, чем способствовали реальному продвижению дела. В 1913 году в Госсовете была создана очередная Комиссия — теперь уже для рассмотрения проекта закона о новой организации попечительств, подготовленного в МВД. Сколько бы дальше длилось обсуждение проблемы реформирования ПНТ, неизвестно, так как летом 1914 года началась Первая мировая войны, которая подтолкнула правительство к радикальным переменам в питейном деле в целом.

5. Попечительства о народной трезвости в годы «сухого закона»

В августе 1914 года правительство России пошло на беспрецедентный шаг: в условиях начинающейся Первой мировой войны в стране сначала

на время мобилизации, а затем до окончания боевых действий вводились ограничения на продажу алкоголя, получившие название «сухого закона» [Особые журналы ..., 2006, с. 317—318].

В связи с этим попечительства о народной трезвости оказались в довольно противоречивой ситуации. С одной стороны, должна была усилиться потребность государства в учреждениях, которые в условиях «сухого закона» должны были помогать населению устраивать свой досуг без спиртных напитков. С другой стороны, военные события, разворачивающийся на их фоне общественно-политический кризис не позволили властным институтам даже решить вопрос о ведомственной принадлежности ПНТ, иными словами, передать их в ведение Министерства внутренних дел. Более того, попечительства в еще большей степени стали испытывать трудности с финансированием, из-за чего в ряде случаев эти учреждения просто прекращали свою работу.

Известный отечественный психиатр И. Н. Введенский писал тогда: «Наряду с улучшением материального благосостояния замечается повышение умственных интересов населения. По свидетельству председателя училищной комиссии при городской думе, в Москве замечается повышенное требование в городских читальнях на книги. Читальни переполнены даже в праздники, когда при прежних условиях они пустовали. Администрация народных театров Сергиевского, Сухаревского и Садовнического отмечают характерный факт увеличения числа посетителей оперных и драматических спектаклей более чем на 30 % по сравнению с тем же временем в предшествующие сезоны» [Введенский, 1915, с. 22].

Кроме того, автор указывал на тот факт, что вместе с возросшим спросом населения в деле духовного и нравственного просвещения значительно усилилась отдача общественников, «многие города и земства приступили уже к разработке вопросов, связанных с усилением внешкольного образования, устройством народных домов, общедоступных лекций, разумных развлечений» [Там же, с. 30].

Но спрос не всегда находил соответствующее предложение, особенно в провинции. Вот один из характерных отзывов о положении попечительства в годы войны из села Воронежской губернии: «Нанимало когда-то попечительство о народной трезвости под народный дом чужое здание <...> Были в нем читальня, библиотека, чайная <...> А теперь попечительство прекратило давать деньги за помещение, и владелец сделал из народного дома частную свою чайную» [Фаресов, 1916, с. 128]. Писатель-народник А. И. Фаресов в своих путевых очерках также отмечал растущую потребность народа в чайных как в месте общения. При этом, по его словам, це-

лесообразнее открывать чайные в городах, так как в селах крестьяне уже привыкли пить чай в домашней обстановке и любят посетить такие заведения только при поездках по делам. Автор оставил характерное описание чайной в уездном городе Кромы Орловской губернии 1915 года: «Комната <...> была переполнена простым народом. Люди шли в чайную со связками баранок и калачей, требовали себе порцию чая и пили стакан за стаканом, пока была вода в большом чайнике» [Фаресов, 1916, с. 162—163].

В годы войны неожиданным образом изменилась работа московских и Санкт-Петербургских больниц для страдающих алкоголизмом при городских попечительствах о народной трезвости. Врачи единодушно сообщали о сокращении количества обращающихся за помощью пациентов, связывая это с прекращением продажи спиртных напитков [Введенский, 1915, с. 8—9; Мендельсон, 1916, с. 9—10]. Однако вскоре в лечебницы стали регулярно поступать пациенты с отравлением денатуратом и прочими алкогольными суррогатами, что, впрочем, касалось в большей степени горожан.

Война в большом количестве забирала по всей стране солдат на фронт, в рядах призывников были и члены комитетов попечительств. О гибели в сражении одного из деятельных членов Московского комитета ПНТ писал в своих мемуарах Джунковский: «17 ноября получено было попечительством о народной трезвости в Москве печальное известие о трагической, но славной кончине сотрудника попечительства помощника председателя Совета по управлению народными домами капитана А. М. Шостаковского. Это было для меня большим и личным горем, не говоря уже об утрате, понесенной попечительством, в рядах коего в течение 10 лет А. М. Шостаковский вложил массу труда, сердца и любви в трудное и ответственное дело» [Джунковский, 1997, т. 2. с. 451]. Таким образом, имели место и кадровые потери, обусловленные военными обстоятельствами.

Различные борцы за трезвость в военные годы продолжали настаивать на том, чтобы дело борьбы с пьянством было передано в руки органов местного самоуправления. Общественники считали, что нельзя терять время, откладывая определение судьбы попечительств до конца войны. Возникла даже идея создания по всей России целой сети народных домов — культурно-досуговых и просветительских центров, которые должны были оказывать всяческое содействие духовному развитию народа в непростых условиях войны и «сухого закона». Один из борцов за трезвость Д. Н. Бородин, понимая, что невозможно будет в ближайшее время добиться от правительства крупных ассигнований, даже предлагал объявить о специальном трезвенном займе [Воронов, 1916, с. 67—70]. Однако эта идея так

и осталась на бумаге, да и вряд ли могла быть осуществлена ввиду непростого финансового положения воюющей страны.

6. Заключение

Попечительства о народной трезвости задумывались как главный государственный проект в деле борьбы с пьянством, им предстояло сыграть важную роль в жизни страны. Несостоятельность этих структур заключалась прежде всего в их природе. Будучи подотчетными Министерству финансов, попечительства вряд ли могли победить то, что приносило солидный доход казне. К тому же состав этой структуры с преобладанием административного, а не общественного элемента и ее ограниченное финансирование не способствовали успешной деятельности, что и привело к той критике, которой подвергались ПНТ за все время своего существования.

Тем не менее деятельность попечительств нельзя оценить однозначно. С одной стороны, наиболее заметные результаты работы наблюдались в Московском и Санкт-Петербургском комитетах, которые находились на особом положении и в плане организации, и в плане финансирования. С другой стороны, многие провинциальные города, села и деревни, благодаря деятельности активных попечительств, получили настоящий толчок к нравственному и культурному развитию. Благодаря ПНТ в провинциях нередко впервые появились и стали развиваться библиотечная, театральная, музейная виды деятельности. В случае реализации проекта по передаче попечительств в ведение земских и городских органов самоуправления можно было бы ожидать большей активизации их работы и в связи с притоком неравнодушных общественных деятелей, и в связи с более эффективным распоряжением средств из местного бюджета. Однако начавшаяся мировая война и последующие революционные потрясения похоронили как идею преобразования попечительств, так и сами эти структуры.

Источники и принятие сокращения

1. *В России* вступил в силу запрет на продажу алкоголя в жилых домах // РБК : интернет-портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5eb08c289a79473fa4e4b302#> (дата обращения 24.08.2020).

2. *Государственный совет*. Стенографические отчеты. Сессия третья. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — 2432 стб.

3. *Государственный совет*. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. — 2586 стб.

4. *Золотарев А. М.* Потребление вина в России в 1904—1909 годах / А. М. Золотарев // Ежегодник России : статистический сборник, 1909. — Санкт-Петербург : типолитография Н. Л. Ныркина, 1910. — 476 с.

5. *Излишнее* употребление спиртных напитков // Воронежский край : газета. — 1912. — № 49.
6. *Итоги* пасхальной недели // Елецкая жизнь : газета. — 1910. — № 33.
7. *Казенная* продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. — Санкт-Петербург : Типография СПб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимова, 1900. — 310 с.
8. *Казенные* трезвенники // Елецкий вестник : газета. — 1908. — № 11.
9. *Кони А. Ф.* К истории нашей борьбы с пьянством / А. Ф. Кони // Собрание сочинений в 8 томах. — Москва : Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.
10. *Краткий* очерк деятельности Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости : 1898—1908. — Санкт-Петербург : Типо-литография К. Л. Пентковского, 1908. — 34 с.
11. *Население* городов по переписи 28-го января 1897 года : по уездам // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Троицкого. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1897. — 30 с.
12. *Невинная И.* Пьем вдвое меньше [Электронный ресурс] / И. Невинная // Российская газета. — Режим доступа : <https://rg.ru/2019/10/02/upotreblenie-spirtnogo-v-rossii-umenshilos-v-dva-raza.html> (дата обращения 24.08.2020).
13. *Несчастный* случай // Воронежский край : газета. — 1913. — № 10.
14. *Особые* журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917. 1914. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 700 с.
15. *Положение* о казенной продаже питей от 6 июня 1894 г. № 10766 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1898. — Т. XIV. — С. 404—410.
16. *Потребление* алкоголя и связанные с ним заболевания и травмы по данным ВОЗ [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа : <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol> (дата обращения 24.08.2020).
17. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 575 (Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов). Оп. 3. Д. 4238. Д. 4124. Д. 4119. Д. 4173 ; Оп. 11. Д. 327. Д. 182.
18. *Россия.* 1913 год. Документально-статистический справочник. — Санкт-Петербург : Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. — 416 с.
19. *Скоропостижно* умерший // Тамбовский вестник : газета. — 1908. — № 39.
20. *Скоропостижно* умерший // Тамбовский вестник : газета. — 1908. — № 31.
21. *Устав* попечительств о народной трезвости от 20 декабря 1894 г. № 11152 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. — Санкт-Петербург : 1898. — Т. XIV. — С. 682—685.
22. *Фаресов А. И.* Народ без водки : путевые очерки / А. И. Фаресов. — Петроград : тип. М. Меркушева, 1916. — 310 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Браве Я. Ф.* Общественно-педагогическое значение деятельности попечительств о народной трезвости / Я. Ф. Браве. — Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1899. — 30 с.

2. *Борисова О. О.* Библиотечно-просветительская деятельность попечительств о народной трезвости в Орловской губернии в конце XIX — начале XX века / О. О. Борисова, Н. А. Меренкова // Библиотекосведение. — 2015. — № 2. — С. 94—102.

3. *Бородин Д. Н.* Значение чайных в борьбе с алкоголизмом / Д. Н. Бородин. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1903. — 21 с.

4. *Бородин Д. Н.* Попечительства о народной трезвости / Д. Н. Бородин // Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством : в 3-х т. — Санкт-Петербург : Типография П. П. Сойкина, 1910. — Т. 3. — С. 901—913.

5. *Букреева О. Г.* Библиотечно-просветительная деятельность попечительств о народной трезвости в России в конце XIX — начале XX вв. : диссертация ... кандидата педагогических наук : 05.25.03 / О. Г. Букреева. — Москва, 2008. — 183 с.

6. *Булгаковский Д. Г.* Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895—1909 гг.) : в 2 ч. : сост. по офиц. источникам / Д. Г. Булгаковский. — Санкт-Петербург : Отеч. тип., 1910. — 240 с.

7. *Введенский И. Н.* Опыт принудительной трезвости / И. Н. Введенский. — Москва : Моск. столич. попечительство о нар. трезвости, 1915. — 44 с.

8. *Веселие Руси.* XX век : градус новейшей российской истории : от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / В. Б. Аксенов [и др.]. — Москва : Пробел-2000, 2007. — 476 с.

9. *Воронов Д. Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения : Обследование потребления вина в Пенз. губ. в 1912 г. / Д. Н. Воронов. — Пенза : паровая типо-лит. т-ва А. И. Рапопорт и К°, 1913. — 57 с.

10. *Воронов Д. Н.* Жизнь деревни в дни трезвости / Д. Н. Воронов. — Петроград : Гос. тип., 1916. — 70 с.

11. *Гаген В. А.* Борьба с народным пьянством. Попечительство о народной трезвости. Их современное положение и недостатки / В. А. Гаген. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1907. — 103 с.

12. *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. Пособие для студентов / В. Ф. Дерюжинский. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1903. — 499 с.

13. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский ; под общ. ред. А. Л. Паниной. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — Т. 1. — 736 с. ; Т. 2. — 688 с.

14. *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России / В. К. Дмитриев. — Москва : издание В. П. Рябушинского, 1911. — 283 с.

15. *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России / В. К. Дмитриев. — Москва : Рус. панорама, 2001. — 365 с.

16. *Добужинский Ф. П.* Устав попечительств о народной трезвости, высочайше утвержденный 20 декабря 1894 г. : Со всеми последовавшими по 7 июня 1902 г. доп. узаконениями и с располож. постатейно тез. циркуляр. разъясн. министра фин. и Гл. упр. неоклад. сборов, а также с прил. разъясн. и главнейших узаконений в полном тексте / Сост. чл. Вилен. уезд. ком. попечительства о нар. трезвости: заст. место пред. Ф. П. Добужинский и участк. попечитель П. Ф. Кобеко. — Вильна : Попечительство о нар. трезвости (тип. И. Блюмовича), 1902. — 314 с.

17. *Жиров Н. А.* Состояние земской медицины в Елецком уезде Орловской губернии в конце XIX — начале XX в. / Н. А. Жиров, О. В. Клевцова // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей : IX—XI вв. : материалы VI Международной

научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области, 4 октября 2019 г. — Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. — С. 191—194.

18. *Зеневич Г. В.* Алкоголизм — вреднейший пережиток капитализма / Г. В. Зеневич. — Москва : Знание, 1954. — 23 с.

19. *Мендельсон А. Л.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства / А. Л. Мендельсон. — Петроград : Рос. о-во борьбы с алкоголизмом, 1916. — 54 с.

20. *Норов В.* Казенная винная монополия при свете статистики / В. Норов. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Н. Клобукова, 1904. — Ч. 1. — 114 с.

21. *Озеров И. Х.* На темы дня. К экономическому положению России / И. Х. Озеров. — Москва : В. И. Знаменский и К^о, 1912. — 453 с.

22. *Петров С.* Царские наследники-самогонщики и борьба с ними / С. Петров. — Москва : Изд. отд. Нар. ком. по продовольствию, 1919. — 32 с.

23. *Протьюко Т. С.* В борьбу за трезвость : страницы истории / Т. С. Протьюко. — Минск : Наука и техника, 1988. — 162 с.

24. *Сафронов С. А.* «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914—1925 годов : в 2-х т. / С. А. Сафронов. — Красноярск : СФУ, 2017. — Т. 1. — 553 с. ; Т. 2. — 544 с.

25. *Фридман М. И.* Винная монополия : в 2-х т. / М. И. Фридман. — Санкт-Петербург — Петроград : Типография «Правда», 1914—1916. — Т. 1. — 548 с. ; Т. 2. — 627 с.

26. *Шевченко И. А.* Незаконная торговля спиртным в великорусской деревне конца XIX — начала XX века / И. А. Шевченко // Вестник Тамбовского университета. Серия : гуманитарные науки. — 2014. — № 3 (131). — С. 158—166.

GUARDIANSHIP FOR POPULAR SOBRIETY IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF 20TH CENTURY: FROM WINE MONOPOLY TO “DRY LAW”¹

© **Ivan A. Shevchenko (2021)**, PhD in History orcid.org/0000-0003-2651-4846, ResearcherID: F-8592-2018, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University” (Lipetsk, Russia), liash@rambler.ru.

© **Evgeny V. Chernykh (2021)**, Senior Researcher, Department of History, Regional Budgetary Institution of Culture “Lipetsk Regional Museum of Local Lore” (Lipetsk, Russia), chernykh1995@mail.ru.

The article is devoted to the guardianship of popular sobriety — institutions created by the government of the Russian Empire at the end of the 19th century to organize the fight against excessive alcohol consumption at the provincial and district levels. The study describes the situation with the consumption of alcoholic beverages in Russia at the turn of the XIX—XX centuries, provides the main provisions of the state wine monopoly, introduced in 1895 with the direct participation of the Minister of Finance S. Yu. Witte. Based on the Charter of Guardianship of People's Sobriety, the authors describe their powers, composition, and features of work organization. Based on the analysis of diverse sources (including unpublished archival

¹ The article was prepared within the framework of the project “Russian peasantry and state policy regarding the sale of alcohol in 1914—1925” (grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — PhD in 2020. Project № МК-846.2020.6).

sources), the article characterizes the diverse activities of guardianship in Russia at the beginning of the 20th century, as well as its assessment by contemporaries. The conclusion is made about the relatively low efficiency of the work of sober institutions due to their bureaucracy and insufficient funding. The article describes the problem of reforming the guardianship, which was discussed with varying intensity in the 1900—1910s in the Ministry of Finance, the State Council, public and zemstvo circles. Special attention is paid to the analysis of the problems faced by the guardianship of popular sobriety during the First World War after the introduction of the "Prohibition". The scientific novelty of the research lies in an attempt to analyze the entire set of issues related to the activities of guardianship in the period under review, starting from documents of a legal and office-work nature, statistical materials, periodicals, journalistic and memoir literature.

Key words: guardianship of people's sobriety; wine monopoly; "no alcohol law"; Russian village; alcohol consumption; struggle for sobriety.

MATERIAL RESOURCES

- Faresov, A. I. (1916). *Narod bez vodki: putevyye ocherki* [People without vodka: travel essays]. Petrograd: tip. M. Merkusheva. 310 p. (In Russ.).
- Gosudarstvennyy sovet. Stenograficheskiye otchety. Sessiya chetvertaya* [The Council of state. Verbatim reports. Session four]. (1909). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 2586 stb. (In Russ.).
- Gosudarstvennyy sovet. Stenograficheskiye otchety. Sessiya tretaya* [State Council. Verbatim reports. Session three]. (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 2432 stb. (In Russ.).
- Itogi paskhalnoy nedeli [Results of the Easter week]. (1910). *Yeletskaya zhizn': gazeta* [Yeletskaya zhizn': gazeta], 33. (In Russ.).
- Izlishneye upotrebleniye spirnykh napitkov [Excessive consumption of alcoholic beverages]. (1912). *Voronezhskiy kray: gazeta* [Voronezh region: the newspaper], 49. (In Russ.).
- Kazennaya prodazha vina. Izdaniye Glavnogo upravleniya neokladnykh sborov i kazennoy prodazhi pitey* [State sale of wine. Publication of the Main Department of Non-payment fees and customs sale of drinks]. (1900). Sankt-Peterburg: Tipografiya SPb. akts. obshch. pech. dela v Rossii E. Evdokimova. 310 p. (In Russ.).
- Kazennyye trezvenniki [State-owned non-drinkers]. (1908). *Yeletskiy vestnik: gazeta* [Eletskiy Gazette: newspaper], 11. (In Russ.).
- Koni, A. F. (1967). K istorii nashey borby s pyanstvom [To the history of our fight against drunkenness]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 8 (4). Moskva: Yurid. lit. 543 p. (In Russ.).
- Kratkiy ocherk deyatelnosti Sankt-Peterburgskogo gorodskogo popechitelstva o narodnoy trezvosti: 1898—1908.* [A brief outline of the activities of the St. Petersburg city trusteeship on peoples sobriety: 1898—1908]. (1908). Sankt-Peterburg: Tipolitografiya K. L. Pentkovskogo. 34 p. (In Russ.).
- Naseleniye gorodov po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda: po uyezdam [Population of cities according to the census of January 28, 1897: by counties]. In: *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. (1897). Sankt-Peterburg: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. Del. 30 p. (In Russ.).
- Neschastnyy sluchay [Accident]. (1913). *Voronezhskiy kray: gazeta* [Voronezh region: the newspaper], 10. (In Russ.).

- Nevinnaya, I. Pyem vdvoe menshe [We drink half as much]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya gazeta]. Available at: <https://rg.ru/2019/10/02/upotreblenie-spirtnogo-v-rossii-umenshilos-v-dva-raza.html> (accessed 24.08.2020). (In Russ.).
- Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909—1917. 1914.* [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909—1917. 1914]. (2006). Moskva: ROSSPEN. 700 p. (In Russ.).
- Polozheniye o kazennoy prodazhi pitey ot 6 iyunya 1894 g. № 10766 [Regulation on the state sale of drinking drinks of June 6, 1894 № 10766]. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye III* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The meeting III], *XIV*. (1898). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. 404—410. (In Russ.).
- Potrebleniye alkogolya i svyazannyye s nim zabolevaniya i travmy po dannym VOZ [Alcohol consumption and related diseases and injuries according to WHO]. In: *Vsemi-rnaya organizatsiya zdravookhraneniya* [World Health Organization]. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol> (accessed 24.08.2020). (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 575 (Glavnoye upravleniye neokladnykh sborov i kazennoy prodazhi pitey Ministerstva finansov). Op. 3. D. 4238. D. 4124. D. 4119. D. 4173. Op. 11. D. 327. D. 182.* [Russian State Historical Archive. F. 575 (Main Department of non-payment fees and state sale of drinking drinks of the Ministry of Finance). Op. 3. d. 4238. D. 4124. D. 4119. D. 4173. Op. 11. D. 327. D. 182]. (In Russ.).
- Rossiya. 1913 god. Dokumentalno-statisticheskiy spravochnik* [Russia. 1913. Documentary and statistical reference]. (1995). Sankt-Peterburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr «BLITS». 416 p. (In Russ.).
- Skoropostizhnaya smert' [Sudden death]. (1908). *Tambovskiy vestnik: gazeta* [Tambov Bulletin: gazeta], 39. (In Russ.).
- Skoropostizhno umershiy [Suddenly deceased]. (1908). *Tambovskiy vestnik: gazeta* [Bulletin of Tambov: the newspaper], 31. (In Russ.).
- Ustav popechitelstv o narodnoy trezvosti ot 20 dekabrya 1894 g. № 11152 [Charter of guardianship about national sobriety of December 20, 1894 № 11152]. (1898). In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye III* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The meeting III], *XIV*. Sankt-Peterburg. 682—685. (In Russ.).
- V Rossii vstupil v silu zapret na prodazhu alkogolya v zhilykh domakh [In Russia, a ban on the sale of alcohol in residential buildings came into force]. In: *RBK: internet-portal* [RBC: the Internet portal]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eb08c289a79473fa4e4b302#> (accessed 24.08.2020). (In Russ.).
- Zolotarev, A. M. (1910). Potrebleniye vina v Rossii v 1904—1909 godakh [Wine consumption in Russia in 1904—1909]. In: *Eyehogodnik Rossii: statisticheskiy sbornik. 1909.* [Yearbook of Russia: the statistical compilation. 1909.]. Sankt-Peterburg: tipolitografiya N. L. Nyrkina. 476 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Brave, Ya. F. (1899). *Obshchestvenno-pedagogicheskoye znachenije deyatelnosti popechitelstv o narodnoy trezvosti* [Social and pedagogical significance of the activities

- of guardianship of peoples sobriety]. Moskva: tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K^o. 30 p. (In Russ.).
- Borisova, O. O., Merenkova, N. A. (2015). Bibliotечно-prosvetitel'skaya deyatelnost' popechitelstv o narodnoy trezvosti v Orlovskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka [Bibliotечно-enlightenment activity of guardianship about national sobriety in the Oryol province at the end of the XIX — beginning of the XX century]. *Bibliotekovedeniye* [Bibliotekovedeniye], 2: 94—102. (In Russ.).
- Borodin, D. N. (1903). *Znacheniyе chaynykh v borbe s alkogolizmom* [The value of tea in the fight against alcoholism]. Sankt-Peterburg: [b. i.]. 21 p. (In Russ.).
- Borodin, D. N. (1910). Popechitelstva o narodnoy trezvosti [Guardianship of peoples sobriety]. In: *Trudy Pervogo vserossiyskogo syezda po borbe s pyanstvom* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness], 3 (3). Sankt-Peterburg: Tipografiya P. P. Soykina. 901—913. (In Russ.).
- Bukreyeva, O. G. (2008). *Bibliotечно-prosvetitel'naya deyatelnost' popechitelstv o narodnoy trezvosti v Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.* Phd. Diss. [Library and educational activities of the guardianship of national sobriety in Russia in the late XIX — early XX centuries. Phd. Diss.]. Moskva. 183 p. (In Russ.).
- Bulgakovskiy, D. G. (1910). *Ocherk deyatelnosti popechitelstv o narodnoy trezvosti za vse vremya ikh sushchestvovaniya (1895—1909 gg.)* [Essay on the activities of the guardianship of peoples sobriety for all the time of their existence (1895—1909)], 2. Sankt-Peterburg: Otech. tip. 240 p. (In Russ.).
- Fridman, M. I. (1914—1916). *Vinnaya monopoliya* [Wine monopoly], 2, 1. Sankt-Peterburg — Petrograd: Tipografiya «Pravda». 548 p.; 627 p. (In Russ.).
- Deryuzhinskiy, V. F. (1903). *Politseyskoye pravo. Posobiye dlya studentov* [Police law. Textbook for students]. Sankt-Peterburg: Senat. tip. 499 p. (In Russ.).
- Dmitriyev, V. K. (1911). *Kriticheskiye issledovaniya o potreblenii alkogolya v Rossii* [Critical studies on alcohol consumption in Russia]. Moskva: izdaniye V. P. Ryabushinskogo. 283 p. (In Russ.).
- Dmitriyev, V. K. (2001). *Kriticheskiye issledovaniya o potreblenii alkogolya v Rossii* [Critical studies on alcohol consumption in Russia]. Moskva: Rus. Panorama. 365 p. (In Russ.).
- Dobuzhinskiy, F. P. (1902). *Ustav popechitelstv o narodnoy trezvosti, vysochayshe utverzhdennyy 20 dekabrya 1894 g.: So vsemi posledovavshimi po 7 iyunya 1902 g. dop. uzakoneniymi i s raspolozh. postateyno tez. tsirkulyar. razyasn. ministra fin. i Gl. upr. neoklad. sborov, a takzhe s pril. razyasn. i glavneyshikh uzakoneniy v polnom tekste* [The charter of guardianship about national sobriety, highly approved on December 20, 1894: With all subsequent on June 7, 1902 add. relationships and relationships. article-by-article tez. circular. explanation of the Minister of Finance. and Gl. upr. neokladom. fees, as well as with adj. clarifications and the main legalizations in the full text]. Vilna: Popechitelstvo o nar. trezvosti (tip. I. Blyumovicha). 314 p. (In Russ.).
- Dzhunkovskiy, V. F. (1997). *Vospominaniya* [Memoirs], 2 / 1. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovskiykh. 736 p.; 688 p. (In Russ.).
- Gagen, V. A. (1907). *Borba s narodnym pyanstvom. Popechitelstvo o narodnoy trezvosti. Ikh sovremennoye polozheniye i nedostatki* [Fight against national drunkenness. Guardianship of peoples sobriety. Their current situation and shortcomings]. Sankt-Peterburg: Gos. tip. 103 p. (In Russ.).

- Mendelson, A. L. (1916). *Itogi prinuditel'noy trezvosti i novyye formy pyanstva* [State wine monopoly in the light of statistics]. Petrograd: Ros. o-vo borby s alkogolizmom. 54 p. (In Russ.).
- Norov, V. (1904). *Kazennaya vinnaya monopoliya pri svete statistiki* [On the topics of the day. To the economic situation of Russia], 1. Sankt-Peterburg: Tip. N. N. Klobukova. 114 p. (In Russ.).
- Ozerov, I. Kh. (1912). *Na temy dnya. K ekonomicheskomu polozheniyu Rossii* [Tsarist heirs-moonshiners and the fight against them]. Moskva: V. I. Znamenskiy i K°. 453 p. (In Russ.).
- Petrov, S. (1919). *Tsarskiye nasledniki-samogonshchiki i borba s nimi* [In the struggle for sobriety: pages of history]. Moskva: Izd. ottd. Nar. kom. po prodovolstviyu. 32 p. (In Russ.).
- Protko, T. S. (1988). *V borbe za trezvost': stranitsy istorii* [In the struggle for sobriety: pages of history]. Minsk: Nauka i tekhnika. 162 p. (In Russ.).
- Safronov, S. A. (2017). «Pyanyy vopros» v Rossii i «sukhoy zakon» 1914—1925 godov [“The drunken question” in Russia and the “Dry law” of 1914—1925], 2 / 1. Krasnoyarsk: SFU. 553 p.; 544 p. (In Russ.).
- Shevchenko, I. A. (2014). Nezakonnaya trgovlya spirtnym v velikorusskoy derevne kontsa XIX — nachala XX veka [Illegal trade in alcohol in the Great Russian village of the late XIX — early XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: humanitarian Sciences], 3 (131): 158—166. (In Russ.).
- Vvedenskiy, I. N. (1915). *Opyt prinuditel'noy trezvosti* [Experience of forced sobriety]. Moskva: Mosk. stolich. popechitelstvo o nar. trezvosti. 44 p. (In Russ.).
- Veseliye Rusi. XX vek: gradus noveyshey rossiyskoy istorii: ot «pyanogo byudzheta» do «sukhogo zakona»* [Veseliye Rus'. The twentieth century: the degree of modern Russian history: from the “drunken budget” to the “dry law”]. (2007). Moskva: Probel-2000. 476 p. (In Russ.).
- Voronov, D. N. (1913). *Alkogolizm v gorode i derevne v svyazi s bytom naseleniya: Obsledovaniye potrebleniya vina v Penz. gub. V 1912 g.* [Alcoholism in the city and the village in connection with the life of the population: a Survey of wine consumption in Penz. lips. In 1912]. Penza: parovaya tipo-lit. t-va A. I. Rapoport i K°. 57 p. (In Russ.).
- Voronov, D. N. (1916). *Zhizn' derevni v dni trezvosti* [Village life in the days of sobriety]. Petrograd: Gos. tip. 70 p. (In Russ.).
- Zenevich, G. V. (1954). *Alkogolizm — vredneyshiy perezhitok kapitalizma* [Alcohol — harmful vestige of capitalism]. Moskva: Znaniye. 23 p. (In Russ.).
- Zhirov, N. A., Klevtsova, O. V. (2019). Sostoyaniye zemskoy meditsiny v Eletskom uyezde Orlovskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX v. [State of zemstvo medicine in the Yelets district of the Oryol province at the end of the XIX — beginning of the XX century]. In: *Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sudbakh yeye sozitateley: IX—XI vv.: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu Lipetskoy oblasti, 4 oktyabrya 2019 g.* [The Russian state responsible in the persons and destinies of its creators: IX—XI centuries: materials of VI International scientific conference dedicated to the 65th anniversary of the Lipetsk region, on October 4, 2019]. Lipetsk: LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo. 191—194. (In Russ.).

Юнина Е. А. Процесс распространения и условия открытия стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии в начале XX века / Е. А. Юнина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 451—471. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-451-471.

Yunina, E. A. (2021). Process of Distribution and Conditions for the Opening of Stationary Cinemas in the Cities of the Tobolsk Province at the Beginning of the 20th Century. *Nauchnyi dialog, 1*: 451-471. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-451-471. (In Russ.).

УДК 791.43.03(571.12)“1909/1918”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-451-471

ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ И УСЛОВИЯ ОТКРЫТИЯ СТАЦИОНАРНЫХ КИНОТЕАТРОВ В ГОРОДАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Юнина Екатерина Александровна (2021), orcid.org/0000-0002-5658-3482, младший научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), katu-yunick@yandex.ru.

Прослеживается история возникновения и распространения стационарных синема-театров в Тобольской губернии на основе архивных материалов, вводимых в научный оборот, анализа региональной периодики, справочных изданий, нормативных актов и опубликованных данных. Рассматривается административно-институциональный аспект их открытия. Особое внимание уделяется подготовительным работам, техническо-строительным правилам и условиям официальной приемки зданий, мерам противопожарной безопасности дореволюционных кинематографов, топонимике и локализации их в социокультурном пространстве городов. Приводятся сведения о социально-профессиональной принадлежности владельцев электротраетров. Делается вывод о том, что положительная динамика основания синемаграфов в изучаемом регионе, характеризующаяся скоростью и непрерывностью, относится к периоду 1909—1916 годов. Отмечается, что организация сети кинотеатров в провинциальных городах западно-сибирской части России была связана с работой губернских учреждений, муниципальных органов власти, служащих полиции. Показано, что функционирование данных публичных заведений подвергалось систематическому контролю чиновников этих ведомств, которые руководствовались принятыми в империи техническими нормативно-правовыми актами, регулирующими условия содержания кинотеатров. Утверждается, что развитие синемаграфа являлось важным показателем инновационных тенденций, происходивших в досуговом сегменте повседневной жизни горожан.

Ключевые слова: синемаграф; стационарные кинотеатры; Строительное отделение Тобольского губернского управления; пожарная безопасность; владельцы электро-театров; досуговые публичные заведения; социокультурная инфраструктура.

1. Введение

Формирование в России массовой культуры, являющейся основой социально-культурных процессов современного мира, относится к началу

прошлого столетия, времени зарождения и развития феномена общественной рекреации, новых средств коммуникации и, как следствие, массового сознания. Изучение исторического опыта существования общественных видов досуга будет способствовать более глубокому пониманию истоков и особенностей массовой аудитории как социальной категории, актуализирует проблемные зоны этого явления, поможет скорректировать отрицательные проявления стандартизации культуры отдыха.

Период конца XIX — начала XX веков в условиях ускорения модернизационных процессов, происходивших в стране, отмечен стремительным внедрением в структуру повседневности российской провинции такого культурно-технического новшества, как синематограф, а также зарождением стойкого интереса сибирских обывателей, в том числе в городах Тобольской губернии, к новому виду развлечений.

Литература начального этапа осмысления развития кинематографа в Российской империи представлена мемуарами активных участников этого процесса [Левицкий, 1964; Форестье, 1945; Ханжонков, 1937]. Классические труды отечественных и зарубежных исследователей затрагивают фундаментальные проблемы генезиса русского дореволюционного кино первых двадцати лет, раскрывают вопросы взаимодействия кинематографа, театра, литературы и общественно-политической жизни России того времени, исследуют внутренние закономерности эволюции кино в ряду других видов искусства [Гинзбург, 2007; Зоркая, 1976; Цивьян, 1991; Veumers, 2009; Rollberg, 2009]. Работы целой плеяды историков посвящены становлению индустрии кинематографа в Санкт-Петербурге, Ярославле, Казани, Иркутске, Пензенском крае, Черноморской губернии [Алексеева, 2004; Балякова, 2008; Ктиторов и др., 2018; Рокка, 2014; Сиротин, 2009]. Институциональные аспекты деятельности кинематографических театров начала XX века, проблема жанров дореволюционного кино в аспекте модернизационных явлений российской действительности на примере Перми анализируются в статьях В. В. Устюговой [Устюгова, 2016, 2017].

Начало изучению местного кинематографа на обширном документальном материале было положено трудом В. А. Ватолина, в котором рассматривался общий процесс становления кинотеатров в масштабе всей Сибири, без акцентуации внимания на работе электротеатров Тобольской губернии [Ватолин, 2002]. В ряде статей и монографий затрагивались лишь отдельные эпизоды истории западно-сибирского кинематографа [Боярский, 2016; Васильева, 1997; Коньков, 2014; Копылов, 2004; Малышева, 2016; Носкова, 2016]. Однако в региональной историографии пока отсутствуют работы, комплексно характеризующие появление и особенности развития

синемаграфов в Тобольской губернии, что определяет новизну данного исследования.

Цель статьи — проследить динамику возникновения стационарных кинотеатров в городах Тобольской губернии, проанализировать административный сегмент процесса открытия и функционирования этих заведений по социально-культурному обслуживанию населения, рассмотреть действия и социально-профессиональную принадлежность владельцев предприятий, топонимику и локализацию кинотеатров в социокультурном пространстве городов. Основными источниками исследования стали материалы фонда Строительного отделения Тобольского губернского управления Государственного архива в г. Тобольске (Ф. И 353), в котором сохранился информативный корпус документов, раскрывающий особенности строительства зданий и приспособления имевшихся помещений под кинозалы, устройство кинотеатров в изучаемом регионе с точки зрения пожарной безопасности, этапы и условия их официальной приемки, технические требования, предъявляемые к этим досуговым объектам со стороны муниципальной, губернской и центральной власти. В качестве дополнительных источников привлекались данные местной и центральной прессы, справочные издания, опубликованные нормативные акты, регулирующие условия содержания кинотеатров.

2. Динамика возникновения кинотеатров и их локализация в социокультурной структуре городов: 1910—1916 годы

На рубеже XIX—XX веков Тобольская губерния занимала второе место в Сибири по площади входящих в нее территорий, включая в себя 10 городов (Тобольск, Тюмень, Ялуторовск, Курган, Тара, Ишим, Березов, Сургут, Туринск, Тюкалинск) и соответствующие им округа / уезды. Несмотря на территориальную удаленность губернии от общепризнанных культурных центров империи, периферийный характер политико-экономических процессов, низкий общий уровень образованности и грамотности жителей по сравнению с городами европейской России, региональное развитие синемаграфа характеризуется наличием всех общих этапов, свойственных генезису этого социокультурного феномена.

Первый период в историографии, именуемый «путешествующим синемаграфом», был связан с деятельностью гастролирующих демонстраторов на изучаемой территории. С 1909—1910 годов начинается стабильный процесс основания синемаграфических театров, отличающийся динамичностью, скоростью и непрерывностью как в наиболее крупных городах Тобольской губернии, так и в городах с меньшим числом населения.

В Строительное отделение Тобольского губернского управления в период с 1909 года по 1916 год поступает целая серия прошений от лиц различной социальной и профессиональной принадлежности на разрешение открытия кинотеатров в Тобольске и уездных городах: Тюмени, Кургане, Ишиме, Ялуторовске, Таре, Туринске, Тюкалинске. Начало формированию сети стационарных электротeatров в изучаемом регионе было положено открытием 3 мая 1909 года в Тюмени первого постоянно действующего синематографа «Рояль-Био» на улице Царской в доме Брюханова [Боярский, 2016, с. 132].

Пионерами синематографии в губернском Тобольске стали омский предприниматель Павел Павлович Фабри и учитель физики Тобольской мужской гимназии Николай Константинович Дингильштедт. Функции идейного вдохновителя и создателя репертуарного контента выполнял Н. К. Дингильштедт, который являлся представителем интересов и доверенным лицом в Тобольске фактического владельца кинотеатров П. П. Фабри. 25 сентября 1909 года, после получения согласия местных властей на отпуск электрической энергии с городской электростанции, открыл свои двери для посетителей первый в городе кинотеатр «Люкс», размещенный в арендованной квартире дома Фришмана по Рождественской улице [Сибирский ..., 1909, с. 2]. Этот кинематеатр отличался миниатюрными размерами и небольшой вместимостью зрительного зала.

В Кургане период существования стационарных кинозаведений, начавшийся почти в то же время, что и в столице губернии, связан с основанием синематографа «Модерн» 15 сентября 1909 года прусским подданным Георгием Федоровичем Швензовым [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 724, л. 30].

7 июня 1910 года в Тюмени состоялось открытие синематеатра «Фурор» в первом в Тобольской губернии, специально построенном для нужд кинотеатра здании на углу улиц Спасской и Войновской. Деревянный театр, по конструкции представлявший сборно-разборный балаган на 300 зрительских мест, имел электрическое освещение. 29 ноября 1910 года владельцем этого синематографа стала компания «Модерн», среди ее основателей (по предположению Л. В. Боярского) был Иосиф Савельевич Шустер, который значился арендатором заведения, получившего новое название [Боярский, 2016, с. 132]. В декабре 1910 года заявление на открытие нового электротeatра «Луч» в доме Панкратьева на углу улиц Царской и Садовой подает житель г. Тюмени Петр Иванович Кузнецов, согласно акту от 17 декабря 1910 года здание было введено в эксплуатацию [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 799, л. 1, 9]. На рубеже 1910—1911 годов на центральной улице Царской возникает синематограф «Вольдемар» владельца А. И. Ро-

машова. К 1913 году в городе действовало три кинематеатра, на смену первым кинозалам «Рояль-Био», «Фурор» и «Луч» приходят — «Вольдемар», «Модерн» и «Весь мир» [Справочник ..., 1913, с. 160].

Пик организации кинотеатров в Тобольске приходится на 1910 год, когда в городе начали функционировать сразу три иллюзиона. Создателями второго тобольского синематографа «Био», открытого 31 марта 1910 года и работавшего с перерывами до 1913 года, вновь стали Н. К. Дингильштедт и П. П. Фабри. Основная заслуга в налаживании практической стороны нового дела также принадлежала тобольскому учителю, который вступил в переговоры с купцом А. Н. Хвастуновым об аренде и приспособлении для демонстрации фильмов строившегося здания по улице Богоявленской, напротив мужской гимназии, предполагаемого последним для размещения торгового предприятия. 26 января 1910 года Н. К. Дингильштедт подал прошение в Строительное отделение губернского управления. В результате осмотра помещения специально организованной комиссией в обязанности компаньонов было вменено устранить обнаруженные нарушения правил строительной и пожарной безопасности, предоставить новый план здания с учетом перестроек. После выполнения этих указаний в конце марта 1910 года разрешение на демонстрацию фильмов было получено [ГБУ-ТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 775, лл. 1—7].

19 апреля 1910 года в доме Лобкова на Абрамовской улице был основан кинотеатр «Искер» усилиями деловых партнеров: А. А. Сыромятниковым, С. М. Сыромятниковой, В. П. Густылевой и др. Буквально через три дня в социокультурном пространстве города появляется первое здание, специально построенное для синематографа на улице Большой Архангельской, — синематеатр «Модерн», которому было суждено стать долгожителем кинобизнеса Тобольска. По деловому соглашению, заключенному между тобольским потомственным дворянином Иваном Николаевичем Бутлеровым и владивостокским мещанином Петром Ивановичем Печокасом, первый обратился в Строительное отделение для получения разрешения на строительство помещения для кинотеатра на территории своей усадьбы, а второй арендовал здание и разместил в нем свое оборудование [Там же, д. 781, лл. 1—5].

В период с 1911 по 1916 годы стационарные электротатеатры появляются в других уездных / окружных городах губернии: Таре, Ишиме, Ялуторовске, Туринске, Тюкалинске. В Таре местом сосредоточения синематографов была центральная улица Александровская, с февраля 1911 года здесь в помещении Общественного собрания непродолжительное время действовал кинематограф «Заря», принадлежавший отставному чиновнику Густылеву [Носкова, 2016, с. 142]. Весной 1911 года в Тобольское губернное управле-

ние с заявлением о разрешении перестройки деревянного жилого дома (принадлежащего жительнице Тары Ю. Н. Мармелюк) на этой же улице под кинематограф «Эврика» обратился крестьянин Корсинской волости Тарского уезда Андрей Иванович Кучеревский. 3 марта он получил свидетельство от Тарского уездного исправника на работу заведения, которое ориентировочно функционировало около трех с половиной лет. По документу от 18 сентября 1914 года, «усадебное место, на котором находилось здание, владелицей было передано в другие руки», и кинотеатр прекратил свою деятельность [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 870, л. 11].

Характерно, что почти одновременно в 1911 году для работы одноименного ишимского кинотеатра «Эврика» по улице Александровской арендовала одноэтажный деревянный дом нотариуса И. А. Рогачёва Александра Николаевна Корикова-Михайлова [Носкова, 2016, с. 142]. С 1913 года ее кинозал был перенесен в специально выстроенное здание в усадьбе Кориковых-Михайловых по улице Никольской и под новым названием «Люкс» действовал вплоть до 1919 года, принимая посетителей в одноэтажном «холодном» помещении в весенне-летний период [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 985, лл. 1—30].

В 1912 году в Строительное отделение Тобольского губернского управления поступило прошение Емельяна Бронникова об устройстве синемаатографа в городе Ишиме. С 1913 года в здании магазина купца второй гильдии Павла Федоровича Желтышева начал функционировать электротееатр «Иллюзион». В январе 1912 года открылся синемаатограф Я. Н. Клименко в Тюкалинске [Там же, д. 932, лл. 1—8]. Летом 1912 года разрешение на строительство в Туринске временного электротееатра балаганного типа просит екатеринбургский мещанин Илья Павлович Коган [Там же, д. 921, л. 1].

3. Условия открытия синемаатеатров в Тобольской губернии: административно-институциональный аспект

История возникновения и функционирования стационарных синемаатографов в изучаемом регионе была тесно связана с работой губернских учреждений, муниципальных органов власти и полицейского ведомства. Одним из органов власти, в ведении которого находились организация в регионе кинематографических театров и последующий контроль их деятельности, было Строительное отделение Тобольского губернского управления, имевшее исполнительные и регулятивно-нормативные функции на местах. Специалисты этого ведомства проводили рассмотрение документации, согласовывали дислокацию кинотеатров на территории городов, принимали предварительное решение об открытии того или иного

синаматографического объекта, руководствуясь указаниями центральной власти. Разбор прошений, утверждение документации и официальное разрешение на работу этих публичных заведений на основании определенных прескриптивных актов реализовывала губернская власть. Несмотря на динамичность появления синаматографов в социокультурной топографии городов, фактические условия открытия этих объектов по досуговому обслуживанию населения были сопряжены с некоторыми трудностями для их потенциальных владельцев. Процесс оформления кинематографического бизнеса имел следующий порядок действий: 1) подачу прошения на имя губернатора, 2) проверку подателя прошения жандармским управлением на политическую и гражданскую благонадежность; 3) обращение в Строительное отделение, 4) сбор необходимых документов (архитектурно-строительных проектов, спецификационных планов и чертежей), 5) первичное их освидетельствование в Тобольском губернском управлении, 6) в случае необходимости — последующую доработку и усовершенствование технических документов, 7) обязательные и неоднократные осмотры помещений специальными комиссиями, 8) получение извещения казначейства и уплаты гербового сбора, 9) запрос в полицейское управление о предоставлении права демонстрирования картин, 10) утверждение проекта и выдачу официального разрешения на эксплуатацию помещения с целью устройства публичных киносеансов. С одной стороны, в этой процедуре участвовали податель прошения (владелец или арендатор помещения) и архитектор (автор проекта перестроек или вновь строящегося здания), с другой — губернские и городские чины различных ведомств.

По установленным правилам, основными техническими документами, которые требовалось подать в двух экземплярах в губернское управление, были план постройки нового здания или переоборудования уже существующего помещения. Препятствиями для положительного и оперативного решения вопроса являлись отсутствие или неудовлетворительное качество и состав предоставленных проектов и чертежей.

Уездное полицейское управление в этом процессе было своеобразным связующим звеном между просителем и губернским правлением. Местные чины полицейского ведомства доводили до сведения заявителя решение последнего, городской полицмейстер давал информацию о поведении, наличии или отсутствии судимости гражданина, а жандармское управление проводило проверку политических пристрастий просителя, ходатайствующего о разрешении ему кинобизнеса.

На втором этапе развития сети кинотеатров в Тобольской губернии, как и в центральной России, для демонстрации киносеансов приспосабли-

вались частные дома городских обывателей, здания магазинов, театров, цирков и т. п. При намерении предпринимателя разместить в них всю нужную инфраструктуру на перестройку помещений было необходимо получить специальное разрешение. В начале 1911 года И. С. Шустер начинает хлопоты об открытии очередного тюменского кинозаведения в доме купчихи Павлы Петровны Воробейчиковой по адресу ул. Царская, 26, для чего обращается в Строительное отделение. Однако представленная им техническая документация не удовлетворила ведомство, которое обязало Тюменское уездное полицейское управление через пристава 1 части г. Тюмени известить ходатая, что чертеж не может быть утвержден в настоящем виде, требует дополнений и снятия копий [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 863, л. 2].

В связи с тем, что просители не всегда были способны самостоятельно составить технические документы, им предлагалось воспользоваться услугами специалистов Строительного отделения, которые могли изготовить чертеж, соответствующий всем условиям закона, оплата в каждом конкретном случае была различна [Там же, л. 2 об.].

Контроль кинематографических заведений осуществлялся сообразно требованиям по должному техническо-полицейскому надзору за устройством зданий, предназначенных для пользования публикой. Обязательной процедурой успешного начала работы был осмотр помещений техническими приемными комиссиями, в состав которых входили городские инженеры и архитекторы, технические работники Строительного отделения, городские чины местных муниципалитетов и представители полиции [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 799, л. 1]. Найденные недостатки детально указывались в актах, составлявшихся губернскими инспекторами. После выполнения владельцами всех предписанных исправлений назначались повторные осмотры, для освидетельствования архитекторы Строительного отделения выезжали в уездные города. Так, младшему архитектору Л. Ю. Андриевскому Тобольское губернское управление поручило «при проезде через Тюмень осмотреть произведенную И. С. Шустером перестройку здания кинематографа на предмет установления того выполнены ли им все распоряжения, предъявленные в акте губернского инспектора» [Там же, д. 863, л. 1 об.]. В результате итоговой инспекции помещения комиссией в составе инженера путей сообщения Ф. К. Кюнцеля, городского архитектора К. П. Чакина и члена городской управы Д. Т. Горбунова в присутствии пристава 1 части г. Тюмени Полочанского на основании копии с акта тобольского губернского инженера от 27 сентября 1911 года И. С. Шустеру было дано разрешение на открытие и эксплуатацию кинотеатра «Весь мир» [Там же].

При первоначальном оборудовании кинотеатров нужно было добиться согласия местных властей на проведение электричества и монтаж специализированных киноустановок. В апреле 1909 года прусский подданный Г. Ф. Швензов подал заявление об устройстве электрической станции и электрического освещения в арендуемом владении купца К. С. Земянского в Кургане по Гостинодворскому переулку. В Строительное отделение 28 мая 1909 года поступило извещение от начальника Омского почтово-телеграфного округа: «Проект на устройство электростанции прислан в двух экземплярах, а план установки 10-сильного нефтяного двигателя “Урсус” только в одном» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 724, лл. 10—18]. 11 июня предприниматель представил недостающий экземпляр [Там же].

Контролировалось также временное устройство уже действующих синематографов на новой площадке. 26 апреля 1910 года тобольский губернский инженер телеграммой сообщал Курганскому исправнику, что тот же Г. Ф. Швензов просит разрешить ему временно перенести находящийся в доме К. С. Земянского кинематограф с двигателем в Первое Общественное собрание, на открытую сцену летнего помещения. Инженер уточнял у исправника, не встречается ли по местным условиям препятствий к удовлетворению ходатайства. Со своей стороны он давал условное согласие с тем, чтобы электрическая установка и машинное отделение до открытия действия кинематографа были освидетельствованы комиссией под председательством Курганского исправника и с участием техника Н. А. Юшкова. Однако это разрешение не снимало с просителя обязанности предоставить на рассмотрение и утверждение губернского управления в месячный со дня объявления срок требуемые по закону технические документы [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 724, л. 53 об.].

После вынесения окончательного решения по работе синематографических заведений городскими и губернскими властями во все последующее время функционирования кинотеатров курировались покупка и установка владельцами новых аппаратов, равно как и перемещение местонахождения электрических станций. В этих случаях хозяевами и арендаторами театров вновь предоставлялись дополнительные проекты в Строительное отделение. Мещанка г. Кургана Евдокия Яковлевна Малышева 2 мая 1910 года просила утвердить предполагаемую замену мотора марки «Bardini» нефтяным двигателем «Перкун» в 10 сил и замену динамо-двигателя завода «Бруни» в 30 ампер динамо-машиной в 56 ампер лейпцигского завода «Сириус», а также перенос места станции для электрического освещения в доме своего мужа Ивана Михеевича Малышева, где располагался синематеатр «Эхо» [Там же, д. 718, лл. 6—18]. Губернское управление поручило Курганскому

уездному исправнику наблюдение за тем, чтобы электрическая установка не была пущена в действие впредь до освидетельствования ее особой комиссией с последующей выдачей последнему надлежащего заключения о безопасности устройства. Заведующий Омско-телеграфным округом уведомлял Тобольского губернатора, что владелице при замене старых машин новыми необходимо установить их такой мощности, чтобы вентилировать помещения синемаатеатра электрическим способом [Там же].

Дальнейший контроль осуществлялся посредством периодических осмотров в связи с возникающими несовершенствами в работе того или иного кинотеатра, а также неудобствами, причиняемыми жителям окружающих домов вследствие функционирования заведений. В сентябре 1910 года Г. Ф. Швензов сообщал приставу 2 части г. Кургана, что требование об уничтожении шума, производимого двигателем его кинотеатра, необоснованно, так как все оборудование было осмотрено комиссией, которая не нашла никаких неудобств, и трансляция картин была разрешена губернским управлением [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 724, л. 92].

Со временем особое значение приобрели проблемы противопожарной безопасности в отношении работы новых точек общественного досуга. В начале 1911 года в электрических театрах разных городов России во время кинематографических сеансов произошел ряд несчастных случаев. Самой масштабной стала трагедия февраля 1911 года в кинематографе собрания вольно-пожарного общества станции Бологое на линии Николаевской железной дороги, унесшая жизни 101 человека. Из-за возгорания целлулоидной ленты и взрыва горючей жидкости огонь охватил все деревянное помещение, а выход людей из единственной двери здания по узкому и извилистому коридору оказался почти невозможен [Нива ..., 1911, с. 219].

Жители городов Тобольской губернии также были обеспокоены состоянием местных синемаграфов. В апреле 1911 года в помещении кинематографа «Заря» г. Тары возник пожар, в результате которого сгорели крыльцо и крыша [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 857, л. 93; Носкова, 2016, с. 142]. Несмотря на то, что человеческих жертв не было, этот инцидент стал причиной жалобы одного из обывателей Тарскому городскому голове о несоблюдении мер противопожарной безопасности владельцами кинематографа «Эврика», который находился в непосредственной близи от дома заявителя. П. Копейкин поставил городские власти в известность о том, что «двигатель в означенном синема хранится в обычном деревянном амбаре всего в 2 аршинах от зала для публики, в амбаре также содержится большое количество нефти и бензина» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 870, л. 19].

Напряженная ситуация, создававшаяся в обществе, была разрешена принятием в мае 1911 года «Нормальных правил по устройству и содержанию театров-кинематографов и по хранению целлулоидной для них ленты», выработанных специальной комиссией, образованной при техническом строительном комитете МВД России. По новым правилам, театры синема-тографа могли устраиваться в каменных (не выше второго этажа) и в деревянных зданиях (только в первом этаже); кинематографы, расположенные в специальном здании, должны быть окружены со всех сторон свободным местом шириною не менее 5 саж.; для устроенных в балагане устанавливалось требование 10 саж.; театры должны были иметь не менее двух выходов наружу или две несгораемые лестницы; двери и окна дозволялось завешивать только шторами для затемнения зрительного зала; ряды стульев или места в зале предписывалось надежно прикреплять к полу и соединять широкими проходами, ведущими к выходам, и т. д. [Нормальные ..., 1911, с. 1—3]. Циркуляр МВД от 12/13 мая 1911 года был разослан по губерниям страны, весь последующий процесс организации электротеатров и надзор за уже существующими кинематографическими заведениями Тобольской губернии проводился со строгой ориентацией на этот документ.

Проверка помещений на соответствие противопожарным нормам (с целью обеспечения безопасности киносеансов, минимизации риска возгорания и правильной организации эвакуационных действий) стала главным основанием приемки зданий. Особое внимание уделялось наличию и должному состоянию главных и аварийных выходов, лестничных пролетов, инфраструктуре зрительных залов, проекционных будок в сибирских городских синемаатографах. Анализ архивных материалов показал, что технические характеристики кинотеатров Тобольской губернии в целом соответствовали официальным требованиям нормативных документов. Так, тюменский синемаатограф И. С. Шустера «Весь мир», находящийся в верхнем этаже двухэтажного кирпичного особняка П. П. Воробейчиковой, имел три выхода в коридор и два внешних выхода (основной — на Царскую улицу и второй запасной), необходимое количество лестниц для эвакуации зрителей, бетонный пол в аппаратной будке и т. п. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 863, л. 17].

5 января 1913 года осматривалось каменное здание бывшего кинотеатра «Эхо», где курганский мещанин И. М. Малышев после ремонта разместил электротeatр «Лира», который открылся 1 января 1913 года. По протоколу осмотра, предоставленному Курганским уездным исправником в Строительное отделение, известно, что помещение имело три выхода на улицу, два постоянных и один запасной, будка для киномеханика с ме-

таллическим полом помещалась между двумя каменными стенами с деревянными перегородками, внутри обшитыми по войлоку железом [Там же, д. 909, лл. 2—3].

Осенью 1914 года тобольский мещанин Владимир Александрович Гирман предоставил чертеж устроенного им в Тюмени, в нижнем этаже каменного дома П. А. и А. Ф. Брюхановых, на углу улиц Царской и Подаруевской, электротeatра «Палас». 30 октября вследствие предписания тюменского исправника комиссией с участием пристава 1 части г. Тюмени Сирина и архитектора К. П. Чакина производился осмотр заведения. Комиссия признала, что устройство бетонной будки, в которой установлен киноаппарат, опасности в пожарном отношении не представляет; помещение, имеющее главный выход на улицу Подаруевскую и 5 запасных выходов, было «найденo чистым, светлым и сухим», пригодным для проведения публичных киносеансов [Там же, д. 1064, лл. 7—32].

4. Социально-профессиональная принадлежность и деятельность владельцев электротeatров

На основе сведений, извлеченных из материалов Строительного отделения губернского управления, стало возможным выявить состав владельцев городских электротeatров, рассмотреть их социально-культурный облик и профессиональную принадлежность, проанализировать их деятельность, определить особенно активных предпринимателей, работавших в Тобольской губернии. Большинство кинопредпринимателей региона в начале XX века составляли мещане и купцы. В основном участниками развития кинематографической сети досуговых публичных заведений Тобольской губернии становились жители сибирских городов, но были среди них и иногородние бизнесмены: омский предприниматель П. П. Фабри, бийский мещанин М. Д. Селиванов, екатеринбургский мещанин И. П. Коган, варшавский мещанин Ф. Ю. Мачусский, а также выходцы из других стран, как, например, прусский подданный Г. Ф. Швенцов. К дворянскому сословию принадлежал И. Н. Бутлеров, совместно с владивостокским мещанином П. И. Печокасом основавший кинотеатр «Модерн» в Тобольске.

Характерно, что крестьяне также активно пробовали свои силы на поприще синаематографического бизнеса. В 1911—1913 годах в губернское правление были поданы прошения на открытие синаематеатров в Ишиме от Е. Бронникова, в Таре от крестьянина Корсинской волости А. И. Кучеревского, а также о строительстве глинобитного здания для кинематографа в Ялуторовске от крестьянина Юргинской волости Ялуторовского уезда К. Фисенко. 4 апреля 1913 года Строительным отделением был одо-

брен проект кинематографа крестьянина Туринской городской волости И. Ф. Рогожина [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 992, л. 17].

Среди хозяев кинотеатров в начале XX века встречались и женщины. С. М. Сыромятникова и В. П. Густылева были совладелицами кинотеатра «Искер» в Тобольске. 24 ноября 1916 года тюменский синематеатр «Палас» был продан Анастасии Дмитриевне Ерофеевой его бывшим владельцем В. А. Гирманом. Совместно с мужем устройством кинотеатра «Лира» занималась курганская мещанка Е. Я. Малышева. В Таре хозяйкой электротееатров «Эврика» и «Люкс» была жена нотариуса А. Н. Корикова-Михайлова.

Кроме частных лиц, инициаторами открытия синематографов являлись общественные городские организации, желающие быть причастными к новому виду городского досуга. 29 ноября 1911 года в адрес начальника Тобольской губернии поступило прошение об открытии кинематографа в здании Народного дома от председателя Ялуторовского уездного комитета попечительства о народной трезвости. 17 декабря 1911 года телеграммой Ялуторовскому исправнику было сообщено, что сеансы кинематографа в этом помещении разрешаются [Там же, д. 878, лл. 1—6]. Кинозал, в котором с 1901 года устраивались спорадические и регулярные сеансы, работал при Народной аудитории города Тобольска.

В кругу хозяев и устроителей синематографических заведений были знаковые фигуры, оказавшие влияние на развитие кинематографической индустрии в Тобольской губернии. Ключевой персоной становления синематографа как современного вида досуга горожан Тобольска стал учитель Тобольской мужской гимназии Н. К. Дингильштедт, который был не только автором идеи открытия первого кинозала в столице губернии, но и создателем концепции работы электротееатров «Люкс» и «Био». Он относился к прогрессивной части интеллигенции города и преследовал цель придать предприятию культурно-просветительский характер, активно содействуя хозяину заведения в устройстве помещения, открытии театра, выборе картин, содержание которых отвечало бы запросам этики и просвещения. Издатели газеты «Сибирский листок» отмечали, что наиболее «обдуманно подбирались картины именно в период деятельности г. Дингильштедта, который в 1915 г. был переведен на службу в Красноярск» [Сибирский ..., 1915, с. 1].

Начальный этап кинематографического бизнеса в регионе связан с именем фотографа И. С. Шустера, устроившего показ одного из первых сеансов синематографа в Тобольске. Несмотря на то, что попытка познакомиться население с техническим новшеством в марте 1897 года не принесла особого успеха ее инициатору, это было первое представление синема, произведенное местным демонстратором в Тобольской губернии. В после-

дующий период своей деятельности И. С. Шустер проявил себя не только как успешный предприниматель, но и как кинооператор и первый документалист, снявший на киноленту события пребывания в Тобольской губернии и проводы из Тюмени Г. Е. Распутина весной 1914 года. Об этом факте местной кинематографии сообщал центральный специализированный журнал «Сине-фоно» [Сине-фоно ..., 1914, с. 29].

Немаловажной линией развития кинобизнеса в Тобольской губернии являлось стремление предпринимателей организовывать демонстрацию картин не только в стационарных заведениях, но и на городских открытых площадках. Франц Юзефович Мачуский, в 1911 году желавший основать «Фотоскоп-Синематограф» на Царской улице Тюмени в доме Шмырева, также неоднократно обращался в Строительное отделение Тобольского губернского правления с просьбами оборудовать помещения для электротеатра за р. Тура в доме Ф. С. Колмагорова (в 1911 году), в Тюменском загородном саду в летний сезон (в 1914 году), в цирке, принадлежащем Анне Васильевне Коромысловой, на ярморочной площади в 3 части Тюмени (в 1915 году) [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и353, оп. 1, д. 865, лл. 1—21]. 20 июня 1916 года губернским инженером Строительного отделения компаньонам В. А. Гирману и С. К. Волкановскому было разрешено с целью показа кинематографических картин на открытом воздухе обустроить в одной из боковых аллей Гилевского сада помещение для хранения кинематографического аппарата и лент, несгораемую будку и экран [Там же, д. 1064, л. 28]. Временные электробиографы в Тюмени функционировали также в павильонах на городском ипподроме и базарной площади, в Тобольске местом сезонных демонстраций был сад Ермака.

Еще одной формой организации досуга горожан стало устройство кинотрансляций, приуроченных к определенным событиям: традиционным ярмаркам, рождественским, пасхальным, государственным праздникам и т. п. Такие мероприятия предполагали большое стечение народа, поэтому предприниматели старались использовать эту возможность для получения внушительной финансовой выручки. С 1911 года даже временные балаганного типа театры подвергались тщательным проверкам, а владельцы обязывались к надлежащему их содержанию в соответствии с «Нормальными правилами по устройству театров-кинематографов». И. П. Когану, собиравшемуся построить в Туринске электротheater с установкой динамо и нефтяного двигателя на время предстоящей 6 июля 1912 года восьмидневной ярмарки, было предписано представить проект постройки с чертежом распределительной доски, указанием мест установки лампочек и пояснительной запиской [Там же, д. 921, л. 1].

В рассматриваемый период развития кинематографа в Тобольской губернии отмечаются попытки организации кинотеатров не только в городах. 16 ноября 1913 года курганский мещанин Михаил Авксентьевич Крыжановский просит о разрешении ему открыть электротheater в собственном доме в вокзальном поселке между станцией и городом Курганом [Там же, д. 980, л. 1].

5. Выводы

В начале XX века в южной части Тобольской губернии наблюдался динамичный процесс основания синематографических театров, так как эта территория входила в сферу влияния Транссибирской железнодорожной магистрали. В изучаемый период здесь действовало более тридцати стационарных кинотеатров в восьми городах губернии.

Региональное развитие синематографа характеризуется наличием основных этапов, свойственных генезису этого социокультурного феномена. Начальный период существования синематографа в губернии был связан с деятельностью гастролирующих кинодемонстраторов из европейской части страны. Второй этап отличался устройством кинозалов в приспособленных для сеансов помещениях (частных домах горожан, театрах, цирках, образовательных учреждениях, общественных собраниях). На третьем этапе возникла устойчивая тенденция работы синематеатров в зданиях, специально строившихся для нужд кинематографической индустрии. В дореволюционный период особенность развития кинобизнеса в периферийной Тобольской губернии состояла в функционировании меньшего процента кинозаведений в зданиях, намеренно возведенных для демонстрации фильмов, по сравнению с их организацией в специальных зданиях в центральных районах России и столичных городах.

Непосредственный процесс открытия в регионе стационарных синематографов находился в ведении Строительного отделения Тобольского губернского управления. Несмотря на тщательную систему приемки кинотеатров, фактически чиновники отделения шли навстречу владельцам при условии выполнения ими всех требований губернских инженеров и разрешали временную демонстрацию картин до официального утверждения проектов помещений. Окончательное разрешение на работу этих публичных заведений на основании определенных прескриптивных актов реализовывала губернская власть.

Оформление кинематографического бизнеса в административно-институциональном аспекте включало подачу прошения на имя губернатора, рассмотрение документов в губернском управлении, осмотр и приемку помещений членами технических комиссий (губернским архитектором и

инженером, представителем муниципалитета, исправником городского полицейского управления), утверждение проекта и выдачу разрешения на эксплуатацию помещения с целью устройства публичных киносеансов.

В столичном и большинстве уездных городов Тобольской губернии к 1916 году появились свои «бульвары Капуцинов». Синематеатры располагались на центральных соседних улицах или во внутренних дворах усадеб домовладельцев, существовали кинозалы и в отдаленных городских районах. Часто на одной улице работало несколько точек по демонстрации коммерческих киносеансов, что приводило к образованию своеобразных кинокварталов в социокультурном пространстве городов.

Участниками развития кинематографической сети в Тобольской губернии в начале XX века являлись общественные городские организации, иногородние бизнесмены и иностранцы, жители сибирских городов, среди которых большинство составляли мещане, купцы и дворяне, активно включались в этот бизнес крестьяне, содержательницами синематеатров также были женщины. Для людей, пришедших в кинематографическую область, эта деятельность являлась вторичным видом занятости; по социально-профессиональной принадлежности владельцы электробиографов были отставными чиновниками, провинциальными учителями, предпринимателями, фотографами. Значительный приток экономически активных граждан во вновь сформированную сферу предпринимательства объяснялся чрезвычайной популярностью этого вида развлечений в широких слоях местного общества, а значит, быстрым получением доходов и возможностью благополучно окупить затраченные на устройство заведений финансовые средства.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. Ф. И-353 (Строительное отделение Тобольского губернского управления). Оп. 1. Д. 718. Лл. 1—31 ; Д. 724. Лл. 1—90 ; Д. 775. Лл. 1—43 ; Д. 781. Лл. 1—51 ; Д. 799. Лл. 1—19 ; Д. 863. Лл. 1—20 ; Д. 865. Лл. 1—24 ; Д. 870. Лл. 1—21 ; Д. 878. Лл. 1—22 ; Д. 909. Лл. 1—58 ; Д. 921. Лл. 1—5 ; Д. 932. Лл. 1—8 ; Д. 980. Лл. 1—9 ; Д. 985. Лл. 1—30 ; Д. 992. Лл. 1—17 ; Д. 1014. Лл. 1—25 ; Д. 1064. Лл. 1—32.

2. *Калугин Т. Ф.* Справочник и Адрес-календарь по городу и уезду / Т. Ф. Калугин. — Тюмень : Типография А. А. Благинина, 1913. — 226 с.

3. *Нормальные правила по устройству и содержанию театров-кинематографов*, выработанные Специальной комиссией, образованной при технико-строительном комитете Министерства внутренних дел. — Рига : [б. и.], 1911. — 7 с.

4. *Пожар кинематографа на станции Бологое* // *Нива* : иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. — 1911. — № 11. — С. 219.

5. *Городская хроника* // *Сибирский листок* : газета. — 1909. — № 102. — С. 2.

6. *Городская хроника* // Сибирский листок : газета. — 1915. — № 95. — С. 1.
7. *Сине-фоно* : журнал синемаатографии, говорящих машин и фотографии. — 1914. — № 19. — С. 29.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е. П.* Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897—1917 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 24.00.01 / Е. П. Алексеева. — Казань, 2004. — 27 с.
2. *Балякова Н. Н.* Кинематограф в дореволюционном Иркутске (1897—1917) / Н. Н. Балякова // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2008. — № 49. — С. 6—9.
3. *Боярский Л. В.* Пионеры тюменской фотографии : становление фотографического дела в г. Тюмени в XIX — начале XX вв. / Л. В. Боярский. — Тюмень : Тюменский дом фотографии, 2016. — 192 с. — ISBN 978-5-9905-675-6.
4. *Васильева А. М.* Забытый Курган [Электронный ресурс] / А. М. Васильева. — Режим доступа : <http://al-dedov.narod.ru/vasiljeva.htm>. (дата обращения 13.09.2020).
5. *Ватолин В. А.* Синема в Сибири : очерки истории раннего сибирского кино (1896—1917 гг.) [Электронный ресурс] / В. А. Ватолин. — Режим доступа : <http://kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/211> (дата обращения 09.09.2020).
6. *Гинзбург С. С.* Кинематография дореволюционной России / С. С. Гинзбург. — Москва : Аграф, 2007. — 488 с. — ISBN 978-5-7784-0247-8.
7. *Зоркая Н. М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900—1910 годов / Н. М. Зоркая. — Москва : Наука, 1976. — 297 с.
8. *Коньков Н. Л.* У истоков сибирского документального кино : Иосиф Савельевич Шустер / Н. Л. Коньков // Большое городище. — 2014. — № 1 (34). — С. 7—13.
9. *Копылов В. Е.* Былое светописи. У истоков фотографии в Тобольской губернии / В. Е. Копылов. — Тюмень : Слово, 2004. — 863 с.
10. *Ктиторов С. Н.* Зрелищно-развлекательная структура в Черноморской губернии как отражение социокультурных запросов регионального сообщества (конец XIX — начало XX в.) / С. Н. Ктиторов, О. В. Ктиорова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10. — № 6—1. — С. 150—157. — DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-150-157.
11. *Левицкий А. А.* Рассказы о кинематографе / А. А. Левицкий. — Москва : Искусство, 1964. — 248 с.
12. *Мальшева Е. Л.* Из истории первых кинотеатров в Тобольске / Е. Л. Мальшева // Тобольск научный — 2016 : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Тобольск, 10—11 ноября 2016 г. — Тобольск : Принт-Экспресс, 2016. — С. 235—238. — ISBN 978-5-9908362-0-4.
13. *Носкова В. Н.* Из истории кинотеатров города Тары / В. Н. Носкова // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. (г. Тара, 11—12 марта, 2016 г.). — Тара : Амфора, 2016. — С. 142—146. — ISBN 978-5-906706-54-6.
14. *Рокка А. Ю.* Первые синемаатографы Санкт-Петербурга (конец XIX — начало XX в.) / А. Ю. Рокка, В. В. Карпова // Столица и провинции : Взаимоотношения центра и регионов в истории России : сборник статей. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. — С. 106—111. — ISBN 978-5-8290-1343-1.

15. *Сиротин О. В.* В начале киновека. Кино в Пензенском крае (1896—1932 гг.) / О. В. Сиротин. — Пенза : Типография, 2009. — № 1. — 328 с. — ISBN 978-5-904475-03-1.
16. *Устюгова В. В.* «Бель-Эпок» по-провинциальному : модернизационные процессы в российском городе рубежа XIX—XX вв. / В. В. Устюгова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 422. — С. 172—180. — DOI: 10.17223/15617793/422/25.
17. *Устюгова В. В.* «Новый Парадиз» : институциональные аспекты деятельности кинематографических театров российской провинции начала XX в. / В. В. Устюгова // Новейшая история России / Modern history of Russia. — 2016. — № 2. — С. 217—235.
18. *Форестье Л. П.* Великий немой. Воспоминания кинооператора / Л. П. Форестье. — Москва : Госкиноиздат, 1945. — 111 с.
19. *Ханжонков А. А.* Первые годы русской кинематографии : воспоминания / А. А. Ханжонков. — Москва ; Ленинград : Искусство, 1937. — 176 с.
20. *Цивьян Ю. Г.* Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896—1930 гг. / Ю. Г. Цивьян. — Рига : Зинатне, 1991. — 492 с.
21. *Beumers B.* A History of Russian Cinema / B. Beumers. — Oxford-NewYork : Berg, 2009. — 328 p. — ISBN 1845202155.
22. *Rollberg P.* Historical Dictionary of Russian and Soviet Cinema / P. Rollberg. — Lanham, Md : Scarecrow Press, 2009. — 793 p. — ISBN 0810862689.

PROCESS OF DISTRIBUTION AND CONDITIONS FOR THE OPENING OF STATIONARY CINEMAS IN THE CITIES OF THE TOBOLSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

© **Ekaterina A. Yunina (2021)**, orcid.org/0000-0002-5658-3482, Junior Researcher, Department of Humanities Research, Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), katy-yunick@yandex.ru.

On the basis of archival materials introduced into scientific circulation, analysis of regional periodicals, reference books, normative acts and published data, the history of the emergence and spread of stationary cinematic theaters in the Tobolsk province is traced. The administrative and institutional aspect of their opening is considered. Particular attention is paid to preparatory work, technical and construction rules and conditions for the official acceptance of buildings, fire safety measures of pre-revolutionary cinematographs, toponymy and their localization in the socio-cultural space of cities. The article provides information on the social and professional affiliation of the owners of the electric theaters. It is concluded that the positive dynamics of the founding of cinematographs in the studied region, characterized by speed and continuity, refers to the period 1909—1916. The organization of a network of cinemas in the provincial cities of the West Siberian part of Russia was associated with the work of provincial institutions, municipal authorities, and police officers. The functioning of these public institutions was systematically monitored by the officials of these departments, who were guided by the technical normative legal acts adopted in the empire that regulate the conditions for keeping cinemas. The development of cinematography was an important indicator of the innovative trends taking place in the leisure segment of the everyday life of citizens.

Key words: cinematography; stationary cinemas; Construction department of the Tobolsk provincial administration; Fire safety; owners of electric theaters; leisure public institutions; sociocultural infrastructure.

MATERIAL RESOURCES

- GBUTO GA v g. Tobolske — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske»*. [State budgetary institution of the Tyumen region “State archive in Tobolsk”]. F. I-353. Stroitelnoye otdeleniye Tobolskogo gubernskogo upravleniya [F. I-353. Construction Department of the Tobolsk provincial administration]. (In Russ.).
- Gorodskaya khronika [City chronicle]. (1909). In: *Sibirskiy listok: gazeta* [Siberian leaf: newspaper], 102: 2. (In Russ.).
- Gorodskaya khronika [City chronicle] (1915). In: *Sibirskiy listok: gazeta* [Siberian leaf: newspaper], 95: 1. (In Russ.).
- Kalugin, T. F. (1913). *Spravochnik i Adres-kalendar' po gorodu i uyezdu* [Directory and Address-calendar for the city and County]. Tyumen': Tipografiya A. A. Blaginitina. 226 p. (In Russ.).
- Normalnyye pravila po ustroystvu i sodержaniyu teatrov-kinematografov, vyrabotannyye Spetsialnoy komissii, obrazovannoy pri tekhniko-stroitel'nom komitete Ministerstva vnutrennikh del* [Normal rules for the arrangement and maintenance of theaters and cinematographes, developed by a Special Commission formed under the technical and construction Committee of the Ministry of internal Affairs]. (1911). Riga: [b. i.]. 7 p. (In Russ.).
- Pozhar kinematografa na stantsii Bologoye [Fire of cinema at the Bologoe station]. (1911). *Niva: illyustrirovannyi zhurnal literatury, politiki i sovremennoy zhizni* [Niva: an illustrated magazine of literature, politics and modern life], 11: 219. (In Russ.).
- Sine-fono: zhurnal sinematografii, govoryashchikh mashin i fotografii* [Sino-fono: journal of cinematography, talking machines and photography], 19: 29. (1914). (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseyeva, E. P. (2004). *Razvitiye i stanovleniye kinematografa v Kazani i Kazanskoy gubernii (1897—1917 gg.)*: author's abstract of PhD Diss. [Development and formation of cinematography in Kazan and the Kazan province (1897—1917): author's abstract of PhD Diss.]. Kazan'. 27 p. (In Russ.).
- Balyakova, N. N. (2008). Kinematograf v dorevolutsionnom Irkutske (1897—1917) [Cinema in pre-revolutionary Irkutsk (1897—1917)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Novgorod state University named after Yaroslav the Wise], 49: 6—9. (In Russ.).
- Beumers, B. (2009). *A History of Russian Cinema*. Oxford-NewYork: Berg. 328 p. ISBN 1845202155.
- Boyarskiy, L. V. (2016). *Pionery tyumenskoy fotografii: stanovleniye fotograficheskogo dela v g. Tyumeni v XIX — nachale XX vv* [Pioneers of Tyumen photography: the formation of photographic business in Tyumen in the XIX-early XX centuries]. Tyumen': Tyumenskiy dom fotografii. 192 p. ISBN 978-5-9905-675-6. (In Russ.).

- Foreste, L. P. (1945). *Velikiy nemoy. Vospominaniya kinooperatora* [The Great mute. Memoirs of a cinematographer]. Moskva: Goskinoizdat. 111 p. (In Russ.).
- Ginzburg, S. S. (2007). *Kinematografiya dorevolyutsionnoy Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moskva: Agraf. 488 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7784-0247-8.
- Khanzhonkov, A. A. (1937). *Pervyye gody russkoy kinematografii: vospominaniya* [First years of Russian cinematography: memoirs]. Moskva; Leningrad: Iskusstvo. 176 p. (In Russ.).
- Konkov, N. L. (2014). U istokov sibirskogo dokumentalnogo kino: Iosif Savelevich Shuster [At the origins of Siberian documentary cinema: Iosif Savelevich Shuster]. *Bolshoye gorodishche* [Bolshoe Gorodishche], 1 (34): 7—13. (In Russ.).
- Kopylov, V. E. (2004). *Byloye svetopisi. U istokov fotografii v Tobolskoy gubernii* [Former light painting. At the origins of photography in Tobolsk province]. Tyumen': Slovo. 863 p. (In Russ.).
- Ktitorov, S. N., Ktitorova, O. V. (2018). Zrelishchno-razvlekatelnaya struktura v Chernomorskoj gubernii kak otrazheniye sotsiokulturnykh zaprosov regionalnogo soobshchestva (konets XIX — nachalo XX v.) [Entertainment structure in the black sea province as a reflection of the socio-cultural needs of the regional community (late XIX — early XX century)]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 10 (6—1): 150—157. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-150-157. (In Russ.).
- Levitskiy, A. A. (1964). *Rasskazy o kinematografe* [Stories about cinema]. Moskva: Iskusstvo. 248 p. (In Russ.).
- Malysheva, E. L. (2016). Iz istorii pervykh kinoteatrov v Tobolske [From the history of the first cinemas in Tobolsk]. In: *Tobolsk nauchnyy — 2016: materialy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (c mezhduнародnym uchastiyem), g. Tobolsk, 10—11 noyabrya 2016 g.* [Tobolsk scientific-2016: materials of the XIII all-Russian scientific and practical conference (with international participation), Tobolsk, November 10—11, 2016]. Tobolsk: Print-Ekspress. 235—238. ISBN: 978-5-9908362-0-4. (In Russ.).
- Noskova, V. N. (2016). Iz istorii kinoteatrov goroda Tary [From the history of cinemas in the city of Tara]. In: *Materialy VIII regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vaganovskiy chiteniya», posvyashchennoy 85-letiyu so dnya osnovaniya Tarskogo byuro krayevedeniya. (g. Tara, 11—12 marta, 2016 g.)* [Materials of the VIII regional scientific and practical conference “Vaganov readings”, dedicated to the 85th anniversary of the Tarsky Bureau of local lore. (Tara, March 11—12, 2016)]. Tara: Amfora. 142—146. ISBN 978-5-906706-54-6. (In Russ.).
- Rollberg, P. (2009). *Historical Dictionary of Russian and Soviet Cinema*. Lanham, Md: Scarecrow Press. 793 p. ISBN 0810862689.
- Rokka, A. Yu., Karpova, V. V. (2014). Pervyye sinematografy Sankt-Peterburga (konets XIX — nachalo XX v.) [The First cinematographies of St. Petersburg (late XIX — early XX century)]. In: *Stolitsa i provintsii: Vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: sbornik statey* [Capital and provinces: Relations between the center and regions in the history of Russia: collection of articles]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. 106—111. ISBN 978-5-8290-1343-1. (In Russ.).

- Sirotnin, O. V. (2009). *V nachale kinoveka. Kino v Penzenskom kraje (1896—1932 gg.)* [At the beginning of kinoveka. Cinema in the Penza region (1896—1932)], 1. Penza: Tipografiya. 328 p. ISBN 978-5-904475-03-1. (In Russ.).
- Tsivyan, Yu. G. (1991). *Istoricheskaya retsepsiya kino. Kinematograf v Rossii 1896—1930 gg.* [Historical reception of cinema. The cinema in Russia, 1896—1930 gg.]. Riga: Zinatne. 492 p. (In Russ.).
- Ustyugova, V. V. (2016). «Novyy Paradiz»: institutsionalnyye aspekty deyatel'nosti kinematograficheskikh teatrov rossiyskoy provintsii nachala XX v [“New Paradise”: institutional aspects of the activity of cinematographic theaters of the Russian province of the early twentieth century]. *Noveyshaya istoriya Rossii / Modern history of Russia* [Modern history of Russia / Modern history of Russia], 2: 217—235. DOI: 10.17223/15617793/422/25. (In Russ.).
- Ustyugova, V. V. (2017). «Bel-Epok» po-provintsialnomu: modernizatsionnye protsessy v rossiyskom gorode rubezha XIX—XX vv [“Bel-Epok” in a provincial way: modernization processes in the Russian city of the turn of the XIX-XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 422: 172—180. (In Russ.).
- Vasilyeva, A. M. *Zabytyy Kurgan* [Forgotten mound]. Available at: <http://al-dedov.narod.ru/vasiljeva.htm>. (accessed 13.09.2020). (In Russ.).
- Vatolin, V. A. *Sinema v Sibiri: Ocherki istorii rannego sibirskogo kino (1896—1917 gg.)* [Cinema in Siberia: Essays on the history of early Siberian cinema (1896—1917)]. Available at: <http://kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/211> (accessed 09.09.2020). (In Russ.).
- Zorkaya, N. M. (1976). *Na rubezhe stoletiy. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900—1910 godov* [At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia in 1900—1910]. Moskva: Nauka. 297 p. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
 Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
 Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
 Индексируется в Google Академия
 Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
 Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
 Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
 Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
 Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
 Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
 Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
 Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
 Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
 Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
 Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
 Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*)

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатов, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.
9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984**.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Zolotareva L. A., Okatova N. T.</i> Textual Manifestation of the Phraseological Scheme “N1-6 + so + N1-6” in Publicistic and Artistic Discourses	9
<i>Mikhaleva O L., Chekmez U E.</i> Organization of Oral Dialogical Discourse: Feedback and Ways of Its Explication	29
<i>Pozdnyakova E. M., Blinova O. A.</i> Covid-19 Pandemic in Political Cartoons of the American Press: An Experience of Multimodal Analysis.....	48
<i>Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V., Paloshi I. V.</i> Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect.....	63
<i>Semenova I. V.</i> Semantic and Syntactic Features of Constructions with the Meaning of Measure and Degree in Russian	80

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Alexandrova-Osokina O N.</i> Theme “Man and Nature” in the Poetry of Peter Komarov	96
<i>Dugarov B. S.</i> Motive of Pparthenogenesis: the Uranian Factor and Folklore Tradition	110
<i>Ilichenko N. M., Marinina Yu. A.</i> “Life as Suffering”: the Motive of Revenge in the Novel by E. T. A. Hoffmann “The Marquis de la Pivardière” and the Novel by J. Janin “The Dead Donkey and the Guillotined Woman”	121
<i>A. F. Koryakina</i> Similarities and Differences between the Yakut Olonkho and the Buryat Uliger: Plot Composition and Motives	135
<i>Osipova O. I.</i> Small Prose Constants by F. Sologub.....	152
<i>Podoksenov A. M., Telkova V. A.</i> Prishvin and Trotsky: a Man “like a pharmacist” in the novel “The World Cup”, journalism and the Writer’s Diary.....	164
<i>Sharypina T. A.</i> Typological Convergence and “Strange Contingence” in the Novels of V. Kaverin “Two Captains” and B. Schlink “Olga”	178

HISTORICAL SCIENCES

<i>Vasilyeva O. V., Kuzmina A. A., Fedorova A. R.</i> Imagination of the North in Context of Development of Natural Environment: Mammoth in Mythological Representations of Yakuts	194
<i>Gombozhapov A. D.</i> Social Organization of the Mongolian Nomad Community in XXI Century: Role of Family Ties	211
<i>Gorbatov A. V., Maltsev M. A.</i> Orthodox Communities and Partisan Movement in Kuzbass in 1919	224
<i>Darchieva S. V., Darchieva A. V.</i> Issues of Primary and Secondary Education in the Activities of the State Duma of the Russian Empire (1906—1917).....	241
<i>Zhirov A. A.</i> Policy of Repolonization and the Autochthonous Polish Population of the Western and Northern Lands of Poland in 1944—1950.....	256

<i>Zakharovsky L. V., Razinkov S. L.</i> Educational Institutions of the System of State Labor Reserves of the USSR in 1941—1954: Adaptation to Migration Impact (Materials from the Sverdlovsk Region).....	267
<i>Ivanov A. A.</i> Orthodox Clergy and Right-Wing Political Movements in Russia at the Beginning of XX Century: Church Press.....	286
<i>Larionova M. B.</i> Ural Officials in District Town of First Half of 1870s (Diary of a Servant of Ural Landowners Golubtsov)	306
<i>Magomedova Z. A., Ibragimova Z. B.</i> Dagestan Arabic-Language Epistolary Materials of the 19 th — Early 20 th Centuries.....	320
<i>Makarov A. V., Gusevskaya N. Yu., Petrov A. S.</i> Counteraction to High Treason in Russian Legislation of the Second Half of the 19 th — Early 20 th Centuries	337
<i>Mamedov R. Sh., Sapronova M. A.</i> Features of the Political Development of Iraq in 2003—2020: the Formation of a New Elite	357
<i>Popov I. D.</i> Conferences of Minister Presidents of the German States in 1948—1949 and Their Political Significance	371
<i>Semenova E. Yu.</i> Reading Opportunities in a Provincial Russian City during the First World War (Materials from the Volga Region).....	392
<i>Tychinskikh Z. A.</i> Tatar Population of Western Siberia in the Second Half of the XIX — First Third of the XX Centuries: Historical and Demographic Characteristics.....	411
<i>Shevchenko I. A., Chernykh E. V.</i> Guardianship for Popular Sobriety in Russia at the Beginning of 20 th Century: from Wine Monopoly to “Dry Law”	426
<i>Yunina E. A.</i> Process of Distribution and Conditions for the Opening of Stationary Cinemas in the Cities of the Tobolsk Province at the Beginning of the 20 th Century.....	451
TO AUTHORS.....	472

ПОДПИСКА

на журнал
«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

2021. № 1

NAUCHNYI DIALOG

(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 1

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 28.01.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 27,99. Тираж 500 экз. Заказ 28/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур»».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020
Свободная цена